

**РОЖДЕННЫЕ
В ЗАВОЕВАНИЯХ**

СЕЛИЯ С.
ФРИДМАН

**РОЖДЕННЫЕ
В ЗАВОЕВАНИЯХ**

ЗОЛОТАЯ БИБЛИОТЕКА ФАНТАСТИКИ

СЕЛИЯ С.
ФРИДМАН

**ЗОЛОТАЯ
БИБЛИОТЕКА
ФАНТАСТИКИ**

CELIA S.
FRIEDMAN

IN CONQUEST
BORN

СЕЛИЯ С.
ФРИДМАН

РОЖДЕННЫЕ
В ЗАВОЕВАНИЯХ

УДК 821.111(73)-312.9
ББК 84 (7Сое)-44
Ф88

Серия «Золотая библиотека фантастики»
основана в 1999 году

Celia S. Fridman
IN CONQUEST BORN

Перевод с английского М. Жуковой

Серийное оформление А. Кудрявцева

*В оформлении обложки использована работа,
предоставленная агентством Fort Ross Inc.*

Печатается с разрешения издательства Daw Books Inc.
и литературного агентства Александра Корженевского.

Подписано в печать 19.01.05. Формат 84×108¹/₃₂.
Усл. печ. л. 31,08. Тираж 7000 экз. Заказ № 149.

Фридман, С.С.

Ф88 Рожденные в завоеваниях : [фантаст. роман] / Селия С. Фридман;
пер. с англ. М. Жуковой. — М.: АСТ: ЛЮКС, 2005. — 589, [3] с. —
(Золотая библиотека фантастики).

ISBN 5-17-028501-9 (ООО «Издательство АСТ»)
ISBN 5-9660-1143-5 (ОАО «ЛЮКС»)

Отдаленное будущее.

Галактика, расколотая противостоянием двух могущественных межпланетных
держав, равным по силам — и бесконечно разных во всем остальном.

Республика Бракси ЖИВЕТ ВОЙНОЙ — и войну почитает единственно
достойным решением любого конфликта.

Научно-олигархическая империя Азеа, искушенная в дипломатических
интригах, предпочитает бить в спину — и всеми силами уходит от открытого
конфликта...

Война кажется НЕИЗБЕЖНОЙ... но КТО остановит ее?!

«Рожденные в завоеваниях» — одна из масштабнейших «звездных саг»
НАШЕГО ВРЕМЕНИ.

УДК 821.111(73)-312.9
ББК 84 (7Сое)-44

© Celia S. Fridman, 2001
© Перевод. М. Жукова, 2005
© ООО «Издательство АСТ», 2005

РОЖДЕННЫЕ
В ЗАВОЕВАНИЯХ

*Посвящается моим родителям и брату,
гордость которых делает все это стоящим,
а также моей новой сестре Ким, достаточно
сумасшедшей, чтобы любить нас всех.*

ДАВНЫМ-ДАВНО...

Редактор и Автор отправились в модный французский ресторан для обсуждения рукописи Автора. Это была их первая встреча, и обе чувствовали себя несколько неуютно.

«Что она за человек? — думала Редактор. — С какого боку к ней подойти? Как она воспримет предложение внести в рукопись некоторые, на мой взгляд, необходимые, изменения? Убежит на болота или будет угрожать мне дробовиком каждый раз, как я заведу разговор о том, что с сюжетом нужно еще немного поработать? Она способна написать еще одну книгу или на этом все закончится? Как задавать такие вопросы, чтобы не нанести удар по самолюбию Автора и не испортить с ним отношений?»

«Что она за человек? — думала Автор. — Как мне с ней разговаривать? Прямо сказать ей, что для меня не проблема переписать часть рукописи, или профессионалы такие вещи открытым текстом не выдают? Она доверит мне самой переписывать текст или придется отдать его кому-то на переработку? Действует ли здесь какая-то особая профессиональная этика, или мы просто можем признать, что я в этом деле не разбираюсь, и сконцентрироваться на самой работе?»

Одно мгновение показалось вечностью. Где-то вдали, если отправиться вспять по коридору времени, Редактор слышала песни своих предков, степных воинов, которые делили трапезу с мужчинами и женщинами без различия культур и всегда были настороже. В ней шевельнулось знание о первобытных традициях, которые обращались к человеческой

душе, вызывая не к разуму, но к инстинктам. О традициях, которые помогают незнакомцам понять друг друга и стать ближе путем сосредоточения на простых вещах, необходимых в жизни, а не на многочисленных условностях.

Редактор посмотрела на Автора, чувствуя горячее дуновение пустыни в волосах, и сказала:

— Надеюсь, вы не будете возражать, если я хорошенько набью себе желудок? Сегодня утром я не успела даже перекусить.

Она видела, как ее слова воспринимаются, как над ними раздумывают. Редактор знала, что этой женщине также дует в лицо жаркий ветер пустыни. Она поймет?

Автор встретила взглядом с Редактором.

— Надеюсь, вы не будете возражать, если я хорошенько набью себе желудок? — сказала Автор. — Маковой росинки во рту не держала со вчерашнего вечера.

И таким образом установилось партнерство.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Я никогда не собиралась печататься.

Честно.

Работа, которую вы держите в руках, началась как проект, предназначенный непосредственно для меня, в лучшем случае — для нескольких самых близких друзей. Это результат очень скучной учебы — во время учебы мне требовалось писать, чтобы сохранить рассудок. Потом была напряженная работа, и мне требовалось писать, когда я возвращалась домой, чтобы расслабиться. Были еще и другие дни... такие... ну... подойдет любое оправдание. Видите ли, мне просто требовалось писать. Это не сознательный выбор, как у некоторых, а состояние. Голод, такой примитивный и грубый, такой настойчивый, как потребность организма в еде или сексе. Слова выстраиваются внутри тебя и им нужен выход. И также они должны приобрести нужную форму. Не имеет значения, что тебе завтра представлять диссертацию на соискание степени магистра; если очередной кусок научно-фантастического романа кричит в твоём сознании и требует выхода, то он должен идти первым. Не выпустишь его на

волю — и канал окажется заблокированным и вдохновение больше не позовет тебя.

(И я таки на самом деле написала одну главу этой книги в ночь перед сдачей диссертации на соискание степени магистра).

Откуда все это появляется, откуда это кошмарное вдохновение? Возможно, от отца, который показал мне, что написание текстов — это чудесный опыт. Отец учил меня, что нет большего удовольствия, чем создание идеального предложения. Он писал технические тексты и поэтому работал с самыми обычными, а не фантастическими мирами, которые вскоре начнет исследовать его дочь. Он не считал себя истинным мастером, называя себя просто ремесленником. Но какой он был ремесленник! Я вспоминаю вечера, когда отец выходил из кабинета и зачитывал нам какое-то предложение — или просто выражение, которое придумал. Ритм и значение в нем были так великолепно настроены, что звучали для отца как музыка... И когда он читал придуманное нам, казалось, что и для нас это становилось музыкой.

Спасибо, папа, за то, что ты делился с нами этой радостью!

Итак, я начала писать. Я создавала миры, и они росли вместе со мной, истории, которые я придумывала в этих мирах, также развивались. Пару раз я показывала их друзьям. Друзьям нравилось, и они уговаривали меня издать написанное. Но я была еще не готова. Я писала недостаточно хорошо пока, во всяком случае, сама так считала. Может, я недостаточно сильно желала тогда писать не просто для себя, а на продажу?

Но вот, однажды вечером, это произошло. Я вернулась домой после четырнадцати часов напряженной работы и не могла уснуть. Тогда я села за пишущую машинку, чтобы выпустить немного творческого пара, и слова сами полились на бумагу. Я писала долго, очень долго, не обращая внимания на часы. Я давно забыла об усталости и работала до рассвета, когда пишется лучше всего и муза особенно требовательна к своим избранникам.

Тридцать страниц.

Когда я закончила, то просто откинулась на спинку стула и устала на заполненные буквами страницы. Я все еще слышала музыку родного языка в сознании и чувствовала созданные мной образы. Даже в первом, черновом варианте, глава пела мне. И в то миг я поняла, что пересекла какую-

то безымянную черту. Написанное мной готово к изданию. Если я хочу опубликовать его, то время пришло.

(Для любопытных — это глава одиннадцатая книги, которую вы сейчас держите в руках).

Одного желания было достаточно? Может, и нет. К счастью, у меня есть друг, который уже много лет наблюдал за моими творческими потугами и каждый раз, когда я задумывалась о публикации, подзадоривал меня. Я позвонила ему и рассказала о том, что поняла этой ночью, а он ответил, что я чертова дура, поскольку не додумалась до этого раньше, и что он знает кого-то в издательстве «DAW Books». И если я смогу передать ему книгу к концу лета, то он лично проследит, чтобы она была удостоена внимания, которого заслуживает. Его зовут Рик Умбрау, и без его поддержки, дружбы и вовсе не мягкого давления эта книга могла бы и не осуществиться.

Одно лето. Теперь это кажется так легко, в мире компьютеров и высоких технологий! А тогда я была обескуражена, учитывая размеры рукописи. Я едва набрала денег на компьютер фирмы «Рэйдio Шэк» и подсоединявшийся к нему кассетник. Тогда все работало по-другому: следовало ждать гудков на пленке, пока не доберешься до паузы, а затем запускать, чтобы посмотреть, в какой части текста ты находишься. Боже, страшно вспомнить, что произойдет, если забудешь, в каком месте на пленке что находится! Неужели это было лишь восемнадцать лет назад? Теперь мой компьютер выдает мне подсказки, если считает, что мне нужна помощь, и еще приходится убеждать его оставить в покое написание придуманных мною терминов!

В то лето я напряженно работала. Напряженно как никогда в своей жизни. Я собрала все написанное мной за десятилетие или даже больше, и обрабатывала, собирала воедино, ужимала. Времени не было обращать внимание на отсутствие вдохновения или искать каких-то других оправданий. Наконец я все подготовила, упаковала рукопись для Рика и добавила страницу поверх первой, лично для него, написав на ней черным маркером, зажав его в трясущейся от усталости руке: *«Я больше никогда не буду этого делать!»*

Именно это я и имела в виду.

Только несколько лет спустя я выяснила, что он оставил эту страницу поверх рукописи, когда отдавал ее в «DAW» —

и первыми моими словами, которые увидел Дональд Уоллхэйм, стала нацарапанная клятва, гласившая, что я никогда больше не напишу никакого романа.

Он сразу понял, что это чушь. Как и его дочь, Бетси Уоллхэйм, которая любит слово точно так же, как я, и которая научила меня тому, что редакторский вклад и поддержка иногда могут оказаться самым сильным тонизирующим средством для вдохновения. Ее первый ребенок родился одновременно с выходом этой книги, и я всегда чувствовала, что мы произвели на свет наших первенцев одновременно. (Поздравляйся с читателями, Зоя!)

И мой ребенок — это книга, которую вы держите сейчас в руках. Я с удовольствием добавила в это издание несколько вещей, которые хотела включить с самого начала, но которые были утеряны из-за издательских графиков и усталости автора. Надеюсь, музыка текста будет слышна вам также отчетливо и мощно, как и мне тогда.

*Селия С. Фридман,
Стерлинг, Вирджиния,
апрель 2001 года*

Для облегчения понимания текста все браксанские слова были переведены в основной речевой режим, независимо от контекста.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

1

Совершенный в своей надменности, он стоит как вкопанный, словно памятник самому себе. Поскольку представители его народа любят яркие цвета, он носит только серый и черный; поскольку они обожают комфорт, он одевается неудобно. Представители его народа любят вычурность и пышность и демонстрируют свои тела с агрессивной сексуальностью; его тело, напротив, полностью скрыто костюмом. Обтягивающие перчатки и сапоги не оставляют открытыми ни единой полоски кожи, высокий воротник закрывает шею. У него бледная кожа, настолько, насколько это возможно для человека, но даже этого недостаточно — на лицо наложен густой слой белил, и эта

белая маска скрывает его кожу от любопытных глаз простолюдинов. Только голова его остается непокрытой, густая копна по-настоящему черных волос, так же красноречиво говорящая о его праве на власть, как могла бы корона. Волосы у него средней длины, потому что тот, другой народ, враг его нации, носит длинные волосы; он также носит бороду и усы — мужчины враждебной расы не имеют растительности на лице.

Он очень устал. Но этого не покажет.

Крошечный шаттл спускается по спирали вниз после облета Цитадели, к центру самого большого континента Бракси. На нем только один отсек; Винир делит его со слугой, который и управляет транспортным средством. Для занимающего более низкое положение человека Винир воплощает собой образ расового превосходства, являющийся в той же мере его частью, как черный и серый цвета, которые он всегда носит, а также меч его предков на поясе. Пусть слуга видит, что он не устал — он никогда не устает, — не бывает таких ситуаций, в которых Винир может устать. Время от времени он замечает, как слуга бросает на него взгляды исподтишка — когда считает, что Винир на него не смотрит. «О чем он сейчас думает? — размышляет Винир. — Этот тип — то есть я — все-таки человек или нет? Или, может, он думает: «Неужели мы и вправду относимся к одной и той же расе?» Ответ на оба вопроса, надеюсь, будет отрицательным».

— Если хотите сесть, лорд... — подобострастно спросил слуга.

— Мне и так хорошо, — сдержанно ответил Винир.

На самом деле он изможден. Его нация ввязывается в войну при каждом случае, но гораздо хуже знает, чем заняться в мирное время, и в такие периоды от правительства мало проку. Этот день прошел плохо, они пытались решить внутренние проблемы, не имея возможности использовать свое военное превосходство в удобный момент. И как раз когда кайм'эра собрались уходить, Мияр предложил пересмотреть нынешний мирный договор. Это означало еще по крайней мере одну десятую дня — день на Бракси делится на десять частей — скучных стычек и тщательного пережевывания, перемалывания исторических прецедентов перед тем, как они возьмутся за обсуждение самого вопроса: когда — и каким образом — следует нарушить нынешний договор с Азеей.

«Дураки! — думает Винир. — Когда-нибудь подходящий момент наступит, так неожиданно и обещая такую прибыль, что мы будем знать, просто знать, что время пришло. Именно так мы всегда и действовали — зачем притворяться, что все было по-другому?»

Сейчас уже очень поздно. Наконец шаттл замедляет ход для идеальной посадки на личную площадку Винира. Винир счастлив наконец оказаться дома, он одобрительно кивает пилоту и наигранно бодро выходит из шаттла. Теперь осталось недолго, и вскоре он сможет отдохнуть.

Хозяйка Дома ожидала Винира, как обычно, и приветствовала, когда он прошел через пристройку и оказался в огромном вестибюле, который отделял открытую для посетителей часть здания от его личных владений. В одной руке у Хозяйки была золотая бутылочка, в другой — связка колец, на которые в этом мире записывалась информация. Не говоря ни слова, она протянула Виниру пузырек. Он вынул из него пробку и выпил содержимое. Слабое восстанавливающее средство тут же начало действовать; и он почувствовал, как дневная усталость уходит.

— Документы? — спросила Хозяйка.

— Я их посмотрю, — кивнул Винир.

Она высыпала в его протянутую ладонь несколько золотых колец. Раньше у него была привычка все осматривать каждый вечер, когда он возвращался в свои владения; теперь мирный период замедлял его работу, она продвигалась крайне медленно, ползла как раненная черепаха, и бывали вечера, когда Виниру не доставало энергии, чтобы уделить Дому столько внимания, сколько тот заслуживал.

На самом деле в этом не было необходимости. Сенти преданна ему и очень способная, она уже сотни раз доказывала свою полезность. Но представителю племени браксана трудно верить кому-то, даже внутри своего племени, и поэтому Винир чувствовал себя более комфортно после того, как сам удостоверится в ее работе. Ведь все находится в ее руках, от финансов его Дома до самых слабых политических связей Винира, и поэтому он должен был проявлять повышенную осторожность.

Он жестом показал ей идти следом, широкими шагами пересек вестибюль по направлению к массивной лестнице, располагавшейся по центру в этой части здания. Она была

сделана из самого лучшего натурального дерева, украшена полированными камнями: это памятник варварскому прошлому племени браксана. Мгновение Винир сожалел о законе, запрещающем иметь лифт или другой подъемник в любом браксанском доме. Бессмысленное сожаление! Этот закон и другие, ему подобные, гарантируют браксанам¹ физическую активность, Винир сам зачастую их поддерживал; тем не менее, временами он предпочел бы, чтобы специальному устройству, а не его ногам приходилось доставлять его на верхний этаж здания, где традиционно располагаются личные покои Хозяина Дома.

Они прошли мимо слуг. Это были простые браксинцы, с каштановыми волосами, светлокожие — одна из бесконечных вариаций, но без каких-то резких отличительных черт браксанов, которые выделяют это племя среди остальных. Когда Винир проходил мимо, слуги отступили в благоговейном трепете, их подавил создаваемый им образ.

Лорд и кайм'эра — красивый мужчина; все представители его племени красивы. Когда-то они специально добивались рождения сильных и красивых детей, и результаты просто дух захватывают. Если бы простые браксинцы поклонялись богам, то могли бы счесть Винира и ему подобных сверхъестественными существами, в надежде понять их. Представители племени браксана совершенны, безупречны в своей красоте, с ними никто не может сравниться в надменности, они никогда не устают и не имеют слабостей. Что еще может просить нация от своих правителей — или своих богов?

— Я буду рад наконец добраться до своих покоев, — тихо сказал Винир, и Хозяйка Дома понимающе кивнула.

Две большие двери отделяют его личное крыло от остального здания. При его приближении стражники в форме растрепали их и плотно закрыли, когда лорд и Хозяйка вошли; в уединении личного крыла Винир предпочитал человеческий анахронизм более действенным, но неприятно современным механизмам.

¹ Здесь и далее *браксаны* — это представители племени браксана, правящего на планете Бракси, в то время как *браксинцы* — все жители планеты Бракси в целом (или, в случае противопоставления браксанам, — представители других племен). (Прим. перев.)

— Ну вот, теперь мы одни, — сказал он, имея ввиду, что только членам его племени разрешается пересекать эту границу. Он чувствовал себя более уютно среди них и определенно свободнее и мог позволить себе расслабиться. Браксаны не должны заметить в нем какую-то человеческую слабость, проникнув под маску всеобъемлющей компетентности, но для образа расового превосходства они в той же мере зависят от нее, как и Винир, и маловероятно ждать от них предательства.

— Мы обсуждали договор две десятых, — бросил он с презрением. — И снова будем обсуждать завтра — а с большой вероятностью, и послезавтра. — Винир перешел на основной речевой режим, который является языком низших классов и не отличается утомляющей сложностью браксанского диалекта. — Лично я думаю, что пора принять как факт, что Азеа ждет от нас начала военных действий, а поэтому нам требуется их начинать не в наиболее благоприятный с военной точки зрения момент, но внезапно, непредсказуемо.

— Как я понимаю, ты что-то задумал, — сказала Хозяйка.

Винир снял со стены приспособление, считывающее информацию с колец, и настроил его.

— На Лиисе есть колония под названием Редреш Три, которая, как я считаю, может стать нашей, стоит только приложить немного усилий. Достаточно полезных ископаемых, хорошее место для браксинского отдаленного поселения, но не такое желанное для нас и в плане первого, и в плане второго, чтобы Азеа ожидала там нашего удара.

— Ты это предложил?

Лорд пожал плечами.

— А смысл? Вначале нам нужно потратить время на споры по основным вопросам. Мы всегда так делаем. Когда договор только начинает сходить на нет, всегда больше эмоций, чем разумных доводов... Это что еще такое?

Во время беседы он опускал золотые кольца на считывающее приспособление и изучал информацию на небольшом экране. Теперь его палец в перчатке застыл у экрана и указывал на вполне определенную цифру в списке членов его Дома.

— У меня нет стольких браксанов, — сурово сказал Винир Хозяйке. — Не чистокровных, во всяком случае.

— Теперь есть, кайм'эра, — улыбнулась Хозяйка. — К'сива сегодня родила. У тебя — сын, мой лорд.

Винир был поражен. Браксаны почти бесплодны — это цена, которую приходится платить за близкородственное спаривание, которое обеспечило им красоту. Да, он знал, что К'сива беременна; как он мог не знать, когда они прошли требуемый ритуал Изоляции, чтобы гарантировать отцовство ребенка? Но слишком много детей, зачатых его народом, не выживают еще до своего появления на свет, поэтому беременность у браксанов считается в большей мере жестоким обманом, чем надеждой на собственное продолжение, она никогда не обсуждается, редко признается, и иногда о ней искренне забывают.

— Живой... — забывшись, шепчет Винир.

— И здоровый. Они ждут тебя.

Винир забывает о кольцах, кивает Хозяйке и жестом приказывает проводить его к сыну. Он никогда не смел надеяться на то, что наконец придет эта минута. У мужчин его семьи чаще рождаются дочери, чем сыновья, и Винир не стал исключением из этого правила. Но сын — его сын, он может воспитывать его, обучать, вести к взрослению. Винир подумал о том, что чувствовал бы себя совсем иначе, если бы вот так, из третьих рук, узнал о рождении дочери. Да, сыну уже давно бы следовало появиться!

Хозяйка привела Винира в одну из гостевых комнат браксанского крыла и оставила его там. Его ждала женщина, красота которой однажды совратила его на повторение ошибок предков. Но разве традиционные опасения не показали свою несостоятельность в этом случае? К'сива была из Зарвати, как и он сам, тем не менее их союз оказался плодотворным. Если бы в ребенке проявились какие-то физические или умственные недостатки, явившиеся результатом такого близкородственного спаривания, то его тут же убили бы, а Виниру сообщили — если бы ему вообще соизволили что-то сказать, — что ребенок родился мертвым. Чистокровный ребенок Зарвати! Как это прекрасно, каким великим человеком он может стать! Единственному сыну лорда Винира и подобает стать выдающимся браксаном.

— Госпожа, — тихо проговорил лорд. Браксаны редко бывают нежными; но это был как раз такой случай. — Нет слов, даже в нашем языке, которые могли бы выразить мою радость — или мою благодарность.

К'сива улыбается и раскрывает сверток, что держит на руках, из него показывается крошечное личико.

— Идеален во всем, — ответила она и протянула ему ребенка. — Твой сын, кайм'эра.

Винир неловко берет крошечное существо из рук женщины. Потом сработал инстинкт и он понял, как надо держать младенца. Винир заставил себя на мгновение оторваться от крошечного личика.

— Проси, что хочешь, — предложил он женщине, подавшей ему столько счастья. — Мой Дом даст тебе все. Даже если захочешь остаться, и это будет выполнено.

— У меня есть собственный Дом, — улыбаясь, ответила К'сива и своим отказом от второго предложения показала, что примет первое, но поразмыслив, позднее. Обещание, данное при рождении ребенка, будет исполнено.

Винир кивнул, одновременно благодаря и отпуская ее, и вынес крошечного новорожденного сына на широкую террасу, отмечавшую внешнюю границу его личного крыла. Этой удивительной звездной ночью лорд пытался постичь произошедшее с ним чудо. Ведь рождение и есть чудо. Над его головой ярко светят звезды сквозь черную Пустоту, которая покорила Бракси. Луна, называемая Жене, только что поднялась и мерцает отраженной славой солнца; защитное силовое поле блестит и искрится вокруг нее, виднеются переходные шлюзы — серебряные круги на ярко-белом фоне. За ними, невидимая отсюда, лежит обширная территория, контролируемая Бракси, а прямо над головой в этот час находится гигантское поле боя, громаднее всех, что знало человечество за свою историю.

— Я даю тебе все это, — шепчет младенцу Винир, охваченный небывалыми, странными чувствами. — Когда ты станешь достаточно взрослым, чтоб потребовать все это, оно станет твоим. Столько власти, сколько вообще может иметь человек, на самой большой мультизвездной территории, которую когда-либо видели люди. Большого я не могу тебе дать...

Винир внезапно осознал ужасную пустоту внутри. Мир правит в темноте, где должна быть война.

— Мне жаль, что ты родился в мирное время, — сказал он тихо. — Это плохой знак. Если бы я знал, что ты появишься именно в это время...

И что тогда? Сможет ли он убедить кайм'эра нарушить договор, чтобы отпраздновать рождение его сына? У народа, который так ценит войну, дети которого и вовсе бесценны, возможно все.

— Не следует сейчас давать тебе имя, — задумчиво проговорил Винир. — Не в мирное время.

Когда в таком случае? Согласятся ли кайм'эра нарушить договор, чтобы можно было дать имя его сыну? Его смех звучит во тьме. А почему нет? Многим из них понравится такое оправдание войны. А каков момент! Азеа даже предположить не сможет о таком их шаге. Да...

— Я дам тебе войну, чтобы отпраздновать твое рождение, и азеанскую кровь, чтобы запечатать два твоих имени, — торжественно пообещал Винир. — Одно по традиции дается для твоей браксанской души, а другое — для всего мира, и все, обращаясь к тебе, должны знать: они не увидят большего, чем ты желаешь показать им. За исключением женщин, порой, — губы лорда осветила легкая улыбка. — Ты вскорости научишься всему этому.

Его предки-варвары представляли новорожденных звездам, предлагая их души освещающим небо силам. Винир стоял под теми же звездами и крепко держал сына. Он был слишком цивилизованным, чтобы следовать древнему обычаю, но все еще немного варваром, чтобы вовсе игнорировать его призыв. Мгновение тишины заменило ему обращение к звездам. Но созерцание этой ночи заставило Винира вспомнить о мире, что правит там, наверху, — мире, который оскорбляет традиции его народа и отбрасывает тень на рождение даже чистокровного браксана. И этот мир бесконечен. Но скоро...

В последний раз с упрёком оглянувшись на неприятно тихие небеса, Винир отнес новорожденного сына в дом.

* * *

Известие ошеломило императора.

— Что они сказали? — изумленно переспросил он.

— Браксинские силы захватили азеанскую колонию на Лиисе, — терпеливо повторил посыльный. — Это является открытым вызовом и нарушением... — он заглянул в запи-

си, — ...девятьсот восемьдесят пятого Всестороннего Мирного Договора между Бракси и Азеей.

— Да, да, это все я знаю. Но на каком основании, повтори!

Посыльный зачитал сообщение полностью:

— Кайм'эра Винир, сын Ланата и Карлы, желает дать своему сыну публичное имя Затар. Посему кайм'эрат считает текущий мирный договор недействительным и разрывает оный.

Император устало откинулся на спинку трона.

— Да. Именно так я и понял, — глухо произнес он.

2

Неоспоримым фактом является то, что планета Азеа во всех планах враждебна человеческой жизни. Она не отрицает открыто возможность существования на ней человека, как те планеты, у которых отсутствует атмосфера или температура на поверхности приближается к абсолютному нулю, но тем не менее по сути враждебна любой форме жизни, которую судьба решила поместить на гибельную поверхность Азеа. Пронизывающие воздух яды почти незаметны; они прилетают с дуновением ветра и уходят также неуловимо, сея за собой смерть как единственное доказательство своего появления. Растительность на Азеа токсична для человеческого организма; фауна здесь дышала не поймешь каким воздухом и пила населенную паразитами воду, она не поддается приручению и ее нельзя есть (если только ни приготовить особым образом).

Люди, обитавшие на этой планете, научились приспосабливаться. Им пришлось научиться. Они освоили науку, которая определяет модели наследования, и взяли ее себе на вооружение.

Вообразите: люди, которыми движет страстное желание выжить на своих собственных условиях. Другая нация сделала бы упор на сельском хозяйстве и добралась бы до звезд в поисках растений, которые станут бурно расти на враждебной азеанской почве. Но азеанцы разработали модель особого обмена веществ, способного отменить местные токсины, и запрограммировали ее в своих потомках. Другой народ построил бы купола и постоянно жил под их защитой, вечно опасаясь, что внезапный разгул стихии разрушит их спасительные скорлупки и впустит отравленный воздух. Но жите-

ли Азеа спроектировали дыхательную систему, способную перерабатывать его и не сжиматься в агонии, и также ввели их в анатомию своих потомков. Результатов добивались долго, потому что азеанская генетика только зарождалась, когда планета выдвинула первые суровые требования людям. Многие умерли в ожидании. Но заявить об успехе или провале в конечном счете можно было только одним образом: Азеа наконец заселена.

Это прекрасный народ, согласный и равновеликий. Азеанцы находят партнеров только внутри своей нации и наслаждаются умеренными моногамными удовольствиями. Все это в них запрограммировано. Врожденные дефекты — в прошлом, как наследственные склонности к тем или иным заболеваниям. Азеанцы живут дольше, чем какие бы то ни было другие Разбросанные Расы, такова своеобразная компенсация за гибель, что преследовала их далеких предков.

Что касается генетики, то этой науке приходится напряженно работать в поисках еще непокоренных горизонтов. На дальних звездах располагаются финансируемые правительством институты, целью которых является ускорение процесса эволюции — как это понимается на Азеа. Ученые просматривают горы данных, чтобы вычленить генетические коды, определяющие телепатию, долголетие — любой желательный признак, который иначе может быть потерян в море доминирующей в обществе нормы. Выявив правильную последовательность генетических кодов, ученые смогут ее запрограммировать в каждом новом представителе своей расы, преодолевая тем самым (как они считают) тысячелетия медленного развития.

Дармел лиу Туконе и Суан лир Асейрин были совершенно типичны для жителей Азеа: сочно-золотистая кожа, поскольку некий ученый когда-то решил, что именно такой цвет является эстетическим идеалом, белые волосы, поскольку темные волосы присущи врагам азеанцев, браксинцам. Они узнали, что ждут первенца, и, по завершении праздника в честь подтверждения беременности, пара покорно проследовала в ближайший Центр Анализа и Поправки, чтобы проверить плод. На Азее, если что-то и окажется с ребенком не так, пара знает, что азеанская наука может легко это исправить до того, как ребенок покинет матку.

Если Азеа так захочет.

В науке, которая почти никогда не сбоит, что-то случилось. В отделах, которые раньше знали только спокойствие, царило странное возбуждение; посыльные курсировали между Планетой-Столицей и остальными, и в конце концов обратились непосредственно к будущим родителям.

Ребенок был явно не азеанского происхождения.

Это, конечно, непрофессиональный термин: конечно, ребенок по доминантному гену азеанский. Но в нем проявились модели наследования, не подходящие под азеанский стандарт,— генетический сбой, указывающий на то, что в генеалогии ребенка не все так прекрасно, как хотелось бы верить родителям.

На дисплеях высветился образ девушки. Она была удивительно стройна и выглядела, как женщина другой расы — ростом она была ниже мужчины. Ее мать, которая, как и все азеанские женщины, одного роста с мужчинами, содрогнулась, увидев это. Кожа у ее будущего ребенка была белой, бесцветной и по виду... браксинской. Будущий отец, офицер Службы Безопасности, отвернулся от непривычного образа. Волосы цвета крови, сочно-красные и блестящие, неестественно падали на плечи девушки на картинке. Под ней были отмечены другие, более тонкие отличия, и все они приводили к одному неутешительному выводу: раса, ответственная за появление ребенка, неизвестна, ее нет ни в одном из азеанских генетических файлов. О ней не знают в азеанской части галактики. Тем не менее в каждой линии наследования она проникала в идеальный азеанский тип и оставляла свою рецессивную метку для проявления в будущих поколениях. И теперь она открыто заявила о себе.

Мать и отца странного ребенка обследовали.

Дармел лиу Туконе был императорским подданным с высшей формой допуска. Он — ученый-транскультуралист, специализируется на контактах между браксинцами и азеанцами; в Империи не наберется и пятерых людей, прошедших такое обучение. Те, кто имел представление о военных делах, называли его Главным Дознавателем, он был профессионалом в применении браксинской психологии к браксинским пленникам, мог вытянуть информацию из упрямцев, способных выдержать физические пытки. Он также являлся последним известным потомком первого рожденного на Азее

ребенка, Хаши, в знак чего носил дополнительное имя «лиу», или «рождение» на древнем языке, точно как у первенцев его предков, и точно, как будет у его первенца. Из генеалогических древ Азеи только у его семьи есть данные по всем спариваниям со времени Основания. И среди них не было никаких инородцев.

Суан занимала высокое положение в Службе Безопасности, как и ее родители, как и ее предки на протяжении многих поколений. Но, возможно, кто-то из них и вступил втайне в связь с кем-то из неазеанцев. Нет ничего невозможного. Но это крайне маловероятно, если учитывать предрасудки таких людей.

Паре посоветовали избавиться от ребенка и попробовать снова.

Но они воспротивились.

Мир приходит на Азею один раз в десятилетие, и такой паре нужно было производить потомство, пока они могут. В разгар войны нет времени наслаждаться и смаковать таинство рождения и разделять первые мгновения жизни ребенка. Родители странной девочки ждали много лет и не хотели ждать дольше.

Ребенок не будет азеанским, предупредили их.

Она — наша, ответили на это родители. Этого достаточно.

Совет Правосудия собрался для обсуждения этого вопроса. Народ, определение гражданства которого основывается на генетическом соответствии, должен иметь способ решать вопросы, возникающие в связи с отклонениями; поэтому дело и передается Совету. Ребенок не будет, никогда не сможет быть гражданином Империи. Так решил Совет.

Родители побледнели, но продолжали настаивать.

Ребенок никогда не сможет получить даже самую низшую форму допуска Службы Безопасности, предупредил Совет.

Это было ударом для тех, кто сделал военную службу своей жизнью. Но теперь слишком поздно было отступать. Мужчины и женщины со слабой волей могут сдаться браксинцам, но эти двое уже не раз доказали свою храбрость. Ребенок родится, настаивали они.

Бескомпромиссные постановления быстро следовали одно за другим: ребенок никогда не должен ступить на землю Азеи, он не получит права пользоваться преимуществами азеанской генетической науки, внешность девочки нельзя

никак менять. И она никогда, никоим образом не должна быть связана с Великой Войной.

Это была тактика устрашения, разработанная специально для давления на родителей, чтобы заставить их подчиниться. Но Совет Правосудия провалился, и их решения стали просто буквой закона, мраком, нависшим над рождением ребенка.

Девочка родилась в мирное время. Но Война, как и всегда, вернулась, и девятьсот восемьдесят шестой Всесторонний Мирный Договор между Бракси и Азеей разлетелся вдребезги, выплеснув в звездное небо кровь живых людей.

Тот факт, что это было неизбежно, не отрицал ценности рождения как предзнаменования грядущих событий.

ГЛАВА ВТОРАЯ

«Мы признаем, что в природе мужчины заложено стремление подавлять других, независимо от того, кто они: настоящие враги или собственные женщины. Возможно, истинный размах его власти заключается в том, как открыто он может подавлять».

*Витон, «Рождение Бракси: отрывки из последних бесед Харкура Великого и Витона Безжалостного» (Дом Макота, Курат/Бракси; главный файл Центральной Компьютерной Системы: Диалоги).
Прим.: в Азеанской Звездной Империи файлы недоступны*

Дорогая сестра!

К этому времени ты, вероятно, уже обнаружила мое отсутствие. Да, Ниар, я не просто уехала, возвращение невозможно — не только в наш дом, но и в любую часть Бракси.

Я надеюсь, что ты меня простишь! Я столько от тебя скрывала и так долго — но, думаю, читая это, ты поймешь, что у меня не было выбора. И мне следует поблагодарить тебя за ту поддержку, которую ты мне оказала, — хотя едва ли могла догадаться об истинных мучениях, отзвук которых так тревожил тебя.

Но позволь мне все объяснить.

Уверена, ты помнишь тот проклятый год, когда ко мне привязался Дженар. Его жестокость и моя беспомощность — а я не могла ее избежать — чуть не привели к моему полному разрушению. Когда он наконец устал от игры и покинул меня, я плакала от облегчения — и решила найти способ на какое-то время оградить себя от мужского внимания; хотя закон и требует от женщин подчиняться любому, кто пожелает нас.

Определенно, сестра, ты помнишь эти женты. Каждый день я спешила с работы в наш отсек, где отсиживалась, выжидая полуночи. И только тогда я осмеливалась выйти на улицу, в часы, когда лишь немногие оставались там. Это успокаивало. Ты не раз предупреждала меня об опасности, но в то время жестокая смерть казалась мне лучше, чем появление еще одного такого же, как Дженар.

Однажды ночью я шла по берегу Туеля и вдруг увидела впереди мужчину. Он стоял ко мне спиной. Я было приготовилась бежать, но что-то в его позе остановило меня, что-то отличало его от всех мужчин, виденных мной когда-либо.

На его широкие плечи был накинут темно-серый плащ, на ногах — высокие черные сапоги. Мне была видна рука в черной перчатке. «Какой дурак так одевается в середине лета?» — подумала я.

И тут до меня дошло — только представители племени браксана, высшего класса, так наглухо закрывают свое тело и носят одежду только этих цветов.

Я дернулась в испуге, запоздало решив бежать, и в тот момент незнакомец обернулся.

Его бледное лицо обрамляли черные волосы, они были темнее тени. Черты его лица были великолепны, точно вырезанные, как у античной скульптуры. Прекрасное тело и ледяная надменность поражали. Нет слов, сестра, чтобы описать красоту этого человека и тот эффект, что она произвела на меня. Я хотела отвернуться, как того требует закон, хотела опустить глаза, оторваться от прекрасного лица, но это было невозможно.

Я желала его.

Клеймо предателя горело у меня во лбу, когда он направился ко мне. Кто я такая, чтобы желать этого поразительно красивого юношу, этого мужчину, рожденного для красоты? Хотя у него было право убить меня за это, я все же неотрывно

смотрела на него. Пусть хоть мои глаза наслаждаются тем, что остальная часть меня никогда не сможет попробовать.

Незнакомец приближался, на боку у него покачивался тонкий меч — как я догадалась, это жаор, традиционное оружие браксана. Он шел медленно, грациозно, как истинный господин благородного происхождения, его движения были такими плавными и красивыми, что мне стало больно смотреть. А воротник его плаща застегивался брошью с Печатью кайм'эрата.

Лорд, вспомнила я, когда расстояние между нами сократилось. Я упала перед ним на колени, но головы не опустила, не в силах отвести глаз.

Молчание длилось вечность, пока он рассматривал меня. Я увидела гнев в его темных глазах — нет, не на меня, а ту ярость, которая привела его в это место — Сулос, сектор бедноты.

— Кто был предателем? — спросил он меня равнодушно.

— Моя мать, — ответила я. Слова чуть не застревали у меня в горле.

— Ее имя.

— Шьерр, мой лорд.

Он задумчиво сдвинул брови.

— Не помню этого случая. Освежи мою память, малышка!

— Она попыталась... покинуть Бракси и отправиться на Алдоус, чтобы служить Холдингу в космосе.

— В ней было достаточно чужеродной крови, чтобы она могла сойти за алдоусанку?

— Она так считала, мой лорд.

— И каким именем они обрекли тебя на такое будущее, маленькая предательница?

— Ньен, мой лорд. — Никогда раньше мое имя не звучало так болезненно!

— Зачатая в предательстве — да, понятно. Встань, женщина! Почему ты на меня так смотришь?

Я не поднялась с колен, чтобы не выдать своего страха.

— Вы очень красивы, лорд, — прошептала я.

Он усмехнулся.

— Мне это уже говорили. Тем не менее женщины моего народа не испытывают страсти ко мне, малышка, ими руководит лишь долг. А на меня это не действует.

Долг? Какой может быть долг перед расой, кроме того, что браксанские женщины рожают чистокровных детей? Клянусь Тазхейном, неужели чистокровный?..

Он посмотрел на меня и рассмеялся. Наверное, он знал, что я думаю, потому что кивнул мне в ответ.

Браксан. Чистокровный.

Я опустила глаза.

Его руки легли мне на плечи и он поднял меня с колен. Когда лорд прижал меня к себе, я задрожала. Не от страха, от желания.

— Ты хочешь меня, — заметил он, и ему стало весело. — Ты знаешь, я сегодня убежал от кайм'эра Йирила, Винира и Сеча-веха. Они пытались кормить меня женщинами. Своим отказом я оскорбил трех самых могущественных мужчин в Холдинге, и один из них — мой отец. Все эти женщины хотели получить, кто — благосклонности или какой-то милости от лорда, кто — дитя браксана, чтобы выполнить свой долг и таким образом приблизиться к свободе. Какое удовольствие я мог получить от этого? — Он тихо рассмеялся, но смех тот был невесел. — Они считают меня импотентом. Хорошо. Это синоним безопасного для моего народа. Пусть заблуждаются и дальше — это дает мне свободу.

Тогда он меня поцеловал — просто так, но это было так много. Меня использовали и бросали за меньшее время, чем ему потребовалось, чтоб насладиться поцелуем. Я ощутила слабость в ногах и приятное тепло, растекавшееся по телу, и задумалась: «А может, похотливость браксанов не миф?»

— Куда мы можем пойти? — спросил он.

Вопрос удивил меня — зачем куда-то идти? Наша прогулка привела нас к изолированной части Бракси, покрытой прекрасной естественной травой и освещенной светом Цитадели, что отражался от воды. Чего еще желать? Я посмотрела на него с недоумением.

— Глупышка! — заулыбался он. — Браксаны спят со своими женщинами.

Я содрогнулась. Оказаться на милости мужчины в тот момент, когда я наиболее беспомощна, когда неспособна отказать ему или убежать... Спать с мужчиной!

Да, подумала я, браксаны все еще варвары.

Мы нашли такое место.

* * *

И тем не менее, когда утром я проснулась одна, то удивилась, как мне не хватает его тепла рядом, его руки, ограничивающей и в то же время защищающей меня.

У моей щеки лежали сорок синиасов серебром — традиционная благодарность за удовольствие у высшего класса. Несомненно, для него это была мелочь; для меня же — больше, чем я обычно видела за год. Я пощупала монеты — и анонимная встреча, казавшаяся не больше, чем сном, стала реальностью.

Все эти деньги я отдала бы за то, чтобы снова спать с ним, сестра.

Я собралась и перешагнула через тело владельца дома, загораживавшее вход: дурак попытался тайком порыться в карманах лорда. Он умер, так и не вспомнив, что представители племени браксана спят, положив рядом жаоры. Я с улыбкой вспомнила, что легенда оказалась правдивой — нет страсти сильнее, чем страсть браксана, который только что убил.

Два... нет, думаю, три жента спустя он появился вновь. В ту ночь у тебя была работа, ты уходила, а он пришел. И ты его наверняка заметила. Ты могла его не заметить? Он был одет в наши одежды, покрасил волосы и пришел без меча, но разве можно скрыть такую красоту? В тот вечер ты должна была столкнуться с ним в холле, когда выходила наружу. Разве я могу поверить, что ты не обратила на него внимание?

Ничего не говоря, не задавая вопросов, я бросилась к нему в объятия, как только он зашел, поскольку именно этого он и хотел.

Той ночью, в его объятиях, я рассказала ему о своем прошлом. Не буду говорить тебе, сестра, что лорд был нежен со мной или хотя бы добр. Когда у браксанов появляются такие эмоции, они их подавляют. Но он проявил любопытство, поэтому я и заговорила. Как было приятно видеть, что тебя слушают, независимо от повода!

Он в ответ рассказал мне о государственных делах, о сражениях и политике, и о своей расе, которая живет, чтобы

ненавидеть, живет ради удовольствий, но уже забыла, как их искать. Я мало понимала из этого, я даже не понимала, почему он мне все это рассказывал. Возможно, ради того, чтоб поделиться своим одиночеством, которое я почувствовала за всем этим, хотя ни один браксан этого не признает. Они не опускаются так низко.

Наступил рассвет, и лорд собрался уходить. Я знала, что после его ухода во мне образуется пустота и что сказанное мной не заставит его остаться или вернуться. Такая боль была внове для меня. Надо было что-то сказать, но я боялась открыть свои мысли и поэтому спросила, как его имя.

— Затар, — сказал он. — Меня называют Затар Великолепный. Какой сарказм! Когда-нибудь они скажут именно так.

— А правда, что у тебя есть еще одно имя? — вырвалось у меня.

Я, конечно, слышала об Истинных Именах браксанов — то есть о предрассудках, с ними связанных, — и традиции, позволяющей открывать Истинное Имя только самым близким и доверенным лицам. Я знала, что просьба о таком доверии может привести к смерти от жаора. Я только хотела спросить, существуют ли такие имена в самом деле. Но лорд меня понял превратно.

Он нахмурился, на красивом лице отразилась ярость, но вскоре гнев сменился усталостью и мукой.

— Наверное, я не истинный браксан, — прошептал он. — Этой ночью я и так уже доверил тебе слишком многое, чтобы сильно отступать назад... Что такое власть над моей душой по сравнению с этим?

У меня не было времени возражать или отпираться. Знать Имя браксана — это величайшая ответственность из того, что может нести женщина. И передача Имени между представителями полов должна купаться в удовольствии, поэтому он не позволил мне больше ничего говорить.

* * *

— Я уйду, — тихо сказал Затар. — Возможно, мне следовало поделиться Именем, по крайней мере один раз. Но почему это должна быть именно ты... Нет, не отвечай. Я просто думаю вслух.

Он замолчал, ожидая того же и от меня. Но я не могла молчать.

— Куда ты отправишься, мой лорд?

— На Азею, малышка.

— На Азею! Но как...

— Ш-ш-ш! Послушай и ротик держи на замке! Даже мой отец этого не знает. Я уже много лет изучаю врага. Я научился говорить на их языке без акцента, думать, как они, двигаться, как они. У моих косметологов есть краски и препараты, что осветляют мои волосы и не дадут бороде расти. Специальные краски для кожи сделают ее бронзовой. Видишь ли, нельзя сказать, что это незапланированная акция.

— И ты будешь жить среди них?

— Я нанесу им поражение в их собственной игре — ассимиляции, — кивнул он. — Хитрое слово для интриги.

— А с какой целью, мой лорд?

Его взгляд стал суров и холоден, как в ту ночь, когда я его встретила.

— Власть, красивая, — процедил он. — Межзвездный Холдинг станет делать все, что я прикажу. Сейчас это их игра, но после выполнения задуманного Затар Великолепный начнет устанавливать собственные правила.

Тогда я утратила его — утратила его ярости, его ненависти к своим соплеменникам и его страстного желания быть признанным ими — я боялась его поражения и еще больше — успеха.

Затар снял тяжелое золотое кольцо, идеально сидевшее поверх перчатки на указательном пальце его левой руки. Он играл с ним и продолжал говорить.

— Я украл достаточно яда у отца, чтобы совершить убийство или умереть при попытке. Что такое жизнь без власти? Я — браксан, рожденный править. И я буду править — несмотря на эту свору дураков!

Он положил кольцо мне на ладонь и нежно сложил мои пальцы. Кольцо осталось лежать у меня в кулаке.

— Маленькая предательница, я не могу забрать тебя с собой, — глядя в сторону, вымолвил Затар. — Не исключено, что мы больше не встретимся. Но если ты кому-то принадлежишь, это считается Обоснованной Причиной для отказа мужчине, а я знаю, через что ты прошла в руках представителей

моего пола. Это браксанское кольцо. Мужчины будут задаваться вопросами при виде него, но никто не посмеет у тебя ничего спрашивать. Ты будешь его носить?

Я кивнула и со страхом ждала последнего поцелуя, поскольку, сделав это, Затар меня покинет.

— Ты вернешься назад, — прошептала я, когда он оторвался от моих губ. — И я буду ждать тебя.

Он высвободился из моих объятий.

— Ты — браксинка, Ньен, не забывай об этом! — сурово сказал он. — Давай не делать ошибок, как наши враги! Гордись своим наследием! Жизнь предназначена для удовольствий, а не старых воспоминаний.

И тогда он ушел. Ты прав, мой дорогой лорд, но что если память приносит удовольствие?

* * *

Я поняла, что за мной идут, до того, как увидела стражника. Я и раньше уже слышала шаги у себя за спиной и видела тени, которые всегда оставались на некотором отдалении.

Я притронулась к груди, где под рубашкой на золотой цепочке висело кольцо Затара. Я постаралась овладеть собой и продолжала идти, оглядываясь, пытаюсь определить, откуда исходит угроза

Затем я увидела и поняла.

Голубая лента с выпуклой Печатью кайм'эрата. Центральная стража! Я остановилась, повернулась, чтобы встретиться с опасностью лицом к лицу, упала на колени и опустила глаза. Что еще я могла сделать?

Их было трое, и я со страхом смотрела, как они приближались. Я опасалась за свою жизнь — и боялась еще худшего. Боль от удара шокером потрясла меня, и я погрузилась во тьму. Мои губы беззвучно шептали его Имя, как молитву.

* * *

Тьма. Страшный голод — боль — свет брезжит вдали. Голоса вокруг меня — мужские с браксанским акцентом. Снова боль, сильная боль, и я опять погружаюсь во тьму.

Я мечтала о смерти.

* * *

— Она проснулась?

Мне на лицо плеснули холодной воды, и я очнулась, дрожа. Тюрьма? Руки в кандалах, я прикована к стене, с тела стекает вода. Холодно и сыро, спертый воздух. Что это за древний кошмар?

Передо мной стояли трое. Кайм'эра. Один выглядел старше других, и его лицо очень напоминало лицо лорда Затара, но выражение было гораздо более жестоким. Другой казался средних лет, и по его лицу становилось ясно: он все-таки способен на жалость. Третьего я узнала по скудному описанию Затара и догадалась, что именно ему обязана таким варварским приемом.

— Сечавех — одиночка и садист, — говорил мне Затар. — Его родители убежали из Холдинга, чтобы спастись от чумы, что собирала обильную жатву среди моего народа. Но они уже заразились и вскоре умерли, а Сечавеха воспитали инородцы, и он не знал о своем наследии. Этот человек наслаждается разрушением — людей, планет, женщин. Когда его отправляют на войну, он возвращается с несметным богатством и рабами и оставляет после себя пыль и осколки от того, что было чьим-то домом.

Обращаясь ко мне, старший мужчина ходил взад и вперед.

— Женщина, мы будем говорить прямо, — начал он. — Мой сын исчез. Где он?

У меня пересохло в горле.

— Ваш... сын, великий?

— Затар, дура! — крикнул он в сердцах. — Не надо играть со мной! Я отправлял людей следить за ним. Мы знаем, что он провел с тобой ночь перед тем, как исчезнуть.

«Послушай и держи ротик на замке...»

Я в страхе опустила глаза.

— Он использовал меня, славный кайм'эра, — пролепетала в ответ. — Ничего больше.

Он ударил меня. Я зашаталась от удара, но металлические кандалы не дали мне упасть. Я чувствовала, как изо рта идет кровь, и не смотрела на запястья, опасаясь, что и они кровоточат. Значит, это Винир, а третий мужчина — Йирил, кото-

рого Затар описывал, как «единственного браксана, способного на милосердие».

Я позавидовала тем народам, у которых есть настоящий бог. Они могут ему молиться и просить о смерти.

Я не стану тебя тревожить, сестра, описывая пытки, которые вынесла, современные пытки, что не оставляют шрамов. Йирил запретил остальным делать меня калек — он сказал, что если я откажусь говорить или на самом деле не знаю ничего, то понадобится им целой и невредимой, чтоб послужить приманкой для сбившегося с пути лорда.

Не смелость запечатала мои уста. Я не знала, какой политикой руководствуются эти люди, я только ясно видела напряжение между ними. Сечавех беспокоился, его раздражали требуемые Йирилом ограничения. Если бы я заговорила, если бы потеряла для них свою ценность, то меня бы отдали Сечавеху. Этого я боялась сильнее боли.

Потом они бросили меня туда, где нашли, на улицы Сулоса. Трое стражников, отряженных следить за мной, вначале грубо изнасиловали меня, а затем скрылись из виду, когда мое тело все еще содрогалось от боли.

Они будут ждать — ждать Затара, сына Винира и К'сивы, когда он вернется к дерьму из низшего класса, которое ему так понравилось. Тогда стражники убьют нас обоих; так предложил Йирил. Но я подозревала, вопреки всякой логике, что этот план обречен на провал. Но почему тогда он его предложил?

Два года, сестра, я страдала от внимания трех похитителей. А ты! Ты поздравляла меня за такое постоянное внимание! Ты просто ничего не знала...

По ночам золотой подарок Затара покоился на моей груди. Но я больше не смела носить его днем, ибо часто, без предупреждения, рука какого-нибудь стражника затаскивала меня в узкий переулок, в темный подъезд, чтобы в очередной раз удовлетворить свою похоть тем способом, что взбредет в голову, в пародии на уединение, которое предпочитают их господа.

И когда боль становилась нестерпимой, я относила кольцо Затара к Туелю и плакала там. Это поведение недостойно браксинки, но будь оно все проклято! Я знала, что если предам, тщательно спланировав предательство, то все это закончится.

Но я не могла предать единственного мужчину, который увидел то, что скрывается под клеймом позора, увидел женщину, теперь страдающую из-за этого.

Но вот однажды ночью я почувствовала, как его руки подняли меня с травы и я, не смея открыть глаз, поцеловала его. И поняла по его прикосновению, что он все еще чисто выбрит, потом его мягкие волосы упали на мою руку, и, даже не глядя, я знала, что они белые, как снег.

— Дурак, — счастливо прошептала я. — Первый человек, который тебя увидит, убьет.

— Они пытались, малышка, — весело ответил Затар. — Три стражника из Центра, с шокерами. И против них — Затар с жаором. Едва ли это вызов для меня.

Обнимая его, я плакала и смеялась одновременно.

— Они сделали тебе больно, — тихо сказал он.

— Нет. У меня не осталось плохих воспоминаний — я помню только удовольствие.

Лорд расхохотался как бешеный, вождение бурлило в нем, и этот смех оживил самые эротические из моих воспоминаний.

— У меня почти два года не было женщины, — сказал он мне. — Как думаешь, ты справишься? Отработаешь за эти два года?

Я улыбнулась.

— Я могу попытаться, мой лорд.

Он только что убил, подумала я, и тут его ласки заставили меня забыть обо всем. Я чувствовала его голод, сильный и требовательный. Что еще делать с таким мужчиной, кроме как отдаться и покориться?

* * *

— Я боюсь, лорд.

— Боишься меня?

Я прижалась к нему поближе.

— Нет. Не тебя.

— Моего отца? И кайм'эра?

— Рядом с тобой — нет.

— Тогда Курата? Тюрьмы? — настаивал Затар.

В ответ я содрогнулась.

— Ну, тогда мы их уничтожим, малышка, — их и их создателей.

Автокар замедлил ход, когда мы приблизились к его дому, особняку, построенному во вторую эру. Затар помог мне вылезти и крепко прижимал меня к себе, пока мы шли к двери.

— Дай твою ладонь, — сказал он. — Дом знает мою руку.

Я покорно прижала ладонь к пластине у двери. Секундное промедление — и дверь открылась, нашим взорам предстал охранник.

— Лорд Затар! — вскрикнул он.

— Мой отец на совещании, не так ли? — меня протащили мимо озадаченного и смущенного охранника.

— Да, но... лорд Затар!

Затар воспользовался его замешательством и быстро повел меня через вестибюль. Огромное здание подавляло; власть мужчины, которому оно принадлежало, находилась за пределами моего понимания. Прижимаясь к Затару, я чувствовала, как он решителен, как он возбужден, когда широким шагом следовал на встречу с отцом. Он тщательно выбрал момент, и его действия явно были просчитаны и продуманы заранее. Затар ногой открыл дверь в последний зал заседаний, разрушив запорный механизм одною первобытной силой. Тяжелые деревянные панели с грохотом рухнули и, таща меня с собой, Затар вошел к кайм'эра, окутанный дымом от проводов поврежденной цепи.

Сказать, что они были удивлены, — значит, ничего не сказать.

Их было пятеро, все — кайм'эра, троих я уже знала и боялась. Мгновение назад их жаоры лежали на специальной, изысканной подставке для хранения оружия, но как только рухнули двери, они молниеносно схватили мечи, обладая быстрой, как у всех браксанов, реакцией. И только увидев, кто вторгся в зал, они несколько расслабились.

Но лицо Винира побагровело от ярости.

— Значит, теперь ты вернулся, — прошипел он.

Затар слегка поклонился, само воплощение надменности.

— Отец! Славные кайм'эра! Я вернулся к вам на крыльях победы! — возгласил он.

В его голосе слышалась неприкрытая ненависть и злая насмешка, насколько позволяли сложные речевые режимы

браксанского диалекта. Мне захотелось исчезнуть. Взгляды моих мучителей могли бы пригвоздить меня к стене, если б могли воплотиться. Я дрожала. А Затар только крепче обнял меня.

Первым овладел собой Йирил. Он тихо и весело усмехнулся, пододвинул стул и сел.

— Ну, Затар, это что, новая мода, которую ты предлагаешь принять Холдингу? — оглядев молодого лорда, спросил Йирил.

Волосы Затара все еще оставались прямыми, хотя мы их перекрасили в натуральный цвет и попытались придать нужную форму.

И он был чисто выбрит, хотя мы и стерли бронзовую краску с кожи. (Как это было великолепно, когда Затар на пике удовольствия изображал азеанца!)

Его глаза блеснули, но Затар предпочел не отвечать на заданный вопрос.

— Пожалуйста, сядьте, кайм'эра! — попросил он.

— Чего ты от нас хочешь? — рявкнул Винир. Он один остался стоять, в то время как другие, правда, не выпуская из рук оружия, заняли свои места.

— Я принес вам новости, хорошие новости. Азеанский офицер-дознаватель Дармел лиу Туконе мертв. Умер от нашего яда. От моих рук.

Стало тихо. Винир сел, ошарашенный. Но пытался этого не показывать.

— Это объясняет... — пораженно заговорил один из других кайм'эра.

— Тихо! — приказал Йирил. Он посмотрел на Затара, по его лицу ничего нельзя было понять. — Империя пыталась не дать этой новости просочиться. Однако до нас доходили слухи, которые объясняют твоё заявление. Если это правда... — он радостно улыбнулся. — То — добро пожаловать!

— Спасибо, — улыбнулся Затар.

— Как трогательно! — Сечавех переменял положение и с грохотом выложил меч на стол. — И что теперь?

Затар шагнул вперед, таща меня за собой.

— Мое наследство, отец!

В ярости, с которой Винир смотрел на сына, появился оттенок уважения.

— Хорошо, — наконец сказал Винир. — Согласен: ты завоевал наше признание. Ты получаешь свой собственный Дом, собственные деньги, официальный статус взрослого.

Так, прекрасно! Но что ждет меня? Роль служанки, даже рабыни, если он вообще этого захочет.

Винир указал на меня, и лицо его потемнело.

— А это дерьмо из простолюдинов? Твоя Хозяйка?

— Это твои слова, отец, но по сути они верны.

Я? Хозяйка Дома благородного господина? Нет, нет, нет! На мне клеймо, Затар, клеймо! Богиня Ар, какой стыд...

— Я запрещаю! — жутким голосом взвыл Винир.

— Ты не можешь, — спокойно возразил Затар. — Я требую этого через суд.

— Ты еще не получил наследства, — напомнил ему старший по возрасту мужчина.

Они гневно смотрели друг на друга, как бы меряясь силой. Тишина воцарилась надолго. После того, что сделал Затар в Азеанской Империи, для них обоих станет позором, если Винир попытается оставить сына в юношеской зависимости. Но после того как он освободит его от зависимости и передаст наследство, окружение молодого человека становится его личным делом. Наконец Винир заговорил — медленно, осторожно.

— Она больше никогда не ступит на землю Бракси.

— Значит, ты дашь мне поместье на Жене? — уточнил Затар.

— Тебя это устроит?

— Вполне. — Темные глаза Затара горели на бледном лице.

— Тогда, при соблюдении этих условий, я передаю тебе наследство, — ровным голосом произнес Винир. — Кайм'эра, вы — свидетели этого. Компьютер, пошли копию в Центральные Файлы Бракси. Все. А теперь, пожалуйста, уходи. Нам нужно заняться делом — и это больше не твой Дом.

— Но у меня тоже есть дело! — дерзко прервал отца Затар.

— Что еще? — скорее устало, чем зло спросил Винир.

— Кто из вас, уважаемые кайм'эра, выставит мою кандидатуру на назначение в Цитадель? — Затар осторожно подбирал слова.

— Неслыханно! — взорвался Винир.

Других собравшихся эта просьба тоже привела в ярость. Не протестовал только Йирил. Йирил, который по словам Зата-

ра, мог пойти на неофициальное сотрудничество, если может выиграть от ситуации. В этом, как объяснял Затар, и заключается разница между истинным правителем и простым кайм'эра. Йирил был истинным кайм'эра. Другие, по словам Затара, не дотягивали.

Йирил долго, изучающе смотрел на молодого лорда, в то время как с разных сторон сыпались бранные слова. И, казалось, он увидел что-то в Затаре, что удовлетворило его, поскольку, наконец, кивнул.

— Я, Йирил из семьи Длиннри, сын Кереста и Сиенны... — услышав ритуальные слова, все тут же умолкли. — Я, браксан, кайм'эра Бисалоанского Холдинга под Бракси/Алдоусом, выдвигаю кандидатуру Затара, из семьи Зарвати, сына Винира и К'сивы, на рассмотрение кайм'эрата и прошу счесть его достойным того, о чем он просит. — Хитрая улыбка Йирила как бы спрашивала: «Достаточно?» — Остальные меня поддерживают?

Йирил оглядел присутствующих, задержав взгляд на Сечавехе. Тот заметил что-то, что заставило его ответить легким кивком в знак согласия.

— Я подтверждаю твой выбор, — тихо сказал Сечавех.

Это был прямой удар по Виниру — его сторонники действовали, не считаясь с ним, и все присутствующие понимали это. Номинация Затара означала конец их политического триумвирата. Винир устало и раздраженно посмотрел на сына. В смятении чувств, отразившихся на его лице, присутствовала значительная доля уважения.

— Теперь все? — нетерпеливо спросил он.

— Да, кайм'эра, — кивнул Затар. Как я заметила, он больше не называл Винира «отец».

Затар поклонился и собрался уходить.

— Лорд Затар! — окликнул его Винир.

Он обернулся и посмотрел на отца.

— У тебя есть один день и одна ночь, чтобы покинуть мои владения, — тебе самому и этой женщине, — не глядя на сына, произнес Винир. — Ты понял?

Затар покорно склонил голову. За несколько минут его отношения с Виниром полностью изменились; теперь Затар стал непрощеным гостем — врагом — в Доме другого человека.

— И, Затар...

Тот вздернул бровь.

— Я отправлю твоему Дому счет за дверь, — проговорил Винир и добавил с неохотой: — Хорошая работа! А теперь — убирайся отсюда!

И мы убрались.

* * *

— Они будут тебя ненавидеть, — говорил Затар. — Ты не обязана ехать.

— Я хочу, — упорно отвечала я.

— Дома на Жене принадлежат лишь браксанам. Луной пользуется только высший класс, и лишь немногие живут там постоянно. Ты будешь отверженной.

Я поцеловала его, долго, как он меня научил. Как прекрасно сознавать, что можешь доставить удовольствие любимому!

— Я люблю тебя, кайм'эра Затар!

Мне пришлось использовать алдоусанский для передачи этой мысли — на браксинский ее не перевести так, как я хотела это сказать. И, не дожидаясь, когда он поправит меня — я слишком рано использовала его титул, — спросила:

— Это опозорит тебя?

— Нет, — мягко ответил он. — Я слишком долго жил среди врагов и вполне могу выдержать натиск запрещенного традицией.

— А они счастливы, лорд?

— Да, счастливы — и больше страдают из-за этого. Когда умер Туконе, его жена убила себя. Это страшное дело — потеря. — Он достал из ящика блокнот и ручку. — Любовь — это страшная слабость, и азеанцы разрушат себя ею. Но чтобы ты опозорила меня, малышка? Едва ли! Послушай, напиши-ка прощальное письмо сестре!

И вот я пытаюсь, Ниар, но его дыхание у моей щеки и руки, ласкающие меня, требуют, чтобы я обратила внимание на другое. Поэтому будь осторожна, дорогая сестра, и пожелай мне всего хорошего.

Теперь я принадлежу ему. А он только начал.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

«Какая польза от этих нежных эмоций? Любовь, сочувствие, дружелюбие, — какой цели они служат? По-моему, они социально бесполезны, это просто препятствия для нормальной эмоциональной деятельности. Нет более конструктивной эмоции, чем ненависть».

Витон

Фериан дель Канар совсем не радовался, отправляясь на спутник Базы № 5, находившейся в ведении Службы Безопасности, но поскольку он был браксаном — или, по крайней мере, учился быть браксаном — он попытался этого не показывать.

— Что-то не так? — спросил кто-то из азеанцев.

«Черт побери!» — подумал Фериан и вслух сказал:

— Ничего. Все в порядке.

Он увидел свое отражение в блестящей поверхности стены дока и скорректировал позу, движения, осанку... вот! Вот так обмануть гораздо легче.

— Все в полном порядке! — подчеркнул он.

И что с того, если он заходит в один из наиболее тщательно охраняемых объектов Империи? Что с того, если он наполовину браксан и выглядит так, словно эта половина у него доминирующая? Он — Фериан дель Канар, один из нескольких зондов Империи, и если обыватели не способны отличить зонда от телепата, то они достаточно знают о тех и других, чтобы это производило впечатление.

Фериан поправил на голове красно-золотую повязку, свидетельствовавшую о ранге, кивнул экипажу транспорта, который его сюда сопровождал, и достал чип допуска для проверки охраной орбитальной базы.

Что в этом положительного? Фериан увидит райское убежище офицеров Звездного Контроля, единственное место, кроме Базы, где они могут расслабиться, зная, что лучшая наука Империи занимается их безопасностью. Здесь жил Дармел лиу Туконе, который на короткое время откладывая свои обязанности дознавателя, становясь просто человеком. Сюда, после того как заканчивалась дневная работа, приходила его жена, снимала громоздкую мантию своей власти и

ложились рядом с супругом в тишине и покое. Тут они и умерли, оба, пали жертвами браксинского яда.

— Фериан дель Канар... — пробормотал охранник.

Взрослое имя зонда было необычным, Фериан и выбрал его по этой причине. Дополнительное имя объявляло (несмотря на все внешние признаки обратного), что он — азеанец. Для незнакомцев этого было достаточно. Зачем им знать больше?

— Временный допуск? — у охранника явно возникли подозрения. Он нахмурился, вставил карточку в прорезь машины и стал ждать результата. Наконец экран очистился, и на нем появились слова: «Пропуск действителен. Подтверждено».

Все еще недовольный, охранник кивнул:

— Можете проходить. Ли Нат вас проводит.

«И пусть Хаша поможет тебе, если из-за тебя возникнут хоть малейшие проблемы!» — добавил он про себя, протянул пропуск Фериану и жестом подозвал еще одного охранника.

— Тринадцать/двадцать три. Обыщи его сперва!

Фериан позволил себе улыбнуться. С черными, напоминающими бархат волосами, и блестящей белой кожей, зонд выглядел достаточно по-браксански, чтобы обеспокоить любого офицера Службы Безопасности. И если его волосы были длинными, а лицо чисто выбритым, — уступки, на которые он с неохотой пошел, следуя имперской моде, — это не скрывало, кто он на самом деле, как телом, так и душой, то есть отчасти браксан.

— Все в порядке, — сказал ли Нат, тщательно обыскав Фериана при помощи ручного сканера. Было очевидно, что ему не по сердцу провожать подозрительного гостя. — Идите за мной!

Тринадцатый уровень, секция номер двадцать три. Коридоры представляли собой трехмерный лабиринт, перемежающийся сенсорными панелями, которые — к большому раздражению Фериана — требовали подтверждения его допуска перед тем, как пропустить дальше. Впечатляет, подумал он, но и только. Ведь, в конце концов, если честно, система провалилась. Дармел лиу Туконе и Суан лир Асейрин мертвы, на них совершил покушение наемный убийца, и никакие сканеры в мире не могут изменить этот факт.

— Вот, — резко сказал охранник. От него исходили волны неудовольствия.

Охранник дотронулся до соответствующей пластины, таким образом сообщая единственному занимающему апартаменты человеку об их визите. Прошло мгновение — почти неслышный вжик сканера напомнил Фериану, что он все еще находится под наблюдением Службы Безопасности, — и дверь открылась. Его приветствовал Набу ли Пазуа, директор Института, отвечающего за психогенетические исследования.

— Фериан! Наконец-то!

Ли Пазуа был уже немолод, ему давно перевалило за двенадцатое десятилетие, но его стать и экстрасенсорные способности поражали. Красная полоска телепата ярко выделялась на фоне его кожи, полувоенная форма придавала ему дополнительную властность.

— Спасибо, — поблагодарил он охранника, жестом пригласил Фериана войти и запер дверь. — У тебя не возникло проблем, пока ты сюда добирался?

— О, проблемы были, — Фериан поделился чудными воспоминаниями с директором Института: проверка Служб Безопасности, подтверждение допуска, драка с сопровождающими охранниками, пока он находился на орбите Киауна.

«Но я здесь, — сказал он телепатически и добавил: — А где ребенок?»

«Сюда», — ответил директор, так же мысленно.

Апартаменты, в коих некогда жил Дармел лиу Туконе, были богато обставлены, стены покрывал шнуровой орнамент, а мягкая мебель будто вырастала из пола. Что нетипично для азеанцев: в азеанской культуре преобладали острые углы и яркие, контрастные тона. Здесь же приглушенный голубой цвет стен переходил в цвет морской волны, несимметрично в узорах появлялся и лиловый... Больше походит на лугастинский стиль, чем на какой-либо другой, хотя материал, несомненно, браксинский. Странное смешение стилей для офицера Службы Безопасности.

— Сюда. — Ли Пазуа указал на дверь и добавил ментально: — «Будь осторожен».

«Я всегда осторожен», — ответил Фериан.

Он зашел в тускло освещенную комнату и подошел к кровати, окруженной силовым полем. На ней лежала девочка, она спала, но сон скорее напоминал смерть.

Фериан остановился.

И уставился на нее.

— Скажи мне, что ты видишь, — попросил ли Пазуа.

Девочка — стройная, бледная, хрупкая — отличалась от всех, кого Фериан когда-либо видел. Казалось немыслимым, что она вообще сумела выжить. Ее кожа была бесцветной, волосы имели несвойственный людям оттенок — кровавый, с неестественным блеском, — и падали ей на плечи, закрывая горло, словно тысяча свежих порезов.

— Это их ребенок? — не веря своим глазам, прошептал Фериан. — Она же не азеанка...

— Рецессивный синдром, — объяснил ли Пазуа. — Приглядись повнимательнее.

Фериан дотронулся до ее разума своим особым сознанием и понял, почему директор пригласил его сюда. Внутри хрупкого тела, там, где должны были быть мысли, не было ничего. *Ничего*. Ни элементарного сознания, никаких обрывочных воспоминаний, — ни единого намека, что тело когда-то населялось. Пораженный Фериан обыскивал мозг ребенка со всей тщательностью, на которую только способен зонд. И все равно не нашел даже намека на сознание.

Что может означать только... Хаша!

— Фериан? — окликнул его директор.

Он очнулся и понял, что дрожит.

— Сколько ей лет? — сдавленно проговорил Фериан.

— Шесть стандартных. Четыре с чем-то лугастинских, — быстро ответил директор.

— Значит, до полового созревания.

— Несомненно.

Что это может значить?!

— Фериан?

Он заставил себя заговорить.

— Это телепатия, — хрипло произнес зонд. На ощупь поискал стул, нашел, сел. — Она слишком рано приобрела чувствительность... — Его передернуло.

— Значит, сомнений нет?

— Да.

Фериан снова дотронулся до сознания девочки — или пустоты вместо сознания. Ни шепотка, полное безмолвие!

— Она установила блокирующий щит, причем очень хороший, — определил он.

Специально подготовленные телепаты не могли ему сопротивляться, но как подобное удавалось этой малышке?

Директор был спокоен и последователен, оплот здравого смысла в той буре, что царила в душе Фериана.

— Современная теория утверждает, что экстрасенсорное пробуждение связано с гормональными изменениями, которые в свою очередь связаны... — забубнил он.

— Будь проклята теория! — и благословенна, — добавил он, переводя выплеск своей злости на браксинский, где благословение считалось ругательством. — Девочка обладает телепатическими способностями — она активный телепат. Послушай, директор, ты не стал бы запечатывать себе глаза, если бы никогда ничего не видел. Какой смысл? А она явно видела свет и отказалась от него, и ее ментальные веки закрыты так плотно, что сквозь них не проникает ни лучика — в любом направлении. Это определенный признак телепатии, более явного я не встречал.

— Ты можешь ее спасти?

— Уточни, — нахмурился Фериан.

— Установи контакт. Выведи ее наружу.

— Трудно...

— Но выполнимо?

Фериан задумался над проблемой.

— А ты думал о возможных последствиях? Я оставляю отчетливо браксинский след...

— Другие зонды уже пытались, — пожал плечами директор. — Все. Если ты не сможешь этого сделать, то мы ее потеряем. — Он вздохнул и ментально передал свое разочарование. — Твои эмоциональные составляющие... уникальны. Может, это сыграет роль. Я надеюсь.

Он замолчал. Фериан некоторое время обдумывал, что знает об этом случае, затем спросил:

— Она видела, как умирали родители?

— Ее нашли рядом с трупами. — Директор ментально передал образ, поскольку слова не могли передать весь этот кошмар. Единственным, что осталось от двух самых влиятельных лиц из азеанской Службы Безопасности, стали два черных неподвижных куля, по форме напоминавшие человеческое тело.

Браксинский яд. Чудовищная полуживая субстанция, которая много дней может оставаться незамеченной в крови жертвы,

а потом внезапно взрывается и превращается в массу бурлящего черного ада. Она сожрала Дармела, его заразили. А его жена подхватила заразу, когда пыталась спасти мужа. Но ребенок...

— Она тянулась к родителям, — пояснил ли Пазуа. — Вероятно, яд прекратил действие до того, как она до него добралась.

— Она вступала с ним в контакт? — резко спросил Фериан. Директор кивнул.

— Я этого не предполагал, — Фериан посмотрел на девочку — слабую, такую хрупкую! — и снова коснулся ее мозга своим сознанием.

— Метаболические сигналы колеблющиеся, странные, — размышлял он вслух. — Потрясение так захватило ее?

— Ты думаешь, она попала в ловушку кошмара? — переспросил ли Пазуа.

— Возможно.

Фериан сел на край кровати. Медленно, с грациозностью, что была частью его генетического наследия и частично подготовки, он провел рукой по телу девочки, и положил ладонь ей на лоб.

— Я готов, — отчетливо произнес он.

И он пошел вперед, в сознание ребенка.

Там была только тьма.

Фериан продвинулся вглубь.

(Соппротивление).

Он настаивал.

(Темнота. Страх).

(Мягкий вход).

«Вторжение — не источник зла. Позволь мне погрузиться в тебя. Не будет никакого вреда».

(Соппротивление любому контакту).

«Тебе совсем не нужно меня касаться. Отойди в сторону. Я пройду насквозь и выйду за границы. Нет необходимости в прямом контакте».

(Ослабленное сопротивление. Психическая усталость. Потенциальная уступка и сдача позиций).

«Образ: амeba уступает при приближении инородной частицы. Частица проходит сквозь клетку, отчетливая и отдельная, и выходит с другой стороны. Амeba светится, целая и неповрежденная».

(Податливость. Тьма расступается. Внутреннее молчание).

Фериан до предела напряг свои чувства; внутри ничего не было. Он поднялся на поверхность, чтобы только послать ли Пауза ментальное сообщение:

«Нет выхода».

«Совсем ничего?»

«Психические рефлексy. За ними нет мысли».

«Именно это сообщали и остальные».

«Я попробую прямой эмоциональный ввод».

Ему не требовалось говорить то, о чем думали оба: восприятие эмоций у Фериана было уникальным среди телепатy, и такой путь мог пройти только он один.

Фериан сформировал и очистил вектор эмоции. Направляемый одной мыслью, единственной нитью внутреннего сознания, зонд способен достигнуть самых глубоких и самых закрытых областей сознания. Но должно быть что-то, что его направляет, и именно это сидевший на краю кровати девочки Фериан надеялся вдохновить к действию.

«Печать!» — предложил он.

(Ничего не чувствующая тьма).

«Ненависть!»

(Тьма без ответа).

«Ярость!»

(Полная тишина).

«Обвинение!»

Шевеление мысли где-то глубоко — слишком слабое и слишком быстрое, чтобы ее поймать. Он клял себя за то, что он не сверхчеловек, хоть и супертелепат. Фериан попробовал тот же стимулятор еще раз, но не добился ответной реакции.

— Хоть не мертвая! — сказал он вслух, без особого энтузиазма.

Фериан приготовил образ, собрал для передачи. Образ будет означать его самого для ребенка — девочка будет мгновенно понимать, кто нарушил уединение ее сознания. Фериан очень тщательно выбирал образ, предполагая, что ее прошлое запечаталo у нее в сознании вполне определенные предубеждения. Затем он с силой протолкнул образ в ее сознание.

Образ был браксинский, и он тут же вспыхнул внутри нее.

Дитя Дармела лиу Туконе восстало. Волны отвращения поднялись вокруг Фериана, давили на него, это была инстин-

ктивная реакция девочки — желание изгнать его, но девочка на самом деле не знала, как это сделать.

Она отрицала реальность.

Фериан настаивал.

Она сломалась.

«Нет никаких браксинских экстрасенсов!»

Фериан ухватился за ее реакцию и крепко держался за нее. Одна ясная мысль может служить линией жизни для ее сознания, несмотря на то, что оно заперто. Девочка старалась уйти от него, вернуться во внутренний мир, который обещал (но полностью не давал) освобождение от всей боли и раздражения. Фериан позволил ей туда уйти. И последовал за ней.

(Кипящая вина. Ненависть к себе. Болото морального уродства — образ самой себя).

Это для него не было новостью, и Фериан откинул их прочь.

(Ужас! Боль!)

Он ухватился за них.

Мысль отошла назад, назад, назад через уродство к центральному средоточию страдания, к...

* * *

Дармел кричит.

Девочка испуганно поднимается из полусна в мир за пределами ее понимания. Воздух пульсирует от ужаса и агонии там, где раньше был только воздух. Нечеловеческая боль накатывает на нее — откуда она исходит? Девочка смутно осознает, что мать выбежала в прихожую, испуганный ребенок следует за матерью.

Живой яд, введенный ее отцу много дней назад, активизировался. Яд пустил корни у него в груди, он мутирует, растет и питается плотью Дармела, пока не выходит на плечо — черная коагулирующая паралитическая живая ткань. Если бы это проявилось на руке или на ноге, то отца можно было бы спасти — немедленной ампутацией, для чего у Суан имелся специальный кинжал. Но яд уже добрался до областей, слишком ценных для удаления. Дармел лиу Туконе бьется в агонии. Черная пена брызжет у него изо рта, и ужас

перехватывает дыхание. Черная масса пятнами покрывает пол у ног испуганной жены.

Ее девочка, что совсем недавно была просто ребенком, переживает боль отца так, словно это ее боль, его крики и агония пробуждают ее экстрасенсорные способности. Девочка умирает вместе с отцом, познавая безумие гибнущей плоти. В иступлении Дармел вырывает из тела больной кусок, как взбесившееся животное, которое хочет избавиться от частей тела, приносящих ему боль.

Кусок оторванного мяса попадает в Суан и пускает корни до того, как можно что-то сделать и извлечь его. Черная смертоносная гадость поглощает новую жизнь, быстро пожирает одежду и вторгается в тело Суан. Зная, какой конец ее ждет, и имея в своем распоряжении лишь мгновение, пока кровавой пеной не заволокло сознание, Суан вонзает в себя кинжал, быстро, чтобы не успеть испугаться. Жуткий образ самоубийства разрывается в сознании девочки вместе со страхом и болью, которые испытывала мать в последние мгновения жизни.

Ребенок борется с желанием умереть и страданием, но это бесполезно. Но вот она находит ключ — ключ к тому, как закрыть сознание. Видение уходит, за ним исчезают звуки. Спокойная, благословенная тьма окутывает измученное сознание, оставляя только мысли в относительно безболезненной пустоте. Мысли... и память.

«Я видела его».

Ужасное, ужасное знание; какой ребенок может столкнуться с этим и не сойти с ума?

«Я видела его. Наемного убийцу. Хаша, помоги мне...»

Она помнит его таким, каким он был в тот день, азеанец, как все остальные... только *другой*. Они стоят в Музыкальном Зале, ждут конца антракта, она смотрит на него, пока он разговаривает с ее родителями. Слова у него лживые. Его одежда, золотистая кожа — лживые, и его азеанские глаза... Они должны быть черными, бархатисто-черными, глубокими, они скрывают ужасные тайны. Он смертоносен, но заворачивает, хищник в человеческом облике, и когда он поворачивается посмотреть на нее, по ней ударяет полная сила его личности, и девочка содрогается. Как ей объяснить взрослым, что она видит? Кто поверит ребенку? Какой взрослый серьезно воспримет такую фантазию — а это определенно

фантазия! — или поймет, что ее латентные экстрасенсорные способности, впервые проявившиеся сейчас, пронзили азеанскую наружность этого человека, различив под ней врага, вторгнувшегося на чужую территорию?

Убийца, жаждущий смерти, отворачивается и протягивает своей жертве — ее отцу — стакан легкого вина. Девочка чувствует охотничий азарт, разделяет его на мгновение и сила этого человека подавляет ее. Но она не кричит. Не взывает к родителям. Они не поверили бы ей, если бы их предупредила, и у них есть для этого основания. Она *должна* ошибаться — *должна*!

Убийца улыбается, переполняясь чувством торжества. Когда ее отец принимает чашу со смертью своей.

«Я могла тебя спасти! Ты мог выжить! Мне следовало что-то сказать — хоть что-то! Я должна была сделать так, чтоб ты поверил. Ты мог бы остаться в живых. Я убила тебя!»

Девочка ползет вперед, ощупью находит дорогу; чувство вины притупило другие чувства, остались лишь ощущения от прикосновения. Несмотря на удушливую тьму, она пытается двигаться, добраться до места, где все еще бурлит и кипит Черная Смерть, желая разделить судьбу тех, кого убила своим молчанием.

«Возьми меня!» — просит она Черную Смерть.

Но яд закончился, действие его прекратилось. Яд мертв. Он бессилен взять еще одну жертву, независимо от того, что эта смерть будет справедливой.

Мириады далеких враждебных разумов грозят ворваться в недавно обретенное экстрасенсорное сознание.

В отчаянии она навсегда захлопывает перед ними дверь.

* * *

Девочка знает, что уязвима, одна, и... ее ненавидят. Она винит себя за смерть родителей. Она понимает: все увиденное — правда, но у нее не хватает знаний, чтобы ее интерпретировать. Нужно работать с ненавистью к себе, чувством вины, перекинувшимся на нее желанием матери умереть, а затем, конечно, с желанием собственной смерти...

Директор кивнул и налил Фериану еще вина. Притупляющий ощущения алкоголь медленно возвращал зонда к ре-

альности, даже если алкоголь блокировал его экстрасенсорные способности. Потребовалось пять больших стаканов, чтобы он смог говорить.

— Ты сможешь это сделать? — осведомился Набу.

Фериан колебался. Еще выпил.

— Ты не знаешь, о чем просишь, — невыразительно сказал он.

— О том, к чему тебя готовили.

— Меня учили заниматься телекоммуникациями. Меня учили действовать, как браксана, — Фериан большим глотком осушил еще один стакан. — Помнишь: возможность, что выпадает раз в жизни. Главное Оружие. Отправить его на Бракси, позволить ему стать шпионом Империи. По крайней мере, ты так говорил моей матери, когда убеждал ее жить с памятью об изнасиловании. А также выносить меня с этой памятью в душе и родить. — Фериан внутренне содрогнулся. — Разум девочки — это ад саморазрушения. Не надо меня обрекать на работу с ним, если только ты не хочешь отправить меня на вечный отдых раньше времени.

— Послушай... — Директор подался вперед и торопливо заговорил. — Она не нужна государству. Они позволят Институту забрать ее и забудут о том, что она когда-то существовала. Ты понимаешь, что это значит? *Никогда* еще не появлялось на свет потенциального телепата, подобного ей! Никогда не встречалось такого высокого, как у нее, изначального рейтинга, и определенно еще не было полного пробуждения до наступления половой зрелости. Черт побери ее родителей! — выругался он. — Мы не раз пытались побеседовать с ними. Почему они игнорировали наши попытки? Если бы мы ее обучали...

— Вы не начали бы так рано, и ты это знаешь. А что касается ее родителей... — Фериан вздохнул. — Они заплатили страшную цену за все, что сделали с ней. Но я думаю, что какую-то часть ее сознания можно спасти. — Он снова наполнил стакан дрожащей рукой. — Перевести вину в злость, перенаправить ненависть с себя на внешний объект... вот как-то так.

— Какой объект? — насторожился ли Пазуа.

— Думаю, им станет убийца ее отца. «Хищник с глазами бархатной смерти», — вот как она его назвала, — Фериан поморщился. — Или на его расу, если не получится на него лично.

— Браксинцев?

— Я так предполагаю. Она так предполагает.

«Представитель племени браксана», — подумал Фериан, и внутри у него все сжалось, когда он заново пережил воспоминание, что разделил с девочкой. Где тут был страх девочки и где — его собственный страх? Эти золотистые глаза, которым следовало быть черными, взгляд их проникал в его душу, и хотя эмоциональные реакции Фериана не окрашивались смущением или непониманием, как у девочки, он оценил убийцу лиу Туконе точно так же, как и она. «Человек, с которым я надеюсь никогда не встретиться, — подумал Фериан. — Очень опасный человек».

— Значит, будешь питать ее ненавистью? К Бракси? — переспросил директор.

Фериан кивнул и в этот момент понял, что согласится выполнить задание.

— Будет очень тяжело, — предупредил ли Пазуа.

Фериан заставил себя рассмеяться.

— Не впервой! — и залпом осушил очередной стакан.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

«Цивилизованный человек жаждет иллюзии варварства. Или его культура удовлетворяет эту необходимость, устраивая соответствующие церемонии, или его совертит первый контакт с культурой, которая это может предложить».

Харкур

Во тьме между звездами шевелится Цель. Ее направляет мысль, усиленная телепатией, она выходит наружу из своего создателя — директора Института — и ищет в психосфере Лугаста первого выбранного рецептора.

Тот мысленно отвечает:

— Это Адран ли Касуре, лугастинский телепат.

— Директор Набу ли Пазуа, из Института. Как я предполагаю, вы получили сообщение?

— Минимальное. Вы хотите что-то передать на Бракси?

— Под моим руководством.

(Образ: Адран ли Касуре кивает).

— Конечно.

— Готовьтесь к подключению.

Более слабое сознание расслабляется, плывет... и поглощается сознанием учителя, силой, если не личностью. И вновь директор направляет сознание к Бракси, усиленное поддержкой ученика.

Затем он вступает в контакт на Киау и обеспечивает дальнейшую передачу.

И достигает Иенды.

Суула.

Адриша.

Пока наконец не пронзает щупиком мысли сам Холдинг.

И Бракси.

— *Фериан?* — следует запрос.

Ответ очень слабый, но интенсивность нарастает, когда браксанский зонд концентрируется на передаче и добавляет свою силу к усилиям других.

— *Да, я на связи,* — ответил Фериан. — *Хотя принимаю с трудом. Это лучшее, что можно сделать?*

— К сожалению.

— Значит, придется довольствоваться этим. Тут сложилась следующая ситуация. Они полностью купились на мой рассказ. Мне пришлось пройти базовый генетический осмотр, но их интересовало только подтверждение моей браксанской половины; не думаю, что у них вообще есть азеанские коды в файлах. Они подтвердили наличие у меня браксанской крови, хотя у них такая примитивная наука, что они не могли свести ее до конкретной родословной. В результате я прошел проверку, меня приняли и сочли своим.

— Хорошо. Ты обустроился?

— Я перевел свои сбережения в местную валюту и занял место на самой Бракси, рядом с Куратом, в секторе высшего класса. С моей браксанской внешностью никто не задает мне здесь вопросов. В связи с ассимиляцией возникли две проблемы.

— Языковые?

— *Нет, с этим все в порядке. Конечно, язык слишком сложный, чтобы начать сразу же свободно общаться. Я не знаю, с какого из сорока двух речевых режимов начинать и*

тем более не способен вести два разговора одновременно, как они. Но используя телепатические способности, мне обычно удастся найти правильный режим — или скрыть оплошность, если не получилось сразу. Самая большая проблема с едой. (Сенсорный образ: завтрак). Здесь добавляется столько специй, что я с трудом это ем.

— Хаша, я понимаю, что ты имеешь в виду.

— И это была первая еда за день. Не буду заставлять тебя лицеизреть ужин. С любым блюдом здесь подают вино. Могу сказать, что браксинские сорта великолепны на вкус, но слишком крепкие, ими можно заправлять звездные лайнеры. Кажется, они добавляют туда и какие-то фармакологические препараты, может, немного галлюциногенов или слабых афродизиаков. То, что мне давали в процессе подготовки, — вода в сравнении с этим вином! Неудивительно, что они умирают раньше нас.

— Что еще?

(Уклонение. Смушение).

— Фериан...

— Хорошо, хорошо, женщины. Что я делаю не так? Они практически умоляют меня заняться с ними сексом — знаешь ли, это связано с расой, — но я сделал ошибку, предположив, что одна может захотеть провести со мной ночь, и получил в награду ругательства, которые... ну, я тебя избавлю от них. Очевидно, я нанес какой-то ужасный удар по ее браксинской чести. Я также прилагал героические усилия, чтобы быть более яростным, но за это получил еще большее количество царапин. Мне больно, директор.

— Боль — это ценное чувство, Фериан, не забывай об этом.

— ...И теперь, раз ты мне напомнил, — будь прокляты также и эти Социальные Кодексы!

— Ты уже установил какие-то контакты?

— С несколькими членами Домов кайм'эра, а также молодым браксаном по имени Селек. Кстати, я сам представляюсь Фераном, поэтому, пожалуйста, тоже пользуйся этим позывным, или я когда-нибудь оговорюсь не в том обществе.

— И что этот Селек?

— Он водил меня в Музей эротического искусства. (Невольный образ: сдержанный браксан проводит рукой в перчатке по бедру почти обнаженной официантки. Невольное

объяснение: ресторан при Музее. Селек). Мы немного поговорили. Здесь нет понятия дружбы, знаешь ли, по крайней мере, между представителями одного пола. Так как мне судить о каких-то отношениях? Я имею в виду, какими критериями пользоваться? Хотя я скажу тебе одну вещь. Я вижу, почему их не беспокоят шпионы, — и поверь мне, они их не беспокоят. Единственное, что мне помогает, — это моя телепатия. Я не могу представить, чтобы не функциональный телепат продержался здесь более одного дня... Хаша, что бы я отдал за простую яичницу! Без специй.

— Ну, ты еще ею полакомишься. Обязательно! Это все?

— Пока да. Я убедился, что наше предположение правильное. Браксаны испытывают очень сильное недоверие к любым нематериальным силам; поэтому здесь и не развивалась телепатия. Никто ее открыто не обсуждает; но насколько я понял, если ребенок проявляет подобные способности, от него избавляются — кстати, у браксанов детоубийство в порядке вещей. Таким образом сохраняется превосходство расы. В любом случае я думаю, что сам нахожусь в относительной безопасности. Как мы и договаривались, я буду ждать контакта в оговоренные часы.

* * *

— Фериан? Как ты?

— Нормально. Кто на связи? Она кажется лучше.

— На последнем этапе подключился эр Влас. Это зонд, и тебе будет легче общаться с ним, а он уже передаст сообщения в Империю. Есть новости?

— Нет. Я просто укрепляю контакты. Сечавех успешно организовал прецедент несколько десятилетий назад: появился из ниоткуда и добрался до статуса кайм'эра. Думаю, я вызываю у них меньшие подозрения, чем вызывал бы, пояись я до него. Селек показал мне Курат, и меня знают в его Доме, но пока я там нахожусь, разговоры о политике почти не ведутся, по крайней мере, ничего полезного не говорят. Он дал мне попользоваться Хозяйкой Дома — аппетитная штука.

— Половая жизнь идет легче?

— Привыкаешь.

— А как насчет еды?

— На это потребуется больше времени. Сегодня познакомился с Д'врой.

— С кем?

— *Ох, прости, откуда тебе знать? Она — чистокровная браксанка, Хозяйка Дома Йирила... здесь.* (Образ: широкоплечая женщина с хорошими формами, белокожая и черно-волосая, надменная, властная, агрессивно сексуальная. Мир для нее — грязь. Когда она заходит в комнату, мужчины замолкают. Она заставляет любого мужчину — даже азеанца — отчаянно мечтать о покорении, но у нее есть законное право убивать любого, кто дотронется до нее против воли).

— Она и в самом деле нечто.

— Да. Кажется, она заинтересовалась мной, но я думаю, что не готов к отношениям с ней. Йирил и двое других сформировали нечто типа триумvirата, который здесь почти всем заправляет. Объединение кайм'эра в любом деле кажется редкостью, поэтому если несколько из них все-таки договариваются, получается очень эффективно. Как я понимаю, через Д'вру будет легко следить за этим трио. Конечно, если у меня с ней что-то получится.

— Триумvirат: Йирил, Винир и Сечавех?

— *Нет, они вытеснили Винира несколько лет назад в пользу его сына. Ему под руку не попадайся!* (Образ: Затар. Подтекст: нервность). *Он умеет держать себя в руках и чрезвычайно опасен. Другие позволяют себе любые отрицательные эмоции, какие только придут на ум; и таким образом пропускают мою необычность. Но я предчувствую, что как раз этот может и заметить.*

Ты его боишься?

— (Уклончиво). *Я предпочел бы это не обсуждать.*

— Хорошо. Я не стану на тебя давить. Помни: первым делом безопасность; ты не принесешь нам никакой пользы, если эти люди начнут тебя подозревать.

— (Сухой смехок). *Не беспокойся, директор. Самосохранение — главное у браксанов. Я — не исключение.*

* * *

— Феран?

— Имею честь быть твоим врагом, директор.

— Что это?

— Прости, привычка.

— Черт побери, очень странная привычка!

— Браксанское приветствие. Что-то не так?

— Ты... другой.

— В каком смысле?

— (Неуверенность). *Больше напоминаешь свою красно-волосую протезе.*

— Которая очень похожа на браксинку.

— Я знаю. Именно это меня и беспокоит. Будь осторожен, Феран.

— Я осторожен, директор.

— Как идут дела?

— Очень мило. Я провел ночь с Д'врой — конечно, по ее инициативе.

— Великолепно. Добился чего-нибудь?

— Все зависит от того, как ты...

— Феран! Ты прекрасно знаешь, что я имею в виду.

— Прости. Просто я уже настроился на жизнь здесь, а затем, когда приходит время сеанса связи, мне приходится все это выключать...

— Ну, возьми себя в руки. Ты делаешь что-то конструктивное?

— Я перебрался в Курат. Я знаю достаточно людей, чтобы оставаться в безопасности, и Курат показался мне лучшим местом для ведения наблюдения. Знаешь ли, я ведь браксан.

— Только наполовину — и обе половины принадлежат Институту.

— Я знаю, знаю. Хорошо, я в идеальной позиции для шпионажа. Я устроился, пользуюсь достаточным уважением, и никто не подозревает о моем телепатическом контакте с тобой. Надеюсь разобраться с местной политикой перед тем, как идти дальше. И я ищу Хозяйку.

— Кого?

— Кого-то, кто будет заниматься Домом. Нельзя ожидать от мужчины, что он будет вести хозяйство, ведь так? Так, а кто сегодня участвует в сеансе связи?

(Отвечают четыре голоса, ментально).

— Хорошо, все мужчины. Ну, тогда посмотри вот этот образ, директор...

* * *

— Феран...

— Я польщен, директор.

— Пропусти это. Наш начальный класс рецепторов уловил последнюю передачу. Поэтому больше никакой телепатической порнографии. Понятно?

— Но она относилась к...

— Без нее можно обойтись. Понятно?

— (Пауза). *Да, директор.*

— Я разговаривал со своими помощниками, и мы все пришли к одному мнению. Ты должен при первой же возможности уехать отдыхать — с самой планеты Бракси. Мне не нравится то, что, как я чувствую, происходит с твоей психикой.

— Что происходит с моей психикой, директор, это мое личное дело. Давай-ка проясним этот вопрос! Тебе нужна информация — и я получаю ее для тебя! Но не учи меня, как жить или где, или с кем заниматься сексом, или как часто, и все остальное!

— Успокойся, Феран.

— Сейчас я очень занят, пытаюсь выяснить, кто мой отец. Твой шпионаж может подождать.

— Ты это не всерьез, надеюсь?

— Для меня это играет важную роль. Ты понимаешь каково это — не знать, кто твой отец?

— Это не имеет значения. У тебя есть прикрытие...

— Но эта легенда неправильная. Это позор — браксан, знающий только свою мать. Твоей «миссии» придется подождать, директор. Прости, я займусь ею после. Обещаю.

— (Пауза). *Как хочешь, Феран.*

— Я — Феран.

— Как пожелаешь.

* * *

Стандартная передача класса 2Д, расширенная/сверхсветовая, доходит до Базы № 1, Азеа, и, стабилизированная/ниже скорости света, ретранслируется:

— Будьте добры, пожалуйста, директора Эбре ни Кахва!

Глава Звездного Контроля шевелится, включает визуальную связь.

— На связи.

— Набу ли Пазуа, из Института.

— Ли Пазуа... да, помню. — Помощник подносит краткие файлы, ни Кахв быстро просматривает их, пока они разговаривают с директором Института. — Что я могу для вас сделать?

— Вы приказали проверить данные на Фериана дель Канара. Я сделал это.

В данных указывалось следующее: «Фериан дель Канар, продукт изнасилования Лиа ки Джаннор браксинцем (браксаном?) во время покорения Лииса, личность отца неизвестна. Потенциальные телепатические способности оценены: 9.38+, функциональный телепат = 9,33. Замечание о надежности: в полной мере неизвестно, зависит от условий». Эбре ни Кахв задумчиво хмурится.

— Все идет как планировалось? — спрашивает он.

— Фериан хорошо приспособливается — возможно, даже слишком хорошо. Я беспокоюсь, не слишком ли мы подчеркивали его браксанскую часть.

— Если то, что вы говорите мне, правда, то я не вижу в этом вреда. Если только нет других факторов, которые следует учитывать...

— Я рассказал вам все, относящееся к ситуации.

— Конечно. — Эбре находит место в данных ли Пазуа, где появляется фраза: «Нелоялен?» — и снова ее подчеркивает. — А если дело обстоит именно так, то нет оснований беспокоиться. Вы тщательно его подготовили, и он соответствующим образом адаптируется. Я прав?

— Это и было нашей целью.

— Ну, тогда доверяйте своим планам. Доверяйте Фериану.

Немного погодя он добавил, пожалуй, не совсем откровенно:

— Я доверяю.

* * *

— Фериан?

— Меня зовут Феран, директор, и я здесь. Я ждал вас.

— На этот раз с тобой было трудно связаться. Человек, обеспечивающий последнее звено в нашей связи не мог тебя найти...

— Я не перемещался.

— *Нет. (Пауза). Но ты изменился.*

— Возможно.

— Что случилось?

— Так, ничего. Лина беременна.

— Кто такая Лина?

— Моя Хозяйка.

— О-о! Мои поздравления.

— (Образ: Фериан дель Канар пожимает плечами). Праздновать начинают, если ребенок выживет, директор, и не раньше. Наша раса слабая в этом отношении — фактически бесплодная. Мы не признаем беременность, только успешное рождение...

— Фериан...

— Он может родиться азеанцем?

— Что?

— Я спросил, ребенок может родиться с азеанскими чертами?

— *Не думаю. Я проверю коды твоего репродуктивного процесса. (Пауза. Беспокойство). Но зачем? Ты определенно не станешь ждать год...*

— Я хочу увидеть своего сына.

— Фериан...

— Я увижу своего сына, директор! Разве это слишком много для браксана? Я прошу слишком многого?

— Ты зашел слишком далеко. Я думаю, тебе лучше вернуться домой...

— Я не вернусь домой, директор. Для меня нет места в Империи, и ты это знаешь. Я остаюсь здесь. Я буду выполнять работу, которую ты хочешь, но я остаюсь здесь. Это мой окончательный ответ.

— А твоя Хозяйка знает, как готовить яичницу?

— А что это?

— Неважно. Ничего. Как еда?

— Прекрасная. Повар готовит не совсем так, как нужно, но ничего — с этим можно жить. Надеюсь импортировать кого-то, кто лучше знает специи Центра. Прошлым вечером

ко мне на ужин приходил Затар, и было стыдно подавать ему пищу, так сильно смахивающую на азеанскую.

— Есть какая-нибудь интересная информация?

— Немного. Думаю, моим отцом мог быть и Сечавех. Я научился уважать его ненадежность — ему нельзя доверять, и это несмотря на его влияние. Если мы с ним одной крови, то я бы этим гордился.

— Это все?

— Пока да. Живи в опасности, директор!

— И ты тоже.

* * *

— Феран?

— Связь очень слабая, директор. Я едва тебя слышу.

— Связь хорошая, дело в тебе.

— Со мной все в порядке.

— Как я предполагаю, ты там не зарабатываешь себе на жизнь?

— О, как раз зарабатываю! Мы с Кетиром создали совместное предприятие на рынке рабов Белекор — конечно, все держится в тайне, — это не дело для браксана, и плохо, если кто-то обнаружит, что браксан так активно торгует инородцами. Но я смог значительно расширить свои владения на полученную прибыль.

— Что-нибудь еще?

— Тебе нужно смириться, директор. Я использовал свои телепатические способности в целях получения секса; требуется много усилий после того, что ты сделал со мной, — разделил во мне две расы.

— Это было необходимо для твоего выживания.

— Опасность миновала. Я нахожу эти способности все менее и менее выдающимися. Боюсь, браксанам не суждено было стать телепатами.

— Но тебе суждено. Определенно.

— Это было двадцать лет назад, директор. С тех пор многое изменилось. Мы с Сечавехом долго разговаривали вчера...

— Ты сказал ему, кто ты?!

— Кем я был, да. В конце концов, я ведь наполовину браксан. Требуется получить более чем извращенное воспи-

тание, чтобы заставить одного из этих мужчин отказаться от своего отпрыска. А Сечавех не особенно любит женщин, по крайней мере, в традиционном смысле, а это, в свою очередь, означает, что у него даже меньше сыновей, чем у большинства... В любом случае, какими бы причинами он ни руководствовался, он принял меня. И передал мне официальные права на свою родословную, а также подарил древний жаор, с которым я активно тренируюсь... А ты знал, что браксанские женщины тоже фехтуют? И как отчаянно!.. Не знаю, директор, смогу ли выйти на следующий сеанс связи. В Архиве Музея костюмированный бал в это время, и мы все готовим традиционные браксанские костюмы... Боюсь, что после того, как Д'вра и другие появятся в этом облачении, у меня не будет ни времени, ни интереса вступать в контакт с тобой. Живи в опасности, директор, и спасибо за то, что спас меня!

— Пожалуйста, Ферриан.

— Меня зовут Феран.

— Как угодно.

* * *

— Директор ни Кахв?

— На связи.

— Директор ли Пазуа. У нас имеются кое-какие результаты по делу Ферриана дель Канара.

— Слушаю.

— Он перешел на сторону врага. О, не думаю, что он сам это понимает пока и точно так не говорит, но я считаю, что мы навсегда утратили контакт. Он рассказал им о своем прошлом, и они приняли в нем браксанскую кровь как достаточную для отказа от его азеанского воспитания. У него типичный браксанский дом, а это означает, что у него есть компьютерный доступ ко всей необходимой нам информации, но он не станет передавать нам ни слова.

— Отлично.

— Да, и я так думаю.

— Теперь я могу полностью доверять вашим выводам. Должен признаться, у меня оставались сомнения, когда мы обсуждали это в первый раз.

— Отправь мы его с простой шпионской миссией, все было бы так же. Произошло бы нечто подобное — может быть, позже, без понукания с моей стороны, — но, тем не менее, конец был бы тот же. Фериан стал бы браксаном, а мы ничего бы с этого не получили.

— Но таким образом...

— Как я и обещал. Его быстрая ассимиляция в браксинскую жизнь — доказательство его психологической обработки, наряду с другими признаками, которые я в нем запрограммировал. Что касается его самого, то телепатический дар стал пассивным, как бы уснул, — у него не будет оснований что-то подозревать. В конце концов браксаны поймут его ценность для ведения переговоров и направят Фериана против нас, поскольку он так хорошо нас знает. Гарантирую вам: нужно поместить в комнату с ним одного телепата — и вы получите всю информацию, которая вам требуется. Фериан станет подобен открытой книге — мы его таким сделали. Соответствующему, правильно подобранному разуму он передаст все, что знает. И ни он сам, ни браксаны ничего не заподозрят.

— Вы это гарантируете?

— Есть блокиратор, который ставится в разуме любого телепата, за счет чего он никогда сознательно не признает, что прошел психологическую обработку. Фериан не подтвердит подозрений такого рода, даже если открыто обвинить его в этом. Что касается остального, то Фериан подтвердил мои выводы относительно браксинской культуры. Она абсолютно неэкстрасенсорна. Браксаны ничего не пронюхают.

— Хорошо. На самом деле даже отлично. Значит, теперь нам остается только ждать?

— Нам остается только ждать, — торжествующе кивает ли Пазуа.

ГЛАВА ПЯТАЯ

«Самое священное для мужчины — это неприкосновенность его сознания. Допрашивайте его, пытайте, ломайте; и все же его мысли остаются только его собственными, пока он не пожелает выразить их вслух. Это — одна из основ браксинской философии.

Экстрасенсорные способности по самой своей природе нарушают эту неприкосновенность. Поэтому нам не следует терпеть подобное».

Харкур

На Дари находился браксинский шпион.

Новость не дошла до сведения общественности, но она дошла до тех, кому требовалось это знать. На другом конце Азеанской Империи перехватили послание, и гигантский механический мозг решил, что оно направлялось на Дари. Этого было достаточно. Мобилизовали Звездный Контроль, и всех свободных агентов Службы Безопасности перевели в сектор, о котором шла речь. За всеми портами на планете велось наблюдение. Любые сообщения на всех частотах, на которых осуществлялись коммуникации, записывались и анализировались. Теперь оставалось только ждать, поскольку Дари представляла собой политическую бомбу с часовым механизмом, способную сдетонировать при любой оплошности.

Те немногие, чья сила или анонимность позволяли им свободно передвигаться, без шума, потихоньку прибывали на Дари. Одним из них был ребенок.

1

Люди воспринимали Лаун Сета как чужого; однако истинные чужаки обычно относили его к человеческой породе. Его тело соответствовало программе Разбросанных Рас: голова над туловищем, прямоходящее, две руки, две ноги, причем расположенные симметрично, как и надлежало представителю человеческого вида. Темно-коричневая кожа тепло блестела в лучах солнца, а в глазах виднелись красные пятна, типичные для кровопускателей. И хотя на четырехпалых руках насчитывалось больше суставов, чем признано нормальным для человека, в общем и целом руки были обычными, как и мускулатура.

Он был обнажен, если не считать набедренную повязку из металлической сетки, скорее защитную, чем декоративную. На одной руке по всей длине шли темные глубокие порезы — черные полосы в три ряда, всего около двухсот. Каждый был знаком победы, а потому — заслуженным билетом на продолжение своего рода.

Наконец его противник приготовился — Драго, более старший по возрасту мужчина с Филка. Он совсем недавно оправился от перелома руки. А это слабость, которой не грех воспользоваться. Рука будет реагировать медленнее, и Драго, разумеется, ждет, что Лаун Сет этим воспользуется.

От Круга утоптанной земли исходил легкий запах крови, который улавливало чуткое обоняние Лаун Сета. Этот запах не способен уловить посторонний, и даже кровопускатели его не ощущали почти до наступления хьярке. По этой причине Лаун Сет предпочитал утоптанную землю синтетическому покрытию, хотя оно помогало лучше удерживаться на ногах. Здесь кровь всех павших...

— Лаун Сет! — голос Драго звучал грубо, в манере официального дарианского обращения. — Ты пришел противостоять мне?

Ритуал завладел его вниманием.

— Противостоять тебе и скормить твою кровь достойному, — спокойно ответил он.

— Я вылью твою суть на землю, — гневно бросил ему противник.

Лаун Сет крепко сжал рукоять клинка.

— Тогда давай начнем, — в ярости прошипел он.

Они начали кружение. Теперь возбуждение полностью охватило Лаун Сета, и он больше не помнил, что на него глазееет толпа. Сверхчувствительные ноги проверили грунт — влажный и твердый. Хорошо. Драго замахнулся, но Лаун Сет не собирался поддаваться ему. Лаун Сет легко отступил, отмечая манеру противника двигаться, даже когда открывал собственную тактику.

Его оружие было длинным, тонким и смертоносным. На одном конце гладкой деревянной ручки блестело обоюдоострое лезвие в форме серпа. Плоское лезвие на другом конце ады украшали завитые, будто кудряшки, зубчики — только для последнего удара, если до него дойдет.

Лаун Сет атаковал. Противник парировал удар, и это движение поднесло его загнутае лезвие очень близко к лицу Лаун Сета, затем оно пошло вниз, вдоль руки. Лаун Сет позволил ему порезать себя и оттолкнул прочь. Неважно, кто пустит первую кровь, при условии, что это сделано быстро. Лучше контролируемый порез, безопасный при взаимном почтении

к хьярке, чем кровопускатель, отчаянно стремящийся к «красному вдохновению», а потому опасный в хаосе эмоций.

Лаун Сет вдохнул запах собственной крови, и его ноздри затрепетали. Это был наркотик и для него, и для других вроде него — почти неуловимый запах, который обострит его реакции и доведет их до предела возможного. Казалось, что из-под земли звучат тысячи голосов, отвечающие голосам в его душе, которая впитала силу более сотни людей. Появились рефлексy, что не были его собственными, навыки, которым он никогда не учился. Он стал единым с сотней мертвых, в Круге, служил хьярке, и был нацелен на убийство.

Он подождал, пока глаза Драго не засветились священной Переменной, прежде чем снова ударить. Не следовало проявлять неуважение к опыту другого человека. Несколько ударов, которыми они обменялись — с лязганьем и блеском лезвий, — показали Лаун Сету, каковы базовые реакции противника, в то время как он сам продемонстрировал свои.

Теперь не осталось ничего, кроме хьярке, кровавого спорта, который являлся душой Дари. Круг пульсировал вокруг Лаун Сета, физическая граница билась в тон его сердцу. Он перешел за грань сознательных мыслей, в более простой мир, где тело движается быстрее разума, и тебя охватывает тренированный инстинкт.

Они обменялись ударами; иногда то один, то другой противник наносил порез, но чаще удары парировались. Кровь перемешалась с потом и капала на землю. Время от времени клинки сталкивались с такой мощью, что свидетельствовало об ударе, который хоть и мог оставить человека в живых, но лишил бы его права иметь потомство. Кровь давала им силу, а ритуал делал выносливыми, и они бесконечно сражались под горячим солнцем.

Но вот Лаун Сету представился шанс. Он увидел это, осознание пробежало по его нервам и стало действием; он ударил, не раздумывая. Рукоятка ады запуталась у Драго в ногах, и он потерял равновесие. Драго упал, и его ждала смерть. Длинное изогнутое лезвие Лаун Сет повернул к противнику, а другой стороной воткнул аду в грязную землю, поэтому, когда Драго упал, его словно натянуло на кол. Он единожды вскрикнул, то была песнь умирающего, с которой вытекла его кровь и жизнь, и с этим криком в боли и славе Драго умер.

Лаун Сет подождал, пока суть силы Драго вытечет из его тела. Энергия пульсировала внутри Круга, высвободившаяся из мертвеца, но не покидала отмеченных границ. Затем победитель склонился перед убитым.

— Достойный, — прошептал Лаун Сет, потом сложил ладони чашечкой, чтобы красная жидкость стекала в них. Жизненная суть Драго танцевала в красной жиже и наполняла силой Лаун Сета, когда он ее пил.

Затем он отошел от падшего. Двое молодых кровопускателей зашли в Круг и натирали его тело лекарственными маслами, что снимут усталость и помогут Лаун Сету выйти из состояния, в коем он сражался. Теперь они все спускались вниз, в Круг, — зрители, сами бывшие кровопускателями, чтобы испытать крови падшего, в то время как те, кто не принадлежал к братству, спешили покинуть стадион, в благоговении и почтении перед ритуалом.

Двое молодых людей, которые смазали Лаун Сета маслами, склонились следующими и попробовали кровь падшего. Другие встали на колени после них и коснулись темными руками раны, которая стала смертельной, пробуя силу Драго и слизывая его мастерство с кончиков своих пальцев. Сидевшие за пределами Круга зрители ушли, не осталось свидетелей ритуала Участия, остались только те, кто имели право прикоснуться к таинству.

На руке Лаун Сета сделали поперечный надрез и втерли в него красящий порошок. Это был длинный порез, ибо Драго убил более сотни противников. Жизненная сила, пульсировавшая внутри Круга, уже уходила, поглощенная дюжиной мужчин, принимавших участие в ритуале. А когда ее остатки допил последний, то Круг утих и снова стал лишь линией в утопанной, пропитанной кровью земле.

Ритуал завершился.

Укрытая тенью, не замеченная никем, человеческая девочка улыбнулась.

2

Эту женщину никто не спутал бы с гражданским лицом. Торжа эр Литз печатала шаг, она шла быстро и широко, в ее манере держаться чувствовалась военная выправка, а глаза

фиксируют все детали происходящего, причем мгновенно и точно. Она была азеанкой, а потому высокой, стройной и золотокожей; она была Торжей эр Литз, и поэтому всегда производила впечатление.

— Я пришла на встречу с губернатором, — ровным голосом сказала она.

Секретарь из местных жителей поднял на Торжу глаза с вызывающей медлительностью.

— А вы кто? — холодно осведомился он.

— Командир звездного флота Торжа эр Литз, с «Мести». — Она говорила раздельно, четко, поняв по акценту секретаря, что по-азеански он говорит плохо. Тем не менее, ему потребовалась вечность, чтобы переварить информацию, и еще столько же, чтобы вывести на экран график встреч губернатора.

Торжа нетерпеливо постукивала по полу каблуком и осматривалась вокруг. Офисы здесь были похожи на азеанские: спроектированные просто, безыскусно, больше полагаясь на цвет, чем на объем и декор. Но такие цвета давно вышли из моды, и Торжа нашла их неприятно кричащими и безвкусными.

— Командир звездного флота Торжа Литз, — медленно прочел секретарь. Торже показалось, что ему известно, как ее оскорбляет то, что он опустил ее дополнительное имя, и решила, что секретарь ей не нравится. — Встреча не назначена.

— Я знаю, что встреча не назначена. Звездный Контроль должен был звонить. Вот... — она достала приказ из-под кителя с одним рукавом. — Это все объяснит.

Чтобы просмотреть листы, секретарю понадобилось столетие. Торже хотелось в сердцах крикнуть: «Черт побери, придурок, у тебя на письменном столе есть переводчик, прогони текст сквозь него!» Но Эбре просил ее держать себя в руках и стараться не оскорблять местное население, и она определенно постарается. По крайней мере, в первый день.

Как раз когда ее терпение подходило к концу, дверь за спиной секретаря открылась. Увидев Торжу, губернатор ли Дара широко улыбнулся.

— Командир звездного флота! — всплеснул он руками. — Мне показалось, что здесь кто-то есть. Пожалуйста, проходите!

Даже не посмотрев на письменный стол, она выхватила бумаги из рук секретаря и последовала за губернатором.

— Ваши подчиненные... — начала она.

— Ш-ш-ш, не здесь, — прервал ее ли Дара.

Он провел ее по длинному коридору в кабинет, расположенный в самом конце. Когда они зашли, губернатор удостоверился, что дверь плотно закрылась. И только после этого заговорил.

— Мне действительно жаль, что так получилось. Обычно мои подчиненные хорошо работают, но ваш ранг, вероятно, вызвал слишком большое искушение. Кир Лао говорит на прекрасном азеанском и превосходно выполняет свои обязанности. Все остальное, боюсь, было только игрой ради вас. Выпьете вер?

— Да. — Пластиковый стаканчик уже был полон, исходил паром, и Торжа взяла его из рук губернатора. Окинув взглядом кабинет — просто комнату, оформленную в стиле, который она назвала бы неудачной смесью азеанского и дарианского, Торжа посмотрела в окно и увидела, что народ вышел на демонстрацию. «Азеанцы, отправляйтесь домой!» — гласил один плакат, другие лозунги были более длинными и включали неприглядные характеристики, типа «империалистских паразитов», «чужеродной мерзости» или «иноземного дерьма». — У вас тут очень мило!

Губернатор проследил за ее взглядом и скривился.

— Знаете ли, на самом деле это не восстание, и Договор о Покорении дает им право собираться... вот так. — Он кинул взгляд на собеседницу. — Не нужно говорить, что мы тут непопулярны.

— Это я поняла, — кивнула Торжа.

— Что, конечно, составляет девять десятых проблемы, — вздохнул ли Дара. — Стандартный план мероприятий, которые нужно выполнить, когда среди местного населения появляется предполагаемый шпион, в данном случае не подходит. Один неправильный шаг, один открыто империалистический жест — и мы просто можем потерять эту планету как пассивную базу.

— Мы можем просто ее уничтожить.

Губернатор рассмеялся, подумав, что она, верно, шутит, но увидев лицо Торжи, умолк. «Определенно, она это не всерьез», — подумал губернатор.

— Я потеряю работу, — заметил он вслух.

Торжа мило ему улыбнулась.

— Ну, тогда этот вариант не подходит. — Она посмотрела за горизонт. — Нет, я прекрасно понимаю ценность этой планеты как базы для осуществления ряда операций, и точно так же понимаю, как легко мы можем ее потерять. Именно поэтому меня и послали. Вы знаете, кто такой транскультуралист, губернатор? Знаете, надеюсь?

— У нас тут есть несколько, они работают на нас, — кивнул ли Дара. — По большей части переводчики.

Торжа покачала головой.

— Это гораздо сложнее. Простой перевод может выполнить и компьютер. Но в каждом языке есть слова и понятия, у которых в другом языке нет соответствующего аналога. Транскультуралист — это человек, способный взять абстрактные идеи, содержащиеся в одном языке, и доступно выразить их на другом. Для чего, конечно, требуется глубокое понимание обеих культур. Главной задачей транскультуралиста, естественно, является перевод. Но есть у него и другие навыки.

Торжа отвернулась от окна и посмотрела на губернатора.

— Моя специализация — обмен между браксинцами и азеанцами, который смогли освоить лишь немногие. Звездный Контроль послал меня сюда в надежде, что я смогу решить, где, скорее всего, скрывается наш шпион. — Она покровительственно улыбнулась. — Это, конечно, лишь в дополнение к остальным вашим усилиям.

— Да-да. — У губернатора явно имелись сомнения относительно подобного подхода, но он не собирался их обнаруживать. — Если вы скажете мне, что вам требуется... Оборудование там, или...

— Личный кабинет, стандартный компьютерный доступ, помощники... ну, скажем, человека три, предпочтительно азеанцы, которые будут отчитываться только передо мной... — Торжа вспомнила, как ее тут приняли. — Определенно, азеанцы. И для начала мне нужна копия таможенных данных за последние восемь стандартных дней. Я хочу посмотреть, кто сюда приезжал и кто уезжал отсюда. Звездному Контролю не следовало оставлять порты открытыми... — Губернатор попытался возразить, но она жестом заставила его молчать. — Да, я знаю, мы не должны вызывать протест у местного населения. Вы говорили в своем запросе, что у вас есть копия передачи?

— Да.

Копия лежала на столе, и губернатор протянул ее Торже — маленький чип, на который была сделана запись, и распечатанный перевод. Она проигнорировала распечатку и ввела чип в декодер на письменном столе. Из громкоговорителя донеслись щелчки и шипение, за ними последовал межзвездный код.

— Понятно, — сказала она задумчиво. — Это эманский код, что очень странно, поскольку Бракси не использовала его много лет. И добавленные знаки... — Она склонилась над столом, чтобы прочитать.

— Звездный Контроль что-то об этом говорил. Я не претендую на понимание.

— Просто было очень вероятно, что мы этот сигнал перехватим — исходя из развития межзвездных коммуникационных систем. Не могу поверить, что браксинцы этого не знали. — Торжа отхлебнула немного вера. — На них это не похоже. У браксинцев много недостатков, но они очень редко бывают неосторожными. — Она пожала плечами. — Именно поэтому я здесь. Какие у вас есть переводчики?

— Дариано-азеанские транскультуралисты.

— Еще лучше! Мне потребуются услуги одного из них. А также проводника.

— Я вам пришлю их. Проводить вас к какому-то конкретному месту?

— Да. — Торжа выглянула из окна, словно, изучая лица демонстрантов, могла найти какой-то ключ. — Я хочу посмотреть кровавый ритуал, эту вашу... хьярке. У меня есть такое чувство... — Она снова посмотрела на губернатора и легко рассмеялась. — Но не стану вас этим утомлять, пока у меня не появится больше данных. Но мне следует предупредить вас: даже в военных делах я руководствуюсь шестым чувством.

— Ваша репутация говорит сама за себя.

— Иногда я думаю, что это — единственный способ перехитрить браксинцев, — задумчиво проговорила Торжа. — Словно они действуют, руководствуясь скорее первобытными инстинктами, а не разумом.

Губернатор допил свой вер и смял стаканчик.

— Сегодня вечером хьярке проводится в Тоуле, и у меня тут найдется кое-кто, кто может вас туда отвезти, если мне

удастся его поймать до того, как он снимется с дежурства. Прошу прощения!

— Конечно, — Торжа согласно кивнула. Когда губернатор ушел, она задумалась, а потом тихо рассмеялась. — Браксинец, один, на очень большой планете, — произнесла она вслух. — И никаких настоящих ключей. Ну, могло быть и хуже.

Она размышляла еще несколько минут и вскоре признала:

— Но, пожалуй, хуже не бывает.

3

Он прикидывался кровопускателем, ритуальным убийцей. Пока его врожденная браксинская надменность помогала ему в этом; в любом другом слое общества она вызвала бы подозрения, но в узком кругу хьярке его браксинская природа оказалась естественной, как дома.

Это были люди, беседовавшие о выпущенных кишках за обеденным столом, небо их было вымазано человеческой кровью. Они постоянно носили оружие, необходимое в их деле, длинное, тонкое, с острыми лезвиями по обоим концам. На их шеях красовались медальоны с одинаковым девизом: «Какова кровь, такой и человек». Кровопускатели составляли элиту общества, им требовалось только сказать, и они тут же получали желаемое даром. Лишь раз намекнуть о чем угодно — и толпы дарианцев молили, чтобы им дозволили услужить.

Варик был способным человеком. Он посвятил восемь лет изучению дарианского языка и тренировкам в хьярке, добился успехов и доказал, что незаменим. Да, он не мог входить в кровавый транс, тот, что переживали дарианцы, который позволял им достигать невозможного, но ритуал подходил его яростной натуре и его прекрасной браксинской мускулатуре, несмотря на хирургическое вмешательство, которое потребовалось, чтобы скрыть его браксинское происхождение. Но браксинский характер и природные данные компенсировали невозможность входить в кровавый транс. И хотя риск был велик — поражение означало смерть — Варик находил удовольствие в исполняемой им роли.

Бракси от него отказалась, но он этого не знал. Он восставал, и его считали слишком опасным, чтобы просто казнить, потому что группы, которые поднимались против пле-

мени браксана — те немногие, которых не уничтожили при рождении — не прочь были взять себе на вооружение еще и мученика, и без колебания воспользуются этим. Поэтому его подготовили для высшей цели, убрали из культурной среды, чтобы помогать в разрушении Азеи, и таким образом дали понять его соотечественникам, что у всех людей есть своя цена — даже Варик будет служить браксане. За свою цену. Другие испугались или занервничали, и их быстро убили. Варика же прельстило предвкушение авантюры и возможность попасть в элиту, его послали на Дари в качестве шпиона, и в этой роли он добился успеха. Но планета стала его могилой. Перехват послания Бракси был не случайным: Варик выполнил свою миссию, и от него таким образом пытались отделаться.

Азеа охотно накажет браксинского выскочку.

4

К тому времени, как Лаун Сет покинул таверну, наступил вечер. Его тело приятно болело от женских ласк, и вино все еще туманило голову, но по дарианским улицам он шел твердо и ровно.

Спустилась ночь, и тьма окутала город. Все три луны Дари были закрыты тучами, длинные тени прорезали улицу. Вдруг из одной такой тени неслышно выступила человеческая девочка.

— Вон с моего пути, человек! — приказал кровопускатель и плюнул ей под ноги. Тем не менее, девочка не ушла с дороги.

— Приветствие Кровавой Ночи! — сказала она на ритуальном дарианском.

Лаун Сет попытался обойти незнакомку, но она преградила ему дорогу. У него на мгновение появилось желание выхватить аду и заставить девчонку убраться с дороги, и он улыбнулся, представив, как блеснувшее в свете показавшейся луны лезвие проходит сквозь отвратительную белую плоть чужака. Но такие вещи не разрешались: людей, будь они прокляты, нельзя было убивать.

— Тебе что-то нужно от меня? — наконец спросил он. — Или это какая-то новая игра?

— Я хочу поговорить с тобой, — ровно сказала девочка.

— Мне нечего сказать таким, как ты!

Лаун Сет попытался пройти мимо нее и нечаянно коснулся плеча девочки. И остановился в нерешительности. Куда он шел и почему так торопился?

Девочка отошла в сторону, и память вернулась.

— Ты коснулась моего сознания! — осенило кровопускателя.

Она кивнула.

Против воли он был заинтригован.

— Ты — телепат?

Девочка снова кивнула. Она внимательно наблюдала за Лаун Сетом своими темными большими глазами, пока он размышлял. У него было очень мало контактов с людьми и ни одного — с экстрасенсами. Девочка была худенькая и, казалось, недоедала, — едва ли она представляла для него угрозу. И она определенно не азеанка, потому что и рост невелик, и кожа не золотистая, как у этой проклятой расы. Да и в любом случае, почему бы минутку ни поговорить?

— Говори, — позволил он.

— Не здесь. А там, где нам не помешают, — с дерзким спокойствием ответила девчонка.

— Ну ты и наглая, человек! — громко рассмеялся Лаун Сет. — Очень хорошо. Поскольку ты говоришь на моем языке, я позволю тебе сделать так, как ты хочешь. Следуй за мной!

Опытным глазом кровопускателя он оценил ее походку. Она держалась рядом с ним, несмотря на разницу в росте. «Ей никогда не разрешали ходить естественным для нее шагом, — заметил он. — И эта напряженность не подходит ребенку, независимо от того, человеческий он или нет. А ее взгляд — я видел его у кровопускателей как раз перед хьярке».

Лаун Сет отвел девочку в гостиницу в самом темном квартале города. Его ада была знаком его высокого положения, и владелец гостиницы тут же выбежал навстречу, желая услужить кровопускателю. Две женщины поднялись со своих мест, спеша предложить себя и доставить ему удовольствие; одна из них оставила сопровождавшего ее мужчину, который понимающе кивнул. Лаун Сет только отмахнулся от них.

— Номер! — приказал он.

Хозяин вручил ему ключи и карточку с планом. Человеческий ребенок, заметил Лаун Сет, скромно держался в тени.

Но когда девочка последовала за ним и вышла на свет, по залу пробежал шепоток.

Номер был маленьким и предназначался для почасовой оплаты. Лаун Сет вновь посмотрел на свою спутницу только после того, как они вошли в комнату и кровопускатель запер дверь.

У нее были большие яркие глаза, темно-серые, словно неотполированная сталь. Волосы, заплетенные в косы и откинутые за спину, напоминали цветом свежую кровь. Кожа выглядела такой бледной, словно девочка никогда не бывала на солнце.

— Теперь, после того как ты так ловко умудрилась испортить мне репутацию, скажи, наконец, чего ты хочешь? — рявкнул он.

Девочка отошла и прислонилась к двери.

— Вначале о главном, кровопускатель, — начала она. — Я — азеанка.

Лаун Сет оглядел ее с ног до головы и недобро усмехнулся.

— Ну уж нет! Может, я и не человек, но знаю, как выглядят азеанцы.

— Хочешь посмотреть мои документы? — поинтересовалась девочка.

Он напрягся.

— Убирайся вон! — раздельно произнес кровопускатель.

Она осталась там, где стояла, перегораживая вход.

— Нет, — холодно проговорила девочка. — Я хочу поговорить с тобой, кровопускатель, — но не хочу тебя обманывать.

— Если ты азеанка, то мне нечего сказать тебе. Если ты не уйдешь, то уйду я.

Лаун Сет устремился к двери, но девочка отказывалась уступать дорогу. На мгновение он чуть не потерял контроль над собой и не ударил ее. Но дураком он не был: ударить ребенка покорившей Дари расы означает смерть.

Но что-то в ее лице произвело на кровопускателя впечатление, и еще более поразило его, когда он понял, что именно.

Она бы делала то же самое, даже если бы закон ее не защищал. Лаун Сет понял это.

— Ты слушаешь меня, — твердо сказала девочка. — И тогда я уйду. Но, клянусь Хашей, ты вначале меня слушаешь!

Он гневно уставился на нее.

— Я плевал на вашу Перворожденную! — процедил он сквозь зубы.

— Знаю. Это не имеет отношения к делу.

Лаун Сет посмотрел в эти дерзкие, бесстрашные глаза с уважением.

— Хорошо, — проговорил он наконец. — Я слушаю.

— Я охочусь на человека, кровопускатель, и мне нужна твоя помощь. — Девочка плотоядно улыбнулась. — Я ищу браксинца здесь, на Дари.

— Меня не интересуют ваши азеанские... — Лаун Сет иронически хмыкнул.

— Который выступает в роли кровопускателя, — продолжила девочка.

Лаун Сет замер на месте.

— Это невозможно.

— Боюсь, что это так.

— Нет. Инородец в Круге... этого не могло произойти!

— Как скажешь, — пожала плечами девочка.

— Он участвовал в схватках?

— По крайней мере, один раз с тех пор, как я прибыла сюда. И он бывалый.

— Ты... почувствовала это?

— О, да. Я много дней слежу за ним.

— А ты не можешь его найти таким же образом?

Девочка покачала головой.

— Есть разница между улавливанием комбинации браксинской психологии и активного насилия и знанием того, откуда именно это идет. Изначально я могла сфокусироваться на нем только потому, что у меня есть... родство... с таким типом сознания. У телепатии имеются свои ограничения, и моя подготовка еще не завершена.

— Итак. Азеанцам нужна наша помощь, — сделал вывод Лаун Сет.

— Нет, кровопускатель. Не азеанцам. Только мне. — Она вздохнула, и Лаун Сет подумал, что чувствует силу в этой девчонке. Разумеется, ему показалось. — Я охочусь. И мне нужна помощь местного жителя.

Лаун Сет задумался. Мысль о работе с человеком вызывала у него отвращение, но альтернативы выглядели гнуснее. Человек, сражающийся против дарианцев в Круге, оскверня-

ет гордую традицию хьярке. И независимо от того, что Лаун Сет презирал Азею, он знал: под браксинским правлением хьярке отменят одной из первых. Нет уж — в таком случае лучше Азеа.

— Чего ты хочешь от меня? — помолчав, спросил он.

— Послушай. — Девочка торжествующе улыбнулась и в этот миг стала просто ребенком. — Я тебе все объясню.

5

— Информация для вас, командир звездного флота.

Торжа подняла голову от списков.

— Спасибо. Оставьте ее здесь.

Два дня. Два дня на месте, очень долгих и бесполезных. Она видела хьярке и получила ответ на самый главный вопрос — теперь она была уверена, что браксинец как-то связан с этим ритуалом. Никакая другая субкультура на планете не предлагала человеку, выросшему среди врагов, того, что могла предложить эта. В этом Торжа не сомневалась. И, опять же, (подумала она в сотый раз) браксинец мог оказаться достаточно хитрым, чтобы ожидать ее появления и выкинуть нечто неожиданное. Нет. Хитрый, да, но также тщеславный. Браксинец никогда не станет притворяться пассивным, затоптанным не-человеком. Все, связанное с хьярке, должно привлекать настоящего браксинца, и дарианский Круг — первое место, которое выберет шпион Бракси для ассимиляции. Но где он прячется...

Ее сотрудники были заняты тем, что собирали основные данные на всех кровопускателей Дари. Это оказалось нелегкой работой. Здесь не велось никакой централизованной регистрации, и в дополнение к этому чуть ли не каждый вечер менялся их состав, когда хьярке забирала себе новых жертв. Один человек, которого подозревала Торжа, умер как раз тогда, когда она изучала собранные на него сведения. И кстати, ведь они точно не знают — браксинец вполне мог и погибнуть.

Неудивительно, что таможенные списки не дали ничего интересного. Торжа только просила выяснить поподробнее об одном человеке, скорее из любопытства.

— Нам удалось узнать лишь немного о ней, — сказал секретарь. — В Институте ее данные держат в строжайшем секрете.

— Ладно, — кивнула Торжа. — Все хорошо. Спасибо.

Когда он ушел, она стала лениво просматривать записи; затем остановилась и прищурилась. Вчиталась повнимательнее. Ребенок прибыл из Института с медицинским допуском — каким-то образом директору ли Пазуа удалось убедить чиновников, что путешествие на Дари необходимо для ее ментального благополучия. Тем не менее, девочка была здесь одна — одна на враждебной планете. Потенциальные рейтинги у нее высоки, как интеллектуальные, так и другие. Транскультуральные рейтинги в семи комбинациях — ну, этого следовало ожидать от проходящего подготовку телепата. Родители занимали высокое положение в Службе Безопасности... сам великий Дармел лиу Туконе. Ни больше, ни меньше. Их отравили браксинцы, когда девочке было шесть лет. (Торжа помнила об инциденте, но не помнила, чтобы в нем был замешан ребенок. Но, опять же, не связан ли с этой парой какой-то скандал? Тем более, с необычным ребенком). Затем девочка страдала от психосоматической слепоты в течение пяти лет, и это закончилось...

Измученная Торжа снова посмотрела на дату. Двадцать дней назад? Но от Института на Ллорну до Дари десять дней пути — это означает, что девочка восстановила свои способности и тут же отправилась сюда.

И ее видели на нескольких ритуалах хьярке.

Внезапно приняв решение, Торжа резко захлопнула папку и позвала назад помощника.

— Найдите точное местонахождение этой... — она сверилась с папкой. — Анжи лиу. И раздобудьте мне косметику, парик, одежду и все остальное. Тут и так плохо быть человеком, не говоря уже об азеанцах.

Он почтительно поклонился и ушел выполнять приказ. Торжа положила локти на стол и задумалась: да или нет? Она считала, что да, появление девочки все-таки связано с браксинским шпионом.

6

Рассвет отбрасывал в Круг длинные тени. Утоптанную землю смочили прошлым вечером, и теперь она была готова к следующей схватке.

Торжа чувствовала себя в безопасности, замаскировавшись, сделав кожу темной и надев суакканские одежды. Она пристально разглядывала толпу.

Ряд за рядом дарианцы заполняли сектора, нетерпеливо ерзали на своих местах. Тут и там сидели люди — рахнесцы на отдыхе; икнайцы, проводившие социологические исследования. На глаза ей попались и немногочисленные азеанцы, они достаточно долго работали на планете, чтобы знать, как себя вести — или, по крайней мере, думали, что знают. Места рядом с ними будут пустовать, пока не останется других.

И девочка тоже была тут.

Торжа наблюдала за ней через арену, не привлекая к себе внимания. Она надела увеличивающие линзы под накладные суакканские радужки и теперь была вынуждена напрячь зрение, чтобы сфокусироваться на объекте. Девочка была маленькой, с тонкой костью; если брать азеанский стандарт, то выглядела она болезненно. Несмотря на азеанских родителей, внешне девочка не напоминала азеанку. Не исключено, что на самом деле она старше, чем выглядит. По каким критериям ее оценивать?

В Круг вышли кровопускатели.

Девочка оделась так, чтобы не привлекать к себе внимание, смешав имперский и дарианский стили — несомненно, она хотела слиться с толпой и не выделяться среди местных. Она не носила никаких опознавательных знаков, указывающих на ее способности. Она не хочет, чтобы кто-то о ней знал, или просто еще не заработала красную повязку функционального телепата?

Столько вопросов — и на них так нелегко найти ответы.

Это был долгий поединок, и Торжа с трудом его вытерпела. Она нашла весь ритуал крайне непривлекательным, а его конец, которым славилась эта культура, и вовсе вызвал у нее отвращение. Она не любила кровь и видела достаточно за сорок лет военной службы, чтобы крови хватило на всю оставшуюся жизнь. Правда, она изображала энтузиазм, чтобы гарантировать собственную безопасность: дарианцы не терпели равнодушных наблюдателей и несколько раз в прошлом убивали их, войдя в состояние неистовства, вызванное кровью. Тот факт, что Эбре может отомстить за ее смерть, уничтожив всю планету, Торжу не радовало; она наклонялась вперед, как и дарианцы, разделяла их волнение и вскрики-

вала в унисон с тысячами людей вокруг, когда зрелище требовало такой реакции.

И не жалела, когда оно закончилось.

Местный борец — Торжа вспомнила его имя: Лаун Сет — праздновал победу, и его товарищи-кровопускатели спустились к нему, чтобы втереть лекарственные масла ему в тело. Это заинтересовало Торжу гораздо больше, чем сама схватка. Очевидно, сражающимся удастся достигнуть какого-то ментального состояния, в котором тело действует, используя свои скрытые возможности, более быстро и ловко, чем обычно, и не чувствует усталости. Когда же ритуал заканчивается, ментальная поддержка рушится, и тело просто чувствует измождение, на него наваливается вся накопившаяся усталость. Без специальных лекарственных препаратов, скорее наркотических, напряжение не снять, и борец может умереть от перенапряжения.

Ребенок не уходил. Торжа с удивлением заметила, что девочка осталась на секторе, когда основная масса зрителей покорно покидала стадион. Торжа собиралась поймать девочку за пределами стадиона и поговорить с ней там, но если ребенок остается на ритуал Участия, то здесь определенно происходит что-то необычное. Торжа отошла в тень, чтобы понаблюдать.

Девочка уверенно спустилась с сектора к внешнему краю Круга и остановилась в ожидании.

Дарианские обычаи запрещали любому не-кровопускателю наблюдать за ритуалом Участия. Конечно, некоторые наблюдали — в этом не было особой сложности. Но никто не осмеливался смотреть открыто, тем более спускаться к самой арене.

Очевидно, несколько кровопускателей спорили по этому же вопросу. Один из тех, кто принес масла, яростно показал на девочку и обратился с гневной тирадой к победителю, который просто пожал плечами. Другой говорил более мягко, но казалось, он также возражает против присутствия девочки.

Но Лаун Сет взмахнул окровавленной рукой и заставил их всех замолчать. Торжа не слышала, что он им сказал, да и не поняла бы. Тем не менее, когда Лаун Сет вначале показал на девочку, а потом на павшего кровопускателя, язык жестов говорил универсально.

Когда девочка вошла в Круг, дарианцы избегали ее, некоторые с почтением, иные со злобой. Торжа, и та поразилась, когда девочка опустилась рядом с истекающим кровью телом

и произнесла какие-то, по-видимому, ритуальные слова, затем сложила ладони чашечкой и зачерпнула кровь. Лаун Сет стоял над нею, как страж, бросая гневные полубезумные взгляды по сторонам, готовый уничтожить любого, кто посмеет вмешаться.

Затем все кончилось, и девочка отошла, как положено, к краю Круга. Ритуал Участия продолжался, несмотря на то, что обычный ход был нарушен. Один за другим кровопускатели пробовали суть павшего. Некоторые что-то тихо говорили Лаун Сету, несколько борцов выразили свой гнев более открыто, но все выпили кровь, за исключением одного. Этот кровопускатель, очевидно, был оскорблен причастностью девочки столь сильно, что не мог вынести участия в оскверненном ритуале, и ушел, не коснувшись тела павшего. Он был ранен, судя по повязке на руке, не исключено, что временная неспособность участвовать в борьбе сделала его более нетерпимым, чем обычно.

Девочка ушла с победителем, став частью неформального окружения, этакое придворного круга. Не время было вступать с ней в контакт, поэтому Торжа отправила вслед за ней помощника, дабы выяснить, чем она тут занимается и как ее найти.

А оно и к лучшему, решила Торжа. Ей требовалось время, чтобы обдумать увиденное.

7

Образ директора Эбре ни Кахва мигнул, а затем, когда связь синхронизировалась, неподвижно завис на экране. Торжа подумала, что есть одно преимущество в работе на Звездный Контроль: защищенная от любого перехвата связь была бы практически невозможна в любом ином случае.

— У нас для тебя хорошие новости, — сообщил ей директор. — На переговорах удалось добиться условного мира в твоем секторе. Поэтому можешь продолжать работу на Дари и не беспокоиться о возвращении на Границу.

— А ты собирался снять меня с задания здесь только из-за Войны? — Торжу это позабавило.

— Нет... но теперь тебе не нужно об этом беспокоиться. — Он взмахнул рукой, призывая ее к молчанию. — Я знаю тебя, Торжа. Не нужно мне рассказывать, что тебя не беспокоит, как мы там сражаемся за Орию.

— Нет оснований предполагать, что я хотела находиться там просто потому, что являлась старшим офицером в том секторе.

— Издеваешься? А как мне заставить тебя согласиться на подготовку специалиста по этой проклятой браксинской культуре, чтобы не приходилось просить мира каждый раз, когда ты нужна нам в другом месте?

— Давай мне побольше выходных.

— Из моих собственных? — усмехнулся директор. — Торжа, ты когда-нибудь все-таки найдешь подходящего человека?

Она вздохнула. Вопрос и ответ стали фактически привычкой, и она это прекрасно осознавала.

— Да, Эбре, — устало сказала Торжа. — Скоро. Как только подвернется подходящий человек.

— Нужные люди не «подворачиваются». Их находят. Начинай искать. Знаешь ли, система существует по определенной причине. Так тебе будет чем заняться в мирное время. А теперь что касается текущей проблемы. Мы поймали еще одну передачу.

— Неужели вы узнали, в каком полушарии производился прием? — Торжа резко подалась вперед.

— Еще точнее. Сигнал был рассчитан по времени таким образом, чтобы оказаться на поверхности планеты, когда малый континент в северном полушарии совместился с траекторией передачи сигнала. Как тебе это?

— Эбре, в этом секторе не более сотни подозреваемых, — ошеломленно выдохнула Торжа.

— Если тебе не справиться...

— Я не жалуюсь, — поправилась она. — С таким количеством можно работать. Это столичный континент, Бит Нуа-Сан, — ты ведь его имел в виду, не правда ли?

— Да, именно.

— Здесь не так много Кругов — не считая того, что я сама здесь разместилась. Эбре, с меня ужин на Икне.

— Ты не можешь себе этого позволить.

— С каких это пор?

— Не в том ресторане, о котором я думал. Но если тебе удастся разобраться с этим вопросом, не потеряв Дари, то я сам тебя туда приглашу. Так, теперь что касается другого вопроса. — Он нахмурился. — Это на самом деле так важно?

— А это проблема?

Эбре вздохнул.

— И да, и нет. Институт — это всегда проблема. Если ты помнишь, я и раньше имел с ними дело. Если честно, то я не стану долго сожалеть, если они исчезнут завтра же. Они все фанатики — и я им не доверяю. И тебе не советую. Их нынешний директор глух и слеп к военным проблемам, и эти слепота и глухота могут соперничать только с его страстью к секретам. Когда-нибудь, я надеюсь, он схлестнется со Службой Безопасности, и тогда я постараюсь получить императорскую санкцию выжать из него его чертовы секреты. Теперь что касается девочки. Насколько она важна? Она имеет какое-то отношение к делу, которым ты занимаешься?

— Я считаю, что девочка ищет нашего браксинца, — просто сказала Торжа. Фраза произвела впечатление.

— Если так обстоят дела... — откашлявшись, проговорил директор. — Хаша! Это говорит о нарушении секретности.

— И вызывает беспокойство, я знаю. Угроза не меньшая, чем сам шпион. Скажи мне: можно ли как-то удержать Институт от... ну, скажем, от подслушивания военных коммуникаций?

— Есть множество способов. Но ни один из них не является стопроцентно надежным. По большей части это традиции и этикет. На самом деле, раз уж ты это упомянула, нет ничего, на что мы могли бы положиться.

— Поэтому мы точно не знаем, какие цели она преследует, или сколько ей известно, или кто стоит за ее спиной, если вообще стоит. — Торжа покачала головой. — Она может помешать моей работ, вывести все на чистую воду! Или может помочь. Я просто не знаю. Мне нужна информация.

— Ты ее получишь. — Во время разговора Эбре находил нужные обширные файлы и кодировал их для передачи. — Я пошлю тебе все, что у меня есть. Я знаю, что это слишком много, и тебе придется потратить немало времени на изучение этих файлов, но я даже не буду пытаться предполагать, что может понадобиться, а что нет. А если вкратце... Хочешь послушать, что у меня есть?

— С удовольствием.

— Это ребенок из Института Усовершенствования Эстрасенсорной Эволюции Человека, одного из самых престиж-

ных и определенно самого могущественного из Центров Генетики. Если откровенно, то она принадлежит Институту. Институт был основан в 10027 году фанатиками-учеными, основывающимися на предположении, что телепатическая способность станет следующим естественным шагом в человеческой эволюции. Их целью было — и до сих пор является — соединение экстрасенсорной и генетической наук для выявления кодов, что делают телепатию возможной, и введение их в расу в целом, и в то же время развитие обучающей программы, которая позволит людям адаптироваться к таким способностям с наименьшим потрясением. Это их единственная цель, и все остальные заботы — включая, как я понимаю, верность Империи — подчинены главной. Первый функциональный телепат был подготовлен в 11287 году, этот титул подразумевает сознательный контроль над широким диапазоном экстрасенсорных навыков. На сегодняшний день имеются: шесть зондов, двадцать три функциональных телепата и семьдесят коммуникантов. Все остальные — это обычные экстрасенсы, которых научили каким-то образом практически применять их способности, как правило, в ответ на один из «активаторов». Таких десять тысяч двадцать семь человек.

— Всего?

— Очевидно, Институт сертифицирует человека как «экстрасенса» только когда он или она реагируют на нефизические стимуляторы со стопроцентной надежностью — не считая точности. Как я понимаю, это жесткие требования. Не говоря уже о том, что в мире, где находится Институт, маячат около ста тысяч соискателей: они мечтают, чтобы их талант внезапно всплыл на поверхность и был замечен. Или что-то в этом роде. — Эбре заглянул в свои записи. — В настоящее время экстрасенсорная генетика сосредоточилась на обнаружении так называемых «последствий спусковых механизмов», вторичных генетических кодов, активизирующих контролируемые последствия.

— Как насчет Анжи лиу, — намекнула Торжа.

— Родители — азеанцы. Погоди, все это у тебя есть, да? — Торжа кивнула в ответ. — Рейтинг потенциальных телепатических способностей — 9,99 — это означает, что, по прогнозам, сила у нее будет максимальной — такой, какую только можно себе представить. Анжа лиу прошла половину базо-

вого обучения на функционального телепата, но у нее нет потенциала зонда — что бы это ни значило. На сегодняшний день, как мне сообщает директор ли Пазуа, девочка работает эффективнее, чем все остальные в Институте, за исключением трех человек. Кстати, ее готовил человек, которого я отправил на Бракси, поэтому помощи с той стороны ожидать не приходится. Данные по ее подготовке не могут быть представлены «лицам со стороны». Ли Пазуа отправил мне стандартный психофайл. Не сомневаюсь, что он отредактирован. Там есть замечание: у девочки навязчивая идея — ненависть ко всему браксинскому и потенциальная зеймофобия. И, конечно, в прошлом — период истерической слепоты.

— Который закончился менее тридцати дней назад. Как такое возможно?

— Цитирую: «Психосоматическое сенсорное нарушение среди телепатов может рассматриваться как симптом глубокого психологического нарушения, но его нельзя приравнивать к явной сенсорной неспособности. Телепат вполне способен чувствовать мир через ощущения его/ее учителей, и на самом деле часто так и делает». Это письмо с объяснениями ли Пазуа, — пояснил Эбре. — Далее он объясняет, почему с девочкой произошло подобное, каким образом они пытались справиться с ситуацией и почему следует всячески способствовать внезапному и необъяснимому излечению Анжи.

— Понятно.

— Это тебе поможет?

— Не исключено. Что-то еще?

— О девочке? Просто предупреждение. Перед всеми телепатами ставится Высшая Цель. Если говорить на простом азеанском, то они запрограммированы служить цели психогенетики каким-то образом, используя преимущества своей личной силы и слабости.

— А у девочки какая Высшая Цель?

— Институт не открывает подобных вещей; это подрывает конфиденциальность их подготовки, как заявляет ли Пазуа. В случае человека, которого мы отправили на Бракси, они запрограммировали его служить Империи... но я очень удивлюсь, если они не добавили парочку приказов в своих интересах. Будь осторожна! Здесь может быть много вариантов.

— Это я понимаю.

— А если она на самом деле пытается вычислить браксинца... — Директор провел рукой по лбу. — Хаша, мне это не нравится! Займись этим делом, если можешь.

— Я и собираюсь, — кивнула Торжа.

— Тебе нужно о многом подумать, поэтому я тебя отпускаю. Звони регулярно.

— Хорошо! — Она всегда звонила регулярно.

А теперь пришло время для браксинской логики.

8

Утренний свет играл над городом Калейшем. Дети на улицах сражались игрушечными адами и играли в ритмичные игры с мячами и веревками, нараспев горлана стишки, где перечислялись самые уязвимые части организма. На улице было очень мало взрослых: прошлым вечером проводилась хьярке, и большинство ходило на стадион. Теперь, вымотанные волнением, взрослые в полудреме разлеглись на кроватях, прислушиваясь, как дети выкрикивают названия артерий, из которых льется кровь, с обычной детской непосредственностью.

Кровопускатель не спал. Он двигался осторожно и грузно, что говорило об усталости после прошлой ночи. Тогда он прошептал человеческой девочке время и место, и теперь шел на эту встречу. Если голоса детей и вызывали у Лауна Сета какие-то воспоминания о собственном детстве, то это никак не отражалось на его лице, скорее отчужденном и даже испуганном.

В Круге и в самом деле был браксинец. Лаун Сет знал это. Какое святостатство! Необходимо что-то делать!

Лаун Сет прошел через холл гостиницы, отмахнувшись от поклонников, что пытались окружить его, и поднялся в номер, названный девочке. Если другие и заметили что-то, его это не волновало. На Дари случались и гораздо худшие преступления, чем разговоры с человеческими детьми, — и одно из них как раз свершилось.

Когда Лаун Сет вошел, девочка взглянула ему прямо в лицо и протянула шупальца мысли, чтобы прочесть рисунок его эмоций. Во время подготовки прошлым вечером они разделили сознание, и теперь ей было легко читать его мысли.

— Ты не поверил мне вначале, — убежденно сказала Анжа. — Но теперь веришь.

Ярость, что зрела в его груди, закипела и вырвалась наружу.

— Ни один кровопускатель не станет отказываться от ритуала Участия — не зависимо оттого, кто еще в нем участвовал! — вскричал он.

Лаун Сет с болью вспомнил нарушенный Круг — разорванный там, где через него прошел чужой, и как бесценная сила жизни текла через зияющую прореху.

— Ни один кровопускатель не уйдет... Ни один не сможет уйти... — прошептал он.

И замолчал. Невозможно было выразить то, что накопилось внутри него, и Лаун Сет надеялся только, что Анжа считает это прямо с его сознания.

— Ни один кровопускатель не сможет пройти сквозь живой Круг, — наконец выдавил он.

— Сознание браксинца легко приспособливается к кровопролитию, — тихо сказала девочка. — Но не сможет понять вашу душу. Он живет среди вас. Он убивает вас. Но он вас не понимает.

Лаун Сет глянул на нее, его лицо перекосило от ярости.

— Он умрет, — процедил он сквозь зубы.

— Именно это мне и нужно, — спокойно вымолвила Анжа.

— Мы поддержим тебя. Я еще не говорил с остальными. Я не смог. Но мне и не требуется. Кьяр... — он использовал дарианское слово, означающее «охотница», вместо ненавистного ему азеанского имени девочки. — Все и так знают, что произошло. Они не станут задавать лишних вопросов.

— Я не могла и надеяться на такое, — улыбнулась Анжа.

— Как он мог даже притворяться одним из нас и не знать? — Лаун Сет плотно закрыл глаза, пытаясь отогнать воспоминание. Его голос был полон муки. — Кьяр, если бы ты могла понять, что случилось...

— Я знаю, что случилось. Я же видела это твоими глазами. Глазами всех вас. — Она слегка дотронулась до его плеча, чтобы кровопускатель почувствовал, что она говорит искренне. — Я отомщу за вас! Обещаю!

Лаун Сет заставил себя расслабиться и оглядел маленькую комнатку. Через мгновение он нашел новую аду, недавно сделанную, еще блестящую от масла. Ада стояла, прислоненная к оконной раме. Лаун Сет грузно прошел к окну,

отложил свою аду и взвесил на руке новенькую, меньшую по размерам.

— Дир Салау с радостью сделал ее для тебя, — с теплотой в голосе произнес он.

— После твоих рекомендаций, — уточнила девочка. — Он просил передать тебе, что хотя пропорции и необычные, но правильные.

Лаун Сет посмотрел на Анжу, потом снова на маленький клинок.

— Немного длинновата для тебя, но, вероятно, Дир Салау сделал так, чтобы ты могла достать подальше. Да, хорошая ада! — Он с удовольствием погладил древко и улыбнулся впервые за день и ночь. — Как я понимаю, гордость за хорошую работу превосходит границы расовой враждебности. Оружие великолепно сделано.

Девочка подошла к нему и потрогала пальцем блестящий металл.

— Значит, я смогу выполнить обещание, данное тебе, — тихо вымолвила она. — И всем кровопускателям.

«Маленький убийца, — подумал Лаун Сет. — Я не завижду твоей жертве!»

— Когда мы можем начать? — спросил он вслух.

— Может, сейчас? — Анжа подняла на него глаза.

Лаун Сет молча протянул ей аду.

9

Варика беспокоила эта странная сцена с девочкой.

Если бы его культура не относилась с презрением к любой психической странности, то он мог бы понять, что его беспокоит не реально случившееся, а внутренняя реакция на телепатическое зондирование, которому он подвергся, наблюдая за ритуалом. В душе Варик это знал — но в реальности не мог он, никак не мог признать, что его разума коснулось нечто экстрасенсорное и отметило его.

Но этот ребенок... этот благословенный ребенок! ¹ Варик понимал, что с его стороны было нехорошо покидать ритуал Участия, но продолжать после того, как женщина (или девоч-

¹ У браксинцев благословение является ругательством. (Прим. перев.)

ка, поправился он) вступила в Круг, шло вразрез с его браксинской натурой. В любом случае — откуда девочка появилась там и что она там делала? Или он в чем-то ошибся? На ритуал Участия могут приходить только кровопускатели, и лишь дарианцы-мужчины могут сражаться в хьярке.

И не только это пошло не так. Варик точно знал, что его изучали ментально, и задним умом он понимал природу этого вмешательства. На него идет охота. (Почему он продолжает использовать это слово, а не говорит «ищут», или «гонятся за ним», или «пытаются раскрыть»? Почему «охота» кажется самым подходящим словом? Точным?) Конечно, источник знания был по-прежнему скрыт от него, но шестое чувство было столь сильным, что Варик решил ему довериться.

Бракси не ответила на его призыв о помощи. Вначале это его удивило, но затем он понял, каким дураком был, раз поверил браксанам. Решил, что находится в безопасности, пока служит их целям, — ведь это единственный способ иметь с ними дело, не так ли? — но либо Варик изначально ошибся, либо перестал быть нужным.

Варик злился на себя, но ему не было горько. Возможно, впервые он наконец разглядел игру, в которую играли браксаны. Раньше Варик думал, что он тоже ими крутит, но на самом деле делал именно то, чего хотели браксаны, и ничего не получал взамен.

Он жалел, что находится далеко от дома и не может добиться желаемого. Но браксаны никогда не позволят ему вернуться. Или позволяют, но чтобы посмотреть, с каким позором примут на Бракси Варику с его новой внешностью, и позабавиться, пока «инородец» пытается организовать восстание против правящей расы.

Его поймали в идеальный капкан, и Варик это знал.

Ему некуда идти, и он ничего не мог с этим поделать. Послания с Бракси будут приходить, независимо от того, будет ли он на месте, чтоб принять их, или нет. Когда-нибудь Азее повезет, и его обнаружат. Теперь его грыз страх, и Варик не мог от него избавиться. Впервые он понял разумность Социальных Кодексов, которые всегда считал ошибкой и недоразумением. Страх считался ценной эмоцией, предупреждением, главным ограничивающим фактором в борьбе за самосохранение, а Варик не научился его подавлять. Теперь,

когда ему требовалось его подавить, он не знал, как это сделать. Его браксинская натура жаждала насладиться тем, что ему осталось от жизни — поскольку теперь Варик знал: конец близок, причем неприятный конец, — но его парализовал страх, и в тоске он не находил удовольствия.

Варик впервые обратил внимание на то, сколько зрителей присутствуют на хьярке, и заметил там азеанцев. И этот ребенок... Что-то внутри было не так, когда он о ней думал, что-то заставляло холодеть от страха, но Варик никак не мог поймать эту мысль и проанализировать. Варик убеждал себя, что это паранойя, но он никогда не был параноиком. Это странное ощущение говорило о том, что все очень плохо.

Варик попытался самостоятельно покинуть Дари. И обнаружил, что во всех портах проводится тщательная проверка. Когда уже нужно было отдать документы, он развернулся и убежал из транспортного центра.

Варик испугался. И вместо того, чтобы жить в страхе, он решил действовать — даже если и не удастся сделать ничего полезного. Ожидание угнетало его.

10

Торжа распростерлась на дарианской кровати, в белом форменном белье. Она лежала, не шевелясь, и размышляла.

«Будь я браксинцем (спрашивала она себя в тысячный раз), где бы я сейчас находилась?

Я находилась бы на хьярке, или каком-то месте, связанном с ней. Я смотрела бы с презрением на остальное дарианское общество, избегала его. Убедила себя, что уважаю кровопускателей, как настоящих мужчин, поскольку от их ритуала несет варварством, а браксинцы преклоняются перед варварством. Но глубоко внутри меня оставалось бы воинское презрение к любой системе, что регулярно убивает половину своих наиболее опытных и умелых бойцов.

Я сражалась бы в хьярке, и, очевидно, хорошо сражалась. Но независимо от этого, или от того, как часто я выживала, сама природа хьярке оскверняет браксинскую традицию.

Я не хочу умирать, чтобы служить моему народу. Я готова умереть, если это — возможная плата за развлечение. Браксаны рассчитывали на подобный подход к делу, когда посы-

ляли меня сюда. Но ставки в хьярке никогда не бывают выше пятидесяти процентов, и система вызовов может заставить меня сражаться, когда я предпочла бы этого не делать. Я буду сражаться. Я найду удовольствие в борьбе. Но я не готова сражаться бесконечно и постоянно рисковать».

Что-то привлекало внимание Торжи; кричало, маячило перед мысленным взором. Она никак не могла это ухватить. И потому продолжила свои размышления.

«У меня — если я браксинец — должно быть оправдание для неучастия. От кровопускателя ждут согласия принять любой вызов. Будет неловко объяснять каждый раз причину отказа, поэтому оправдание должно быть очевидным».

Торжа временно прекратила строить догадки.

«Если меня ранят, то мне не придется участвовать в схватке.

Если ранение очевидно, то никто не станет бросать мне вызов.

Но... вот оно! Предположим, я притворюсь, что сломала руку, наложу гипс и руку буду держать на перевязи, по местным традициям, поскольку планета Дари не желает вводить у себя никакой межзвездной медицины. Я нахожусь здесь, чтобы принимать военные сообщения; поэтому у меня для этого есть оборудование. Его могут найти, поэтому мне нужно его где-то спрятать, но периодически возвращаться туда. Это можно заметить. Я не хочу оказаться скованным чем-либо на тот случай, если придется действовать и спасать себя. Поэтому гипс нежелателен. Мне нужно что-то, что на самом деле не станет препятствовать движениям, тем не менее подразумевающее невозможность участия в хьярке...»

Торжу вдруг озарило, и она резко села на кровати, пораженная воспоминанием.

У кровопускателя, который покинул ритуал Участия, на правой руке была повязка!

Торжа представила Круг таким, каким видела его. Наблюдая за участием ребенка, кровопускатель трясся от гнева, и повязка была наложена на пальцы, словно бы они сломаны. Там еще торчали лубки. Если он правша, то считается серьезно раненым. Любой дарианец — да и любой человек, в особенности азеанцы, которые сделали правой рукой генетическим стандартом много столетий назад, — сразу же решит,

что он выведен из строя. Но если он левша, как большинство браксинцев, то повязка ему никак не мешает...

Торжа протянула руку за кителем, а другой включила видеофон.

— Свяжите меня с губернатором, — приказала она. — Немедленно!

11

Когда пришло утро, он сорвался с места. Ему снились капканы, их пасти зияли блестящими зубами, и он проснулся мокрый от пота, в страхе и отчаянии. Он бросил все свои пожитки и вылетел из квартиры на улицу. И очень вовремя. Когда он в последний раз взглянул на здание, заворачивая за угол и скрываясь из виду, то увидел, как мелькнула белая форма тех, кто приближался к его двери.

Они пришли за ним.

Он бежал по улицам и заворачивал в узкие переулки, в которых можно спрятаться. Его преследовали наверняка решат, что он воспользуется самым быстрым видом общественного транспорта. Он не знал, куда идет, пока ноги сами не привели его. Да, архив — его инстинкты отлично сработали. Там много заложников, да и здание, где хранятся важные правительственные сведения, никто не осмелится разрушить. Он вполне может и выиграть...

Его ни о чем не спросили у входа, хотя там и стояли охранники, и даже никто не спросил, с какой целью он там находится, когда взбегал вверх по лестнице к самым важным кабинетам. Он был кровопускателем. Сотрудники даже не задали ему вопросов, когда он оторвал их от работы. Только вопросительно переглянулись, когда он загонял их во внутренний кабинет и запирал двери, но никто не попытался его остановить.

«Савди!» — выругался он про себя, имея в виду глупых, беспомощных стадных животных. Они все савди, и даже хуже! Неужели на этой планете нет мужчин?

Его заложниками стали пятьдесят конторских служащих — простые дарианцы, которые ни для кого не представляли особой ценности. Тем не менее азеанцы, которые руководствовались лицемерной заботой о человеческой жизни, не

посмеют силой тащить его из выбранной цитадели, чтобы не навредить местным. И конечно, нынешняя политическая ситуация давала ему больше преимуществ, чем когда-либо...

Несмотря на внешнюю уверенность, Варик не питал иллюзий относительно своей судьбы. Но он намеревался выбрать способ смерти. Ползти на коленях и сдаваться беловолосым врагам было не по нем, и бессмысленное самоубийство — также. Если ему придется умереть, он сделает это, осиянный славой. И еще лучше, если ему попутно удастся пошатнуть крепкие позиции Азеи на этой планете и утащить за собой на тот свет всю их дипломатию. Вот это — смерть настоящего браксинца!

Варик нервно прохаживался взад-вперед. Определенно к этому времени новости уже распространились! Он сам подключился к местной частоте и передал сигнал тревоги, который не стал бы передавать никто из местных. Азеанская Служба Безопасности сможет сложить два и два — не так ли? Они явно знают, кто он и что из себя представляет. Разве они не догадаются, что случилось, узнав, что некий кровопускатель забаррикадировался в этом здании?

Шум дарианских улиц служил постоянным фоном для его размышлений с самого утра. Но сейчас Варик насторожился. Гул на улице стих, сошел до шепота и почти полной тишины, в которой только время от времени слышалась иностранная речь. Цокающие и лязгающие звуки местного транспорта прекратились, и даже музыку, которая доносилась из магазина через площадь, убавили, а потом выключили вовсе. Варик все это напоминало необычную тишину среди животного стада перед бурей или бедой — очень уместная аналогия, если учитывать его мнение о дарианских аборигенах. Варик подошел к ближайшему окну и настроил его таким образом, чтобы следить за происходящим на улице.

Вокруг здания собралась огромная толпа, просто море из местных жителей, которое сдерживалось сотрудниками Службы Безопасности в белой форме. С одного края толпы до другого прокатывались волны протеста и ярости, но никто не осмеливался возвысить голос в тишине, установленной азеанскими властями.

Варик узнал знакомые фигуры на краю толпы. Губернатор ли Дара — жалкое оправдание для управляющего! — что-то

очень серьезно обсуждал с кем-то из военных. Кто это, Варик не знал, но бело-голубая форма свидетельствовала о межзвездных войсках и высоком ранге, а также...

Варик пригляделся повнимательнее.

Женщина! Он тихо выругался себе под нос.

Представитель азеанцев, разговаривающий с губернатором, определенно был женщиной — с этой расой ведь сразу и не определишь! Презрение Варика к ли Даре удвоилось. Что может сделать какая-то женщина для изменения ситуации?

Варик увидел, как она опустила руку к передатчику, и настроил собственный на стандартную азеанскую частоту. Послушаем, что она там собирается говорить, но отвечать не станем.

— Варик, сын Лемана... — произнесла азеанка. Неожиданно она заговорила на его языке — Варик не слышал родного языка более двух лет, и ему потребовалось усилие, чтобы не заговорить, просто ради удовольствия поболтать на родном языке. — Это командир звездного флота Торжа эр Литз говорит с тобой от имени Императора.

Варик ничего не сказал, наслаждаясь тем, как на улицах росло напряжение. Дарианские аборигены понимали, что предпринимается попытка переговоров, и кричали о том, что их больше всего волновало, в надежде быть услышанными.

— Там находятся наши люди, азеанцы, а не ваши! — крикнул один дарианец.

— Мы не станем умирать за вашу проклятую Войну! — добавил другой.

Варик улыбнулся. Он не мог нарочно спланировать все так, как вышло само. Толпа напряглась, они начнут действовать при малейшей провокации, в ярости подавят местных чиновников, разгорится общенациональное восстание, которое затем охватит всю планету...

Поскольку в заложниках у Варика имелось пятьдесят местных жителей, он мог позволить себе какое-то время поразвлекаться.

— Шемар шемитарт! — передал он, что значило: «Женщина, командуемая мужчинами — это слуга Хаоса».

Варик видел, как Торжа напряглась, узнав популярную поговорку. Женщина явно понимала, что она означает. Командир звездного флота что-то пробормотала себе под нос, затем протянула передатчик губернатору. Варик улыбнулся.

— Губернатор ли Дара! — сказал он с издевкой. — Да, я тебя вижу — но откуда? Может, рискнешь стрелкнуть назад? Цена ошибки очень велика.

— Ты с этого ничего не получишь! — нервно сказал губернатор.

— А ты можешь потерять все, — рассмеялся Варик. — Я буду наблюдать за твоим падением. И зная, что я послужил его причиной, буду получать удовольствие. Мне выбросить кого-нибудь из местных на улицу из окна? Как ты думаешь, этого будет достаточно? Или его вначале следует изувечить? Что окажется более эффективным для толпы?

— Мы хотим вести переговоры, — поморщился ли Дара.

— Да, раз я могу дать вам то, что вы хотите... но что взамен? У вас нет ничего, губернатор, *ничего*! Ты — мужчина, которым правят женщины; ниже моего достоинства даже разговаривать с тобой... Мысль о том, чтобы с тобой торговаться — в лучшем случае жалкий источник забавы. Молись своим богам от имени своей матери, чтобы небеса дали тебе ответ! Потому что ничего, кроме этого, тебя не спасет.

Варик наблюдал за тем, как командир звездного флота положила руку на передатчик и что-то прошептала ли Даре, вероятно, объясняла, что означает оскорбление. О, это уже забавно! Так забавно, что он может отогнать мысль о смерти в темный уголок сознания и там почти забыть о ней.

Теперь к их узкому кругу присоединились еще двое — ребенок и кровопускатель. Варик тут же узнал девочку. Именно она спускалась в Круг для ритуала Участия после победы Лаун Сета. Залихватское настроение Варика ухудшилось, а на лице появилось выражение паники, как у преследуемой жертвы. Здесь скрывалось что-то неизвестное, а когда есть неизвестное, даже самые лучшие планы — а эта затея таковым даже не являлась, — могут с позором провалиться. Сжимаемая регулятор положения окна, Варик наблюдал за тем, как девочка беседует с губернатором и командиром, сожалея, что ли Дара не забыл выключить передатчик и теперь их нельзя подслушать. Кто она и какую роль играет во всем этом? Тот факт, что он даже примерно не мог представить ответ, его беспокоил.

— Варик, сын Лемара, из семьи Гатенна, браксинец, — голос принадлежал ребенку. После долгих споров они отда-

ли ей передатчик. Но откуда она знает его данные? — Послушай меня внимательно, — приказала она. Вообще-то женщины запрещалось командовать мужчиной — и тем не менее девочка не только отдавала ему приказ, но также и усиливала оскорбление браксинским доминантным речевым режимом, который не позволялось использовать ни одной чужестранке. Варика охватила ярость, аж в глазах потемнело.

— Шемар! — выругался он. — Я не разговариваю с подобными тебе!

— Я тебя и не просила со мной разговаривать. Слушай. У меня личная заинтересованность в твоём разрушении. За мной стоят кровопускатели, Варик. Мы войдем в здание и возьмем тебя, независимо от того, испортишь ты местную дипломатию или нет. Ты не сможешь убить всех. Кто-то из нас до тебя доберется. И твоя смерть не будет красивой, браксинец!

— Я тебя не боюсь, — соврал он, поняв в тот момент, как сильно он ее на самом деле боится.

— Я тебе не верю, — ровно сказала девочка. — Но даже если так, у меня есть для тебя предложение, которое тебе может понравиться.

Она замолчала, и Варик вынужден был спросить:

— И что за предложение?

— Хьярке — за твою свободу, — ответила девочка.

Азеанцы были поражены не меньше него; очевидно, этого они от нее не ожидали. Командир звездного флота выключила передатчик и поспешно обменялась несколькими фразами с девочкой, потом с губернатором и кровопускателем. В их позах Варик разглядел злость и раздражение. И наконец — согласие. Ли Дара взял в руки передатчик.

— Я подтверждаю предложение Анжи лиу, — сказал губернатор. — Хьярке — за твою свободу. Если выиграешь, ты свободен. Мы доставим тебя на Границу и посадим на корабль, отправляющийся на Бракси. Если проиграешь... — Он пожал плечами. — Учитывая правила хьярке, это решит проблему.

— Ты даешь слово? — переспросил Варик с презрением.

— Даю слово — и оно нерушимо, как тебе известно, независимо от того, что ты думаешь о традиции. Я могу говорить от имени властей этой планеты. Командир звездного флота эр Литз может поручиться за императорские силы, если ты ей позволишь.

— А кто будет моим соперником? — спросил Варик. — Ни один дарианец не станет встречаться в Круге с человеком — кто же теперь выступит против меня в хьярке, когда стало известно, кто я? Ты об этом подумал, губернатор?

Девочка взяла передатчик из рук губернатора и немного подержала его перед тем, как заговорить. Она посмотрела на здание, как раз туда, где стоял Варик. Хотя он знал, что его скрывает особое стекло окна, позволяющее только ему видеть улицу внизу, но не наоборот, он почувствовал себя голым и беспомощным под ее взглядом.

— Я стану твоим соперником, — тихо сказала девочка.

Значит вот оно — ребенок! Они хотели, чтобы он, Варик, выступил против ребенка!

Гнев оскорбленного самолюбия заставил его отойти от окна, он широкими шагами пересек помещение. Да, они могут забрать у него жизнь, но чувство собственного достоинства — никогда! Варик в ярости распахнул дверь и прошел комнату за ней насквозь. Дарианцы сжались под его взглядом. Нация савди, единственные мужчины среди них — кровопускатели! Ему предстоит умереть среди них, заключенным в дарианское тело, играя против ребенка женского пола для развлечения Азеанской Империи?!

Варик врезал кулаком по двери кабинета, и она рухнула от могучего удара.

— Иком браксит! — заорал он, то есть: «Я — браксинец!»

Но его восклицание ничего не значило для сгрудившихся в кучу дарианцев, а доминантный речевой режим бессмысленным эхом пронесся по коридору и исчез в тишине.

Варик боялся. Он думал, что предусмотрел все возможности, но эта ему даже не пришла в голову. Что они имели в виду — поставить в бою против него этого ребенка с волосами цвета крови? Что они знают, чего не знает он? И кто она такая, наконец, именем Бисалоса? Варик снова услышал голос губернатора в отдалении, но он кинул передатчик и находился слишком далеко, чтобы услышать сказанное. И это его не волновало.

Думай, Варик, думай! Ярость омыла тебя и ушла. Ситуация ясна. Если кровопускатели поддерживают азеанцев, то здесь ты не можешь ничего сделать — в смысле нанести какой-то настоящий урон. Все твои варианты выбора ведут к смерти — это данность. Тебе остается выбрать способ умереть.

Если они дают слово, то они его держат — это и есть определенность Азеи. Тем не менее, Варик, тебя ничто не связывает — это и есть определенность Бракси. Поэтому ты можешь давать обещания и получать заверения, тебе удобные.

Они хотят, чтобы ты сражался против ребенка. Вероятно, они знают о ней что-то, чего не знаешь ты. Твои преимущества очевидны — длина рук, сила, реакция. Никто, кто все еще растет, не может сравниться по координации со взрослым, сформировавшимся человеком. Но они не стали бы это организовывать, если бы не держали туза в рукаве. Проблема в том, что ты не узнаешь, какой это туз, пока не окажешься в Круге.

Я больше, выше, сильнее, и я знаю хьярке. Какой бы у нее ни был секрет, может ли он выстоять против всего этого?

Азеанцы думают, что да. Азеанцы могут ошибаться.

Могу и я.

Ребенок...

В браксинских Социальных Кодексах нет запрета разрушать ребенка на куски.

Внезапно Варик рассмеялся. Пожить так, как жил он, сделать то, что он делал, и теперь вдруг со всей осторожностью рассматривать доводы за и против в ситуации, изначально абсурдной! Да, он будет сражаться, потому что нет никакой другой альтернативы. И завтра он будет либо мертв, либо свободен — но ни за что не станет азеанским пленником. А если он выиграет — *когда* он выиграет — Варик будет торговаться и получит больше, чем свободу. Они снова сделают его браксинцем и отправят домой, и он позволит браксанам изведать его ярость. Он оплатит за унижение браксинца, которого заставили сражаться с ребенком!

Варик в последний раз посмотрел на заполненную пленниками комнату, и его лицо исказило отвращение. Ему никогда больше не придется смотреть на этих жалких существ — а это дорогого стоит!

12

Жгучее дарианское солнце стояло в зените, когда Варик шагнул в Круг.

Быстрым, полным презрения взглядом он осмотрел зрителей. Не пришел никто из простых граждан — для них не

осталось мест. Три из четырех секторов были заняты кровопускателями, которые прибыли со всей планеты, чтобы посмотреть на необычную хьярке.

«Вы приехали посмотреть бой? — раздумывал Варик. — Или потому, что знаете: сегодня можно будет понаблюдать за смертью человека? Или по обоим причинам?»

Четвертый сектор светился бронзовым и белым цветами покорившей Дари расы.

«Меня вы никогда не покорите, — думал Варик с вызовом. — Вы или отправите меня домой, или я умру, но вашим никогда не стану».

Он прошелся взглядом по рядам. Азеанцы, сплошь официальные лица, три директора на почетных местах — Звездный Контроль, Безопасность и... что? Несомненно, какое-то частное предприятие, единственным опознавательным знаком которого служила красная повязка на лбу.

Варик рассмеялся про себя.

Теперь он браксинец. В этом трудно усомниться. Может, его кожа все еще и остается темной, подделкой под дарианскую, но его поза, его надменность — истинно браксинские. Удивительно, но Азеа согласилась на все условия. Почему? А, неважно. Довольно скоро враги вернут Варику его настоящий облик, и он снова вернется домой... Но какой сладкой будет месть после всех испытаний!

Девочка вступила в Круг с противоположной стороны и застыла неподвижно, чтобы противник мог тщательно рассмотреть ее.

«Что такого в этой девчонке? Почему азеанцы так уверены в моей гибели от ее руки? — думал Варик. — В этом заключается и опасность — есть какой-то неизвестный фактор, который я, по их мнению, не могу определить логически, а Звездный Контроль считает его настолько весомым, что противопоставляет моей силе и опыту».

Варик внимательно изучил девочку. Такая бледная кожа была бы предметом гордости для любой браксанки, а ее странные волосы цвета крови, заплетенные в тонкие, словно струящиеся косы, создавали впечатление ран от бича. Ее тело было гибким и определенно мускулистым. Варик слегка нахмурился. Она развита для своего возраста. Очевидно, он неправильно определил его.

Неважно.

— Кьяр Анжа лиу, — начал он, используя оба имени в ритуальном дарианском приветствии. — Я удивлен, что ты посмела начать эту насмешку над поединком.

Вот им, пусть кровопускатели поерзают, услышав это! Стальные глаза девочки смотрели на него, не мигая.

— Я пролью твою недостойную кровь на землю, бракси-нец, — раздельно произнесла она. — Я повалю тебя наземь перед твоими врагами. Я научу тебя страху, которого ты никогда не знал.

— Я покажу тебя судьбу девчонки, что мечтает о крови, — яростно прошипел Варик.

— Тогда начинай!

В нем бурлила злоба, но Варик не позволил ей захлестнуть его. «Очень хорошо сыграно, — подумал Варик, сдерживая эмоции. — Отказать мне в моем имени на хьярке». Он стал медленно обходить девочку, наблюдая за миллионом крошечных движений, что выдадут ее стиль, и старался не демонстрировать свой. «Мастерица оскорблений, что толку тебе от всего этого, когда инородцы начнут пить твою кровь?» — мысленно спрашивал он.

Девчонка атаковала. Это был медленный удар серповидной частью ады, но он не представлял для противника никакой реальной угрозы, и Варик просто отступил в сторону.

«Что ты скрываешь, малышка? Почему Азеанская Империя думает, что ты можешь меня победить?» — размышлял он.

Во время следующей атаки Анжа чуть не задела его лодыжку, удар был рассчитан очень точно — Варик отступил, и она рассчитала, как быстро онотреагирует.

«Хорошо, — мрачно подумал Варик. — Но недостаточно хорошо». Он парировал удар и нанес собственный, его ада слегка оцарапала ей руку, и тут же появилась тонкая струйка крови.

«Так, на этот раз мы можем отбросить всю эту мистическую чушь...»

Варик уставился на Анжу: ее глаза сверкнули, и поза почти неуловимо изменилась, а равновесие улучшилось.

«Значит вот оно что, ребенок другой расы? Ты знаешь Перемену? Ты учуяла кровь, и она действует на тебя как

наркотик, говорит с тобой? Это и есть твой секрет? Ты думаешь, что этого будет достаточно?!»

Ему следовало атаковать Анжу, пока это происходило, и мгновение спустя Варик ругал себя за то, что не сделал этого. Он не ожидал, что с ней произойдет Перемена, поэтому ему потребовалось время на убыстрение реакций, чтобы все опять было рассчитано правильно. Браксинец заставил себя атаковать, но ничего не получилось; он бросился на девочку, но та уже странным образом... переменялась. Отреагировав гораздо быстрее и с большей силой, она отшвырнула его прочь.

И тогда Варик понял, что ему не будет легко.

Теперь он действовал осторожно, подобно охотнику, что наконец признал наличие зубов у этакой безобидной жертвы. Преимущество все еще оставалось на его стороне, в этом Варик не сомневался, но, казалось, разница между ними стала меньше. И кто мог сказать, какие поправки внесет Перемена в хьярке, если противник — человек? Варик действовал быстрее девочки, но все равно разница в скорости уже не была столь разительной; их клинки сталкивались с большей мощностью, чем он рассчитывал.

Варик пытался не думать, сконцентрироваться только на хьярке. Но зерна сомнения в его душе уже засеяны и дают всходы.

«Что же? — спрашивал он — и ее, и себя самого. — Что у тебя есть такого, что завоевало доверие Империи?»

Варик пошел в атаку, используя комплексный маневр, который Анжа сорвала, обернула в свою пользу и чуть не ранила его. И снова он инициировал контакт, подошел ближе, но все равно в конце она смогла его отбросить. Девочка была хороша. Ему придется с этим смириться: она знает, как сражаться. Варик понял, что не ожидал такого.

Они обменивались ударами под горячим солнцем. Время ничего не значило, его ход отмечали только удлиняющиеся тени и увеличивающийся красный ожог, что расплзался по плечам девочки. Как Варик ни пытался, ему было до нее не добраться. Самые грозные обманные удары не привлекали внимания Анжи, а самые сильные прямые не вынуждали ее потратить лишнее усилие, чтобы парировать их. Казалось, у девочки есть проблемы с защитой — тем не менее, как только

Варик хотел дотянуться до незащищенного места, ему внезапно преграждало путь длинное лезвие ады, или изогнутый серп угрожал поймать в капкан аду противника.

Варику стало страшно. Для этого потребовалось время: страх перед женщиной нелегко приходит к браксинцу. Но солнце припекало все сильнее и сильнее, а кровь начала вытекать — чуть-чуть по руке и чуть-чуть по ноге, тут и там... маленькие ранки добавлялись одна к другой, а он никак не мог достать девочку. Она всегда действовала слишком быстро, или была слишком хорошо готова к удару, или... что-то еще.

Страх, как утверждали древние, является потенциально творческой эмоцией — позитивной силой в поединке, которую можно обратить себе на пользу. Страх охватил Варику, и страх дал ему силы. С новой, отчаянной силой он снова и снова бросался на девочку, эти атаки подпитывались его ужасом, и он заставлял соперницу отступать под его напором. У Варику имелось мгновение на раздумья — и в это миг он понял, что следует изменить тактику. Нет смысла в том, чтобы истечь кровью от дюжины маленьких ранок, одновременно пытаясь прорваться сквозь такую умелую оборону. Ему нужно использовать всю свою силу и заставить противника блокировать удар, выставив аду перпендикулярно ее клинку. Варик знал устройство этого оружия и не сомневался: тонкая ада девочки не выдержит давления его более крепкой ады. После того, как ее оружие сломается или треснет по всей длине, он победит.

Варик загнал Анжу туда, где хотел ее видеть, и впервые заметил тонкую линию, отмечающую границу Круга, прямо за ее спиной. Он чуть не рассмеялся во внезапном предчувствии триумфа.

«Она не сможет за нее выйти! — понял Варик. — Тот, кто прошел Перемену, не может переступить черту — это линия для них подобна стене, создаваемой некими силами. И у меня будет преимущество!»

Все ближе и ближе подходили соперники к краю Круга, и Анжа встала спиной к границе, за которую не сможет ступить. Затем, сделав обманный маневр, как он и собирался, Варик опустил аду со всей силы...

И девочка уклонилась. Увернулась.

Удар прошел мимо.

У Варика на лбу выступил холодный пот; мускулы напряглись, когда он восстанавливал равновесие. «Нет, — подумал он. — Нет. Не верю».

Варик попробовал нанести прямой рубящий удар. И снова, теперь с улыбкой, Анжа легко ускользнула. И начала движение раньше противника.

«Этого не может быть!» — настаивал рассудок — Варику отчаянно требовалось в это верить. Он атаковал вслепую. Но движения девочки подсказывали тысячами мелких деталей, что она точно знает, какой манерв собирается провести Варик, стоит ему только подумать о нем.

Нужное слово долго пробивалось сквозь его разум, ярлык, которого он избегал с тех пор, как началась охота.

«Телепатия», — понял Варик.

К его ужасу, девочка кивнула.

«Нет! Этого не может быть!»

«Но это так», — был мысленный ответ.

И мысль, ее мысль, вызвала у Варика ужас, потрясший его до глубины браксинской души, и эхом повторилась в его сознании.

«Я научу тебя страху, которого ты никогда не знал!»

«Нет!»

Анжа улыбнулась и стала обходить вокруг него с таким видом, словно ей не о чем было беспокоиться. И правда, о чем? Может ли Варик противостоять такой ужасной силе?

Я должен, сказал Варик сам себе. И мрачно приготовился к атаке.

Ему повезло, его мастерство было велико, Варик как раз переменял стойку, и в тот самый момент, когда менее подготовленного бойца застигли бы врасплох, Анжа ударила. Ему потребовалось невероятное умение, чтобы достойно защититься, но даже несмотря на это, Варик заработал мелкий порез на ноге, едва предотвратив смертельный удар в корпус.

Нечеловеческое создание! Но он знал, что Азеа не считает такую силу неестественной, и ругал свою собственную культуру, которая не верила в подобное и таким образом помешала его адаптации.

Теперь он проигрывал, явно и по всем фронтам. Если раньше Анжа только царапала его, то теперь она направляла

удары в мышцы, самые значительные для бойца, и как бы Варик ни пытался парировать ее удары, он не мог отбросить соперника. Хуже всего было понимать, что до того Анжа лишь играла с ним, а это наносило по его браксинскому самолюбию гораздо более жестокий удар, чем способен клинок.

«Я никогда не сдамся тебе!» — подумал он с таким гневом, на какой только был способен, надеясь, что Анжа его услышит. Варик чувствовал, как азеанцы внимательно наблюдают за поединком, желая заполучить шпиона для пыток и этих своих ментальных игр... «Ты никогда меня не получишь!»

И Варик атаковал. Не потому, что у него был какой-то шанс на успех, а потому, что он был браксинцем и не собирался умереть, будто сломанная кукла в руках ребенка. К его удивлению, Анжа отступила. Красная кровь капала у нее с плеча в месте, где его коснулась ада Варика.

Бездумная ярость! А есть ли надежда?

Варик попытался целиком отдаться ярости и вовсе не думать. Шансы у него были малы, но за каждую свою рану ему удавалось достать соперника хоть раз, а раньше не выходило. Вид крови врага подпитывал неистовство браксинца. «Местные именно это чувствуют? — размышлял он. — Теперь Круг начнет со мной говорить?»

Варик снова обратил девочку спиной к границе Круга и давил, готовый истечь кровью, если цена будет достаточно высока. Он припрет девчонку к стене, ее движения станут ограничены. Шанс есть. Да, он невелик, но в этот момент любая надежда казалась бесценной, помогала немного ослабить парализующий страх и вернуть назад навыки и умения Варика.

«Теперь...»

Он двинулся на противника. Сильный удар, нанесенный по касательной, прижмет ее к стене, даже если она увидит его приближение. Блестящее лезвие пошло вперед...

И тут она уронила свою аду.

Схватила его за запястье.

И мир потемнел.

«Почувствуй мою ненависть, браксинец. Пусть она течет на тебя и сквозь тебя, это — личное между нами, между тобой и мной». — Чужая мысль подавляла его.

Варик тонул в море насилия. Его охватил ужас. Нечто жуткое, незнакомое засело в его сознании, и он забыл обо всем.

«У тебя нет секретов от меня. Ты не можешь ничего скрыть. Я прозондирую тебя, войду в твой мозг и выведу на чистую воду. Попробуй-ка мою ненависть!»

Варик сжался под этой атакой, почувствовав, как все человеческое в нем рушится. Он пытался выбраться на поверхность, но не смог. Сознание Анжи открылось для него, он был против воли затянута в него, но ничего не увидел, кроме бурлящего моря ярости и ненависти, направленных на него. Варик тонул, но сопротивлялся.

«Я лишу тебя всего, что делает тебя человеком, браксинец. Передо мной у тебя нет тайн, ничего личного, никакой гордости, никакого лица. Я заберу ужас, который они натренировали в тебе и который научили особым образом использовать, и сама использую его, чтобы ломать тебя, пока не останется ничего».

Варик пытался воевать с Анжей, но ведь он всю жизнь учился этого, наоборот, не делать. У представителей его народа не проявлялось подобных качеств, ничего, кроме ужасных легенд о мутировавшей силе, которыми пугали малышей и оправдывали детоубийство. Его не учили с этим управляться.

«Посмотри на меня!» — позвал властный голос девочки.

Против воли Варик сделал это. Ее сознание не было молодым, ни в каком смысле слова. Она прошла много жизней сквозь сознания и память наставников и пережила страшную душевную травму, с которой не справилось бы и большинство взрослых. Анжа была существом, состоящим из ненависти и насилия, и нигде в ней не имелось места для нежности, и не было ничего, чтобы развились положительные эмоции. Она приняла в себя взрослую нестабильность, впитала похоть и ненависть, и необходимость убивать, но жила в теле, неспособном выражать такие вещи — до этого момента.

«Я поймею тебя», — передала Анжа ментальный импульс, и в этой фразе имелся вместе с угрозой сексуальный подтекст, и Варик застыл в ужасе. Внезапно он понял.

— Ты — из браксанов, — прошептал он.

Ее глазами, глазами телепатов среди публики, он увидел, как Анжа вырвала аду из бесчувственной руки соперника и повернула против него. Варик попытался вырваться из омута ее глаз, но недостаточно быстро. Внутри него взорвалась боль, и он наблюдал за ударом, когда его глаза закрывались в смерти, отраженной в тысяче глаз, боль разрывала его, крутила, засасывала...

Потом — тьма и конец.

* * *

Тысячи глаз наблюдали, как Анжа лиу, трясаясь от усталости, на шаг отступила от упавшего противника и вырвала зубчатый конец ады из его тела одним быстрым движением. Но казалось, что теперь, после окончания поединка, недавняя сила ее растаяла, оружие выпало из рук.

Никто не двигался, когда она встала на колени рядом с мертвецом; все зрители стали причастны к этому. Бормоча ритуальные слова, Анжа сложила ладони чашечкой под смертельной раной. В руки полилась красная кровь — браксинская кровь, потому что хозяева Варика не станут беспокоиться, меняя биохимический состав. Ее ноздри раздувались, когда она вдыхала сладкий запах.

— Будет еще, — прошептала она, не обращая ни к кому конкретно. — Обещаю!

И выпила кровь.

Начался ритуал Участия. В Круг вошли два кровопускателя с лекарственными маслами, которые теперь помогут Анже поддержать жизнь. Лаун Сет потребовал права быть одним из них, и теперь первым дотронулся до нее блестящей от масла рукой...

... и внезапно с криком отшатнулся, словно обжегся.

В глазах Анжи светилась грусть и понимание.

— Я никогда не говорила, что освоила все, — тихо сказала девочка.

Второй мужчина протянул к ней руку, и Анжа не отшатнулась; но, как и Лаун Сет, он не смог вынести контакта.

— Нет, — прошептала она. — Дисциплина прикосновений. Я никогда...

Она покачнулась, истекая кровью.

— Кьяр... — проговорил Лаун Сет.

— Закончи за меня ритуал, — хрипло шепнула девочка. — Правильно его закончи! Проследи, чтобы не было никакого осквернения.

— Я не допущу осквернения, Кьяр, — заверил ее он и добавил: — Кровопускательница.

Анжа снова попыталась заговорить, но силы покинули ее. У нее закрылись глаза и девочка упала; Лаун Сет инстинктивно потянулся к ней, а поскольку ее сознание отключилось, девочка упала к нему в объятия, и он смог поймать и держать ее.

— Закончите ритуал, — прошептал он своему товарищу, и с беспокойством и пониманием кровопускателя тот кивнул.

Быстро отдав должное ритуалу, Лаун Сет унес Анжу из Круга.

Ритуал Участия продолжался.

13

— Мне плевать на то, кто ты, — сказал дарианец. — И мне плевать на твой ранг. Ответ: нет.

— Но... — заикнулась Торжа.

Эбре положил руку ей на плечо.

— Если они говорят «нет», значит нет, — пояснил он. — Технически Анжа лиу не является гражданкой Империи, Торжа, — она не подпадает под нашу юрисдикцию.

— Но в вопросе, касающемся безопасности...

— Звездный Контроль имеет право отменить прерогативы дарианских медицинских учреждений, если только лицо, о котором идет речь, имеет азеанское гражданство. Особая поправка к Договору о покорении, — директор на мгновение замолчал и наблюдал за Торжей, затем продолжил: — Послушай, не хочешь воздухом подышать? Разве охранник ничего не говорил о том, чтобы подождать на террасе?

Торжа медленно кивнула и повела Эбре на террасу. Дарианская ночь была прохладной, и Эбре глубоко вздохнул, потягиваясь.

— Восемь стандартных дней в этом проклятом транспорте, — пробормотал он. — Никому бы этого не сказал, кроме тебя, Торжа. Человеку нужна планета, на которой можно стоять.

Ей стало забавно.

— А что там с пятью годами в космосе, о которых я регулярно слышу? Героическая жертва — отказ от права на отпуск на земле? Бесконечные сражения и кровопролитие, и ни минуты отдыха?

— Это было довольно давно — и работа за письменным столом успешно излечивает от подобной выносливости. Ты этому сама научишься довольно скоро. — Эбре облокотился на простое металлическое ограждение и недоверчиво покачал головой. — Преодолеть половину всей Империи, чтобы увидеть какого-то необыкновенно одаренного ребенка ради цели, одной Хаше известной — тебе следует объяснить мне все это, — и примитивные аборигены даже не пускают представителя властей Империи в свой ценный госпиталь. В любом случае, какому идиоту пришла в голову мысль о конституционной империи? Хаша, именно в такие моменты я понимаю, какой власти нам не хватает. И насколько.

— Ничего личного, — сухо ответила Торжа. — Но просто ты тут не самого высокого ранга.

— Да, не могу тягаться с каким-то первобытным убийцей, который запретил пускать посетителей. — Эбре перешел на икнейский, которым они оба владели, на тот случай, если кто-то подслушивал. — Как глупо с моей стороны. Конечно.

Позади них послышались легкие шаги. Директор и командир звездного флота повернулись и увидели аборигена, ожидающего, когда на него обратят внимание.

— Лаун Сет, — представила Торжа. — Кровопускатель и мужчина, который заботится об Анже лиу. Директор ни Кахв, Звездный Контроль.

Дарианец его проигнорировал.

— Я услышал, что ты здесь, Торжа, — выговорил он. — Если хочешь ее увидеть, я готов это разрешить.

Торжа двинулась вперед, и Эбре попытался последовать за ней, но кровопускатель встал между ними, его глаза смотрели холодно и властно.

— Только она, — бросил он.

Эбре колебался, затем пожал плечами и отошел.

— Очевидно, вы, командир звездного флота, выше меня по рангу. Пожалуйста, идите! Я подожду здесь, — и добавил

на икнейском: — А когда вернешься, пожалуйста, не забудь объяснить мне, зачем я сюда приехал.

Лаун Сет повел Торжу, жестом указывая, куда идти. На полдороге он обернулся и посмотрел на Эбре.

— Анжа — не одна из вас, — тихо произнес Лаун Сет. — Она больше похожа на мой народ, чем на ваш. Будет лучше, если Азеа просто оставит ее в покое, пока она поправляется. Мой народ знает, что делать.

«Правда?» — задумался Эбре, но вслух ничего не сказал.

Кровопускатель повел Торжу по усиленно охраняемому коридору, в отдельную палату в конце. Пока они шли, он объяснил ситуацию.

— Анжа выживет, и я очень рад этому. Такие вещи иногда случаются: или наркотики почему-то оказываются испорченными, или допущена ошибка в смешивании. Обычно это означает смерть. В ее случае мы смогли найти компенсирующее лечение. Но полного выздоровления долго ждать придется. Сюда! — Он указал на дверь. — Она спрашивала о тебе. Именно поэтому ты здесь. Но я должен напомнить, что ее сознание истощено, как и тело. Скрой свое напряжение, если можешь.

— Это так заметно? — резко повернулась к нему Торжа.

Лаун Сет рассмеялся и, казалось, собирался ответить с насмешкой, но в конце просто сказал:

— Да. Пожалуйста, заходи.

Девочка лежала на простой больничной кровати и едва дышала. Когда Торжа открыла дверь, свет из коридора осветил палату, разгоняя темень. Дверь снова закрылась, и она оказалась во мгле: окно было настроено на восемьдесят пять процентов затемнения, и того малого количества света, которое проходило сквозь него, с трудом хватало для человеческого зрения.

— Мои глаза сверхчувствительны, — объяснила девочка, словно Торжа произнесла свои замечания вслух. — Лаун Сет говорит, что это нормально при сложившихся обстоятельствах.

Анжа говорила шепотом, тем не менее казалось, что физическая слабость не является причиной этого.

— А как ты слышишь? — мягко спросила Торжа.

Девочка улыбнулась.

— То же самое. — Она пошевелилась, словно собиралась сесть, но сил не было, и это заставило ее снова рухнуть на подушки. — Но ведь вы пришли говорить не об этом.

— Ты это знаешь?

— Вы имеете в виду: читаю ли я ваши мысли? И да, и нет. Я не... как бы поточнее выразиться?.. не запускаю в вас зонд для получения информации. Но ваши поверхностные мысли, ваше эмоциональное беспокойство очевидно — меня научили воспринимать это с такой же легкостью, как дышать. Подумайте о книге — ведь можно понять ее суть, просто посмотрев на обложку, даже не открывая. — Она замолчала. — Простите, если...

— Я знакома с книгами.

— Лишь немногие их знают.

— Но те, кто изучает психологию браксинцев, должны знать.

Девочка была заинтригована.

— Вы — транскультуралист?

Торжа кивнула.

— И это имеет какое-то отношение к тому, почему вы здесь?

— Это касается Бракси.

Торжа взяла стул, пододвинула к кровати и села. Веки девочки обгорели на солнце, и все время оставались прикрытыми, но глаза под ними еле заметно двигались.

«Да, очень много сил надо приложить, чтобы убить такую девочку!» — подумала Торжа.

— Признаю: я довольно сильно сомневалась перед тем, как позволила тебе вести переговоры с браксинцем, — осторожно сказала она.

— Ну тогда и я признаю, что удивилась, когда вы мне позволили это. — Веки Анжи задрожали, и темные глаза открылись, внимательно рассматривая, изучая гостью. — Почему вы все-таки позволили?

— Не уверена, что смогу тебе ответить. Я доверяю шестому чувству — обычно оно у меня надежное. Я хорошо умею оценивать людей, а ты вызвала у меня доверие. Да и выбор был небольшой, — уныло призналась Торжа, затем наклонилась вперед и мягко добавила: — Анжа лиу, ты знаешь, чего ты добилась?

И снова ясный, пронзительный взгляд выстрелил из-под обожженных век.

— Расскажите мне.

— Ты — кровопускательница. — Торжа посмотрела на левую руку девочки — над запястьем навсегда остался темный порез. Рука Анжи напряглась в бессознательной реакции на осмотр. — Ты — человеческий кровопускатель. Не шпион, который обесчестил хьярке, сражаясь против местных, а та, кого дарианцы сами подняли до своего статуса. Причины не имеют значения — остается факт. Люди стали более уважаемы в глазах дарианцев. Не только кризис миновал, но и ситуация заметно улучшилась. Два века дипломатических усилий — и ты позоришь всех нас за один день. Анжа лиу... — Она внезапно понизила голос. — Почему ты охотилась на браксинца?

— Для собственного удовольствия, — резко ответила девочка.

— Таким ответом твои враги могли бы гордиться.

— «Чтобы охотиться на браксинца, нужно думать, как браксинец». Вы знаете, кто это сказал?

— Дармел лиу Туконе.

— Мой отец. Моя семья долго служит Империи. Если бы не... очевидное... то я бы продолжила это.

«Сейчас, — подумала Торжа. — Скажи это».

— Ты все еще можешь это сделать, — произнесла вслух.

— Вы понимаете, что говорите? — поразила девочка.

— Думаю, да. — Торжа улыбнулась, ей стало смешно.

— Я даже не могу стать гражданкой Империи, не то что служить в войсках. Мне запрещено получать даже самую низшую форму допуска Службы Безопасности.

— Я это знаю.

— Тогда как...

— Позволь мне кое-что рассказать тебе о правителях Империи. Сам император — человек практичный и не терпит бюрократической ерунды. Если военные скажут, что ты нам нужна, то он тебя поддержит. Эбре ценит мое мнение и будет действовать соответственно; Звездный Контроль тебя также поддержит.

— Всего две стороны.

— Совет Правосудия ты никогда не заполучишь. Они не могут отменить свое решение относительно тебя, пото-

му что таким образом их работа ставится под сомнение. Что касается Объединенного Совета Наций, то у директора Звездного Контроля есть почетное место в Палате Людей, через которую он может выступить от твоего имени и также следить за работой Совета и вовремя принимать нужные меры.

— А ни Кахв будет яростно сражаться от моего имени?

— Сомневаюсь. Но Эбре уже выбрал преемника.

— Вас? — догадалась Анжа, и ее глаза распахнулись.

Торжа утвердительно наклонила голову.

— Новость еще не сообщалась. Я предпочитаю, чтобы она пока держалась в тайне.

— Я понимаю. Это означает, что трое из пяти глав ветвей власти Империи будут женщинами...

— Две женщины и тисан-производитель, но результат один и тот же — равновесие пятьдесят на пятьдесят так же ненавистно браксинцам, как женское большинство. Для нас это простой вопрос и совсем не относится к полу — но для них это будет означать переход от мужской империи к женской. Как только прозвучит официальное объявление, заново начнутся военные действия, и станет проявляться символическая жестокость. Как и всегда в таких случаях.

Торжа наклонилась поближе к девочке.

— Я хочу ввести тебя в Звездный Контроль.

— Вам придется выдержать в настоящую схватку! — Предвосхищение удовольствия ярко вспыхнуло в темных, чужих глазах Анжи.

— Но ты согласишься?

— Институт меня не отпустит.

— Еще два года — и период твоего базового обучения закончится. После этого ты можешь ездить туда и обратно в Академию.

— Они меня не примут.

— Эбре может отменить запрет приемной комиссии.

— А он это сделает?

— Если к нему найти правильный подход, — улыбнулась Торжа.

— Кажется, у вас есть все ответы.

— Я пыталась предусмотреть все вопросы. У меня нет иллюзий — да, будет нелегко, Анжа лиу. Но я вижу в тебе

огромный потенциал, что возможно проявить только на Военной Границе. А ты что скажешь?

— Что я могу сказать? — вздохнула девочка. — Это то, о чем я всегда мечтала. И мне совершенно нечего терять. Да, командир звездного флота. Я отвечаю — да.

— Ну, тогда отдыхай и набирайся сил. Эбре находится на Дари, и мы можем провести церемонию здесь. После этого Совету Правосудия придется общаться с тобой через меня.

И Совету Наций тоже, подумала Торжа, и императору. И это не упоминая Институт, который заявляет о фактическом владении девочкой... Но это легко уладить.

Но как, именем Хаши, она собирается все это объяснить Эбре?

ГЛАВА ШЕСТАЯ

«Чем сложнее язык, тем он больше способен влиять на мысли людей».

Харкур

149 — И вода спала (ожидание ужаса, которое достигает пика к концу строки 150)

150 — Некая форма осталась на плаву (печаль с намеком на жуткое очарование)

151 — Бледная рука обхватила холодный камень (конец)

152 — Последний фонтан брызг, чтоб покрыть руку смертью

Я ждала.

Собравшаяся компания молчала. Их лица под маской браксанского образа ничего не выражали.

Наконец кайм'эра Затар кивнул. Я позволила себе вздохнуть.

— Это было хорошо сделано. — Он махнул слуге, чтобы заплатил мне. — Хотя, учитывая твою аудиторию, я удивлен отсутствию привкуса вторичного эротизма в последнем образе.

Я ругала себя за выбор; вслух же стала его защищать.

— Разве для такой аудитории эротическое содержание является неотъемлемой частью образа? Переход в открыто сексуальный речевой режим кажется, по крайней мере мне,

ненужным и даже излишним. Таким образом пришлось бы пожертвовать тонкостью образа.

— О, я полностью согласен с твоим выбором — но меня удивляет, что не относящийся к браксанам человек может быть таким чувствительным. — Передо мной выложили порядочно золотых синиасов. Я попыталась не выдать свое удивление. — Бери их, женщина! Выступление того стоило.

— Благодарю, кайм'эра, — низко поклонилась я.

— Хорошего поэта трудно найти — а женщину тем более, — уверенно сказал Затар. — А как ты пришла к Искусству?

Я выбрала речевой режим воспоминаний и воспользовалась тонкими изменениями интонации.

— Я отказалась от всех прибыльных дел и посвятила себя нематериалистическому увлечению.

Он рассмеялся, еще несколько человек из моих зрителей тоже улыбнулись. Остальные, несомненно, не понимали, как я использовала иронию, не прибегая к комплексному режиму иронии. Как ограничены те, кто может одновременно думать только две мысли!

«Мои учителя были правы, — решила я. — Чем более велик поэт, тем труднее ему найти нужную аудиторию».

— Значит, истинная творческая натура, — заметил Затар. — А твои сочинительские таланты не уступают твоему уму?

Я кивнула с должной униженностью.

— В девятый день этого жента я организовываю развлечения для девяти кайм'эра и избранных членов их Домов — в целом около сорока человек. Мне нужно что-то новенькое, ни в коем случае не оскорбительное, совершенно аполитичное. Подойдет что-то яростное. Пусть будет понятно всем: некоторые мои гости не славятся утонченностью. — Затар сделал драматическую паузу. — Для этого будет еще масса времени, если ты справишься с первым заданием.

Я проигнорировала обещание, о котором свидетельствовал выбранный им дополнительный режим.

— Мне нужен список гостей, — робко сказала я. Я не была уверена, разумна ли это просьба, но улыбка Затара показала, что он доволен.

— Тебе его пришлют. Ты остановилась...

Я посмотрела на золото на столе и решила, что мне пора.

— Курат-Серет, у Декорвы.

— Я знаю этот дом, — ответил Затар. — Тебе пришлют туда список. Еще что-то?

— Нет, — сказала я, но использованный мною речевой режим показывал: да.

— Хорошо, — ответил Затар и пообещал: «Позднее».

Я чуть ли не вприпрыжку поскакала домой.

* * *

Пять ночей — и девять кайм'эра — клянусь покинувшими нас богами, это невозможно!

«Все возможно, — шептала мне моя поэтическая душа (в речевом режиме сомнения). — Позволь мне рассказать тебе историю поэта, который отяготил себя обещаниями».

Список Затара принесли очень быстро. Он снабжался настолько подробными комментариями, что лучшего и желать было нельзя. Девять кайм'эра, у всех разные вкусы, да еще и члены их Домов, у них вкусы еще менее совпадают. Что следует говорить браксану, который ждет наглости, но тем не менее ее не потерпит, или тому, кто ожидает, что его будут хвалить, тем не менее насмехается над подхалимством и угодничеством? И как только я согласилась?

Я долго выбирала и отказалась от такого количества тем, что с лихвой хватит на целую библиотеку. Многие получались слишком утонченными, другие — недостаточно утонченными, некоторые показались мне просто отвратительными с самого начала. Пол снятой мною комнаты устилал ковер из отбракованных идей. Если бы я просто нашла тему и не могла бы найти должных слов для ее выражения, все было бы в порядке. Такова доля поэтов. Но когда не найти тему? Такой судьбы я не пожелала бы и азеанцу!

От истории я отказалась в самом начале. Такие образы подходят для любителей, но история — наука субъективная в лучшем случае, и каждое зафиксированное событие видится по-разному разными людьми. Нет худшей пытки для поэта, чем слушать, например, такое: «Да, выступили вы прекрасно, но разве во время сражения при Кос-Торре взяли в плен четыреста тридцать шесть азеанцев, а не четыреста тридцать два?»

Таким же образом я отказалась и от описания сексуальных утех. Различия во вкусах среди моей предстоящей ауди-

тории были достаточными, чтобы у поэта просто начались кошмары, и они в самом деле начались. Я не могла даже воспользоваться последней надеждой любителя — смешать в кучу всего понемногу, потому что Хозяйка кайм'эра Ретева находит сексуальные эксперименты отвратительными.

Тазхейн! Я не могла бы придумать худшей ситуации, если бы кто-то поручил мне ее изобрести!

Я задумалась и вспомнила свое ругательство, произнесенное в раздражении и отчаянии. Тазхейн — бесстрастный предатель и бог-отец браксаны. Хватит ли у меня смелости представить религиозную тему людям, которые более всего презирают действующую религию?

А почему бы и нет?

До поздней ночи я писала и надиктовывала. Один раз мне пришлось выбегать в магазин за новой батареей для магнитофона, а оказавшись на улице, я чуть не врезалась в мужчину, прогуливавшегося в поисках удовлетворения. Все мое время считается рабочим, и моя занятость представляет Обоснованную Причину, чтобы ему отказать? Мне не хотелось это проверять. Да, можно писать стихи, одновременно удовлетворяя похоть какого-то незнакомца, но это очень трудно.

Когда у меня образовался первый вариант, на улице светало. К полудню второго дня я начала видеть в этом некий намек на шедевр. Что началось как рассказ о славе, превратилось после добавления утонченности и беспощадной правки в нечто с большим размахом. Я видела, как текст улучшается по мере работы. Значения добавлялись уровень за уровнем: с расчетом на каждого. Для простых (на поверхности): кровавая история о божественном происхождении племени браксана. Для Затара и ему подобных, что как раз и являются людьми, ради которых живет и творит поэт, — тысяча уровней значений, которые можно раскрывать и раскрывать, плюс немного черного юмора. Он поможет мастеру Искусства одновременно рассказать вторую, третью и четвертую истории.

На четвертый день все было сплетено, вербальное переплетение войны, похоти и — конечно — Главного Предательства. «Я расскажу вам о смерти Создателя», — монотонно напевала я, засыпая у себя за письменным столом, и мой

разум воспользовался возможностью пометать о тысяче утонченностей, которые может содержать эта строка, если воспользоваться речевыми режимами браксаны...

* * *

— Ланства, поэтесса.

Я низко поклонилась, сердце учащенно билось в груди. Я знала, что двое из собравшихся по крайней мере умеренно враждебны к моему Искусству; и их мне нужно завоевать, если жизнь дорога. Остальных нужно удовлетворить, совратить... манипулировать ими. Это было истинное искусство, которое включало поэзию типа моей.

1 — Я расскажу вам о смерти Создателя (триумф/удовлетворение/конечность)

2 — И те из вас, кто оплакивает богов, будут тронуты, (превосходство, окрашенное удовольствием)

3 — А все, кто серьезно поклоняется глупости (подчеркнутое превосходство)

4 — Упадут на колени перед судьбой небес (приказ с насмешкой)

5 — И не посмеют поднять недостойные глаза к Пустоте, где живут боги

К тридцатой строке я склонила их на свою сторону, и в процессе редактировала свою работу, как подсказывали их почти неуловимые отклики. Это один из вызовов чтению поэзии: даже прекрасно подготовившись, невозможно предвидеть реакцию публики, и многие поэты провалились из-за нежелания адаптировать свой ценный текст в угоду ожиданиям слушателей. Я видела свой текст как живое, полное сил существо, и когда он стремился к внимающим браксанам, я помогала ему стать чем-то более великим, чем когда-либо может стать заранее приготовленное слово.

Я рисовала славную картину жизни Создателя в самых ярких и сильных образах. Мои образы пришли из мифологии других народов, для которых величайшим божеством было то, что отвечало за создание Всего Сущего. Таким образом его падение становилось еще более драматичным. Между

строк, глубоко под той скрытой иронией, что была превалирующим речевым режимом этой части, я вплела в работу достаточно тонких намеков, чтобы позволить им посмеяться надо мной — потому что Авра-Салос, создатель Вселенной и всего того, что он в нее поместил, мой Создатель, не являлся отцом браксаны.

Я позволила голосу стать зловещим от дурного предчувствия, когда рассказывала о создании Тазхейна, как подходящего соперника Единому. Я нежно оттенила стих хаосом, когда родилась Ар, жена Единого и форма для отлива женщин. Ее рождение не оставило ни одной свободной мысли в небесах, после этого ставших известными как Пустота Сознания. Они были мои, эти браксаны, и я знала это. Я работала, руководствуясь инстинктом, декламировала по памяти в некоторых местах и импровизировала в других. И насколько я могла судить, делала правильный выбор.

Ар в своей зловещей славе пролетела над моими слушателями, богиня хаоса, свобода ее устанавливала связь мужчины с волей женщины. Я знала, что в тот момент управляю ими, и они боялись богиню, чего никогда не сделали бы по здравом размышлении — эти притворщики-атеисты. Хотя большинство из них не могли понять все уровни значения, которые я им представляла, подсознательно они впитывали все. Я четко видела, как услышанное целиком поглощается, что видно было по глазам, и продолжала.

Я окутала слушателей дымом войны миров-сестер, и мой голос восхвалял Тазхейна за предательство и разрушение его Создателя, даже когда оплакивала плоды его вероломства в псевдорелигиозном горе. Миры содрогались — человеческая кровь лилась рекой — для вас достаточно жестокости, кайм'эра Затар?

Затем, переключившись на речевые режимы, подразумевающие сексуальность и силу, я говорила о появлении Тазхейна на Бракси и зачатии браксаны. Казалось, это им нравится, и я подольше задержалась на этом вопросе, импровизируя более детальное описание, чем изначально планировалось.

Внезапно перестроив тон, я перешла на условную привязанность Ар. Намеки на угрозу я свела к минимуму; мифологическое обещание ее свободы в случае женского доминирования было излишне, тем более из уст женщины, поэтому

следовало работать с повышенной осторожностью. Я почувствовала, что эти мужчины, с презрением относившиеся к мифу, когда мое выступление закончилось уже не были так уверены в собственном атеизме.

Моя заключительная часть показывала варварство браксанов, в безжалостности которых — залог будущей силы и власти. Преувеличение было бы дешевым подхалимством. Браксанская мифология поддерживает Социальные Кодексы и право браксаны на власть. Сказать это — и достаточно, если вопрос представляет поэт, передавая каждое слово в другом режиме, придавая каждой фразе тысячу значений.

Публика молчала.

Затем Затар медленно кивнул — дал знак, свидетельствующий, что я преуспела и мне следует уйти, и ни слова больше. Я низко поклонилась в ответ и подчинилась приказу лорда.

Я не успела дойти до входной двери, как меня поймала Хозяйка.

— Он хочет, чтобы ты задержалась, — сказала Хозяйка. Я остановилась. — Вот здесь, — она указала на небольшую гостиную, сбоку от вестибюля. Комната была изысканно оформлена в стиле центральных браксанов. Поскольку я не привыкла сидеть на полу, независимо от количества подушек, то села на краешек низкого столика.

Прошло совсем немного времени, и вошел сам кайм'эра. Я встала и поклонилась.

— Отличное выступление, — сказал Затар.

— Спасибо, О Великолепный! — еще раз поклонилась я.

— И это была непростая задача.

— Я понимаю это, кайм'эра, — я позволила себе показать, что меня это позабавило.

— Это было сделано специально, — заметил лорд. — Ты хорошо и напряженно поработала, поэтесса. Я слушаю.

Сердце учащенно билось у меня в груди. Я знала, что зашла с ним дальше, чем кто-либо из моих коллег, а репутация Затара привлекала многих опытных поэтов.

— Вашему Дому не хватает моего Искусства, Великий.

— У моего Дома есть Хозяин, — сухо ответил он.

Я продемонстрировала глубокое уважение к его вербальным навыкам.

— Но есть ли в нем поэт? Несомненно, вы занимаетесь политикой с умением, в котором вам нет равных, но есть ли рядом с вами творец, чтобы выбирать слова, которые помогут максимально эффективно выражать красоту нашего языка? — Затар ничего не ответил, и я продолжала без пауз, чтобы не перепугаться. — Я могу дать удовольствие — боль — советы. Меня учили заставлять аудиторию чувствовать то, что я хочу. Я приношу свое искусство к вашим ногам. Я дам вам простое удовольствие, кайм'эра, или создам для вас легенды. Вам требуется только выбрать.

Я иссякла. Затар молча рассматривал меня, его эмоции были замаскированы под каменным выражением лица, сквозь которое, как я знала, мне не дано проникнуть.

— Хорошо, давай рассмотрим каковы твои мотивы, — равнодушно произнес лорд.

Я задрожала, но кивнула.

— Ты — женщина. Как женщина, ты не можешь прокормить себя, работая в любой отрасли, которая требует власти над мужчинами. Искусство несет в себе особый риск, поскольку будучи независимой, ты не можешь требовать оплаты, если тебе в ней отказывают.

— Это так, кайм'эра. — «На любимую мозоль!»

— Как творец, ты стоишь отдельно от браксинской классовой системы. В глазах простого общества ты — в самом низу. Если ты станешь частью Дома чистокровного браксана, то это сделает твоё занятие законным и ты будешь относиться к второму классу.

— Это так, кайм'эра, но...

— И также ты из восставших. Неужели ты думала, что я не проверю твоё прошлое? Ты вдохновила толпу на восстание на Врески после «упражнения в ораторской манипуляции». Жизнь тебе сохранили только после того, как ты отказалась от своих классовых привилегий, чтобы посвятить себя более безвредным поэтическим занятиям — да и тогда голосование было большинством не в твою пользу.

Внутри у меня все похолодело. Я с тех пор изменила имя, внешность и все остальное, связанное с моей личностью. Кто бы мог подумать, что Затар станет копать так глубоко!

— В дополнение к этому, судя по твоему выступлению, я нахожу, что ты наслаждаешься тем, что манипулируешь

мужчинами, — лорд поднял руку, жестом пресекая мои возражения. — Точно так же, как мастерица нашего языка может работать на подсознательном уровне, мастер может читать самые глубокие уровни. Итак. Ты хочешь принадлежать к второму классу, хочешь денег и безопасности. И ты, браксинская женщина, хочешь играть в игры и манипулировать представителями главной расы, надеясь когда-нибудь понять ту природу, которую мы скрываем от личностей типа тебя, и управлять ею под прикрытием поэта. Пойми, тебе придется оставить свою свободу у моей двери! За каждым твоим шагом будут следить. Каждое твое слово будет записываться и присылаться мне. Твоя поэзия будет подвергаться цензуре. А если твой поэтический подход когда-нибудь вызовет у меня беспокойство, то я прикажу тебя убить, и ничто не заставит меня колебаться, — может, даже подвергну тебя медленной смерти. — Он смотрел на меня в упор, не мигая, и я содрогнулась от этого взгляда. Затар заставил меня заново подумать над тем, хочу ли я в это ввязываться. Что я знаю об образе жизни браксаны, я, которая думала только об Искусстве и собственном удовольствии?

Его лицо выразило странное удовлетворение, словно он почувствовал то унижение, что доставила мне его отповедь. Затар повернулся, собираясь уйти, — но просто, чтобы отказаться от моих услуг, или наказать меня за прошлое, за восстание?

Он оглянулся через плечо перед самой дверью, и снова по его лицу ничего нельзя было прочесть.

— Приходи в усадьбу завтра вечером! — по его низкому голосу было понятно: ему смешно. — Хозяйка предоставит тебе покой и жалованье. Спроси ее, когда придешь.

Я ничего не успела ответить, так быстро он ушел.

О, Тазхейн!

* * *

Таким образом я вошла в Дом Затара — я, творческая натура и подстрекательница, поэтесса и революционерка.

Несомненно, если бы я родилась мужчиной, то жизнь моя была бы другой. Я могу представить, как сражаюсь и умираю в первых рядах неподготовленной и слишком рано начавшей-

ся революции, как возбуждает меня возможность управлять действиями других. В процессе я страстно желаю сбросить ярмо Бледнолицых и их правление. Но вместо этого я родилась женщиной и потому должна воплощать свои мечты способом, подобающим моему полу. Это трудная судьба. Меня не беспокоила ни вынужденная доступность, которую большинство женщин проклинают всю жизнь, ни дети, неожиданное появление которых стоило мне времени и здоровья. Но дар манипулятора был во мне с рождения, и это — жестокое несоответствие интересов той среде, где я появилась на свет.

Поэтому я обратилась к языку. Он позволял мне совмещать творческие и управленческие способности так тонко, что лишь немногие мужчины понимали манипулятивную силу моего Искусства. И когда браксаны, более чувствительные, чем большинство, в этом вопросе, арестовали меня за смелость и дерзость, они закрепили за мной ярлык шемар, а не революционерки — женщины, командующей мужчинами, служанки богини Воплощенного Хаоса, остающийся самым главным браксанским табу.

Думаю, спасло меня мое Искусство. Браксаны редко милостивы к тому, кто бросает им вызов, но те, кто приносят им удовольствие, часто избегают их ярости. Я умоляла их смириться, славно воспользовавшись возможностями их языка, и это купило мне право на жизнь после того, как они лишили меня всех прав, кроме права говорить.

И теперь — Дом Затара! Волнение переполняло меня, и в то же время — ужас. Затар потребовал мою жизнь, и я с готовностью отдала ее. Но сколько пройдет времени, когда снова поднимется дух шемар, станет наполнять меня энергией жизни и я окажусь в опасности из-за недовольства Затара?

Когда меня не преследовали навязчивые идеи и подобные страхи, жизнь моя представляла собой вызов и удовольствие. Молодой кайм'эра, которому я служила, на самом деле являлся мастером своего языка, и мне требовалось использовать и талант, и полученные во время обучения навыки, чтобы приносить ему удовольствие. Но — о, как захватывает выступление перед браксанской аудиторией! Никакой сексуальный контакт не может принести такого удовольствия, никакое вино — такого опьянения.

Моей обязанностью стало обучение Ньен нюансам нашего языка, и поскольку так хотел Затар, она пыталась быть хорошей ученицей. Но даже когда она учила разговорный режим, он выдавал ее: в каждом случае, когда она применяла его сознательно, присутствовали еще пять, которыми она бессознательно окрашивала речь, выдавая себя больше, чем может допустить любая Хозяйка браксанского Дома. Половина наших уроков посвящалась тому, чтобы убрать из речи Ньен очевидное, научить выражаться не так, как представители ее класса — не просто выражать чувство, а делать так, как *его* класс, создавать образ и передавать приемлемые эмоции.

И как Ньен работала, чтобы порадовать Затара! Полностью ли ее преданность вдохновлялась теми эмоциями, которые мы стремимся отрицать (но которые, как знает поэт, все равно остаются в человеческом сердце)? Или потому, что она пришла в мир высшего класса со стороны и должна теперь либо служить Затару, либо испытать полную изоляцию? Браксанское общество вышвырнуло нас обеих, ее — за клеймо, меня — за мое прошлое. Где еще мы могли найти себя и получить удовлетворение, как не рядом с Затаром?

Лишь немногие мужчины в Доме проявляли ко мне сексуальный интерес, а большинство тех, кто проявлял, были бесплодны: хоть какое-то преимущество в службе браксанам. Такое положение вещей позволяло мне выражать чувственность в работе так, как я не смела раньше, и знаю, что такое развитие ситуации было и приятно Затару, и забавляло моего Хозяина, точно так же, как приносило удовольствие и смущало меня.

Моя работа подвергалась цензуре, как Затар и говорил. Но для него это была только необходимость, тщательный контроль за тем, что его Дом представляет для других браксанов. Он сам не боялся того, что я могла сказать. Часто он призывал меня выступать только перед ним одним, и в таких случаях я могла выбирать любой предмет и экспериментировать с любым способом подачи текста. Другие находили Затара резким и нетерпимым, но это была его роль в обществе. Да, ко мне он проявлял требовательность, но и снисхождение вместе с тем. При условии, что я доставляла удовольствие его уму, я могла делать это необщепринятыми средствами.

Я стала более смелой. Казалось, его внимательные черные глаза проникают глубоко в мою душу и видят меня

насквозь, тем не менее Затар никогда не выражал недовольствия от моей очередной поэтической наглости. Я готовила большую работу, шедевр утонченности, в котором в конечном счете ставился вопрос о преданности Бракси Бесконечной Войне; представление этой работы будет опасным и в самой терпимой компании. Я не думала, что у меня когда-нибудь хватит смелости — или глупости — выступить с этой поэмой. Но истинный творец никогда полностью не ограничивает необходимость творческой реализации. Итак, однажды я завлекла своего Хозяина в возбуждающий рассказ о войне и интриге, в основе которого лежал пугающе-реакционный взгляд на браксино-азеанский конфликт.

После того как я закончила, Затар какое-то время молча рассматривал меня.

— Интересно, — произнес он, помолчав.

Я задрожала. Может, я зашла слишком далеко? Длинная поэма, над которой я напряженно трудилась, была языковым шедевром, но я не осмелилась бы представить ее никому другому. Неужели я неправильно оценила Затара?

— У тебя поразительный ум, женщина, — взгляд Затара стал задумчивым. — На самом деле поразительный. Знаешь, я во время твоего последнего выступления очень внимательно наблюдал за публикой. Я всегда так делаю. Ты поворачиваешь их мысли, как не может ни один мужчина. В тебе есть настоящий дар властвовать. Ты способна оказывать влияние на мужчин.

Я оставалась неподвижна.

— Приходи ко мне сегодня вечером, — приказал он.

Я достаточно хорошо его знала, чтобы понять: меня выгоняют. И я была рада уйти: это позволяло мне скрыть страх.

Управление мужчинами — не это ли по сути он мне приписал? Абсолютно недопустимо по браксинским стандартам, невыносимо в браксанском Доме, и наказуемо, как любые другие нарушения социального браксинского порядка, смертью.

Если Затар признает меня шемар, я умру; никакое удовольствие, которое я могу ему принести, не выкупит меня у такой судьбы. Конечно, потенциал всегда жил внутри меня, и такой мастер по владению словом не мог этого не заметить, но если Затар увидел выход этого потенциала на поверхность, то у него нет выбора, кроме как вырвать случайный сорняк с корнем.

В тот вечер я отправилась к нему, внутренне содрогаясь.

Я никогда раньше не ложилась в постель с чистокровным браксаном; и это оказалось неожиданно приятным. Я нашла очень мало похожего между этим продолжительным удовольствием и отчаянно быстрым возбуждением и разрядкой низших классов. Мне они показались двумя совершенно разными занятиями. Должна сказать, что глядя смерти в лицо, я испытала огромное удовольствие, и хотя моя натура вызывала у него беспокойство, не думаю, что беспокойство вызывало и тело также. Затар оставил меня спать рядом с собой: это браксанский обычай, с которым я раньше не сталкивалась, и он вызвал тревогу уже у меня. Вместо того чтобы спать, я рассматривала Затара, его прекрасные черты лица, расслабленного во сне, голую руку, лежавшую на груди, что вздымалась и опускалась в такт дыханию. Его пальцы украшали три тонких золотых кольца, которые оказались такими хрупкими, что я никогда не замечала их под плотно прилегающими перчатками, традиционными для браксана. Теперь они притягивали мое внимание к длинным пальцам с идеальным маникюром, которые я раньше никогда не видела открытыми. Я попытаюсь запомнить образ для будущих стихов. Если, конечно, эти стихи будут.

Затар проснулся, когда первые лучи проникли в окно. Со страхом и волнением я готовилась к худшему. Тем не менее он ничего не сказал, пока одевался. Я не могла отвести взгляд и смотрела, как он облачался в браксанские одежды, затягивая стройное тело в серое, опять серое и еще раз серое, а поверх — короткий черный плащ, затем надел перчатки и сапоги. Затар заговорил со мной и вообще признал мое присутствие только когда был застегнут высокий ворот и золотой медальон, свидетельствующий о его ранге, лег на грудь.

— Значит, ты хочешь командовать мужчинами? — бросил он, расправляя длинные черные перчатки на предплечье.

— Я не стану оспаривать ваше мнение, кайм'эра, — поклонилась я.

Он резко посмотрел на меня.

— Ну тогда говори прямо. Ты наслаждаешься манипулированием.

Я слабо кивнула.

— Мужчинами.

Я подтвердила и это.

— Мужчинами, имеющими власть, — закончил он.

— Кайм'эра... — у меня вспыхнули щеки.

— Однозначного ответа будет довольно.

Я отвернулась, прошептала: «Да».

— Что может быть принято за служение Ар.

Я вся сжалась. Затар кружил вокруг одного слова, но все и так было ясно. Шемар нельзя терпеть. Он просто убьет меня или все получится гораздо более неприятно?

Затар заметил мой дискомфорт, и на его идеальном лице появилась легкая улыбка.

— К счастью для нас, ты являешься членом моего Дома и таким образом слугой моей воли; поэтому нет необходимости в официальном признании ситуации.

У меня перехватило дыхание.

— Ты обладаешь странной силой, Ланства, способностью контролировать эмоции своей аудитории, не осознающей этого, — говорил лорд. — Я наблюдал за твоей работой с тех пор, как ты оказалась здесь, и время и практика только добавили тебе умений. Я хочу воспользоваться этим талантом. Ты готова?

— Ваша воля — моя воля, — выдохнула я осторожно.

— Отлично, — Затар пригладил волосы. — Это означает, что в ближайшем будущем я могу сдать тебя в аренду некоторым Домам высшего класса. Они просили о твоих услугах, не замечая твоей силы, — он рассмеялся. — Лучше не придумай! Позднее мне придется периодически покидать Бракси, — я хотела возразить, но он жестом остановил меня. — Мои планы требуют этого. Поэтому я рад, что Ньен найдет поддержку в твоём лице. И буду рад еще больше, если смогу позволить тебе практиковать твое Искусство в других Домах, пока меня нет.

— А чего вы хотите? — я едва могла говорить.

— Даже я не могу позволить существование шемар, — его взгляд стал пронзительным и суровым. — Поэтому ты не должна заработать подобную репутацию.

Я ждала. Очевидно, Затар увидел что-то в моем лице, что ему понравилось, поскольку он улыбнулся шире.

— Это строго техническое определение, не так ли? Женщина приказывает мужчинам, только когда сама отдает свои приказы.

Я начала понимать.

— Но если приказы исходят от мужчины...

— То женщина просто инструмент — хотя и действенный.

— Я сдам тебя в аренду другим, если хочешь, — Затар удовлетворенно кивнул.

— Ваша воля — моя боля, — повторила я. Страх заменило дикое возбуждение. Затар собирается заслать меня к браксанам и вменить мне в обязанность влиять на их мысли? Может ли женщина познать подобный экстаз за одну жизнь?

Я попыталась сохранить внешнее спокойствие, но хотя и говорила в основном речевом режиме, все же знала: Затар чувствует мое возбуждение.

— Я обещала создавать для вас легенды, — так сказала я.

— Я знаю, — ответил он. — И помню. Я этим воспользуюсь.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

«Великий правитель определяет, кто ему наиболее выгоден, и возвышает этих людей».

Харкур

Император Азеанской Звездной Империи производил впечатление. Даже среди самой высокой человеческой расы в исследованной галактике он на полголовы возвышался над остальными. Волосы цвета сливок ниспадали ему на плечи и струились по спине, некоторые пряди были окрашены в золотой цвет по последней моде, к волосам было подобрано сливочно-золотое одеяние. На лице цвета полированной бронзы резко выделялись яркими белками глаза. На левой руке блестели четыре кольца, символы четырех других ветвей власти государства, которые одновременно являлись и слугами его, и господами. На правой руке он носил кольцо, выточенное из зейморита — память об Основании, — с выгравированными двумя полушариями Азеи, его личную печать.

Пеш иль Сет ждал с монаршим терпением, как подобает особам королевской крови. Огромный зал был заполнен его подданными: людьми и инородцами, военными и гражданскими, они родились в высокопоставленных семьях или сами заслужили высокий пост... Здесь не нашлось места для простолудинов. Огромная масса посетителей, собравшихся при

дворе, уже превышала то количество, что был способен вместить большой зал. И не в первый раз он подумал: «Мы могли бы собраться на Лугасте». Не в первый раз император напоминал себе, что некоторые вещи следует делать на азеанской земле — ради соблюдения традиции, что делала государство сплоченным и дееспособным, и базировалась на том, что представляла собой именно эта планета.

Глашатай откашлялся и начал.

— От Совета Наций, — объявил он. — Старшая советница Асабин Телиа, Палата Людей.

Вошедшая была лугастинкой, невысокого роста и с приятной внешностью. Официальные одежды Лугаста ниспадали до пола, за советницей тянулся шлейф, свободное пурпурно-бирюзовое платье скрывало ее фигуру, а от золотой короны на голове отходила тонкая кристаллическая вуаль, укрывшая голову и плечи.

«Они всегда знали, как правильно одеться», — подумал император.

Советница поклонилась монарху и заняла место рядом с ним, ее вуаль тихо позвякивала при каждом движении.

— От Совета Правосудия, — продолжал глашатай. — Верховный судья Лиш зи Рейс.

Вошел азеанец, надменный, где-то около ста стандартных лет. Возраст уже начал проявляться в его внешности, и морщины на лбу придавали ему еще большую резкость и достоинство, чем те, которыми он обладал ранее. Для этого мероприятия он выбрал черные с бордовым одежды; форма Совета Правосудия была полностью черной, но зи Рейс решил какое-то время тому назад, что это слишком мрачно для появления на государственных мероприятиях, и приказал добавлять детали других цветов, правда, темных и в разумном количестве.

Глашатай подготовился к произнесению имен не-людей. В них встречались сложные для человека звуки.

— От Совета Наций, — осторожно сказал он. — Старшая советница Сст Ффтф Шк-к, Палата Не-Людей.

Тисан не облачилась ни в корону, ни в длинное одеяние, потому что ее щиток, как у черепахи, не подходил ни для того, ни для другого. Существо остановилось перед глашатаем, чтобы сделать подходящий ситуации жест уважения и оценки, поскольку тисанский речевой аппарат так отличался

от речевого аппарата Разбросанных Рас, что представители этого народа привыкли, чтобы их называли с использованием человеческих звуков. Глашатай предпринял попытку произнести настоящее имя и, даже при неполноценности человеческого речевого аппарата, подошел достаточно близко к правильному варианту.

Тисан выразила уважение императору и заняла место рядом с советницей Асабин. Существо нарисовало золотые спирали на всей верхней поверхности туловища, и они удачно сочетались с одеянием остальной компании. Хотя тисан полностью не понимала цели таких украшений — ее правительство использовало более сдержанную форму, — но она могла сказать, что использование рисунка является и подходящим к ситуации, и по достоинству оценено остальными.

Присутствие коллеги не-человека, как всегда, вызвало у Пеша благоговейный трепет — перед тем, чего добилась Азеа и с какими малыми шансами на успех. В Палате Не-Людей было представлено более сотни видов, некоторые из такой чужеродной среды по сравнению с Азеа, что император не мог и надеяться понять их — это казалось просто бесполезным упражнением. Между ними и людьми имелось мало общего и иногда — достаточно оснований для враждебности. Тем не менее люди и не-люди стояли сейчас, объединенные при его дворе, связанные вместе общей мечтой, общей нацией. И если правительство, общее для всех, было ни во всем идеально, то этого следовало ожидать. Зная о таком разнообразии, казалось просто удивительным, что Империя вообще функционирует.

— От Императорских вооруженных сил, — продолжал глашатай, опять привлекая внимание Пеша к настоящему. — Директор Эбре ни Кахв, Звездный Контроль.

Парадная форма Эбре прекрасно сидела на его мускулистой фигуре и резко контрастировала со свободными ниспадающими одеждами других людей. Черный приталенный китель с одним рукавом надевался поверх белой рубашки, застегивался на золотые пуговицы, по диагонали шла вышивка золотой нитью. По внешней стороне единственного черного рукава были вышиты планеты, по одной за каждый мир, который он покорил или силой, или в результате переговоров. Пришитая к кителю золотая тесьма объявляла, что

Эбре участвовал в заключении мирных договоров, дипломатических переговорах с не-браксинцами и других мероприятиях от имени Империи. По белому рукаву рубашки шли ярко окрашенные квадраты, которые символизировали его подготовку и теперешний статус. Над квадратами красовался золотой обруч, самая желанная награда в Империи, которая означала, что Эбре давал клятву верности лично императору и имеет право выступать от его имени.

Эбре подошел к своему сеньору и преклонил перед ним колени.

— Ваше Высочество, могу ли я выступить с заявлением? — попросил он.

— Ваши слова всегда желанны, — ответил Пеш.

— Говорят, что, хотя человек и приносит большую славу своему кабинету, он обесчещивает его, если в конце пытается удержать его дольше положенного времени. Почти сто лет назад я возглавил одну из ветвей государственной власти. Я пытался оправдать доверие. Мне доверили очень важный пост, и я считаю, что служил на нем так хорошо, как только мог.

— Вы честно и доблестно служили нам, — заверил его император.

— Спасибо. Однако боюсь, что я больше не молод. Здоровье начинает подводить меня, и не со всем уже справляется медицина. Я вынужден признать, что вступил в последнюю фазу жизни, и смерть может забрать меня в любой момент, не исключено, что внезапно.

Эбре сделал паузу.

— По традиции Звездного Контроля место директора передается преемнику, пока глава еще жив, чтобы флот ни на минуту не оставался без действующего руководителя. Я чувствую, что пришло время сделать это.

— Нам всем будет жаль, если вы нас покинете, директор, — сказал Пеш. — Но мы также знаем о традиции и ее обоснованности, и всем сердцем одобряем ваше решение. Я знаю, что говорю и за своих коллег, освобождая вас от командования флотом с готовностью, но с большим сожалением.

— Не могу притворяться, что мне не жаль это делать, — быстро вымолвил Эбре.

Император подождал, пока директор возьмет себя в руки.

— Вы выбрали преемника? — спросил он после паузы.

— Да, Ваше Высочество, — откашлялся ни Кахв. — Разрешите мне представить ее вам?

Пеш кивнул. Он почти слышал, как это «ее» эхом разлетается по уголкам Империи вплоть до Бракси. Он, конечно, знал, кого выбрал Эбре, и уже одобрил этот выбор. Но информацию не сообщали другим, чтобы она не дошла до Бракси до начала церемонии при императорском дворе. На этот раз, как подумал Пеш, Представление станет больше, чем просто ритуалом.

— Я представляю почтенной публике командира звездного флота Торжу эр Литз, — Эбре протянул руку в направлении женщины, шедшей по центральному проходу, затем Торжа заняла место рядом с ним и склонилась перед императором. Ее одежду украшали многочисленные золотые отметки в заслуживающем уважение количестве. Пеш знал, что даже если другие ветви власти Азеи не могли точно прочесть значение всех отметок, то их количество произвело на них впечатление. Данное ей родителями имя означает «огонь» в том смысле, что огонь очищает через разрушение — очень подходящее имя для одного из самых успешных командиров звездного флота Империи. Ее взрослое имя, Литз, было выбрано после браксинского покорения колонии под этим названием — покорения, которое повлекло за собой убийство более двух с половиной миллионов мужчин и женщин, и таким образом воплощает суть браксинской жестокости. Она носит его, как постоянное напоминание о своих целях. У нее выдающийся послужной список; Торжа эр Литз обладает блестящими тактическими способностями и пользуется уважением во всех подразделениях вооруженных сил. Она лучше всего подходит для этого поста, и хотя мне жаль снимать ее с действительной службы на Границе, я считаю, что наши вооруженные силы только выиграют, если она будет назначена директором Звездного Контроля.

— Репутация командира звездного флота хорошо нам известна, — Пеш удостоил Торжу улыбкой. Она нервничала — ну, этого следовало ожидать, — но умело это скрывала.

Пеш посмотрел на своих коллег, возглавлявших другие ветви власти. Логично, если кто-то из них попросит время, чтобы посоветоваться и проголосовать по вопросу этого назначения; с другой стороны, когда стало известно о намерении Эбре уйти в отставку, они, вероятно, тут же начали

обсуждать вероятных кандидатов. Была ли Торжа включена в эти списки? Очевидно да, потому как старшая советница Асабин одобрительно кивнула, а также верховный судья зи Рейс, правда, с меньшей охотой, как показалось императору. И Пеш уже достаточно давно имел дело с тисаном, чтобы знать: ее мягкое шипение являлось знаком одобрения.

— Мы принимаем вашу отставку, — объявил император Эбре. — И приветствуем избранную вами преемницу.

Одно за другим Эбре ни Кахв снял пять колец, свидетельствующих о занимаемой им должности, четыре с левой руки и одно — с печатью Звездного Контроля — с правой. По очереди вручил их императору, а затем передал и простой обруч, который был ему «короной». На глазах директора появились слезы, но печаль не уменьшила его почтения.

Пеш повернулся к Торже, преклонившей перед ним колена.

— Я клянусь вам в верности и вверяю вам свою жизнь, — сказала она. — Клянусь служить Короне и Империи и ставить их превыше всего. Я клянусь защищать Империю, ее территории и народы от всех внешних угроз, включая, но не ограниваясь браксинской агрессией, следуя заповедям Основания.

Пеш протянул Торже правую руку, и она прижала печать Азеи ко лбу.

— Зная, что вы служите моему кабинету, я также обязан служить вашим интересам и защищать их, — заверил он и надел кольцо, которое носил Эбре, на левую руку женщины.

Она по очереди склонилась перед другими главами ветвей власти. Те по обычаю принимали ее, клялись помогать друг другу и вручали ей кольца, которые соединяли их ветви власти. Тисан привела с собой переводчика, но Торжа отпустила его и обменялась ритуальными словами с тисаном на ее языке. Эбре слегка улыбнулся, преисполненный гордости.

«Неужели она выучила язык только для проведения ритуала? — задумался Пеш. — Если так, то это многообещающий жест».

Торжа вернулась на свое место и вновь преклонила колена перед императором.

Пеш торжественно поднял обруч над ее головой. Теперь пришло время сказать последнее. Воцарилась тишина. Император обвел взглядом всех собравшихся (большинство из них были в военной форме, блиставшей наградами), перевел

взгляд на окна, из которых открывался вид на Азеа. Дули злобные ветры смерти, взвихряли серую пыль в беззвучной ярости. Все молчали. Помедлив, довольный император кивнул и надел золотой обруч на голову Торжи. Потом положил руки ей на плечи, помог встать и представил ее гражданам.

— Знайте, что Империя поддерживает эту женщину и она имеет право выступать от нашего имени, — император повернул Торжу лицом к себе и с улыбкой протянул ей руку. — Поздравляю, директор.

Пеш по обычаю провел ее перед остальными, и Торжа обнялась с лугастинкой, обменялась поклонами с тисаном и несколько прохладным рукопожатием с верховным судьей. В его глазах светилось вполне определенное выражение: казалось, он ожидает неприятностей. Зная о политических взглядах нового директора, Пеша это не удивило.

Глашатай торжественно объявил об окончании церемонии. Позднее будет прием, в самом центре императорского дворца, и тысяча и одна важная персона, которые не смогли посетить саму церемонию, получают там возможность задать императору вопросы. Пеш украдкой вздохнул. Его раздражала политическая игра в своем родном мире, где вопросы, с которыми он сталкивался, зависели от неестественного воздуха и иллюзии комфорта, которую они создавали для прибывающих. Здесь, в атмосфере, что могла вдыхать только его раса, родилась азеанская мечта; только здесь, в окружении едкого запаха Смерти, можно было на самом деле понять цель существования его народа.

Офицеры кивали с уважением, кланялись или ползли, совершая причудливые движения, как требовала их культура и статус; покидая большой зал, Пеш отвечал на все это улыбкой умелого дипломата. Вначале шли советники, причем люди подстраивались под шаг своего более медлительного инопланетного коллеги, за ними — император, по обеим сторонам от него — бывший и настоящий директора. Они вышли из большого зала и прошествовали под низкой аркой, что означало конец церемонии.

Когда они следовали по коридору, Пеш немного отстал, позволяя советникам уйти вперед. Как только они завернули за угол, он кивнул одному из охранников, и тот расторопно открыл боковую дверь. Эбре ожидал от императора подобных

действий (как хорошо они знают друг друга!) и тут же вошел; Торжа колебалась мгновение, но потом последовала за Эбре.

Пеш закрыл за ними дверь на ключ, оттораживаясь от внешнего мира. И сразу превратился в другого человека, оставшись императором, но вел себя более неофициально. В конце концов, он был простым и практичным человеком. Эбре это знал. Новый директор тоже вскоре это поймет.

— Ну? — поворачиваясь к Торже, спросил император. — Эбре сказал, что вы хотите со мной поговорить. И намекнул, что вы хотите побеседовать со мной прежде, чем с верховным судьей. А поскольку зи Рейс не станет колебаться перед тем, как увести меня с приема для обсуждения деловых вопросов, я подумал, что нам нужно переговорить до приема. Не так ли, директор?

Торжа слегка покраснела от такого непривычного пока обращения и, казалось, была удивлена. Но голос ее звучал уверенно.

— Возникла ситуация... в которой я лично очень заинтересована, — объяснила она. — Я не собиралась поднимать этот вопрос сегодня...

— Но Эбре подумал, что лучше вам это сделать. И я с ним согласен. Если говорить в целом, я предпочитаю действия протоколу.

Торжа широко улыбнулась и явно повеселела. Хорошо, он нашел правильные слова, чтобы ее подбодрить. Пеш знал, что она собирается спросить, и уже принял решение.

— Так что, Торжа? — мягко сказал он.

Новый директор сделала глубокий вдох, чтобы набраться смелости.

— Дело касается одной девушки...

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

«В природе мужчины противоречить представителям своего пола. Каждый мужчина видит в другом потенциального претендента на вознаграждение, свидетельствующее об успехе, и враждебность, что возникает между ними, является частью естественного равновесия человеческой жизни.

Возможно, как в случае отца и сына, между двумя мужчинами возникнет близость, которая угрожает действительной враждебности каждого. Долг общества — обеспечить искусственные средства для поддержания должной степени противоречия».

Витон

— Будь он благословенен! — выругался Турак и запил проклятие оставшимся вином.

Он был молод, красив и относился к чистокровным браксанам. Он неаккуратно и как-то криво набросил плащ на плечи и сидел с растрепанными волосами, — но волосы растрепала женщина, поэтому он их не причесывал в память о ее прикосновении. Плащ он поправил рукой в перчатке, потом подтянул ее, привлекая к себе внимание.

— Вина! — крикнул он в командном речевом режиме. — Подобающего моей расе.

Женщина, сидевшая рядом с ним, улыбнулась и отодвинула гору пустых бутылок на дальний конец стола. Ее точило беспокойство за него, но нельзя было показывать это в подобном заведении — а в случае с браксаном, вообще смертельно опасно. Оставалось надеяться, что он способен удержаться на ногах после всего, что выпил и еще выпьет, поскольку доза-то получалась ой как немалая.

— Пусть ему придется почитать действующее божество! — пробормотал Турак, и женщина посмотрела на него, упреждая, пытаясь уверить его в том, что даже в этом заведении подобную смелость терпеть не станут. Сомелье огибал заполненные столики, спеша к ним, лебезя и дергаясь.

— Лорд, — слабым голосом пробормотал он. — У нас больше нет браксанского вина. Может, какого-нибудь другого...

— Почему нет? — спросил Турак.

— Прошу лорда извинить нас, но вы... то есть я хочу сказать, вы, лорд... Оно закончилось... — и чтобы подтвердить свои слова, он показал на стол, заставленный пустыми бутылками.

Турак, сын Сечавеха, встал, и стул с треском повалился на пол. Он встал во весь рост и опытной рукой схватил сомелье за волосы.

— Ты хочешь сказать, что это весь ваш запас? — заорал он.

Тот беспомощно замахал руками, лепеча что-то про бедность, в коей пребывают владельцы заведения, и на такие дорогие бутылки здесь обычно нет спроса.

— На тот случай, если сюда заглянет браксан, вы должны держать достаточно, чтобы удовлетворить его запросы, — громкий голос пьяного Турака разнесся по всем уголкам забегаловки, привлекая внимание завсегдатаев. Его женщина боялась его, но еще больше боялась за него, а когда Турак протянул руку к жаору, что в этот день и вовсе не прицепил к поясу, она решилась и оттащила его от стола.

— Может, немного глотнете свежего воздуха, лорд? — лицо его дрожало под маской ярости, он почти забылся. — Я заплачу, — начала женщина, обращаясь к сомелье, но тот был готов скорее потерять деньги, чем рисковать из-за дальнейшего пребывания в нем Турака.

— Забери его и помоги забыть это место, и это будет вполне достаточно, — процедил он. — У меня хватает проблем и без вендетты высшего класса.

Каким сильным казался лорд, и каким слабым он был! Глаза ярко горели и вроде бы все замечали, а на самом деле не видели ничего; походка, демонстрировавшая уверенность и надменность, смотрелась так только потому, что женщина поддерживала его.

В сильном опьянении необходимость сохранить лицо служила Тураку движущей силой, хотя и неосознанно, и, влекомый женщиной, он пугал посетителей из низшего класса, когда проходил мимо.

Как браксаны могут быть такими слабыми, размышляла она, и все равно создавать иллюзию силы? Женщина вывела Турака из главного зала на темную улицу. Она встретила его там, пока солнце, Бисалос, все еще высоко стояло в небе. Теперь место солнца заняла луна. Женщина вызвала такси, прислонила Турака к стене и попыталась успокоить.

— Я взял тебя, чтобы попробовать, — пробормотал Турак. Его лицо покрылось потом. — Теперь, вероятно, я не смогу этого сделать.

— Это не имеет значения, лорд... — Она покачала головой и грустно улыбнулась. — Будут другие ночи, другие женщины. Что касается меня, лишь немногие женщины моего класса могут похвастаться, что становились свидетельница-

ми знаменитой браксанской ярости. Если я сослужила вам хоть небольшую службу...

— О, да, определенно! Нам отчаянно нужны женщины, таким, как я. Мы не можем подойти к нашим... Ведь с женщинами из простолюдинок все получается по-другому, не правда ли?

— Нет, это не так, — грустно покачала головой женщина. — Но это не имеет значения, лорд. Через мгновение подыдет такси, отдых пойдет вам на пользу.

— Я все-таки убью его! — пробормотал он вяло. — Я должен. Нет другого способа...

Такси прибыло к месту назначения. Женщина нежно оторвала Турака от стены и заметила, как из таверны вышли двое любопытствующих, но посчитала, что лучше не говорить об этом Тураку. Он чуть не упал, подвернул ногу, но с помощью женщины добрался до машины и рухнул внутрь. К тому времени, как она ввела адрес в рулевой механизм, он уже крепко спал, поэтому она запрограммировала будильник перед тем, как отправить такси в путь.

«Который из наблюдателей захочет попробовать женщину, выбранную лордом?» — размышляла она. Она надеялась, что ни один не пожелает, но, с другой стороны, браксинская удача редко кому-то сопутствовала.

* * *

— И ты показал себя дураком перед кем? Не перед высшим классом, представители которого по крайней мере знают, что ты — исключение в нашей расе! Нет, ты ведешь себя, как идиот, в Сулосе, и позоришь нас перед людьми, что никогда не видели нашей славы. Турак, тебе придется постараться, чтобы исправить это положение.

— Отец... — слабо воспротивился Турак.

Разозленный Сечавех оборвал его жестом.

— Не надо мне рассказывать про то, как ты был пьян, и про сегодняшнее похмелье. Я не хочу про это слышать. И не пытайся меня убедить, что все это на самом деле не имело места, или все было не так, или что я утрирую. Я знаю. Я отправлял Караса следить за тобой; он стал свидетелем всей сцены. Итак! — глаза Сечавеха горели гневом, Турак при-

крыл веки влажной тряпкой. — Ты — позор для нашего племени, — объявил кайм'эра. — Ты — живой пример всего, что браксаны отвергают. Я жалею о том дне, когда позволил тебе дожить до взрослых лет!

— А я сожалею о днях, когда ты удерживаешь меня в этом благословенном Доме! Папа, неужели ты не понимаешь? — Турак поднял налитые кровью глаза, прося, чтобы его выслушали. — Я не могу более тут жить. Мне тридцать лет. Пришло мое время!

— Тридцать, ты говоришь?! — закричал Сечавех. — Что такое тридцать лет по сравнению с двумястами? По азеанскому календарю тебе едва исполнилось шесть, и иногда я думаю, что это более точно... Турак, ты как ребенок! Я не вижу в тебе никаких черт взрослого. Как я могу передать тебе наследство и объявить миру, что считаю тебя взрослым и независимым, когда я не думаю так и не считаю тебя взрослым? Действуй, как браксан, и ты получишь наследство соответственно твоему праву рождения!

— Как получил его мой отец? — рявкнул Турак, используя иронический речевой режим. Было опасно напоминать кайм'эра о его чужеродном воспитании, даже намеками, спрятанными в разных режимах, и Турак знал об этом. Но он не мог не порадоваться, когда лицо Сечавеха потемнело, взгляд похолодел и наполнился жутким презрением. Ненависть, чистая ненависть и ее честность странно освежали.

— Я преодолел свое прошлое, — прошипел Сечавех. — Интересно, а ты смог бы сделать то же самое? Или ты все равно остался бы рабом чужих женщин на какой-нибудь гниющей и разлагающейся планете в Пустоте? — Сечавех рассмеялся. Он снова взял себя в руки. — Возможно, это подошло бы тебе, Турак. — Он отвернулся, подставить незащищенную спину считалось верхом оскорбления. — Возможно, это как раз то, чего ты хочешь на самом деле.

Сечавех мгновение стоял неподвижно, добавляя оскорбление к уроку, который преподавал сыну, и подчеркивая его бессилие — несмотря на всю ярость молодого человека, посмеет ли он ударить? — затем широкими шагами направился к двери. Она автоматически открылась перед ним, лорд обернулся с улыбкой, налаждаясь последним ударом.

— Женщина — ты ведь помнишь ее? — мертва, — удовлетворенно сказал Сечавех.

— И ты получил от этого удовольствие, не так ли?

— Дело не в этом.

— Ты и твой благословенный...

— Другие тоже умрут: от всех свидетелей следует избавиться, и сделать это быстро. Но она умерла первой. Медленно, Турак, очень медленно. Это тебя беспокоит?

Темные глаза Сечавеха смотрели на сына, словно искали вход в его душу. Женщина, женщина... какое она имеет для него значение, кроме того, что он хотел ее, пил с ней, и бросил ее в объятия сулосианской ночи? Только его удовольствие обрекло ее на медленную смерть и подогрело садизм человека, которого он презирает.

— Я — браксан, — ответил Турак с вызовом.

— Правда? — казалось, Сечавех забавляется, и это тоже было нарочно, с целью принести сыну боль. — Ты правда браксан?

Турак в ярости кинул в отца тряпку, но она застряла в захлопнувшихся дверях, когда кайм'эра вышел.

— Я не могу так, — пробормотал Турак. — Не могу. Если он собирается заставить меня...

Дверь открылась. Силне поймала тряпку и остановилась, держа ее в руке.

— Лорд? — мягко спросила она.

Он жестом попросил ее войти.

Силне была невысокой женщиной, черноволосой благодаря своей браксанской половине, но с узкими бедрами из-за генетического загрязнения какой-то менее красивой расой.

«Почему она с ним остается? — внезапно подумал Турак. — Что заставляет ее служить этому человеку?»

Силне несла небольшой поднос. На нем стоял маленький стеклянный пузырек, наполненный небольшим количеством болеутоляющего для Турака. Это было средство от любой боли и довольно слабое, поэтому мало поможет, тем не менее Турак посчитал, что оно предпочтительнее, чем ничего, и с благодарностью выпил.

Власть. Силне терпит Сечавеха, потому что его Дом обеспечивает ей власть. Независимо от того, как сильно он ненавидит женщин, ему необходима одна, чтобы вести дела

Дома. Независимо от того, как Сечавех ненавидит ее, он должен склоняться — хотя и неохотно — перед ее компетентностью. Этого требует браксанская традиция.

— А он... правда? Ту женщину... — Турак не мог выразиться более точно, словно таким образом кошмар обратит в реальность.

— Простолюдинку, лорд? — Силне слегка улыбнулась. — Сомневаюсь, что она стоила его времени. Вероятно, ею занимался охранник, а это быстро. — Турак знал, что она врет, но был благодарен ей за это. — Это для вас имеет такое большое значение?

— Он сделал это, чтобы причинить мне боль, — негодуя бросил Турак.

— Он хочет, чтобы вы научились быть нечувствительным к подобным вещам, — заметила Силне.

— Он ненавидит меня!

— И так должно быть, — Силне взяла пустой пузырек из его руки и снова поставила на поднос. — Разве нет, лорд Турак?

— Да, — он закрыл глаза и откинулся на шелковые подушки. — Конечно. Очень правильно. Всегда лишь ненависть... Я хочу убить его, Силне!

— Если бы вы на самом деле желали этого, по-настоящему, то не стали бы мне говорить, — помолчав, сказала она. — Вы бы не говорили никому, даже в шутку. Слишком опасно. Смерть браксана... Это очень серьезно, лорд. Поэтому я могу предположить, что вы говорите не всерьез?

Турак посмотрел на Хозяйку и постарался понять, что она на самом деле хочет сказать, но или у него в этом не имелось должной практики, или Силне была к этому готова. Какая женщина решит служить Сечавеху и делать это успешно, не став жертвой его лютого женоненавистничества?

— Можешь, — сказал Турак и поражаясь ее силе, когда она покинула комнату.

«Если бы вы на самом деле желали этого...»

Турак говорил это тысячу раз и всерьез, как браксан всегда открыто говорит такие вещи. Он представлял бесконечные варианты смерти отца, и во всех случаях именно его рука держала нож, опускала шокер, бросала бомбу... Но хоть когда-нибудь он подумал, что может это сделать в реальности? Учитывая связанный с этим риск?

Но как бы это было сладко!

Турак снова фантазировал — представлял край скалы на Матинаре — но видение получилось туманным. В этот раз его мечтания не смогли дать ему обычного облегчения, как случалось раньше. Столкнувшись с реальностью, мечтания бледнели, им не доставало истинных эмоций.

Но он на самом деле это сделает?

Много лет назад он мог бы сказать нет и забыть об этом; много жентов назад, даже несколько дней назад он быстро отмахнулся бы от такой мысли, быстро оценив последствия. Теперь же... искушение было велико. Сечавех довел его до полного отчаяния, не только не давая ему статуса мужчины, но *играя* с ним, подпитываясь его страданиями... Турак был готов рассмотреть любой вариант, лишь бы не сидеть без дела и не проглатывать это все, день за днем, год за годом, как очевидно, планировалось его отцом. Месть будет сладкой, после стольких унижений. Но как?..

Тем вечером Турак не пил. Впервые за много жентов он не поддерживал себя алкоголем, потому что хотел сохранить мысли ясными. Он трезво оценил действия кайм'эра, но ненависть так сильно жгла его, что чуть снова не заставила обратиться к вину, чтобы забыться. Но нет, это реальность. Десять лет Турак сидел в этом Доме, как в капкане, привязанный к человеку, который ненавидел его со всей страстью, надлежащей двум взрослым браксанам, тем не менее этот человек отказывался признать его взрослым. Теперь пришло время сыну пожать плоды гнева и обратить их в действие. И если дело рискованное и нелегальное — ну, значит, следует действовать осторожно.

Турак задумался о проблеме: браксаны, контролировавшие все, что имело значение в Холдинге, давно вооружились против возможных наемных убийц, с умом используя закон и традицию. Не было более ужасного преступления, чем убийство чистокровного браксана, и ни за одно преступление кара не следовала так быстро. Если совершалось подобное немыслимое действие, то можно было закрыть глаза на все существующие законы и не щадить никого из людей. Если убийца — даже подозреваемый в убийстве — просил убежища на какой-то планете и если эта планета оказывалась достаточно глупой, чтобы принять его, то и ей, и ее населе-

нию предстояло поплатиться за это, жизни ее обитателей уже ничего не значили, и их можно было уничтожить от имени браксанского правосудия. И горе убийце, которого поймают! Для него предполагались пытки, как древние, так и современные, проливающие кровь и бескровные, имплантанты в нервы, специально рассчитанные, чтобы лишить человека чувства собственного достоинства и силы, но не давая ему умереть. Это была такая мрачная картина, что раньше часто портила мечтания Турака о мести и показывала, что они являются не более чем беспомощными грезами. Но только не теперь.

Он начал планировать.

Как браксан убивает браксана? Жаоры носят только представители этого племени, а те оставляют рану, по которой можно определить, чем она нанесена. Яд доступен только членам главной расы и опять же сразу же свидетельствует, что убийца принадлежит к ней. Кроме всего этого, существует необходимость открытого столкновения, что значительно усложнит дело. Но Турак являлся типичным представителем своей расы — и не мог пойти на отмщение, не удовлетворив самолюбия — он хотел заставить Сечавеха понять, кто устроил нападение. В этом заключалась самая большая опасность.

Было слишком много вариантов. Турак пытался убедить себя в этом, но ему не удавалось. Проходили дни, полные унижения, поскольку у него не было прав на свое имя или на собственных женщин, дни, когда он боролся с желанием напиться до беспамятства, как часто делал в прошлом. Когда-то он мечтал завоевать наследство, этого, казалось, хочет и Сечавех. Наконец Турак понял, что это невозможно. Его отец мучил его, нарочно и со знанием дела, давал обещание предоставить независимость, только чтобы потянуть время. Кайм'эра сделал врага из собственного сына; и теперь Турак намеревался заставить отца платить по счету.

Шаг за шагом он продумывал месть.

Если он убьет Сечавеха, то станет известно, что он мертв, этого не избежать. Какой-то захудалый лорд может исчезнуть на неопределенный срок, но не один из кайм'эра. Поэтому смерть Сечавеха должна выглядеть как несчастный случай.

Но для Турака было бы глупостью ставить жизнь на такую хитрость. Он прекрасно знал, с какой легкостью Цен-

тральный Компьютер может обработать сотни несвязанных фактов и вывести из них простой, ясный вывод, который выявит тайные действия человека. Турак видел, как такое делается, и не испытывал желания понести кару. Итак: если он убьет Сечавеха, независимо от того, как тщательно подготовится и все сделает, весьма вероятно, что расследование до него доберется.

«Если только оно не покажет на кого-то другого», — подумал он.

И так он вступил в браксанскую политику.

Турак начал обращать внимание на Дом Сечавеха, он хотел получить как можно больше информации, не используя файлы Компьютера — потому что если ими воспользоваться, это будет зарегистрировано, а ему следовало избегать фиксации любой деятельности, связанной с его планом. Было бы легче, если бы он уже получил наследство, поскольку ему требовались те, кто помог бы вести наблюдение за его жертвой. Однако ему предстояло работать одному, и это было значительно труднее.

Он составил список имущества Сечавеха — того, о котором знал. Затем проконсультировался с компьютером Дома для получения общей информации и смог пополнить список оттуда. Турак никогда не спрашивал ни о чем прямо. Иногда ему требовались десятки доли дня и даже целые дни для придумывания точной формулировки запроса, чтобы те, кто станет ее анализировать, не смогли определить, какая информация ему на самом деле требовалась. Например, Айяра — Турак подозревал, что у его отца там имеется доля в горнодобывающем деле, и сын рассматривал возможность использования подземных лабиринтов для засады на Сечавеха. Но Турак не мог спросить об этом компьютер напрямую. Вместо этого он изобразил ложный интерес к подобным вещам, словно готовил портфель инвестиций к тому времени, как станет вести самостоятельную жизнь. Он изучил залежи полезных ископаемых на сотне планет и тысячу компаний, и медленно, задавая правильные вопросы в нужное время, добрался до Айяры. Наконец его усилия были вознаграждены, потому что компьютер сообщил ему об интересах Сечавеха на планете, о компаниях, с которыми он имел дело, и множество других деталей, касающихся кайм'эра. Самая важная информация пряталась под лавиной косвенных фактов. Теперь лю-

бой, кто запросит компьютер, не исследовал ли Турак специально владения Сечавеха, получит отрицательный ответ.

Это был первый крупный успех. Турак радовался ему, но не остановился на этом, пока интересующая его информация не скрылась под новой лавиной бесполезных сведений. Было опасно как начинать, так и заканчивать вопросом, который его по-настоящему интересовал.

К сожалению, Айяра не подошла: там производились абсолютно безопасные операции при помощи техники, расположенной на поверхности земли. Турак не учел эту возможность. Но он получил хороший опыт и теперь таким же образом занялся изучением остальных владений Сечавеха.

Время шло. Турак заметил перемены в себе. Он больше не пил до бессознательного состояния и редко приходил в ярость перед теми, кому не следовало это видеть. Его целеустремленность в совершении отцеубийства, причем так, чтобы не понести наказания, стала навязчивой идеей, страстью, которая поглощала все. Внешне Турак стал тихим и спокойным; но глубоко, там, где никто не мог увидеть его истинных чувств, разум его кипел от планов и контрзаговоров, подобно машине, его мозг боролся, сортируя пеструю, разрозненную и несвязную информацию по местам, а также пытался составить из них единую картину действий, которая удовлетворила бы всем требованиям Турака.

Теперь, когда отец бросал ему в лицо обвинения в зависимости, он сдерживал ярость. Теперь Турак знал, что лицу необязательно отображать то, что чувствует сердце, потому что еще есть разум, воля, интеллект. Он научился действовать, не чувствуя за собой вины, готовясь к тому дню, когда от этого будет зависеть его жизнь. Он научился уловкам и хитростям. В сознании непрерывно горела одна ужасная навязчивая идея, а на лице была идеальная маска безучастия, что скрывала его всепоглощающую страсть. Недостаточно, чтобы он был способен на такой обман, когда наконец придет время мести, поскольку подобная перемена в нем сама по себе станет признанием вины — если он изменится только тогда. Нет, он теперь должен создавать новый образ и поддерживать его до главного действия, во время него и после, скрывая намерение с той же тщательностью, которую использовал, когда собирал информацию по файлам Дома.

Он обращал внимание на такие перемены и время от времени задумывался, достаточно ли их. Разве в конце концов Сечавех не хотел от него именно этого? Но кайм'эра все равно смотрел на сына с презрением (хотя определенно с меньшим гневом), и взгляд отца ясно говорил: «Ты не стоишь нашей расы» или «Ты недостойн звания взрослого». И ярость Турака вскипала с еще большей силой, и любые сомнения, которые у него появлялись, полностью сжигались ею, и так родился новый человек — тот, кого не победит ни Дом, ни традиция, ни даже закон, потому что сила его воздаяния была сильнее, чем все это вместе взятое, и только она им правила.

Турак получил достаточно точную и полную картину деловой активности Сечавеха. Теперь ему требовалось найти, на кого свалить убийство. Это не должен быть слишком очевидный выбор, поскольку ни один известный враг Сечавеха никогда не осмелится открыто нанести ему удар. Или все-таки осмелится? Может ли такой человек считать себя вне подозрений, если другие как раз подумают, что он не станет действовать открыто? Турак покачал головой, отделяваясь от этой мысли. Это была здравая мысль, но на тот момент слишком сложная. Он не имел опыта в подобных маневрах, и ему нужно что-то попроще. Однако, может, быть позже — когда Сечавех умрет, и Тураку потребуется защищать собственные деловые интересы, — он попробует и сложные игры.

Исследовать других оказалось труднее, чем отца. Турак ведь не находился в их Домах и не знал, с чего начинать, как в случае с человеком, рядом с которым прожил всю жизнь и впитал нужные знания, даже не понимая, как это получилось. Другие люди представляли собой лишь загадки. Тураку следует выбрать какого-то кайм'эру? Нет, эти не такие дураки. Но чистокровный лорд, выросший в доме кайм'эра, — такой обладает безжалостностью и знаниями, требуемыми для совершения убийства себе подобных, а также и необходимым безрассудством.

Это была наиболее безопасная почва. Турак проводил расследование, пользуясь компьютером Дома, а это означало, что его запросы не станут регистрироваться в Доме его намеченной жертвы. Но даже и так он проявлял осторожность, и, как и в случае с отцом, действовал обходным путем.

И наконец он был вознагражден.

Турак теперь стал другим человеком. Год или два назад, только задумав отмщение, он мог бы отпраздновать успех, пьянствуя целую ночь и потом предаваясь дикой оргии в объятиях женщины. Теперь же, увидев, как кусочки складываются в картинку, на его лице едва ли промелькнул намек на победу, улыбка, очень легкая, говорила, что это — только первый шаг, а победа все еще далека, и Турак никогда не сможет позволить себе праздновать ее открыто. И в этом больше не было необходимости.

На планете Т'сарака имелись фермы, расположенные высоко над поверхностью планеты. У Сечавеха в них была доля, другие лорды также посчитали их ценными вложениями. Т'саракинцы — вначале колонисты, в дальнейшем граждане независимой нации, признающей главенство Бракси, — решили воспользоваться своим постоянным климатом и посадить нежные плии-эй, цветы которых давали лучший афродизиак Холдинга, а листья считались бесценными при лечении кожных заболеваний. Еще никому и никогда не удавалось вырастить плии-эй за пределами их родного крошечного участка очень плодородной земли на родной планете, но исходя из своей биохимической базы — подобной родной для плии-эй — и практически минимальной разнице в сезонах население Т'сарака решило попробовать разводить это растение.

И только после того, как пятая партия дорогих саженцев зачала, т'саракинцы поняли, что им требуется не только хорошая погода. В их мире были частыми гостями сильные ветры, они вырывали молодые побеги, и те никак не могли достаточно крепко зацепиться за почву. Плии-эй никогда хорошо не росли в искусственных условиях, поэтому теплица была бесполезна. Кроме того, т'саракинцы нашли лучшее решение проблемы. Они построили решетчатые конструкции и подняли их высоко под землей, в стратосферу планеты, где климат может стимулировать растения привычным для них образом. Так плии-эй и выращивались, правда, не до того идеального состояния, как в родной дикой местности, но близко к тому, поскольку произрастали в атмосферной плотности, более сходной с их родной атмосферой, чем была на поверхности Т'сарака.

Браксаны любили употреблять наркотики, и на плии-эй реагировали соответственно. Сечавех вложил средства в стро-

ительство оригинальных фермерских конструкций и был вознагражден долей в прибылях. Ряд других браксанов тоже обращался к т'саракинам, но им отказали. Сечавех не соби-рался рисковать своим преимуществом и следил, чтобы фер-мы действовали, как ему нужно. Несомненно, есть ряд лор-дов, которые хотели бы, чтобы Сечавех... исчез. И, несомнен-но, Т'саракинам не нравится такой контроль центральной власти над главной отраслью их экономики.

Турак улыбнулся. Затем со всей тщательностью, достой-ной опытного кайм'эра, он начал планировать детали смерти отца. «Скоро, — пообещал он. — Ты заплатишь за свою жест-окость».

* * *

Машак, Старший Растениевод, был стройным, чувстви-тельным и легковозбудимым человеком. Во всех его манерах просматривалось напряжение, словно где-то внутри у него натянута струна. Он говорил резко, точно так же отдавал приказы, тоном недовольным и не терпящим возражений. И в самом деле, результаты никогда не могли его удовлетво-рить. Он был один из немногих, кто мечтал выращивать на Т'сараке плии-эй, и один из немногих, кто не отказался от мечты, когда первые импортированные растения погибли, не дав второго цвета. Теперь же он оказался втянутым в паутину иностранных экономических интриг — поскольку централь-ные браксинцы считались иностранцами на Т'сараке, хотя и обеспечили людей, которые тут обосновались, — и мечтал из этой паутины выбраться.

Войдя в город, Машак резко кивнул охранникам Вайнша-доу. Они знали его в лицо — и им самим это шло только на пользу. У него было мало времени, и он не собирався тратить его на долгую процедуру подтверждения личности на соб-ственной границе.

Город представлял собой очистительные сооружения, упа-ковочные фабрики, перегонные заводы и места размещения для растениеводов-эмигрантов. Старшие растениеводы Т'са-рака достигли соглашения, в соответствии с которым время высадки и сбора растений не было одинаковым по всей планете, наоборот, они установили очередность этих процес-

сов, чтобы рабочие обрабатывали каждую ферму по очереди. Теперь город практически опустел, но вскоре его заполнит сильный, дурманящий запах ценных цветов и острый запах присутствия рабочих. Определенное их количество оставалось на фабриках, на входах и выходах дежурили охранники. Однако за исключением этих людей Вайншадоу стоял пустой.

Машак быстро прошел к основанию городской Башни и кивнул охранникам. Он увидел, как они дернулись — по-мему, новенькие, — но затем опознали его, пусть хотя бы и по фотографии, и без комментариев разрешили пройти. Хорошо. Приятно видеть, что новые люди так быстро усвоили порядок.

Машак вошел в лифт и нажал нужную кнопку.

Кабина поколебалась мгновение перед тем, как начать долгий путь вверх по шахте внутри Башни. Со всех четырех сторон на равных интервалах находились гравитационные якоря, которые помогали Башне стоять прямо, несмотря на высоту в несколько миль, и уравнивали вес псевдометаллической структуры под прямым углом к поверхности планеты. Сквозь три стенки кабины Машак видел свои земли, четвертую заполняли контейнеры с опылителями — несомненно, они ждали, чтобы умелые руки взяли их и применили по назначению. За долиной он видел другие фермы, три из них принадлежали ему. Машак был богатым человеком, несмотря на огромную десятину, которую растениеводам приходилось платить своему браксанскому патрону, и Машак намеревался стать еще богаче.

Кабина медленно поднималась, чтобы он мог приспособиться к перепадам давления. По всем стенам кабины были развешаны кислородные маски, но Машак не воспользовался ими — он не собирался подниматься на самый верх.

Чего хочет кайм'эра? Машак думал о вызове с раздражением. Не секрет, что он ненавидит кайм'эру Сечавеха и предпочел бы иметь с ним дело через третьих лиц. Для него этот браксан представлял все неприятности с экономической системой Холдинга, при которой тот, кто рисковал жизнью и всем, что имел, ради своих начинаний, после удачного воплощения их проводил оставшуюся часть жизни, отдавая кому-то самые лучшие продукты своего труда. Но вызов был совершенно определенным: «Поднимайся сюда, причем немедленно».

Сечавех даже не думает о том, что у Машака могут быть и другие дела, и он не может себе позволить отрываться от них ради этой неприятной прогулки!

Лифт медленно остановился, и Машак толкнул дверь. На полпути между поверхностью планеты и самими фермами находилась платформа для посадки небольших шаттлов, транспорта, который предпочитали богачи. Простое силовое поле выступало в роли ограждения, и, хотя его тусклое свечение теперь не было видно из-за косых солнечных лучей, Машак, как обычно, порадовался, что оно там есть. Он совершенно спокойно ходил между своими любимыми растениями по специально проложенным там проходам, но вид оттуда не был таким пустым и угрожающим. А открытая посадочная площадка для шаттлов будто обрывалась в никуда. Она всегда действовала Машаку на нервы и теперь еще добавила ему раздражения, потому что его призвали сюда, не дав никаких объяснений относительно цели вызова.

Он нетерпеливо постукивал каблуком по псевдометаллической платформе. Сверху завывал ветер, Машак продолжал раздраженно постукивать каблуком и из-за этого чуть не пропустил легкий шорох за спиной. Уголком глаза он заметил мелькнувшую тень, он не ожидал увидеть ее в этом месте, и поэтому она испугала его и привела в недоумение. Машак повернулся, то есть начал поворачиваться. Затем мелькнул солнечный блик на серебре и по всем нервным окончаниям прокатилась боль. В последний момент, еще будучи в сознании, он представил, что ему улыбается ненавистное лицо его хозяина-врага, глаза сверкают триумфальным блеском.

Турак вышел из укрытия и направился к упавшему телу.

Шокер не нанес Машаку серьезного вреда, но, падая, он ударился головой о псевдометаллическую платформу, и теперь по лицу стекал тонкий ручеек крови. Турак стер кровь краем пояса и поправил Машаку волосы так, чтобы они закрывали рану. Затем Турак осторожно поднял тело и отнес в кабину лифта, где прислонил к контейнерам с опылителем, придав ему позу скучающего человека. Он скрестил ему руки на груди и приколот один рукав к другому, чтобы руки не падали, затем открыл веки, чтобы глаза оставались открытыми, и занимался этим, до тех пор, пока лишь при ближай-

шем рассмотрении можно будет понять, что с человеком ни все ладно. Издали Машак выглядел совершенно естественно.

Затем Турак снова занял свое место между рядов контейнеров и стал ждать.

До прибытия шаттла Сечавеха прошло немного времени. Увидев Машака в лифтовой кабине, кайм'эра явно почувствовал себя в безопасности и приземлился. Он не взял с собой никого из слуг, потому что сам вел дела — и Турак это знал. У Сечавеха также не должно вызвать подозрение то, что Машак ожидает его в кабине лифта, а не на посадочной площадке, поскольку неприязнь Старшего Растениевода к виду с платформы была прекрасно известна всем, а значит и Сечавеху.

Турак задержал дыхание, у него напряглись мускулы. Он ждал.

Небольшой шаттл сел, и спустя мгновение после внутренней настройки боковая дверь открылась, опустился трап. Оставаясь в тени корабля, Сечавех сошел на посадочную площадку.

И быстро понял, что что-то не так. Но за этот миг Турак покинул укрытие, оказался на открытом месте и недрогнувшей рукой направил шокер на грудь отца.

Сечавех не двинулся с места. Он не мог добраться до своего жаора быстрее, чем его сын нажмет на спуск, хотя, как и всегда, прибыл вооруженным.

— Ну, — тихо сказал Сечавех, и его голос прозвучал слишком спокойно для человека, который вот-вот должен умереть. — Неплохо организовано. Лорд Думар, если не ошибаюсь?

Турак кивнул. Он покороче подстриг бороду, более мелко завил волосы и, соответствующим образом используя косметику, изменил черты лица. Теперь он довольно сильно походил на упомянутого Думара. Конечно, отец узнал Турака, но сомнительно, что его узнают и посторонние.

— Если кто-то меня видел и это станет известно, то след приведет к лорду Думару, — пояснил он.

— Неплохо спланировано, — тон голоса кайм'эра был откровенно оценивающим, хотя он проявлял осторожность и не делал никаких неожиданных движений, чтобы Турак случайно не выстрелил. — Немного простовато, но ты опреде-

ленно понял сущность таких дел. Поделись со мной также и остальным, — предложил Сечавех.

— Машак тебя ненавидит и поэтому принимает решение убить на посадочной площадке, — с нескрываемой гордостью начал Турак. — Но сразу не получается. Начинается борьба, оба падают за край площадки... — он пожал плечами, подразуемая остальное холодностью жеста. — Я сомневаюсь, что удастся собрать то, что осталось, и сделать из этого какие-то полезные выводы.

— А если кто-то и вспомнит, что видел тебя здесь, то дадут неправильное описание. Неплохо, Турак. Думар — не худший мой соперник, но он подойдет. Ты отправил Машаку послание?

— Да, — Турак улыбнулся, довольный своей работой. — Я использовал код доступа Думара и послал сообщение из соседней системы, где он в данный момент отдыхает. Нанятая мной женщина займет его и не позволит общаться с кем-либо все то время, когда он должен как бы находиться здесь.

— А для нее ты что приготовил?

— Черную Смерть.

Сечавех причмокнул языком.

— Беру свои слова обратно, Турак, — не неплохо, а великолепно сделано, вплоть до последней детали. Я горжусь твоей работой. На самом деле горжусь. При условии, что ты себя обезопасил...

— Конечно, — торжествующе улыбнулся сын.

— Ну тогда... все?

Турак поднял оружие выше, с очевидным наслаждением поглаживая спусковой крючок.

— Не совсем. Конечно, силовое поле, окружающее эту платформу, повреждено. Саботаж. Инструменты, которыми выполнялась работа, выбросили, когда специалист покидал город.

— Их можно связать с...

— Городом Старшего Растениевода — конкурента.

— Великолепно! — Сечавех совсем не выглядел, как человек, который вот-вот умрет, да и, судя по голосу, умирать не собирался. — Ну, Турак, все это произвело на меня большое впечатление. Хороший план, прекрасно исполненный, немного сыроват в деталях, но определенно многообещающий. Этот

штрих с местным соперником особенно хорош — это даст возможность кайм'эра наказать кого-то не из нашей расы.

Турак не сводил с него глаз.

— Я рад, что ты его оценил. — Турак нацелил шокер и его рука напряглась.

— Еще одно... — вкрадчиво произнес Сечавех.

— Давай побыстрее!

— Ты просмотрел одну важную деталь, — выражение лица кайм'эра было странное и выводило сына из равновесия.

— Ты не можешь блефом заставить меня отступить! — предупредил Турак.

— Как типично для браксана... Я верю, что ты убил бы меня, Турак. Превосходно! Лишь немногие из нас осмеливаются лишить жизни наших врагов в эти дни и в нашу эпоху, — он сделал паузу. — У меня есть кое-что для тебя, и я должен это тебе отдать перед тем, как ты выстрелишь.

— Что это?

Медленно и очень осторожно, чтобы не вывести из терпения сына, Сечавех снял с левого указательного пальца широкое золотое кольцо. Он сделал жест, словно собирался бросить его, затем передумал — лифт находился прямо за Тураком — и вместо этого бросил кольцо на платформу, затем подтолкнул его носком сапога, пока оно не оказалось у ног Турака.

— Что это? — снова спросил молодой человек, уже менее уверенный в себе.

— Твое наследство.

Шокер качнулся в руке Турака.

— Видишь ли, я ожидал этого. Конечно, ты не можешь убить меня. Я проверил, чтобы мои коллеги знали о нашей неприязни. Да, Турак, всегда помни, что даже у меня есть союзники, и на протяжении последних нескольких лет я следил за тобой. Поэтому убивай меня, если хочешь, — но только если не ценишь собственную жизнь.

Рука Турака немного опустилась, движение получилось бессознательным, незапланированным, он сам не заметил как это вышло.

— Ты блефуешь, — неуверенно обвинил он отца.

— Правда? Ну тогда убей меня, Турак. Я умру с наслаждением, думая, как тебя за это накажут — вероятно, с помощью устройства, что я как раз разработал для этой цели.

«О, боги, благословите его!» — выругался про себя молодой человек. Ненависть застила ему глаза, ненависть и боль, но он не смел выстрелить.

— Но тогда зачем это? — Турак указал на кольцо у своих ног. Рука его дрожала.

— Потому что ты его заработал, Турак. Ты доказал, что ты — мужчина. Браксан должен быть готов уничтожить любого, кто стоит между ним и его удовольствием — даже если этот кто-то относится к его расе. Даже собственного отца, — лицо Сечавеха посуровело. — Есть и другие, которые называют себя браксанами, но они не понимают, что это значит, и еще меньше достойны этого звания. Но ты, мой сын, ты, кого я готовил... ты воистину браксан. Наконец-то! — глаза Сечавеха горели, а на лице играла улыбка, одновременно веселая и жестокая. — Тебе для этого потребовалось много времени.

Трясаясь от позора и ярости, Турак опустил оружие.

— Отменное здравомыслие! — одобрил кайм'эра. — Прекрасная смесь варвара и государственного деятеля. Готов убить, но способен увидеть ограниченность политического окружения. Из тебя получится прекрасный взрослый, Турак.

— Я тебя ненавижу, — с чувством ответил сын. — На этот раз ты меня победил, но клянусь, кайм'эра...

— Конечно, — Сечавех нетерпеливо оборвал его. — Безусловно, ты исполнишь свою клятву. У меня в этом нет ни малейшего сомнения. Тебе придется подождать, пока ты не будешь уверен, что я перестал следить за тобой. Для этого потребуется много времени. Но человек становится умнее, живя в постоянной борьбе, — он слегка поклонился, на самом деле даже слишком, больше забавляясь, чем выказывая уважение, но не полностью отказывая сыну в последнем. — Я долго ждал этого, Турак. Поздравляю. А теперь, прошу прощения, у меня очень плотный график...

Турак мог выстрелить тогда — ему следовало бы выстрелить, но реальность связала его по рукам и ногам, и он не мог нажать спусковой крючок, который обрек бы на смерть не только кровожадного Сечавеха, но и его жестокосердного сына.

Он в бессильной злобе смотрел, как шаттл взлетает с платформы и медленно поднимается в стратосферу, а затем

и вовсе скрывается из глаз. Высоко в небе встревожено парили едва раскрывшиеся цветы.

«Ну, погоди! — подумал Турак. — Когда-нибудь...»

Но он не забыл поднять кольцо.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

«Истинного воина дружба обезоруживает, а безопасность для него смертельна. Они ослабляют человека, создавая иллюзию мощи, когда на самом деле подрывают сами основы его силы, заставляя полагаться на других. Все, что отвлекает человека от избранного пути, неприемлемо для того, кто ценит только собственную силу».

Витон

ТЬМА

1

Анжа попала в капкан чужого сна.

Такие вещи случались не часто, но случались. Сила эмоций означала силу контакта; в ограниченном пространстве Института, где жили, работали и вместе тренировались сотни экстрасенсов, следовало ожидать, что время от времени двое спящих синхронизируются (как это называлось в Институте) и разделяют одни и те же сны.

Шансы, что подобное произойдет за пределами Института, были ничтожно малы. Тем не менее в этом случае все сошлось воедино. Тот человек обладал слабыми экстрасенсорными способностями, они и позволили ему вступить с ней в контакт; по чистой случайности синхронизировались циклы сна обоих, поэтому в ту ночь они начали видеть сны одновременно; их эмоциональное состояние оказалось сходным, и легко можно было запутаться не в том сне, а эту ошибку трудно исправить после того, как все совершилось. Тем более, что Анжа еще не закончила процесс обучения. Если бы она прошла полный курс, то смогла бы отогнать вторгающиеся образы при помощи ясного и четкого телепатического воздействия, засчет своего навыка. А так, лучшее, что она могла сделать, — это сохранять самообладание в

мире, контролируемом другой личностью, и ждать, пока сон не кончится сам по себе.

Они делили одно тело — чужого — и следовали по знакомым залам Азеанской Академии Воинского Искусства. Паутина переплетающихся биосфер, что кружатся между четвертой и пятой планетами Лууса — Академия была словно улей, где постоянно царила суета. Тут изучали свое искусство дипломаты Империи, мастера по ведению переговоров в Бесконечной Войне изучали традиции и обычаи врага. В Биосфере Людей находилась одна из самых больших, ориентированных на людей, библиотек в Империи, и к ней стаями слетались ученые. Учебные войны организовывались вокруг внешних планет системы, в то время как планеты под номерами три, четыре и пять использовались для учебных занятий на поверхности; участники программ размещались в широко раскинувшейся сети общежитий Академии, боевые корабли стояли в доках на периферии. И конечно там находились студенты: они индивидуально спонсировались, их сурово тренировали и готовили для освоения всех граней Войны, Которую Нельзя Закончить — или любого другого, более мелкого конфликта, на пути которого они могут оказаться в процессе профессиональной деятельности. Немыслимо представить Академию безмолвной; представить, что эти залы когда-то опустеют, вообразить, что все остановиться хотя бы на минуту.

Но тогда — во сне — все было пусто.

Он — они — путешествовал по многочисленным округлым гладким коридорам, переходя с неспешного шага на нервный бег по мере того, как нарастала тревога. Что-то было не так: Академия покинута — всех эвакуировали? — и он — единственный человек, оставшийся в ней. Его гнала паника, и он открывал одну дверь за другой и отчаянно искал признаки жизни. Но не находил их. С Академией случилось что-то страшное, и его оставили одного. Страх усиливался, когда он представлял всевозможные несчастья, но даже самое худшее из них не объясняло его изоляцию.

Он был один — в пустых коридорах, в покинутой Академии, возможно, во всей вселенной. Он перестал бежать; ноги дрожали и не могли больше поддерживать такой темп. В отчаянии он прислонился к блестящей белой стене, закрыл

глаза и стал молиться о силе. «Благословенная Хаша лиу, Перворожденная Азеи...» Но даже в этой молитве не нашлось успокоения. Небеса оказались такими же пустыми, как залы, выстроенные людьми, одиночество — полным.

Затем из безмолвия донесся шепот чьей-то мысли. Он резко дернулся и попытался прислушаться, но это был не тот звук, что вызвал раздражение его сознания. Запущенный точной комбинацией гормонов, его минимальный экстрасенсорный талант проснулся за долю секунды — и он уловил отчаяние другого.

Он не один! Направляемый скорее инстинктом, чем разумом, он побежал по лабиринту пустых коридоров, бросился в туннель, который вел к общежитиям-модулям, и стал пробираться вперед, ощупью находя дорогу. Там есть кто-то еще! Кто-то еще, кого забыла Империя, точно так же напуганный — без сомнения так. Он резко распахивал двери, одну за другой, быстро осматривал комнаты и обретал лишь пустоту. Наконец добрался до последней комнаты, дверь открылась сама и глазам его предстал источник эстрасенсорного раздражения.

Он стал как вкопанный.

Она была красива — богиня на отдыхе, небесный дух, облаченный в человеческое тело, сияющий идол, монумент тому, чем может стать любая женщина. Он подошел к ней, он трепетал, говорить боялся, чтобы не нарушить тишину, которая свела их, и таким образом потерять ее навсегда. Неведомые токи бередили кровь, незнакомое раньше тепло разливалось по телу. Пальцы ныли от желания дотронуться до нее, но он боялся; она растает, казалось, в пустоте, если он проявит. Или даже намекнет о своем желании? А это и в самом деле вожелание? Да, это оно, это болезненное тепло гнало его вперед, следовать наитию, делать то, что он не понимал...

... и когда он протянул руку, чтобы дотронуться до нее и... формы не оказалось, сон уходил и...

... не покидай меня!..

На этом Анжа проснулась.

Минуту она просто лежала, унимая колотящееся сердце. Она и раньше оказывалась в мужских снах, но никогда они не были такими откровенно азеанскими. Одиночество этого

человека поймало ее в ловушку, и девочка попала в один ритм с его страхом, но это являлось прелюдией к истинному значению сна. Спящий находился в процессе установления связи, сам того не зная: когда его тело готовилось найти спутницу жизни, спящее сознание играло с образами, чтобы дать человеку привыкнуть к облику невесты и собственным естественным устремлениям.

Разделить такой опыт и было как раз тем, что требовалось Анже.

«Как насчет того, чтобы найти себе пару, директор?»

«Что ты имеешь ввиду?»

«Я испытаю это? Я в достаточной мере азеанка?»

«А ты хочешь этого?»

«Ответьте на вопрос»

«У тебя подходящие генетические коды. Предполагаю, что инстинкты дремлют пока. Будет ли он задействован, я сказать не могу...»

Девушку расстроил не сам сон. Она думала о пробуждении желания, что осталось после, бессмысленном жаре, незнакомом для народа, из которого произошли ее родители. Азеанцы не испытывали желания к незнакомцам и не проводили ночи наедине с неясным возбуждением, бередящем кровь. А с Анжей было именно так. Не существовало мер для удовлетворения желания, потому что Совет Правосудия тут же воспользуется этим для доказательства чужеродности ее натуры; а ведь Анжа хотела получить признание как истинная азеанка.

И хотя она не посмела удовлетворить его, физический голод присутствовал — и это, больше чем что-либо, доказывало, насколько она здесь чужая.

2

Введение в браксинскую психологию
Дочь Дармела лиу Туконе прояснит этот момент?

Транскультурализм: за пределами дипломатии
Это правда, что ты разделяла мысли с одним из *них*?

Политика коммуникаций
...была инструментом в разрешения дарианского вопроса...

«Она такая холодная, такая отстраненная.

Такая отличная от всех».

«Она думает, что знает все».

«Такая эксцентричная!»

«На самом деле она — не одна из нас».

«Зачем она здесь?»

3

Биосфера Навыков Ориентирования на Местности/Центр Ведения Примитивных Боевых Действий был домом для Анжи более, чем любое другое место в Академии.

Ее растили для меча. На Ллорну, в мире Института, фехтование являлось любимым видом спорта; он тренировал как физические, так и психические навыки одновременно, а это могли обеспечить лишь немногие упражнения. На Ллорну игры с мечом были быстрыми, как молния, руки пытались двигаться быстрее мысли, поскольку соперники осознавали, что даже секундное колебание дает противнику возможность изучить твои намерения. Здесь же все происходило по-другому, и представляло меньшую опасность. Анжу редко побеждали. Даже учителя боевых искусств не могли одолеть ее естественное преимущество. Если ей давали хоть миг, чтобы собраться, Анжа могла считать планы противника с его сознания и тут же придумать план атаки или защиты, чтобы им противостоять. Она чувствовала его боль, его усталость, могла поиграть на слабостях противника. Но тем не менее спорт приносил девочке удовольствие, хотя бы потому, что был таким знакомым, если не по другой причине. И ореол варварства, окружавший заостренную сталь, был по ее дикой натуре, и это являлось лишним поводом, чтобы почаще посещать Центр.

Анжа взяла учебный меч со стойки, установила тренировочную машину на режим простого парирования и одиночных ответных уколов, после чего начала тренировку.

— Кадет Анжа лиу, — обратились к ней.

Она закончила движение, встала по стойке смирно, и развернулась лицом к говорившему. Мужчина средних лет, лугастинец, удовлетворенно кивнул. Поскольку азеанцы не любят оружие с лезвиями, в этой Биосфере часто работали

иноземцы, тем не менее редкостью представлялась возможность узреть не-азеанца праздно гуляющим по залам.

— Да, господин?

— Ты слишком напряжена. Расслабь кисть, — в его голосе слышался легкий акцент, который подтверждал его лугастинское происхождение. — Начни сначала!

Девушка насторожилась. Она идеально владела мечом и знала это; тем не менее от поверхностного сознания незнакомца исходили токи опыта и власти, причем в таком объеме, что она приняла критику. Кивнула и начала упражнение с начала.

Атака, немедленно; машина ответила с молниеносной быстротой, потребовав полного внимания. Но Анжа одновременно еще и следила за незнакомцем с помощью телепатии, наблюдала, как отражается в его сознании ее образ, искаженный критикой. Вот она и вот источник замечания наставника... Девушка расслабила именно те мышцы и точно так, как ментально указывал незнакомец, и не удивилась, обнаружив, что атака улучшилась благодаря этому изменению.

Она обернулась к нему с немимым вопросом.

— Литиус Юмада, учитель по первобытному вооружению, — слегка поклонился тот, насмешливо улыбаясь.

— Я не знала, — поразилась Анжа.

— Конечно. Я и не хотел, чтобы ты знала, иначе сразу бы представился.

Литиус Юмада, тот, кому нет равных в поединках на первобытном оружии, если слухи о нем правдивы. Единственный не-азеанец, которого когда-либо приглашали для участия в военной тренировочной программе Академии. Лучший из мастеров, он искал по галактике способных инструкторов и оттачивал их способности до идеальной формы. Учителя Академии должны быть безупречны, и он делал их таковыми. Студенты, которые считали Литиуса Юмаду легендой, редко его видели. Он никогда их не тренировал лично.

Все эти мысли пронеслись в голове Анжи, пока она разглядывала наставника. Юмада взял с общей стойки оружие вместе с двумя защитными накладками. Одну бросил ей.

— Пятый режим, — велел он тоном, который требовал беспрекословного подчинения.

Анжа быстро застегнула пояс на талии и включила легкое защитное поле. Пятый режим защитит ее от физических уве-

чий, одновременно синтезируя боль, что она могла испытать, если б не надела броню. Этим режимом редко пользовались.

Стойка. Приветствие. Обычай лугастинской дуэли, придуманный народом, который сохранял гордость и чувство собственного достоинства во время ритуального убийства себе подобных. Анжа получала подсказки из сознания Юмады, считывая информацию о том, чего он от нее ждет. И вскоре заслужила его улыбку.

— Значит, все так, как говорят, — произнес он с одобрением. — Телепатия хорошо тебе помогает, но, подозреваю, ты чрезмерно на нее полагаешься. Будь осторожна!

Он действовал быстро, невероятно быстро, со скоростью, которой нельзя было ожидать от человека его возраста. Слишком быстро, чтобы Анжа могла предугадать его действия. Юмада начал маневр из трех частей, он контролировал ее реакции до последнего момента; Анжа ушла от мастера только когда острие его клинка готово было поразить ее, и даже тогда — с трудом. Хаша! Он околдовал ее, так может только экстрасенс, хотя ни малейшего намека на такие способности девушка не нашла. Дело было в красоте его движений, контролируемой им смертоносной грации, она дурманила, как наркотик.

Анже потребовались все ее умения и навыки, чтобы сопротивляться завораживающей красоте и сосредоточить внимание на цели. Было еще труднее раскрыть намерения Юмады и получить таким образом обыкновенное преимущество. Казалось, что он думает телом, не размышляя, а реагируя. Но, вот оно: как будто бы намек на план. Анжа проанализировала его, заманила Юмаду в придуманную им самим ловушку, провела комбинацию защита/нападение (конечно, расслабив кисть, как он учил) и ударила мастера по вытянутой руке.

Боль была сильной, Анжа это чувствовала. Но Юмада только поморщился слегка. Когда боль почти растаяла, он снова поднял меч и велел Анже продолжать.

Тупая боль оставалась, но едва ли ее достаточно, чтобы повлиять на его реакцию. Но теперь разум Юмады открылся перед девушкой.

Мысли, поддерживавшие его движения, были едва уловимы, но они все равно присутствовали. Зная, где искать, Анжа

улавливала его намерения как раз тогда, когда они превращались в действия, и получала преимущество на долю секунды, а этого оказывалось достаточно. Снова и снова она справлялась с его атаками; и сама инициировала атаки, считывая мысли Юмады, даже когда не удавалось до него добраться. Победа была только делом времени. Наконец перед ней открылась возможность, несоответствие между намерением и действием, и в результате Юмада подставил левое плечо. Анжа ударила, с такой скоростью, на какую только была способна. И удар пришелся в цель.

Она получила передышку, пока Юмада приходил в себя. Мышцы болели от непривычных усилий, тело покрылось потом. Юмада оказался недостаточно хорош, чтобы с ней справиться — ни один человек, обладающий только физическими возможностями, не мог этого сделать, — но он был достаточно хорош, чтобы заставить ее потрудиться, ради победы. «Приятное разнообразие», — подумала Анжа.

— Ты напряжена, — заметил Юмада. Девушка попыталась расслабиться. — Начинай!

На этот раз было легче. Они оба начали уставать, их движения замедлились и появился временной промежуток между мыслями и действиями — даже больше, чем раньше. Теперь считывание мыслей противника не представляло трудности для Анжи, и хотя ей все еще требовались немалые усилия, чтобы поспевать за ним, становилось все легче и легче держать идеальную защиту или начинать атаку в нужное время.

Однако Юмада был хорош, невероятно хорош. Он сдерживал девушку так долго, насколько может человек с одними физическими возможностями. И лишь когда напряжение затянувшегося поединка начало влиять на его отточенные движения, Анже вновь удалось ударить.

Прикосновение к тыльной стороне руки. Боль. И Юмада кивнул. Удовлетворение? Понимание? Анжа думала, что он закончит поединок, но, подняв меч, мастер снова призвал ее к поединку.

«Почему?» — думала Анжа. Это не было настоящим вызовом — по крайней мере, если она будет осторожна. Мысли Юмады стали ясными для нее — теперь, когда Анжа знала, как их находить. Так всегда происходило с людьми, не обладающими экстрасенсорными способностями, даже леген-

дарный боец не мог надеяться свести на нет ее преимущество, не владея телепатическим даром.

Анжа осторожно атаковала, клинок скользнул влево и вниз, когда Юмада начал блокировать ее удар. Его лезвие описало круг, поймало ее клинок, развернув его в сторону, начиная контратаку. Анжа угадала, что будет дальше, и соответствующим образом защитилась. Становилось все легче и легче. Его намерения промелькнуло яркой искрой, стало действием — Анжа уверенно его нейтрализовала, — и вдруг тонкая сталь необъяснимым образом проскользнула мимо, и боль от удара пронзила ей грудь, парализовав все ощущения.

Меч выпал из руки девушки, Анжа слышала это. Рука предала ее. Мгновение спустя боль начала спадать, она могла снова двигаться.

Девушка пораженно посмотрела на Юмаду.

— Сквозь корпус до позвоночника, — бросил он. — Очень хорошо, Анжа лиу, но ты слишком полагаешься на свой особый талант. Истинный мастер способен свести на нет это преимущество, имея должную подготовку. А она у меня есть.

Ее зрение прояснилось, а с ним и разум.

— Вы знали, — тихо вымолвила девушка.

— Это было очевидно. Как и то, что имея такое преимущество, ты станешь от него зависеть. Это опасная слабость, кадет, — как в фехтовании, так и на войне. Запомни это! — Мастер снял защитную накладку и убрал ее на место. Поставил меч на стойку. — У тебя большой потенциал, хотя ты слишком самоуверенна. Будь осторожна с соперниками, что так легко предсказуемы; может статься, что он планирует одно, а цель преследует другую, — Юмада вновь повернулся к девушке лицом. — Ты можешь стать мастером. Я предлагаю тебе тренироваться со мной. Что ты на это скажешь?

— Но моя учеба...

— Твоя программа позволяет специализацию в Наземных Навыках. Я предлагаю тебе тренироваться на примитивном оружии. Первобытными обществами правит меч; если и не буквально, то по традиции. И я думаю, что тебе пойдет на пользу такое обучение. Победу не следует принимать как должное. Кроме того, в тебе много необузданной энергии, и необходима дисциплина, — добавил он, криво ухмыльнувшись. — Такая подготовка поможет тебе собраться. Ну как?

Это выделит Анжу из числа других. Это будет способствовать ее яростной стороне, не азеанской стороне, и разовьет навыки, презируемые этой расой. Это разрушит все надежды на вхождение девушки в социальную структуру Академии: кадет, который удостоился такого внимания — внимания самого Юмады, — никогда не сможет снова влиться в привычный поток студенческой жизни. Это опять подтвердит, насколько она необычна, и все студенты узнают об этом.

Но это рискованно, это испытание, что Анже еще не приходилось преодолевать. И жар усталости затоплял тело, расслаблял мышцы после громадного напряжения; сексуальный голод, постоянное подспудное течение ее жизни, казался менее требовательным, как будто нашел частичное удовлетворение в яростном поединке. Если Анжа сможет перенаправить эту энергию, пусть даже не всю, таким образом, значит, игра стоит того.

«Именно это он и предлагает, — догадалась Анжа. — Он не азеанец. Он такие вещи понимает».

— Это честь для меня, — ответила она Юмаде и поклонилась. — И я принимаю ваше предложение.

«Что бы ни случилось потом».

4

Анжа стояла в кабинете Сан ли Эрана, директора Академии, который был связующим звеном между Акакдемией и Звездным Контролем.

— Сядь, Анжа лиу, — сказал он. — Я хочу с тобой поговорить.

Неудобное сиденье в неудобном кабинете.

— Я хочу, чтобы ты поняла: на нас на всех произвели впечатление твои достижения здесь, — директор Академии расхаживал взад и вперед по кабинету. «Мы удивились, что ты вообще справилась, не то что преуспела», — добавил про себя. — Твои оценки поразительны. Достижения выдающиеся. — «Это и должно быть так, иначе ты бы вылетела». — Я думаю, что нам следует поговорить о твоих планах на будущее.

Анжа ничего не ответила, просто кивнула. Его мысли звучали так громко, что ей было трудно отделять их от произносимых слов. Неужели директор настолько яростно

проявляет эмоции, или что-то случилось с ее контролем? Она ведь еще только обучалась телепатии, но не стала мастером в ее использовании. Может, напряжение этого места сказывается на ее способностях.

— Тебя ввели в командную программу, — медленно произнес директор. — «Против моего желания и вопреки всякой логике». — Могу ли я поинтересоваться, почему ты выбрала именно этот путь?

— Мой спонсор, директор эр Литз, посоветовала так, — отвечала Анжа осторожно, бесстрастным тоном. — По причинам, с которыми я согласна.

«Да, и она обладает властью отменить мое решение, что и сделала» — подумал директор.

— И что это за причины? — спросил вслух.

«В пятидесяти словах объяснить или покороче?» — мысленно спросила девушка.

— Я хорошо знаю браксинскую психологию, — сказала Анжа. — Я считаю, что могу обратить это знание против них. Чтобы сделать это, я должна сама принимать тактические решения...

— Или иметь статус советника, — добавил Сан ли Эран. «Что облегчит жизнь нам всем».

— На советника могут не обращать внимание. — Против воли ее тон стал холодным.

«А ты хочешь власти, не так ли?» — были мысли директора.

Он колебался, изображая ложное сочувствие.

— Кадет Анжа лиу, я буду честен с тобой. У тебя отличные оценки. Несмотря на отсутствие исторического прецедента я думаю, что возможно — не вероятно, а возможно, учти, — что тебя можно определить в район военных действий. — «Только потому, что твоя покровительница занимает то положение, которое занимает».

— Но продолжать командную программу — чистая ошибка. Империя никогда не потерпит не-азеанку в роли действующего офицера в Великой Войне. Или в любой другой войне. Дело в том, что ты не азеанка, и поэтому существуют ограничения. Прими их, и ты сможешь чего-то достигнуть. Но если отказываться от этого, с таким упрямством, как ты себе позволяешь... — он пожал плечами. — То потерпишь по-

ражение. — «Что очень меня порадует, и остальных тоже. Но мы опасаемся неудовольствия Звездного Контроля».

— А что вы предлагаете? — спокойно спросила Анжа.

— Твоя цель — убивать браксинцев. — «У тебя навязчивая идея — убивать браксинцев». — Готовься на истребителя. Очень велики шансы, что твоя покровительница найдет для тебя место. Твой рост дает тебе огромное преимущество и делает тебя достаточно полезной...

— Спасибо за вашу заботу, директор, но нет. Это не то, что мне нужно, — оборвала его Анжа.

Лицо директора потемнело, а мысли наполнились обвинениями.

— Ты делаешь ошибку, кадет, — процедил он.

— Я приняла решение, сэр. Директор эр Литз одобряет его.

«Значит ты дура, как и твоя покровительница!» — в гневе подумал Сан ли Эран.

— Послушай меня. Ты можешь преуспеть в академических дисциплинах и можешь иметь поддержку в высших сферах, но для получения командной должности требуется санкция императора — а ее ты никогда не получишь. Никогда. Ты теряешь время — свое и наше, — настаивая на обучении на курсе, который не может принести тебе пользу. — «Зачем ты вообще сюда приехала? Ты чужая здесь и никогда не станешь своей». — Ты меня понимаешь?

— Да, директор. — «Больше, чем вы думаете».

— А теперь, чтобы привести твои амбиции в соответствие с реальностью, я собираюсь рекомендовать тебе регулярные занятия с нашим советником по вопросам боевого духа, ли Дарреном. Начиная с первого дня следующего цикла, седьмой час. Это вписывается в твой график?

— Боюсь, что нет, директор, — Анжа заставила себя говорить извиняющимся тоном. — Я должна быть на Ллорну до того и не вернусь до третьего семестра. — Поскольку он, очевидно, забыл об условиях ее обучения, Анжа добавила: — По графику я должна чередовать занятия в Академии и Институте, пока не закончится мое обучение там. Если у вас нет возражений.

— Нет. Конечно нет. — «Отправляйся домой, там твое место». — Мы обсудим это после твоего возвращения. — «Сделай нам всем одолжение и не возвращайся».

Директор кивнул, таким образом отпуская девушку, и вернулся, но его поверхностные мысли, полные злости и раздражения, все еще фокусировались на ней.

«Отправляйся домой. Отправляйся домой».

Домой?

СВЕТ

1

Возвращение на Ллорну: независимо от того, насколько Анжа не любила Институт, было невероятным облегчением вернуться туда. По мере того как сокращалось расстояние, она улавливала его особую ауру, с наслаждением впитывала успокаивающие знакомые токи. Тысячи разумов, что стремились проявить свой экстрасенсорный потенциал... Большинство из них были нестабильными, но это не имело значения. Она сама еще не стала полностью стабильной.

Когда транспорт снизил скорость, подлетая к планете, образы стали более четкими. Теперь девушка могла выхватывать отдельные сознания, отчетливое их беспокойство. Поли, каутанский подросток, снова описался во сне — и разделил свои чувства со многими. Смущает, но обычное дело, и дюжина экстрасенсов подавили желание посмеяться и посочувствовали ему. Сар Ное, одаренный коммуникант с Зулы, тренировался с трудным складом психики зивещев в надежде получить красную отличительную нить функционального телепата. А родившийся на Ллорну Йерсек ли Дарамос разрывался между своим смешанным человеческим наследием: одна половина наслаждалась неограниченными удовольствиями ллорнуанского общества, азеанская же часть его личности желала завести себе постоянного партнера. Анжа коснулась мыслью их всех и довольно заметила про себя: «Немного изменилось. Может только лишь я сама?»

Она сошла на орбитальной станции Ллорну, которую предпочитала сомнительным удовольствиям мощностей на самой планете. В естественном окружении она чувствовала себя уютно; и больше доверяла твердой поверхности искусственного спутника, чем вызывающей неуверенность поверхности внизу. Всего несколько дней назад в крупнейшем го-

роде Ллорну произошло небольшое землетрясение, и хотя население вовремя эвакуировали (эффективность в случае возникновения критических ситуаций обеспечивалась всеобщими экстрасенсорными способностями), но источники питания вышли из строя на полдня, а ряд зданий, защитные поля которых отключились, были сильно повреждены. Вспомнив о случившемся, Анжа содрогнулась. Вот на какой риск приходится идти, если доверяешь планете.

Институт вызывал у девушки негодование — за то, что он планировал ее жизнь, контролировал каждый ее аспект с того времени, как Анжу привезли сюда, — но она была рада находиться здесь. Здесь она чувствовала себя комфортно. Все-таки здесь был ее дом.

«Хаша, помоги мне!» — невольно подумала она.

2

Поединок на мечах в одном из тренировочных залов Института: электрический свет отключен и солнечные лучи падают через покрытые инеем окна. Но его хватает. Поэтому телепатия важнее, чем зрение. Такое положение вещей предпочитали многие экстрасенсы.

«Ты не должна ограничиваться себе подобными, — предупреждал ее Юмада. — У большинства в галактике нет твоих талантов, поэтому они развивают другие навыки. Ты должна научиться компенсировать свои недостатки».

Удовольствие от ритмичного обмена — связь разумов: обмен планами, выведывание секретов. Тень движения прежде, чем производится само движение. Радость от телепатического поединка.

«Ты хочешь сражаться с теми, кто обладает только физическими возможностями? Значит, ты должна тренироваться, сражаясь против них, жить с ними, узнавать их обычаи, манеры. Этого Институт никогда не сможет тебе дать. Он служит убежищем от боли, поскольку скрывает тебя от самого сурового испытания. Он успокаивает тебя, а из-за этого тебя же ограничивает. Удовлетворение — враг твоей цели».

Восемь очков у Анжи, три у противника. Ее техника улучшилась: это очевидно. На миг ей захотелось, чтобы свет стал более ярким. Безумие!

«Чтоб победить браксинцев, ты должна мыслить как браксинец».

«Истинный воин должен остерегаться комфорта» («Диалоги», 3/124 V).

«Сила черпается из противостояния» («Диалоги», 12/9 H).

Разум переплетался с разумом, блестящие нити стратегии переплетались с ослепляющей сложностью; тело следовало за разумом, воплощая его намерения. Это откровенность, с которой не может сравниться ничто, за исключением полового акта, а в этом Анжа отказывала себе, чтобы ухватиться за будущее. У нее в руке меч, и сила живет в ней. Есть ли что-то за пределами Института, способное сравниться с этим?

«Преодолевать трудности — самая лучшая тренировка».

3

Наблюдательный пункт станции выходил на планету, и с него можно было видеть основные достопримечательности Ллорну, купающиеся в утреннем сиянии. Анжа смотрела на планету, тянулась к ней рукой, затем убирала руку. Все было знакомо — слишком знакомо. Несмотря на то, что она ненавидела многое из политики Института, Анжа не могла не признать, что Ллорну — оазис для телепата в сухой и пустой галактике.

Может ли она навсегда покинуть ее? Должна. В ее жизни нет места слабости, а это — необходимость оставить Ллорну — самая большая из ее слабостей.

— Вот ты где.

Анжа повернулась и увидела, как к ней приближается директор ли Пазуа. Оплот телепатического этикета, он искал ее, но не стал вмешиваться в ее наблюдение ментально.

— Мне сказали, что ты прощаешься, — мягко произнес он.

— Да, — тихо ответила девушка.

Она отвернулась с наигранной беззаботностью и пошла за ли Пазуа к станции.

— Зонд зи Лауре закончил анализ твоего развития, — сообщил директор.

Анжа напряглась, представляя свой психофайл: «Зеймофобия усиливается. Навязчивая идея более ярко выражена. Отказ выбрать взрослое имя свидетельствует об эмоциональной нестабильности».

— Не секрет, что твоя чувствительность улучшилась, — продолжал ли Пазуа. — Поразительно. Контроль немного отстает от интенсивности контакта, но я проанализировал ситуацию и не нахожу, чтобы что-то шло не так. Для настройки на такую перемену требуется время. Ты удивлена? — спросил он, обратив внимание на ее реакцию.

— Не этому. Пожалуйста, продолжайте.

Он вопросительно коснулся ее сознания, но Анжа отклонила вопрос, желая оставить свои мысли при себе.

— Что касается дисциплин, — вновь заговорил директор. — Зи Лауре говорит, что ты освоила пять, другие на подходе. Он предполагает, что ты достигнешь полной функциональной способности через два года — пять лет, за исключением, возможно, области физического контакта.

— Это не улучшилось? — Анжа прикрыла глаза.

— А ты думала, что улучшилось?

— Я не знала. Я избегала вступать в контакт с людьми, вы это знаете. Если тесты говорят, что это не улучшилось... думаю, так и есть. — Девушка сжала кулаки, пытаясь не выдать своего раздражения. — Я пытаюсь снова и снова, и, несмотря ни на что, эта дисциплина продолжает давать сбои в случае стресса. Почему я не могу справиться?

— Научишься, со временем, — успокоил ее ли Пазуа. — Зи Лауре поможет.

— А если это не сработает? — Анжа наконец набралась смелости произнести вслух то, что ее беспокоило. — Если я не освою одну эту дисциплину? Какой полужестрасенсорный статус я получу? Или я навсегда останусь студенткой?

«И таким образом вы сохраните надо мной контроль», — добавила Анжа ментально.

В ее поверхностных мыслях присутствовала угроза; поэтому директор осторожно подбирал слова.

— Если придет время, когда ты покажешь себя функциональным телепатом по всем дисциплинам, кроме одной, я в любом случае присвою тебе этот ранг. Теоретически функциональный телепат обладает высокой степенью коммуникативных способностей и является мастером по всем дисциплинам. Твои навыки обещают превзойти все, что мы когда-либо видели раньше, поэтому будет преступлением отказать тебе в достойном тебя звании. Мастер всех дисциплин, за исключени-

ем одной — и я прослежу, чтобы ты получила соответствующий ранг, — он сделал паузу, мысли были тщательно защищены. — Сделать меньшее — значит опозорить Институт.

Раньше это не стало бы его беспокоить. У Анжи имелись подозрения на этот счет, но она держала их при себе.

— Спасибо, — сказала она спокойно.

— Так, а что там с твоим графиком? — осведомился ли Падуа. — Есть проблемы с Академией? Я думал, что мы все проработали.

Дисциплина контакта: она гарантировала ментальную неприкосновенность, успокаивала нервы.

— Директор... я не вернусь назад.

Последовало долгое молчание.

— На Ллорну ты хотела сказать?

— На Ллорну и в Институт.

— А твоя подготовка?

— Я хочу ее закончить. Мне *нужно* ее закончить. Но не здесь.

— Ты несчастлива на Ллорне?

— Счастье — не критерий, — посуровела Анжа. — Дело в достижении моей единственной цели. Я решила, что буду лучше служить ей, если буду вне владений Института.

— Я не согласен.

Ли Падуа посмеет ей запретить? Наконец их неприязнь проявится в открытую? Анжа будет только рада этому.

— В Институте есть зонды, которые могут путешествовать, — парировала она. — Торжа обеспечит их размещение в системе Академии.

И снова, как всегда бывало, Анжа почувствовала гнев директора при упоминании имени ее покровительницы. «Она забрала меня у вас, — подумала Анжа. — Освободила меня от вашей автократии. Именно это является причиной такой горечи?»

— Вы говорили, что поддержите меня, — вкрадчиво произнесла девушка.

— В твоей борьбе против Бракси — да. Но это...

— Это шаг в том направлении.

— Не вижу, почему бы это, — отмел ее доводы директор.

— Я и не ожидала, что увидите. — «И не уверена, что сама вижу». — Это имеет отношение к Войне, директор. И

моей подготовке к сражениям. Это место... ослабляет меня. Я не могу позволить себе подобное.

— Тебе нужна поддержка таких, как ты.

— Я не могу зависеть от этой необходимости! В Звездном Контроле нет натренированных экстрасенсов; Империя не доверяет вашим программам «психологической обработки», и никогда не позволит вам запустить туда своих агентов. Я собираюсь провести жизнь среди неэкстрасенсов и не научусь жить среди них, если у меня будет легкий выход — убегать сюда, где меня знают и ждут. Мне нужно подавить эту слабость, директор. Помогите мне, и я закончу свое обучение. Если же вы помешаете мне... — Анжа сделала паузу, наслаждаясь образом. — То мы станем врагами.

«Если уже не стали», — добавила она про себя.

Ли Пазуа долго не отвечал, возможно, рассматривал имеющиеся у него варианты. Поверхностное сознание тщательно контролировалось.

— Хорошо, — сказал он наконец. — Я пришлю тебе зонда. Не потому, что ты угрожаешь мне. Я не боюсь тебя, Анжа! Но рискну, положившись на твое мнение. Мы попробуем поступить по-твоему, хотя это означает недостаток зондов в нашей системе. Но придется с этим смириться. Я обещал тебе поддержку, — согласился ли Пазуа, и в его голосе слышался намек на раздражение, — ты ее получишь.

Анжа улыбнулась, тщательно стараясь не передать ощущение своего триумфа. Какие бы тайные планы ни были у директора, они требовали ее зависимости от его власти. Она медленно высвобождалась из-под контроля, и это, вероятно, было не сладко.

Тем временем Академия манила ее, обещая соперничество — и силу.

— Спасибо, — тихо сказала Анжа. — Я уеду как можно скорее.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

«Если браксана или любое другое отдельное племя попытается править Бракси долго, им придется отделить себя от всех остальных браксинцев. Им придется

создать образ, настолько отличный от всей браксинской культуры, чтобы ни одна другая группа не смогла на него претендовать, причем дойти до таких крайностей, что сам образ станет синонимом власти. Тогда и только тогда ни один человек не сможет оспаривать право браксана на власть».

Харкур

Туша по имени Ламос вошла в Дом.

Ему было нелегко взобраться на три пролета ступенек лестницы, что вела в его личные апартаменты. Как обычно, он останавливался на полпути на каждом пролете и проклинал законы, запрещающие лифты и какие-либо другие подъемные механизмы в браксанских домах. Благословенный садизм! Почему человек должен постоянно взбираться по лестницам, просто потому, что в его венах течет кровь Главного Племени?

Когда его дыхание немного восстановилось после преодоления очередного пролета, он пошел дальше. В особенно тяжелые дни, когда три пролета требовали четырех передышек, Ламос использовал дополнительную, чтобы активно благословить браксанскую традицию выделять Хозяину личные покои на самом верхнем этаже.

Светхе, Хозяйка Дома, как и обычно наблюдала за ним с верхней ступеньки. Она и раньше слышала жалобы Ламоса и, несомненно, услышит еще. Светхе усиленно пыталась не думать о том, что он сам виноват. Архитектурная традиция браксанов препятствовала, а не поощряла малоподвижный образ жизни, но Ламос, мягко скажем, как раз его и вел.

Грузный, громадный мужчина наконец преодолел верхнюю ступеньку. Покорил лестницу. И стоял, хватая ртом воздух. Светхе вручила ему распечатку финансовых отчетов за день и изменений в составе персонала. Ламос ожидал этого и каждый день получал отчеты из ее рук с властным видом, но никогда их не читал.

— Ванну, моя сладкая маленькая служанка. С женщинами. Ничего бурного — сегодня я устал. Пусть они будут сломлены... Да, я устал сражаться с женским полом. — После того как с ближайшими планами разобрались, Ламос опустил пухлую руку на плечо Светхе. — Как там мой сын? С ним все в порядке?

— Как и утром, когда вы уходили, — сказала Хозяйка.

— Маленький чистокровка! — довольно произнес толстяк. — После ванны я вздремну, Светхе, а затем приведи его ко мне, ладно?

— Как прикажете.

— Да, это будет прекрасно, — Ламос зевнул. — Пришли Берна, чтобы помог мне раздеться.

Светхе кивнула. Берн был истинным чужестранцем, разумным, из не-людей и пассивным. Хозяин любил таких существ. Светхе подозревала, что он иногда предавался с ними сексуальным утехам, хотя лишь только некоторые из них могли похвастать чем-то вроде человеческой сексуальности, и большинство, на ее взгляд, не возбуждали.

Ламос протопал к себе в покои. Откровенно говоря, ему на самом деле требовалась помощь, чтобы раздеться, поскольку, придавая одежде псевдобраксанский вид, ему пришлось значительно изменить крой, и Ламос просто не мог сам дотянуться до некоторых застежек. Однако плащ он снял тут же. Брошь, крепявшая его с туникой, сильно врезалась в жировые складки на шее.

Вскоре появился Берн — любопытное существо с шестью конечностями, которое Ламос находил восхитительно отталкивающим, и еще им было легко управлять. Хозяин подумал, что это — еще одно преимущество жизни на окраине Холдинга. Никто здесь не станет требовать, чтобы в его Доме жили одни люди.

Он не чувствовал никакой ответственности перед этим обычаем, точно как и перед остальными, которые по обыкновению нарушал. По-настоящему чужеродными существами часто пользовались по всему Холдингу, но по какой-то неясной ему до конца причине их избегали браксанские Дома. Однако здесь, на Вра-Нонн, никому не было дела до того, каких слуг он нанимает и каких рабов покупает. Из представителей народа Берна получались великолепные слуги, их уже давно покорили какие-то другие разумные обитатели, еще до Бракси. И Берн, и ему подобные не представляли себе другой жизни. Как они отличны от людей! Они могли выглядеть, как представители сотен культур, и знали это; после небольшого хирургического вмешательства и практики они могли сойти за аборигенов где угодно. Да,

Ламосу нравятся инородцы у него в Доме, и это оправдывало...

«Почему я снова ищу себе оправдания? — подумал он в раздражении. — Я не сделал ничего плохого. Эти Социальные Кодексы необязательны для строгого исполнения, разве нам это не повторяли снова и снова? Это не закон. Меня нельзя наказать за то, что я их игнорирую. Так почему же ищу для себя оправданий?»

Берн помог Ламосу снять тесные серые одежды. Здесь, в окружении только рабов и слуг, он позволил бесполому существу снять с него ненавистное браксанское одеяние и помочь облачиться в ярко-красный халат. Влажные прикосновения Берна к его телу вызывали приятные ощущения и снимали раздражение после целого дня, проведенного в традиционной одежде. Она была очень неудобной — и ей следовало быть таковой — и Ламос чувствовал себя в ней неуютно. «В следующей жизни я окажусь где-нибудь среди богатых людей, у которых даже нет слова, обозначающего серый цвет, и также еще и черный!» — думал он с досадой.

Ванну ему проектировал мастер с Мевеши, и она, соответственно, изобиловала излишествами, непривычными в барксанских Домах. Здесь, куда не мог заходить никто, кроме рабов и слуг, все кричало о богатстве Ламоса. Круглый, облицованный золотом бассейн по краю был инкрустирован драгоценными камнями — а это стоило целое состояние. Пол был выложен харкеситом. Простолюдину потребовалась бы вся жизнь, чтобы заработать на покупки одной плитки, здесь же полы частенько страдали от разливов воды и вина. Ламос знал, что легко может позволить себе заменить плитки. Да и вообще всю комнату переделать, если ему так захочется. Вот каким богатством обладал браксан.

«Так и следует жить! — думал Ламос. — Что знают об удовольствиях центральные браксаны? Они и их глупая политика — вот что для них значит быть членом правящей расы! Богатство, удовлетворение прихотей и свобода... Чего еще может хотеть человек?»

В фонтанчиках плескалось вино, винный туман оседал на халат Ламоса и окрашивал его в более сочный красный цвет. Он наслаждался, он ступал медленно, предвкушая удовольствие. Дюжина человеческих женщин, как цветник, украша-

ла бассейн, прекрасный букет из разных миров. Они выглядели испуганными, они боялись его, а это хорошо.

— Лорд? — спросила подошедшая Светхе.

Ламос раздраженно повернулся. Хозяйка стояла в дверном проеме за его спиной, и для нее же будет лучше, если сообщение окажется достаточно важным! Никто не был для Ламоса менее привлекателен, чем женщина, способная вести дела Дома, и он ясно дал понять Светхе: он не желает, чтобы она появлялась в его комнатах удовольствий и отравляла атмосферу одним своим присутствием.

— Что еще? — рявкнул он.

— Кайм'эра Затар. Он хочет поговорить с вами, лорд.

— Ну, и назначь ему время сама! — отмахнулся Ламос и вновь повернулся к сияющему бассейну.

— Лорд Ламос... — Светхе подождала, пока он снова не обернется. — Кайм'эра сейчас находится здесь. Он прибыл прямо из Военного Управления по какому-то государственному делу. Говорит, что ему нужно вернуться как можно скорее, и поэтому он должен встретиться с вами немедленно.

Требовать его принять — ну, разве не наглость?! Ламос задумался, не передать ли через Светхе послание явившемуся без приглашения Затару, чтобы показать кайм'эра, как ему тут рады несказанно. Но затем, окончательно расстроившись, решил этого не делать. Неразумно противоречить кайм'эра — они держат в руках большую часть коммерции Холдинга и могут в наказание прикрыть некоторые источники доходов Ламоса. А человек из Военного Управления опасен вдвойне, поскольку он или намерен отправиться громить планеты во главе флота, или, как опытный стратег, прикажет другим сделать то же самое. «Никогда не противоречь военным», — печально сказал Ламос сам себе.

— Я сейчас приду, — произнес вслух.

— Я пошлю кого-то помочь вам переодеться... — Светхе вздохнула с облегчением.

— Я пойду в чем есть! — он любовно погладил бархатный халат. — Если этот Затар врывается ко мне без приглашения, то может и посмотреть на меня в том виде, в каком застал. Иди, объяви о моем приходе!

Ламос не спеша последовал за Светхе до площадки верхнего этажа, давая ей время выполнить свои обязанности.

Там он остановился, чтобы оглядеть посетителя. Из вестибюля внизу открывался вид на всю главную лестницу, и Ламос обнаружил, что прибывший оценивает как внутреннее убранство, так и его самого, когда их глаза наконец встретились.

В душе Ламоса вспыхнула ненависть. Это человек — этот кайм'эра — представлял все, что Ламос презирал в центральных браксанах. Он был высоким, стройным и идеально красивым (разве не все они такие?). Его одежда плотно облегала тело, и в ней не встречались яркие цвета, в такое не оденется ни один мужчина, если у него имеется вкус. И эта врожденная, неотъемлемая надменность! Да, это привлекательная черта, но не тогда, когда высокомерие задевает твою гордость.

— Затар. — Ламос слегка поклонился. Едва заметно. — Как я вижу, вы пришли без приглашения. — Ламос смешал в выбранном речевом режиме презрение и небрежение, и ему понравился результат. — Простите, что не встретили у меня должного гостеприимства. Но видите ли, я едва ли ожидал вас увидеть.

Затар осмотрел ярко одетого браксана с очевидным неудовольствием.

— Я пришел по делу, — холодно сказал он.

— О, я спущусь вниз. — Ламос представил, насколько неуютно чувствует себя Затар, и это его позабавило.

— Нет, я сам поднимусь наверх.

«Какие отвратительные манеры! — подумал Ламос. — Сам себя пригласил в личные покои браксанского лорда!»

Тем не менее — так ему не придется снова подниматься по этой мерзкой лестнице, поэтому он презрительно кивнул и ждал гостя на верхней площадке.

Затар легко поднялся по ступенькам и уже собрался заговорить, когда его взгляд упал на не покрытые перчатками руки Ламоса.

— Покинувшие нас боги! — вскричал он. — Ламос, ты что, спятил?

— В моем Доме, кайм'эра, вы или будете выказывать мне должное уважение, или покинете его. — Ламос с гордостью выпрямился.

Затар проигнорировал его нападки.

— Я приехал сюда по государственному делу, поэтому давай пройдем куда-нибудь, где мы сможем поговорить. В твоём личном крыле, — добавил он презрительно. — Поскольку ты одет именно для пребывания там.

Ламос поморщился, но все же провел Затара в личные покои. Да, он позабавился, получая удовольствие от неловкости Затара при виде его одеяния (или отсутствия такового), но теперь это удовольствие быстро разбивалось о ледяную надменность кайм'эра. Когда они прибыли, Ламос демонстративно запечатал дверь и активизировал звуковую защиту — чтобы ни звука не просочилось за пределы запечатанного помещения. Затар не заметил его сарказма.

— Как я могу услужить вам, о Великолепный? — Если Затара и раздражало использование иронического речевого режима, он этого не показывал.

— Я вызвался передать послание, потому что из всех кайм'эра я ближе всего находился к твоей планете в то время, когда оно составлялось. Я находился с нашими тактическими силами на Гарране, — объяснил Затар, и его речевой режим — нетерпение — показывал, что он торопится вернуться и не станет мириться с бессмысленными проводочками. — И если честно, я пришел в ужас. Разве это подходящее одеяние за пределами личных покоев?

— Что, это? — Ламос любовно погладил рукой бархат. Жест был непристойный, и Ламос знал это. Ему доставляло удовольствие раздражать человека, который заявился в его Дом, полный высокомерия и словно выставляя напоказ свое физическое совершенство, да еще и посмел критиковать его стиль жизни. Потому что именно ради этого кайм'эра и заявился, без всякого сомнения. — Это? Это мягкая одежда и чрезвычайно удобная. Я люблю яркие цвета.

— Мне все их любим! Вот в этом-то все и дело: сохранить образ самопожертвования для поддержания основ нашей силы. — Затар нетерпеливо указал на одежды Ламоса. — Какое имеет значение, что мы предпочитаем? Нам нужно поддерживать имидж, Ламос. Ты можешь носить что угодно в личных покоях, традиция это разрешает. Но не в той части дома, где тебя могут увидеть чужаки.

Ламос презрительно сложил руки на груди.

— Ваши традиции меня не интересуют.

— Они поддерживают структуру нашего общества.

Ламос пожал плечами.

— Это меня не волнует.

— Правда? Тебе нравится жить за счет государства, не так ли, лорд Ламос. А что случится, если правительство вдруг перестанет поддерживать твои привилегии? Тогда ты тоже будешь доволен? — Затар недоверчиво показал на руки Ламоса. — Это уже не прихоть. Это выходит за рамки личного удовольствия. Мы не демонстрируем себя перед простоллюдинами...

— А-а, — Ламос взглянул на свои руки и провел указательным пальцем правой руки по ладони левой. — Тебя беспокоит, что у меня голые руки.

— Я видел и других мужчин без перчаток, если ты это имеешь в виду, — темные глаза лорда Затара вспыхнули, но он продолжал говорить спокойным голосом: — И мужчины меня не интересуют. Знаешь ли, не ты изобрел своеобразие сексуальных пристрастий. И вообще тебе обязательно все усложнять?

И снова Ламос пожал плечами. Он начинал гордиться собой.

— Я ничего не сделал, — ответил он.

— Вот в этом-то и заключается проблема.

— Кайм'эра, здесь под вопрос не ставятся никакие законы — только неясные и устаревшие традиции, до которых мне нет дела. Знаешь ли, я не какой-то там простоллюдин. Ты не можешь... ничего со мной сделать, если тебе не нравится мой стиль. Если юридически, то у тебя на меня ничего нет.

Вот! Он произнес это вслух.

— Это правда, — ровно сказал Затар. — И я приехал не для того, чтобы критиковать лично тебя, хотя ты определенно располагаешь к тому. Дело вот в чем: кайм'эрата официально рассмотрел твое право жить так, как ты живешь, и мы пришли к выводу, что не вправе применять официальное решение к тебе — к тебе лично.

Ламос самодовольно надулся.

— Однако мы решили, что обеспечение имиджа будущих поколений находится под нашей юрисдикцией. И таким образом, я прибыл сюда от имени кайм'эрата Бисалоанского Холдинга под Бракси/Алдоусом, чтобы поставить тебя в из-

вестность о следующем: ты должен передать своего сына в более традиционный Дом, чтобы он мог получить воспитание, обязательное для него по праву рождения.

— Что? — Ламос побледнел.

— Я думаю, ты слышал меня, — выражение лица Затара было невозможно прочитать.

— Ты не можешь говорить серьезно. Они не могли принять такое решение всерьез. Отказаться от сына? Это неслыханно!

Затар спокойно ждал.

— Я этого не потерплю! — орал Ламос. — Не потерплю!

— Мне передать другим, что ты собираешься выступить против нашего решения? — Голос кайм'эра был спокоен и грозен.

— Нет... нет, я не имел это в виду.

— Значит мне передать им, что ты собираешься оспаривать наше право принимать такое решение?

— Да... то есть, нет! — забеспокоился Ламос. В браксинской истории не было прецедента успешных выступлений против кайм'эрата. Правители Бракси, печально известные подозрительностью к мотивам себе подобных, всегда объединялись, если их власти угрожали. Противостоять им было бы ошибкой, если не полным сумасшествием. — Кайм'эра Затар, ты не понимаешь... — Ламос пытался подобрать правильные слова, но в конце концов ему пришлось удовлетвориться простой фразой. — Он — мой сын.

Пришел черед Затара улыбнуться.

Ламос запаниковал. Потерять сына... разве есть способ передать весь этот ужас простыми словами? Его кровь и плоть, его удовольствие, существо, которое ему предстоит воспитывать и лелеять, надежда многих лет! Самому низкородженному человеку, крестьянину разрешается воспитывать собственных сыновей и брать на воспитание подкидышей. Необходимость растить ребенка — это такое же основное человеческое желание, как... как... ну, любые другие, что уважают браксаны!

— Кайм'эра Затар... пожалуйста, скажи мне, что это неправда, — презрение исчезло из речи Ламоса, и он обнаружил, что непроизвольно воспользовался официальным речевым режимом. — Я не могу поверить, что кайм'эрат принял такое решение.

— Твоя вера не имеет никакого значения, — ледяным тоном произнес Затар. — Факт остается фактом. Ты можешь или подчиниться нашему приказу, или подать официальный протест.

— Должно быть что-то, что в моих силах.

— Я ничего не знаю, — надменно отговорился кайм'эра.

Абсолютный речевой режим, выбранный Затаром, испугал Ламоса даже больше, чем сами слова.

— Но определенно что-то... — он позабыл всякую гордость. — Я могу... изменить свой образ?

— Слишком поздно.

— Чушь! — Ламос взорвался — это было допустимое проявление эмоций, как он знал (Ар, он начинает думать, как они!). — В этом вся проблема, не так ли? Ну, ее можно решить.

— Они тебе не поверят, — затаив дыхание, Ламос ждал ответа кайм'эра. Но Затар мучительно медлил.

— Я могу продемонстрировать...

— Ты уже все продемонстрировал, лорд Ламос. А теперь послушай, у меня плотный график, знаешь ли, сейчас не мирное время. Я должен доставить ребенка на Бракси перед тем, как вернуться назад в тактическое подразделение. Мы можем прекратить спорить о положительных и отрицательных сторонах этого решения и привести его в исполнение?

Кто сказал, что убить единственного сына — это кастрировать отца? Разве отобрать сына не то же самое, по крайней мере в случае с Ламосом?

— Кайм'эра... — униженный тон ужасал его, но Ламос не предпринимал попыток скрыть свое отчаяние. Лучше унижить себя перед этим человеком сейчас, чем допустить, чтобы все кайм'эра всю оставшуюся жизнь над ним смеялись.

— Решение принято, — сурово сказал Затар. — Для того чтобы противостоять ему, даже смягчить его, требуется вести дела с участием заступника. Это означает, что кто-то должен будет поставить на кон свою репутацию ради тебя. Я не желаю этого делать.

— Но если я смогу доказать свою искренность...

— Как? Будь реалистом, Ламос. Как ты можешь доказать что-то подобное?

— Должен найтись какой-то способ. Лорд — кайм'эра — я молю тебя, как браксана! Как мужчину, — он собирался также

добавить «как отца», но это было опасно: Ламос не знал, есть ли у Затара дети и вообще способен ли он их иметь.

Выражение лица Затара слегка изменилось, от незаинтересованности к задумчивости.

— Я могу придумать один способ, — наконец сказал он. — Хотя не могу гарантировать согласие других кайм'эра.

— Конечно нет, безусловно! — обрадовался Ламос.

— Знаешь ли, большая часть браксанского имиджа базируется на физических характеристиках. Мне кажется, что если бы ты включился в одну из военных подготовительных программ на Гарране, то это определенно стало бы достойным объявлением о твоих намерениях.

Глаза Ламоса округлились от страха. Военное Управление Гаррана существовало для того, чтобы делать из людей солдат и мало беспокоилось об их комфорте. Планета располагалась в одном из самых удаленных уголков Холдинга, и была печально известна тем, что вырывала с корнем, будто сорняки, тех, у кого не хватало стойкости в битве, их просто ломали в процессе подготовки. (Даже существовала поговорка на этот счет: лучше смерть простолюдина на Гарране, чем слабость в войне). Тот факт, что половина программы посвящалась военному анализу и тактическому мастерству ничуть не утешила Ламоса, как и тот факт, что большинство браксанов проходили начальную подготовку легко и с достоинством. Эти люди расцветали в дискомфортных условиях и находились — как признал Ламос с горечью — в лучшей форме, чем он. Было разумно предположить, что они могут завершить подготовку за несколько жентов и ничуть не устать. А у него это займет годы — причем очень неприятные.

Но его сын!

— Это на самом деле необходимо? — спросил Ламос на всякий случай.

— Совсем нет, — охотно ответил Затар. — Сначала придется убедить кайм'эра вообще принять такое твое решение, а для этого вести дело должен заступник. Альтернатива гораздо проще. Поэтому, если ты приведешь сына, я заберу его с собой и покончим с этим. — Затар огляделся. — Где он?

— Я сделаю так, — поспешно сказал Ламос. — Ар знает, я пожалею об этом, но сделаю. Великий кайм'эра, обещаю, что ты выступишь в мою защиту, прошу тебя.

— Я уже связан обязательствами с тактическим подразделением в Военном Управлении. А если стану выступать в твою защиту, мне потребуется проводить слишком много времени на Бракси. Не знаю, Ламос.

— У меня есть планета, недалеко от Границы, — быстро заговорил Ламос, чтобы кайм'эра не отказался до того, как он сможет убедить его в обратном. — Симпатичная такая штучка, с колонией фендайцев. Они там поселились до того, как мы уничтожили Фенду. Это неплохое место для отдыха время от времени... Я буду польщен, если ты примешь эту планету в обмен на оказание услуг.

Ламос задержал дыхание, пока Затар размышлял. Это была хорошая взятка; у всех браксанов имелись средства для покупки планет, но недвижимость рядом с Военной Границей считалась редкостью, и это значительно способствовало повышению статуса ее владельца. И это к тому же была очень хорошая планета.

— Готовь документы, — наконец вымолвил Затар.

С излишней поспешностью Ламос вызвал Хозяйку и велел ей принести соответствующие кольца. Когда Светхе вернулась с ними, Ламос достал считывающее устройство и быстро поместил на него кольца, одно за другим.

Затар молча смотрел на экран. Определенно планета должна ему понравиться! Это было красивое место, хорошее вложение средств, может, там и имелись кое-какие проблемы с гравитацией, но насчет расположения никто не мог сказать ничего дурного.

— Согласен, — с достоинством сказал лорд Затар. — Я попробую убедить кайм'эрат принять твоё предложение.

— Я не могу выразить тебе мою благодарность, кайм'эра! — Ламос едва дышал от радости.

— Передача права собственности должна произвестись безотлагательно.

— Конечно! — Ламос кивнул Светхе, она открыла доступ к местному Центральному Компьютеру, что принял их голосовые коды, и предоставил доступ к соответствующим данным на владение недвижимостью. Ламос продиктовал вносимые изменения. Компьютер записал их и отправил копию о совершении сделки в Центральный Компьютер Бракси. Теперь все стало легально.

— Очень хорошо, — одобрительно кивнул Затар. — Теперь, если ты простишь меня, то у меня впереди еще трехдневный путь на Бракси, и я займусь твоим делом.

— Я благодарен тебе за то, что ты нашел время для меня, — несомненно, Затар спас Ламоса от неприятной ситуации. Будущее выглядело малопривлекательным, но, по крайней мере, ребенок останется с отцом. А только это и важно для истинного браксана. — Твое посещение — большая честь для моего Дома! — Ламос увидел, как Светхе пораженно смотрит на него, но какое это имело значение? Она ведь только женщина и только наполовину браксанка. А это дело лордов Бракси. — Проводи его, Хозяйка, — сказал он горделивым тоном.

Она подчинилась без слов. Светхе ни разу не оглянулась на кайм'эру и не заговорила, пока они спускались по центральной лестнице. Затар почувствовал, что она сгорает от любопытства и хочет задать тысячу вопросов, но всем им придется остаться без ответа — если только сам Ламос не захочет удовлетворить ее любопытство, что казалось маловероятным. Кайм'эра задумался о том, узнает ли она когда-нибудь, что произошло. Ведь Хозяйка может сообщить Ламосу, что у кайм'эрата нет прав забирать его сына. Все же сомнительно, что она узнает.

Когда за спиной Затара закрылись массивные двери, прежде чем сесть в свой шаттл, кайм'эра достал из-под туники папку и раскрыл ее. Слегка улыбаясь, прочитал надпись на титульном листе:

Кайм'эра Затару, сыну Винира и К'сивы

Ниже приводятся ваши инструкции касательно лорда Ламоса в соответствии с решением, принятым по данному вопросу в восьмой день пятого жента, 97 года после коронации Харкура.

Кайм'эратом принято решение, в соответствии с которым лорд Ламос должен незамедлительно приступить к действиям, нацеленным на приведение его в большее соответствие с традиционным имиджем браксана, как физически, так и эмоционально.

Поскольку у нас нет законов, позволяющих нам приказывать начать подобные действия, просим вас использовать

другие, более утонченные методы для достижения указанной цели. Вы можете использовать любые угрозы, взятки и/или физическое давление, которое посчитаете необходимым. Не сомневайтесь, кайм'эрат вас поддержит.

Мы будем очень рады, если лорд Ламос сменит образ жизни и станет соблюдать ментальную и физическую дисциплину, например, применяемую в военных учебных заведениях. Какой бы курс ни начал лорд Ламос, очень желательно, чтобы он считал, будто сделал это по доброй воле.

Кайм'эрат Холдинга под Бракси/Алдоусом:

Присутствовали: 109

За: 91

Против: 3

Воздержались: 14

Отсутствовали: 18

Затар тихо засмеялся. Затем, еще раз взглянув на свое право на новую планету, которое воплотилось в кольцо на указательном пальце правой руки, кайм'эра сел в шаттл и отправился на Гарран.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

«Мы должны предполагать, что мыслительные процессы людей и не-людей различаются настолько, что без прямого ментального контакта между ними невозможно достигнуть истинного понимания».

Харкур

На покрытых льдом равнинах Дерлета стояло серое утро, они казались блеклыми и бесцветными, таково было каждое утро под туманным пологом, составлявшим атмосферу. Тут и там свет усталого солнца падал на глыбы льда, и яркая вспышка чудилась лучом надежды; затем опять наплывало облако, и небо вновь становилось непроницаемо серым. А солнце, если столь маломощное светило можно назвать солнцем, равнодушно рассеивало свой свет по плотной завесе облаков, а поверхности планеты не доставалось ни капли его тепла.

Эта планета на самом деле не заслуживала того, чтобы на ней жить. Однако жизнь там присутствовала; да, не человеческая, но имелись существа, которым не требовалось ни света, ни комфорта, Правда, внешне они в некотором роде напоминали людей, хотя их тела покрывал густой мех, а конечности преобразились в процессе эволюции, чтобы переносить испытания в вечных льдах. Тем не менее они определенно не были людьми, — какой человек станет пожимать плечами и хмуриться при виде настоящего солнечного света и благословлять возвращение вечной серости, как делали эти существа?

Но все это очень субъективно. Азеа обнаружила жизнь на Дерлете всего один стандартный год назад и еще не исследовала природу местных существ. Были известны и другие случаи, когда двуногие существа с гуманоидными чертами развивались независимо, но не исключено, что Азеа намеренно избегала более тщательного исследования вопроса. Самим людям было трудно смотреть на аборигенов этого блеклого и ужасного места и чувствовать какое-то родство с ними или с их устремлениями, несмотря на то, как характеризует этих созданий человеческая наука. Гораздо, гораздо предпочтительнее верить, что подо льдом лежат свидетельства сугубо местной эволюции, чем принять то, что человеческие семена были посеяны на Дерлете, как и в других местах, и эволюционировали в соответствии с местными условиями.

В это утро не было ветра, чему несказанно радовалась одинокая путница.

Покрытые льдом равнины отсутствовали только на экваторе, где собиралось тепло слабого солнца Дерлета, и вокруг экватора планета была почти пригодна для жизни. Долины тянулись по всему западному полушарию от пригодной для проживания зоны, и были окружены непроходимыми горами с трех сторон. Местным жителям требовалось полгода и очень много удачи, чтобы пересечь долины и остаться в живых. И предполагалось, что никто, кроме аборигенов, не в состоянии повторить этот подвиг.

Из двадцати херсу, что вышли из горной деревни вместе с путешественницей, осталось только десять. Все, что требовалось от нее — это добраться до дальних гор; сколько жи-

вотных из тех, что женщина взяла с собой, выживет, не имело никакого значения.

Одинокая путешественница — и не местная — остановилась, чтобы проверить температуру своего тела.

Она провела на этом бесконечном льду почти полгода, в холоде и без компаньонов-людей. Последнее мало беспокоило женщину, хотя другие предполагали, что как раз это и будет ее беспокоить, но она никогда не была чересчур общительной и готова была остаться на какое-то время наедине со своими мыслями. Но путешественница устала от постоянного холода, пустоши и блеклой серости, наполнявших дни невыносимой скукой, не менее опасной, чем сами льды.

«Я должна не только выжить, но еще и не лишиться рассудка», — напоминала себе она.

Азеа обратилась к аборигенам и получила ответ, что привел послов в ужас. Да, Дерлет будет счастлив иметь дела с Азеей, даже счастлив поклясться в верности этой иностранной державе и предложить свои незаселенные земли как базу для ведения операций и будущей экспансии Империи. Все это Дерлет охотно сделает и даже больше, радуясь тому, что за вечным и неизменным пологом атмосферы отыскалась жизнь. Как только Азеа пришлет им достойного представителя для уточнения деталей, они могут начать сотрудничество.

Конечно, аборигенам ледяной планеты решение вопроса казалось элементарно простым. Чтобы завоевать право жить на покрытых льдом полях, молодые люди на Дерлете вначале должны были доказать свою способность их покорить. И таким образом они один за другим пересекали южную пустошь, и один за другим или встречали свою смерть, или стяжали себе славу. И чужаки с небес должны были сделать так же.

Поскольку дерлетанцы предполагали, что каждое общество функционирует подобно их собственному, то не понимали необходимости объяснять свои традиции азеанским гостям. Каждого посла отвозили в восточные горы и показывали бескрайнюю ледяную равнину: от нее веяло могильным холодом, и неровно блестели колкие грани в свете изредка проглядывавшего солнца. Дерлетанцы думали, что один из послов предложит пересечь ледяные поля, и не понимали, почему никто этого не делает. С другой стороны, послы не понимали, что они такого сделали — или чего не

сделали, — когда стояли рядом с аборигенами на горной вершине, чтобы заработать определение «недостойный».

Но Азеа гордилась своими дипломатическими умениями и имела многолетний опыт покорения тысяч заселенных планет. Вскоре стало очевидно, чего ожидают дерлетанцы, и совершенно ясно, что только сумасшедший выполнит их требования.

Империя стала искать подходящих людей и наконец отыскала спортсменов, готовых принять такой вызов. Дерлет отклонил их кандидатуры. Это не игра, настаивали они; тот человек, которого они примут, должен быть личностью, лидером, а не тренированным до исключительной выносливости ишаком. Как иначе понять, что азеанская раса достойна такого внимания?

Надлежащие выводы сделал последний покинувший Дерлет посол. Он отметил упрямство первобытных народов и их нежелание принять главенство Империи и добавил, что азеанцы будут глупцами, устанавливая с дерлетанцами дипломатические отношения.

Директор дипломатической службы стал искать кандидатуры в других местах.

Кто готов терпеть холод и скуку, а также плотоядных чужеродных существ, только ради долга перед Империей? Учтивая, что такие люди уже присоединились к рядам азеанских дипломатов, вер Иште не был преисполнен оптимизма. Но продолжал поиски и наконец нашел добровольца, молодую женщину, внешне не похожую на азеанку, но тем не менее, вопреки всем традициям, принятую в Азеанскую Академию Воинского Искусства.

Она выразила готовность поехать — а это и было нужно. Хотя на вид женщина казалась слабой, ее достижения свидетельствовали об исключительной выносливости и яростной натуре, готовой участвовать в соревнованиях. Ее специально готовили, как и всех обучающихся по командной программе, адаптироваться к любым планетарным условиям и хорошо функционировать в первобытных мирах. Дерлет определенно потребует проявить оба этих навыка, и в полной мере.

В ответ женщина просила временный дипломатический статус, с правом говорить то имени императора. Вер Иште

пожал плечами и подготовил соответствующие документы. Совет Правосудия предъявил официальный протест, но директор дипломатической службы тут же убрал его в дальнюю папку — навсегда. Это был его департамент, и единственным человеком, кто в данном случае мог ему приказывать, была директор Звездного Контроля, а в редких случаях — и сам император.

Таким образом молодая женщина получила титул временного посла и столь желанное для нее звание — «императорский». Она быстро расположила к себе дерлетанцев, несмотря на то, что находилась в патриархальном обществе, причем она им так понравилась, что они удерживали ее тридцать дней, пока на равнинах стояла самая плохая погода.

Женщине дали неограниченное количество херсу, она выбрала двадцать. Ей предлагали неограниченное количество провизии, вместо этого она решила наполнить сани приспособлениями для охоты на местную дичь, понимая, что любая попытка взять с собой провизию на полгода для себя и животных бесполезна. Женщина впрягла животных в сани в порядке, которому научилась на планете Луус Пять, тоже покрытой льдом, и когда дерлетанцы спросили, объяснила им, почему такое построение наиболее эффективно во время перехода через льды. Они и согласились и не согласились с этим, жизнь покажет: или женщина переберется через ледяные равнины до того, как наступит зима и дышать там станет невыносимо, а то и смертельно, или потерпит поражение и умрет.

Путешественница стартовала с восточной возвышенности. У нее были своеобразные отношения с Империей, в которой многие надеялись на ее гибель, и не меньшее количество людей молилось об успехе женщины.

Анжа лиу собиралась покорить дерлетанскую пустошь и собиралась сделать это, как покоряла другие территории — слившись с ними. Когда ей не доставало еды, она охотилась, когда уставала от путешествия, то разбивала временный лагерь и ждала, пока не появится желание снова продолжать путь. Много не давалось так уж легко: дичь попадалась редко, хорошо пряталась и была опасна; останавливаться и отдыхать целый день могло оказаться смертельным на холоде, способном так убаюкать путника ложным теплом, что он

заснет Долгим Сном — так аборигены называли смерть. Но было бы глупо гнать вперед на одной и той же скорости половину дерлетанского года. Целеустремленность какое-то время может заменять выносливость, но за такой долгий промежуток времени даже воля выдыхалась. Вместо этого Анжа чутко улавливала свое состояние, быстро передвигалась, когда могла, и отдыхала, когда требовалось. Ее советники в Академии одобрили этот подход после того, как поняли, что самым худшим врагом на пути будет не холод, а скука.

Проходил день за днем, всегда одинаково, лишь иногда сквозь серый кокон облаков проникал лучик света. Светло-серый переходил в темно-серый и черный, по мере прохождения дневного цикла Дерлета. Иногда Анжа мечтала о смерти, и смерть манила теплом и звала. В такие ночи Анжа заставляла себя проснуться и занималась какой-то мелкой, но успокаивающей работой, например чистила оружие или чинила меховую одежду.

Она осталась наедине со своими мыслями, а такого не случалось ни разу за двадцать лет.

«Это все, что нужно, — говорила она себе. — Мне дали временный императорский статус, и я сослужу Империи службу, которую не смог и не сможет сослужить никто другой. Прецедент — вот что имеет значение. Люди, которым я служу, не забудут, хотя Совет Правосудия и хотел бы этого».

В долгие бесконечно серые дни Анжа не спрашивала себя, счастлива ли она и даже удовлетворена ли своей нынешней судьбой. Она научилась никогда не заходить так глубоко, чтобы не натолкнуться на боль, после стольких лет все еще тревожившей ее.

«Да, я сослужу Империи службу, — повторяла про себя женщина. — Я хочу стать в ряды вооруженных сил. Это цель моего существования. Я не стану гадать, что будет дальше».

Ее сны говорили о другом, однообразная обыденность и неизменность серых долин стала как бы холстом для ее внутреннего видения. Просыпаясь на утро, женщина видела вокруг себя только лед, и лежала, укутанная сюрреалистическими образами, которые штурмовали ее сонный разум обрывками столь долго подавляемых страстей. Она испытывала острую необходимость удовлетворить эти желания, они

не могли более находиться внутри нее. Это были человеческие желания, но они считались неприемлемыми, и Анжа жестоко, но по необходимости отказывала им в удовлетворении. Азеа не жаждала крови, поэтому Анже придется держать в узде свою жажду мщения. Азеа не нуждалась в острых ощущениях, поэтому Анже придется направить свою сексуальную энергию в другое русло. «Я — азеанка», — повторяла она и заставляла себя соответствовать этому шаблону, несмотря на цену, которую требовало за это ее разрываемое мечтами сознание. Придет время, когда Анжа сможет делать то, что хочет. Но это время пока не пришло, и поэтому сны и грезы оставались ее единственным выходом в мире, где умеренность определяла национальность.

Тем не менее даже эти видения стали слабеть, в конце концов сдаваясь вечной серости, которая была душой Дерлета. Пришел день, когда Анжа отчаянно пыталась вспомнить хотя бы кошмарные образы, привнести больше разнообразия, если не в собственный мир, то в свои мысли. Но сны, как и все остальное, тонули в вечной серости, и их образы терялись в скуке Дерлета, что довлекла все больше и больше.

Анжа получила обморожение, но не очень сильное, и это не мешало ее продвижению вперед. Азеа способна восстановить все, что отомрет в холоде, при условии, что посол выживет и доберется назад. Что касается охоты, то телепатия облегчала процесс, насколько это возможно в покинутой живыми существами пустой земле. Временами Анжа завлекала дичь прямо на острие копья, в других случаях ментальными щупами проверяла окружающую местность в поисках жизни, но обычно не находила ничего. «По крайней мере, когда не на кого охотиться, я не трачу время и энергию, пытаюсь выманить животных из укрытия», — думала женщина.

Дни стали короче. Хотя Анжа и считала их, все же число было приблизительным. Зимний день мало соответствовал ее внутреннему календарю. Вскоре налетят штормовые ветра, и выюги Дерлета замедлят продвижение. Если Анжа к тому времени не доберется до дальних гор, то, вероятно, вообще этого не сделает.

А затем появились кисуну.

Любопытно, что перед лицом опасности телепату снилась любовь. Это чувство было ей совсем незнакомо, и Анжа не понимала, что это. Те воспоминания о человеческих привязанностях, которые у нее остались с детства, были заблокированы в памяти тем же способом, что и период, когда она получила травму. Определенно, ее дальнейшая жизнь, презрение других студентов и постоянно присутствующая ненависть Совета Правосудия Азеи не давала шансов узнать такие нежные эмоции. Но во сне Анжа была в другом мире, в объятиях мужчины, имеющего отличительные черты чужака, подобные ее собственным чертам, — волосы его были цвета крови.

— Я знаю, что ты стоишь перед лицом неизвестного и, не исключено, что ужасного будущего, — шептал он. — Я знаю, что ты больше привыкла к ненависти, чем к уважению, и тебя воспитали так, что тебе незнакома нежность. Но узнай сейчас — и помни, когда боль станет слишком сильной, — что один человек так сильно о тебе беспокоился, что называл митете. Ты знаешь мой язык. Ты знаешь, что значит это слово.

Когда Анжа протянула руки, чтобы обнять мужчину, то внезапно проснулась в холоде и тьме и почувствовала запах смерти.

Кисуну!

Ее разум нуткнулся на плотоядный инстинкт и навесил на него соответствующий дерлетанский ярлык. Кисуну — убивающие во льдах. Подобные волкам хищники охотятся стаями, им требуется малое количество пищи для поддержания сил во время долгих переходов. Они способны охотиться и загнать любое существо, которому не повезло столкнуться с ними.

Это были разумные существа. Анжа немедленно классифицировала их при помощи телепатической чувствительности и итог вывел ее из равновесия. Кисуну хаотичные по природе создания, и у них нет никаких строений или приспособлений в подтверждение их разумности, но несмотря на это, их нельзя классифицировать как простых животных. У них есть некая культура — Анжа почувствовала, что не поймет ее, — но в них имелось что-то, кроме стадного инстинкта.

И они были очень, очень голодны.

Анжа развела огонь; кисуну осторожно отступили, но не проявили никакого животного страха. Два разумных вида на одной планете? Редко, но встречается.

Но почему дерлетанцы ничего не сказали ей?

Возможно, они не знали.

Невозможно, поправила сама себя Анжа. Встретившись с этими существами, нельзя не понять, что они обладают более, чем животным разумом.

Да, дерлетанцы знали. А те, кто понимали кисуну, выжили во время полугодового путешествия через сердце их территории.

И снова Анжа выпустила щупик мысли; и быстро убрала назад, обожженная прикосновением животного голода и такого чужеродного сознания, что ни один человек не может надеяться его понять до конца.

«Очень хорошо, — подумала она. — Я буду говорить на универсальном языке».

Она достала лук и выложила перед собой стрелы, воткнув их наконечниками в снег. Желтые глаза смотрели на нее напряженно, не мигая, и существа отступили — на шаг или два, но готовы были напасть в любой момент. Было ясно: они ждут, когда женщина прицелится. Хорошо, что ей не требовалось целиться. Одним движением Анжа подняла лук и выпустила стрелу с хорошим оперением, взвизгнув, она воткнулась в тело изумленного кисуну и, очевидно, попала по какому-то жизненно важному месту. Существо коротко взвыло и упало. Синевато-черная кровь окрасила снег, и предсмертный крик эхом прозвучал в серой пустоте.

Анжа напряженно ждала реакции.

Кисуну изучали ее. Теперь они знали, как быстро женщина умеет двигаться, и если они на самом деле способны на предварительную оценку, то должны понять: эти стрелы могут принести им всем только смерть. «Я заберу вас всех с собой, — гласило действие Анжи. — Не одного, не двух, а многих. Кто из вас первым осмелится напасть на меня?»

Один за другим кисуну отвернулись от нее, они по-прежнему медлили, но их внимание сфокусировалось на другом. Каждый подходил к павшему товарищу и прикладывался огромными зубами к его шкуре, затем уступал место следующему, пока все в стае не поучаствовали в ритуале.

Это подтвердило подозрения Анжи, потому что простые животные не соблюдают никаких ритуалов, связанных со смертью. И голодающие животные чаще едят своих мертвых товарищей, чем чтят их. Жест кисуну, казалось, говорил: «Хоть я и голодаю, но не стану есть себе подобных. Это ставит меня над животными, живущими во льдах».

«Хаша! — подумала Анжа. — Хижники с моральными принципами».

Она развела огонь вокруг своего маленького лагеря и надеялась, что у кисуну не появится желания переступить черту пламени. Дерлетанцы дали ей кожаные мешки, наполненные горящим порошком, и теперь женщина поняла, зачем, поскольку в этой ледяной пустыне невозможно было собрать ничего, что могло бы гореть так ярко. Иногда сквозь льды прорывались кое-какие растения, ими можно было подкормить огонь, чтобы разогреть себе ужин, но едва ли они испугают стаю хищников.

Но придет утро, и Анже придется идти дальше. Если кисуну не позволят ей это сделать, она определенно умрет. Возможно, и не в этот день, но позже, когда еда и топливо закончатся и она окажется на их милости. Анже придется разобраться с ними сегодня ночью — установить какие-то отношения, которые позволят ей продолжать путь. Теперь до западных гор не так уж и далеко, не может быть далеко; и определенно ей удастся купить несколько дней, чтобы добраться до них.

Анжа прошла к сгрудившимся испуганным херсу, рукой телепата успокоила их, затем при помощи поверхностного анализа сознания выбрала двух, наиболее парализованных страхом. От этих ей будет меньше всего пользы в предстоящие дни, поэтому они погибнут первыми. Уверенной рукой она сняла с них сбрую.

Женщине показалось, что кисуну улыбаются.

Анжа положила руки в рукавицах на спины херсу и нажала, одновременно посылая четкий и простой сигнал: «Опасность!» Они рванули вперед в панике и перепрыгнули через линию огня. К тому времени, как херсу избавились от вызванного Анжей страха, они уже пали, а голодные кисуну быстро расправились с их нежными, но мускулистыми телами.

«Я сделала вам приношение, — думала Анжа. — И сделаю еще, если потребуется. И ни одному из вас не придется за него умирать. Этого довольно?»

Очевидно, да, потому что кисуну закончили трапезу (Анжа обратила внимание, что они поровну разделили добычу между собой), потом отошли на безопасное расстояние и вытянулись на снежной поверхности — вздремнуть или подождать развития событий.

Эта была первая из многих ночей, когда Анже не придется спать.

Кисуну не покинули ее утром; она надеялась на это, но на самом деле ожидала чего-то подобного. Анжа снова отправила ментальные щупы в их стаю, и снова быстро их убрала. Голод, присутствующий в поверхностном сознании кисуну, стал менее требовательным, но все равно оставался. Значит, это дело времени: одна женщина и восемь пассивных херсу не могут надеяться выстоять против целой стаи хищников, разумные они там или нет. Она могла бы надеяться на свои телепатические способности, но разум кисуну оказался таким чужеродным, что ей не удастся зацепиться за него на достаточно долгое время, чтобы установить контроль.

Поскольку ничего лучше она не придумала, Анжа упаковала пожитки на сани и заново впрягла херсу. К ее удивлению, кисуну расступились перед ней и не препятствовали продвижению саней, вообще никак не вмешивались. Анжа не стала задумываться, почему ей предоставляются мелкие уступки, и просто поехала на запад.

Раньше она дремала во время путешествия. Теперь она не смела этого делать. Заснеженные равнины были гладкими, без расселин и глубоких трещин, иногда попадались деревья и кусты с такой твердой корой, что она напоминала броню, но это скорее было исключение, чем правило. Это место сильно отличалось от покрытой трещинами ледниковой поверхности Лууса, где Анжа проходила практику по освоению местности. Эта же поверхность в своем роде была опаснее, поскольку на Дерлете отсутствовала необходимость постоянно оставаться начеку, что занимало бы ум и отгоняло человека от пропасти безумия. Анжа позволила себе улыбнуться. Теперь ей было не до того! Возможно, появился явный риск

быть съеденной, но это Анже казалось предпочтительней медленной пытке бесконечной серой скуки.

— Да, — сказала женщина вслух, удивившись при звуке своего голоса. — Мне следует быть вам благодарной. Вы избавили меня от чего-то ужасного, даже не зная об этом.

И впервые за эти полгода человеческий смех прозвучал над покрытой льдом пустошью.

— Такое вежливое противостояние, мои милые спутники! Вы бы понравились браксинцам, — Анжа говорила сама с собой, и в то же время с кисуну, обнаружив, что любой человеческий голос — даже ее собственный — приятен в серой пустоте. — У браксинцев разработан целый ритуал вражды и противостояния, они придумывают правила, по которым можно управлять враждебностью и растянуть ее надолго, так они продлевают удовольствие.

Анжа оглядывала стаю, примерно тридцать сильных особей, если не больше. У нее не возникло желания подсчитывать точное количество.

— Значит, раса, — говорила она. — Я думаю, мы понимаем друг друга. Я буду кормить вас столько, сколько смогу, и вы будете меня сопровождать в качестве почетного эскорта, пока я это делаю. Вопрос вот в чем — что мы увидим раньше: западные горы или последнего из херсу?

«Но задолго до этого мне придется идти пешком, — думала она. — Правда, пока еще есть время».

Анжа разбила лагерь перед тем, как спустилась ночь, развела небольшой костер, сохраняя большую часть огненной пыли до времени, когда она может потребоваться гораздо больше, чтобы отгонять смерть. Затем, делая вид, что ничего в мире не изменилось со вчерашнего дня, Анжа прикончила еще одного из вьючных животных и провела вечер, разрезая тушу на примерно равные части. Себе она взяла самые нежные части, потом ими же накормила оставшихся херсу, на которых с каждым днем ей придется полагаться все больше и больше. Оставшееся мясо женщина бросила поджидающей стае.

— Ваша доля, — пробормотала она, наблюдая за ритуальным разделением мяса.

Женщину поражала сила херсу, в особенности в последующие дни. Анже потребовалось облегчить сани, только когда

осталось всего четверо животных. Это оказалось болезненной задачей, поскольку все на санях было необходимо для выживания в этой местности. Кисуну требовалось относительно мало пищи, поэтому они спокойно сопровождали женщину в быстро укорачивающиеся дни, ожидая очередной порции еды. Анжа кормила их, когда чувствовала их голод, и также регулярно кормила херсу, чтобы выючные животные не ослабли и как можно дольше везли ее вперед. Сама она ела, только когда пища становилась необходима, да и то не всегда. Анжа повторяла снова и снова: «Азеанская медицина может все это вылечить». Поэтому она давала взятки хищникам, чтобы удерживать их на расстоянии, и жертвовала собственной силой ради продвижения вперед, в отчаянной надежде попасть домой.

Иногда она спала. Анжа пыталась не спать, но измождение накатывалось на нее и периодически побеждало, потом она вдруг резко просыпалась и выясняла, что незаметно уснула. Дни тянулись без конца, и голод стал постоянным спутником. Анжа перестала вглядываться вдаль, надеясь увидеть горы; они стали мечтой, чем-то, что иногда шевелилось в памяти, но для мечтаний требовалось слишком много усилий. Во льдах прошла вечность, и ритм ее, холодный и постоянный, наконец победил женщину.

Слишком скоро остались только два херсу, и они не могли тащить сани, не погибнув в процессе. Анжа смирилась, привязала к спинам животных предметы первой необходимости, надела на испуганных херсу поводья и целенаправленно пошла вперед пешком, ведя их в поводу. Желтые глаза врагов будто бы насмеялись над ней. «Смерть с самого начала была только делом времени», — издевались желтые огни. В безмолвии дерлетанской ночи Анжа слышала слова, словно их произнесли вслух, но в голосе, который их произнес, отсутствовала знакомая интонация и какой-либо намек на известный Анже язык.

Каждый вечер, разбивая лагерь, Анжа направляла ментальные щупы в разные стороны в поисках возможной дичи; каждый вечер ледяные поля оказывались пустыми и безжизненными, за исключением врагов. Если бы живущая в снегах змея шевельнулась в отдалении, Анжа попыталась бы поймать ее, надеясь на чувство юмора своих охранников — они

позволили бы ей это сделать, — но здесь не попадались даже змеи. Если кисуну не съедят ее, то они останутся голодными — а это оставляло очень мало шансов самой женщине.

Вскоре она скормила хищникам последнего херсу.

— Вот и все, друзья мои, — Анжа привыкла к своему эскорту и разговаривала с кисуну довольно регулярно. Она с болью посмотрела на покрытые льдом поля. Полгода... Это оказался гораздо более долгий период, чем она ожидала. Если нет никакого разнообразия, день за днем, полгода превращается в вечность. — Вот и все...

Далеко на западе завеса облаков раздвинулась. Анжа было собралась отвернуться от яркого солнечного света, потому что его обещания были пустыми и надежда в этой пустоте была мучительна. Но когда свет заплесал по бесконечным льдам, Анжа напряглась и застыла на месте: она увидела вдали то, что уже давно покинуло ее воображение.

Затем облака сомкнулись над головой, и горы снова слились с привычной серостью.

Женщина поняла, что дрожит.

— Хаша... — прошептала она и в этом почти забытом имени была связь с людьми, на встречу с которыми она уже не надеялась. Они ждут ее там, вместе с дерлетанцами, растянувшись вдоль подножий гор, чтобы поприветствовать Анжу там, где она появится. Горы находились в пределах видимости — и, тем не менее, за пределами надежды. Кисуну не позволят ей туда добраться, и даже если бы они ее покинули, Анжа сомневалась, что смогла бы пройти такое расстояние пешком и без еды.

«Неужели ты прошла весь этот путь, чтобы теперь сдать-ся? — спросила она себя. — Вспомни, что дело не в твоей жизни, о которой ты не просила, но в возмездии, которым ты жаждешь насладиться. Помни, что все, что имеет значение сейчас, — это выполнение порученной тебе миссии. Тогда влиятельные люди вынуждены будут расплатиться с тобой. Этого ты хотела с самого начала».

Кисуну наблюдали за женщиной.

Представители ее расы будут ждать в горах с провизией, вот в чем заключалась самая горькая ирония. Недолгий путь на запад — и она сможет кормить этих хищников, пока они не лопнут. Если бы ей только удалось дать им понять это!

Анжа мысленно потянулась к стае и снова коснулась чего-то настолько чужеродного, что не смогла удержать контакт, и инстинктивно отстранилась.

«Нет».

Она сжала зубы и попыталась снова. На этот раз женщина коснулась души кисуну и ухватилась за нее. Чужое сознание нахлынуло на нее, и Анжу затрясло от натуги при попытке удержать контакт. Затем внезапно контакт прервался.

«Проклятье!» — выругалась она.

Будет труднее, чем казалось. В Институте тренировали определенные инстинктивные реакции и вводили их в телепатическое подсознание. Одна из них, дисциплина определения, автоматически отрезала Анже доступ к сознанию кисуну. Намерения у Института были благие: дисциплина преследовала цель вмешиваться каждый раз, когда телепат так погружался в чужое сознание, что начинал терять собственное «я», или когда телепат дотрагивался до настолько чужеродного сознания, что любой контакт мог причинить ему вред.

— Но теперь-то мне от этого мало пользы, — пробормотала Анжа.

Ей придется победить дисциплину — а такого прежде не делал никто.

Женщина закрыла глаза и сконцентрировалась.

Анжа лиу не была зондом, она не могла работать с абстрактной мыслью без помощи визуализации. Не исключено, что зонд и смог бы вступить в контакт с кисуну без причинения вреда самому себе, впитать ментальные модели кисуну без необходимости получать более знакомые образы. Анжа лиу этого сделать не могла. Она также не могла предвидеть реакцию одного из этих существ на ментальное вторжение, подобное тому, которое она намеревалась начать. Если их разумы чужеродны для нее, то ее собственный в той же мере чужероден и для них.

«Но или так, или смерть», — мрачно напомнила сама себе Анжа.

Женщина целенаправленно открыла свое сознание, сняв всю естественную защиту, и не оставила ничего, что стояло бы между нею и предметом телепатического контакта. Затем женщина осторожно потянулась к уже знакомому кисуну.

И снова возникло чувство ожидания чего-то кошмарного, и, подобно падающей стене, нечто в сознании Анжи начало обрушать контакт. Она боролась. Сила сопротивления была огромной, но и воля женщины — не слабой. Вскоре она полностью утратила какое-либо осознание кисуну, захваченная внутренней борьбой за сознательное управление собственным телепатическим потенциалом. Анжа удерживала стену — привязывала сопротивляющееся животное — и затягивала петлю. Все эти образы мелькали в голове Анжи, пока ее не опрокинули на лопатки, но теперь она твердо знала, что достаточно сильна, чтобы сделать одну вещь, которую Институт пытался запретить навек, — попытаться совершить телепатическое самоубийство.

И снова Анжа потянулась к кисуну.

На этот раз ничего не мешало. Ее поразило осознание того, какую большую роль в недавнем сопротивлении сыграла ее подготовка и какую маленькую — ее личное нежелание делить разум с чужеродным существом. Сбросив с себя выученные навыки, Анжа сконцентрировалась на сознании хищника, как смотрела бы на новую границу, опасную и влекущую, смертоносную и очаровывающую — это был вызов, не больше не меньше.

Самка кисуну приветствовала ее.

Кисуну охотилась на ледяной равнине, лед мерцал так, как никогда прежде, источал жар и делился на крошечные кусочки, что схватывали ее желтые глаза. Через лапы кисуну Анжа смогла анализировать вибрации почвы. Лапы устали после долгого дня перехода на большое расстояние. Благодаря удивительно чувствительному обонянию кисуну определяла, что находилось вдали и насколько далеко. Органом, функцию которого Анжа не поняла, самка улавливала присутствие жизни и разделяла между съедобным и несъедобным, разумным и неразумным, причем различение происходило так легко, как азеанец разделял бы красный и зеленый цвета. Анжа не нашла чувства цвета самого по себе, только разную интенсивность инфракрасного излучения, благодаря ему перед ее глазами раскинулся поразительно разнообразный пейзаж, удивительное место, где лед мерцал оттого, что на него ступали, и тела становились белыми, когда их постигала смерть.

Анжа не стала делиться собственными чувствами с кисуну. Ее смущало их малое количество. Как она могла называть это место скучным, место, столь чудесное? Разве небо здесь монотонное? Теперь оно имело разнообразную плотность и излучало разные степени тепла, и было таким же богатым для ее кисунских чувств, как закат для человеческих глаз. Разве планета одинаково холодна? Сенсорные нити в белом меху видели, а также и чувствовали малейшие перепады температур, и тепло присутствовало в бризе, прохлада в неподвижном воздухе, волны энергии накатывали от любого теплокровного существа, которое ели, или сопровождали, или с которым спаривались.

Анжа уловила голод кисуну и сразу же вспомнила о том, что им необходимо пообещать сытный обед. Как приятно будет снова почувствовать себя сытой, не только восстановить силы, но и ощутить экстаз поглощения живительного тепла, наблюдать за тем, как оно проходит по всему существу. Собственное тело Анжи стало прозрачным в ее видении — и женщина представила, как разделит бесконечное удовольствие трапезы с товарищами по стае. Какая связь может быть такой сильной во вселенной и какой мир — столь подходящим для заселения?

Укутанная в меха женщина, которую Азеа послала на Дерлет, неподвижно сидела на льду, на холодной белой равнине, окруженная кисуну. Она перестала следить за своим обменом веществ, и он замедлился до ритма системы кисуну. Ее руки безвольно повисли, глаза были закрыты, словно ничего, что она могла бы увидеть или до чего дотронуться, никогда больше не будет иметь значения. Женщина оставалась неподвижной и молчаливой.

В отдалении солнце поцеловало планету. Такое тепло, хотя и недолгое, вызывало болезненные ощущения у обитателей Дерлета. Те, кто видел, как это тепло прорывается сквозь облака, отворачивались от него и радовались, когда оно уходило и возвращалась спокойная обыденность, позволявшая наслаждаться уточненной красотой их мира.

У западного края огромной заснеженной равнины, в пределах видимости ограничивающих равнину гор, стоя из тридцати пяти кисуну сидела беззвучно. Одно за другим животные поднимались и поворачивались на запад. Затем, словно

бы единое существо, вся стая направилась к горам под густой шапкой облаков над Дерлетом. Им потребуется много дней, чтобы туда добраться. Но кисуну могут долго бежать, довольствуясь малым количеством еды, и обладают огромным терпением. Итак, стая каждый день все ближе подходила к подножию гор... где их, предположительно, ждали ино-родцы.

Солнце на мгновение осветило ледяное поле.

Это раздражало, но очень недолго.

* * *

Ивре вер Иште устал ждать.

Он находился на этой скучной планете с тех пор, как молодая студентка Академии взвалила на себя обязанность исполнить местную традицию. Это было... когда? Половина местного года назад? Почти три стандартных года по крайней мере.

Дерлетанцы не позволяли ему послать самолет, чтобы тот низко пролетел над ледяными полями. Таким образом вер Иште хотел следить за продвижением молодой женщины. Но поскольку Дерлет следовало мирно включить в состав Империи, а не покорять, желание аборигенов было законом. Более того, из-за особенностей плотной атмосферы вер Иште не мог считывать сигналы о присутствии жизни в снегах и поэтому не имел надежной информации. «Она должна быть где-то здесь, — обычно говорил кто-то из дерлетанцев и показывал на карте. — Если она все еще жива».

Самым неприятным было чувство, что директор Звездного Контроля убьет его, если придется отвечать за исчезновение молодой протеже Торжи.

Периодически разнообразные представители местной жизни близко подходили к западным горам. В таких случаях внутри вставленного в ухо вер Иште устройства раздавался сигнал тревоги, и он спешил к месту возможного контакта. Затем местные существа обычно проходили дальше на юг или на север, или поворачивали назад, на восток, а вер Иште так и оставался ждать. Как и в ту ночь.

Сигнал тревоги резко зазвонил и пробудил его от беспокойного сна.

— Да! — пробормотал он. — Что там?

— Сектор пять, посол, — пришел ответ. — Похоже на стаю кисуну. Крупные хищники.

— А наш агент может быть среди них?

Он почти видел, как на другом конце пожали плечами.

— Вы просили сообщать вам каждый раз, когда какое-либо существо приближается к горам.

— Да, знаю, — вер Иште уже вставал. — Я сейчас приду.

Сектор пять — не близко. Впервые побывав в районе западных гор, он посчитал их красивыми: бледные скалы и расселины, временами матовые, временами блестящие в зависимости от снегопадов, но если увидел одну белую от ледников гору, то видел их все. А вер Иште смотрел на них уже почти три года.

Один иллюминатор запотел в личном транспорте по пути к сектору пять, и вер Иште не думал, что пропустит что-то существенное.

— Что-нибудь прояснилось? — спускаясь на твердую землю, спросил он.

— Да, это на самом деле стая кисуну. Крупные особи, молодняка нет, — агент из этой секции протянул ему распечатку. — И там есть нечто, не являющееся кисуну.

Вер Иште резко поднял голову.

— Все может быть, сэр, — тихо сказал агент. — Они бегут прямо сюда.

Жива. Только бы Анжа перебралась через ледяные равнины живой! Какой бы урон этот переход ни нанес ее телу, Азеа сможет его излечить, какой бы урон ни нанес ее сознанию, специалисты по настрою экстрасенсорных навыков справятся. Все, что от нее требуется, это лишь вернуться живой...

Один из дерлетанских аборигенов, также находившихся на этом посту, помахал вер Иште.

— Вот отсюда, — крикнул он, издав ряд монотонных звуков, которых дерлетанцы называли языком, — можно их увидеть.

Вер Иште взобрался туда, где стоял абориген, на последнюю высокую точку у границы плоских равнин. Да, определенно, вдалеке что-то двигалось.

— Это стая кисуну... — начал он.

— Они не забегают в горы, — заверил его абориген. — Они всегда остаются на равнинах.

Вер Иште воспринял новость со значительной долей скептицизма. Три года на Дерлете научили его многому. Теперь он мог оценить, сколько местные проводники на самом деле знают об этих хищниках — и не говорят.

Они приближались быстро, белые на белом. Теней тут не было, и с определенных углов зрения при правильном освещении они оставались невидимыми на блестящем поле.

— Сколько их? — пробормотал вер Иште.

— Тридцать шесть, — сказал ему местный агент. А затем, еще раз проверив, добавил: — И один из них — человек. «Слава Хаше!» — облегченно подумал посол.

Теперь они стали ясно видны, и, если приглядеться повнимательнее, вер Иште мог различить отдельных животных. Каждый был равен по высоте человеку и даже больше, тела были тяжелыми, лапы тонкие, но очень мускулистые.

— Это нормально? — спросил он дерлетанца. — Нечто вроде эскорта...

Аборигены не ответили ему. Они упали на колени.

Теперь вер Иште мог ее видеть, крошечную фигурку, она, пошатываясь, бежала, поддерживая скорость всей стаи. Она бежала неровно, ее движения свидетельствовали о перенесенных страданиях. Разумеется, есть какие-то повреждения. Первым его порывом было кинуться ей навстречу. Вторым сработал инстинкт самосохранения, который удержал вер Иште на месте.

— Анжа лиу... — прошептал он.

Она приблизилась к подножию гор и начала с трудом карабкаться вверх. Теперь, увидев ее лицо, вер Иште понял: это лицо незнакомки. Оно смертельно побледнело, женщина, казалось, постарела лет на двадцать. Ее глаза светились жесткостью и небывалым огнем, что нельзя было принять за человеческий.

Анжа остановила на вер Иште взгляд, и ее глаза встретились с его глазами. В них ясно читалось страдание, и вер Иште только догадываться мог, насколько оно велико. Ее щеки ввалились от голода, вокруг глаз — темные круги. Если бы он решил представить себе Смерть, то она вряд ли выглядела бы так плохо.

Казалось, Анжа борется с собой, стараясь вспомнить природу человеческой речи.

— Накормите их, — наконец прошептала она.

— Анжа лиу...

— Накормите их, будьте вы прокляты!

Вер Ишту поспешно подал знак своим агентам, и они бросились за мясом для хищников.

— Я... обещала им, — Анжа с трудом произносила каждое слово, словно ей трудно мыслить как человек. Она посмотрела на стоящих на коленях дерлетанцев. — И вам следует... — она запнулась.

Агенты вернулись с кусками мяса и бросили их кисуну. Голодные животные подождали, пока им не отдали все приготовленное мясо, а затем, как и было у них принято, разделили его на тридцать шесть порций. Последнюю они оставили, когда уходили, каждый со своей справедливо заработанной долей, в поисках уединения среди ледяных полей для всей стаи, с которой каждый разделит радость еды.

Женщина не шевелилась, пока они не ушли. Она также не хотела, чтобы к ней приближались. Только когда кисуну исчезли из виду, она сделала шаг вперед, слабо, словно собиралась присоединиться к человеческой компании, но у нее не хватило сил взбираться дальше. Вер Иште направился к ней, он частично бежал и частично скользил и успел подхватить Анжу в падении.

Как только он дотронулся до нее, то понял, что не так.

— Клянусь Первороденной, — пробормотал вер Иште и вместо того, чтобы поднять ее, как собирался, сел рядом и обнял Анжу. Она сопротивлялась, как стало бы делать дикое животное, но только мгновение. Затем, тихо заплакав, Анжа спрятала лицо в длинном мехе его шубы и в ужасе прижалась к мужчине, ища поддержки.

Вер Иште какое-то время держал женщину в объятиях, чувствуя, что ей это нужнее, чем еда или тепло. А она все крепче и крепче прижималась к нему, пока дальше уже стало некуда. Анжа отчаянно впитывала суть человека из него, наслаждалась его близостью, пытаясь восстановить свою связь с человечеством. Медленно, постепенно, плач испуганного животного, вырывавшийся из нее, стал человеческим

рыданием; слезы, которые не проливают кисуну, потекли из глаз и тут же замерзли.

И мир снова стал серым.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

«Никогда не преуменьшайте искусность человека в разработке плана собственного разрушения».

Харкур

*Кайм'эра лорду Затару, из семьи Зарвати,
сыну Винира и К'сивы, от Старейшин Холдинга*

Старейшины с уважением напоминают вам, что от чистокровного браксана на протяжении жизни требуется зачать четырех чистокровных детей. В то время как мы понимаем, что вы все еще молоды, ваше вовлечение в военный проект заставляет нас рассматривать вариант невозможности для вас насладиться полной жизнью браксана. Поэтому мы настаиваем, чтобы вы как можно скорее решили вопрос своей репродуктивной обязанности. К данному письму прилагается список чистокровных браксанских женщин, которые еще не родили положенное им количество детей. Мы надеемся, что вы рассмотрите эту просьбу в свете ваших военных интересов и внесете свой вклад в поддержание численности и таким образом преумножите силу нашей расы.

* * *

Браксанская усадьба на Карвики протянулась на много акров богатой земли, которая казалась сочно-пурпурной в свете заходящего солнца. Основное здание представляло собой странную смесь традиционного браксанского (или нововарварского, как его называли некоторые критики) и местного стилей.

Затар долго рассматривал его перед тем, как приблизиться. Оно раздражало его, но он не мог точно понять, почему. Многие браксаны проектировали дома так, что они включали иностранные элементы (его собственный склонялся к алдоусанскому), но стиль Главной Расы всегда доминировал.

Но не здесь. На первый взгляд казалось, что здесь использовалось стекло: сияющее, хрупкое, розового и голубого тонов. Из него сделаны узоры между блестящими каменными арками. Но как было известно Затару, это не настоящее стекло и не современный заменитель, а ауракамень, встречающийся на этой планете. Если смотреть изнутри, то он преломляет красный солнечный свет, создавая калейдоскоп многочисленных звездных фрагментов. Красиво... но уязвимо. Затар как воин испытывал неприязнь к любому дому, который защищали такие хрупкие стены, но узрев их, не удивился. Для такого владельца дом выглядел вполне подходящим.

Он посмотрел на письма, которые привез с собой, одно было распечаткой послания Старейшин, которое он так часто теребил в руках, размышляя над содержанием, что пластик, в который ее закатали, значительно истрепался. Второе было посланием Йирила, которое Затар подержал в руке немного дольше, рассматривая в свете гаснущего солнца.

«Кайм'эра Затар, это означает то, что ты думаешь. Делай выбор осторожно.

Кайм'эра Йирил, лорд и Старейшина».

Затар спрятал письма под тунуку и направился к главному зданию. Это дало ему время насладиться местным закатом и сопровождающими его тенями цвета крови. Когда он проходил мимо, рабочие падали на колени и касались головами земли в типичном для Карвики жесте почтения.

«Да, — подумал он. — Есть преимущества в том, чтобы покинуть саму Бракси».

Дверь открылась до того, как Затар ее коснулся. Он улыбнулся, оценив точный расчет времени. И его улыбку заметил охранник, который его впустил и униженно поклонился.

— Кайм'эра Затар, сын Винира и К'сивы, — представился гость. — Я хотел бы поговорить с госпожой Л'реш.

— Госпожа дома, — ответил абориген на довольно приличном браксинском. — Пожалуйста, заходите и присаживайтесь, я пока сообщу ей, что вы здесь.

Затар кивнул и последовал за ним в Дом через вестибюль и в одну из комнат для посетителей. Она была уютно меблирована в смеси карвикийского и браксанского стилей, на

этот раз местный стиль бросался в глаза меньше. На полу лежали толстые подушки с вышитыми карвийскими геометрическими узорами. Там также имелся очаг, который с трех сторон окружали низкие деревянные столики с инкрустацией. На одном стоял золотой графин и двенадцать таких же кубков, причем каждый по ободу украшали гелиотропы с Раска. И, конечно, в эти минуты последние лучи заходящего солнца проникали сквозь ауракамень в золотых узорах, которым были застеклены окна. Лучи испещрили комнату неведомыми письменами. Затару нравилась игра света и тени, а также разнообразных цветов, и он размышлял о редкости подобных украшений в Центральной Системе. Там эта комната считалась бы переговорной, поэтому в ней отсутствовали бы окна и находилось бы минимальное количество предметов, способных отвлечь внимание. Здесь декор больше располагал к удовольствиям, чем к политике. И Затар признался себе, что ему это очень нравится.

— Лорд Затар. Ваше посещение — честь для меня.

Стоявшая в дверном проеме женщина выглядела привлекательно — как и все браксанские женщины, — но тип ее красоты казался необычным для Бракси. Она естественно, приветливо улыбалась, и если и собиралась оскорбить гостя, не произнеся его политического титула, по выражению ее лица этого сказать было невозможно.

— Могу ли я предложить вам вина? — спросила она. Когда Затар кивнул, женщина подошла к низкому столику, склонилась над ним и наполнила кубки.

Он с удивлением заметил, что вино голубого цвета, но здесь нельзя было быть уверенным в истинном цвете из-за преломления лучей. Затар сел рядом с женщиной, и она предложила ему кубок на выбор. Он с удовольствием отметил, что подушки не только привлекательны, но и удобны. Но, увидев Хозяйку, он не мог представить, что могло быть по-иному.

— Добро пожаловать в мой Дом, — церемониально произнесла Хозяйка, а затем махнула рукой, приглашая: пей!

Затар слегка поклонился и выпил с искренним удовольствием. А ее присутствие приносило ему даже большее удовольствие, чем он ожидал — от приятной внешности до естественной нежности самых легких движений. К такому образу он не привык.

— Я, конечно, не ожидала увидеть вас здесь, — сказала женщина, слегка улыбнувшись, — но посещению лордов из Центральной Системы и с Бракси всегда рада, и ваш визит — не исключение. Позвольте ли вы мне предложить вам что-нибудь еще?

— Пожалуйста, — позволил кайм'эра.

Затар наблюдал за Л'реш, за тем, как она подозвала слугу и отдала приказы, которые не выглядели приказами благодаря лингвистической технологии.

— Этот мужчина будет доволен, если ему принесут еду... — произнесла она.

На мгновение кайм'эра задумался: кто служит Символическим Доминантом у нее в Доме, выполняя роль Хозяина, и какие между ними сложились отношения. Дома, принадлежащие женщинам, всегда очень осторожно балансировали на социальной лестнице.

Л'реш вновь повернулась к гостю. Ее лицо светилось, как бы освещенное солнцем.

— Если вы скажете мне, что вас привело сюда, через такое расстояние, не дело, я буду рада. Конечно, я ни за что вам не поверю. — Хозяйка повела мягким плечом.

В эту секунду падавший в комнату свет, вероятно, попал на какой-то предварительно установленный механизм, поскольку золотой луч с потолка зажег огонь в центре помещения, из очага выметнулись языки пламени такого же цвета, как луч. Определенно, очаг сбрызнули какими-то ароматическими веществами: когда он горел, по холодному воздуху помещения распространялся нежный запах духов.

— Прелестно! — признал Затар.

Л'реш опустила глаза, принимая комплимент. Какая она странная, насколько не-браксанка! Язык тела, который он привык ассоциировать со своим народом, в ней молчал. Вместо него присутствовали раскованность и легкость, абсолютно чуждые традиции. Тем не менее, ведь в Социальных Кодексах нет ничего, что требовало бы излишней серьезности? Даже ее манера одеваться, хотя и технически браксанская, показывала большую независимость, чем обычно допускается центральной традицией. Руки, которые подлили ему вина, скрывали серо-сизые замшевые перчатки, а поверхность туники такого же цвета была с мягким ворсом. От-

существовали обычные высокие браксанские сапоги с резко очерченными линиями, вместо плотно прилегающих брюк из черной кожи женщина надела мягкие леггинсы такого же серого цвета, а чуть-чуть заостренные носки обуви соответствовали по цвету и слегка выглядывали из-под широкой штанины. Черный цвет присутствовал только на поясе — он притягивал внимание к тонкой талии — и воротнике, который благодаря контрасту подчеркивал белый цвет кожи Хозяйки. Густые черные волосы рассыпались по плечам, вились и казались бархатными в свете огня. Затару, привычному к более грубому центральному стилю, женщина эта показалась поразительной, экстравагантной и необыкновенно хрупкой.

— Все словно чужое немного, — заметил он.

— Но милое? — осторожно спросила Л'реш.

— О, да. — Он отпил вина и нашел привлекательной его удивительную легкость. — Очень даже!

— Карвики преуспели во многих областях, в частности, в области пищи и украшения дома. Я думаю, что одно из преимуществ проживания далеко от Центра Холдинга — это возможность попробовать что-то на самом деле неизведанное. Вы так не думаете?

— Одно из преимуществ, — сказал Затар и осмелился спросить: — Именно это и побудило вас покинуть Бракси?

Он перешел на более сексуальный речевой режим, и, возможно, именно это заставило женщину отвернуться от него, словно что-то, что она увидела в его глазах, ее обеспокоило. Л'реш выдавила из себя смешок. Но в нем отсутствовала спонтанная легкость прошлого смеха и речи.

— Я не была в достаточной мере браксанкой для того, чтобы жить в Центре. — Она начала произносить предложение в основном режиме, а завершила в режиме отрицания, словно говоря: то, что стоит за этими словами, не обсуждается, это нежелательная тема. — Я находила существование там лишь продлением неинтересных мне политических маневров, а центральных браксанов — не более, чем рабами своей политики. — Женщина встретила с гостем взглядом, и ее выражение определенно говорило: то есть мужчин типа тебя. — Я оставалась столько, сколько потребовалось, а затем стала искать лучшее место. — Л'реш наклонилась над столом, приблизившись к Затару, расслабленно и уютно. —

Здесь я — богиня. Местные жители меня обожают. Я даю им повод гордиться только лишь тем, что живу здесь. Стал бы чистокровный браксан селиться на Карвики, если бы эта планета не была чем-то лучше других? И я думаю, что в том и заключается наш имидж — справедливая награда за всю социальную чушь, с которой приходится мириться. Но здесь все отлично. Мне не нужно каждую минуту доказывать, что я в большей мере браксанка, чем кто-либо. Эти люди воспринимают мое расовое превосходство как должное. И они делают все, чтобы удовлетворить меня — все, что угодно, — она торжествующе улыбнулась. — Мне это нравится.

Вошел слуга, поклонился и поднес Затару яство на золотом подносе.

— Хвост сиха, сваренный в кипящем масле секвы, — объявил он. По поведению слуги было ясно, что он служит Хозяйке больше из привязанности и благоговейного трепета, чем просто за деньги. — Карвикийский деликатес, лорд.

Затар взял длинную тонкую вилку и подцепил кусочек морской твари, хорошо сдобренной специями. Он попробовал его, смакуя, затем кивнул. Словно это сигнализировало принятие угощения, Л'реш кивнула слуге, и он поставил поднос на стол.

— Очень необычно, — не без удовольствия молвил Затар.

— Большинство вещей на Карвики кажется таким человеку из Центра, — женщина наклонилась вперед и остановилась, словно подбирая нужные слова для того, чтобы выразить свою мысль.

— Пожалуйста, говори свободно, — попросил кайм'эра.

— Хорошо, лорд Затар. Почему вы приехали сюда? Я уже сказала вам... — она зачастила. — Я ненавижу социальные игры вашей планеты. И я не умею в них играть. Поэтому, пожалуйста, ближе к делу, объяснитесь, наконец...

Он опустил вилку и внимательно посмотрел на Л'реш. Если раньше у Затара и оставались сомнения относительно этого шага, теперь, после личной встречи, они исчезли.

— Если я должен... — начал он, но прервался и продолжил более мягким тоном. — Я приехал просить тебя об Уединении.

Было трудно сказать, чего в ней тогда было больше — удивления, злости или страха, однако миг спустя исчезло все,

кроме удивления. Осторожно подбирая выражения и держа себя в руках, Л'реш ответила:

— Я родила четырех ныне живущих детей.

— Я знаю.

— А ты знаешь, что это такое? Ты хотя бы представление имеешь о том, какая это боль? — в ее голос прозвучали нотки страдания и злости. — Ты знаешь, что такое терпеть эти женты, ждать, жить с упрямой надеждой, не зная наперед, получится ли? Мужчины о таких вещах не знают *ничего*, Затар! Я — Старейшина. Я родила четырех детей ради Холдинга. Что заставляет тебя думать, что я снова добровольно пойду на это?

Он знал, что это не в его интересах, но тем не менее возразил:

— Возможно, я забыл, что ты заработала титул также легко, как забыла мой.

— Очень хорошо, *кайм'эра*, — рявкнула Л'реш и, выпустив пар, вновь обрела над собой контроль. — Ты прав, прости меня! Тот факт, что мужчины, занимающие такое же положение, как ты, постоянно раздражали меня во время моих лет на Бракси, — не повод отрицать твое право числиться в их рядах. Тем не менее еще об одном Уединении не может быть и речи, и ты не в силах переменить это. Определенно, ты должен был знать, что получишь такой ответ. Зачем тогда проделал такой путь?

— Моя семья не подвержена чуме, — тихо сказал он, используя основной речевой режим, однако добавил сексуальный подтекст, обозначая, что она привлекает его, независимо от предложения, сама по себе. — Вероятно, ситуация ухудшилась из-за кровного родства моих родителей. Я думаю, ты понимаешь, что если меня вытягивают с войны, чтобы зачать ребенка, то я хочу, чтобы он был таким, у кого есть шанс выжить.

— Это единственная причина?

— Разве ее недостаточно?

Ее глаза словно говорили: «Давай выкладывай все. Никаких игр».

Очень хорошо.

— Мне нужно Уединение рядом с Военной Границей, — пояснил *кайм'эра*.

— И поэтому ты приехал сюда? Неправильное направление ты выбрал, кайм'эра.

— Женщины из Центральной Системы не могут себе позволить уехать на большое расстояние от своих Домов так надолго. Я искал женщину, Дом которой сможет функционировать в ее отсутствие — как может функционировать твой — и способную родить крепкое дитя за разумно короткий период времени. Я работаю среди простолюдинов, Л'реш. Если я брошу работу на Границе и увлекусь женщиной, они не поймут. Сила браксаны не должна подвергаться осмеянию. Как произнесенному вслух, так и произнесенному. Если я позволю женщине мешать моей деятельности на Границе, то вполне могу вернуться на Бракси и полностью забыть о войне.

— Я не пожелаю этого никому, — сухо сказала Л'реш. — Но ты молод. Почему ты сейчас занимаешься этим вопросом?

— Старейшины «предложили», — злоба, мелькнувшая в его голосе, подтвердила одну из догадок Затара: хотя Л'реш и Старейшина, с ней не посоветовались. — Большинство из них, вероятно, хотят видеть меня в безопасности на Бракси, где могут за мной следить.

— И другие браксаны отправлялись на войну, — заметила женщина.

— Но никогда не находились в гуще сражений. Представляли собой этикие обособленные острова. Но лишь само появление на войне добавляло браксанам славы, они участвовали в разворовывании одной или двух планет, а потом триумфально возвращались на Бракси. Никогда не вступали в контакт с людьми, что им служат, или с планетами, что от них зависят. Центральные Старейшины бояться за свой имидж, Л'реш, бояться того, что может случиться, если один из них день и ночь станет жить среди простолюдинов. Отправлявшиеся на войну браксаны также были молодыми людьми, желавшими сделать себе имя. Но никогда в войне не участвовал тот, кто уже обладал значительной властью. Кайм'эра — никогда. До настоящего времени. Они чувствуют, что это для них угроза. Они пытаются давить на меня и заставить вернуться к гражданской жизни, которая, как они думают, должна меня удовлетворять.

— Значит, снова политика. Как они смеют! Неужели у нас недостаточно проблем в выполнении наших обязанностей? Зачем делать продолжение рода орудием политиканов?

Даже их оружием? — Л'реш изумленно покачала головой. — Твои слова, как никакие другие, уверяют меня в правильности моего решения, когда я покинула Бракси, и я этому рада.

Затар улыбнулся, определенно его позабавила мелькнувшая в сознании мысль, и достал узкую бутылочку из-за пояса.

— В гневе ты кое о чем напомнила мне, — приободрился кайм'эра. — Я принес тебе подарок.

— Взятку? — игриво переспросила женщина.

— Браксана берут взятки, как справедливую дань; только дурак платит перед тем, как торгуется, — Затар открыл пробку и вылил содержимое — густое, золотистое, светящееся — в один из кубков. — Я подумал, что стоит привезти тебе попробовать кое-что из того, что может предложить Центральная Система. Я буду рад, если ты примешь мой подарок!

Л'реш подняла глаза; длинные темные ресницы ее напоминали крылья птицы. Затару пришло в голову, что он никогда не видел женщины, столь привлекательной для него.

— Что это? — тихо спросила она.

— Ликер из Центральной Системы, — Затар бросил пузырек в огонь, и он, потрескивая, расплавился. — Редкий и дорогой. Подходящее приношение?

Л'реш сделала маленький плоток из кубка, смакуя тонкий букет.

— Сладко, — одобрительно сказала она.

— Центральные вкусы.

Затар хранил молчание, пока Хозяйка не закончит дегустацию. Л'реш радовалась, что ей не нужно ничего говорить, а можно просто получать удовольствие. Один раз она удивленно посмотрела на Затара, словно ей пришло в голову, что он может подмешать в ликер наркотик и усыпить ее, но мысль была просто смехотворной. Чего кайм'эра может добиться за одну ночь, за которую еще и придется платить после того, как Л'реш выдвинет против него обвинения? Наконец, она допила ликер, поставила кубок на стол и медленно отодвинула.

— Затар, я... я... не могу, — вымолвила она. — Мне жаль, что тебе пришлось проехать огромный путь только, чтобы это услышать. Но то, что ты просишь, просто невозможно.

Затар провел по ее щеке пальцем в черной перчатке и почувствовал, как она дрожит.

— Твои черты будут унаследованы сыном, Л'реш, и он родится красивым.

— Я не могу, кайм'эра, пожалуйста... — женщина оттолкнула его руку, но слишком медленно, с явной неохотой. — Я выполнила свой долг давным-давно, чтобы уехать подальше и наслаждаться свободой.

— И ты даже не понимаешь значимости того, что говоришь! Л'реш, есть женщины, которые проводят всю жизнь, пытаясь выполнить норму. Тебе еще нет пятидесяти, и ты уже все сделала! Четыре оставшихся в живых ребенка из восьми зачатых! Я хочу сделать это нормой для нашей расы.

— Это не мое дело, — слабо возразила Л'реш. Затар довольно отметил, что в ответ на использование им сексуальных речевых режимов она в конце концов применила такой режим сама. Желание...

Он придвинулся ближе и, когда женщина не отодвинулась, притронулся к ней, затем обнял и притянул к себе. Она была теплой и хрупкой и дрожала, когда он поцеловал ее.

— Нет, — прошептала Л'реш.

Затар снова потянулся к ней, и она внезапно отпрянула.

— Нет. Я отказываюсь. Это мое право чистокровной браксанки. Прости. Я отказываюсь, — но глаза у нее были на мокром месте, и голос дрожал. — Пожалуйста, отпусти меня!

Затар не заходил дальше, но также и не отпускал ее. Он понял, что его первая догадка оказалась правильной.

— Л'реш, — мягко сказал он с таким сочувствием, на какое только был способен его родной язык. — Сколько времени прошло с тех пор, как ты была с мужчиной?

Женщина задрожала сильнее, но не предприняла новых попыток вырваться.

— Есть и другие удовольствия, — сказала она, помедлив.

— Ты знаешь, что я имею в виду.

— Ты не понимаешь, — она опустила глаза. — Я чуть не умерла во время родов, Затар. Какое удовольствие стоит смерти?

— А что за жизнь без удовольствий? — кайм'эра начал снимать перчатки и, хотя Л'реш знала, что это подразумевает, но ничего не сказала. — Иногда в Центре Холдинга удается достать ликер, вкус которого так сладок для женщин, что они получают удовольствие, о котором раньше не смели и мечтать.

Она обеспокоенно посмотрела на него.

— Именно его ты и дал мне?

Затар прикоснулся ладонью к ее гладкой щеке, очень нежно, наслаждаясь касанием открытой кожи.

— Контрацепция, — тихо произнес он.

Ее глаза округлились.

— Ты собираешься сказать мне, что это незаконно, а я собираюсь ответить, что знаю это, — медленно произнес кайм'эра. — Ты хочешь напомнить мне про смертную казнь? Я уничтожил единственное доказательство.

— Как... — Л'реш все еще пребывала в шоке от его откровений.

— Нет ничего нелегального, для поставки чего не нашлось бы поставщика, и нет ничего, что не мог бы достать браксан. Неужели ты думаешь, что мы на Бракси можем себе позволить терять наших любовниц во время бессмысленных родов и тем более — терять наших детей? Мы не такие варвары, хотя и играем подобные роли.

— Это рискованно?! — выдохнула Л'реш.

— Риск есть, — Затар поцеловал ее долгим и сладким поцелуем, наслаждаясь ее ответом. Если он догадался правильно, в женщине годами копилась жажда. — Скажи мне «нет», и я уйду, — предложил Затар.

Она только крепче прижала его к себе. Все потонуло в молчании, слова были не нужны, за них говорила страсть.

* * *

Его разбудило восходящее солнце.

Затар медленно встал, крайне осторожно, чтоб не задрожала кровать, на которой они очень быстро оказались, — или, точнее, плетеное приспособление, которое у Карвики сходило за кровать. Кожа на лице была стянута и будто высохла, и лорду пришлось в голову, что он не смыл вчерашнюю косметику. Затар тихо поискал в комнате очищающее косметическое средство, намочил им тряпочку, лежавшую рядом с инкрустированной драгоценными камнями бутылочкой, и стер остатки белил с лица.

Л'реш пошевелилась, проснулась и посмотрела на него большими темными глазами.

— Ты уезжаешь? — мягко спросила она.

— Я должен, — Затар снова намочил тряпочку и подал женщине. — Мне нужно возвращаться на войну.

Л'реш закрыла глаза и позволила Затару стереть краску со своей кожи. Навряд ли белила вообще ей были необходимы, лицо было также бледно.

— Мне хотелось бы, чтоб ты не уезжал, — прошептала женщина.

Затар поцеловал ее.

— Мне тоже, — сказал он. Сожаление было искренним.

Затем Л'реш притянула его к себе и на короткое сладкое время война перестала иметь значение.

Красное солнце поднялось выше и его свет вначале приблизился, потом омыл их обоих. Довольный Затар какое-то время лежал на спине, откладывая разговор о том, с какой целью приехал к Л'реш. Затем он встретился с ней взглядом. Женщина подперла голову рукой и наблюдала за лордом, и выражение ее лица говорило, что Хозяйка знает, о чем он думает.

— Однажды мне пришло в голову, как поразительно глупо мы поступали, — тихо сказал Затар. — Природа гарантирует плодovitость. Способные к деторождению существа производят потомство. Бесплодные существа не производят. А мы, самодельные боги, осквернили этот закон.

Л'реш взяла его руки в свои; разве есть прикосновение более чувственное, чем это?

— Четверо детей, — задумчиво произнес он. — Не меньше. И ни при каких обстоятельствах не больше. После того как чувство долга удовлетворено, женщины нашей расы находят альтернативы рождению детей. Точно четыре отпрыска на человека, двое и, надо надеяться, не больше, умирают от чумы, может, еще один — на войне. Если бы мы просто дали природе идти своим заведенным порядком... — он сжал ее руку. — Но тогда наш вид бы закончился.

Л'реш кивнула и опустила глаза. Затар был прав, и было больно признавать это.

— Если не заставлять тех, у кого возникают проблемы с выполнением обязанностей... — тихо произнесла она.

— То мы определенно вымерли бы. Теперь мы сильнее и многочисленнее, нет необходимости поддерживать такую политику. Нужно подходить к этому по-другому, — Затар погладил лицо женщины, провел рукой по ее волосам. — Здесь

на кон поставлено больше, чем мое собственное удовлетворение. Я не хотел этого говорить, но это так.

— Тогда почему ты не хотел говорить?

— Потому что мы — эгоистичные люди, и польза для всего нашего класса, предположительно, не должна перевешивать удовольствия отдельного человека.

— А-а, — тихо произнесла Л'реш. — Еще одна центральная традиция.

— Боюсь, что это браксанская традиция, — Затар взял ее за подбородок и повернул лицом к себе, чтобы женщина взглянула на него. В уголках глаз прятались слезы. — Роди мне ребенка, Л'реш. У меня есть планета рядом с Военной Границей, более чем подходящая для человеческого обитания. Я построю тебе Дом, равный этому, и пришлю тебе мастеров со всего Холдинга. Я дам тебе в тысячу раз больше красоты и удовольствия на Границе, чем может предложить любое другое место. Роди мне живого ребенка, и я обеспечу тебя контрацептивными средствами до конца жизни.

Это был подкуп. Как долго Л'реш страдала, как отчаянно мечтала найти решение? Готова ли она еще раз рискнуть собственной жизнью, чтоб более полно жить всю оставшуюся?

Хозяйка отвернулась, ее мысли витали где-то далеко и через минуту нерешительно кивнула.

— Если останешься на вторую половину дня, — прошептала Л'реш. В ее голосе послышался намек на плач.

Кайм'эра подумал, что это было лучшее предложение, чем можно передать любым речевым режимом.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

«Если человек понимает приоритеты окружающих, то может их вести. Если ему это не удастся, то самые лучшие в мире намерения не купят ему людскую преданность».

Харкур

Ветер бросал пыль ей в глаза. Анжа лиу Митете ждала.

Ее лицо не было лицом молодой женщины, хотя она все еще оставалась молодой. Глаза Анжи горели силой и целе-

устремленностью, но никогда не лучились теплом. Морщины на лице говорили о горечи и злости, и если бы она улыбнулась, то появившиеся легкие морщинки вокруг глаз не легли бы на уже имевшийся рисунок.

Она не была симпатичной. И несимпатичной — тоже. Женщину окружал ореол властности, как человека, привыкшего командовать, причем такой мощный, что у наблюдателя возникали трудности с оценкой ее физических данных. Анжу нельзя было не заметить.

Она также прекрасно владела собой и теперь использовала это умение. Как и все браксаны, она научилась скрывать эмоции. Если она волновалась, то только в душе, никто не мог сказать сейчас, что она боится.

Так и должно быть.

Когда трап опустили, Анжа глубоко вдохнула местный воздух перед тем, как подняться в транспорт. Ей было неприятно находиться на поверхности планеты, она чувствовала себя неуютно от все новых и новых воздействий природы. Ее фобия усиливалась с каждым годом, несмотря на все попытки с ней справиться. Поэтому Анжа с большим удовольствием поменяет пыльный угрожающий воздух планеты на контролируемую людьми атмосферу боевого корабля.

Боевого корабля? Того самого боевого корабля!

Внутри транспорта люди обращались к ней вежливо, и она удержалась от замечаний, что ей не нужно объяснять, какие меры предосторожности необходимы. Женщина вежливо улыбалась, когда ей объясняли, как работает стабилизатор, прикрепленный к ее койке, они посчитали ее настолько глупой, что она даже позволила пилоту лично проверить установку стабилизатора. Анжа поменяла положение стабилизатора только после того, как пилот ушел.

Больше не нужно ждать. Стоило ей лечь на койку, и крошечный транспорт поднялся с поверхности планеты. Анжа закрыла глаза и наслаждалась ощущениями, когда они взлетали с планеты и удалялись от нее. Положение койки, установленное ею, ослабляло ощущения, но не сводило их к нулю, как было бы при установке стабилизатора пилотом. Это давало Анже почувствовать, что она на самом деле оставила планету. И ощутить, как страх смолкает внутри нее, ожидая следующего повода выйти на поверхность.

Теперь у нее наконец-то есть время подумать. Возможно, впервые за два стандартных года. Возможно, Анжа просто не смела думать. Нахлынули воспоминания, а с ними и злость. Образы: первый помощник командира корабля ти Ваша требует перевести его на другое место работы. «Я не стану подчиняться чужестранке!» — кричал он. Были и другие стычки, не такие драматические, но не менее раздражающие. Анжа два года командовала «Истребителем» и так и не завоевала расположение экипажа. Это имело значение? Она пыталась убедить себя, что только реальные сражения имеют какую-то ценность, но ей это не удалось. Сражений было мало, и между ними проходило долгое время. Тот факт, что Анжа привыкла быть одна, не ослаблял боль от услышанных ею разговоров, что велись шепотом, или знания, что они предназначались для ее ушей. Она — чужая. И это факт.

Она могла бы забыть все в радости битвы, но обстоятельства складывались не в ее пользу. Анжа не являлась старшей по званию, а потому не обладала властью принимать тактические решения. Она была вынуждена подчиняться приказам мужчин и женщин, и, хотя они и служили гораздо дольше Анжи и имели больше наград, определенно уступали ей во всем. Они были столь консервативны в выборе стратегии, что Великая Война, в коей Анжа мечтала сражаться, практически проходила мимо нее.

До сего дня.

Когда транспорт покинул окружающий планету атмосферный слой, подключились генераторы и в целях безопасности добавили искусственной силы тяжести. Анжа поднялась с койки и взяла папки, что ей послала Торжа. В них содержалась детальная информация о ее новом назначении, начиная от технических характеристик корабля до экипажа. Анжа отложила технические характеристики в сторону. «Завоеватель» нельзя было точно описать на бумаге, и Анжа уже слышала легенды о нем. Этому кораблю не было равных в азеанском космическом флоте и среди браксинских кораблей до того, как «Сентира» вернется в строй. Со дня постройки он был способен на большую маневренность, большой сенсорный охват и более точную стрельбу, чем считалось возможным для боевого корабля. А с тех пор его еще и усовершенствовали. Командовать таким судном мечтали многие.

«Но почему я?» — в тысячный раз спрашивала себя Анжа.

Она размышляла не только о том, насколько правильно назначить на командный пост человека со столь чужеродной внешностью, да еще и на такой корабль. В тридцать Анжа оставалась лишь ребенком; офицеры «Завоевателя» служили на корабле со времени ее рождения, если не дольше. И командиры сменялись на нем с тревожной скоростью и регулярностью.

Анжа достала бумаги и заново прочла. Ли Даште подал в отставку после одного года службы. Вер Буелл выдвинул обвинения против первого помощника за неподчинение, а затем ушел с поста командира, когда помощника оправдали. Эр Пирджаре находится в сумасшедшем доме на Икне. Еще пять командиров теперь служат на других кораблях, один и вовсе ушел из флота.

Проблема заключалась в экипаже. Неподчинение или эксцентричность, или и то, и другое — по коротким отчетам не представлялось возможным определить точно. Звездный Контроль во многих случаях делал выговоры, но не обладал реальной властью исправить проблему. Офицеры «Завоевателя» очевидно проявляли осторожность, в точности подчиняясь приказам. Послужной список корабля был выдающимся, что поражало, в особенности учитывая разногласия в командном центре. Но у экипажа «Завоевателя» не доставало одной важной детали: не было командира, который мог бы с ними справиться. Именно поэтому Торжа и назначила Анжу?

Одно за другим она заново просматривала личные дела. Мужчины и женщины, что поступали в ее подчинение на «Истребителе», являлись профессиональными солдатами: офицеры, сделавшие войну своей профессией потому, что это у них хорошо получалось, летчики, избравшие военную службу потому, что она давала самую лучшую летную подготовку, какую можно получить, техники хотели заработать идеальные рекомендации. Офицеры «Завоевателя» относились к совсем другой породе. Вначале это не было очевидно. Требовалось долго и напряженно искать, чтобы найти причину, но когда до Анжи дошло, что именно она нашла, она понимающе кивнула.

Те, кто отдавал приказы, являлись детьми войны, как и она сама. Их воспитывали офицеры, им с детства рассказы-

вали об оружии и тактике, фактически они впитали это с молоком матери и во время бесед за домашним столом — так же, как и Анжа за первые шесть лет своей жизни. Эти люди жили войной и дышали войной, как не мог ни один из гражданских. Война смешалась с их кровью, иногда и полностью заменяя кровь. В дополнение к этому большинство понесло потери в результате Великого Противостояния — отцы, матери, любимые, друзья, коллеги... Бракси украла у них того или тех, кого они ценили больше всего, и эти люди жаждали отмщения. В таком случае их поведение становилось понятным.

Анжа снова перечитала характеристики и начала понимать, что произошло. Командиры корабля сталкивались с проблемами каждый раз, когда попадали между экипажем и их общим врагом. Командиры сталкивались с препятствиями, если отдавали преимущество протоколу... А это люди с «Завоевателя» начисто отрицали. И они знали, как избавиться от таких командиров. Все было продумано, соблюдалась тщательная осторожность. Если надо, они могли довести командира до сумасшествия, при этом не отказываясь в открытую выполнять приказы и соблюдать устав. В одном случае командир уже попал таки в сумасшедшей дом.

Улыбка, первая за много лет, сделала ее лицо менее суровым, менее непреклонным.

«Я понимаю», — подумала Анжа.

В кителе хранилось письмо от Торжи. Женщина не открывала его, не было необходимости. Анжа знала короткий текст наизусть и могла повторить по памяти, в особенности последнюю строку: «Преуспей, и я не буду задавать вопросов».

Это было обещание, которое требовалось Анже, если она завоюет этих людей на свою сторону.

— Командир?

Анжа собрала свои вещи и встала, чтобы последовать за приставленным к ней членом экипажа. Ее задумчивость, казалось, вдохновила его на молчание. Хорошо. Иначе он мог бы начать объяснять Анже, как функционирует переходной шлюз.

Снаружи дрожали и рассеивались защитные поля. Транспорт вошел в док, и поле «Завоевателя» восстановилось,

теперь окружив оба корабля. Когда открылась дверь и выдвинулся трап, Анжа решилась.

И вышла.

Теоретически, палуба «Завоевателя» должна была оставаться свободной от любого хлама, чтобы на высокого гостя могли произвести впечатление ее блеск и пустота. Но транспорт окружали четыре истребителя, готовые к битве. Это являлось легким нарушением традиции Звездного Контроля, но не устава. Нет, правила ничего не говорили о том, что можно здесь держать, только что палуба должна быть без единого пятнышка и производить впечатление. И она, определенно, впечатляла.

Присутствие истребителей можно было воспринять как оскорбление: «Ты не достаточно важна, чтобы ради тебя можно было отложить работу». Но Анжа подумала, что это означает как раз обратное; экипаж, вероятно, перевел сюда истребители ради нее. Это вызов? Она улыбнулась украдкой. Из того, что Анжа поняла о характере здешних офицеров, это выглядело типично.

Анжа слегка кивнула, одобряя этот жест, и двинулась по рампе навстречу экипажу.

Один из заместителей, вероятно старпом, вышел поприветствовать ее:

— Добро пожаловать, командир! — Осторожные, скрытые мысли сопровождали ритуальный поклон: «Думаю, не стоит опасаться, что эта будет, как другие». — Зейне ли Теноре, старпом.

Значит вот он какой, ее первый зам, человек, который будет отвечать за выполнение ее обязанностей, когда Анжа отдыхает или — упаси Хаша! — будет выведена из строя. Боевой корабль — это мир в миниатюре, и командир — его губернатор. Другие заместители могут ограничиться одним или парой аспектов войны, но она и ли Теноре отвечают за все, от развертывания боевых сил во время сражения до тысячи и одной малейшей детали жизни на борту, которые занимают людей, пока они не воюют. Темные, яростные мысли затуманили сознание помощника, но его враждебность не касалась Анжи. Это было подобием ее собственной ненависти, направленной на Бракси.

«У нас общая цель», — подумала она.

Старпом повел ее вдоль шеренги офицеров и представил каждого. Замы по безопасности, артиллерии, навигации, технической части. Их мысли были одинаковыми. Мрачные люди, угрюмые, жесткие, с одними и теми же взглядами на жизнь, с мечтами, пахнувшими смертью. Вероятно, они приводили в ужас предшественников Анжи. Теперь она могла понять, почему другие командиры слепо придерживались устава. Он обещал возможность управлять в мире, который они не понимали, на корабле, полном чужих, непонятных людей. Азеанское сознание было ровным, рациональным, приятным. Эти мужчины и женщины оказались слеплены из другого теста, воины в браксинском смысле этого слова. Один за другим они пришли на «Завоеватель», и нашли там соратников, с такими же ценностями и такой же страстной ненавистью. Ни одному командиру не позволялось ломать этот порядок.

В самом конце строя немного в стороне стоял мужчина, в гражданской одежде, с обручем на рукаве, свидетельствующем о его занятиях: Тау эн Шир, врач, но не военный. Торжа спасла его от скорой смерти, когда он пытался положить конец своим несчастьям, подав заявку на разрешение самоубийства. Эн Шир видел, как его любимую убивали во время атаки браксинцев, медленно и ужасно, и не мог справиться с воспоминаниями — и своей лютой ненавистью. Но Торжа спасла его. «Вот мое оружие, — сказала она, показывая на Анжу. — Эта женщина поставит врага на колени». Тау назначили ее личным врачом, единственной обязанностью его было изучить чужеродные черты ее тела и разума и держать их в полном порядке, чтобы Анжа могла полностью раскрыть свой потенциал. Их глаза встретились и эмоции доктора выплеснулись на Анжу, словно пощечина, наотмашь. Печаль слилась с надеждой, и появилось совершенно новое чувство: преданность. Анжа насладились этим моментом и только потом поприветствовала его. Такого отношения к себе она никогда раньше не испытывала, и ей стало неловко.

— Буду рад служить вам, — спокойно сказал Тау абсолютно искренне.

— Что прикажете, командир? — спросил Анжу первый заместитель, а мысли его были дерзки: «Будем куковать здесь

всю вечность, разводить бессмысленные церемонии, как обязывают традиции? Ты этого хочешь?»

— Отправимся в путь! — резко произнесла Анжа. — Мы должны сражаться в Великой Войне! — Ответные мысли экипажа звучали одобрительно. — В пути будет достаточно времени для церемоний.

Она их покорила — или покорит, и очень скоро.

Наконец-то Анжа нашла свой дом.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

«Война — это огонь, который закаляет человеческие души».

Харкур

После того как основное сражение закончилось и единственными кораблями в пределах видимости остались те, что были помечены идентификационными кодами Холдинга, Первый Меч Сезал позволил себе прямо отсканировать окружающую Пустоту. Из сознания, в которое были вживлены специальные имплантанты, его импульсы пошли наружу — вначале к ряду контактов, что уютно расположились вокруг головы, затем к компьютеру и множеству сканеров, наконец — в саму Пустоту.

Сезал не увидел звезд, он летел слишком быстро, оставляя позади медленно вращавшуюся вселенную. Тем не менее Пустота не была пуста. Фотоны прорезали ее темный простор, и, хотя их не мог заметить человеческий глаз, компьютер регистрировал их и переводил в сенсорные образы, пронесившиеся перед глазами Сезала. Таким образом Сезал видел свет там, где свет не мог существовать, и другими органами чувств улавливал свечение, что несет в себе Пустота, переведенное в знакомые ощущения. Газы и пыль, остатки прохождения корабля-меча... Он пробовал их на вкус, нюхал и наслаждался тем, какими они казались родными, знакомыми. Затем Сезал сконцентрировал внимание на составе остатков, и его компьютер провел анализ. Да, это был след — след, который он искал. По нему нужно идти, и победа окажется полной.

Сезалу потребовалась минута, чтобы передать сообщение на «Сентиру». «Вражеское наступление нейтрализовано, — информировал Сезал командира Херека. — Разрушены десять азеанских кораблей-мечей, осталось три. Преследую оставшихся». Он привел сигнал в соответствие с курсом «Сентиры» и отправил его. Теперь ему нужно следовать выбранным курсом и отлететь подальше перед тем, как до него дойдет ответ. Сезал точно знал, что Херек ответит — прикажет ему возвращаться назад, где безопаснее. Поэтому Сезалу требовалось выйти из контактной сети «Сентиры» до того, как Херек ответит.

Он в последний раз посмотрел на своих пилотов: нетерпеливы, но соблюдают дисциплину, держатся ровно, не нарушая формирования, они знают правила игры не хуже Сезала и горят желанием броситься на врага. Он одобрительно кивнул, вызвал гипотетическую матрицу компьютера и заставил прогнать набор возможных вариантов отступления противника. Так, вот этот... Сезал установил курс на перехват и ввел его в бортовой компьютер. Один, два, три пилота подтвердили получение его сигнала — теперь они пойдут в автоматической связке, — и последним приказом было: «Вперед!» Корабли набирали скорость...

...и выходили из зоны действия связи. Так, это поступает сигнал Херека?

«Прости, командир, но я никаких приказов не получал» — подумал Сезал, злорадно ухмыляясь.

Свободен!

Он вздохнул с облегчением, когда узкие, как лезвия, корабли-мечи проходили через контактную периферию «Сентиры», вырываясь на свободу сверхсветовой ночи. Корабль Сезала шел первым, будто клинок сквозь тонкую вуаль, и быстро поглощал следы врага ради собственного удовлетворения. Скорость, курс, защита... Выбросы остатков топлива космического корабля дают богатую информацию, и Сезал соответствующим образом настраивал вектор своего полета.

Видно, азеанцы не ожидают погони. Это хорошо. Таким образом их будет легче поймать. Да, конечно, только дурак пустится в такое преследование, когда дичь отступает полным клином. Слишком велика опасность оказаться внутри контактной сети азеанцев, внезапно очутиться в радиусе дей-

ствия орудий флагманского корабля. Это кошмар, преследовавший лучших пилотов, и реальность, которая слишком часто забирала жизни выскочек; поэтому азеанцы имели все основания предполагать безопасное возвращение. Но эта уверенность и делала их уязвимыми, и Сезал был не тем человеком, кто позволит себе упустить такую возможность.

— Рассчитанное время до контакта сканеров: три шесть ноль, отсчет пошел, — скомандовал он.

Это *если* он правильно рассчитал перехват, *если* азеанцы продолжают придерживаться такого курса, *если* они вначале не доберутся до корабля-базы. «Не думай об этом!» Слишком много «если», но Сезал был уверен в себе. Компьютер рассчитывал для него время и передавал подсчеты пилотам. Ускорение, совсем немного; напряжение компенсационных систем, но не такое большое, чтобы с ним нельзя было справиться. Затем медленно, настраиваясь на скорость вражеских кораблей (предполагаемую скорость, поправил он себя), которые теперь должны находиться в радиусе действия...

— Вот они! — воскликнул Сезал.

Пилоты резко увеличили скорость, соблюдая построение, с профессиональной четкостью, выработанной многолетней практикой. Двенадцать против трех — это должно означать быструю победу, если удача не отвернется от них. «Никогда не следует забывать про этот фактор», — напомнил себе Сезал, нацелившись на ближайший корабль противника. Три азеанских корабля оказались в радиусе действия его сканеров — не больше. Сезал вздохнул с облегчением. Пока никакого усиления, и если он и его люди сработают достаточно быстро, то никто не придет на помощь врагу. Значит, чем быстрее они начнут, тем будет безопаснее.

Его люди разделялись на группы для атаки, по группе на каждого из азеанских беглецов. Сезал занял положение среди ближайших кораблей-мечей, и получилось пятеро против одного. Отлично! Они наугад открыли огонь, синхронизированный компьютером. Такой беспорядочный огонь не проанализировать, следовательно, противник не может точно сказать, когда он вновь начнется. Поскольку корабль-меч становится уязвимым в момент выстрела, такие выстрелы наугад, без определенного порядка, обеспечивали их безопасность.

Первому азеанцу нужно или уйти от своих противников на большей скорости, или умереть — и первое он не мог сделать, потому что их подразделение проследит за ним.

С мрачным удовлетворением Сезал смотрел, как другие его корабли стреляли по своим мишеням, и сам подключился к артиллерийскому обстрелу. Внешнее силовое поле противника отражало, что могло, начало поглощать остальное... и наконец взорвалось яркой звездой, когда его защитный генератор после перегрузки сдался.

Одного сбили. Без потерь. Время уходит... нехорошо. Сезал вызвал гипотетическую матрицу и задал ей задачу насчет неприятельского корабля-базы. «Где он вероятнее всего находится — каковы шансы столкновения?» Аппарат ответил набором вероятных курсов, которые основывались на предыдущих отчетах разведки, выбранных искусственным интеллектом, и общей оценкой шансов немедленного перехвата.

Двенадцать процентов.

Нехорошо. Совсем нехорошо. Сезал подумал, не повернуть ли назад, и решил этого не делать. Они не зашли настолько далеко, чтобы теперь сдаться... Но такой фактор риска — двузначное число! — считался плохой новостью. Сезал быстро уточнил положение пилотов и с удивлением обнаружил, что третье подразделение потеряло свою цель. Очевидно, главный в группе азеанский корабль оказался более опасным, чем предполагалось: два из кораблей-мечей Сезала повреждены, третий отступил, его защитное поле вывели из строя. Но как?..

Ответ воина всегда прост: это не важно. Любой, кто рискует пойти в атаку, рискует стать уязвимым в какой-то момент. Это часть игры по имени война, правила ее все солдаты понимают. Хорошая стратегия помогает тебе выжить, правильный расчет времени бесценен, но всегда есть фактор удачи — и, казалось, теперь удача на стороне третьего азеанского корабля.

Четырнадцать процентов. Сезал постарался о них не думать. Так, что там у второй команды? Их жертва слабеет, теперь долго не продержится. Опять назад к третьему подразделению, потравить ускользающую дичь. Странно, азеанец будто бы поворачивает назад. Возможно ли это? Да, на помощь гибнущему товарищу. Безнадежное дело!

Или не безнадежное? Сезал вывел данные курса азеанца, нахмурился, попробовал снова. Этого не может быть! Физика — это физика, есть вполне определенные ограничения: известно, как быстро корабль-меч способен снизить скорость, насколько резкий поворот он может выполнить... и азеанец бросал вызов им всем.

У Сезала все похолодело внутри, и этот холод все нарастал. Он отправил предупреждение второму подразделению. Слишком поздно: азеанец выстрелил и попал по одному из его кораблей, как раз когда упало внешнее поле корабля-меча. Боже мой! Чистое попадание по орудийным портам! Сезал приказал пилоту уйти с дороги, слишком много кораблей на небольшом участке могло создать проблемы с перекрестным огнем. Но десятеро против двух все равно дают достаточно хорошие шансы на победу браксинцам — или нет?

Он обнаружил, что уверенность вдруг покинула его.

Сезал пристроился в хвост противнику, но не делал попыток анализировать его движение, просто следовал за ним. Действия вражеского корабля были осторожными, точными... но необъяснимыми. Люди Сезала не могли по нему попасть! Они открывали огонь, но цели не оказывалось на ожидаемом месте, азеанец уже сдвинулся, сбавил скорость — сделал нечто непонятное — и их тщательно сфокусированная энергия улетала в Пустоту. Сезал шел по следу, наблюдая за битвой, в ней корабли-мечи отчаянно пытались добраться до второго азеанского корабля, и сам ничего не предпринимал, пока не почувствовал — сработало воинское чутье — наступило время действовать.

И он выстрелил.

И небеса объял белый свет, Пустота превратилась в поле ослепительно сверкающего великолепия. Его сканеры перегорели. На мгновение Сезал ослеп — имплантанты отрезали его внутреннее видение — но затем снова взял под контроль и корабль, и себя самого, и к тому времени, когда его сознание прояснилось, Сезалу уже удалось увеличить расстояние между собой и врагом.

Да будь благословенна эта удача! Сезал быстро оценил повреждения: все сканеры выведены из строя, все внутренние системы работают на пятьдесят процентов мощности...

правда, контактная сеть все еще функционирует и защитные поля не повреждены. «Могло быть хуже», — сказал он сам себе. Через несколько секунд Сезал смог подключиться к полемому дисплею другого корабля-меч, таким образом получил иллюзию действия сканеров. Но это было недостаточно, чтобы снова включиться в бой: искажение слишком мешало.

Как, именем Ар, азеанцу удалось так по нему ударить?

Риск контакта дошел до шестнадцати процентов; время почти истекло. Сезал наблюдал за тем, как третий азеанец уклонялся от любых попыток достать его, даже попал по одному из браксинцев, когда корабль-меч открыл огонь. Будь он благословен! Они этот корабль не собьют — это было ясно — без детального анализа, что именно происходит внутри того корабля.

А что касается второго азеанца... Вот это совсем другое дело. Его защита уже ослабела и даже пока Сезал просто наблюдал, его люди сделали очень важный выстрел. Прямо по корпусу генератора. Силовое поле свернулось, создало направленную взрывную волну, которая пошла внутрь, и корабль разорвался на великолепный фейерверк из тахионов — сверхзвуковых частиц. Два корабля неприятеля сбиты.

Теперь браксинцы могли сфокусировать всю свою энергию на третьем корабле.

Но даже когда Сезал планировал атаку, последний вражеский корабль вышел из радиуса действия, резко увеличил скорость и пошел по направлению к своему кораблю-базе. Шанс контакта с кораблем-базой, если они последуют: девятнадцать процентов, как сказал компьютер, и будет только хуже. Если браксинцы вообще смогут следовать за азеанцем. У Сезала появились сомнения на этот счет.

Если ему предоставлялся выбор, он предпочитал сражаться — но только идиот пойдет на такое преследование, не изучив врага. Этот последний азеанский корабль, казалось, функционировал, бросая вызов коэффициенту Хейера, но с этим не разберешься в гуще сражения. Сезалу требовался полный анализ движений корабля, все данные, зафиксированные сканерами. Их можно будет собрать и проанализировать только когда он вернется на «Сентиру».

С сожалением — и довольно поспешно — Сезал приказал пилотам поворачивать домой.

* * *

Командир соединения Херек был энергичным и беспокойным человеком, и его живость часто переходила границы допустимого. Внешне он представлял собой странную смесь человеческих черт, словно каждая из Разбросанных Рас, имея возможность добавить что-то к его генетическому прошлому, выбрала самую отличительную черту, которую добавила к его внешности. Таким образом его рост — типично алдоусанский — подчеркивался четкими пропорциями тела вританца, а тонкие черты лица лайссанца отмечались неровным загаром жителей пастбищ Туколта.

Человек этот производил впечатление и был опасен. Он снова начал ходить взад и вперед по помещению, которое преодолевал за семь больших шагов, от стены с мониторами до компьютеризированного пульта, что контролировал и звездную карту, и доступ в библиотеку. Херек молчал, задумавшись (несомненно, об отчете Сезала) и поскольку следующие слова командира скорее всего должны были быть ругательными, Сезал не горел желанием провоцировать командира и дальше.

— Ты взял с собой одиннадцать кораблей, я прав? — наконец спросил Херек. — И их атаку нейтрализовали. Отлично. Повреждения?

— Минимальные, — подавленно ответил Сезал.

Это не было похоже на командира. Он так занят другими вопросами, что забыл, чем обычно начинает разговор — а именно, критикует склонность Сезала покидать контактную сеть «Сентирь»?

— Корабли один, четыре, семь, двенадцать и двадцать в настоящее время находятся у техников. Кажется, повреждения локализованы во всех случаях.

Услышав, цифру «один», Херек остановился. Он посмотрел на Первый Меч, и брови его вопросительно изогнулись. «На тебя это не похоже. Чтобы сражение принесло потери? Немыслимо!» — было написано на лице командира. Сезал покраснел.

— Расскажи мне об азеанце, — велел Херек.

Сезал покорно рассказал о необычных возможностях третьего корабля — о его ускорении, маневренности, точном

расчете времени, что производила команда. Больше всего Сезала беспокоило последнее, потому что, хоть никакая машина и не может с точностью определить, когда враг будет уязвим, все равно азеанцы будто *знали*, когда такой момент настанет и вовремя его использовали.

Командир в ответ мрачно кивал.

— Так, давай подведем итог, — сказал он, когда Сезал закончил.

Херек повернулся к компьютеру, объединяющему данные сканеров истребителей «Сентирь» в один образ. Быстро вывел информацию на дисплей.

Невидимые во время сражения звезды теперь отразились на мониторе. Они двигались медленно, плавно, по мере того как смещался взгляд наблюдателя. Теперь в космической мгле проявились истребители, их очертания становились все яснее и определеннее, — поскольку в общий файл поступали данные со всех бортовых компьютеров. Наконец, все имеющиеся данные загрузились, и Сезал получил возможность их изучить.

Да, отличие было. Это стало видно сразу же. Изменен корпус генератора и очевидно изменена структура оружейных портов. Другие отличия, менее заметные человеческому глазу, выдавал компьютер, представив статистические данные в углу экрана. Изменения в корпусе корабля, перенастройка главной передачи... Список разворачивался перед взором, вначале изменения и перенастройки, которые были точно определены, затем — только вероятные, что сопровождалось приблизительными цифрами.

— Хейер рассчитал для нас оптимальное равновесие высокоскоростных истребителей, действующих в Пустоте, почти десять тысяч лет назад, — тихо сказал Херек. Также подумал и Сезал: если знаменитый коэффициент можно улучшить, почему для этого потребовалось столько времени? — На протяжении многих лет мы свели число кораблей-мечей к минимуму. Корабли включали лишь корпус, оружие и оборудование, необходимое для работы. На борту нельзя было разместить ничего, что не являлось абсолютно необходимым или для полета, или для выживания. Ничего! Так где же они осуществили перемены? Или нашли новый способ полностью обойти коэффициент Хейера — возможно,

нашли другую переменную, которую можно ввести в центральные уравнения? Мне это не нравится. Мне это совсем не нравится.

Сезал согласно кивнул. Лучшая маневренность требовала больше гравитационной компенсации, а та в свою очередь требовала большего генератора, который увеличивал массу корабля и таким образом ограничивал маневренность... Оптимальный баланс между всеми этими элементами был известен столетиями. Если бы имелась какая-то возможность для улучшения уравнений Хейера, то или Бракси, или Азеа открыли бы это уже давным-давно.

— Мне нужен полный анализ, — заявил Херек. — Гипотетический и дедуктивный. Прогони схему движений этого корабля через открытую матрицу и посмотри, что предложит компьютер. Не упускай никаких возможностей! На какое-то время предположим, что коэффициент все еще действует, — добавил он. — И азеанцы сбросили что-то из внутренней части. Если требуется, разбери корабль на мелкие части, пока не найдешь набор предметов, масса которых подтвердит изменения, которые мы здесь видим.

— Понял, командир, — подчинился Сезал.

— Теперь перейдем к другим вопросам. — Херек сделал паузу, и подчиненный увидел, что он напряжен, отметил осторожность, с какой подбирает слова командир. — К нам прибудет посетитель, — наконец сказал он, встретился взглядом с Сезалом и некоторое время не отводил глаз. Из-за необычной наружности Херек приковывал к себе куда больше внимания, чем прочие люди. — Лорд и наш командир.

— Из браксанов? — Сезалу потребовалось секунда, чтоб припомнить титул.

— Чистокровный. С правом появляться на флоте по желанию и возглавлять любое соединение. На этот раз подвернулся мой, — командир произносил это с горечью, но сухо и сдержанно. — Это назначение — не случайность. Это его собственная просьба. Боевым кораблем нашего гостя станет «Сентира», и все соединение будет подчиняться лорду. Как и все корабли-мечи.

Мысль о необходимости служить браксану разбудила в Сезале эмоции в странной, незнакомой комбинации. Негодование, нехорошее предчувствие, это он мог понять — но там

также присутствовал и страх, смешанный с благоговейным трепетом. Браксан — здесь?

— Чего он хочет? — ровным голосом спросил он.

— Кто знает? — равнодушно ответил Херек. — Может, развлечься. Покорить. Или жаждет власти. Чего они всегда хотят? Закон, что делает такие вещи возможными, не спрашивает о мотивах, только дает разрешение действовать.

Сезал чувствовал раздражение в голосе командира и сочувствовал ему. По традиции браксанский — чистокровный — лорд имел право поступать во флот в звании высшего офицера. Как лорд-командир он также принять командование любым кораблем, более того — управлять всеми кораблями, которые приписаны к этому боевому соединению. Заслуги командующих соединением не играли никакой роли, привилегии расы доминировали над опытом, благородная кровь Центрального Племена ставилась выше, чем целая жизнь, посвященная войне.

Обычно браксаны ограничивались менее важными фронтами — Квай, полоса Бенгеш — в надежде заслужить славу с минимальным для себя риском и приложив небольшие усилия. Часто они выбирали даже другие войны, битвы за расширение владений Бракси и покорение новых народов предлагали гораздо больше удовольствия браксанам, чем тяжелый и не приносящий зачастую никаких благ конфликт с Азеей. Лорды никогда не залезали в гущу боевых действий. И никогда не ставили свою неопытность во главе соединения, которому приходится идти на большой риск, и не заменяли командира, опыт которого был известен по всему Холдингу. До сего времени.

— Он займет ваше место? — спросил Сезал. Он старался контролировать эмоции: опасно ненавидеть Бледнолицых. — На сколько?

— На столько, на сколько захочет. — Херек стиснул кулаки, потом разжал их. Это молчаливо свидетельствовало о его ярости. — И ты понимаешь, что не должно быть никакого сопротивления. Ни с твоей стороны, ни со стороны твоих подчиненных. Браксаны платят за неподчинение смертью. А этот еще и кайм'эра, — со злостью добавил он. — Поэтому ко всему прочему нам еще следует учитывать и его право подвергнуть нас всех Смерти по своей Прихоти.

— Я думаю, офицеры не подвержены...

— Все подвержены! Как это может не касаться офицеров? Он — верховная власть, правящая Холдингом, Сезал, не забывай об этом. У него есть право убить любого, по любой причине, в любое время.

Херек вздохнул.

— Скажи своим подчиненным. Дай это ясно понять. Я знаю, что среди личного состава поднимется буря. Этого не избежать. Однако любое гневное проявление — высказанное вслух, невысказанное, это не имеет значения — может привести к потере людей. Мы не можем себе этого позволить. Сделай так, чтобы люди поняли!

«Если ты можешь контролировать свою ярость, а она должна быть немалой, то и мы сможем», — подумал Сезал.

— Как прикажете, — сказал он вслух. — Когда прибывает лорд?

— Транспорт должен доставить его на Ю'масте, где мы с ним и встретимся. Если все пойдет по графику, то через десять дней. О, Ар! — глаза командира, и без того узкие, теперь превратились просто в щелочки, так велик был его гнев. — Только браксан может приказать нам покинуть Границу на такой долгий период времени! — Командир говорил таким тоном, какой Сезал еще ни разу не слышал. — Могло быть хуже. Он — тактик, хотя никогда не бывал на боевом корабле, но, по крайней мере, знает правила. Конечно, если какие-то правила действуют для таких.

— А кто он такой?

— Публичное имя — Затар, сын Винира. И К'сивы, — добавил Херек, вспоминая имя. — Лорд, кайм'эра, а теперь еще и командир. И мы все должны себя вести соответствующим образом, пока он здесь. Постоянно. У браксанов есть способы узнать, что происходит, даже когда их нет рядом. Что касается твоих пилотов, я сам закрывал глаза на некоторые их выходы, но ожидать такого от браксана — чистое самоубийство. Они должны это понять.

— Согласен, — натянуто согласился Сезал.

— В конце концов он нас покинет. Тогда все вернется к обычному распорядку — если выживем, пока он нами командует. Мы не можем позволить себе ошибаться.

Сезал подумал: «Кого командир пытается убедить — себя или меня?»

— Конечно, — ответил Сезал. — Я понимаю.

Он сделает, что сможет, но принесет ли это какую-то пользу? Кто скажет, почему в первую очередь приезжает этот кайм'эра? Какие у него намерения, когда он вторгается в поле деятельности военных? Любые догадки бессмысленны, как всегда, — браксаны становились для Сезала загадочными существами, когда дело касалось причин их действий.

— Я прослежу, чтобы мои люди были подготовлены, — пообещал он.

* * *

День прибытия Затара не сулил для Херека ничего хорошего. Не только потому, что это был день, когда его сместят с должности, с этим фактом он уже смирился, заставил себя его принять. Это был просто один из тех дней, когда все идет не так, даже любая мелочь не удастся на корабле без его персонального внимания.

К тому времени, как им предстояло встретиться с ю'ма-стенским транспортом, терпение Херека дошло до предела, нервы начали сдавать. Если еще один командующий подразделением придет к нему с вопросом, с каким вполне способны справиться его подчиненные, то вполне возможно, что он сам на месте убьет этого человека. Настолько Херек устал от некомпетентности своих работников.

Он размышлял, как намерен справляться этот Затар, когда на него свалятся такие обязанности. Браксаны — это испорченные дети, и Херек подозревал, что этот браксан не особо задумывался, что стоит за званием командира, которого он так желает. Жирные свиньи! Он может забирать корабль и управлять им, и пусть Холдинг посмотрит, что произойдет, если избалованный господин благородного происхождения смещает одного из самых успешных браксинских командиров.

Но разум не позволял Хереку продолжать в том же духе. «Ты знаешь, почему он приезжает, — говорил внутренний голос. — Ты сам виноват».

Херек отказывался смотреть в лицо реальности. Если это правда, то вскоре он все узнает. Он был достаточно сердит, чтобы добавлять еще и эту вину на свой счет.

«А что будет с Клэй? Д'аргашем? Мусрии? Мы потеряем эти планеты?».

Сконцентрируйся на частностях: сотне деталей, о которых следует позаботиться перед прибытием непрошеного гостя. Разгрузи палубу, где будет происходить встреча, от всего груза, пусть каждый ее дюйм вычистят (вручную, если потребуется) пока она не станет столь безупречной, что пыль даже и не подумает там пристроиться. Браксаны любят показуху, очень хорошо, значит, нужно подготовить представление. Выстелим путь Бледнолицего черным ковром, уйма людей выстроится по обеим сторонам. Это для начала. Офицеры оденутся в парадную форму несущих службу на Границе. Это будет необычный выбор, поскольку Ю'масте находится в зоне стабильности, но все-таки командир имеет право выбрать именно эту форму. Резкий контраст черного и золотого больше подойдет для окружения браксана, чем угольная пыль и форма цвета хаки, обычная альтернатива.

И посмотрим, поможет ли это. Достаточно ли одной показухи для успокоения зудящего страха. Но ведь ты знаешь, почему он здесь, и это не имеет никакого отношения к тщеславию браксанов. Это относится к Гаррану и к власти, которую может использовать центральный лорд сверх воинского устава. А с Клэй, Д'аргашем и всеми другими... Что он с ними сделает?

Херек содрогнулся.

Нулевой день, нулевая десятая. Собралось десять тысяч человек, взволнованных, как и он, но по менее специфической причине — и они лучше это скрывают, как показалось Хереку. Потребовалось огромное самообладание, чтобы не сжимать кулаки и вытянуть руки по швам. Палубу вылизали до блеска, прием пройдет безупречно, осмотр без сучка без задоринки... но командир боялся. Боялся! Он, который бессчетное количество раз выступал против врага, командир соединения Херек, бич Границы! Браксан довел его до этого состояния, даже не ступив еще на борт корабля, что же будет после того, как браксана окажется перед ним, неуязвимый по праву рождения?

«Ты не знаешь, зачем он приехал, — сурово одернул себя Херек. — Ты только гадаешь. И можешь ошибаться».

Все выяснится довольно скоро. Транспорт прошел сквозь внешнее силовое поле «Сентирь», и затем и через внутрен-

нее, пока не оказался на блестящей, безупречной палубе. Пауза. Хереку показалось, что он слышит стук собственного сердца и ритм вовсе не был спокойным. Люк открылся, выдвинулся трап...

И вышел ОН.

Он был великолепен: описание не соответствовало истине, но лучшего Херек не мог выдумать. Тело человека, идеально развитое, суть воина во плоти. Дух Тазхейна, под личиной смертного, но метка бога все еще оставалась видимой. Командир никогда раньше не видел чистокровного лорда, и не мог представить, насколько это впечатляет. Всех присутствующих, в том числе и самого Херека. Неудивительно, что в некоторых мирах браксаны — полубоги.

«Он только лишь человек», — напомнил себе командир, раздосадованный благоговейным трепетом, который внушал браксан.

Лорд-командир подошел к нему, властностью дышало каждое его движение. Она присутствовала в том, как он оглядывал людей Херека, в манере держаться, ходить... Кого он мог не загипнотизировать? Хереку потребовались огромные усилия, чтобы сопротивляться силе этого человека, стоять перед ним гордо, как и следует командующему соединением.

— Лорд и кайм'эра Затар, добро пожаловать, — произнес он положенные в таких случаях слова.

Почти улыбка, не совсем кивок, черные глаза смотрели на него неотрывно, в их глубине невозможно было что-либо прочитать.

— Мои полномочия, — вымолвил Затар и протянул левую руку. Кольцо-послание идеально сидело на его указательном пальце, на нем виднелась метка Гаррана.

Ненавистный ритуал!

— Мой корабль в вашем распоряжении. Мое соединение — теперь ваше, — Херек поклонился.

— Ваши офицеры? — спросил лорд-командир.

Херек пытался не доверять словам Затара, просто исполнял то, чего требовали от него закон и традиции. Представлял людей: Гарол, сын Хедрека, начальник отсека пустотных вооружений, Хузал, сын Сезрета, начальник навигационного подразделения, Февал, сын Темака, командующий наземными силами. Херек представил их всех, людей, которые управ-

ляли «Сентирой», тех, кто сделали ее великой. И последним представил Первого Меча Сезала — тот воспринял представление со сдержанной враждебностью и большим дискомфортом. Сезал был невысоким и худым, как и все пилоты, и к его чести следует сказать, что перед браксаном он стоял горделиво, хотя присутствие такого крупного мужчины не могло его не подавлять.

— *Ваши* офицеры, — завершил представление командир. Затар кивнул.

— Мы немедленно идем прямым курсом на Границу. Хузал, проследите за этим.

— Слушаюсь, лорд! — поклонился навигатор.

— Как я предполагаю, командир, для меня были отведены каюты, — обратился лорд к Хереку. — С переговорной, как я просил. Отведите меня туда и мы обсудим детали моего пребывания здесь.

— Как пожелаете, лорд-командир!

— Продолжайте выполнять свои обычные обязанности, пока не получите других приказов, — кивнул Затар всем собравшимся, окинул их взглядом темных глаз, получив подтверждение от каждого. Затем повернулся и ряд за рядом оглядел солдат, в его глазах появилось удовлетворение. Казалось, он думал: «Вы — мои отныне». — Командующий соединением Херек?

С последним угрюмым поклоном завоевателю Херек сдал свои полномочия и повел браксана внутрь корабля — *своего* корабля — где трон его, заслуженный трон только что был разбит.

* * *

Переговорная, которую Херек отвел Затару, была лучшей из того, что он мог предложить. Куполообразный потолок покрывали плоские экраны, на которые выводилась звездная карта, аппаратура позволяла наблюдать за визуальными данными в бесчисленных форматах. Можно было позволить звездам проходить по небесам, появляясь из одной стены, пересекать центр комнаты и исчезать на другой стене; дать галактике наполнить комнату светом, в то время как различные созвездия появлялись по краям. Не было никакого слож-

ного образа, который не могла бы отразить установленная здесь аппаратура, и ни одного посетителя, которого бы она не удовлетворила. До этой минуты.

Древние браксаны отвергали технологию. Однако теперь они ею пользовались и она их не впечатляла. Комната — это нечто типа орудия труда, ничего больше, и Затар ясно дал понять, что потребуется больше, чем просто техно-архитектурное чудо, чтобы произвести на него впечатление.

Он посмотрел на Херека — казалось, оценивая его — а затем просто сказал:

— Вы знаете, зачем я здесь.

— Догадываюсь, — тихо вымолвил Херек.

— Скажите мне!

— Кайм'эра несомненно знаком с моим послужным списком. — «Как объяснить ему ситуацию и не вынести себе этим приговор?» — Мое соединение первым прорвало суранской фронт и мы вели атаки на Зеренкир и Фри. Наши территориальные завоевания в этом секторе были многочисленными...

«До недавнего времени, — добавил Херек про себя и внезапно прекратил перечисление, ибо из-за смущения у него комок встал в горле. — Ты ведешь себя как школьник, перечисляя свои заслуги в надежде оттянуть наказание. Или завоевать сочувствие?» — мысль эта вызвала у командира отвращение.

— Мои последние достижения... не являются такими впечатляющими. — «Разве нет лучших слов?» — Я уверен, что кайм'эра знает детали.

— Потери — странные и беспорядочные, необъяснимые, не имеющие оправданий, — начал Затар. — Потери при обстоятельствах, которые должны были гарантировать победу. Плюс победы, каждая из которых также великолепна, как те, которые мы привыкли от вас ожидать. И в этом и заключается проблема, командир Херек. Если бы это был ветеран, воин, переживший времена своего расцвета... Ну, есть способы решения вопросов в таких случаях. Но кажется, это не тот случай. Да, когда мы ищем результаты, вспоминая о вашей великолепной репутации, то часто испытываем разочарование. Но если начинаем искать доказательства увядания великого ума, то приходим в такое же отчаяние. Гарран

проработал все данные, связанные с вашим профессиональным ростом, и никакие компьютеры не смогли найти объяснения потерям в вашем соединении. Итак, я приехал сюда вести расследование, командир. Разбираться и с вами, и с обстоятельствами. Чтобы определить причину ваших последних неудач и принять необходимые меры для исправления проблемы. Военное Управление поступит в соответствии с моим решением. Вопросы есть?

Даже если бы он направил шокер на Херека, то не мог бы привести его в такое состояние. Херек потерял дар речи. Возможно ли, что браксаны, которые так быстро наказывают провинившихся, так слепы к понятию невинности, станут предпринимать усилия для спасения и его самого, и его репутации, вместо того, чтобы просто его заменить? Это было невероятно, он не мог этого понять. Херек боялся подобной конфронтации так долго, что перестал осознавать собственную ценность. Он мог только предполагать, почему Затар так беспокоится о нем.

— Как я могу вам помочь? — запинаясь, спросил Херек.

— Мне нужен доступ к вашим файлам — открытым, закрытым, тому, что вы отправляли на Гарран, и в особенности тому, что не отправляли. Готов поспорить: где-то на корабле есть информация, которая мне требуется для определения модели; ее нет в компьютере Военного Управления, поскольку ее, вероятно, подредактировали на этом конце. Мне нужны данные сканеров, общие отчеты, весь материал, который касается неудачных сражений. И также, неограниченный компьютерный доступ, чтобы прогнать аналитические программы. Это для начала. Мне хочется, чтобы вы также покопались в своей памяти, хотя это может быть и болезненно, я хочу пережить эти бои вместе с вами, пока не увижу вашими глазами, что именно произошло. Где-то есть ключ, который тактическое подразделение не смогло найти, мы должны его отыскать, если хотим понять, почему врагу удалось одержать над вами победу. А теперь расскажите мне о своих попытках. Вы исследовали возможность существования одного стратега, что придумывал и планировал большую часть ваших поражений?

— Да, лорд-командир, — с готовностью ответил Херек. Это был бы самый простой способ: идентифицировать спе-

циалиста, проанализировать его тактические преимущества и разработать план по их нейтрализации. — Азеанская система принятия тактических решений несколько хаотична, но мне удалось выяснить, кто и за что отвечал в каждом из сражений, о которых идет речь. Мне жаль, но здесь нет никакой общей тенденции.

Затар кивнул.

— Это соответствует результатам, полученным на Гарране. А что насчет шпионов? Информаторов? Утечка в вашей коммуникационной сети?

Херек исследовал все это, дошел даже до того, что отдавал ложные приказы в надежде управлять возможной утечкой и получить преимущество. Но пять полностью подготовленных боевых кораблей, которые встретили его недалеко от Юсудру, дали ясно понять, что это напрасный труд. Что бы ни делал командир, враг словно знал о его планах. Точно также, как странный азеанский корабль будто чувствовал, когда Сезал откроет по нему огонь...

Наверное у Херека был удивленный вид, потому что Затар окликнул его:

— Командир?

— Отчет моего Первого Меча... — начал, помедлив, тот. — Столкнулся с истребителем, которому удалось уйти, предвидя или предчувствуя атаку.

Разве не это происходило во время каждого из тех неудачных сражений — враг узнавал, каким-то неведомым образом, что Херек планировал сделать?

— Пожалуйста, продолжайте, — попросил его Затар.

— Это все. Это показалось Первому Мечу неестественным... — «Точно также, как и в остальных случаях». Херек посмотрел на браксана снизу вверх и сдался. — Да, есть модель. Но как нам определить ее источник?

— По одной проблеме за раз. А это столкновение пилота включено в вашу базу данных?

— Конечно. Вместе с общим анализом истребителя, о котором идет речь.

— Составленным...

— Первым Мечом Сезалом.

— Отлично, я хочу увидеть отчет — и Сезала. Вы это организуете?

Херек поклонился.

— Конечно, лорд. — Он наконец-то расслабился, впервые за много дней, — с тех пор, как командир узнал о скором прибытии Затара на «Сентиру». Напряжение ушло из тела, вернулись спокойствие и надежда. — Рад служить лорду-командиру.

— Да, — кивнул браксан. — И отлично!

Потребовалось время, чтобы комплимент дошел до сознания Херека, затем Затар добавил:

— Я не собираюсь вас терять.

* * *

Было трудно держать личный состав в своих руках.

Вначале они просто ходили угрюмые, время от времени на проявляли враждебность, но в целом все было тихо. А затем поднялась буря.

— Кто этот человек?

— Какое он имеет право сюда приезжать и брать на себя командование?

Сезал сам задавал себе эти вопросы. Но они оставались без ответа.

— И что вообще такое «командующий лорд»? Что, именем Ар, теперь собирается делать Херек? Прислуживать ему, кланяться в ножки? Кто будет держать в руках бразды правления, если нас атакуют, вот что мы хотим знать!

Херек и Затар постоянно совещались — делились записями и пытались разработать систему взаимоотношений, хотя вначале оба чувствовали себя неуютно. Пока еще не требовалось доводить информацию до сведения пилотов. Когда придет время сражаться, им скажут, кто и что должен делать. Разве не так?

— Это буржуй, благословенный бесполезный аристократ. Если его посадить в Пустоту, он сойдет с ума. Что он здесь делает?

Это были и собственные мысли Сезала, а иногда — и его слова. Трудно заставить людей замолчать, когда они говорят правду.

— Он прекрасно выглядит на плоском экране, но он когда-нибудь бывал на боевом корабле? Что, по его мнению,

должно случится, когда мы столкнемся с врагом? Он думает, все будут преспокойненько ждать, пока он проконсультируется с картами и графиками и что там у него есть еще? И будет по-прежнему отсиживаться в своей каюте?

Сезал мог только напоминать им, что Затар — из браксанов, он — их правитель и имеет право убить их всех, когда захочет. Это людей унимало, но лишь на короткое время.

Потому что они боялись. Не власти, а самого лорда Затара. Они сталкивались с ним в коридорах и людей поражал его идеальный образ. Они приходили в спортивный зал и видели, как он там работает, и шерстяной костюм лорда становится мокрым от пота, когда он упражняется без перерыва, и достигает результатов, о которых люди Сезала могли только мечтать.

В этом и заключалась суть проблемы. Затар играл на глубоко запятанных комплексах людей, заставляя их переоценивать себя, задумываться, кто они и что собой представляют. Они привыкли к тому, что военных ценят выше других, теперь же на верху социальной лестницы оказался кто-то новый. Они жили в мире без классовых различий; теперь, вдохновленные присутствием чистокровного лорда, некоторые вспоминали свое низкое происхождение и проклинали имя, что пробудило эти воспоминания. Они были сильными, независимыми людьми, но когда видели силу браксана, то задумывались о своей относительной слабости; когда они стояли перед ним, сама хрупкость телосложения, которая делала их успешными пилотами, казалась им постыдной.

Значит, требовалось проклинать лорда и снова и снова перечислять список его ограничений.

— Он никогда не участвовал в сражениях. Он не знает, как это — воевать. Он — богатый и испорченный лорд, только один раз взглянет на войну, подожмет хвост и отправится домой. Определенно никто и никогда не увидит его там, в Пустоте, где от врага тебя отделает одно силовое поле!

Если люди так выражали свои чувства, это давало им некоторое успокоение. Сезал понял, что не может заставить их молчать. Ему удалось только ограничить худшие из всплесков небольшими закрытыми отсеками. Отсеком пилотов, по большей части. И это должно было обеспечить им безопасность.

Но Сезал помнил, что сказал Херек, и он этого боялся. «У браксанов есть способы узнать, что происходит, даже когда их нет рядом». За ними наблюдают? Затар на самом деле слышал, как пилоты поносили его? Он просто выжидает, пока не проснется демон Смерти по Прихоти и соберет обильную жатву, или он планирует более утонченную месть?

Как и все браксинцы, они боялись за себя.

А Сезал боялся за Херека.

* * *

Со вздохом отчаяния Затар выключил звездную карту. Потери не поддавалась анализу. Битву за битвой реконструировал он для изучения, но не стал ближе к ответу, чем был на Гарране.

Но тем не менее... предчувствие, что что-то здесь не так и нарушено какое-то невысказанное правило, росло с каждым днем. Не было явных причин для его возникновения, но чем больше Затар наблюдал за игрой корабля-меча и истребителя, чем больше он наблюдал за тем, как боевые корабли, с большим количеством орудий, с трудом выстраиваются в позицию, а истребители, боги межзвездных сражений, идут за ними, тем большая уверенность у него появлялась, что чего-то не хватает.

Взять, к примеру, Клэй — или, скорее, сражение, которое предшествовало потере Клэй. Обычно обе стороны фокусировали внимание на центрах, заселенных гражданскими лицами: людей можно покорить, а пустой космос — нет. Кроме этого из-за обширности Военной Границы представлялось почти невозможным найти врага, тем более предугадать его поведение. Или, по крайней мере, так всегда считал Гарран.

Ключевым было слово «почти».

Затар снова вызвал сражение на дисплей и, задумчиво хмурясь, смотрел, как оно разворачивается. Противник набросился на браксинские корабли, когда они этого не ожидали, застиг врасплох и ударил по уязвимому флангу. Последовало долгое кровопролитное сражение, в котором многочисленные корабли-мечи и даже крупный корабль, с большим количеством орудий, пострадали. Херек и его люди славно бились, но им приходилось тяжело, так как необходимо было

исправить невыгодное положение. К тому времени, как азеанцы прекратили наступление, большая часть кораблей соединения оказалась повреждена.

Корабли-мечи были жизненно необходимы для планетарной кампании: они единственные могли выдержать ад атмосферного трения, бороться с естественной силой тяжести и уходить от базирующейся на земле защитной системы, бить по выбранным отдельным целям, и затем очень быстро уходить, чтобы никакие приборы их не зафиксировали. Тяжеловооруженные корабли использовались для обстрела космических станций, блокад, редких, но смертельных сражений вне систем. Но если соединению требовалось довести приземлившегося противника сдать, то все зависело от кораблей-мечей.

Херека беспокоило, что клэйанская кампания может возобновиться — его бортовой журнал на это четко указывал, — но он решил рискнуть. Его корабли-мечи не получили критических повреждений. Клейанскую атаку скоординировали с усилиями двух других соединений, чтобы к моменту удара браксинцев приковать внимание Азеи к другому объекту. Если откладывать атаку, Херек утратит это преимущество.

Он удостоверился, что боевая мощь его соединения позволяет уничтожить планету — он перепроверил это десять раз — и сотнями отправлял разведчиков в близлежащую Пустоту в поисках следов корабля. Ничего. Сообщения из Лирелланской системы свидетельствовали, что флот Азеи находится там, и Херек знал, что командующие соединениями Реджик и Камур не дадут азеанцам сидеть без дела. Все было организовано. Теперь оставалась только сама Клэй....

И — провал. Азеанцы ждали их, пять кораблей-баз и орда истребителей. Ждали, чтобы наброситься на ослабленную «Сентиру». Меньшее количество кораблей не нанесло бы поражения Хереку, и даже эти пять не смогли бы ничего, если бы не знали с пугающей точностью скорость и угол приближения соединения. К началу боя он уже, можно сказать, закончился, первый из многочисленных кошмаров, предвестник будущих жентов... и начало конца величайшего из командиров Холдинга.

Так откуда, именем Ар, Азеа получала информацию?!

Затар убрал с дисплея звездную карту и вызвал общую картину последнего сражения Сезала. Анализ Первого Меча

был одновременно тщательным и пугающим. Сезал снял с корабля противника все, что не являлось жизненно необходимым, но все равно не мог объяснить так взволновавшие всех возможности врага. И его также не удовлетворял результат. Для уменьшения базовой массы до абсолютного минимума он снял и запасное спасательное оборудование для вынужденной посадки, и небольшой запас провианта. Выживание пилота часто зависело от возможности приземлиться на планете и ждать помощи. Отказ Азеи от необходимого оборудования казался маловероятным. Но, с другой стороны, все в отношении этого истребителя казалось таким.

Например, код идентификации. ЗАВ.419ФА12. «Завоеватель». Затар вывел на дисплей данные на этот корабль и не нашел ничего, что бы ему помогло. Командир его недавно прибыла на Границу, поэтому не могла занимать высокого положения в вооруженных силах, власти у нее мало... так что же истребитель «Завоевателя» делает в чужой для него кампании?

«Они нарушают правила», — впервые подумал Затар.

«Но в войне нет правил», — ответил сам себе.

Установленный факт: истребители перемещаются целыми подразделениями. Каждое подразделение отвечает перед своим кораблем-базой. Подразделения могут объединяться для проведения каких-то действий, но подчиненность всегда ясна. Истребители от различных кораблей-баз могут сражаться рядом, но подразделения не смешиваются.

Неужели «Завоеватель» отказался от этого порядка? Пока Затар думал об этом, у него возникло странное чувство. Шепот, едва различимый, пробежал по его сознанию. Он почувствовал, словно пара глаз смотрит ему в спину. Лорд повернулся, чтобы удостовериться, что это просто кто-то вошел в комнату. Но дверь оставалась закрытой — и кроме него в помещении никого не было.

Странно. И тревожно. Затар попытался игнорировать это ощущение, сконцентрировав внимание на значении представленной на экране информации. «Завоеватель» отправил единичного истребителя сопровождать пилотов «Опасной Затеи»... Почему? Потому что новый корабль технически превосходит остальные и даст Азее преимущество? Потому что он все еще экспериментальный и его необходимо проверить в контексте традиционного сражения?

Какую роль играет «Завоеватель» во всем этом? Затар вызвал на дисплей список, составленный Хереком, анализ иерархии противника в каждом приграничном сражении. Никакой четкой схемы. Здесь командовал «Истребитель», там «Опасная Затея»... «Завоеватель» даже не упоминался среди командиров. Однако, он оказался исключительно активным. Затар отметил его присутствие в каждом из важнейших сражений.

И вдруг Затар остановился и в животе у него похолодело.

— Компьютер? — тихо спросил он.

Затар запрограммировал машину так, чтобы та отвечала ему вслух, как в его Доме.

«Готов».

— Гипотеза. Каковы шансы командира корабля получить власть над другими, имеющими более высокий ранг и/или занимающими более высокое положение? Настоящее время, Звездная Империя, Военная Граница.

Последовала мгновенная пауза, пока компьютер обрабатывал данные.

«0,000012+, — ответил компьютер. — Маловероятно, но возможно».

— Данные?

«Прецедент. Первый: Периа ли Узуан, приписанный к „Мести“, 8194-8240 гг. П. И. Второй: Таен эр Калледас, приписанный к „Хранителю“ 9056-9099 гг. П. И.¹ Третий: Табия зи Окрос (в дальнейшем императрица), приписанная к „Истребителю“...»

— Достаточно, — прервал кайм'эра компьютер. — Другие данные?

«Нынешний директор Торжа эр Литз славится нетрадиционным подходом к политике Звездного Контроля. Источники: анализы, прецеденты, политические заявления. Запрашивать подробности?»

— Нет.

Беспокойство Затара нарастало, но его было недостаточно, чтобы отвлечь лорда. А что если один разум на самом деле спланировал последнее из поражений Херека? Это сделало бы задачу конечной, и таким образом, ее можно было бы исправить. У Затара появились кое-какие идеи.

¹ П. И. — После Исхода — см. Глоссарий. (Прим. перев.)

— Еще какие имеются данные?

«Директор эр Литз всегда покровительствовала командиру корабля лиу Митете, назначенной на „Завоеватель“. Тесный личный контакт увеличивает шансы фаворитизма».

Покровительство. В браксинской системе не имелось этому эквивалента, поэтому Затар не понял все до конца. Если только не сравнивать с традицией кайм'эрата, когда один член предлагает на рассмотрение кандидатуру нового... Да, и в том случае часто встречался фаворитизм. А насколько чаще это встречается среди азеанцев, которым не нужно беспокоиться о неверности своего протезе?

Поэтому за всем этим вполне может стоять один разум. Один-единственный: эксцентричный, непредсказуемый, способный с редкой проницательностью догадаться о действиях командующего соединением. И опасный — очень опасный. Есть некая последовательность в том, как странно этот корабль вступал в сражение. В том, как часто враг начинал конфронтацию в открытой Пустоте. В том, как эта... командир, казалось, угадывала определенные детали планирования Херека — детали, которые не могли попасть к врагу через своих — и, тем не менее упускала другие, словно огромное волевое усилие помогало ему вытащить один или два секрета, но не больше.

Здесь прослеживалась схема, которую можно было анализировать — за нею стал виден враг, которого можно поразить. Затар очертил для себя границы проблемы и таким образом определил цели. Понять врага, чтобы нейтрализовать и разрушить его. Восстановить репутацию Херека, дав ему ключ к победе. И оставить собственную метку на приграничном флоте, чтобы имя Затара стало синонимом победы. Это была самая важная цель, она в первую очередь и привела его на Границу.

Обстоятельства играли ему на руку.

Оптимизм начал возвращаться к Хереку, когда они исследовали длинный, пустой участок между Ирией и Зелиашем. Возможно, это произошло потому, что лорд-командир оказывал ему доверие. Независимо оттого, искренно это было или наиграно, все равно успокаивало. Возможно, обещание сражения будило в нем дух воина, гнало апатию и сомнения. Возможно просто потому, что присутствие браксана служило

постоянным напоминанием, что Холдинг решил его поддерживать. Независимо от причин Херек надел на голову шлем и приготовился отправлять ментальные импульсы в Пустоту. Это было более позитивное отношение к делу, чем на протяжении многих месяцев.

Перед тем, как он потерялся в контактной сети боевого соединения, открылась дверь и вошел Затар. Херек сдвинул шлем, потом снял и выжидающе уставился на лорда.

Браксан осмотрел помещение, дюжину людей, которые, проявляя осторожность, на него не глядели, и кивнул.

— Как работает наша контактная сеть?

— Хорошо, но она не без дыр, как вы видите. — Херек показал на экраны. — Однако она весьма обширна.

Затар изучал дисплей, удовлетворенно кивая. Сканеры боевого корабля могли добиться только ограниченных результатов; чтобы определить мелкие детали на больших расстояниях, требовалось отправлять в Пустоту портативные сканеры, связанные с кораблем-базой. Таким образом, сотня разведчиков, может больше, в настоящее время прочесывали Пустоту, собирая данные, и каждый из них отправлял результаты на «Сентиру» для координации. Проблема заключалась в том, что такая широкая сеть как эта, была по определению неполной. Имелись области Пустоты, до которых не мог добраться ни один сканер — дыры в сети, как их называли — и они представляли собой опасные слабые места. Однако контактная периферия все-таки была надежной и далеко простиралась в Пустоту со всех сторон корабля-базы. Этого хотел Затар. Это предохранит их от неожиданностей.

— «Дармату» уже следует занять позицию, — деловито произнес кайм'эра.

Херек кивнул.

— Пока все идет гладко. Вы не возражаете, если я посмотрю? — он показал на шлем.

Затар жестом велел ему продолжать работу.

Херек снова надел шлем на голову, почувствовал щелчок сенсоров, когда они соединились с имплантатами в его черепной коробке, потом расслабился, ожидая начала работы внутреннего зрения. Если простой человек хочет посмотреть в Пустоту, он ограничен экранами и звездными картами. Конечно, экраны были двухмерными, поэтому во время сраже-

ния имели небольшую ценность. Звездная карта помогала лучше, но человек все равно ограничивался своими органами чувств, которые использовал, рассматривая ее. Можно было находиться только с одной стороны карты в одно время — даже если стоишь у середины дисплея, не поворачиваясь, можно было смотреть только в одном направлении. У людей нет глаз на затылке... то есть не было, пока их не создала наука.

Хереку потребовалось много лет, чтобы приспособиться к шлему, многие женты гипнообработки, разработанной для обучения альтернативному способу видения, и использования такового без включения обычного зрения. Это давало Хереку преимущество, с которым не сравнится простой человек, не имеющий таких возможностей. Теперь когда Херек смотрел в темноту, то охватывал взором корабли вокруг себя. Он был их центром, их фокусом, их хранителем. Они не могли сделать ничего, чего бы он не увидел, никакие данные не проходили через их сканеры, не пройдя в первую очередь через него. Теперь Херек не тратил время, пытаясь представить себе космические поля, имея перед глазами только плоские карты.

Херек осторожно осмотрел сеть, диктуя приказы, что закроют слишком большую дыру здесь, расширят периферию там. Равновесие было критическим, и оба командира знали об этом. И Херек не просто упражнялся. Хотя от следующей цели их отделяло большое расстояние — день полета — это было время самого большого риска, время, когда обычно нападал «Завоеватель». Если Затар прав, то они могут вскоре ожидать его действий — если и не атаки, то по крайней мере появления корабля-разведчика. По этой причине корабли-мечи уже приготовились сорваться с места сразу, как получат приказ.

В ответ на мысли Херека по сети пронесся срочный сигнал: «Азеанский корабль-разведчик. Идентификационный код: ЗАВ419:ФА12. Передаю векторные координаты».

— Взять курс на него, — приказал Херек.

Начальник артиллерийского подразделения определил курс и последовательность работы орудий, при помощи которой они его перехватят. И был готов открыть огонь, когда корабль-разведчик исчез, проглоченный той самой «дырой» — участком, не охваченным сканерами.

— Ар! — Херек в отчаянии ударил по рычагам управления кулаком. — Продолжайте атаку, — инструктировал он подчиненных. — Определите все возможные поправки курса, точки выхода из нашего радиуса действия. Прикройте их!

Он почувствовал руку у себя на плече.

— Что?

Взгляд Затара упал на нечто на центральном дисплее.

— Это не корабль-разведчик, — пробормотал он.

Херек сразу же понял его.

— Истребитель Сезала...

— Его нужно брать. Мы должны захватить этот корабль! — жестко выговорил кайм'эра.

Херек покачал головой: взять истребитель невредимым было почти невозможно, в частности потому, что он мог на большей скорости уйти от атакующих.

— Невозможно, — так и ответил Херек. — Мы ударим по нему, когда он снова окажется в радиусе действия наших пушек, и это — все, что я могу сделать.

Затар крепче сжал его плечо.

— Секрет этого корабля стоит больше одного сражения.

— Мы знаем, что «Завоеватель» находится поблизости, — продолжил Херек. — Любая попытка захватить один из его истребителей равна самоубийству. В особенности, захват этого истребителя, — он поднял голову и посмотрел на браксана. — Я не могу рисковать своими пилотами при таких шансах.

Лорд-командир посмотрел на него. Херек ожидал злости, вместо этого глаза Затара смотрели спокойно, а выражение лица стало решительным.

— Правильно, — согласился Затар. — Полечу я. Какой корабль-меч я могу взять?

— Берите двенадцатый, четвертая палуба. Но вы не можете... — быстро выговорил Херек, не успев понять, о чем идет речь.

Но лорд все мог. Взвихрился черный плащ, и Затар резкой, целеустремленной походкой направился к двери и ушел. Херек мог бы последовать за ним — то, что задумал Затар, было безумием! — но в этот миг азеанец опять появился в охватываемом сканерами участке космоса, и Хереку пришлось отдать все внимание ему.

Истребитель был слишком быстрым, слишком удачливым и находился слишком далеко. Они выстрелили по нему, но не достали несколько дюймов, и этого оказалось достаточно. Компьютеры не были готовы к такому неровному полету, они не могли следовать за резкими скачками человеческой фантазии и найти место, которое займет истребитель. Всего через несколько секунд после того, как он появился из «дыры», истребитель прорвался сквозь периферию и вышел из радиуса действия всех сканеров.

— Сезал! — приказал Херек. — Затар летит на двенадцатом, чтобы догнать нашего гостя. Отправляйся за ним. Возьми еще пять истребителей. Проследи, чтобы Затар вернулся целым...

«Или ты вообще можешь не возвращаться, — мрачно добавил про себя Херек. — Страшно подумать, что браксаны сделают с нами. Лорд-командир Затар... я надеюсь, ты знаешь, что делаешь».

* * *

Он отказывался думать о том, что делает. Если бы думал, то, вероятно, остановился бы. Но работу требовалось выполнить и никто не мог с ней справиться, поэтому повернуть было немыслимо... Но если бы кайм'эра подумал о риске, то мог бы и повернуть, поэтому Затар заставлял себя думать о других вещах, когда бежал по коридорам «Сентирь», руководствуясь только воинскими инстинктами.

Этот истребитель — ключ ко всему. Им нужно его захватить, нужно его понять, если они хотят дать отпор опасному врагу. Затар повторял это себе, когда бежал по центральной палубе, сбрасывая с себя дополнительный груз. Вначале меч в ножнах с лязганьем упал на пол. Затем медальон, тяжелый плащ, перевязь, пояс, на котором висел меч. Все это Затар сбрасывал на бегу. После того, как он окажется внутри корабля-меча, каждый грамм лишнего веса будет дорог ему стоить. Если бы было время сбросить тяжелый браксанский костюм и одеться во что-то легкое, весом с перо, например, в повторяющий форму тела мундир пилота! Но Затар ограничился перчатками и запрыгнул на борт корабля-меча, не думая о том, что у него голые руки. Ввиду

того, что он делал, забота о поддержании традиции выглядела смешно.

Сесть в кресло, принимающее форму тела, включить силовое поле, пристегнуться, перетянув ремень по груди. Личное поле, рециркулятор, все было для него готово и, даже когда «Сентира» перевела корабль-меч в положение для взлета, лорд уже надевал перчатки — подобие латных рукавиц — и полушлем, которые дадут ему сенсорный доступ к внешнему миру. Взгляд на пульт управления, подтверждающий, что все идет хорошо. Да, он готов. Команду выпалил шепотом, до того, как сомнения овладеют его душой. Запускающий механизм «Сентирь» взял его корабль под контроль и...

Полет в Пустоту.

Затар вздохнул с облегчением, вытянул руки в тяжелых перчатках и позволил пальцам пройти по рычагам. Перчатки усиливали ощущения, и микроскопические разницы в давлении обеспечивали ему массу информации; Затар пытался вспомнить свою подготовку, приписывая значение каждому из двух дюжин главных рычагов, располагавшихся под пальцами. Эти для скорости, эти для компьютерного доступа, эти для связи... Он нажал на несколько кнопок, увидел, как плоские экраны заполняются данными.

— Двенадцатый, это Сезал на первом. Требую подтверждения.

Лорд говорил мягко, рассчитывая, что шлем усилит и передаст его голос:

— Затар на двенадцатом, встаю в один ряд с вами. У вас есть подтвержденный след противника?

— С уверенностью в семьдесят один процент, командир. Это неплохо, — добавил Сезал, вероятно, считая Затара неопытным военным. Браксан мрачно улыбнулся. Он бы в этот момент полетел вперед при уверенности, выраженной и однозначным числом. Им слишком сильно требовался этот истребитель, чтобы гипотезы приборов могли отпугнуть. — Передаю данные.

Затар наблюдал за тем, как данные наполняют экран, траекторию известного пути истребителя, соединенную с вероятным курсом и вероятной скоростью... Кайм'эра посмотрел на цифры и содрогнулся. Предстоял тяжелый полет.

— Ложусь на выбранный курс, — передал он.

— Первый, второй, восьмой, десятый и пятнадцатый следуют за вами. Связка установлена — подразделение связано автоматически. Подтвердите.

Затар подтвердил.

— Максимально широкое поле охвата, максимальная чувствительность сканеров, — приказал он.

Остальные корабли растянулись вокруг него, доведя расстояние между собой до максимума. Это было плохо для обороны, нехорошо для атаки, но это давало им самый большой шанс найти след азеанца.

— Вы ведете, командир, — послышался голос Сезала.

Затар без колебаний установил курс и задал своему кораблю самое большое ускорение. Его личные компенсационные возможности были хорошими, но все-таки ограниченными, к тому же имелся лишний вес и, вероятно, это ослабит его шансы. Затар пытался об этом не думать, сосредоточив все внимание на экранах. Звезды: их проецировал на экраны компьютер, расставляя в соответствующем порядке в иллюзорной Пустоте. Затар так и подмывало погасить дисплей, чтобы посмотреть на сверхсветовую ночь во всем ее странном великолепии, но здравый смысл победил, и он убрал палец с нужной клавиши. Это был совершенно неестественный мир, который человек не должен был увидеть, но волшебство технологии позволяло ему это сделать. Вид его повернул взоры людские к богам — или, напротив, заставил отвернуться от них — и мог довести до сумасшествия даже самых стойких воинов. Затар не понимал его, не понимал, почему этот мир приводит людей к безумию, ни один человек, не открывший себя для сверхсветовой ночи, не мог это понять. Но сейчас было не время рисковать своим рассудком и потому Затар оставил дисплей включенным.

— След корабля! — объявил Сезал.

Самый дальний корабль поймал след прохождения истребителя. Из этого почти неощутимого следа можно было определить курс и скорость. Затар ждал, затаив дыхание, пока компьютер выполнял свою работу. Наконец давно ожидаемые данные заполнили экраны, и он быстро выработал курс перехвата.

Когда Затар передал курс сопровождающим кораблям, последовало молчание.

— Это превышает ваши параметры, лорд-командир, — помедлив, возразил Сезал. — Не забывайте, что ваш личный вес...

— Я знаю математику, — сухо ответил Затар. — Решать мне, не так ли?

Как человеку, который пострадает вероятнее всего, ему первому придется отказаться от погони. Или так думали остальные.

— Мы не сможем захватить этот истребитель, Сезал, если не увеличим скорость, — пояснил лорд. — Я понимаю, какой это риск. Курс подтвержден?

— Да, — последовал ответ.

И началась погоня.

«Дураки! — думал Затар. — Когда ваши предки впервые собирались в городах, строили стены, чтобы защититься от ярости природы, мой народ — охотники, воины — жил в северных степях. Пока ваши народы развивали цивилизацию, мы развивали Человека. В то время, как вы позволяли слабым и уродливым выжить, давали им возможность размножаться, мы убивали любое дитя, слабое телом или духом, чтобы они не испортили будущие поколения своими недостатками. Мы выше по силе и выносливости, чем любой человек, которого когда-либо производило на свет ваше племя. Мы — дети Таз-хейна, бога-воина — и сила его крови сохранится в темноте, в битве в Пустоте и в долинах Курата».

Перегрузка плавно нарастала, но Затару предстояло почувствовать на себе ее действие. То же управление силой тяжести, которое позволило межзвездные полеты, защищало человека от худших воздействий; в рамках своей компенсационной системы человек мог путешествовать без дискомфорта. К сожалению, Затару требовалось больше, чем позволяла система. Уверенным движением он установил новые параметры ускорения, и весь страх, который он мог испытывать, был погашен упрямством браксана. Не существовало другого способа получить то, что он хотел, поэтому кайм'эра вынужден был терпеть.

— Гипотеза, — сказал Затар компьютеру. — Время перехвата. Шансы контакта с кораблем-базой.

«5,4 стандартных единиц времени до пересечения вектора, — пришел ответ. — Текущий риск контакта 5%, — затем

компьютер добавил: — Настоящее положение истребителя противника — 95% точности. Фактор риска может резко увеличиться».

Теперь Затар чувствовал давление, первое мягкое обещание боли. Он посмотрел на шкалу перегрузки — «Макс +255», говорилось там — затем она отключилась. Какой толк от того, что он знает цифры? Если лорд потеряет сознание, то корабль стабилизирует скорость и позволит ему прийти в себя. Так какое значение имеют цифры?

— Отчет о состоянии дел, — передал он.

Три корабля-меча дошли до предела, как и он, двум еще оставалось его достигнуть. Сезал находился в рамках безопасной зоны. Ни у кого из них не дошло до таких показателей, как у Затара, что было понятно. Его базовая масса значительно превышала их показатели.

Теперь давление стало сильнее, и когда Затар пытался дышать, на его грудь давил вес. Кайм'эра сконцентрировался на том, чтобы делать глубокие вдохи, дышать медленно; он собрал всю мышечную силу, которая дала ему возможность максимально расширить грудную клетку. Но каждый следующий вдох давался труднее, и лорд теперь надеялся только, что враг появится в радиусе обстрела до того, как сила тяжести окажется слишком высокой.

«5 стандартных единиц времени до пересечения векторов», — информировал его компьютер. Затар не стал смотреть на фактор риска. Какого коэффициента окажется достаточно, чтобы он повернул назад — десять процентов? Двадцать процентов? Считалось, что только дурак будет следовать избранным курсом, если фактор риска выражается двузначным числом. У Затара появилось чувство, что ко времени окончания погони они будут близки к трехзначному.

И, не исключено, что он слишком сильно перенапрягся. Кайм'эра сражался против невероятного давления, каждый вдох давался ему с невероятным трудом. Сердцебиение эхом отдавалось в ушах, ритм был учащенный и рваный. Затар подумал, не снизить ли скорость и идти дальше не на максимум, но затем силой воли снял руку с рычагов управления. Теперь стало ясно, почему главные регуляторы находились в ручках кресла пилота, под кончиками пальцев. Борясь против высокого давления, он не смог бы провести настройку вручную.

Когда Затар посмотрел на компьютерный дисплей, перед глазами пошли круги — осталось 4,6 единиц времени. И перехват оставался лишь возможным, не было никаких гарантий. А если потребуется больше времени? Затар пытался не думать об этом.

Что переживали другие? Он проверил экраны, отметил с удивлением, что количество сопровождающих кораблей уменьшилось на одного. Пятнадцатый исчез. Вероятно, пилот потерял сознание и запустилась программа спасения. Его корабль вернется на «Сентиру» на автопилоте, на допустимой скорости, которая не нанесет человеку вреда.

Раньше Затару не приходило в голову, что к тому времени, как он поймает добычу, другие могут оказаться не в состоянии ему помочь. Если он вообще до нее доберется. Кайм'эра больше не чувствовал свои легкие, мог только делать короткие вдохи, давление сжимало его все более и более жестоко, будто стягивая кожу с лица и превращая каждую складку одежды в инструмент пытки. Осталось 3,4 единицы времени. Может, теперь сбросить скорость, взять менее болезненный курс? «Твои предки никогда не боялись боли», — напомнил себе Затар. И сам себе возразил: «Моим предкам никогда не доводилось сталкиваться ни с чем подобным».

— Лорд-командир Затар, подтвердите, что вы на связи. — Сезал. Его голос звучал напряженно, терпение явно достигло предела.

— Подтверждаю, — удалось выдохнуть Затару. Вечный раб браксанского имиджа, он смог сделать так, чтобы голос звучал сильнее и увереннее, чем на самом деле.

— Мы потеряли второго, восьмого и пятнадцатого. По моим оценкам, десятый через 0,25 единиц времени будет вынужден повернуть назад. Рекомендую провести настройку курса прямо сейчас, пока нас трое.

Сезал не стал говорить о собственном состоянии, оно было и так ясно по голосу. Он ужасно страдал, но будет терпеть. Сезал был сильнее остальных, а его корабль-меч — самым лучшим. Его компенсационная система наиболее эффективна, а собственный вес даже не приближается к весу Затара. Кайм'эра знал, что Сезал будет держаться — даже если это убьет его.

— Придерживаться нынешнего курса, — удалось выдать браксану. Он попытался посмотреть на компьютерный

дисплей и увидел только точки и вспышки света. Или слабо загоревшуюся цифру: 2,5. Теперь требовались все силы, чтобы просто остаться в живых, и забыть про такие вещи, как остановка сердца, удушье или разрушение грудной клетки. Если Сезал может идти дальше, то Затар — и подавно, а тот факт, что пилоту это дается легче, чем лорду, объясняется просто лучшими компенсационными возможностями организма Сезала. А браксаны славятся своей выносливостью и терпением.

Десятый корабль исчез. Затар слышал, как Сезал это объявил, или просто увидел какое-то отображение на дисплее, заметил цифры между плывущим ослепительным светом? Затар не мог точно сказать, и это не имело значения. Теперь роль играли только чистая выносливость, отуманивающая сознание боль, вечность ожидания; они измерялись вдохами-выдохами и ударами сердца, сопровождалась гулом крови в ушах, более громким, чем любой звук во вселенной. И тьма наползала. Уголком глаза он увидел...

«Ты должен держаться!».

...кружение света, кровь пульсирует по венам, сердце просто разрывается...

«Я — браксан!»

...и — внезапное освобождение, звон в ушах, дисплей мигает: «Стабилизация вектора» — и Сезал все еще рядом. Затар переждал секунду — не больше, чтобы прийти в себя и проверил обратный отсчет времени — 0,05.

— Готовиться к контакту с противником! — удалось вымолвить ему.

0,03... 0,01 — и вот он, как раз там, где и сказал компьютер. Враг.

Он был мощнее, чем корабль Затара, быстрее и в отчаянии считал секунды. Только увидев их, враг бросился вперед, во тьму, оставив преследователей позади. Затар и Сезал последовали за ним. Азеанец был в меньшинстве и ближе к дому, поэтому станет избегать конфронтации, а они рисковали все время, что следовали за ним. Но они должны достать «Завоеватель» или уничтожить его.

Вопреки здравому смыслу Затар проверил фактор риска. Тридцать два процента.

Он выключил дисплей.

Давление снова нарастало, но на этот раз кайм'эра был к нему готов. Боль вывела из строя четверых из лучших людей Сезала, не слолив его самого и лорда-командира, но как хорошо азеанец справится с этим тестом? Да, компенсационная система лучше, чем у большинства, но это — азеанцы, а эта раса создавалась, чтобы напоминать расу Затара во всем, кроме цвета кожи и волос. Враг должен быть высоким, крепко сложенным, но его предки — не воины. Вес будет работать не в его пользу и сделает полет борьбой за выживание. И на этой арене Затару нет равных.

«Повернись и сражайся!» — думал он, бросая вызов вражескому кораблю, но вместо этого враг пытался от него убежать. Плохой знак. Ему бы следовало воспользоваться преимуществом своей прекрасной маневренности: им было бы трудно следовать за ним, если бы азеанец применил серию резких изменений курса. Но противник продолжал следовать только вперед, а это говорило о том, что он находится близко от дома, а это в свою очередь означало, что...

Затар отключил дисплей по вполне определенной причине и теперь заставил себя учитывать другие факторы, не те, которые выдавал компьютер. Такие, как: смеют ли они открыть огонь, когда неприятель доказал, что может прогнозировать такое действие. Кораблям-мечам сперва требуется занять лучшее положение, но они его не займут, пока азеанец не смилостивится...

Во время этого ускорения боль сильно не беспокоила лорда: предвкушение предстоящей битвы позволил забыть о неудобстве, дыхание стало естественным, как взмах меча. Затар вышел из состояния забытья, он чувствовал страдания тела, но был отстранен от этого, словно его телесная форма была не больше, чем груз, только частично подсоединенный к его личности и который вечно требуется таскать за собой. Что это — сила воина или предвестник разрушения? Лорду не пришлось решать этот вопрос. Его тело агонизировало долгое, очень долгое время и внезапно все кончилось. Вражеский истребитель стабилизировался и корабль Затара встал тем же курсом, словно прилепившись к противнику. Он выжил.

Затару потребовалось недолгое время, чтобы привести дыхание в норму.

— Сезал? — несмело спросил он.

Первый Меч ответил не сразу, но все-таки ответил:

— Я думаю, это ловушка.

Затар не согласился — так подсказывал ему инстинкт, а не здравый смысл. Откуда он знал, что противник сдался перед болью? Почему он так уверен, что азеанское сознание медленно отключилось, заключенное в теле, не выдержавшем давления? Не было времени размышлять, каждая потерянная минута еще больше увеличивала риск.

— Давай снимем его поле, — сказал он Сезалу.

Последовало молчание. Затем ответ:

— Для этого потребуется время.

— Я это понимаю.

— Что вы собираетесь делать?

Затар улыбнулся, но не ответил. «Увидишь!» — сказал он мысленно.

Он открыл огонь по врагу, проверяя, не окажет ли тот сопротивления. Сопротивления не последовало. Учитывая, что азеанский истребитель показал, что способен сбить корабль-меч как раз в момент выстрела, его бездействие являлось разумным доказательством того, что пилот больше не управляет кораблем. Отлично.

Поле поглотило огонь, на короткое время замерцало, затем рассеяло энергию. Разбивание поля потребует исключительной точности. Слишком слабая атака — и поле просто ее рассеет. Слишком сильная — и произойдет перегрузка. Им требовалось идеальное равновесие — достаточно сильный удар, чтобы повредить генератор, но недостаточно сильный для разрушения корабля.

Конечно, пилот может очнуться в любой момент.

А ведь имелся еще и корабль-база...

— Вперед, — сказал Затар, передавая браксинцам схему атаки.

Осторожно, осторожно: стрелять именно так, с такой силой, в таком ритме, немного больше, чем может выдержать силовое поле, и затем ослабить огонь, ослабить быстро! И чуть больше энергии для окончательного удара...

«Внешнее силовое поле разрушено», — проинформировал компьютер.

— Отлично, — прошептал Затар.

— Что теперь, командир? — спросил Первый Меч.

Затар отметил, что Сезал говорит неровным голосом, значит, он или сильно пострадал во время полета, или посмотрел на поднимающийся фактор риска. В его голосе могли ощущаться боль или страх, результат бы получился тот же.

— Теперь мы его захватим, — облегченно выдохнул Затар.

Молчание. Никаких комментариев не требовалось. Затар прекрасно знал мысли пилота, словно они появились в его собственной голове: «Он, вероятно, спятил! Это совершенно немыслимо!»

Но лорд говорил серьезно. Им требовалось взять этот корабль, чтобы знать, против кого они сражаются, и поэтому они должны были подняться на борт. Пока находятся в Пустоте. Фактор риска взлетел так высоко, что любой человек по здравом размышлении уже давно повернул бы назад. Ведь обстоятельства делали их беззащитными перед врагом.

Затар колебался только секунду, затем выключил наружное силовое поле.

Никакого ответа.

Он быстро проверил регуляторы собственного силового поля. В теории оно должно было защитить от Пустоты, на практике следовало это проверить. Но все, казалось, в порядке. Затар протянул руку к корабельному запору и ослабил его, в кабину стал просачиваться воздух. Покалывание на коже, это силовое поле использует проходимость его тела, как опорную плиту для действия, стабилизируясь против притяжения вакуума. Рециркулятор щелкнул и переключился на режим Пустоты, теперь он не только будет поставлять Затару свежий воздух, чтобы дышать и поддерживать температуру тела, но также будет следить и за давлением внутри поля.

Он подумал обо всех вещах, которые может дать непроницаемое силовое поле, и поразился, как человек когда-то осмеливался выйти в Пустоту без него. Столкнуться с Пустотой, не имея ничего, кроме ненадежной тряпочки между собой и убийственным вакуумом... — мысль эта ужасала. Затар в последний раз проверил рычаги управления, открыл люк...

Хаос, черный и злоеющий, заполонил его разум.

Сверхсветовая Пустота. Таинственный мир, что природа не собиралась показывать человеку, реальность, которую не

мог познать человеческий ум. Бесконечность темноты; в ней разум бросал вызов наблюдениям — такая абсолютная пустота, что разум боролся, чтобы отказать ей в существовании. Где недоставало движения, его создавал бессознательный разум. Темнота ползла, извивалась, искажалась перед глазами лорда и пронзала сопротивляющийся мозг, отгоняя рациональные мысли в пользу сенсорного хаоса. Присутствовал шум, но не поддавался описанию — шум слепящий, шум удушающий, черный, пустой звук, который наполнял вселенную своей пустотой. Чувства смешивались и сливались, каждое искало в другом какой-то настоящий стимул, чтобы служить якорем в вечном Ничто — и потерпело поражение. Разум барахтался и старался выбраться, потерянный в хаосе... и приветствовал страх, как что-то конкретное, знакомое ощущение во вселенной, сошедшей с ума.

— Командир?

Затар закрыл глаза и попытался сфокусироваться на звуке, шедшем из передатчика, вмонтированного в шлем.

— Командир! Вам нужна помощь?

— Нет, — прошептал Затар. Никто не должен видеть его в таком состоянии. — Со мной все в порядке, — «Со мной все должно быть в порядке». — Прикрой меня. Я иду туда.

Компьютер повел его к врагу. Затар едва ли что-то чувствовал. «Соединение закончено», — наконец объявила машина. До азеанского корабля можно было дотянуться рукой и, казалось, он висит без движения рядом с его собственным. Затар пытался не смотреть на окружающий его хаос, устанавливая на своем корабле компенсационный режим от возможного толчка. Это требовалось для того, чтобы корабль оставался в одной позиции по отношению к азеанскому истребителю. Если удача будет сопутствовать Затару — и если вражеский пилот не очнется слишком быстро, — то кайм'эра сможет подняться на вражеский корабль и подключить его компьютер к своему собственному. По крайней мере теоретически все было верно. Но сколько раз это делалось в реальности?

Затар сфокусировал внимание на корпусе азеанского истребителя и выбрался из корабля-меч. Он и раньше выходил в Пустоту, но никогда — при таких условиях. Теория была та же самая, но риск гораздо выше. Лорд проявлял осторожность, чтобы не смотреть в Пустоту, пока двигался к вражес-

кому кораблю, провел поддерживающий канат к одному из оружейных портов и использовал его, как якорь. «Если пилот сейчас придет в себя... может произойти неприятность», — подумал Затар. Он поискал рычаг, открывающий дверь, а когда того не оказалось на том месте, где Затар ожидал его увидеть, он на мгновение впал в панику. Разве не предполагается, что азеанская технология — зеркальное отражение браксанской? Затем кайм'эра вспомнил принцип противоположности, перебрался в дальний конец корпуса и поискал там. Мгновение спустя он нашел рычаг. Приложить усилие, тогда высвободится защитный механизм... Все оказалось подобно тем кораблям, на которых его готовили. Через минуту истребитель раскрылся. И Затар смог проникнуть на борт.

Пилот сидел, скорчившись в дальней части корабля, кровь текла из глаз, ушей и рта. Биосканер указывал на то, что он умер недавно. Затар посмотрел повнимательнее и понял, что на самом деле пилот — женщина, и затем увидел еще кое-что, от чего его кровь в его жилах застыла, и увиденное вывело его из равновесия больше, чем все силы Пустоты, вместе взятые.

Дрожащей рукой Затар дотронулся до повязки, украшавшей шлем пилота. Поскольку силовое поле заканчивалось на поверхности шлема, Затар без труда смог снять нить.

Красно-серебристая. Он мгновение смотрел на нее, затем заткнул за страховочный ремень. Потом, дрожа, обратил внимание на компьютер. То, что он увидел, то, о чем гласили эти цвета, просто поражало, Затару потребовалось отогнать от себя эти мысли, чтобы зафиксировать внимание на том, что требовалось сделать.

Он знал компьютеры и немного знал азеанский — и был готов, насколько возможно, к подобной ситуации. Тем не менее, лорду потребовалось долгое время, чтобы убедить направляющий разум истребителя принять соединение с кораблем Затара, в основном потому, что он не знал код пилота. Но в конце концов у Затара все получилось. Истребитель принял его указания — или, скорее, указания Сезала, — и даже когда Затар пробирался назад на свой крошечный корабль, фактор риска уже значительно снизился.

Наконец Затар оказался внутри, включил силовое поле и передал Сезалу: «Все в порядке». Он положил руку на стра-

ховочный ремень, под которым была надежно спрятана красно-серебристая нить, и подумал, не соврал ли он Сезалу.

Голос Первого Меча прозвучал странно. Он казался ошарашенным тем, что произошло.

— Идем на соединение с «Сентирой», лорд-командир. У меня для вас готов вектор курса.

Затар посмотрел на дисплей — и поморщился. Да, им придется значительно уменьшить скорость. Будет не так плохо, как по пути сюда, но и не прогулочный полет.

— Принято, — сказал Затар. — Начинай.

На этот раз у него было много поводов для размышлений.

* * *

Вначале пришла боль. Затем свет: тени на блестящем фоне, медленно принимающие цвет и форму. Постепенно его сознание вернулось и вместе с ним — вечно присутствующее браксанское беспокойство.

— Где я... кто здесь? — горло саднило и слова прозвучали глухо, еле слышно. Раскаленные докрасна иголки прознали конечности, огонь бушевал к каждому суставу. Перед тем, как утратить сознание, Затар думал, что, вероятно, не может страдать сильнее. Он ошибался.

— Февак, сын Сераса, главный врач «Сентир», — голос был низкий и тихий, с нервной дрожью. Разве браксаны не убивают тех, кто видел их слабость? — Вы находитесь в медицинском отсеке, в отдельной палате. Вы что-нибудь видите?

Перед тем, как ответить, Затар сделал глубокий вдох и заставил себя говорить уверенным тоном, несмотря на боль:

— Да.

— Хорошо, — ровно произнес врач. — Глазам нанесены кое-какие поверхностные повреждения. Но я считаю, что мы с ними справились.

Затар вспомнил неровные, бессистемные вспышки света, которые почти возвращали его в сознание, и кивнул. Ему было больно двигаться.

— Что-то еще? — спросил он.

— Минимальные внутренние повреждения. Мы со всем разобрались. Больше всего пострадали глаза. Я хотел бы

проверить вашу чувствительность, как только вы будете готовы.

Для браксанов считалось приемлемым получать ранения в бою, и никакого позора лечению не приписывалось, но теперь битва закончилась, и было непозволительно валяться в постели дольше необходимого и тратить слишком много времени на выздоровление. Собрав волю в кулак, Затар заставил себя сесть; боль была такой жгучей, что возвращение во тьму доставило бы удовольствие. Но он мог различить лицо врача и с радостью отметил его удивление.

— Как вы оцениваете мое теперешнее состояние? — спросил Затар.

— Если честно, то как невероятное, — пораженно выдохнул доктор. — Вы не должны были остаться в живых, не то что прийти в сознание. — В его голосе послышался благоговейный трепет.

«Хорошо, — подумал Затар. — Отсюда информация распространится по всему кораблю».

— Ваше тело — один сплошной кровоподтек, как снаружи, так и внутри. Я думаю, мы справились с худшим, но вы достаточно долго будете чувствовать дискомфорт.

— Я — воин, — ответил Затар. Пусть врач думает, что хочет. Теперь Затар видел комнату, быстро переделанную для его удобства. Его вещи постирали и положили рядом. За ними на крюке висел свободный черный халат из какого-то мягкого по виду материала.

— Вам не повезло с одеждой, — продолжал врач. — По этой причине пилоты одеваются так, как вы видели. Под давлением, которое вы испытывали, каждая складка одежды становится подобием абразива. Я рекомендовал бы более свободную и мягкую одежду, пока вы поправляетесь.

Теперь Затар полностью сфокусировал взгляд и увидел, что случилось с его телом. Темно-пурпурные полосы шли по ногам, рукам, и корпусу и длинные ссадины — теперь уже зарубцевавшиеся — отмечали места, где складки толстой шерстяной материи вошли в плоть. Ему придется провести какое-то время, подвергнувшись насильственной регенерации, если лорд хочет избавиться от шрамов.

Он сделал глубокий вдох, пытаясь собраться с силами, и заставил себя подняться на ноги. Если бы он был один, то

определенно бы упал, в присутствии же другого человека Затар не мог себе этого позволить. Ему потребовались все силы и воля, чтобы сохранять равновесие, в то время как комната плыла перед взором с головокружительной скоростью.

— Как Сезал? — осведомился он.

— В плохом состоянии, но выживет, — сказал врач. — Он был подходяще экипирован для такого полета и вовремя вернулся. Есть повреждения, но мы все в состоянии вылечить. Я велел ему оставаться в постели какое-то время. Вам же я не могу приказывать, — сухо добавил он.

Затар сосредоточился на том, чтобы добраться до одежды — руки горели, комната качалась, но главное было — сохранить лицо. Затем Затар добрался до места назначения и каким-то образом сам, без посторонней помощи облачился в плотно прилегающие одежды. Было бы гораздо менее болезненно надеть халат, но это для браксана считалось неприемлемым.

— Сколько времени прошло после сражения? — спросил кайм'эра.

— Вы оставались без сознания два дня, — тихо сказал врач. — Частично из-за снотворного. Херек неоднократно интересовался вашим самочувствием. Он захочет с вами встретиться, как только вы сможете его принять.

— Конечно.

Рядом с кроватью стояла стеклянная баночка. Врач поднял ее и открыл.

— Я подумал, что вам это может понадобится.

Белила для кожи. Матовые, без блеска — хорошо. Затар обычно пользовался более прозрачной косметикой, но эта скроет произошедшие на лице изменения. Один взгляд в зеркало дал ему понять, насколько он плох, и лорд нанес на кожу толстый слой белого крема — как для собственного спокойствия, так и для спокойствия всех остальных. Получилось идеально: если учесть косметику на лице и одежду, то Затар выглядел поразительно не пострадавшим.

— Передайте Хереку, что я готов принять его, — властно произнес он.

— Здесь?

— Нет, в моей каюте.

— Но лечение... — врач прикусил язык под суровым взглядом Затара. — Конечно, лорд. Могу ли я рекомендовать вам выделить какое-то время для регенерации? Повреждения еще не полностью исправлены.

— Я учту ваш совет, — ответил Затар. — А пока передайте Хереку, что я жду его в моей каюте. И передайте Сезалу, что я также хочу его видеть.

— Он в очень плохом состоянии, — возразил врач. — Ему требуется отдых.

— Тогда тем более его требуется пригласить. Он сам должен делать выбор. Вы меня понимаете?

— Конечно, лорд-командир. — Выражение его лица красноречиво говорило о многом, например: «Вам не следует ходить. Вам даже не следует двигаться. В вас есть сила, которая на самом деле не может быть человеческой». — Как пожелаете.

* * *

Два дня постоянного беспокойства сказались на Хереке. Лицо его пожелтело и стало еще больше напоминать звериное. Вокруг глаз и рта появились новые морщины, каких и в помине не было еще два дня назад. Они свидетельствовали о бессонных ночах и постоянном напряжении. Он боялся, что Затар умрет? Видимо, да, потому что, когда Затар вошел, на его лице отразилось полнейшее изумление.

— Лорд, — пробормотал Херек, потом опустился на одно колено, выражая традиционное почтение. — С вами все в порядке?

— Да, вроде бы, — Затар замолчал на мгновение, давая Хереку переварить услышанное, затем спросил: — Вы изучили истребитель?

Херек встал.

— Да. Это оказалось не то, чего мы ожидали, или, скорее, то, но более чем. Сняли не только комплект, требуемый в случае вынужденной посадки на поверхность планеты.

— Коммуникационное оборудование, — задумчиво сказал Затар.

— Вы знаете? — поразился Херек.

— Я догадался. — «Зачем оно такому передатчику?» — Расскажите мне детали.

— Система лишена определенных ключевых мощностей. Сигнального, передаточного... сейчас наши специалисты делают полный анализ. Отсутствует достаточно элементов электронных устройств, чтоб базовая масса истребителя опустилась ниже обычного уровня. Хотя принять такое ослабление возможностей... Я просто ничего не понимаю.

Затар понимал, но ничего не сказал, чтобы просветить Херека. Сейчас не время; имелись политические последствия действий «Завоевателя», и Затар хотел крепко держать их под контролем перед тем, как открыть правду.

Это тоже в конце концов послужит его целям.

— Нет необходимости это понимать, — объявил Затар. — Это уже сделано и нам остается только ответить. Мы не должны думать, что из-за отсутствия оборудования истребитель утратил контакт с кораблем-базой. — «Как раз наоборот». — Более вероятно, что они каким-то образом компенсировали произведенные изменения.

— Должны были, — согласился Херек, но выражение его лица словно говорило: «Как?!»

— Что касается остального. Вы сражались против одного врага, Херек, хотя истина была тщательно скрыта от вас. Командир «Завоевателя» — ваша Немезида, анализируйте его стратегию, и вы найдете ключ к победе. Также будут и другие преимущества. Когда мы приписывали победы «Завоевателя» другим командирам, то делали ошибки в анализе и их работы. На Гарране определенно есть аналитические возможности для правильного анализа, — задумчиво произнес он.

— При всем моем уважением к Военному Управлению, я сам уже начал эту работу, — осмелился вставить Херек. — Когда вы впервые упомянули о своих подозрениях...

— Нет необходимости извиняться, командующий соединением. Мне нравится ваша инициатива и ваши умения. Я не сомневаюсь, что вы сможете обработать эту новую информацию и соответствующим образом переориентировать свои планы.

— Конечно, лорд-командир, — Херек склонил голову, дрожа от волнения.

«Ты — мой», — подумал Затар. Это был отличный старт.

— Я надеялся...

«К вам пришел посетитель», — информировал компьютер. В подтверждение прозвенел звонок.

— Кто?

«Первый Меч Сезал».

— Впустить.

Дверь с шипением отворилась.

Сезал представлял собой сплошной синяк, точно как Затар, но открыто демонстрировал раны, причем с гордостью, и не применял никакой косметики, чтобы скрыть их. Его глаза были красными, но смотрели внимательно, казалось, его лицо вытягивалось от боли, когда он заставлял себя сделать очередной шаг. Но этого следовало ожидать, ведь пилот, в отличие от Затара, — простой человек.

— Лорд, — прошептал Сезал. В голосе его звучал благоговейный трепет, глубина эмоций, новая для него, как и для Затара. Возможно, это было воспоминание о том, что сделал Затар и как он при этом рисковал, что подавляло Сезала. Возможно, его поразил образ будто бы невредимого браксана, замаскированные косметикой синяки и тело, которое отказывалось признавать боль. Что бы там ни было, имидж произвел желаемый эффект.

С гримасой боли опустившись на одно колено, Сезал протянул руки в ритуальном жесте поклонения.

— Служить вам — честь для меня, — произнес он положенные по обычаю слова.

Удостоиться такого жеста стоило любого страдания. Боль была временной, преданность таких мужчин — бесценной. Затар приблизился к Сезалу, двигаясь с грациозностью, которая скрывала его боль, и положил руки на запястья пилота.

— Ты не знаешь, что предлагаешь, — предупредил Затар. — Но то, что ты понимаешь, я приму.

Он отпустил руки Сезала, не произнося ритуальных слов: «Мой выбор — не привязывать тебя к себе». Сезал не знал, что жест подчинения, вдохновленный внезапным порывом, делает его собственностью Затара в соответствии с браксанским племенным законом. Не стоило объяснять все это Сезалу. Того, что он сделал, достаточно.

— Вы возвращаетесь на Гарран? — тихо спросил Херек. В его в голосе слышался намек на сожаление.

— На Бракси, — поправил Затар и помог Сезалу подняться на ноги, хотя у него самого едва хватало сил. — Конечно, после того, как отправлю полный отчет на Гарран.

Но есть кое-какие дела дома, требующие моего личного внимания.

Такие, как исследования. Политика. Планирование.

«Что бы ты сказал, узнав, что твой враг — экстрасенс?»

— А вы вернетесь на Границу? — тихо спросил Херек.

Затар посмотрел на командующего соединением, прочитал выражение его лица и улыбнулся. «Ты — мой, — подумал Затар. — Ты, и твои пилоты, и твой экипаж».

— Да, — пообещал Затар. — На моем собственном корабле. Когда придет время.

Будущее манило его.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

«Отношение между ненавистью и желанием такое: они рождены от одного и того же источника страсти; а если это так, то их часто путают и одно чувство усиливает другое».

Витон

1

Сила с шумом распахнула дверь, чтобы предупредить кайм'эра о своем появлении.

— А, какой точный расчет времени! Затар, у твоей Хозяйки нет равных в выборе слуг.

— Знаешь ли, Сечавех, я сам их подбираю — или, по крайней мере, тебе следует это знать. Выпей вина.

Хрупкая дувекская женщина встала перед лордом на колени и протянула украшенный драгоценными камнями поднос, на котором стояли три полных стакана. Сечавех взял один и кивнул Йирилу.

— Я люблю хрупких, — сказал он, улыбнувшись.

Затар улыбнулся в ответ.

— Я так и думал.

— Я такой предсказуемый? — притворно удивился Сечавех. Его глаза многозначительно светились, когда он потягивал вино.

— Иногда, — отговорился Затар.

Кайм'эра какое-то время наслаждались послевкусием, тихо комментировали ощущения и не возвращались к своему разговору, пока женщина не ушла и заново не установилась звукоизоляция.

— Я с тобой, — сказал Сечавех. — У меня свой резон, конечно. И совсем необязательно мне одобрять твои методы. Но я тебя поддержу.

Затар приподнял бровь и посмотрел на Йирила.

— Разве я могу бросать вызов великому Затару? — Кайм'эра пожал плечами.

— Мне нужно больше, чем это, Йирил.

— Что я могу тебе дать? Ты показываешь мне планы, основанные на суеверных страхах. Ты хвастаешься, как будешь манипулировать дураками. Может, хватит, а?

— Время подходящее. — Затар поставил стакан и отодвинул от себя, движение это не показывало, как он напряжен. — Столетие за столетием кайм'эра рассматривали альтернативные структуры для нашего правительства. Но если вводить изменения, то их нужно вводить немедленно. До того, как нас останется слишком мало. До того, как наши позиции ослабнут, и Холдинг поднимется против нас. Тогда станет уже слишком поздно.

— Согласен — ты абсолютно прав, — кивнул Йирил. — Но Затар, все равно должен найтись человек, который готов вынести вопрос на голосование, и достаточно людей, готовых пожертвовать собственной властью, чтобы избежать катастрофы — ведь она может и не случиться на протяжении их жизни. Ты говоришь мне, что ими можно манипулировать психологически. Я тебе скажу, что они эгоисты — и в любом сражении на Бракси, нисколько не сомневаюсь, это качество победит.

— Согласен, — спокойно ответил Затар. — Поэтому они должны верить, что реструктуризация необходима лично им. Сейчас, а не позднее.

— Все равно остается много браксанов, — заметил Сечавех. — Даже при потерях, в среднем достигающих пятидесяти процентов во время эпидемии чумы, у нас впереди столетия, пока не сократится количество членов кайм'эрата.

— Именно так. — Затар согласно кивнул. — Но есть и другие опасности, которые нам угрожают, кроме расового уничтожения.

— Такие же опасные? — резко спросил Йирил.

— В некотором смысле — даже более. Теперь рассмотрим вот какой вопрос: у одного монарха, как у Харкура, имеется власть, которой никогда не было ни у одного человека — и обязанностей больше. Это, я думаю, и является самым важным. Пока мы считали, что браксаны у власти — это благо для любого человека, который получает взамен именно то, в чем нуждается. Но есть и обратная сторона медали, и на этом я планирую сыграть.

— Браксаны не слывут трусами перед лицом опасности.

— Но они трусливы, когда дело доходит до того, чтобы взглянуть правде в лицо — по крайней мере, определенной правде. Посмотрите вот на это.

Он протянул руку к стене и открыл панель.

— Как давно мы получали полный военный отчет во время заседания? — спросил Затар и вставил чип в соответствующую прорезь.

Двое других мужчин пораженно посмотрели друг на друга. До этого момента они не осознавали, что стандартное представление ситуации на карте в последнее время забросили, и посыльные, сообщавшие новости с фронта, выражались довольно туманно.

— Вот именно, — сказал Затар и снова повернулся к ним. — Смотрите сюда.

Свет в комнате потускнел и перед ними развернулась звездная карта. Трехмерное изображение занимало целую половину помещения, точки света пропорционально размещались в темноте, представляя звезды, а легкий цветной туман — соответственно, красный и голубой — представлял территории, принадлежащие Империи и Холдингу.

— Военная Граница пять жентов тому назад, — Затар нажал на рычаги управления, и туман слегка переместился. — Четыре жента. — Снова переместился. — Два. — Красный туман плыл вперед, как нечто живое, поглощая пространство перед собой. — Последний жент. — Затар позволил кайм'эра переварить увиденное, затем добавил: — А вот наш последний отчет.

Лорды потеряли дар речи.

— Йирил? — позвал одного из них Затар.

— Я понимаю, почему нам это не показывали, — тихо отозвался тот.

— Да, — согласился Сечавех. — И я думаю, что некоторые за это ответят.

— Согласен. — Затар смотрел на звездную карту со смешанным чувством — гордости и любви. — Но забудьте о проблеме на минуту. У нас есть еще одна, гораздо более достойная внимания проблема. Кайм'эра, мы проигрываем Великую Войну.

— Переход пограничной территории из одних рук в другие — не новость, — возразил Сечавех.

— Правильно. Но посмотрите сюда, — Затар подошел к карте и показал на полуостров красного тумана, который протянулся через Границу и приближался к исконно браксинскому космическому пространству. — Кайм'эра, я спрашиваю вас: какотреагирует Бракси, когда впервые за десять тысяч лет наша безопасная внутренняя граница будет нарушена?

Последовало молчание, Йирил с Сечавехом задумались, и наконец Йирил пробормотал:

— Очень плохо.

— Давайте говорить начистоту. Мы никогда не проигрывали ни одну из войн. Готов признать: мы не знаем, как это — проиграть войну.

— И из этого следует, что у браксанов очень многое поставлено на карту, — Сечавех улыбнулся. — Нужно приложить усилия, чтобы это не произошло во время их правления.

Йирил был менее уверен в этом.

— Потеря мелкой звезды или двух — это ведь Бирсул, не так ли? Я так и думал. Это само по себе не проигрыш в Великой Войне, — возразил он.

— Но кайм'эра испугаются, — прищурился Затар.

— О, зловещее предзнаменование, — кивнул Сечавех.

— И не повредит еще тот факт, что это случилось, когда большинство из них ничего об этом не знало.

— Поэтому ты можешь добавить этот факт к рассказу о выходе ситуации из-под контроля, — парировал Йирил. — Но все равно этого недостаточно.

— Хорошо, — решил Затар. Карта погасла и зажегся свет. — А если враг — женщина?

Последовала пауза — собеседники переваривали информацию. Сечавех заметно помрачнел, вид его стал угрожаю-

щим, но он ничего не сказал. Йирил первым нарушил молчание:

— Ты имеешь в виду женщину-директора...

— Нет, — оборвал его Затар. — Ведущий корабль из тех, которые должны пробить границу Бракси, находится под командованием женщины, и она руководит всеми действиями, от начала и до конца. И это — еще не все. — Затар сделал паузу, радуясь беспокойству старших мужчин. — Она — телепат. Функциональный телепат, полный, если пользоваться терминологией Империи. В прошлом Империя нанимала на службу по крайней мере одного экстрасенса и может планировать привлечь других. Кайм'эра, то, с чем мы столкнулись, — изменение самой природы Войны! Изменение, которое разрушит нас. Я спрашиваю, их это испугает?

— Если не испугает, то я задумаюсь об их здравомыслии, — ошеломленно произнес Йирил. — Но это правда, Затар? Или удачная фальсификация?

— К сожалению, это правда. Я понимаю, что среди азеанцев экстрасенсы — не новость, но почему они только теперь присоединились к флоту? Этого я вам сказать не могу. Но я знаю вот что: коммуникации — ключ ко всей сверхсветовой войне. Мы ограничены радиусом действия наших приборов. А что случится, когда азеанцы увеличат свой радиус до бесконечности? Со всей прямоотой заявляю вам, кайм'эра: эта женщина — только начало чего-то, что — если этому позволить продлиться — будет означать наше поражение.

— От рук женщины, — пробормотал Сечавех.

— Соедините потерю всей власти с угрозой шемар. Нарисуйте им картину Холдинга на коленях перед женщиной. Нас, склоняющихся перед экстрасенсом, нас, которые убивали собственных детей, чтобы эта мутация не доминировала в расе! Если они этого не испугаются, кайм'эра, то они не браксаны.

— Да, хороший повод, — согласился Йирил. Но тон его не был уверенным. — И, кажется, эта странная женщина знает о том.

Затар был доволен тем, что Йирил понял его, и кивнул.

— В этом и заключается ирония. В фактическом обмене территориями по длине Границы у нас более надежное положение, чем раньше. Кто-то из вас заметил это на карте? Кто-то из вас хотел спросить об этом? Мысль о поражении,

нанесенном женщиной — причем женщиной-экстрасенсом — так беспокоит вас, что подавляет способность мыслить. Я думаю, что *она* на это и рассчитывает. Я думаю, что она пытается прорваться в браксинское космические пространство как раз по этой причине — поскольку этот шаг выведет нас из строя и даст Империи психологическое преимущество. Экстрасенсорные способности этой женщины дают ей уникальное преимущество на этой арене. — Затар сделал паузу, напряжение в комнате стало осязаемым. — Она думает выиграть войну, кайм'эра. И учитывая ее природу, эта женщина, пожалуй, и может это сделать.

— Кто она? — спросил Йирил. — Как я понимаю, ты знаешь это.

— Ее зовут Анжа лиу Митете. Дочь Дармела лиу Туконе и наследница его способностей. Фактически — неазеанка, ей «повезло» унаследовать генокод от какого-то инородного предка, и азеанские власти подняли максимум шума, чтобы ей отказали в гражданстве. Живой парадокс — и опасный. Я предлагаю от нее избавиться. Сейчас. Пока еще можно.

— Очень хорошо, — иронически заметил Сечавех. — Как?

— Я не думаю, что женщину можно убить на Границе, — объяснил Затар. — У наших сил там и так трудности в сдерживании сил под командованием Анжи, поэтому сомневаюсь, что наши в состоянии уничтожить сам «Завоеватель». Но Звездный Контроль периодически заставляет своих сотрудников брать отпуск и проводить его на земле. Когда-нибудь Анжа лиу Митете покинет свой корабль.

— Ты предлагаешь набег?

— Нанять убийцу. Один человек проскользнет в Империю, туда, где они менее всего ожидают увидеть браксинца.

— Системы безопасности работают более напряженно, чем раньше, — указал Йирил. — Из-за тебя.

— Я один раз это сделал и думаю, что это можно проделать вновь. Азеанцы не живут среди разнообразных рас, как мы, они не привыкли смотреть на чужестранцев и определять их происхождение. Их расовый инстинкт диктует им: все, что выглядит по-азеански и действует по-азеански, на самом деле является азеанским. Единственный риск — это оказаться в присутствии службы безопасности, но это очень малая часть общей картины. Риск, но необходимый.

— Ты поедешь сам, — внезапно догадался Сечавех.

— Конечно, — подтвердил Затар. — Кому еще может удастся подобное?

— В прошлый раз ты был моложе. — Йирил был явно настроен скептически. — Лучше приспособливался. И терял тебе было почти нечего.

— Сколько времени это займет? — спросил Сечавех.

— По моим оценкам, от двух до трех лет. Это включает время на ассимиляцию и поиск путей — придется путешествовать в обход Империи, к слабо охраняемой границе. Ну, допустим: три года.

— Три года не появляться в Цитадели, — задумчиво сказал Сечавех. — Это будет огромной политической потерей.

— Кайм'эра, мы или делаем это вместе, или не делаем вообще, — убежденно заговорил Затар. — Послушайте, что я предлагаю. Я отправлюсь в Империю и разберусь с этой женщиной. А у вас пока имеется два или три года на обработку других кайм'эра. Возьмите под контроль военных советников и все отчеты. Изменяйте их, если в этом есть необходимость! Играйте на страхах ваших коллег. Угроза достаточно реальна и идеально соответствует браксанской мифологии. У большинства из этих людей больше суеверий, чем они когда-либо признают. Я думаю, что ими можно манипулировать через эту слабость. Мы все признаем, что настоящее разделение власти — гибельное. Предложите альтернативу — небольшая группа людей, которые будут разбираться с угрозами такого масштаба. Вначале номинальные назначения. Нам нужен прецедент.

— А ты, сыграв роль спасителя Холдинга...

— Они никогда не возвысят меня одного, браксанский ум не так примитивен. Должны быть другие люди, помогающие мне властвовать — вы двое, — и равное число противников перемен, чтобы все уравновесить. А также один бесстрашный лорд, чтобы получилось нечетное число. Всего семь. Это звучит разумно?

— Другими словами, Высший Кайм'эрат... — Йирил задумался. — Знаешь ли, мы рассматривали это раньше.

— Вот именно. Пока вы проводите подготовительную работу, а я обеспечиваю катализатор, это может сработать.

— Угроза хороша, — сказал Сечавех. — Насчет времени все правильно. Но потребуется все подать как следует...

— Да. — Затар снова сел, его глаза горели, когда он опять поднял стакан с вином. — Необходима мелодрама. Вот такая, например — ужасная Анжа лиу Митете умирает Черной Смертью прямо перед нашим взором, на Переговорной Станции, а ее соратники не могут ей помочь. Ну, как?

— Ну, это может сработать, — усмехнулся Сечавех.

— Или ничто не сработает, — согласился Йирил. — Если, как ты говоришь, правильно подготовить почву...

— Это ваша работа, — бросил младший кайм'эра.

2

Дневная смена закончилась.

Анжа лиу Митете находилась одна на палубе наблюдения и смотрела в черноту, усеянную звездами. На нижнем уровне, в полном приборов отсеке, измерялись показатели и протяженность пустоты. Но приборы не могли уловить ее великолепия, его показывал только этот простой обзор.

Анжа глубоко дышала и отправляла свои чувства в темноту. Далеко справа сознание населения какой-то планеты излучало экстрасенсорное тепло, и Анжа идентифицировала планету: Икн. Еще дальше, почти вне пределов ее досягаемости, она почувствовала враждебность, там находилась Военная Граница. Там Анжа уловила знакомое прикосновение коллег, их добрые намерения. А за ними — точки агрессии в темноте, словно поющие о крови и смерти, и экстаз насилия, окруженный разумами, которые никогда не смогут разделить эту музыку. Браксинцы. Когда «Завоеватель» подойдет поближе, Анжа сможет указать определенные корабли или людей и начнет составлять карты с их местоположением, а пока она чувствовала только прикосновение их ненависти, расплывавшейся в космосе.

Анжа вздохнула и ограничила свое осознание экипажем корабля. Ей требовался отпуск на земле, но она будет рада вернуться на Границу. Остановка на Адрише принесла больше зла, чем пользы. Она надеялась, что экипажу повезло больше. Анжа предполагала, что большинство из них чувствовали то же, что и она сама, — что лучше бы вообще не покидать Войну. Требовалось столько сделать, и время было бесценно...

Анжа быстро ушла с палубы. Дневная смена расходилась по местам общего пользования или личным каютам, поесть, отдохнуть или развлечься в соответствии с личными интересами. Командир направилась по коридорам к двери, на которой значилось «Спортзал II». Дверь открылась при ее приближении.

Он был ее собственностью. Не фактически, потому что спортивными залами огромного корабля разрешалось пользоваться всем, а по атмосфере. К оформленному в варварском стиле помещению массу вещей добавила сама Анжа — стойки с оружием, современным и древним, острым и затупленным, колчаны со стрелами и луки, чтобы отправлять их в полет, посохи и пращи и даже оружие, неизвестное в Империи и чужеродное для всех входящих в нее культур. Интерес, который пробудил и постоянно поддерживал Юмада, стал навязчивой идеей. В смертельных играх было что-то, что подходило природе этой женщины больше, чем любое другое времяпрепровождение.

Анжа выбрала несколько кинжалов, и спортзал обеспечил ей соответствующую цель. Эти метательные ножи — подарок благодарного народа за ее своевременную поддержку — изготовили на Рахне. Анжа улыбнулась, взвешивая их в руке. Она никогда не сообщала о своем хобби публично — ей не требовалось. Купцы прочесывали галактику в поисках остатков варварских культур, покупали лучшие клинки и продавали самые лучшие из них если не лично Анже, то кому-то, кто хотел ее порадовать.

Первый кинжал прорезал воздух и вонзился в мишень, примерно на ширине ладони от центра.

Анжа нахмурилась. Плохо. Второй пришелся ближе к цели, но третий, брошенный слишком сильно, пронзил тонкую мишень у края и воткнулся в стену.

— Не лучший твой день, — проворчали за спиной.

Анжа повернулась и обнаружила своего личного врача. Он стоял, прислонившись к стене, и улыбался. Она рефлекторно произвела поверхностный анализ — доброжелательная ирония на поверхности сознания, под ним напряжение, Тау пытается что-то сказать и не знает, как начать. Насилие? Страх? Нет, это ощущение, вероятно, связано с оружием и ее собственным раздражением, не Тау.

— Да, бывали у меня и лучшие дни, — кивнула командир. — Я думала, у тебя есть работа.

— Есть, — кивнул Тау. — Мы можем поговорить?

— Давай.

— Наедине. — Что-то внутри него искало... окружения, вдохновляющего на разговор. Спортзал не подходил. А что подходило, она не могла прочитать, не нарушая профессиональной этики телепата.

— В моей каюте? — предложила Анжа.

— Отлично.

По пути Анжа изучала поверхностные эмоции Тау. Колесание, опасения. Почему? Знать эту малость было хуже, чем не знать ничего вообще.

Ее личная печать на двери казалась излишней при системе безопасности «Завоевателя», и Тау часто говорил об этом. Теперь он ничего не сказал. Даже его мысли как-то неестественно молчали, это напоминало затишье перед грозой.

Анжа никогда не умела вести себя так, чтобы люди в ее присутствии почувствовали себя комфортно. Она просто ждала.

— Дело касается исследования на Адрише, — осторожно начал доктор.

Анжа ничего не сказала. Ее лицо не выражало ничего, кроме вежливого беспокойства и любопытства — женщина хорошо умела скрывать свои чувства.

— Как ты уже знаешь, Старейшины Адриша попросили моего совета по поводу необычного вскрытия. Они думали, что мой уникальный опыт может оказаться полезным.

— Ты так и говорил тогда, — подтвердила Анжа.

— Я не завершил процедуру, — быстро проговорил Тау. Ее лицо потемнело.

— Тебе следовало сообщить мне это не лично, а по системе связи. Твое звание позволяет тебе...

— Мне не мешали, я работал в одиночку, командир, — опередил Анжу доктор. — Я сам решил не продолжать. Результаты исследования, которые показали мне Старейшины, было достаточно, чтоб подтвердить мои худшие подозрения, они меня уже некоторое время беспокоили, но я не решался их проверить, опасаясь, что Старейшины придут к тем же выводам. И я хотел, чтобы мы стартовали перед тем, как сообщу тебе все. Я...

Анжа выразила его мысль одним словом:

— Боялся.

— Да, — Тау колебался и она слышала, как работает его сознание, пытаюсь подобрать правильные слова. — Я думаю, что все станет более ясно, если я опишу тот случай.

— Ну тогда, пожалуйста, опиши. — может, слишком Анжа слишком уступает ему? Ей нужно последить за собой.

— Мужчина был... его звали Сим Че-Ли, — Тау сделал паузу, дожидаясь реакции, но таковой не последовало. — Человек этот стоял вне закона, они бы его и сами убили, если бы поймали. Безжалостный, жестокий — хладнокровный убийца с взрывным характером, он гордился тем, что объявлен вне закона во всех человеческих мирах.

— Я знаю этот тип людей, — «Даже слишком хорошо». — Продолжай.

— Он умер пять ночей назад. Власти нашли его тело и произвели вскрытие. То, что они обнаружили, привело их в замешательство. Все выглядело так, словно у преступника был поражен мозг, причем внезапно, ряд функций, необходимых для поддержания жизни, одновременно и таинственным образом прекратили работать. Но никто не бил его. По крайней мере, физических повреждений не было. Власти хотели обсудить со мной возможность какого-то психологического воздействия. Они хотели знать, как это отразилось бы на физиологии.

— Им следовало обратиться в Институт за помощью.

— Они обратились. Это было очевидно. И им отказали, или, скорее, отложили на неопределенное время передачу информации. Что в общем означает одно и то же. Твой Институт не слеп, Анжа. Мозг человека не сгорает сам по себе без провокации. Если ты скажешь мне, что он умер от страха, отчаяния, даже ненависти к себе, я покажу тебе, как найти знаки всего этого в химическом составе организма. Обычные эмоции могут убить, но оставят какие-то следы. Однако телепатия их может и не оставить.

— Это обвинение? — вдруг рывкнула Анжа. Слишком быстро, она явно пыталась защититься, и пожалела о своей реакции, как только произнесла это вслух.

— Я видел протоколы, — тихо сказал Тау. — Левирен, Кей Сан, другие. Ты убила их. Я знаю.

Анжа скрестила руки на груди и стояла неподвижно.

— Ты пришел к несколько поспешным выводам, — ровным голосом сказала она.

— Нет, — покачал головой Тау. — Вначале ты не была такой осторожной, а это приводит меня к мысли, что по крайней мере тогда это было не нарочно. Я сам видел тебя с Левиреном. Достаточно легко составить свидетельство о смерти, если тебе обеспечена императорская неприкосновенность: внезапная смерть, причину точно определить невозможно. Наутро после смерти Левирена мы рванули к Границе. Затем Арварас — ты говорила о нем, помнишь? После этого ты перестала говорить. Их стало труднее отслеживать, но возможно. После того, как я стал связывать эти смерти с твоим отпуском на поверхность планеты, остальное стало само складываться.

— Доказательств нет, — сказала Анжа холодно, скрывая огонь, пожирающий ее душу, огонь, который будили эти воспоминания. «Будь ты проклят!» — подумала она.

— Я хочу помочь, — тихо сказал доктор.

— Это не твоя забота, — зло парировала Анжа.

— Я — твой личный врач, и это моя забота!

— Ты ничего не можешь сделать!

— Позволь мне самому об этом судить.

— Тау...

— Чего ты хочешь от меня, Анжа? — оборвал ее доктор. — Заявление в письменном виде с тремя печатями, подтверждающее мою преданность тебе? Я уже пять лет летаю с тобой на этом корабле. Я знаю, на что ты способна. Если ты скажешь мне завтра, что превратилась в какое-то мистическое существо, которому требуется каждый день сжирать по человеку для продолжения жизни... О, Хаша! Я наверняка стану помогать тебе замечать следы. Польза, которую ты принесла, измеряется целыми планетами, а люди, которым ты помогла, миллиардами. Что такое шесть человек в сравнении с этим?

Ошарашенная такой неистовой верностью, Анжа быстро переоценила ситуацию.

— Я никогда не думала, что ты такой хладнокровный убийца. — Теперь она смотрела на своего личного доктора совсем иначе.

— Целеустремленный и всецело преданный тебе! — обрадованно выдохнул Тау. — Знаешь, именно поэтому меня и выбрали для этой работы — любого менее упрямого, чем я, ты бы превратила в коврик для вытирания ног. Еще до того, как позволила бы хорошо взглянуть на эту твою проклятую ценную анатомию. И тем более — на твой разум.

Несмотря ни на что, Анжа улыбнулась. Тау был прав.

— Точно в яблочко. — Ей потребовалось некоторое время, чтобы справиться с неприятным чувством в животе, и частично это у нее получилось.

«Зачем тебе моя искренность в этом вопросе? — размышляла Анжа. — Помочь мне... а если бы ты на самом деле мог? Или узнать, что и как я делаю, раз тебе так приказали, чтобы Азеа получила все мои секреты?»

Последняя мысль оскорбила бы Тау, и Анжа знала это. Женщина отвернулась, чтобы скрыть свое замешательство, и тихо предложила:

— Этого не должно было случиться. Этого больше никогда не произойдет. Пусть этого будет достаточно.

— А если против тебя выдвинут обвинения? — спросил Тау.

— Кто обвинит меня в убийстве гражданского лица? — сказала Анжа с упреком.

— Любой член Совета Правосудия, кому первым придет в голову выдвинуть против тебя это обвинение, — доктор помедлил. — Попал, верно?

Он пробил ее броню, и эмоции зашевелились в душе. Страстное желание, и отчаяние, и необходимость человеческого контакта. С кем, если не с ним? Он предлагает поддержку. Его беспокойство кажется искренним. Почему бы Анже не принять его помощь?

— Ты не знаешь, о чем просишь. — Анжа почувствовала, что дала слабину, и предвидела падение щитов, которые всегда оберегали ее от суждений — и презрения — остальных людей.

— Доверься мне! — мягко сказал Тау.

Анжа изучала его снаружи и изнутри, глубже, чем делала когда-либо раньше. Его предложение давало ей свободу изучить личность Тау изнутри, оценить его доверие, и она воспользовалась возможностью, чтобы понять то, что професси-

ональная этика раньше запрещала — сугубо личные вопросы. Тау встретил ее открыто и откровенно показал мотивы своих действий. Беспокойство. Любопытство. Дружелюбие. Анжа осторожно попробовала последнее и, несмотря на чужой для нее тон, нашла ответную реакцию у себя. «Мне нужно высказаться, — подумала Анжа. — И здесь есть тот, кто готов выслушать меня». Больше она не станет ничего рассматривать.

— Что ты знаешь о телепатическом контакте в гетеросексуальной паре, соединившейся на всю жизнь? — спросила Анжа. Она не могла выразиться более ясно, если только выложить все прямо, и ожидала от Тау смущения. Но он, по видимому, понял, что она имела в виду.

— Говорят, что в процессе полового контакта телепаты очень сильно соприкасаются друг с другом — независимо от того, связана ли эта пара на всю жизнь или нет, — ответил Тау. Он все понял — таков был скрытый смысл его слов. Если у Анжи нет необходимости объединяться с кем-то на всю жизнь — право на это давалось азеанцам от рождения, — то она, конечно, ищет удовольствия по другой причине. Тау принимал это как должное.

Анжа этого не ожидала.

— Ты знаешь о процессе? — насупилась она, но почувствовала облегчение: может, ей и не потребуется все объяснять.

Тау пожал плечами, но глаз не отвел.

— По слухам, — ответил он настороженно.

— Институт тебя не готовил?

— Не в этом плане.

— Им следовало бы... Следовало ожидать... — Анжа замолчала, обеспокоенная внезапным открытием. Почему они пренебрегли объяснением такой важной части ее прошлого? Не ожидали, что она рискнет быть пойманной ради того только, чтоб поэкспериментировать... Нет, на них это не похоже. В Институте все очень щепетильно. Тем не менее им следовало рассказать обо всем Тау.

И вдруг все встало на свои места: они хотели, чтоб Анжа зависела от Института, и такие меры обеспечили бы ее постоянную привязанность. Не найдя себе поддержки среди членов экипажа, ей пришлось бы вернуться к Ллорну. Или нести бремя воспоминаний в одиночестве.

«Будьте вы прокляты! — зло подумала Анжа. — Будьте вы все прокляты!»

Она повернулась к Тау и, хоть ногти и впивались ей в ладони от кипящего внутри гнева, Анжа заставила себя говорить спокойно, чтобы ясно дать понять ему: ее ярость направлена на других.

— Сядь, — тихо сказала женщина. — Я попытаюсь объяснить.

Он сел около письменного стола, Анжа пристроилась на краешке стула с другой стороны, напротив него, ее пальцы нервно постукивали по столешнице.

— Вскоре после того, как меня сюда назначили, мы остановились на Шеве, чтобы собрать эскорт для сопровождения на Кол-Суа. Помнишь? — Тау кивнул. — Посол Левирен... предложил мне заняться любовью. До этого я проявляла осторожность и избегала любых сексуальных контактов, опасаясь политических последствий, но на Шеве... — Она вздохнула. —

Я приняла предложение. Он хотел меня, и трудно отказать кому-то, когда ты так захвачен его вожделением. Я сказала себе, что заслужила это. Я всю жизнь отказывала себе в одной части жизни, но теперь, после того, как самый трудный период закончился, я могла себе позволить немного расслабиться. И вот я приняла предложение Левирена. У него был дом в окрестностях Венесаши, и мы отправились туда — тихое, уединенное место, где нас никто не побеспокоит. Я помню, как почувствовала напряженность его ожидания, силу желания, и прочувствовала все внутри него — более четко, чем когда-либо с простым человеком. Возбуждение любого рода стимулирует телепатический контакт, и более всего — сексуальное возбуждение. Для телепата удовольствие — это поделиться опытом; барьеры полностью открываются, и каждый переживает удовольствие за двоих... как я предполагаю. Так должно быть. Я так этого и не выяснила. Потому что он умер, Тау. Когда Левирен держал меня в объятиях, когда я ответила ему... он умер.

Анжа мгновение наблюдала за реакцией Тау. Но ее не последовало, и женщина коснулась его поверхностных мыслей, ожидая отвращения или жалости, или и того и другого. А нашла только беспокойство. Это удивило Анжу.

— Я пыталась определить, что могло вызвать его гибель, — тихо сказала Анжа, успокоенная тем, что нашла в

Тау сочувствие. — Я могла думать только о ярости и жестокости внутри меня, которые перешли из сознания в сознание со всей силой прямого контакта, а Левирен с этим не справился. Он ушел из жизни — просто перестал существовать. Я убедила себя, что случилось именно это, и более яростный и сильный человек может преуспеть там, где провалился Левирен. И я стала искать такого человека.

— Арварас, — догадался Тау.

— Кей Сан. Другие. Это ни разу не сработало.

— Разве нет способов блокировать контакт в этом случае?

— Это называется дисциплиной контакта, — сухо ответила Анжа. — Я не могу этого сделать. Не спрашивай меня, почему — я сама не представляю — но я так и не смогла ее освоить. Мое тело является проводником для мыслей, и чем больше я напряжена, тем лучше это срабатывает. Моя единственная неудача. И очень большая, проклятье! Однако я продолжала искать. Я считала, что решением проблемы будет мужчина, собственная природа которого так брутальна, что ничто из моих откровений его не удивит.

— Серу Че-Ли.

— Я потратила целый год, проводя расследования, чтобы найти людей, которые помогут его отыскать. Когда подошло время и нам предстояло провести отпуск на поверхности планеты, я запросила Адриш. Я знала, что Че-Ли там, — Анжа пожала плечами, но это больше походило на нервную судорогу. — Ты знаешь остальное.

— Все было так же? — мягко спросил Тау.

Она кивнула. Анжа пыталась сделать так, чтобы воспоминания не повлияли на ее голос, но не привыкла к такому обману и не сумела спрятать своих страданий.

— Он мертв, — глухо выговорила она. — Они все мертвы. Что-то во мне убило их, и это что-то продолжает убивать каждый раз, когда я пытаюсь... при любой попытке.

— Может, тебе удастся на этом сосредоточиться и...

Анжа зло тряхнула головой.

— Нам не дано видеть телепатический процесс изнутри. Это гарантировано нашей психологической обработкой. Предполагается, что это не дает нам сойти с ума. Нет, я попала в капкан. И я скажу тебе кое-что, Тау. Я унаследовала мое либидо не от азеанских родителей. Принять это было гораздо

сложнее, чем что-либо в моей жизни вообще. — Женщина отвернулась от врача, раздумывая, заметил ли он ее дрожь. Вероятно, заметил. — Но если не Че-Ли, значит, никто. Ярость в нем была для меня словно домом. Я не могу представить сознания, более подходящего для моего собственного.

— Так что теперь? — тихо спросил Тау.

Анжа встала и обхватила себя за плечи.

— Я живу. Я служу Империи. Я продолжаю действовать. — Костяшки ее пальцев побелели от напряжения. — Это реальность, Тау. Мне требуется жить с тем, какая я на самом деле есть.

— И позволить этому приносить тебе боль? — уточнил доктор.

— У меня есть выбор? — с ненавистью пробормотала Анжа.

— Зачем ты спрашиваешь? Конечно, есть.

Она мгновение смотрела на него, раздумывая.

— Да, — сказала Анжа наконец. — Ты, вероятно, сможешь это сделать. Но разве правильно лечить здорового? Перенаправить сексуальное возбуждение просто потому, что оно в настоящий момент не нужно? Им это понравится, — внезапно сказала Анжа. — Им это очень понравится. И именно по этой причине, если и не по какой другой, я не буду этого делать.

— Ты уверена?

Она задумчиво разглядывала пол. Совет с аплодисментами встретил бы гормональную настройку — и этого было достаточно, чтобы Анжа приняла решение.

— Да, — ответила она Тау. — Абсолютно.

Он чувствовал в ней напряжение, а потому встал и подошел к ней, и предложил контакт. Увидя это, она отпрянула.

— Это не очень хорошая идея, — пробормотала она. Тау сжал рукой ее плечо. Волна боли и отчаяния летела через его руку к сознанию от сознания Анжи. И Тау посылал ей утешительные мысли. Анжа подняла голову и посмотрела на доктора. Она не плакала. За долгие годы она забыла, что это такое. Но была близка к тому, чтобы расплакаться.

Анжа накрыла его руку своей и улыбнулась.

— Я выплесну это на Бракси, — пообещала она.

— Я не забуду это обещание, — кивнул Тау.

3

Издалека этот корабль показался им торговым, но при ближайшем рассмотрении выяснилось, что ничего подобного. Во-первых, слишком много орудий — и очевидно, нацеленных, во-вторых, никаких следов лицензирования или отметок о происхождении. В-третьих, не одно, а два внешних защитных силовых поля — а это значило, что корабль ожидает выстрелов, и частых.

Йирил и Сечавех с сомнением посмотрели друг на друга, но позволили кораблю зайти на стыковку.

Казалось, он колебался перед тем, как состыковаться с боевым кораблем, и медленно и с опаской шел на сближение. И только в последний момент, когда посадка стала необходима, корабль сбросил внешние защитные поля.

Охрана «Сентирь» насторожилась, когда открылась дверь и спустился трап.

— Как ты считаешь, нам следовало их предупредить? — прошептал Йирил.

— Совсем нет, — возразил Сечавех.

Наверху трапа показался человек и стоял там, ожидая неизбежной проверки.

— Оставайтесь на месте... — начал офицер, затем посмотрел на кайм'эра, чтобы проверить, правильно ли среагировал. И с удивлением увидел, как они забавляются, глядя на него, и его рука с зажатым в ней шокером задрожала.

— Я полагаю, это кайм'эра Затар, — сказал, подходя ближе, Йирил.

— Если нет, то ваша система безопасности явно не эффективна, — Затару тоже было забавно наблюдать за разворачивающейся сценой. На голове у него был обруч, прижимавший почти белые волосы. Свободная рубашка, расстегнутая до пупа, широкий шарф и пара высоких лугастинских перчаток, чтобы экипаж не увидел большую часть его тела, чем он мог позволить им разглядеть, — вот каково было облачение Затара. Он даже купил плащ по пути назад, чтобы с его широких плеч каскадом лилась материя, хотя и яркого бирюзового цвета. Более всего поражал наряд лорда. Возможно. Но золотистый цвет лица, которое источало браксанскую

надменность, лица, лишенного волос, но с легкими шрамами и остатками недолеченных ожогов, — поражал ни менее.

— Как я понимаю, все это искусственное, — Сечавех показала на шрамы.

— О, да, — Затар уже сошел по трапу на палубу, «торговый» корабль закрылся и ждал разрешения отделиться. — Отпустите их, — приказал лорд.

Ответственный офицер был поставлен в тупик. Сечавех потребовалось повторить команду перед тем, как он подчинился.

— Ничего личного, — тихо сказал Йирил. — Но почему мы не взорвем этот корабль?

— Потому что у меня в руку вшит имплантант, который взорвет меня, и на том корабле имеется к нему спусковой мезанизм. Кстати, мне нужен врач.

— Но тогда почему тебя уже не взорвали? — спросил Сечавех.

— Потому что я не заплатил заранее. Послушайте, кайм'эра, это едва ли тот прием, которого я ожидал.

Кайм'эра провели Затара мимо охраны, окружая с обеих сторон. Люди вокруг них явно были озадачены необычным шествием.

— Обрати внимание, мы не давим на тебя, требуя рассказать, что случилось. На этом корабле тебе выделена каюта, и у нас здесь несколько женщин из твоего Дома, а также вино и косметолог...

— И кто-то, чтобы удалить имплантант.

— И это. Поэтому восстанавливайся в свое удовольствие. После этого мы ждем полного отчета.

— Приведите ко мне врача и косметолога — и можете все выслушать прямо сейчас.

Йирил передал просьбу охраннику и тот покорно отправился искать нужных людей.

— А теперь расскажите мне, что вы сделали? — спросил Затар.

Мужчины вошли в лифт, и он стал опускаться вниз.

— Мы предложили дипломатическое перемирие на десятый день жента. Сегодня пятый, — добавил Йирил. — Для обсуждения возможности условного мира вокруг полуострова Квай. Азеа ведет там разработку горных пород и может

многое потерять, если эта часть станет Активной Зоной боевых действий. Мы дали понять, что произойдет, если они не пойдут на переговоры.

— Вы еще не получили ответа?

— Нет. Но послание только что ушло. Ты же знаешь, что твой план не давал нам как следует развернуться, а сюда добраться от Бракси — немало дней нужно.

Лифт открылся на жилом уровне, который полностью передали под нужды браксанов. Йирил и Сечавех отвели своего товарища в каюту.

— А-а, — Затар опустил на толстые подушки, устилавшие пол. — Одна из приятных вещей в общении с объявленными вне закона в Азеа типами состоит в том, что они переняли определенные черты нашей культуры. Маленький жалкий корабль Скиве был первым местом, где я почувствовал себя уютно с тех пор, как покинул Бракси.

В дверном проеме появились мужчина и женщина. Затар жестом пригласил их войти. Они колебались мгновение, но затем Затар закатал один рукав и показал грубый шрам. Мужчина тут же подошел и встал на колени с одной стороны, женщина устроилась с другой.

— Вы знаете, что я принимал? — спросил лорд.

— Ваша Хозяйка дала мне все рецепты, — кивнула женщина.

— Отлично. Смешайте мне контрагент, а пока мне нужно обрезать вот это и покрасить, — Затар свободной рукой провел по длинным белым волосам. — И снова завить.

— Вы хотите покрасить и кожу?

— На шее. Остальное может подождать.

Затар посмотрел на двух кайм'эра. Те проявляли осторожность, не задавая вопросов, но явно разрывались от любопытства. Но с чего начать? Затар провел два года среди настолько чужеродных народов, что живущие в своей скорлупке браксаны просто не поймут, что означает притворяться одним из них, и не поймут, почему ему часто приходилось отступать от первоначального плана. Лорд коротко рассказал о своих путешествиях и связанных с ними трудностях, о том, как по широкой дуге облетел Военную Границу и вошел в Империю в регионе, где Бракси не представляет угрозы, а поэтому системы безопасности сведены к минимуму. Затар

поведал им о Тиррахе и планетах типа него, где впервые столкнулся с отвергнутыми Империей разбойниками и понял, что может использовать их для претворения в жизнь своих планов. Там он осваивался со своей азеанской маской. Один человек догадался, что Затар из Холдинга, и попытался добиться его высылки, но умер, не понимая, что браксан не задумывается дважды перед тем, как убить дюжину человек за один вечер, если это нужно для того, чтобы тайное не стало явным. После этого Затар свободно тратил деньги, оплачивая информацию, и обнаружил, что все другие источники проблем легко продаются задолго до того, как азеанцы могут предпринять шаги для защиты информации.

Покидая Тиррах, Затар уже свыкся с маской азеанца и двинулся вперед, вглубь Империи. Отсутствие звездных линий связи означало, что можно путешествовать практически незамеченным. Затар нашел такое отсутствие линий связи глупым, но это было ему на руку.

Он не стал рассказывать кайм'эра о своей остановке на Ллорну. Риск был таким серьезным, что лучше не вспоминать. Затару требовались медицинские карточки Анжи, чтобы приготовить нужную дозу яда, но он не имел возможности раздобыть эти карточки в Звездном Контроле, где содержалось много другой важной информации, поскольку их тщательно и надежно охраняли. Однако кто мог ожидать кражи на Ллорну? Затар рассчитывал на это и пробрался в архив Института, надеясь, что больше никуда идти не потребуется. Он не питал иллюзий относительно риска: любой охранник, патрулирующий территорию, — экстрасенс, и если Затар с ним столкнется, ему на голову свалится вся остальная охрана. Руки у него дрожали, когда он нашел то, что искал, и стал быстро уходить. Воспоминания все еще окрашивались страхом, и ему не хотелось долго думать о Ллорну. В последующие женты Затар передал информацию домой в беспилотной капсуле, не желая доверять ее ничему другому. Пусть будет дольше, но надежнее. Затар отправил капсулу и сразу же отбыл на дальнюю планету — на тот случай, если его заметили. Но этого не произошло. Контрабандист привез в Империю формулы и химикаты, которые Затар не смел носить с собой, из его Дома, и еще один контрабандист доставил ему все за хорошую плату.

Затар ждал. Он подготовил яд, формула его так же отличалась от обычной, как и отпечатки пальцев жертвы. Учитывая ее обмен веществ и химический состав крови, он мог рассчитать время смерти до десятой, если и не точнее. Затар следил за военными частотами при помощи специального оборудования, которое привез с собой, пока наконец не услышал о приказе.

«Завоеватель» отправлялся на Адриш. Затар последовал туда. Его маскарад теперь стал второй натурой кайм'эра, что и требовалось, если он хотел остаться не узнанным перво-классным телепатом. Он слышал, что мысли наемного убийцы, фокусирующегося на жертве, служат словно маяком для натренированного гиперчувствительного сознания. Затар надеялся, что это неправда, и Анжа отвлечется на что-то иное или — что было наименее вероятно — ему удастся провести операцию, самому отказавшись от мыслей о последствиях.

Но лорду повезло. Он нашел ее в грязном игорном доме, в одном из наименее респектабельных районов, где Анжа договаривалась с одним из представителей местного дна. Она была так занята, что у Затара не возникло проблем с выливанием содержимого небольшого пузырька в стакан, который собирались подать ей к столу. Затар оставался в игорном доме достаточно долго, чтобы посмотреть, как Анжа его выпила. Затем он быстро вышел наружу, чтобы его взволнованные мысли не сработали как сигнал тревоги и не предупредила жертву о его присутствии.

Он вернулся на Тиррах, а оттуда на Границу, и этот путь не отличался ничем особенным, поэтому его Затар описал быстро, просто перечислив необходимые факты.

Затем он согнул руку, над которой работал врач. Тот поднял голову от работы:

— Я почти закончил, кайм'эра.

Имплантант располагался глубже, чем ожидалось, а прибор локального действия для извлечения имплантанта мог обрабатывать только ограниченный участок тела, поэтому врач работал медленно и осторожно. Затар кивнул.

— А теперь расскажите мне, что происходило на Брак-си, — попросил он.

— Ну, событий столько, что об этом можно было только мечтать, — ответил Сечавех. — Мы работали по каждому

фронту и, кажется, получили результаты. Отчеты с Войны обрабатывались и изменялись, чтобы создать максимальное напряжение, и кайм'эра вроде бы искренне боялся этой твоей женщины. Служба новостей Телоса — контролируемая Йирилом — представила отчет, по оценке которого осталось максимум два поколения перед тем, когда количество представителей племени браксана сократится до двенадцати тысяч. А если учитывать тот факт, что мы всегда увеличиваем цифры для общественности раз в десять, то получилось отменно зловещее пресказание. Кстати, предполагаемый автор казнен. Кайм'эра очень пугаются подобных вещей и это видно. Мы спрогнозировали всплеск чумы в девятую луну на Дакре, и это заставило их задуматься. Эта твоя маленькая поэтесса тоже неплохо поработала. Ты бы слышал ее выступление на Фестивале Солнца! Мы нашли нескольких шемар и провели суды для получения максимального эффекта. Конечно, обвинения были подстроены. Я сказал бы, что прямо сейчас реакция браксанов на образ доминирующей женщины яростно негативная — насколько вообще возможно. Итак, предварительная психологическая обработка проведена.

— Мы подняли вопрос о реорганизации и его приняли положительно — в особенности после угрозы чумы и скандала в прессе, — продолжил рассказ Йирил. — Общее мнение таково, что раз мы не можем поддерживать кайм'эрат, то получим на свои головы широкомасштабную революцию, и браксаны хотят перестроиться до того, как она начнется. Отчет Телоса дал им понять, что не нужно ждать сокращения численности нашей расы, чтобы оказаться в опасности, пока общественность думает, что нас стало меньше. По моим подсчетам, по крайней мере четверть кайм'эра нас поддерживают.

— Нам нужно три четверти или около того, — возразил Затар.

— Мы их получим. Сечавех и я выдвинули нескольких кайм'эра на руководящие должности наряду с нами и привезли их сюда, как ты и просил.

— Хорошо, — кивнул Затар. — Они сами все увидят. Вы им что-нибудь говорили?

— Ничего конкретного. Трое из них составляют неофициальную триаду, как и мы: Винир, Лерекс и Салоз.

— Мой отец? Великолепно!

— Это идея Сечавеха. Соперничество между вами настолько хорошо известно, что никому и в голову не придет, что вы объединитесь. Лерекс и Салоз также владеют частной собственностью прямо у Военной Границы, а это означает, что если они начнут рискованную игру, то первыми и потеряют от этого. Поэтому на них можно ставить. Последний, Делак, нужен для проведения голосования. Итого — семеро.

— А у Делака что, недвижимость? — осведомился Затар.

— И немало.

— Отлично. Семеро людей, что якобы не смогут никогда договориться. Это понравится кайм'эрату.

— Они все приедут на переговоры. Когда Анжа умрет, — Йирил сделал ударение на слове «когда», словно подчеркивая, что это не может значить «если», — они увидят, какая нам предоставляется возможность. Тогда мы сможем поговорить.

— Я доволен. — Затар посмотрел на врача, который извлек из его руки небольшой чип и теперь зашивал рану. Вид у него был недоуменный. — В чем дело?

— Надпись, лорд, — поспешно ответил врач. — На браксинском — некий примитивный основной режим.

— Прочти вслух, — велел Затар.

— Здесь говорится: «Неужели ты в самом деле думал, что я риску негодованием браксанов, имплантируя взрывное устройство в одного из представителей племени? Подпись — Скиве».

Затар расхохотался.

— А, значит вместо этого он подвергнул меня ненужному хирургическому вмешательству. Гораздо лучше.

— И меньше риска, — заметил Йирил.

— Правда? Даже у человека, стоящего вне закона, даже у убийцы может быть чувство юмора. А шутки Тирраха смертельны. — Затар обернулся к доктору. — Отправь это куда-нибудь подальше с корабля. Я подозреваю, что в конце концов эта штукавина все-таки взорвется.

И имплантант на самом деле взорвался. В свое время.

А кайм'эра готовились к переговорам.

4

— Чего я никак не могу понять, так это почему они хотят заключить договор. Ясно, почему он будет преимуществом

для нас, но им-то что даст этот мир? — размышляла Анжа вслух.

— Так ты собираешься участвовать в переговорах? — спросил ее заместитель.

— У меня нет выбора, Зейне. Император хочет мира. Но после того, как я получу достаточно власти на Границе, браксинцам придется нелегко. Это просто тактика отсрочек, и все, а я устала от того, что меня заставляют медлить с атакой и...

Вошел Тау.

— Привет, — поздоровалась Анжа. Тау определенно требовалось ее внимание. — В чем дело?

— Мне нужно, чтобы ты спустилась в медицинский отсек, — сказал он с усилием. — Прямо сейчас.

Она уловила страх доктора, и страх нешуточный, и кивнула.

— Замени меня, — сказала Анжа заместителю, поднявшись с кресла, и вышла следом за врачом. — В чем дело?

Тау посмотрел на нее в упор. Он так пытался не дать чувствам прорваться наружу, что чуть не сделал наоборот.

— Подожди в лаборатории, — пробормотал он. — Я все скажу тебе там.

Анжа последовала за ним по коридорам к медицинскому отсеку, затем к дверям его личной лаборатории, которая открылась сама при их приближении...

...и стали слышны крики умирающего, но они были несравнимы с волнами агонии, что бились о сознание Анжи, выталкивая ее из помещения. Тау потребовалось взять ее за руку и тащить вперед и невольно сопереживать Анже.

— Я думал, что ты проявляешь повышенную осторожность. — На лбу у доктора выступил пот, когда он попытался игнорировать чужеродные ощущения, которые улавливал через нее. — Я на самом деле так думал. Прости.

В углу лаборатории стоял прозрачный контейнер, в котором находилось маленькое животное — то есть находилось раньше. Теперь там осталась только кучка извивающейся черноты, жутко подвывавшее при последнем издыхании. От существа, которое недавно было живым, исходило страдание, более сильное, чем могло перенести любое существо и остаться после этого в живых.

Черная Смерть. Анжа едва не потеряла сознание.

— Как давно? — выдавила она с усилием.

— Это находилось в тебе? По крайней мере два стандартных дня, может три, — Тау потащил ее к столу, и Анжа еле плелась за ним, неспособная закрыться от боли животного, поскольку боль эта стала ей почти как своя. — Я считал тебя сумасшедшей, зная, как ты этого боишься, — признался врач. — Но каждый раз после того, как ты сходила с корабля, я все равно брал анализы. Метаболизм у этого существа идет быстрее, чем у тебя, и биохимический состав крови такой, что яд действует гораздо раньше, чем на тебя.

Анжа легла на операционный стол и закрыла глаза.

— Каковы шансы? — тихо спросила она.

— Если яд все еще в крови, то хорошие, — Тау заколебался. — Если в мышечной ткани, что уже могло произойти к этому времени... тогда — не знаю. То, что я собираюсь предпринять, никогда не делалось раньше. По крайней мере предупредить серьезное заражение никто не успевал еще.

— Ну давай станем первыми, — прошептала Анжа.

Помощники врача несли инструменты и аппаратуру. Тау разработал инструментарий под руководством Анжи и корабль заказал его изготовление, но Тау никогда не пользовался этим — он надеялся, что не придется. Как ему найти эту проклятую дрянь без облучения, способного высвечивать места мутации? Тау радовался, что под влиянием собственных страхов Анжа не улавливает его мыслей.

Его руки работали быстро и машинально, подсоединяя экспериментальную аппаратуру. Никакой анестезии: Тау знал, что любая анестезия ускорит процесс. По крайней мере, животное наконец умерло, хотя яд еще не вступил в фазу инертности. Теперь Анже придется думать только о своей боли.

— Тау? — позвала она.

— Что?

— Ты можешь точно определить, когда яд должен был сработать?

— Почему?

— У меня есть подозрение. Скажи мне.

Доктор кивнул помощнику, жестом отправляя его за данными.

— Я не поставил бы на это жизнь, Анжа.

— Я и не собираюсь. И переведи... переведи это для меня в календарную систему Бракси, ладно?

— Десятый день восьмого жента, — помедлив сказал Тау.

— Хаша... — пробормотала Анжа.

— Что это значит? — встревожился доктор.

— На этот день они назначили переговоры о мире. Теперь все приобретает ужасный смысл. Тау, вытяни меня из этой ямы. Я не знаю, кто меня отравил, но мне совсем не нравится расчет времени и такие странные шутки. Дай мне еще немного времени пожить, чтобы я разобралась с этим вопросом.

— Я сделаю все от меня зависящее, — обещал Тау и подсоединил первый фильтр.

Анжа пролепетала что-то, но Тау не расслышал до конца и совсем не понял ее слов. На мгновение он опустил руку ей на лоб в надежде, что она может передать мысль, но очевидно, мысль не предназначалась для него — или женщина у же не смогла этого сделать.

— Это второй... — были слова, что доктору удалось слышать, и они не выходили у него из головы еще долгое время.

5

Переговорная Станция IV, предназначенная для ведения мирных переговоров, представляла собой строение без каких-либо отличительных черт и находилась на орбите вокруг солнца, на которое никто не претендовал, где-то в обширной Зоне Военных Действий. Теперь, когда корабли с обеих сторон стали ею пользоваться, возможности станции стали более очевидными. Там имелось защитное поле, для которого требовались азеанские и браксинские коды, передаваемые одновременно, чтобы его снять. Сам спутник был оформлен в традициях обеих культур, и равные половины, но в абсолютно разном стиле, отводились для каждой из звездных империй. Из всех станций для ведения переговоров эта была самой большой и с ней с каждой из сторон легко состыковывались по семь кораблей, которые прислала каждая сторона на эту встречу.

— Просто потеря боевых сил, — пробормотал Затар. — Шесть из этих кораблей сейчас могли бы штурмовать какую-нибудь планету.

— И что мы будем делать, если заключение договора провалится? — спросил Йирил.

Затар удивленно посмотрел на него.

— Кайм'эра, заключение договора не провалится, если только мы сами его не разорвем. Но я знаю, что ты имеешь в виду, — он вздохнул и снова повернулся к экрану. — Традиция есть традиция.

«Сентира» причалила к палубе с браксинской стороны и состыковалась со станцией. Две дюжины браксинцев вышли из огромного корабля, среди них — семеро кайм'эра. Другие боевые корабли находились там только для поддержания имиджа и никто не покинет их за время переговоров. То же самое, как подозревал Затар, происходило и с азеанской стороны. Традиция!

Они прошли через вестибюль браксинской половины станции, спроектированной для комфорта участников переговоров и расслабления экипажей во время долгих дипломатических склок. До их прибытия это место напоминало склеп; теперь там велась активная деятельность, станция готовилась к приезду гостей. Обеденные залы, обставленные в браксанском стиле, открылись при их приближении, отвечая на компьютерный анализ их расовых черт. За ними распахнулись двери в другие помещения, пышно и богато убранные, от мебели из полированного псевдодерева, со вставками серебряных нитей, и алдоусанского белого кристалла, до шпалер, которые покрывали стены без иллюминаторов. Поблескивали многочисленные золотые нити, добавляя чувство архаичной роскоши к технике, на станции, которой управлял компьютер, — типично браксанский стиль.

Здесь находились помещения, спроектированные для удовольствия: широкие плюшевые диваны и ванны, наполненные ароматизированной водой — роскошь, знакомая лишь немногим небраксанским офицерам. Какие бы нужды не возникли у уставшего от войны экипажа, станция была готова их удовлетворить. В конце концов, мир неприятен, а мирные переговоры неприятны вдвойне. Здесь же между дипломатическими боями экипаж корабля мог насладиться

физическими удовольствиями, которые поощряла браксанская культура.

Потеря. И еще того хуже — непристойность. Проходя по изысканно украшенным коридорам, Затар пришел в ярость. Не секрет, что переговоры часто устраивались, когда одна или другая сторона хотела отдохнуть на территории станции для ведения переговоров. И кто мог их обвинить? Здесь предоставлялись лучшие условия для продолжительного отпуска из тех, которые могла предложить галактика, при условии, что человеку не требуется естественное окружение. Это все было частью системы, которая скорее примет войну, чем попытается ее завершить. Изысканный фарс, по мнению Затара. И самое худшее заключалось в том, что обе стороны знали: это на самом деле фарс. Но у кого есть смелость бросить вызов традиции и изменить ее?

Пятеро кайм'эра появились здесь, переменив внешность, и теперь представлялись просто офицерами. Офицеры часто бывали наполовину браксанами, и таким образом они вполне могли сойти за таковых. Йирил и Затар появлялись слишком часто и на переговорах, и в программах новостей, чтобы их не узнали, поэтому кайм'эра оделись в форму, свидетельствующую об их истинном положении. Но если бы семь человек такого ранга появились на мирных переговорах, которые считались рутинной, это вызвало бы подозрения — и эти подозрения тут же свели бы переговоры на нет.

В браксинской части, перед выходом в отсек для переговоров, управляемый компьютером робот забрал их оружие. Робот был специально разработан, чтобы находить любое оружие, и несомненно сделает это. В прошлом они часто пытались обойти его и заставить работать по-другому, но ничего не получалось. Браксанам разрешали оставить жаоры, азеанцам — их Кинжалы Мира. Затар мрачно улыбнулся, думая, что впервые за много столетий один из таких кинжалов на самом деле может потребоваться.

После того, как браксинцы сдали оружие, и предположительно то же сделали и азеанцы, открылись двери, отделявшие их от переговорной залы — и друг от друга.

Комната была такой же, как и все остальные ей подобные: круглой формы, с механическим переводчиком, установленным посередине между двумя полукруглыми столами, зани-

мавшими большую часть площади. По браксинской традиции люди обычно садились слева от лиц самого высокого ранга, эта традиция великолепно сочеталась с азеанской, где таким же образом рассаживались справа. В результате каждый человек сидел напротив примерно соответствующего ему по рангу представителя другой стороны.

Однако центральное место на азеанской стороне пустовало.

В первое мгновение Затар хотел указать на это, но потом решил, что этого делать не стоит. После минутного замешательства он понял, что это означает, и удовлетворенно улыбнулся. Прежде достаточно часто азеанцам приходилось ждать браксинцев. Вообще удивительно, что противникам потребовалось так много времени, чтобы действовать подобно браксинцам и демонстрировать традиционную для противников грубость.

После тщательно выверенной паузы — недостаточно долгой, чтоб браксинцы могли придти в ярость, но почти на грани, — вошла Анжа лиу Митете.

Затар впервые смог ее хорошо рассмотреть. Она была невысокого роста, но жилистой и наверняка сильной, на вид хрупкое телосложение совсем не подразумевало слабости, наоборот, казалось, женщина никогда не устает и всегда полна силы, наполнившей залу при ее появлении и довлеющей над остальными. Странно, это его воображение или ее телепатия? Затар не хотел этого знать.

Она кивнула, признавая присутствие браксанов.

— Кайм'эра, — сказала Анжа, затем присмотрелась повнимательнее и в ее голосе явно прозвучало удивление. — Вас *семеро*. Я не думала, что шахты Квай представляют для вас такую ценность. Я уверена, что они не представляют такой ценности для нас.

Понимавшие браксинский азеанцы определенно старались скрыть, как им весело. Затар прекрасно знал браксанскую чувствительность и восхитился идеальной нацеленностью ее насмешки. И за это, поклялся он про себя, и за многое другое — она умрет.

Командир звездного флота села напротив Затара и посмотрела ему в глаза. У нее не было с собой ни бумаг, ни записывающего устройства, руки, которые она сложила пе-

ред собой, были пусты. Анжа лиу Митете агрессивно склонилась вперед и заговорила.

— Азеа поручила мне вести эти переговоры, и я могу их вести так, как посчитаю нужным, — бросила она вызов браксанам. — Я не хочу мира. Я не вижу никакого преимущества для Азеи в заключении мира в настоящее время — условного или какого-либо другого. Поэтому вам, славные кайм'эра, дается возможность представить мне основания, чтобы оправдать наше прибытие сюда.

«Как осторожно, как тонко, — восхищался Затар. — Такое презрение и даже оскорбление — но ни одного слова приказа, даже случайно оброненного, чтобы на самом деле выгнать нас с переговоров».

На него всегда производило впечатление владение браксанским языком, и еще большее — если учитывать, кто им так хорошо владеет. Жаль, что ей придется вскоре умереть. Жаль.

— Бракси считает, что обеим сторонам для получения экономической выгоды, связанной с Квай, требуется попытка невоенного урегулирования вопроса, — спокойно ответил Затар.

— Бракси никогда не ставила экономическое благополучие над военным, на протяжении всей истории — за исключением не соответствующих истине рассказов, повторяемых дипломатами, которые мы можем не учитывать, кайм'эра. И я бы предпочла сражаться с вами. Вы, как я подозреваю, предпочтете сражаться с нами. Мы можем пропустить всю эту чушь и наконец перейти к истинной цели. Так почему мы собрались здесь?

Ему захотелось улыбнуться, и после минутного раздумья Затар все-таки позволил себе улыбнуться. Не навредит, если он даст женщине знать, что ее ум — приятная перемена после явной некомпетентности ее соотечественников, и во многом даже самих кайм'эра. Во время проведения всех последних дел и махинаций он думал об Анже только как о пешке, оружия в его руках, фигурке в военной игре, ошибке, которую допустил много лет назад, оставив ее в живых, жертве яда, нежелательном элементе — которому предстоит быть сломленным, а время и место не имеют значения. Браксанский разум имеет склонность восхищаться теми, кто может ему противостоять. И Затар не являлся исключением. Анжа лиу Митете приносила ему удовольствие. Опять-таки, жаль.

Затар заранее подготовил рассказ, чтобы прикрыть свое предложение, и теперь представлял его. Представление сильно отличалось от того, что он планировал, но необходимость этого была вызвана откровенно враждебным подходом азеанцев. Тем не менее, только дурак не может адаптироваться, когда этого требует необходимость. Затар импровизировал.

И пока он говорил, внимательно наблюдал за командиром. Анжа слушала, понимая не только значение, но также и два или три скрытых речевых режима, которые время от времени обогащали его язык. Затар следил за собой, чтобы держать их под контролем, и это было трудно, когда его разум уходил в сторону. Затар начинал сожалеть о ее смерти — не о необходимости, а о средстве, которое он применил для реализации своих планов. Черная Смерть, несомненно являлась, самым ужасным из ядов, которые когда-либо придумывал человек, он доводит жертву до состояния обезумевшего от боли животного — или даже хуже — и оставляет сочувствующих стоять в стороне, беспомощно наблюдая за быстрой и мучительной кончиной. И чем больше Затар разговаривал с этой женщиной, тем больше он мог понимать, что она достойна восхищения, даже по браксанским стандартам. Она заслужила более легкой смерти.

Но было слишком поздно.

Вставленный в ухо крошечный микрофончик, подсоединенный к компьютеру, с регулярными интервалами сообщал ему время. Затар уделял переговорам только половину своего внимания, в остальном — ждал и прислушивался. Он понимал, что это рискованно: Анжа прекрасно владеет браксанским языком и, возможно, что если он не станет уделять все внимание разговору, то откроет ей какие-то из своих мыслей. Он улыбнулся сам себе. Это цена, которую приходится платить за самый сложный человеческий язык в галактике и за встречу с человеком, который достойно смог им овладеть. Анжа смогла. Тазхейн, где они нашли такую женщину?

Время тикало, конец приближался. Анжа возражала на его предложения — ловко, искусно и с презрением. Затар приготовил достаточно материала, чтобы растянуть переговоры на много дней, если действие яда замедлится. Но отказываясь согласиться с ним по всем вопросам, Анжа очень быстро разбиралась с ними, однако и этого времени все равно должно хватить.

Затар позволил себе быть многословным и углублялся в ненужные детали, раз уж ему требовалось потянуть время. Больше-то ничего не было нужно. И Анжа, отвечая ему, позволяла переговорам длиться.

И ничего не происходило.

Затар проанализировал возможности и внутренне сжался. Внешне это никак не проявилось, тем не менее Анжа обладала телепатическими способностями и он не сомневался, что женщина уловила его мысли.

Ее речевой режим изменился, переходя в триумфальный — в двух словах из двадцати. Прошло мгновение, Затар бросил взгляд на своих коллег, затем понял, что ни один из них не осознал случившегося. Никто из них, даже два его партнера, не знали точного времени, на которое была назначена смерть, и таким образом использование победительного речевого режима во вполне определенный момент не имело для них значения.

А подтекст ее фразы не оставлял сомнений: «Я знаю. Ты проиграл. И пока я готова это скрывать».

Анжа знает цену, которую Затару пришлось бы заплатить, если б ситуация была представлена во всеуслышанье? Браксаны терпели многое, но никогда — унижения. Никогда. Кайм'эра, униженный перед врагом, останется без ранга и титула. Простого публичного заявления с ее стороны хватило бы для того, чтоб лишить Затара результатов его многолетнего труда и разрушить его так тщательно создаваемый образ.

Анжа играла с ним, и Затар был вынужден подыгрывать ей, не зная, чем все кончится — предательством или более утонченно, и удастся ли ему хоть отчасти сохранить лицо. Они спорили, они сражались, они нагородили горы оскорбительных метафор и использовали все речевые режимы, упражняясь в речевой сложности и обмане. А когда это все закончилось, сознание Затара было измощено, а нервы вымотаны до предела.

Но все закончилось. Они прервали мирные переговоры на яростной ноте, и каждому после этого следовало в гневе отправиться к себе на корабль и освободить станцию не более, чем за одну десятую. Азеанцы были удовлетворены — хотя не поняли ни слова в словесном обмене, несмотря на переводчика; браксинцы были поставлены в тупик и представляли опасность. «Я совсем не хочу объяснений», — по-

нял Затар. Но он задержался перед тем, как уйти, и стоял напротив Анжи, их отделяли друг от друга только столы — браксинский и азеанский. Он слегка опустил глаза — минимум, до которого можно свести уважительный поклон, все еще оставляя его знаком уважения. Анжа улыбнулась так же осторожно.

Когда браксинцы вернулись в непосредственно прилегающее к переговорной помещение и двери плотно закрылись за ними, на Затара посыпались вопросы.

— В чем был смысл всего этого?

— В любом случае, что там произошло?

Понять, пожалуй, удалось только Йирилу — чью целеустремленность Затар начинал уважать все больше и больше.

— Винир, кайм'эра, поднимайтесь на борт! Это место теперь безопасно. — Он резко отмахнулся от их возражений. — Еще одна десятая — и азеанцы могут взорвать эту станцию и нас вместе с ней. На борту корабля у нас будет недостаточно времени на разговоры.

Они подчинились его доводам, которые звучали разумно, эмоции же требовалось отбросить. Даже Сечавех ушел. Несомненно, опасаясь, что при таком негодовании скорее способен убить Затара, чем получить от него какую-то полезную информацию.

Наступила тишина. Затем Йирил посмотрел на молодого лорда.

— Могло быть хуже, — осторожно начал он.

— Это мало утешает, — с досадой бросил Затар.

— Я и не хотел тебя утешать. Это — реальность.

— Я знаю.

Еще одна долгая пауза.

— Что случилось? — наконец спросил Йирил.

— Я не знаю, Йирил, — Затар покачал головой.

— Она приняла яд.

— Я сам видел, как она это сделала.

— Может, состав был неправильный.

— Возможно... — Но использованный Затаром речевой режим говорил: нет, не может быть.

Йирил вздохнул.

— Ну, это возможно для остальных. И наверное, также и для Сечавеха — но я оставляю это на тебя. Переправить

формулу через две нации и тайно — здесь достаточно оснований для ошибки, поэтому, думаю, мы в состоянии спасти наш проект. Конечно, отложить его на время — и на долгое время.

«И таким образом ты спасаешь меня», — подумал Затар. Но не следует благодарить Йирила.

— Когда-нибудь, когда — не имеет значения, если вообще когда-нибудь случится такое — я хочу узнать, что там все-таки произошло, — мягко сказал старший кайм'эра.

Затар слабо улыбнулся. Он с облегчением понял, что все еще может улыбаться.

— Когда-нибудь, — пообещал он в основном режиме.

— Ты возвращаешься на корабль?

Затара передернуло. «Ты знаешь меня лучше, чем я сам себя знаю». Затар посмотрел на дверь.

— Пока нет.

— Половина одной десятой, не больше. Остальное время нам потребуется для выхода из зоны действия орудий.

— Я знаю, — кивнул Затар.

Йирил положил руку ему на плечо.

— Шемар, — предупредил он, причем добавил все возможные приставки, суффиксы и вариации ударения, и в результате слово одновременно выражало предупреждение, восхищение, убеждение, успокоение и тревогу. Затем Йирил улыбнулся.

— Шемар, — повторил Затар в основном режиме, что говорило: я знаю.

Старший кайм'эра оставил его в одиночестве.

«Почему я такой дурак?» — размышлял Затар. Он снова покачал головой, словно пытаясь ее прояснить. Думалось тяжело, незнакомые эмоции мешали и путали то, что обычно являлось хорошо выстроенным мыслительным процессом. Затар нашёл себе врага, и умелого. Мысль о том, чтобы позволить ей свободно носиться меж звезд, приносила боль. Он хотел по крайней мере понять ее, понять ее мотивы, почему Анжа избавила его от верного политического краха, когда он был в ее власти.

И он знал, что она все еще находится на станции.

Затар повернулся к двери. Его оружие лежало на стойке, и ему пришлось оставить его там, в противном случае двери не открылись бы.

Лорд шагнул вперед.

Дверь с шипением отошла в сторону.

Она ждала.

Затар зашел в переговорную и услышал, как дверь закрылась за его спиной. Лицо Анжи лиу Митете торжествующе светилось, светилось удовольствием, такого можно было ожидать скорее от браксана, но не от азеанца. В это мгновение, когда все мысли о будущем испарились перед силой ее личности, Затар радовался, что Анжа умрет какой-то другой смертью, а не той, которую он предназначал для нее раньше.

— Почему? — только и спросил он. По поведению Анжи во время переговоров было ясно, что она терпеть не может бессмысленные преамбулы.

Ей не требовалось спрашивать, что кайм'эра имеет в виду, Анжа ожидала его возвращения, чтобы услышать этот вопрос.

— Потому что ты — *мой*, браксинец, — с гордостью ответила она. — Я не позволю никому другому убить тебя — после того, что ты сделал. Никакая политика не привяжет тебя к Бракси, не отнимет тебя у меня. А именно это и случилось бы, если б я показала, как ты провалился. Я спасла тебя только для того, чтобы отомстить лично.

— Мотив, достойный представителя племени браксана, — оценил Затар.

— Избавь меня от твоих оскорблений, — резко парировала Анжа.

— А что если я отправлюсь домой? А что если я сам решу скрыться от твоего возмездия?

— Я последую за тобой, браксинец. Все мои корабли будут гнаться за тобой. Но ты этого не сделаешь. Ты не посмеешь. Для твоего приграничного флота я представляю слишком много проблем, и они навряд ли смогут меня удерживать. И ты это знаешь. Им требуется твоя проницательность — и им нужен ты. Разве не так?

Затар снова представил себе карту и красный туман внутри нее, мерцающее копье, занесенное на Холдинг, которое только ждет ее руки, чтобы быть брошенным на Главную Планету. «Все из-за ненависти ко мне?» — задумался он.

— Абсолютно, — ответила она на невысказанный вопрос.

— Почему?

Анжа рассмеялась.

— Меня кормили ненавистью. Она стала моей сутью.

— Предполагается, что я в это поверю? Ты не ребенок, лиу Митете. В юности такой ответ мог бы сойти за правду. Но не теперь.

Она казалась довольной тем, что он не принял ее ответ.

— Человек, убивший моего отца, обрек меня на жизнь, которая приносила мне только страдания. Я поклялась отомстить, и я собираюсь это сделать. А ты, кайм'эра, — убийца Дармела лиу Туконе.

— Ты спрашиваешь? — Затар скрестил руки на груди. — Да, это так.

— Я и не думала спрашивать. Это раньше я думала: ты или не ты. Я думала, что не смогу узнать тебя в твоём естественном обличье. Тогда ты был совсем другим... Но глаза — те же. И та же надменность. Как только я тебя увидела, сразу узнала.

В сознании лорда формировался образ — это Анжа его туда поместила? — воспоминание из первого азеанского путешествия. Враг обманут, его жена полностью очарована, а ребенок... на мгновение в ее глазах появился ужас. Она раскусила его? Ему следовало тогда убить девчонку, но возможности не представилось. Ее взгляд годами преследовал Затара, еще долго после того, как само убийство стерлось из памяти.

— ...два человека из Холдинга не могли бы этого сделать, — тем временем говорила Анжа лиу Митете. — Это должен был сделать один человек, кто уже выполнял эту работу. Поздравляю, кайм'эра! Немыслимо, невозможно, но ты преуспел.

— Я проиграл, — возразил Затар.

— Нет, ты недооценил меня, определенно. Хотя твоя попытка была успешной. Подсунуть яд телепату нелегко.

Анжа очень старалась выразить восхищение умом Затара, даже когда ее слова сочли ядом. Почему? Ей приятно обнаружить после стольких лет, что выбранный ею объект мести достоин ее? Это чувство Затар очень хорошо понимал, он сам его испытывал. Если бы Анжу вырастили среди браксанов, какой женщиной она могла бы стать! Каким воином!

Пораженный, он сосредоточился на своих чувствах к ней. Ненависть, да, но и восхищение было ничуть не меньше. Анжа — достойный соперник в традиционном браксанском смысле слова. Она нанесет поражение врагу, обнаруживая его слабости и затем обращая их себе на пользу. Ее противник падет — или станет сильнее. И ей самой пришлось лишить себя всех человеческих слабостей, чтобы не ускорить собственного падения. Вступая в схватку, каждый из противников заставляет другого повышать мастерство, таким образом делая войну актом не только разрушения, но также и созидания. Это — высшая браксанская идея, которую не разделял ни один другой народ. К'айртв'са — «противник в личной войне» — так же привлекателен для браксанского воина, как и смертоносен для него. Им могла быть и женщина. Да, хотя годы мужского доминирования похоронили эту традицию. И если какая-то женщина и заслуживала такого титула, то это была Анжа лиу Митете.

Затару придется сражаться с ней, другого способа нет. Анжа сама это сказала: она слишком сильна, чтоб браксинский приграничный флот смог удержать ее. Только тот, кто понимает ее, может надеяться нанести ей поражение, и у обычного браксинца это не получится. У Затара может получиться, поскольку он не боится Анжи. Если он на самом деле ее понял. И если он не допустит ошибок.

Древний браксан ценил бы такого врага. Они создавали изысканные ритуалы, которыми окружали столкновения равных противников, чтобы усилить разрушительную — и созидательную — силу поединка. Такие ритуалы проводились столетиями, возможно, тысячелетиями. Ни один кайрт не велся с тех пор, как браксанские воины покинули родные степи и были поглощены цивилизацией. В сложности современного общества такая вражда двух воинов не ценилась.

До сего момента.

— Я убью тебя, — тихо поклялся Затар. — Своими собственными руками. В свое время. — Слова появлялись из его подсознания, из той части его души, которая жаждала крови и у которой вызывали досаду наложенные цивилизацией ограничения. Затар даже не осознавал, что знает такие слова. — Способом, который выберу сам.

Как Анжа это воспримет? Она хоть поймет? Он сам едва ли понимал, что это такое.

Но, казалось, Анжа все поняла. Ее глаза заблестели и тело напряглось. «Именно этого она и хочет», — понял Затар.

— Я убью тебя, — сказала Анжа. — Своими собственными руками. В свое время. Выбранным мною способом. Ты не достанешься никому другому, — добавила Анжа, довольной улыбаясь в предвкушении победы.

Затар попытался остановиться, руководствуясь логикой — ведь это же в конце концов сумасшествие! — но вмешалась действительность. Лучше прямо сейчас оставить Бракси на какое-то время, сфокусироваться на какой-то другой деятельности, пока кайм'эра успокаиваются после случившегося. Лучше просто уехать, пока они кричат, требуя объяснений. Эта вендетта послужит его политическим амбициям и принесет Затару удовольствие. Да, определенно.

Он посмотрел в глаза Анжи — азартные огоньки плясали в них — и почувствовал экстаз, замысливая, как она умрет. «Убивая тебя, я и себя лишусь на какое-то время», — подумал он.

Но оставался один последний барьер. И страх этого так глубоко въелся в его браксанскую душу, что потребовалась вся смелость, чтобы поднять руку, в которой Затар держал бы меч, и предложить ей.

Анжа лиу Митете была поражена.

— Ты знаешь, чего просишь?

— Я хочу узнать своего врага.

— Ты этого не переживешь. Ваш народ не создан для таких вещей!

— Ты предполагаешь, что во мне есть слабость там, где ее на самом деле нет.

— Совсем нет? Я сомневаюсь в этом. — Но Анжа перегнулась через стол таким образом, чтобы дотянуться до его руки и ухватилась за нее. — Ты дурак, кайм'эра. Это поле битвы — *мое*.

Мгновение ничего не происходило. Затишье перед бурей. Но вдруг вселенная разорвалась на части у него в сознании.

В первые мгновения потребовалась вся его сила, чтоб не сойти с ума.

«Сдаться легко, — пришел ее голос, но без звука. — Отказаться от всех чувств, обнять тьму».

Затар боролся с соблазнами, хотя они, казалось, пускали корни в его сознании. Он боролся за себя, и наконец нашел. Затар требовал понимания.

Резкая, неосязаемая жизнь, которая окружала его, сдалась под натиском его призывов. Он вызвал всю силу первобытной традиции и бросил Анже вызов именем кайрта: «У меня есть право знать природу моего врага».

Небо, и земля, и воздух были сладкими. Затар упал, пораженный. Трава шевелилась у него под перчаткой. Он быстро отдернул руку, заметил, что она совсем не двигается. Очарованный, он погладил траву. Жизнь, которая находилась внутри хрупких травинок, пела ему о простом, первобытном существовании — песнь бытия, не отягощенного мыслью. Что-то находилось у Затара над головой. Он повернулся, посмотрел в небо и увидел стаю птиц, летящих в его направлении. Затар дотронулся до них, узнал их голод, ощутил силу, которая гонит их вперед, чувства, неизвестные человеку, мысли о бесконечной миграции, он услышал их призыв к спариванию и радостную мелодию, проносившуюся сквозь их души.

И Анжа была перед ним.

Он встал.

— Что это? — прошептал он.

— То, чего ты требовал, — ответила она отстраненно. — Заглянуть в мой арсенал. Добро пожаловать в мой мир — или по крайней мере его образ, который могут разделить наши сознания! Этого достаточно, чтобы ты увидел потенциал того, с чем столкнулся.

— Ты не ожидала этого, — сказал Затар и тем самым — он понял — облек ее мысли в слова.

— У тебя очень сильная воля — твоя приспособляемость нетипична. Наслаждайся ею, пока она у тебя есть, браксан.

Затар коснулся земли и понял голод червей, спрятавшихся внутри, увидел туннели, и пещеры, и пустоту коры планеты глазами и разумом существ, обитавших в таких местах. Он потянулся вверх, наружу, и почувствовал звезды как нежное прикосновение к его сознанию. Но не самих звезд, нет — миллионов живых существ, что обитают вокруг этих точек света и выпускают свои мысли в Пустоту, формируя свои культурные и эмоциональные центры.

— Великолепно! — выдохнул Затар.

Анжа удивилась, и он это почувствовал.

— Ты не видишь ничего, что вызывало бы у тебя страх?

— Я вижу только то, что меня поражает.

— Люди твоей расы не чувствуют подобного, — бросила она ему вызов.

— Значит, они дураки. — Затар посмотрел на нее с новым чувством, окрашенным ревностью. — Жить так...

— Попробовать это прекрасно, — перебила Анжа. — Но жизнь с этим приносит больше боли, чем ты можешь себе представить, теми способами, которые разум не-экстрасенса не может уловить.

— Кто ты? — Затар проигнорировал ее слова.

— Моя личность? Мое тело? — Анжа грациозно указала на себя, и это было бы не к месту, если бы она сделала это в физическом теле на физической плоскости. — Весь этот мир — наша фантазия, и сила, которой я обладаю, поддерживает его для тебя.

— Он не реален.

— Он не материален. Но очень реален.

— Но наши тела...

— Все там же — за столом переговоров, где мы сидим, сжимая руки друг друга. Сколько времени отнимает мечта? Мысль отнимает меньше. Это реально только для нас, и только в тот момент, когда мы это переживаем.

Затар закрыл глаза и пил чистое экстрасенсорное богатство своего окружения. Это оказалось легко, если закрыть глаза, тогда меньше отвлекающих моментов. Земля и небо... и она. Затар чувствовал ее ненависть, немного окрашенную страхом. Анжа ждала, что он сломается, но Затар не так-то прост, чтобы сжаться и отпрянуть от ее силы просто потому, что так велит традиция. Его сознание наполнялось страстным желанием. Желанием *ее* и всего того, что она собой представляет. Ее ненависти, которая только привлекала таких, как Затар. Он желал Анжу и потому, что она одержала над ним верх. По большей части потому, что она — шемар, и на протяжении всей истории такие женщины вызывали сильнейший голод у мужчин его племени, а также сильнейшую слепую страсть.

— Будь осторожен, — предупредила Анжа. Это приказ — она неосторожна. А его уход в сторону вызывал у нее дис-

комфорт? Если и так, то это его первая и пока единственная победа.

Не желая упускать случая, Затар приблизился к Анже. Пусть прочтает намерение у него в сознании. Она может быть мастером экстрасенсорного искусства, но в царстве человеческой сексуальности браксанам нет равных. Физические удовольствия для них так же естественны, как воздух, и так же необходимы. В то время, как она, воспитанная в азеанском окружении...

— Ты делаешь ошибку, — потрясенно выговорила Анжа, она показалась ему неуверенной. Затар почувствовал в ней ответ, призыв, голод, который отвергал доводы разума. Враждебность и страсть были комбинацией, которую очень высоко ценили браксаны; мысль о том, чтобы попробовать не только удовольствие от ее тела, но и резкую горечь ее ненависти, возбуждала и доводила желание до невыразимых высот.

Это была мечта, не так ли? А у мечты не бывает последствий.

Затар схватил женщину за плечи и поразился, когда поток чувств захлестнул его с головой. Он дотронулся до нее — до самого себя — их чувства перемешивались, он едва ли смог отличить одни от других. Тем не менее они с Анжей были разными. Затар гладил ее, чувствуя, как тело ее дрожит под его ладонями, как его собственное тело. Анжа была не против, нет, хотя ее определенно беспокоила его инициатива.

— Ты не знаешь, что делаешь, — прошептала женщина.

Но он знал. Затар вкушал удовольствие Анжи и делился своим, и это было наслаждение, о котором не могли и мечтать ему подобные.

— Дурак! — промолвила она, но не отпрянула. — Ты пожалеешь об этом... — Но в ней жила такая жажда, и она вырвалась на волю, объяла Затара богатством и противоречием ее желания...

...и затем возникло чувство отчужденности, словно его собственные чувства захлопывались...

...и в страхе он отпрянул от нее...

...и провалился в темноту, абсолютную темноту.

«Где я?»

«Кто я?»

Мысль без ответа, существование без цели. Время бесконечно. Но воля все также сильна.

«Затар, — думает он и отмечает факт мышления. — Зарвати, — образ родословной, семьи, наследия. Семьи красивых людей, не подверженных заражению чумой. — Сын Винира — высокого и злого человека, гордого лидера. — И К'сивы, которая может командовать мужчинами одним мановением пальца, но не предпочитает делать так, цветок среди варваров, слишком мягкая и слишком красивая, чтобы жить долго».

Он есть.

Что бы ни было для него реальностью, — а в этот момент он не вспоминает, что реален — реальности больше не существует. Нет темноты, потому что понятие темноты подразумевает существование света, а света просто нет в реальности. Затар не может раздумывать, что это за место, поскольку это подразумевает понятие расположения и существование других мест; но ничто из этого не является для него истиной. Только при помощи чистой силы воли он собирает воедино свою личность, и теперь она не знает, как прикрепиться к немиру, в котором оказалась.

Это неприемлемо.

Затар ищет вокруг себя что-то, что угодно, за что бы ухватиться, как за основу реальности. Он отправляет ментальный импульс своему телу. Определенно, разум и тело как-то связаны! Но есть только вечное несуществование его тюрьмы. Страх требует к себе внимания, зовет его подчиниться и покончить с борьбой, но он отказывается.

— Я — Затар, — повторяет он и держится за эту единственную ниточку, оставшуюся ему.

Шепот смерти проходит сквозь него и исчезает. Затар фокусируется в другом месте, ищет физический мир, что когда-то знал так хорошо. Но затем к нему приходит мысль, и он перестает размышлять о своей цели. В реальности, где нет ничего, кроме мысли, мысль должна служить ключом к любой перемене. И чистая мысль — это концепции, понятия, абстрактное бытие, а не грубые отражения материальной субстанции.

Затар позволяет себе дрейфовать в ничто, пытается определить любое изменение в мире, где находится.

И снова нить смерти касается его, и он отчаянно цепляется за нее. Ведь она пришла откуда-то и уйдет куда-то. Внезапно появляется расстояние, место, движение. Затар следует до конца пути и к ужасу его оказывается в месте очень знакомом. Тем не менее, он все еще так удален от него, что даже когда чувствует волну разрушения, омывающую его тело, нет ничего, что он мог бы сделать для остановки этого процесса.

Он наблюдает за тем, как умирает.

«Нет, — думает он сурово. — Я отказываюсь умирать».

Волны все также накатывают на него, тонкая связь, что соединяет Затара с его материальной формой, слабеет, а за ним лежит только ничто, из которого он так недавно убежал.

Он становится намерением, он — воля к жизни, он заставляет себя идти по той же тропе, которую избрала его судьба. «Жизнь», — приказывает лорд, с силой толкает требование в глубину своей сущности, снова и снова, пока наконец утрюмая чернота не отступает и не отходит в те места в человеческом сознании, где хранятся такие вещи.

Затар изможден и отдыхает, и мысль бросает якорь в мире его тела, еще одна нить, что связывает и хранит его личную целостность.

Проходит вечность, миг, такой крошечный, что не описать его человеческими словами. Затар замечает еще одно сознание рядом и вспоминает. Внезапно он настораживается; если он хочет узнать своего врага, то тут, во владениях, свободных от связи с мирскими картинами, как раз и можно это сделать.

Анжа пытается отступить от него, а в материальном мире пытается вырвать свою руку из его и прервать контакт. Затар хочет удержать ее, хочет познать ее, такую чужую и в то же время являющуюся как бы частью его самого. Но инстинкт — желание удержать — не влияет на тело, с которым он оказался разлучен. Затар силой заставляет себя соединиться с частью своего тела, становится рукой, передает свою волю мускулам, связкам, сухожилиям, и переживает, что такое быть рукой столь глубоко, что когда импульс схватить Анжу охватывает его, рука отвечает на этот призыв.

И сжимает крепче руку врага.

Мысль в темноте; осознание Другого. Анжа раздумывает: прервать ли контакт при помощи соответствующей дисципли-

лины, на что у нее хватит сил. Одно ментальное усилие — и между ними обрушится стена. Затар может бороться с ней только пока Анжа это позволяет, а сейчас она решает, как долго будет ему позволять.

«Я узнаю своего врага», — настаивает Затар.

«Очень хорошо, — приходит мысль, шипение нескрываемой ненависти. — И как глубоко погрузишься ты, так глубоко — и я».

Он видит ее сознание. Оно бурлит агрессией и пленяет сознание Затара своей голодной сутью. Вот ненависть, вот жажда крови, вот отчаяние, идеальные в своей чистоте, и не замутненные, пока не профильтрованы через неидеальную биохимию тела.

Подобно ветрам в бурю, эмоции Анжи бьют по Затару и угрожают оторвать его разум от причала самосознания. Ненависть — он приветствует ее, обнимает ее, как нечто знакомое, проходит сквозь нее, невредимый. Страх сексуальной неадекватности — он противопоставляет ему воспоминания из собственной юности, болезненные воспоминания настоящей импотенции, которые он скрывал за маской циничного юмора и в конце концов искренне позабыл. Гневливость, грозящая потопить любого, — но разве с ней Затар и сам не знаком?

У атаки есть конец, но она не прекращается, словно бы он оказался в эпицентре бури. Всюду кружатся бурлящие эмоции, прямо перед ним виднеется нечто не менее напряженное, но по качеству совсем другое.

То, чего ни один мужчина из браксанов никогда не знал: суть женщины, богатая и теплая, он дотрагивается до нее несмело. Если Затар сомневается в своей собственной мужественности, то женственность поглотит его, он потеряет прежнего себя и так сильно изменится, что, когда сознание воссоединится с телом, часть его не срастется правильно уже никогда. Но лорд лишь наблюдает, и оценивает, и держится в стороне. Значит, вот она — Анжа лиу Митете — буря эмоций, приправленная желанием смерти, сила женщины, неспособная найти применение в мире твердых вещей.

Она тянется к его Имени.

Затар не представляет, почему эта мысль появилась, но она пришла. Впервые он узнал страх, такой сильный, что он чуть было не отступил. Это иррациональное предубежде-

ние — и есть реальная основа его страхов в мире образов, где мысль является реальностью, а Имя его души вполне может стать ключом к его существованию? Затар вспоминает слова Анжи: «И как глубоко погрузишься ты, так глубоко — и я». Значит, он так близко находится к средоточию ее, что если у Анжи есть Имя, то лорд его услышит? Затар забывает о страхе, окрыленный своим открытием, и оглядывается, пытаясь узнать больше. И в это мгновение, когда решение абсолютно и его нельзя отменить, когда он уступает ту часть себя, которая раньше только побеждала, Затар проходит не через эпицентр бури и назад, в турбулентность, а углубляется в буйство стихии.

Здесь царил ментальная тишина, и слабое эхо его присутствия. «Что это за место?» — думает он и понимает: это часть сознания Анжи, скрытая от нее самой, которую она не может увидеть. Размах этого места вызывает благоговейный трепет, тишина странно нервирует. Затар в изумлении идет по тайным улочкам ее души. Тут и там тропы обрываются, заново появляясь где-то в другом месте, они ведут не туда, куда изначально должны были вести. Одни возможности обрезаны, другие — направлены на чуждые им цели, и все сделано человеческой рукой, прикосновение которой оставило след на базовой сущности женщины.

И этот след Затару был знаком.

Он не может узнать, кто именно; для Затара это слишком сложно, поскольку он не обучен таким вещам — соединять абстрактное чувство с человеческим именем. Но он точно знает, что это сделал человек, и понимает, что их пути когда-то пересекались. Прикосновение знакомо — и плоды рук его чудовищны.

Затар путешествует по дорогам здоровья и видит, как они укорочены при помощи одной из форм экстрасенсорной хирургии, но он едва ли понимает, какой; лорд видит, что было сделано и почему, и душа его наполняется яростью, такой ужасной, что ее нельзя выразить ничем, кроме чистой мысли.

«Это темная сторона власти, — думает Затар. — Агония, противостоящая песне жизни. Это причина, по которой мы с корнем вырвали экстрасенсорное зерно из нашего собственного наследия. Это... мерзость, преступление, и для описания его нет слов».

Когда он раскрывает это жуткое преступление, когда он чувствует, как растет гнев, Затар понимает: терпению есть предел. Ужаса и экстаза, сплетенных в крепкий узел, — больше, чем он может безопасно усвоить.

«Как мне уйти?» — появляется вопрос.

И в это мгновение Затар выходит из сознания Анжи.

* * *

Анжа стояла у противоположной стены, серые глаза неотрывно смотрели на Затара. Она тяжело дышала, как человек после более приятной, чем состоялась у них, встречи, ее лицо вспотело и покраснелось от вожделения. И Затар почувствовал, что с его лицом происходит то же самое.

Левая рука болела. Затар опустил глаза, увидел порванную перчатку и кровь, что наполняла прореху. Это сделала Анжа, когда вырывалась из его рук, догадался Затар. Но их контакт не был нарушен...

Лорд посмотрел на женщину и понял, почему в ней ощущается страх, хоть и совсем легкий. Анжа на самом деле вырывалась от него. Его воля обеспечивала связь, что позволила продолжать контакт.

Затар теперь смотрел на нее со смешанным чувством, но не мог облечь это в слова; в нем было все, включая сочувствие: поскольку то, что сделали с Анжей — преступление против самой идеи гуманизма. Они соединили смерть с ее сексуальным желанием, и Затар это четко видел. Они хотели, чтобы Анжа оставалась одна, чтобы она страдала. Они рассчитывали на отчаяние, которое приведет ее... куда? Это Затару было неясно. Но такие уловки вызывали у него отвращение — у всего человеческого в нем.

«Если бы ты знала, что они сделали с тобой и с каким намерением, то моя персона вызывала бы у тебя наименьшее беспокойство», — подумал Затар.

— Командир звездного флота, — сказал он размеренно, слова показались ему странными и скупыми. Внезапно Затар страстно захотел повторения контакта, уверенной ласки в форме взаимной ненависти... Но это ушло навсегда. Он попробовал нечто, непривычное для таких, как он, и доступное только в грезах, что больше никогда не повторится.

— У тебя великолепное сознание, — заявила Анжа. — Я никогда не встречала ничего подобного за пределами телепатических кругов.

А она узнала его Имя? Странно, но это больше не казалось Затару важным. И он узнал ее.

Затар посмотрел на раненую руку, затем медленно снял с нее перчатку. Тонкая кожа ее промокла от крови. Он мгновение подержал перчатку, затем предложил Анже.

Она слабо улыбнулась.

«Трофей?» — словно спрашивало она насмешливо.

«Знак покорения, — подумал он в ответ. — С обеих сторон».

Анжа взяла перчатку из рук Затара, проявляя осторожность, чтобы не коснуться его кожи. Жест ее разозлил Затара, поскольку служил доказательством того, что сотворили с Анжей. После того, как они расстанутся, лорд отыщет человека, виновного в таком зверстве. Ему доставит несравненное удовольствие его смерть.

— Мой враг, — речевые режимы добавляли значения в слова, словно без усилий с его стороны. Желание — покорения, власти, обладания. — Я не забуду.

Затар не встречался с ней взглядом, опасаясь, что его затянет внутрь. Он просто повернулся и широким шагом пошел к двери. На мгновение он задержался перед открытой дверью, испытывая искушение повернуться и посмотреть на Анжу в последний раз. Хотя он теперь обречен искать ее смерти, природа звездной войны была такой, что они могут никогда больше не встретиться лично. Но порыв прошел, и лорд шагнул вперед. Дверь, закрывшаяся за спиной, навсегда лишила его выбора.

Анжа лиу Митете осталась в переговорной зале одна. Она стояла неподвижно. Ее рука медленно сжала разорванную перчатку, и капли браксанской крови просочилась сквозь пальцы.

Анжа тихо заплакала.

Он научил ее плакать.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

«Человек, который не хочет идти на насилие, должен найти собственные способы манипулировать людьми».

Харкур

Дом Ферана
Запись на кольцо
Код Хозяина дома: личное

Первая звуковая дорожка

Говорят, что если записывать свои мысли и затем прослушивать их в свободное время, то многое поймешь. Поскольку нет никого, с кем можно поговорить (нет, лучше сказать: с кем поделиться, кому открыться) и проблема очень беспокоит меня, я испробую все, что может помочь. Итак.

За то, что я браксан, приходится платить немалую цену. Я не могу ходить по улицам так, чтобы меня не заметили. Я не могу остановиться, чтобы на что-то посмотреть, поскольку это тут же становится Чем-то, Имеющим Определенную Ценность, и я не могу лениво пробираться через какое-то место отдыха браксанов, чтобы меня не побеспокоили смелые и любопытные.

Однако есть одно место, куда даже браксан может пойти так, чтобы остаться незамеченным, — Музей эротического искусства. Не потому, что он малоизвестен, напротив: это одно из самых популярных мест уединения в Холдинге (и возможно и галактике). Его экспонаты располагаются — над и под поверхностью планеты — на многих акрах первоклассной недвижимости на Столичном Континенте. Главное здание музея само по себе могло бы вместить небольшой город и люди в нем не чувствовали бы себя стесненными. Если добавить сюда рестораны и гостиницы, что в большом количестве построены на периферии, то получится мир в миниатюре.

И не весь этот мир нравится простому народу. Большая часть главного здания представляет собой огромный лабиринт, запутанные коридоры которого (входы и выходы из них закодированы) демонстрируют разнообразие эротических фантазий. Здесь напоказ выставлены удовольствия тысячи планет, сгруппированы тематически, и напряжение нагнетается все сильнее. Можно прогуляться по одурманенным наркотиками грезам Хкекне, которые переданы в движущемся, колеблющемся волнообразном тумане их величайшими художниками (и затем купить на выходе для пробы галлюциногено-афродизиаки, который вдохновит на подобные мечты); можно

разделить экстазы Плавающих Колоний и затем перейти к расчленительным фантазиям неозэкспрессионистов Квирдика; можно посмотреть свою любимую фантазию, окружающую зрителя, что передана с применением примитивных, твердых материалов, или представленную в современной манере. Короче, все человеческие вкусы найдутся где-то в этих залах, а также многие, на самом деле чужеродные фантазии, представленные если не для того, чтобы вдохновлять удовольствие, то хотя бы удовлетворять любопытство.

Но есть части Музея, которые обычным посетителям не нравятся, хотя браксаны часто их посещают. Например, Зал Смерти — не думаю, что мне когда-либо доводилось видеть там больше двух простолудинов за раз, и у тех был ошарашенный вид. Браксанская ментальность находит наслаждение в странных и часто нездоровых образах; произведения искусства, которые нравятся нам, редко нравятся низшим классам. У нас необычайно острое обоняние, и некоторые наши экспонаты соединяют запах с бессознательным символизмом, чтобы подчеркнуть тревожащие, часто противоречивые образы. Короче, так называемое Браксанское крыло может оказаться приятным местом уединения от досужих взглядов.

Я находился в Павильоне Инородцев (он соединяет образы сексуальных практик не-людей с проекциями феромонов, разработанных для стимуляции эквивалентной человеческой реакции) и сосредоточился на трехслойной голограмме Тонара Тэкулоза, когда ко мне подошел хорошо одетый мужчина, определенно относящийся к среднему классу. Я изучал этот образец пладаканирской эротики и только начал проводить кое-какие интересные параллели между человеческой дуальной сексуальностью и разнообразными оргиастическими привычками этих странных видов, когда услышал голос:

— Лорд...

Слово произнесли тем особенным тоном, который означает, что человек хочет быть замеченным и считает себя достойным внимания, которого требует.

Признаю, что отвлекся с радостью. Я повернулся и посмотрел на говорившего — мужчину среднего роста, во внешности которого не было ничего выдающегося, из среднего класса, не впечатляющего благосостояния... в общем, очень

среднего человека. Слегка приподняв брови, я показал, что готов выслушать его.

— Лорд, меня зовут Супал из Ганос-Тагата, — представился незнакомец. — Я имею честь обращаться к лорду Ферану, сыну Сечавеха и Киджаннор, из племени браксана?

Я никогда не упускаю шанса попрактиковаться в надменности.

— Ты знаешь, что это так, — холодно ответил я.

Он поклонился и на мгновение опустил глаза, как и надлежало сделать.

— Лорд, у меня есть кое-что, что, как я думаю, вас может заинтересовать, — человек говорил тихо, а это означало: то, что он хочет сказать, не предназначается для чужих ушей. Поскольку Супал использовал основной речевой режим (как и большинство простолюдинов), то я не мог глубже заглянуть в смысл его слов. — Можем ли мы поговорить с глазу на глаз?

Я мгновение размышлял над этим и наконец кивнул с серьезным видом:

— Я собирался перекусить в ресторане. Присоединишься ко мне?

Его колебания говорили о том, что он не уверен, сможем ли мы уединиться в таком многолюдном месте, а это в свою очередь показывало, что он плохо знает Музей и традиции ресторанов, предназначенных для высшего класса. Тем не менее Супал мне доверился. Браксан прав, если не доказано обратное, и даже тогда сомнение все еще остается.

Мы перешли из Павильона в основную часть Музея, а оттуда — в ресторан. Здесь можно было заказать еду из любого местечка в Холдинге (или, по крайней мере, так утверждала реклама). Поскольку ресторан расположен точно в центре Музея, нужно пройти по крайней мере через одну экспозицию, чтобы до него добраться. В результате многие завсегдатаи, пока доберутся до ресторана, уже испытывают желание уединиться не меньше, чем желание поесть. Это в особенности относится к браксанам, которые не разделяют свои удовольствия со зрителями.

Я выбрал низкий столик с личным пультом управления и с браксанской грациозностью опустил на подушки перед ним. Мой спутник сел несколько более скованно и все еще

пытался устроиться поудобнее, когда появилась официантка. Как и все слуги-люди в ресторане, она была одета так, чтобы стимулировать наш интерес (что было довольно забавно, поскольку она была на службе, и следовательно, у нее имелась Обоснованная Причина отказать в половом акте). Мне самому всегда нравилось физическое разнообразие женщин из ресторана, которые соперничают друг с другом за внимание посетителей (и таким образом, финансовую благосклонность), манипулируя образами. У этой женщины имелся псевдохвост с кисточкой на конце — она по цвету соответствовала золотисто-каштановым волосам официантки, и то небольшое количество одежды, которое на ней было надето, привлекало к хвосту внимание. Мой спутник уставился на нее, раскрыв рот от удивления, и не пришел в себя до тех пор, пока не принесли еду.

Я воспользовался пультом, установил звукоизоляцию и принялся за еду.

— Я слушаю, — сказал я Супалу, а затем добавил: — Больше никто нас не услышит.

Он, казалось, сомневался, но затем посмотрел на свою тарелку (тушки гафри, поданные на цветных крыльях самих гафри) и в последний раз нервно огляделся вокруг, пытаясь удостовериться, что никто за нами не наблюдает. Затем Супал достал небольшой, обернутый материей сверток.

— Может, нам лучше... — заикаясь, начал он.

Я включил непроницаемое поле.

Потребовалось мгновение, чтобы силовые стены стабилизировались в цвете, но наконец они установились — голубые, блестящие, с золотыми точками тут и там. Вполне приятные. Теперь мой спутник получил желаемое уединение и почувствовал себя более свободно. Он с гордостью развернул маленький сверток — вначале развернул шелковую ткань, потом снял металлическую сетку под ней. Сетка раздвинулась и моим глазам предстал кристалл в естественном природном состоянии, не полированный, но многообещающий, судя по размеру и всем мыслимым оттенкам, что подобрал в себя.

Он произвел на меня эстетическое впечатление, но я не смог понять важность происходящего. К сожалению, браксы не обнаруживают своего невежества. Поэтому я не мог

спросить «Что это?» прямо, как мне хотелось. Я поднял глаза на спутника и изогнул бровь, таким образом показывая, что достаточно заинтригован и готов выслушать, что он желает сказать. Я надеялся получить объяснение.

— Это так называемый уриезский умный камень, — сказал мне Супал.

— Продолжай, — позволил я. Название не вызвало никаких ассоциаций.

Он протянул его мне и предложил:

— Потрогайте его.

Я потрогал, отметив, что поверхность гладкая и слегка теплая. Это было все, что я заметил. Я был раздосадован этой маленькой шарадой и мое явное раздражение заставило Супала потупить и он как-то странно уставился на мою перчатку.

— Простите, лорд, но до камня следует дотрагиваться голой кожей, — пояснил он несмело.

— Твоя дерзость граничит с непристойностью, — я гордился этой фразой.

Супал побледнел, но не убрал камень. Мгновение спустя я взял камень из его рук и осторожно дотронулся до кожи над виском. И поразился чистому потоку мысли, который полился из камня прямо в мой мозг, и многоцветием, что предстало моим глазам. Некоторое время я просто смотрел, и видения болезненной красоты плясали передо мной. Затем я убрал камень от виска, и видения исчезли.

— Это контрабанда, — добавил Супал.

Об этом я и сам догадался.

— Это экстрасенсорный кристалл... — стоило мне произнести это слово, как я тут же пожалел об этом — никто, за исключением специально подготовленного экстрасенса не понял бы, что означает вторжение потока мыслей. К счастью для меня, мой спутник, казалось, приписал мое понимание всезнанию браксанов и ничего дурного не подумал.

— А он... заинтересовал лорда? — вкрадчиво спросил он.

Я внимательно посмотрел на Супала.

— Ты имеешь в виду, хочу ли я его купить?

— Я не буду настолько смел, чтобы назначать цену на такой...

— Сколько?

— Может, лорд согласится предоставить кое-какую информацию?

— Что ты хочешь знать?

— Говорят, лорд Феран хорошо знает азеанский образ жизни, наших врагов, поскольку много лет жил среди них.

Я выглядел разозленным. Я и на самом деле разозлился.

— Я — браксан, — заявил я самым холодным тоном, на какой был способен. Он подразумевал, что мой спутник перешел дозволенные границы.

— Я — писатель, лорд. Мне пришло в голову, что в ваших воспоминаниях об Азее может найтись материал для интересной статьи по культуре... Сагдальское агенство новостей из Ганос-Тагата проявило большой интерес к моей работе и, если вы согласитесь поделиться со мной своими воспоминаниями об этом народе, то, я уверен, мне удастся написать что-то интересное.

— И прибыльное.

— Конечно, часть прибылей я передам вашему Дому, хотя этот доход и покажется ничтожным в сравнении с вашим богатством.

Так и есть, но традиция есть традиция.

— Половину, — сказал я.

Идея проекта заинтриговала меня. Конечно, будет опасно вспоминать многое, поскольку большая часть моего прошлого связана с экстрасенсорикой, и если я его раскрою, то меня могут привлечь к уголовной ответственности. Но после стольких лет на Бракси будет приятно вспомнить прошлое и посмотреть, какие эмоции оно во мне разбудит теперь, когда я стал настоящим браксаном. Я чувствовал бы себя неуютно, если бы сам по себе углубился в воспоминания подобного рода, но поскольку это будет интервью, то вопросы придадут моему прошлому опыту какую-то форму.

— Половину, — согласился Супал.

Я решил, что это несколько поспешно, учитывая, что я потребовал половину его доходов, но в то время я списал такое быстрое согласие на его почтение к моей расе и желание снискать мое расположение. (Как мало я знал!). Супал отдал мне умный камень и я снова спрятал его. Хотя мне хотелось еще раз им воспользоваться, я не знал, какие эмоции отражались на моем лице, когда камень исполнял свою

экстрасенсорную песню у меня в сознании. К сожалению, имидж — это все. Я с сожалением убрал камень.

Мы договорились о встрече у меня в Доме через три дня. Я ушел, очень довольный собой, убежденный, что выиграл при заключении сделки по всем статьям. Как я был слеп! И как быстро мне предстояло узнать правду!

Вторая звуковая дорожка

Проблем с получением информации об Ури, умном камне, или Ганос-Тагате не возникло, и в дни между первой и второй встречей с Супалом я получил все, что мне хотелось, из Центральной Компьютерной Системы. Ури — небольшая планета с браксинской стороны Военной Границы. На ней нет гуманоидов, а то, что там живет, не обладает стоящим внимания интеллектом. Единственное, что может заинтересовать на Ури (за исключением поразительных закатов), — это жизненный цикл так называемых алмонджеддеев, часть которого они проводят в кристаллическом контейнере, формируемом выделениями из половых органов. Этот кристалл защищает джеддеев-метаморфов от опасностей внешнего мира, и не позволяет им вступать в половой контакт. Микроскопические трубочки нервных волокон кристаллического панциря время от времени достигают поверхности и позволяют экстрасенсус-человеку разделить цветные сновидения этого существа. Очевидно, у тех, кто не обладает экстрасенсорными способностями, появляется только чувство беспричинного наслаждения. (Прочитав это, я очень обрадовался, что ничего не сказал в ресторане насчет истинной природы моего видения). Как и со всеми экстрасенсорными вещами, импорт алмонджеддеев в любой форме карается смертной казнью.

Учитывая специфику атмосферы Бракси, маловероятно, что это существо выживет, пробудившись от спячки, но это вряд ли могло случиться на протяжении по крайней мере десяти местных лет. Камень приносил мне удовольствие. Он позволял спокойно входить в экстрасенсорный контакт, без каких-либо усилий с моей стороны, и риск того, что кто-то обнаружит мои способности в связи с его использованием, был ничтожен. Я был очень благодарен Супалу за камень, и собирался обеспечить его в ответ полезной информацией.

Ганос-Тагат — город на реке Дипа, объединенный из двух других, ранее существовавших по отдельности, — располагался в дальней части планеты. Как я и подозревал, там по большей части жили представители третьего класса. Поэтому я не удивился, когда писатель — Супал — явился передо мной в одежде всех цветов радуги. Подобный наряд могла бы вызывать мозговые проблемы у любого гиперчувствительного к цвету существа.

Я приветствовал его и предложил выпить вина. Супал колебался, но вскоре понял, что предложенное вино из Тагатанской винодельни, и охотно согласился. Я подумал вдруг, что может его беспокоить в браксанском вине.

— Я готов ответить на твои вопросы, — настроен я был особенно дружелюбно и хотел, чтобы мой гость почувствовал себя свободно.

Он достал ручку и блокнот и, сделав последний глоток вина для стимуляции творческого процесса, начал задавать вопросы, в лучшем случае предсказуемые, а в худшем — исключительно нудные. Только я засомневался, стоило ли мне на это вообще соглашаться, когда Супал наконец подошел к тому, что, как я понял, являлось основной целью интервью.

— Имеется большой интерес к вопросу об азеанской сексуальности, — говорил он. — Мы знаем, какую они ведут пропаганду — мы знаем их идеалы и во что они хотели бы верить относительно себя. Но что из всего этого — правда?

— Что конкретно ты хочешь знать?

— Они моногамны?

— Абсолютно.

— Думаю, вы понимаете, что большинство браксинцев находят это невозможным. У азеанцев только один партнер на всю жизнь. Вы можете с полной уверенностью заявить, что он ими никогда не овладевает скука?

— Ну, наверное, иногда, — я пожал плечами.

— Но они не ищут сексуальных контактов на стороне?

— Сексуальных — нет, — понимаю, к чему он клонит, но, как видно, есть что-то еще, к чему Супал подводит разговор, а это — так, для затравки.

— Простите, лорд, но как так может быть? — возмутился писатель. — Мы ведь представители одного вида, не так ли?

И ни один браксинец не сможет терпеть такое постоянное раздражение.

Я улыбнулся.

— Они не находят это раздражающим. Ты должен вспомнить, что они изменили свою расу. Сексуальное желание может легко контролироваться через генетические манипуляции еще внутриутробно. У них на самом деле не возникает сексуального желания вне надлежащих обстоятельств.

— Но у них должен быть некий... особый выход в рамках пары.

— Я на самом деле не совсем понимаю, о чем ты говоришь, — по правде говоря, чем глубже мы погружались в предмет, тем вопросы становились более расплывчатыми и туманными. Или писатель хочет попробовать секс с азеанкой — в этом все дело?

— Всем человеческим существам требуется разнообразие, — заметил он.

— Всем человеческим существам в их естественном состоянии, — согласился я. — Азеанцы же являются продуктом не эволюции, а воли человека.

Супал молча переваривал эту информацию некоторое время.

— Но половое влечение является одним из основных человеческих инстинктов, — настаивал он. — Жажду человека к разнообразию едва ли можно изменить в лабораторных условиях.

Меня забавляла его настойчивость. Да, я предполагал, что браксинцу в это очень трудно поверить, но я лично знал слишком много азеанцев, чтобы сомневаться.

— Ну а что, по-твоему, они делают? — немного раздраженно осведомился я.

Супал удивился. Определенно он сам собирался задать этот вопрос. Когда он взял себя в руки, то стал робко выдвигать предположения, наблюдая за мной в поисках какой-то подсказки.

— А нет ли чего-то типа... ритуала? Чтобы помочь, э-э, отсрочить желание?

— А разве такие бывают? — с невинным видом спросил я.

— Вы же жили среди них, лорд, не я.

— Правильно. Но должен тебе сказать, что сам я никогда не слышал о чем-либо подобном.

— Разве нет никакого... — Супал осекся. Стало ясно, в чем заключался его истинный интерес, и я пытался только сдержать улыбку. — Разве удовольствие в паре такое сильное, что его стоит ждать? Все остальное — ничто в сравнении с этим?

Я чуть не расхохотался. Парень, очевидно, верил, что секрет азеанской сексуальной умеренности заключается в каком-то особом удовольствии, которое оправдывает всю систему. Мысль о двух азеанцах, проводящих свое свободное время, пытаясь улучшить половой акт, была слишком абсурдной — и я не мог сдержаться. Тот факт, что азеанцы испытывают желание к своим партнерам в умеренных дозах и не чувствуют желания больше ни к кому другому, едва ли являлся тайной. Он объяснялся простой комбинацией гормональных циклов, обонятельных впечатлений и подобных биохимических механизмов, которые азеанская наука способна идеально контролировать. Однако я не рассмеялся, мне удалось овладеть собой и я тихо ответил:

— Я так не думаю, Супал.

Он не был разочарован — и это пугало меня. Мой гость разозлился, словно подозревал, что я от него что-то скрываю.

— Всем известно, что азеанцы считают свой сексуальный опыт превосходящим наш, — процедил он.

— Я об этом никогда не слышал, — ответил я. На самом деле, единственный народ, который похвастается подобным, — браксаны.

— Природа продолжительных эксклюзивных взаимоотношений в своей основе отличается от того, что существует между двумя людьми, которые притягиваются друг к другу только ради удовольствия и только на миг, — О, Ар, ну какой же он настойчивый!

— Не могу тебе сказать, — честно ответил я. — У меня самого никогда ни с кем не было продолжительных эксклюзивных взаимоотношений.

— Но вы знали тех, у кого были такие отношения. Телепатов? Едва ли я знал их!

— Я жил довольно изолированно, Супал, — пояснил я. — У меня было мало контактов с чистокровным азеанским обще-

ством. Мне очень жаль, но я и в самом деле не могу тебе помочь.

Супал казался раздосадованным. Думаю, что если б я не был браксаном, то он мог бы свободно обвинить меня во вранье и потребовать или информации, что хотел получить, или возврата взятки. Однако я не мог дать ему первое и не намеревался возвращать второе. По моему мнению, я выполнил свою часть сделки. И к тому же я начал уставать от Супала.

— Если у тебя нет ко мне больше вопросов, то предлагаю закончить интервью, — сказал я, но мне было жаль его, поэтому я добавил: — На самом деле я не знаю, откуда ты собрал эти слухи, но уверяю тебя: в действительности в них нет правды.

— Тогда спасибо за то, что уделили мне время, лорд Феран. Вы мне очень помогли! — гость попытался изобразить теплую, уважительную улыбку, но я чувствовал под нею злость.

Гладко солгал, подумал я. И сделал то же самое.

— Мне жаль, что я не мог ответить на все твои вопросы более подробно, Супал. Если тебя заинтересует что-то еще (я подумал о совсем другом предмете), можешь приходить.

Только я произнес эту фразу, как тут же пожалел о ней. Это подтвердил блеск в глазах Супала, будто он предвкушал, как придет снова меня раздражать. Тазхейн, подумал я, мне теперь никогда не удастся от него избавиться! Но тут вмешался здравый смысл: зачем ему возвращаться, если ясно, что я или не могу, или не стану говорить ему то, что он хочет знать?

Поэтому я проводил гостя и был уверен, что мы расстались навсегда.

Не тут-то было!

Третья звуковая дорожка

Сечавех когда-то объяснял мне, что такое чувство вины — бессмысленная, бесполезная эмоция, одна из самых разрушительных и калечащих, которые человек выдумал по ошибке. Браксаны ей не подвержены (как и ее сестрам, сожалению и печали). Или по крайней мере, пытаются.

Если уж говорить правду, то я совсем не чистокровный браксан. Дело в том, что у меня остался неприятный осадок после случившегося в тот день. Когда бы я ни коснулся умного камня (не слишком часто, потому что боялся пробуждения моих похороненных способностей), я думал о Супале и его стремлении открыть великий азеанский секрет, в существовании которого он не сомневался. Супал — необразованный дурак, но мне было его жаль. А поскольку он подарил мне такую ценную вещь, я также сожалел, что не смог в свою очередь удовлетворить его жажду знаний.

Иногда человеку лучше оставаться бесчувственным, гнусным подонком, и это был один из тех случаев. К сожалению, я этого тогда не понял.

Супал вернулся в мой Дом через три дня и попросил аудиенции. Поскольку я сам дал ему разрешение прийти еще раз, то посчитал, что не должен ему отказывать.

У него появилась дополнительная информация для стимуляции моей памяти, и, быстро выполнив требования этикета, мы сразу перешли к делу.

— Откройте этот труд, мой лорд, — писатель протянул мне металлическую пластинку, величиной с ладонь, которую я развернул и просмотрел, не вчитываясь. Я настолько привык к кольцам, какими пользуется высший класс, что даже не был уверен, имеется ли в моем Доме считывающее устройство для этой пластины. Я спросил, и оно нашлось. Мне его принесли.

— Багар, сын Кумуста, очень четко объясняет, как природа азеанского общества наказывает проводить некую форму сексуального ритуала, чтобы правильно направить энергию либидо, — продолжил рассказ Супал.

Я ничего не ответил. Мое чувство вины быстро улетучивалось и во мне поднималось раздражение. Книга — я буду ее так называть — представляла собой бесконечный набор псевдопсихологической чепухи, призванной убедить читателя, что под спокойной, невозмутимой поверхностью азеанской сексуальности маячит мир темных ритуалов и чужеродных прихотей. В качестве небольшого примера подойдет следующий:

«Как так получилось, что народ не только обманывает своих соседей, но очевидно и самих себя? На первый взгляд кажется, что азеанцы искренне верят в свои заявления об «умеренности» и сами убеждены, что наука их предков избавила

расу от нежелательных человеческих черт — главной из которых, конечно, считалось постоянное человеческое стремление к сексуальной стимуляции.

Более тщательное исследование сексуальной мнемоники¹ предлагает интересный взгляд на этот кажущийся парадокс. А что если потворствования своим желаниям, практикуемые в азеанском ритуальном освобождении, искренне забываются впоследствии? Не исключено, что комплексная подсознательная наука о символах может быть использована, чтобы отделить каждодневную (или «умеренную») личность от той, которая свободно может экспериментировать с полным набором человеческих изысков».

Я посмотрел на Супала, не смея поверить в увиденное. О его фанатизме четко говорило то, что он абсолютно неправильно понял мое выражение.

— Видите ли, я знаю, — запальчиво говорил писатель. — Я знаю, лорд Феран. И определенно вы должны были видеть, что происходило вокруг вас, все эти годы, которые вы провели в Империи. Определенно вы должны были что-то знать об их образе жизни!

Я отвечал медленно и очень осторожно, чтобы он в точности понял мои слова.

— То, что здесь написано — чушь. Совершенно необоснованная, абсолютная чушь. Я никогда не видел ничего, что позволило бы предполагать существование таких ритуалов, и я твердо верю, что никогда в современной истории Азеи не практиковалось ничего, что хоть отдаленно напоминает потворствование своим желаниям, о котором говорится в этой книге. Ты меня понимаешь?

— Я вас слышу, — угрюмо сказал Супал. Очевидно, он не сомневался: его знания Великого Азеанского Секрета будет достаточно, чтобы я открылся ему. — И я вижу, что вы все еще не желаете со мной разговаривать.

— Нам нечего сказать друг другу, — твердо ответил я. — И определившись с этим, я теперь прошу тебя уйти и взять эту... книгу с собой.

¹ Мнемоника — совокупность правил и приемов, облегчающих запоминание нужных сведений, фактов при помощи создания искусственных ассоциаций — (Прим. перев.)

Я презрительно бросил пластину через комнату и он поймал ее, разозленный моим упрямым отрицанием его убеждений (не говоря о прямом отказе его принимать). Супал ушел в ярости и я думал, что видел его в последний раз. Я так на это надеялся!

Но меня ждали нелегкие дни.

Два дня спустя я встретил Супала перед Обсерваторией в Курате; мне потребовалась минута, чтобы отмахнуться от него, но встреча омрачила в общем удачный день, и весь его остаток я ходил, задумавшись. Вскоре соотечественники Супала стали появляться везде, куда бы я ни пошел, и, что раздражало еще больше, каким-то образом проникали на собственность, примыкающую к моей, поэтому куда бы я ни пошел и когда бы я ни вернулся домой, то вкратце получал информацию об: 1) их искренности; 2) их достойной природе; 3) моей несправедливости. Нет необходимости говорить: я испытывал искушение указать им, что «справедливость» — не особенно желательная черта среди браксанов, но не сомневался, что если заговорю, то это только подбодрит и спровоцирует наглцов, поэтому молчал.

Наконец я дошел до ручки. Дело было не только в их присутствии или настойчивости, и не в нарушении моего спокойствия (которое я высоко ценю и стараюсь поддерживать), но — в откровенной глупости, которую они демонстрировали и на которую я не мог уже смотреть. Я просил их уйти — они меня игнорировали. Я угрожал им — и да, они испугались, но все равно не сдались. Я являлся единственным связующим звеном между ними и воображаемым миром сексуального мистицизма, и они отказывались оставить меня в покое. Не стоит вообще разговаривать с фанатиками или вам будет никогда от них не отвязаться!

Я даже пытался найти какую-то лазейку в законодательстве, которая позволила бы мне от них избавиться, но, к моему удивлению, там не нашлось ничего подходящего. Наконец, раздраженный и злой (как жаль, что нет ритуалов, чтобы избавиться от такого напряжения!), я обратился к оплоту браксанской нетерпимости — то есть к моему отцу.

Сечавех всегда радушно принимал меня, думаю, в основном затем, чтобы вызвать раздражение у своих чистокровных детей, а не по какой-либо другой причине. Я никогда не

уверен в его мотивах, поэтому обычно принимаю совет Сечавеха с осторожностью. Однако этот вопрос был как раз по нему, поэтому я, не колеблясь, решил спросить его совета.

Я объяснил проблему как мог. (Не сказал ничего особенного об умном камне, не говоря уже про собственную эмоциональную встряску, теплых слов — поменьше и побольше грубых). Хотя, как сыну, мне не следовало обращаться к Сечавеху с такими вещами, но он гордился тем, что моя браксанская половина оказалась доминирующей — возможно, потому, что это доказывало превосходство его генов над генами моей матери. Итак, я пересказал ему часть этой истории, приемлемую для браксана, и он предложил мне рассказать остальное.

Когда я закончил, Сечавех довольно улыбнулся, вид у него был чрезвычайно самоуверенный и снисходительный.

— Все просто, — бросил он. — Убей их.

Я не был уверен, отвечает ли он мне или пытается натравить на обидчиков. Это наша обычная игра.

— Убить их? — переспросил я.

— У тебя есть меч, — напомнил Сечавех.

— Но как...

— Достань меч и нанеси удар. Определенно мне не нужно объяснять тебе, Феран, как пользоваться мечом.

Я нахмурился.

— Я знаю, как убивать.

«Правда?» — по-моему, Сечавех бросил мне вызов.

— Значит, так и сделай, — с иронией сказал он.

— А закон?

— Закон? — Сечавех рассмеялся. — Какой закон? Ты являешься представителем высшего класса, Феран, ты — наполовину браксан, и имеешь право на все браксанские привилегии. Эти типы тебя беспокоят? Избавься от них. Они тебя раздражают? Убей их медленно, отомсти им за свое раздражение. Не волнуйся насчет закона! Никто не будет тебя преследовать в судебном порядке. А если кто-то и попытается, то кайм'эра быстренько порежут его на куски, так же быстро и эффективно, как твой меч порежет этих твоих псевдоученых, — он замолчал, затем скромно предложил: — Я мог бы воспользоваться Смертью по Прихоти вместо тебя.

— Нет, — ответил я. — Это мне не подходит.

Мой отец, использующий Смерть по Прихоти от имени отпрыска? В обществе это не принято, и я это знал. И Сечавех знал, что я знаю.

— Нет, я сам с этим разберусь, — решил я.

Сечавех улыбнулся и я понял, что он меня проверял. Отец проводил меня до двери и по пути подбадривал, а также продемонстрировал несколько эффективных режущих и колющих ударов мечом, которые выведут противника из строя, но не убьют на месте. Преподай этим типам урок, говорил он, и покажи им раз и навсегда, что таких выроdkов браксаны не потерпят.

«И самому получить урок?» — подумал я, поблагодарил отца и ушел, не давая никаких обязательств или обещаний. Мне следовало предположить, что он посоветует применить насилие — но, с другой стороны, это сделал бы любой браксан, поддерживающий традиции. Так почему это меня беспокоит? Возможно, у меня вызывает негодование его попытка манипулировать мной, поскольку говорит о том, что я сам не лучше баранов, на которых Сечавех обычно пробует силу своего влияния. Нет, если он пытается склонить меня к насилию, то я точно буду искать альтернативу.

Четвертая звуковая дорожка

Я объяснил проблему Лине. Это одна из первых вещей, которые узнаешь в браксанском обществе: когда у тебя самого закончились идеи, посоветуйся с женщиной. А если быть более точным, посоветуйся со своей Хозяйкой.

Я так и сделал.

Нас с Линой никогда особо не волновала политика, поэтому я сильно удивился, когда она прямо заявила в ответ на мой рассказ:

— Нужно разобраться с его мотивами, — после чего предложила план действий, который зависел от подключения к делу группы информаторов, что варилось в сфере новостей и книгоиздания. Вероятно, я так удивился, что Лина это заметила и улыбнулась. — Это не займет много времени, — сказала она.

И, действительно, много времени это не заняло. Прошла всего одна десятая — и Лина представила мне результаты.

Она прошла по всей Центральной Компьютерной Системе. Однако люди в списке, который она принесла мне, были связаны с моим мучителем, как мне казалось, очень отдаленно. Тем не менее, Лина объяснила мне, что один из этих людей, вероятно, и подстрекнул Супала к действию.

— А мы можем выяснить, кто именно это был? — спросил я.

Поскольку я редко играю в политические игры — во всяком случае, не так яростно, как мои соотечественники, — Лина никогда не вела учета данных, позволявших незамедлительно осуществить такое расследование. Для подобных дел, во-первых, требуется частная шпионская сеть — ни Лина, ни я не видели в этом необходимости. До сего дня.

— Воспользуемся помощью, — наконец сказала она.

— Чьей?

— Еще одной Хозяйки.

Я внезапно представил всех Хозяек наших Домов, сотрудничающих друг с другом в гигантской шпионской сети... Нет. Даже женщины настолько не доверяют друг другу. Но сама мысль о том, что пока мы, мужчины, рвем друг другу глотки, женщины, обустроивающие жизнь в наших Домах, сотрудничают, вызвала отвращение и омерзение.

— Продолжай, — подбодрил я Лину.

— Кому ты доверяешь?

— В Курате? — уточнил я, используя иронический речевой режим.

— Давай я перефразирую: к кому я могу обратиться? А если еще точнее, то есть ли какой-то определенный Дом, в который мне не следует обращаться за советом?

Мне это сразу же пришло в голову, и как только имя всплыло в сознании, я почувствовал давно знакомый холодок внизу живота.

— Затар. Ни при каких обстоятельствах мы не станем признавать нашу уязвимость перед кем-либо, связанным с этим Домом. Ты понимаешь?

Она поняла. Лина достаточно долго живет со мной, чтобы знать, как я нервничаю в присутствии Затара, и предложила несколько имен. Этот доставит много хлопот, сказал я про одного, целую пригоршню, а этот не меньше — на целый кус. Лина сама может выбрать.

Она выбрала Дарака. Имя это для меня ничего не значило. Но нам требовалось помощь и Лина подумала, что Хозяйка Дарака владеет информацией, которая нам нужна. Вперед, сказал я ней, действуй.

Нам придется рискнуть.

Пятая звуковая дорожка

След ведет к Сечавеху.

Моему собственному отцу!

Теперь, когда я обдумал все хорошенько, все встало на свои места. Этот богом благословенный, матерью любимый... как он мог? Как он мог?

Спокойно, Феран, спокойно! Ты знаешь, как действует Сечавех. Ты знаешь, что он наслаждается, манипулируя людьми. Ты посмотри, как он относится к своему чистокровному сыну, Тураку! Почему он должен к тебе относиться по-другому?

Да, но почему...

Он все устроил. Все благословенное, так его растак, дело! Почему? Чтобы заставить меня совершить убийство? Отец способен на такое?

Сечавех? Конечно. Если и не ради меня, то для собственного развлечения.

Сомнений нет: я должен решить этот вопрос, не сдаваясь отцу ни в чем. Я приехал на Бракси не для того, чтобы мною управлял чужой человек. Я приехал сюда за свободой... И я ее получу.

Должен быть способ каким-то образом решить эту проблему и не доставить Сечавеху удовольствия.

Шестая звуковая дорожка

Думаю, у меня есть ответ.

Я обсудил план с Линой, и она согласна, что он может сработать. Она также добавила одну вещь. Может ли нелюбовь Супала к браксанскому вину означать его отвращение к наркотикам, которые обычно присутствуют в вине? Лина предположила, что эти Друзья Азеи (как она их называла) могут не только преклоняться перед силой экстаза, которой, как они предполагают, достигают азеанцы, но и их легендарным

самоконтролем. Бесценная женщина! Если она права, то на самом деле из сложившегося положения может быть выход. И, думаю, я его нашел.

Седьмая звуковая дорожка

Сегодня я пригласил Супала.

Он тут же пришел. Он вел себя так, будто считает это приглашение результатом моей к нему благосклонности и улучшившегося настроения. И на самом деле — насколько ему предстояло узнать — так и было.

Я радостно и тепло поприветствовал Супала.

Он вошел в комнату с опаской, озираясь по сторонам, и чувствовал себя неуверенно из-за моей внезапной дружелюбности. Врать браксану — серьезное преступление, так насколько он в себе уверен в действительности?

— Вы хотели меня видеть? — запинаясь, вымолвил писатель.

Я уселся напротив него в одно из уютных кресел моего кабинета, располагавшегося в моих личных покоях. Я завел Супала так далеко в Дом, демонстрируя искренность своих добрых намерений, что, очевидно, успокоило его. Я предложил гостю вина, но он не стал пить. Он еще не был во мне уверен.

— Должен сказать, что ты настойчив, — я пытался подражать Затару, который изображает лорда лучше, чем кто-либо. — Конечно, ты пытаешься разобраться с серьезным вопросом.

И тогда Супалу, безусловно, ударила в голову мысль: «Он собирается мне все рассказать!». Это было написано большими буквами у него на лбу. Я очень сильно старался не улыбаться.

— Я понимаю, — сказал он, пытаюсь сделать раболепный вид. Поскольку он не чувствовал себя униженным, то получилось не очень хорошо. Но я выглядел польщенным.

— Дело в том, Супал, что в последнее время вокруг находилось слишком много твоих друзей...

— Я отправлю их назад! — заверил меня Супал. — Я от них избавлюсь. Не беспокойтесь, лорд Феран, через одну десятую после того, как я уйду от вас, они навсегда исчезнут!

«Хорошо», — подумал я.

— А вы... вы хотите каких-либо заверений, что все сохранится в секрете? — вкрадчиво спросил надоедливый гость.

Я рассмеялся, пытаюсь изобразить острое, как нож, пренебрежение и презрение, которые так хорошо получаются у Затара.

— Не надо оскорблять меня, браксинец! Какой толк от твоих клятв, от чьих-либо клятв в таком деле, как это? Нет, делай с ними все, что хочешь, но я сам буду иметь дело только с тобой. Ты понял? Позволь мне быть более точным. Если они еще когда-нибудь меня беспокоят, то я прикажу тебя убить. Это понятно?

Глаза Супала округлились от благоговейного трепета, предвкушения и страха, и он кивнул.

— Хорошо. Значит, мы можем начать немедленно. Думаю, ты не возражаешь?

— Нет, нет, — он тут же яростно покачал головой. — Со всем нет.

— Отлично.

Я взял календарь, что заготовил для этой встречи, декоративную штучку, разукрашенную астрологическими знаками и различными переплетающимися рунами, которые частично помнил. Хотя они не играли никакой роли, но зато производили впечатление.

Я пальцем ткнул на день нашей встречи.

— Мы здесь. Следующий подходящий день для Великого Союза... вот здесь, — я указал на дату через несколько жен-тов, затем с сомнением посмотрел на Супала. — Ты на самом деле считаешь, что все поймешь? — спросил я, мой тон подразумевал сомнения.

Он кивнул.

— Пятый день, двенадцатый жен-т. Запомнишь?

— Конечно, лорд, — и тут же опешил. — А что я запоминаю?

— Ну естественно, сколько нужно воздерживаться от половых контактов, — серьезно ответил я. — Ты же не думаешь, что у тебя получится союз в азеанском стиле, если ты постоянно вступаешь в половую связь с женщинами?

Его глаза говорили об обратном, но Супал мужественно проглотил свои страхи и согласился с таким условием.

— Полное воздержание, — добавил я. — Никаких женщин, мужчин, маленьких мальчиков и всех остальных.

— И, э...

Я догадался, что его беспокоит, и отмахнулся от этой проблемы, как тривиальной и не имеющей особых последствий.

— Сам с собою? Это не то же самое. Конечно, если ты хочешь все сделать правильно...

Супал кивнул, его глаза округлились.

— Ничего, никаких контактов, я понимаю, — завороченно пробормотал он.

Должен признать, что он на самом деле хотел попробовать. Я добавил еще какой-то полумистической чуши, но суть проблемы была уже представлена: для хорошего секса — никакого секса. И мы посмотрим, как долго он без него продержится.

Восьмая звуковая дорожка

Я надеялся, что Супал никогда больше ко мне не придет. Но он пришел.

— Они оставили вас в покое, лорд?

Я кивнул. Супал выглядел похудевшим и изможденным, словно я приказал ему воздерживаться не только от женщин, но от пищи и воды также.

— Ты все хорошо сделал, Супал, — бросил я. — Хочешь перекусить?

К моему удивлению он согласился, но когда принесли еду, то поклевал как-то вяло и кинул.

— Ты выполнял правила, которые я установил? — я не сомневался, что он все соблюдал в точности, но решил подчеркнуть важность вопроса.

Супал кивнул. Ему нужно было воздерживаться еще целый жент, но он попросил встречи со мной, чтобы разработать кое-какие детали предстоящего Союза. Должен признать: я думал, что самого по себе воздержания будет достаточно, чтобы прогнать Супала. Учитывая правила, принятые в браксинском обществе, это очень тяжелая ноша. Но нет, вот он сидит передо мной.

Хорошо сложенная женщина вошла и подала нам сладости. Когда я говорю «хорошо сложенная», возможно, я ее недооцениваю. Определенно, она произвела на Супала потрясающий эффект — словно тонна кирпичей свалилась ему на голову.

Его рот широко распахнулся, и она надушенными пальцами положила туда цукат, только тогда рот Супала закрылся.

Бедняга! Он уже был в плачевном состоянии. Мне станет его жаль еще больше, когда добавленный в пищу афродизиак подействует.

— И как ты справляешься? — спросил я.

Гость был вынужден проглотить фрукт, чтобы ответить.

— Не очень хорошо, — признался Супал. — Напряжение просто ужасное... я постоянно раздражен...

Я догадался, что он отказывал себе в любом удовлетворении вообще, даже с самим собою. Рабыня положила ему в рот еще цукатик. Я просто наслаждался ситуацией.

— Как ты думаешь, ты сможешь продержаться такой срок?

— О, да, лорд! — вытянувшееся, изможденное лицо Супала пошло лихорадочными пятнами, глаза пылали фанатическим огнем. — И вы... то есть я хотел сказать... — он смутился и не закончил.

— Когда время придет, я возьмусь всем руководить, не тревожась, — успокоил его я.

— А... с кем? — этот вопрос сильно беспокоил моего гостя. Отлично! Я так и предполагал.

— Конечно, с моей Хозяйкой, — я сделал драматическую паузу. — Как ты думаешь, кому я еще могу доверить такое?

Супал удивился, но согласно кивнул. Моя рабыня засунула еще один цукат, когда Супал послушно раскрыл рот, и слегка коснулась его щеки. Я дал ей знак, проявив показную заботу о благополучии моего ученика. Рабыня встала, надув красивые губки, и ушла, покачивая бедрами.

Бедный Супал. Я смотрел на то, как он провожал ее глазами, и видел, насколько сильно его желание. Я хорошо все устроил. И сомневался, что он протянет еще ночь.

А если все-таки протянет, то я уже готов к этому.

Девятая звуковая дорожка

Шестой день двенадцатого жента.

Вчера вечером появился Супал.

Он стал совсем не похож на себя прежнего: тощий, отчаявшийся, он пытался справиться со своей дикой страстью и беспрерывно кланялся.

— Мы готовы, — сказал я после ритуального приветствия. — Следуй за мной!

Лина помогла мне подготовить ритуальную комнату. Наша затея стояла того, чтобы так ее украсить. И вот что получилось: мозаичная луна, пойманная в сети лучей солнца Брак-си, светилась на потолке; на всех стенах, за исключением той, где была дверь, — шпалеры, украшенные помпезными, но бессмысленными знаками. На отполированном черном полу яркими красками — привилегией низших классов — были нарисованы дуалистические символы. На столике стоял хрустальный подсвечник стреловидной формы и такой же кубок, а также кубок меньшего размера с темно-красной жидкостью, имеющей сладковатый запах, что подозрительно напоминала кровь. (На самом деле это был наполовину выдохшийся сок паллы — не потому, что нельзя было достать кровь, но я решил, что для наших целей сок паллы вполне подойдет). В целом обстановка была мрачной, драматичной и производила впечатление. Супал вздохнул. Он ожидал подобного? Увиденное превзошло все ожидания, это было написано на его лице. Ну, не зря я потратил столько времени, читая все эти уморительные книги!

Лина ждала нас и протянула Супалу меньший кубок. Он нерешительно посмотрел на меня в поисках поддержки, и я кивнул ему с серьезным видом. Супал медленно выпил сладкую жидкость (ее сложно выпить залпом). Лина подмешала туда афродизиак на тот случай, если наша игра сорвется, и Супалу остается винить только самого себя. Я надеялся, что афродизиак сработает.

Затем Лина медленно разделась, и я попросил Супала сделать то же самое. Он трясся от возбуждения, очевидно, от него требовалось громадное усилие, чтобы лечь на пол рядом с Хозяйкой, на некотором расстоянии, следуя таинственным символам.

Закрыв глаза, он стал ждать, лежа на холодном черном полу (я специально его охладил). Я помедлил и начал Ритуал Подготовки.

— Знаешь ли ты, тот, кто пришел сюда сегодня, что есть только две вещи, поднимающие человека над животными? Вот они: удовольствие человека и его умение владеть собой. Хотя животные и вступают в половую связь, они не знают

удовольствия, равного удовольствию человека, и у них нет силы воли, чтобы отказать себе в половых сношениях ради чистого удовольствия от соблюдения дисциплины. Поэтому сегодня эти два Принципа соединяются, и акт удовольствия после сознательного воздержания ведет к соединению тел и в итоге экстаз человека будет наивысшим.

Лина помогла мне сочинить текст. Я думал, что мы несколько переборщили, но это мало чем отличалось от описаний подобных церемоний в тех смехотворных книгах, которые мы прочли. Однако Супал, казалось, воспринял все как должное. Я и предполагал, что для него сойдет любая чушь, только бы оправдать воздержание.

Я принес большой кубок с вином и дал Лине немного отпить. Я специально загородил Супалу обзор и он не мог видеть, что она на самом деле не пьет. Затем я велел ему допить оставшееся вино.

— Что это было? — спросил Супал, когда напиток начал действовать.

— Наркотики, — при этом слове мой гость встрепенулся. Я поднес палец к губам. — Ш-ш-ш! Они необходимы.

Теперь он нервничал гораздо больше и для этого имелись основания. Это был слабый галлюциноген, но немного сильнее, чем те, которые добавляют в браксанское вино. Но Супал не пил такого вина и не привык к галлюциногенам. И ему не понравится эффект.

К этому времени должна была начать действовать первая порция наркотиков. Я сел на корточки рядом с гостем, затаенный в серое и черное, и попытался подготовить его к предстоящему.

— Какое-то время ты будешь чувствовать себя так, словно плывешь или паришь. Это нормально. Не волнуйся за свое тело. Оно не пострадает, что бы ни произошло.

При этих словах глаза Супала широко раскрылись. Да, Лина правильно предположила: этот человек готов попробовать все, что угодно, но при этом боится потерять над собой контроль.

Если это так, то он уже наш.

Я продолжал описывать судороги, которые могут начаться, и как он будет наблюдать за своим телом, словно бы издалека, паря в воздухе, испытывая все нарастающее возбуждение. Супал нервничал все больше и больше, и это состояние

усилилось изменением состава крови. Он бросал нервные взгляды и это означало, что ему начали чудиться разные вещи. Так, время пришло, подумал я. Я заговорил тихим голосом, пытаясь придать ему как можно больше таинственности.

— Затем, когда вы двое пройдете сквозь друг друга в эфире и каждый из вас примет форму другого...

— Что?! — Супал внезапно сел прямо и схватил меня за грудки. — Что ты имеешь в виду? — резко взвыл он.

Я демонстративно удивился:

— Я думал, ты знаешь. Ты же сказал, что знаешь.

— Что знаю? Скажи мне немедленно!

Тогда я понял, что наркотики подействовали, поскольку в противном случае Супал не стал бы со мной так разговаривать.

— Ну, ты испытаешь полное единение с женщиной, — и до того, как он смог ответить на такое невероятное, вызывающее заявление, я пояснил: — В твоем случае не будет серьезных физических последствий, поэтому я не стал бы беспокоиться.

— Что? — вперив в меня бессмысленный взгляд, зачастил гость. — Какие последствия? О чем беспокоиться?

— Ну... — произнес я с кажущейся неохотой. — Это правда, что у азеанцев мужчина и женщина постепенно начинают уподобляться друг другу. Но это происходит только после многих лет практикования ритуала, — добавил я поспешно. — И редко влияет на основные половые...

Супал уже достаточно наслушался и попытался встать.

— ...признаки, — закончил я. — Ты ведешь себя неправильно!

— Да я бы ваше «правильное поведение»!.. — наркотики подкрепляли мои слова еще и картинками, которые рисовало разыгравшееся воображение подопытного, и Супал чувствовал, будто бы перемена на самом деле имела место и он обменивался ростом, формой, и всеми деталями полов с моей Хозяйкой.

— Но испытать удовольствие женщины! — закричал я в притворном волнении. — Разве ты не этого хочешь? Я думал, ты все понимаешь!

Волевым усилием Супал интегрировал вторично, то есть перестал воображать, что «растворялся» в моей Хозяйке, или сливался с нею.

— Я забыл, что я понимал, да, лорд Феран... — пробормотал бедный гость. — Я...

Супал покачал головой и, шатаясь, пошел прочь из комнаты, схватил свою одежду, словно ему в голову с опозданием ударила мысль. Он был в отчаянии и страстно желал покинуть мой Дом до того, как превратиться в женщину, хоть ненадолго и отчасти. Я мог представить кошмарные образы, которые нагнетало его одурманенное сознание, пока мой гость пробирался к двери. Супал выскочил на улицу голышом.

Я подождал, пока компьютер не подтвердит его уход, и рухнул на пол, трясясь от хохота. Лина присоединилась ко мне и мы выпустили энергию, являя собой прекрасный пример браксанской сексуальности. Не могу сказать, что испытывать удовольствие с точки зрения женщины так ужасно. Будучи телепатом, я часто это делал. Но браксинцы — это браксинцы. Сомневаюсь, что Супал еще вернется.

Меня беспокоило только одно. Я слушаю эти записи и вроде бы на месте — все, за исключением одной детали. Откуда Супал взял умный камень? Единственным источником таких вещей является черный рынок браксанов, а представители этого племени никогда не станут рисковать своей жизнью ради кого-то из низшего сословия.

Я посмотрел, где находится планета Ури. Может, мне не следовало этого делать. Может, мне просто следовало забыть обо всем случившемся. Однако теперь уже слишком поздно.

Ури находится у Военной Границы, у зоны активных боевых действий. В секторе, контролируемом Затаром. Это означает, что или какие-то контрабандисты прорвались сквозь его силы — а это маловероятно — или он сам как-то с этим связан.

Я постараюсь не вспоминать об этом. Очень постараюсь.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

«Между настоящими врагами никогда не бывает мира».

Витон

Анжа быстро, размашистым шагом шла к Институту. Она только что прилетела и не собиралась нигде задерживаться —

ни для того, чтобы посмаковать атмосферу планеты, ни для того, чтобы насладиться великолепным видом, ни для того, чтобы заново поразмыслить о своих действиях. Она была зла и едва сдерживала свой гнев. Горе тому, кто попадет под горячую руку!

Знакомые ступеньки и знакомые залы; жизнь продолжается, но Институт всегда неизменен. Анжа отправила впереди себя короткую мысль, чтобы предупредить директора о своем визите — просто знак вежливости — и появилась перед его кабинетом через мгновение.

— Впустить, — приказала она. — Анжа лиу Митете.

Последовала пауза; директор несомненно собирался с мыслями. Наконец дверь получила акустический импульсный сигнал и открылась, пропустив Анжу во внутреннее святилище так называемого монарха телепатии, Набу ли Пазуа.

— Директор, — она не улыбнулась, не поклонилась.

— Это честь для меня, командир звездного флота, — мысленно директор слегка укорял ее за неожиданное прибытие. — Какое дело заставило тебя оказаться так далеко от Военной Границы?

Вместо ответа Анжа достала тонкую папку с документами из-под кителя, открыла и высыпала содержимое на стол.

— Думаю, ты знаешь что это, — сухо бросила она.

Ли Пазуа посмотрел на бумаги и пожал плечами, его поверхностные мысли бежали со скоростью светового года в минуту и Анже не удавалось поймать ни одну из них. Ли Пазуа был слишком осторожен для этого.

— А-а. Твой запрос? — спокойно произнес он.

— Именно так. Мне отказали. Я хочу знать, почему.

— Я указал причины вот здесь, — директор показал на один из документов.

— Это стандартный отказ, — возразила Анжа. — Этого недостаточно.

— Ты предполагаешь уловку там, где ее нет.

— А ты тянешь время. Я попросила предоставить мне услуги коммуниканта, владеющего несколькими языками. Я действовала через соответствующие каналы. Ты мне отказал. Я хочу знать, почему.

Ли Пазуа какое-то время стучал ручкой по столу — этакая пародия на задумчивость не-телепата.

— Институт не обязан обеспечивать тебя кадрами, — неохотно выговорил он. — И я не обязан объяснять тебе причины отказа.

Директор чувствовал, что Анжа пытается держать себя в руках, но это у нее не очень хорошо получалось.

— Это так, — сказала она с угрозой в голосе и в сознании, но больше не произнесла ни звука.

— Хорошо, — если уж не избежать столкновения, то пусть будет так, решил директор. — Я так решил, потому что ты, как функциональный телепат, способна осуществлять любые транскультурные коммуникации и нет смысла разбазаривать кадры, чтобы просто усладить твою жадность. Нет ничего из того, на что способен Сиара ти, чего не можешь сделать ты сама, причем лучше него.

— Я — одна, — заметила Анжа. — И не могу сделать всю работу в одиночку.

— Ну тогда нанимай обычных людей, — парировал директор. — Мы, знаешь ли, не занимаемся только поставкой персонала для Звездного Контроля.

— Во всей галактике нет не-телепата, способного сделать то же, что и Сиара ти, — холодно заметила Анжа. — Поскольку я сама обладаю такими способностями, то понимаю это.

— Твоя относительная изоляция от других телепатов создала у тебя странное представление о наших взаимоотношениях с миром. Нас в Империи примерно десять тысяч, а не-телепатов — неизмеримо больше, и думаю, что не нужно напоминать тебе, что в других регионах, за пределами Империи, истинных телепатов нет. Большинство из них остаются в Институте и служат его целям, надеясь когда-нибудь изменить такое положение. Ты решила уехать. Очень хорошо, у тебя был выбор. Но теперь, сдается мне, ты решила, что можешь нанимать эстрасенсов, независимо от наших нужд, наших целей. Ну, ты ошибаешься.

— А Война, по-вашему не имеет значения? — вскинулась Анжа. — Разве это недостаточное основание, чтобы выделить несколько человек?

— Я уже выделил несколько человек. Я отдал тебе пятерых эстрасенсов-рецепторов — против моей воли, прошу заметить. Но они пожелали уехать, и я их отпустил. Теперь двое из них мертвы.

— Мне очень жаль, но подобное случается на любой войне.

— Война меня не заботит! Меня волнует психогенетика. У меня есть обязанность приумножать, защищать и готовить столько экстрасенсов, сколько возможно. Я пограл собственные интересы, когда отправил их на смерть. Ты напрасно потратила время, приехав сюда, Анжа лиу. Мой ответ: нет.

— Директор, Война меняется, — попыталась объяснить Анжа. — Мы подходим гораздо ближе, чем когда-либо, к браксинской Границе и это — прямой результат работы экстрасенсов. С ними я могу посылать разведчиков, а также истребители далеко за пределы радиуса действия сканеров «Завоевателя». С коммуникантом мне удастся гораздо больше.

— Ты говорила мне это, когда тебя только назначили на «Завоеватель», — не принял ее объяснений ли Пазуа. — И когда подавала заявку на каждого экстрасенса. Когда-то я видел в этом смысл. Но твое развитие замедлилось, командир звездного флота. Как ты это объяснишь?

Анжа помрачнела.

— Враг изменился. Затар...

И внезапно умолкла, не желая, чтобы директор увидел каковы ее чувства. Ярость. Страстное желание. Он неправильно их интерпретирует — воспримет, как слабость, хотя в действительности все наоборот. Ее настойчивость в желании сломить Затара — это ее сила, ее эмоциональное убежище, страсть, которая подпитывает энергией само существование Анжи. Почему ли Пазуа встает между ней и ее победой? Это невыносимо, неприемлемо!

— Затар знает, что я делаю, — мягко сказала Анжа. У самой поверхности ее сознания присутствовал благоговейный трепет, и вполне оправданно: какой браксинец может предугадать ход экстрасенса? Перехитрить экстрасенса? — Затар понимает меня. Он учится обходить мои телепатические приемы. Он строит несуществующие планы, несущественные планы, действует так, чтобы запутать экстрасенса. И все это с намерением, которая обычно объясняется искренностью. Мне нужен еще один разум, способный его читать. Тот, который не связан моими... рамками.

— А твой враг не настроится на нового человека? — подсказал директор.

Анжа закрыла глаза, она ненавидела этого человека.

— Вероятно, настроится, — ответила она, сдерживаясь. — Но для этого потребуется время.

— Мне кажется, что пока ты занята разработкой нового типа военных действий, ты также создаешь новый тип врага. Разве это не грозит тебе провалом?

Это было так близко к философии кайрта, что Анжа удивилась, услышав подобное высказывание от директора. Сколько всякой информации она пустила на ветер во время их спора?

— Директор, эта Война есть забег, — пояснила она. — Постепенно мы подходим все ближе к Холдингу. Когда мы туда доберемся, изменятся все правила. Каждый новый элемент, будь он экстрасенсорный или стратегический, дает нам выиграть время, подводит все ближе к цели. Затар не экстрасенс, а значит, должны быть ограничения в том, насколько он может предугадать наши действия!

— Второстепенные образы в твоём сознании заставляют меня задуматься, правда ли это, — заметил ли Пазуа. — Но, все равно, боюсь, я должен отказать тебе. У меня много обязанностей, некоторые из них важнее. И одна из моих обязанностей — это защита экстрасенсорного общества.

— Значит, я представляю для него угрозу?

— Двое экстрасенсов погибли, работая под твоим началом. Это факт. Я не хочу терять других.

— Непременно ты должен выбирать?

— В случае Сиары ты — да. Он молод. Я уверен, что Война — это слово, которое звучит для него слишком заманчиво. Не уверен, понимает ли он, что именно ты от него просишь. Или каков риск. Двух смертей достаточно, Анжа лиу! Довольствуйся тем, что у тебя есть.

Анжа коснулась поверхностного сознания ли Пазуа и порадовалась тому, что там нашла.

— Ты в самом деле расстраиваешься из-за смерти твоих людей, директор? — вкрадчиво спросила она. — Или тебя гораздо больше беспокоит то, что оставшиеся в живых могут переметнуться на мою сторону?

Она явно ударила по больному месту. Директор быстро скрыл свое волнение, но недостаточно быстро. «Ты — начало опасной тенденции!» — пробежала у него мысль. Затем ли Пазуа вновь взял себя в руки.

— Ты представляешь себя более значительной персоной, чем есть на самом деле, — начал он. — Ты предлагаешь Войну, я предлагаю знание. Здесь, в Институте, экстрасенс может реализоваться полностью. В конечном счете...

— Ты в самом деле в это веришь? — перебила директора Анжа. — Ты можешь смотреть на меня и все еще так думать? Взгляни туда, за пределы Института — вот откуда приходит сила! Оттуда, где тебе приходится иметь дело с людьми, сознание которых закрыто для тебя. Где ты один в Пустоте, пока твое сознание не начинает кричать в поисках контакта — где ты прощупываешь мысленно целые планеты, желая найти прикосновение знакомой души. Нельзя получить силу здесь, в том окружении, где нас кормят с ложечки, где ты пытаешься развить силу, удовлетворяя все наши нужды. Само существование твоего Института мешает и сдерживает проявление таланта, к которому ты так стремишься.

Анжа передохнула и продолжила.

— Я предлагаю тебе Войну, самую высшую проверку. Пошли ко мне Сиару ти и он станет сильнее, чем ты когда-либо мечтал или считал возможным. Я гарантирую это.

— Трогательно, — сухо сказал ли Пазуа. — И я не сомневаюсь, что ты обрела себя в битве. И также нашла новые способы для приложения своего таланта. Но твои ограничения остались теми же, будь ты здесь, или где-либо в другом месте.

— Правда? — глаза Анжи заблестели и ярость полыхнула на миг. — Правда? Позволь мне показать тебе, директор, о каком именно таланте мы спорим.

Анжа медленно начала атаку на его сознание, чтобы ли Пазуа получил предупреждение и не сказал бы потом, что она застала его врасплох. Даже когда он отступал, отрезая ей путь, то его глаза, совсем чужие теперь, округлились от удивления. Нарушение главных принципов телепатического этикета! Караул!

Женщина подвинула бумаги ближе к нему — в них было разрешение экстрасенсу покинуть Институт, — великолепно продемонстрировав способность двигать предметы рукой или другой частью тела во время ментальной работы. Очень трудно делать что-то, когда ты выпускаешь столько ментальной энергии.

— Подпиши их, директор, — отдельно произнесла она. «Не стану!» — мысленно отказал ли Пазуа.

Он старался воздвигнуть ментальные стены, одновременно пытаясь обыграть ее в гляделки, но не мог. Одно за другим его физические чувства закрывались, позволяя ему сконцентрироваться на смертельной схватке.

«Я слишком хорошо думаю о тебе, директор?» — пришел запрос в его сознание.

Анжа пыталась сдвинуть его тело, словно оно было ее собственным, и ли Пазуа боролся, чтобы не дать ей это сделать. И проигрывал. Ментальные когти рвали стены, которые он выстраивал, едва те начинали подниматься — пока директор не прекратил воздвигать их и ограничился только выкладыванием фундамента для борьбы. «Дисциплина отделения», — попросил он свою память. Ключевые модели прыгнули на место и директор начал уходить в темноту уединения своего «я». Анжа последовала за ним туда... — последовала за ним *туда!* — и разрушила имевшуюся модель, которая обещала директору спасение.

«Ты не можешь от меня спрятаться! — гудело в его сознании. — Я слишком сильна. Я сильнее, чем ты когда-либо собирался меня сделать, и возможно сильнее, чем, как ты думал, станет кто-то из нас».

Ли Пазуа снова мог видеть, но был только зрителем, наблюдая за образами, которое Анжа активировала в его фантазии. Она смотрела его глазами и контролировала его. Это невозможно!

— Возможно, — сказала Анжа вслух. Она хотела, чтобы ли Пазуа ее слышал, поэтому слушала за него, позволяя ему разделить ее ощущения. Внутри он все еще боролся, но его воля, пересиленная и испуганная, наконец сдавалась ее долбящей и громящей силе. — Много из того, чему ты нас учил, неправильно. Отбросить физические чувства, чтобы сконцентрироваться на сознании. Чушь! Нужно интегрировать и то, и другое — и оба усилятся. Ты учишься этому, когда нет другого выхода.

Директор сжал кулаки, затем разжал — Анжа заставила его это сделать. Он не мог остановиться, замедлить движение, уменьшить давление. Его тело было подчинено ей и она им управляла. Немыслимо!

— Почему нет? — спросила Анжа. — Если бы мое тело было достаточно сильным, то я могла бы толкать тебя фи-

зически. Если бы мои навыки ведения дискуссий были выдающимися, я могла бы манипулировать твоим интеллектом, представляя доводы разума. Почему это столь внезапно для тебя? Нет ни мужчины, ни женщины, которые могут противостать мне, если я настроена достаточно серьезно — рецептора, телепата или кого-то другого. Если ты не смог, не сможет никто.

Анжа подтолкнула к нему запрос.

— Подпиши его, директор.

«...под давлением...»

— Твоя собственная пропаганда приведет тебя к гибели. Один телепат не может контролировать другого, помнишь? Подписывай!

Рука директора взяла ручку — медленно, сильно дрожа от напряжения, когда он пододвинул к себе бумаги. Сам ли Пазуа отчаянно сопротивлялся, когда эта нахалка выжимала из него подпись, призывая его сознание подчиниться, но управляя им так, что подпись вышла похоже. Директор сражался, но проиграл.

— Спасибо, директор! — вслух поблагодарили Анжа. — Я знала, что ты согласишься с доводами разума.

Будто кулак, сдавливавший мокрую тряпку и выжимавший из нее последние капли, она расслабилась и выпустила ли Пазуа, и, подобно влажной тряпке, он, опустошенный, распластался на столе.

Анжа заново сложила документы и убрала себе под китель.

— Я ожидаю увидеть Сиару ти Ланна на двенадцатой базе через десять стандартных дней, — распорядилась она.

— А если его там не окажется? — глухо спросил директор.

— Ты уже отпустил его. Если ты теперь помешаешь Звездному Контролю, то я привлеку тебя к суду за государственную измену. И ты знаешь, сколько человек в Империи возрадуются твоему падению. Включая меня. Это даст мне доступ к твоим частным психофайлам и заметкам о моей психологической обработке. Поэтому не надо меня дразнить! — И снова мысли Анжи стали мрачными. — Если у меня когда-либо появятся причины подозревать, что моя психологическая обработка — или обработка моих экстрасенсов — мешает работе, то заверяю тебя: я сожгу этот Институт дотла и его ценные архивы в придачу. Ты меня понял?

Ли Пазуа мог только кивнуть. Его тело ничего не чувствовало и отвечало не сразу.

— Это все, директор. Еще раз — благодарю.

Анжа покинула кабинет, как и вошла — в водовороте дикой, едва сдерживаемой энергии. Опустошенный Набу страдал. Ее потенциал всегда производил на него впечатление, но случившееся превосходило самые смелые мечты. Если бы она оставалась под контролем!

«А что там с ее психологической обработкой? — спросил ли Пазуа сам себя. — Она все еще действует?». Было трудно судить об этом. Они взяли отверженного ребенка и взрастили ее страсть к завоеваниям. Они хотели получить информацию и поставили все на то, что девушка отыщет ее. Если бы все пошло как надо, то Анжа бы сейчас путешествовала, под опекой Института, конечно, летала от планеты к планете, пока не нашла сведения, которые бы их удовлетворили. По этой причине они привили ей зеймофобию, чтобы она никогда не могла чувствовать себя достаточно комфортно ни на одной земле, не могла осесть где-нибудь и отказаться от поиска.

Кто мог предположить, что Анжа поступит на военную службу? Отправив ее в приграничный флот, Звездный Контроль разрушил среду, необходимую для того, чтобы психологическая обработка Анжи воздействовала должным образом. Кто может сказать, что с ней случится при нынешних обстоятельствах? Первый пролом уже произведен: поработав с Набу так, как она это сделала, Анжа дала ясно понять, что заложенная в нее зависимость от Института больше не действует. А сколько еще всего было таким же образом нейтрализовано?

Уверенность директора Института сильно поколебалась и он заставил себя посмотреть неприятной правде в глаза.

«Мы потеряли контроль над Анжой», — подумал он.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

«Браксаны не правы, если думают, что так и останутся терпимыми к человеческим слабостям и потворствованию своим желаниям. Они просто еще не встречали слабости, что их могла бы оскорбить».

Харкур

Меня зовут Венари. Это ничего не значит, просто набор звуков, комбинацию которых пришили ко мне. Когда их произносят, я прихожу; когда знакомые вспоминают эти звуки, то им на память приходит мой образ. Но сами по себе звуки ничего не значат. Я сама по себе ничего не значу. Я существую. Я живу. Я служу. Венари.

Мои воспоминания измеряются почти что годом.

Мне сказали, что я стала жертвой жуткого несчастного случая и мое сознание заблокировало часть моей памяти, чтобы я заново не переживала боль. Возможно, моя память просто отказала. В любом случае я утратила не только воспоминания о том ужасном дне, но и о прочих днях до этого. Моя жизнь — пятнадцать жентов, а моей душе... Кто может сказать, сколько ей? Я говорю на семи языках, но не помню, как их учила. У меня есть навыки, которым меня не обучал никто, и каждый день я чувствую, как некие воспоминания маячат на краю моего разума — воспоминания, что были утеряны, мне казалось, навечно.

Мне снятся сны.

Вот что снится чаще всего: я нахожусь в небольшом межзвездном корабле, который несется в Пустоте на большой скорости. Образ — нож, прорезающий тьму, и я сама скольжу по этой ране. Везде вокруг меня приборы, от которых зависит моя жизнь. Потом я вижу золотые руки на пульте управления, они словно танцуют по клавишам. Я чувствую давление, чувствую возбуждение и огромную радость, от предстоящей победы. Я смеюсь, дико хохочу. Затем внезапно вокруг меня загорается огонь — и огонь охватывает мое тело. Я на мгновение вижу золотое яйцо, которое по цвету соответствует моим рукам, оно свободно парит в Пустоте. Я пытаюсь добраться до него.

...И просыпаюсь с криком.

Я пытаюсь не кричать. Когда наступает это переходное состояние — когда все еще сплю, но уже не полностью — я подавляю в себе крики мыслями об ужасе моей теперешней жизни и о том, как другие узнали о моих снах. Этого обычно хватает. Это я хорошо помню.

Кто я? Зеркало, явившееся как по волшебству, показывает женщину из людей, во внешности ясно прослеживается иноземное происхождение. Приспособленные для хватания, цеп-

кие пальцы ног, ногти можно назвать когтями; широкое лицо, черты его как-то странно вытянуты по горизонтали, будто в насмешку над четкими, словно высеченными из камня, чертами окружающих меня браксанов. Я высокая — слишком высокая — но у меня узкая грудная клетка и бедра, и такая смуглая, что могу незамеченной проскользнуть в темноте. Если я порежусь, то вижу, что внутри моя плоть красная, как и у них, словно цвет моей кожи нанесен при помощи косметических средств и может быть легко стерт. К сожалению, это совсем не так.

А это приводит меня к следующему пункту идентификации: я — рабыня в Доме Сечавеха.

Некоторые первобытные народы верят в разнообразие жизни после смерти; моя Хозяйка рассказывала мне об этих вещах. Они основываются на идее, что некий бог — или богиня — потратил время и усилия, оставаясь в человеческой сфере, чтобы понаблюдать и проследить за бессмертием души. Я предполагаю, что это было ужасно скучно для такого могущественного существа. Поэтому, решив позабавиться, это божество придумало разнообразие вариантов жизни после смерти. Один из них, хотя его называют по-разному, признается всеми верующими, как место вечного страдания. Что это за страдания, никто вам не скажет. Однако люди уверены в том, что у того места есть Хозяин, удовольствие которому доставляет придумывание новых пыток, чтобы раздражать человеческую душу, и тем самым развлекать ответственного бога-создателя. Я встречала этого Хозяина. На самом деле я ему и служу.

Говорят, характер Сечавеха сформировался еще в детстве, когда им правили женщины и заставляли его страдать за надменность его родителей. Я не верю в это. Разум легко и свободно представляет многие ужасные вещи, но ни одна из них, даже самая страшная, не может преобразоваться в существо, которым стал Секав, сын Лурата и Мнисы.

Конечно, я пристрастна. Я ведь женщина. Не знаю, что о нем думают мужчины, и, предполагаю, что никогда не узнаю. Я иногда размышляю, могут ли браксаны на самом деле одобрять его поведение — те, что говорят о праве на удовольствие и чтят своих женщин превыше мужчин других рас. Сечавех — не такой. Он — другой, и знает это, и, желая под-

черкнуть это, использует другое имя, то, которое ему дали чужаки. Но им пользуются и браксаны и, не исключено, что они на самом деле считают Сечавеха своим. По мне так они совсем не похожи. Но с другой стороны, я принадлежу ему.

В последнее время меня беспокоит вопрос, кто я. Все вроде было сказано, спрашивать не о чем, все разложено по полочкам. Тем не менее не хватает одной детали. Я никогда не думала о своей жизни, не ломала голову над этой загадкой, но теперь все больше и больше задумываюсь об этих недостающих годах. Какой я стала бы сейчас, если бы вспомнила свое прошлое? Такие воспоминания не идут на пользу. Если мои слова или действия внушают Хозяевам подозрение, что я что-то вспомнила, меня тут же сурово наказывают и отправляют на лечение, которое полностью стирает воспоминания. Но это не всегда срабатывает. Я им этого не говорю. После того, как мне пришлось пережить боль благодаря богатому воображению Сечавеха, и я провела много дней, одурманенная наркотиками, подвергаясь гипнолечению, у меня нет желания сообщать, что все приложенные ими усилия провалились. Причем чем больше я подвергаюсь обработке, тем яснее их поражение. Слово я вырабатываю иммунитет к процессу, или, возможно, мои воспоминания находят способ обойти или перехитрить наблюдение Сечавеха и постепенно достигают успеха.

Именно поэтому я пытаюсь не просыпаться с криком.

Несмотря на все эти размышления, оставалось возможным, что мое тело распадется на части, так и не открыв тайну моего прошлого. Но затем появился Он... я содрогаюсь при мысли об этом!.. и мир в одно мгновение переменялся.

Он на какое-то время вернулся с Войны. Кто может сказать, почему? Условное перемирие заключается довольно часто, этих договоров уже столько, сколько звезд на браксинском небе. Возможно, одно перемирие коснулось его региона, его подчиненных или его кораблей. Может, к родной луне его привело беспокойство за собственный Дом, или его кораблю потребовался ремонт, и это дало ему возможность покинуть фронт и отправиться в отпуск. Кто знает? В тот день меня отправили с каким-то поручением и я уже опаздывала, возвращаясь назад. Торопясь домой по лунному проспекту, чтобы в назначенное время вернуться в Дом, я совсем

не глядела на дорогу. И со всей силы врезалась в него и растянулась на земле.

Моей первой реакцией был испуг. Практически все жители Жене являются высокорожденными. Как меня накажут за то, что я доставила беспокойство браксану? Но затем я подняла глаза и увидела Его, и мой страх уступил место удивлению.

Недостаточно сказать, что он был красив, поскольку красота — обычное явление среди браксанов, и я уже давно привыкла к ней. Избрать самого красивого среди лордов Бракси — словно гадать о достоинствах богов. Но я привыкла к чертам своего Хозяина, суровым и непреклонным, искаженным годами злобы. Если бы какой-то раб доставил ему беспокойство, как только что доставила я этому незнакомцу, то ярость тут же исказила бы черты лица Сечавеха и превратила лицо в ужасную маску. А этот человек не демонстрировал ярости и не спешил с наказанием. Казалось, он даже — разве такое возможно? — забавляется.

— Встань, женщина, — приказал он.

Я поспешила подчиниться и почувствовала, что у меня горят щеки. Слава богам за мою смуглую кожу, она скроет румянец! Присутствие мужчины странно тревожило меня, и я не могу назвать это беспокойство неприятным. Мужчина подошел поближе и оглядел меня, дотронулся рукой в перчатке до моего подбородка, приподнял мне голову и держал, пока я не посмотрела прямо ему в глаза. Его нежные ноздри раздувались и я чувствовала себя очень неудобно, как всегда, когда вспоминала, насколько у браксанов развито обоняние — фактически как у животных. Они могут уловить тысячу тончайших ароматов, другие люди не чувствуют столько.

Что бы он там во мне ни разглядел, но это ему понравилось, и браксан улыбнулся.

— Ты чья? — спросил он.

Голос знакомый. Он удивил меня и поэтому я ответила с запинкой.

— С-с-сечавеха, лорд, — я увидела его медальон и тут же исправилась: — Кайм'эра.

— А как тебя зовут? — он говорил сильным и мелодичным голосом... знакомым голосом. Островок памяти в пустоте прошлого.

— Венари, кайм'эра, — совсем огорошенная, выдавила я в ответ.

Он разглядывал меня, и я вдруг задрожала. От стыда? От страха? Да, и от тысячи других эмоций, которым не было места в моей предыдущей жизни.

— Простите меня... — начала я.

— Он развлекается с тобой?

— Нет, кайм'эра, — мое лицо предательски горело.

— А-а! Предсказуемо, если знать Сечавеха. Но... какая потеря, — он провел ладонью по моей щеке, коснулся шеи и груди, оставляя будто огненный след там, где побывали его пальцы. — Я возьму тебя в аренду на ночь, если Сечавех согласится. Тебе это понравится.

Я чувствовала, как у меня подкашиваются ноги, и думала, сколько времени они еще смогут меня держать.

— Я... как пожелаете, кайм'эра, — еле слышно промямлила я.

— Ну, тогда предупреди его, — распорядился лорд. — Я сегодня вечером приду к нему, чтобы официально обратиться с просьбой. Хочу попробовать то, что у него не хватает ума просто желать.

Еще минута — и я определенно упаду.

— Как вас зовут, кайм'эра? Что мне сказать...

— Затар, — небрежно бросил он.

Мне было знакомо это имя, еще один фрагмент забытого прошлого. Я кивнула, чуть жива, поклонилась и осторожно, пятясь, отошла от лорда. Я очень надеялась, что мои ноги удержат меня и позволят добраться до Дома.

Затар хочет меня! Ног уже не чуя под собою, в приподнятом настроении я пришла к Дому. Во мне росла уверенность: я знала его раньше.

Когда я вернулась домой, меня наказали. Моя Хозяйка лично за этим проследила. Сечавех требует идеального поведения от своих женщин, и это очень любопытно, так как этот мужчина считает их неспособными к такому. В тот день он пожелал, чтоб применялись более примитивные физические пытки, поэтому меня выпороли кнутом. И вместо того, чтобы вскоре прийти в себя, что позволяют более современные виды наказания, я была вынуждена отправиться в постель зализывать раны и мириться с болью. Я не стала

сообщать Хозяину о Затаре; я не стала бы мешать удовольствию — или обещание удовольствия — с мучением службы Сечавеху. И я боялась, что имя Затара, как и все остальные фрагменты памяти, которые ко мне вернулись, послужат причиной дальнейшего «лечения».

Но я мечтала о Затаре. Как я мечтала! Это великолепное лицо приближалось ко мне в мечтах и, свободная от боли в придуманном мире, я тянулась к нему. Тайна Мужчины должна была открыться мне, тайна, которая беспокоила меня даже больше, чем тайна того, кто я есть. Но когда мои руки потянулись к нему, я вдруг проснулась и эта внезапность подсказала мне, что я проснулась не случайно.

В отдалении звучали голоса. Они шли из вестибюля. Громкие голоса и враждебные. Я сползла со своего коврика и выглянула в коридор, куда выходила дверь моей комнаты. Там никого не оказалось. Я осторожно пошла к центральной части Дома. Чем ближе я подходила, тем яснее различала слова.

Это был Он. Меня разбудил его голос. И снова я подумала, что знаю этот голос. Я задержала дыхание и прислушалась.

— ...покончим с этой ерундой, — говорил Затар.

— Эта «чушь», как ты выражаешься — мое личное дело. В соответствии с заключенной между нами сделкой... — произнес голос Хозяина.

— Неофициальной.

— Но обязывающей! Она — *моя* рабыня, Затар, и за тот миллион, что я дал за нее, ей лучше и оставаться таковой. Я не хочу, чтобы кто-нибудь ею владел кроме меня.

— Это самое бессмысленное... — возражал Затар.

— Я не обязан тебе что-либо объяснять. Мы заключили сделку. Мне она стоила достаточно, чтобы все условия выполнялись. Женщина эта — *моя* собственность и я не позволю никому с ней совокупляться. Она — *моя* прихоть, и нравится тебе это или нет, мое удовольствие важнее твоего. Я выслушал твою просьбу. Я выслушал твои аргументы. И говорю тебе: нет!

Мое сердце сильно билось в груди. Миллион? Он заплатил миллион синиасов за меня, или потратил их... на что?

После того, как мужчины выпустили пар, они заговорили тише, и я не могла расслышать дальнейшее. Я не двигалась,

пока по деревянному полу не проскрипели шаги и не послышался стук запираемой за лордом двери. Хозяин тоже ушел. Я снова одна, как всегда.

«Я не позволю никому с ней совокупляться», — сказал Сечавех.

Затар *хотел* меня.

Я прислонилась к стене, игнорируя боль в спине, и зажмурилась, пытаясь не заплакать. Сколько ночей я лежала без сна, мучимая сомнениями. Сколько дней я потеряла, задавая бессмысленные вопросы! Ни один мужчина не хотел меня. Ни один мужчина никогда не хотел меня. Внезапно истина открылась — нет, не реальное положение вещей, а результат бесконечных взяток и хитрых уловок. Почему, кайм'эра Сечавех, почему?

Я заставила себя вернуться к себе в комнату, закрылась в этом пространстве, которое было моим единственным убежищем. Я попыталась выдавить из себя хоть слово. Если бы требовались два, не думаю, что мне удалось бы их произнести.

— Зеркало.

Оно тут же появилось в обычном месте и заблестело отраженным светом. Я встала перед ним. Дрожащими руками позволила стянула с себя одежду. Сколько раз я себя разглядывала, думая, что со мной не так и почему я никогда не вызывала у мужчины желания. Никогда! Теперь я смотрела на себя другими глазами.

Разве это тело так ужасно? Я огладила себя и пришла к выводу, что нет. Со мной все в порядке, я ничем не хуже других женщин. Ну, конечно, только не в сравнении с браксанками, в сравнении с ними ни одну простолюдинку нельзя назвать красивой. Мы все несовершенны по сравнению с ними. Но если сравнивать с чужаками, то я, выходит, вполне пропорционально сложена — хоть не имею пышных форм, но все-таки в теле, — чтобы возбудить интерес у мужчины. Тем не менее за пятнадцать жентов моего существования ни один мужчина не захотел меня, не потребовал и, как часто случается с рабынями, не взял меня силой.

И теперь я знала, что это не случайно. По правде говоря, я это подозревала. Целомудрие чужеродно браксинскому обществу, но все равно трудно представить заговор такого масштаба, как действовал здесь. Неужели Сечавех дал взятки

всем мужчинам на этой луне, чтобы они оставили меня в покое — и именно поэтому меня и держали на Жене и никогда не возили на Бракси? Я похолодела от сознания правды, когда картина сложилась полностью. На луне живет ограниченное количество мужчин, и все они или живут в браксанских Домах, или сами принадлежат к правящей расе. Таким можно дать взятки, и определенно их купили. Но с какой целью Сечавех придумал все это?!

Я заснула, рыдая.

И мне снились сны.

Золотые руки пляшут по пульта управления с надписями, которые я не могу разобрать. Великолепие Пустоты без границ... Идеальность запланированной акции становится настоящим.

Рука на моем плече.

Я быстро оборачиваюсь — кто может быть здесь со мной, кто может делить мой сон, и мою смерть, и мое одиночество? Затар.

Это неправильно, неправильно! Что-то в нем есть, что не соответствует всему остальному, и я закрываю пульт управления своим телом, словно Затар может его разрушить. Он пытается притянуть меня к себе; ярываюсь между чувством долга, данной клятвой и огнем, что внезапно загорается в моем теле. По пульта управления скачут искры. Я кричу: «Нет, еще не время!». Конец приходит слишком быстро, слишком! Я пытаюсь вырваться из рук Затара, затушить горящие языки пламени, но он держит меня крепко и его ласки становятся все требовательнее. Огонь поднимается вокруг нас и внутри. Я кричу, не зная почему.

Проснулась. Рядом со мной сидел кто-то, одетый в халат и ночные перчатки. Мне потребовалось мгновение, чтобы понять, где я нахожусь, и узнать в сидящей Силне, Хозяйку Сечавеха. Мое сердце все еще трепетало в груди, лицо покраснелось, и я с трудом овладела собой.

— Я услышала твой крик, — тихо сказала Силне. — Опять твой сон?

Я кивнула, а потом резко замотала головой.

— Просто сон. Не тот. — я задрожала, сама испугавшись непривычного вранья. Еще день назад я бы не осмелилась ей врать.

— Расскажи мне, — приказала Хозяйка.

Я изобразила ложное смущение. Это было довольно близко к правде.

— Мне снился Затар, — прошептала я.

— А-а, — Силне встала. — Знаешь ли, они с Сечавехом союзники. Все может измениться... — она внимательно посмотрела на меня и несомненно отметила следы отчаяния и желаяния, отразившиеся в моем лице. — Тебе нужно снотворное? — спросила она.

— Нет, — робко ответила я. — Со мной все будет в порядке.

— Сечавеху не понравится, если его разбудят.

Я содрогнулась. Это один раз случилось, и я едва пережила его гнев утром.

— Я знаю, Хозяйка. Я буду осторожна.

Она посмотрела на меня, словно пытаясь узнать что я думаю в действительности. Я соврала, но, очевидно, соврала удачно. Наконец Силне кивнула и оставила меня одну. И темнота — и желание — снова сомкнулись надо мной.

Утром меня вызвали к Хозяину.

Я с трепетом приближалась к двери в библиотеку, куда мне велели придти.

— Венари, — прошептала я. Компьютер обработал полученную информацию — мое имя — и открыл дверь.

Я вошла, опустив глаза, и робко встала у входа. Сечавех молча наблюдал за мной, затем встал с кресла у пульта управления библиотекой и подошел ко мне.

Он был очень высоким и сильным мужчиной и теперь навис надо мной подобно утесу.

— Тебя просил кайм'эра Затар.

Я с надеждой подняла глаза. Это был первый обман, на который я осмелилась с Хозяином. Он не должен узнать, что я слышала их с Затаром разговор.

— Я ответил отрицательно, — он издевательски осклабился.

Поняв, что Хозяин призвал меня сюда, желая насладиться моим разочарованием, я позволила мукам прошлой ночи вновь захватить меня. Боль, страх, неуверенность — все это проявилось опять. Мое выражение лица очень обрадовало Сечавеха. Он еще немного подождал, я не смела ему возражать.

Наконец он отвернулся от меня.

— Возвращайся к своей работе, — бросил Хозяин резко. Я так и сделала.

После этого мне часто снился этот новый сон, но я научилась не кричать от своего страстного желания, как раньше старалась не кричать от страха. Оба сновидения могли оказаться фатальными в этом Доме, а у меня не было желания умирать. Силне время от времени задавала мне вопросы, но казалась довольной, раз мне больше не снится золотое яйцо, которое вроде бы являлось главным предметом ее беспокойства. По ночам я старалась спать подольше, чтобы почувствовать объятия Затара, получить удовлетворение, хотя бы во сне — но муки, страдания и воспоминания, ассоциирующиеся с вожделением, всегда будили меня и последняя мысль не связывалась с Ним, но всегда — с золотым яйцом, что всегда казалась мне бессмысленным и причиняло боль.

И так проходила моя жизнь.

Силне время от времени поручала нам новые обязанности, чтобы мы периодически работали в разных частях дома и на прилегающей территории. Я думаю, она делала это, пытаясь спасти нас от Сечавеха, который, когда впадал в ярость, не сразу мог нас отыскать. К тому времени, как Силне нас находила, он успевал немного остыть. Он ненавидел Силне за это, но с другой стороны он ненавидел ее за все. Она была женщиной, а поэтому врагом Сечавеха. Если бы он мог обойтись без ее услуг, то обошелся бы. Однако существовал браксанский обычай и выбора у Сечавеха не было. Между ними установились исключительно напряженные отношения: Силне хотела содержать Дом в соответствии с традициями, Сечавех пытался навязывать всем свои прихоти, независимо от последствий. Лучше умереть, чем оказаться на ее месте.

Через некоторое время после посещения Затара — но не более десяти дней спустя, на протяжении которых он снился мне каждую ночь — мне дали задание в части дома, прилегающей к главному входу. Я убиралась там после эмоциональной и несколько неприятной деловой встречи, и услышала разговор, доносившийся из холла, и этот разговор заставил меня навести уши.

— ...как там твоя азеанка?

— Как я и планировал. Ты ожидал чего-то другого? Я не сомневаюсь...

Дверь захлопнулась, когда они вошли в переговорную залу и автоматическая звукоизоляция скрыла от меня остальную часть разговора. Я еще какое-то время прислушивалась, на тот случай если мужчины снова выйдут, но в конце концов была вынуждена вернуться к работе и молча раздумывать над странными словами.

Азеанка в Доме Сечавеха? Я не могла даже представить себе такое. Зачем здесь быть какой-то азеанке? И где ее будут держать? Какой от нее толк в этом частном владении? Ведь в другом месте от нее наверняка можно добиться большего. Даже страсть Сечавеха к пыткам казалась слишком мелкой и незначительной, чтобы вымещать ее на ком-то из врагов. От пленного азеанца можно получить полезную информацию о Войне, не так ли? Так зачем его продавать — или отдавать — частному лицу?

Вопрос отвлек меня от работы, и в последующие дни я поняла, что должна что-то предпринять и найти ответ на это вопрос. Определенно все было просто: требовалось только запросить компьютер Дома о проживающих здесь лицах, и исходить из этого. Я подождала, пока меня не отправили работать в библиотеку, потом — пока все не покинули помещение, и осторожно приблизилась к пульта управления.

«Дом Сечавеха, — набрала я. — Данные о жильцах, по расам». Такая информация должна быть доступной даже для рабыни.

Спустя мгновение компьютер выдал мне ответ:

Население Дома Сечавеха

свободные/нанятые/рабы

распределение по (доминирующей) расе
(только люди)

браксаны, чистокровные — 1

браксаны, прочие — 14

браксинцы, простолюдины либо полукровки — 397

алдоусанцы — 54

рлеганцы — 3

даккарцы — 2

внашты — 61

аранакцы — 12

прочие: без четкой расовой принадлежности или особые случаи — 23

см. личные данные

Никаких азеанцев в Доме Сечавеха не оказалось.

Я снова просмотрела список. Я сделала ошибку, интерпретируя информацию? Нет, азеанцы не вступают в связи с представителями других рас, поэтому никого из них нельзя отнести к категории «без четкой расовой принадлежности». Это оставляло только особые случаи.

Я выключила пульт.

Долго сидела неподвижно, пытаясь ни о чем не думать. Возможно, если бы мое последнее лечение было успешным, я бы просто отмахнулась от проблемы, которая меня не касается, и вернулась к работе, но дела обстояли так, что амнезия, уже ослабленная полувоспоминаниями о Затаре и желании, на которое он вдохновлял меня, начинала проходить. Я почти вспомнила... что? Я знала эту азеанку? Она сыграла какую-то роль в моем несчастном случае и таким образом оказалась связанной с потерей памяти?

Меня мучили эти вопросы, пока я не заснула. Во сне покой бежал меня — потому что мне снились сны.

...слезы, заливающие лицо, и воспоминание о красивом мужчине с золотисто-солнечной кожей и густыми белыми волосами, и цели, общей для нас и забравшей его у меня в одну ужасную, кровавую ночную смену.

Я хочу умереть! Я хочу быть с ним!

Затар держит меня, довольная улыбка озаряет его лицо, и совершенные, идеальные черные глаза ловят мой взгляд и приказывают мне подчиниться.

— Эксперимент, — шепчет он, и хотя его дыхание согревает меня, я также испытываю отвращение. — Взять женщину, в крови которой течет умеренность, и посмотреть, не может ли только одно окружение заставить ее присоединиться к живущим настоящей жизнью. Посмотреть, не может ли половой инстинкт пробудиться там, где ученые разработали

его отсутствие. И мучить ее самым жестоким образом — разбудить этот голод, вызывая его через отчаяние — особый вид мук, ее запрограммировали не поддаваться этому. Сеча-вех против лучшей азеанской науки. Смотри!

Он приказывает и я поворачиваюсь. Держа меня за плечи, он заставляет меня идти вперед.

— Зекрало! — приказывает он и оно возникает передо мной. Я держу руки около лица...

...золотистые руки на пульте управления...

и Затар приказывает зеркалу отразить мой образ.

Я, я... азеанка.

Лиел!

...И я просыпаюсь, тело покрывается холодным потом. Мое сознание внезапно освободилось от навязанных наркотиками пут, моя память борется, пытаюсь пробудиться после долгого сна. Теперь все воспоминания вернулись ко мне — о, как это больно! Лиел умирает и мне нет смысла жить дальше. Я отдам свою жизнь за Азею, я умру во славе среди звезд и заберу с собой само средоточие браксанских знаний и коммуникаций и навсегда присоединюсь к своему любимому.

И Затар... да, я знала его! Я сидела напротив за столом переговоров, когда он сражался в словесной дуэли на этом своем сложном языке, и полдюжины переводчиков, я была среди них, наблюдали за каждым его шагом, анализировали мельчайшие модуляции голоса, надеясь добавить хоть что-то к тому, что заметила командир звездного флота лиу Митете. Я сидела рядом, наблюдая за лордом — плененая взглядом темных глаз, в них горела такая сила, они обещали такое насилие, что требовалось бороться с собой, чтобы не сжаться перед ними в комок. Я ненавидела его и восхищалась им, пытаюсь превозмочь кайм'эру.

Теперь воспоминания возвращаются, все легче и легче — и на мое сознание нахлынула жуткая их какофония. Лиел, мой драгоценный Лиел, он улетел вместе с истребителями и погиб во взрыве. Я хотела умереть, потому что не могла жить одна, но меня вела ненависть к Бракси, которая снедала меня столь сильно, что я не могла отказаться от жизни, не нанеся последнего удара по врагу. День за днем я изучала все детали, связанные с Цитаделью, бисалоанские охранные по-

сты, браксанскую ментальность — все, до чего могла добраться. Командир звездного флота подбадривала меня и поддерживала. Хотя она не могла разделить со мной такую сильную любовь, когда расставание с тем, кого любишь, хуже смерти. Лиу Митете почувствовала мою целеустремленность и помогла мне направить ее туда, куда следовало — на отмщение.

Я снова и снова изучала ту мизерную информацию, что знала о бисалоанской станции, выискивала слабости. И я их нашла. Если приблизиться на такой-то скорости, под таким-то углом, при таких вот условиях... видите? Произойдет перегрузка силового поля, оно ослабнет вот в этой части как раз на необходимый промежуток времени, а специальный корабль сможет пробраться сквозь него... Вот оно, есть! Я доказала лиу Митете все это с цифрами в руках и она согласилась попробовать.

И так я разработала свой корабль — корабль-самоубийцу, предназначенный сделать это и умереть. Даже если я захочу вернуться, это будет невозможно. Изменения, внесенные в дизайн обычного корабля, требовались, чтобы прорваться сквозь силовое поле Бракси и Цитадели (моей главной цели), и не оставляли шансов на самосохранение.

Цитадель. Дом кайм'эрата, золотой спутник, на котором находится не только Зал кайм'эра, но также и основные базы данных и операционный центр Браксинской Центральной Компьютерной Системы (той огромной сети механического полуинтеллекта, который собирает всю информацию и регулирует всю торговлю внутри границ Холдинга). Она оказалась настолько эффективной, что некоторые цивилизации добровольно приняли на себя ярмо браксаны, чтобы иметь доступ к Системе.

Если Цитадель будет разрушена — или даже повреждена — то это станет катастрофой для Холдинга.

Я намеревалась ее разрушить.

Мне нужно было сделать еще одну вещь перед тем, как улететь, и лиу Митете пригласила зонда. Не хотела бы я, чтоб повторился тот кошмар, который я пережила, пока анализировалась ткань моей памяти, пока ее разбирали и реформировали. В результате все военные секреты, которые я знала, как офицер «Завоевателя», были похоронены в глуби-

не моего сознания так, что их было невозможно восстановить, а мнемонические ассоциации навсегда отрезаны и никакое волевое усилие, ни самый жестокий допрос, ни медикаментозное воздействие не заставят меня предать свой народ.

Наконец я была готова и стартовала.

Крохотный корабль, специально спроектированный таким, может проскользнуть между браксинскими звездными дорогами и остаться незамеченным. И таким образом я прошла сквозь вражеские владения, медленно набирая скорость. Никто не мог меня заметить, когда я неслась к цели, мне никто не помешал. Я добралась до Бисалоанской системы, отрегулировала свой курс и, наконец, ударила. Чистая сила моего вторжения должна создать перегрузку в статическом защитном поле системы. Я в этом не сомневалась.

Но мы недооценили браксинцев. Это люди, для которых война является не отдельным, изолированным событием, а естественным состоянием. Азеанцы предполагают, что есть вещи, которые человеку никогда не понадобятся. Браксинцы, напротив, допускают, что воины могут совершать нерациональные поступки, и соответствующим образом выстраивают свою защиту.

Я ударила не по статическому полю, как ожидала. Это было нечто, что легко поддалось мне, и потому никакой перегрузки не возникло. Я пропустила Бракси, пролетев совсем рядом, и меня выбросило в неприятельский район Пустоты. Враги в конце концов догнали меня, что было несложно, поскольку мой корабль не был защищен и большей части оборудования для поддержания жизни на нем не имелось. Они привезли меня на Бракси — и потом сюда. Я получила это тело и эту реальность. И тщеславный Сечавех, настаивая на своем садистском удовольствии, порвал путы, сковывающие мою память, и вернул мне мою память.

Я вызываю зеркало. Мое тело кажется мне странным, это результат работы инопланетных хирургов, и оно не имеет отношения к тому, какой я была раньше. Но ненависть моя не изменилась, потому внутренне я осталась той же.

Мне будет несложно покинуть Дом. О побеге тут никто не думает. Мы находимся на браксинской луне, куда здесь податься беглому рабу? Нет смысла кого-то запираť дома, и

Сечавех и не беспокоится об этом. Слава Хаше за то, что они решили привезти меня сюда. На Бракси или в ином месте сбежать было бы гораздо сложнее.

Вместо пижамы я надеваю грубое платье без пояса, которое выдержит прохладный воздух ночи на Жене. Жаль, что у меня нет оружия, но только дурак приблизится к арсеналу Дома, не имея нужного допуска. Я обойдусь.

Я лихорадочно ищу решение и не могу окончательно выбрать, но в одном я уверена: нужно действовать до наступления утра. Я не могу притворяться рабыней-инопланетянской теперь, когда знаю о себе правду. Сечавех сразу заметит, что я притворяюсь. Я должна действовать, причем быстро.

Я пробираюсь в одну из гостевых комнат так тихо, как только могу, и набираю всяких мелочей, сколько могу унести. Кладовые закрыты и запечатаны, кухня также. У меня нет доступа к инструментам. Я надеюсь, что сойдет и то, до чего я смогла добраться. И я благодарна Академии за то, что нас научили действовать без заранее приготовленных современных видов оружия и приспособлений (хотя, по правде говоря, во время учебы я постоянно ругалась на наших инструкторов).

С таким видом, который здесь означает «я — собственность лорда» и покидаю Дом, где была рабой. Охранник у двери кивает мне и отмечает мой уход. К тому времени, как Сечавех проснется, я должна уже отбыть, ибо он сразу же почует опасность и немедленно организует погоню. И я не сомневаюсь, что он в состоянии меня найти. Сечавех — чудовище, будь он проклят, но он эффективно действует и прекрасно знает человеческую психологию, что я вынуждена признать.

А пока будем считать, что моя самоуверенность — универсальный знак. Я не крадусь по широким улицам Жене, а иду твердым уверенным шагом, который говорит о моем праве здесь находиться. Прохожие меня не замечают. Я — рабыня, исполняющая приказ. Меня может выдать только то, что я сама чувствую себя неудобно, но я стараюсь это скрыть.

Осторожно, контролируя каждый свой шаг, я пробираюсь к ближайшему порту. У кайм'эра есть привычка летать туда-сюда — и развлекать гостей — и частные посадочные площадки расположены рядом с их Домами. Но есть и другие

корабли, что прилетают на Жене, и они стоят прямо под специальными круглыми шлюзами, через которые можно прибыть непосредственно к поверхности луны. Нетрудно найти порт, хотя идти придется далеко. Серебряный круг впереди манит меня, обещая свободу. Я отказываюсь верить, что умная, осторожная женщина не может улететь с этого прославленного нагромождения скал живой и невредимой — в особенности с таким прекрасным прошлым и знанием звездной технологии, как у меня. Я найду способ, уверена в этом.

Еще бы знать, что можно тут найти.

В порту находиться около дюжины кораблей. Я тихо приближаюсь к ним. Не вижу охраны. И опять же, зачем охранять? Какой смысл браксанам воровать и куда бежать рабам, которых они тут держат?

Внезапно я вся похолодела, подняла руку к шее и дотронулась до тонкого кольца, моей нейропривязи. Хаша, я про него совсем забыла! Если я выйду за пределы территории, внутри которой мне положено находиться, эта проклятая штука вызовет такую боль, что я не смогу двинуться, и в Дом поступит сигнал, выдав Сечавеху мое местонахождение. Необходимо как можно быстрее снять это кольцо или каким-то образом его нейтрализовать. Но вначале — самое важное.

Я спряталась в тени, прижалась к рампе спиной, и стала следить за кораблями в порту. Семь из них мне не подходят, они или слишком большие, или незнакомой мне планировки, или слишком хорошо защищены от вторжения. Мне нужно что-нибудь маленькое, не очень ценное, корабль, владелец которого не предполагает, что его могут угнать — и тот, которым я умею управлять.

Я выбираю свой корабль, делаю шаг вперед и... останавливаюсь.

Однажды я недооценила своих врагов и жестоко поплатилась за это. Почему же теперь я так уверена, что не попадусь в ловушку, расставленную если не лично для меня, то просто для раба, что попытается бежать с луны? Я понимаю, что это будет как раз в их духе — оставить здесь корабль как раз для такой цели, специально разработанный, чтобы привлечь внимание того, кто имеет вполне определенные намерения.

Я с сожалением отступаю и снова задумываюсь.

Остается несколько кораблей на выбор, один мало чем отличается от другого, учитывая то, что я собираюсь сделать. Я решаю выбрать наугад (в конце концов я ведь умею адаптироваться) и таким образом нарушить все предположения браксанов. По крайней мере, так у меня есть шанс. Проверю в последний раз, действительно ли в порту никого нет, потом приближаюсь к избранному кораблю, изучаю его.

Мне придется перехитрить или расстроить систему безопасности — проклятые пластины для сличения отпечатков, что используют браксинцы, слишком сложны, чтобы я смогла подделать идентификацию. Где-то на корабле, также как и на всех звездных судах, должен иметься внешний доступ, способ открыть корабль в случае крайней необходимости. Мне требуется какое-то время, чтобы разобраться. План этого судна мне незнаком, и система запоров сделана так, чтобы оставаться тайной для всех, кроме инженера. К счастью, я сама была инженером.

Шаги за спиной. Я прячусь за корпус корабля и молюсь, чтоб не попасться. Двое охранников патрулируют площадку и затем, убедившись, что все спокойно, уходят. Я полагаю, что, учитывая коэффициент преступности на Жене, здесь не держат дополнительной охраны. Но вскоре все изменится!

Я нахожу спрятанные пластины, под ними скрывается доступ к макросхемам, отыскиваю и кнопки, на которые требуется нажать, чтобы открыть доступ, и нажимаю четыре кнопки одновременно. Тонкий кусочек псевдометалла падает мне в ладонь. Открывается небольшое отверстие в корпусе корабля, сквозь него видны ряды макросхем. Я снимаю зажим и достаю схему, регулирующую механизм приземления. Без толку. Я достаю еще несколько и, читая значения их сложных рисунков, понимаю, в каком порядке они установлены. Значит, система безопасности должна быть вот здесь — и я снимаю нужную плату.

Ну, она по крайней мере выглядит, как то, что нужно.

Руки дрожат. Да, я не представляю, как должна выглядеть плата, открывающая браксинский корабль. Но подобные мысли никуда не приведут. В звездном проектировании есть логика, которую меня учили интерпретировать, также известно, что браксинская и азеанская технологии идентичны во

всем, кроме тривиальных деталей. Я достаю плату и изучаю ее. Цепь, которая мне нужна, должна быть... (в последнее мгновение я вспоминаю, что браксинцы по большей части — левши, и меняю образ у себя в сознании) вот здесь. Я достаю один из предметов, что взяла из Дома, и осторожно, очень осторожно счищаю немного металла, сдуваю крошки и заново устанавливаю плату.

Вернув ее в гнездо, я возвращаю на место зажимы, что подсоединяют ее к общему компьютеру, и закрываю пластину. Если я сделала ошибку, то выясню это достаточно скоро.

Вход в корабль находится с другой стороны, и зловещая черная пластина, размером с ладонь, выделяется рядом с ним. После секундного колебания я прижимаю к ней руку. Теперь, если я отсоединила нужную цепь...

Дверь открывается.

Я с облегчением вздохнула и ступила на корабль. Дверь за мной закрылась, свет автоматически загорается, когда я прохожу каждый отсек. Пульт управления иноземный, но с ним можно разобраться.

Однако в первую очередь меня беспокоит другое.

— Компьютер? — осторожно спрашиваю я.

«Включен».

Этот мой жалкий ошейник...

— Мне нужно... личное силовое поле, микроинструменты... — я перечисляю все, что приходит мне на ум и может оказаться полезным. Компьютер дает мне указания — что из перечисленного в каком отсеке искать.

Я считаю, что установка личного поля поможет нейтрализовать нейроошейник... Хаша мне в помощь, если я не права! Так, как оно тут у них устанавливается? Проклятые штуковины! Но в конце концов у меня получилось.

Хорошо.

Я беру странный на вид прибор, с некоторым сомнением пристегиваю к тонкой полоске вокруг шеи и активирую его.

Ничего не произошло — так и должно быть, но все равно это не очень-то успокаивает. Сниму ошейник и погибну или все вышло правильно?

Я бормочу молитву себе под нос, беру силовые ножницы, завожу под ошейник и включаю лезвия. Ошейник легко срезается и падает, он больше не действует. Я вздрагиваю.

Только теперь в голову закрадывается мысль, что если бы я не смогла дезактивировать ошейник, то непременно умерла бы, пытаясь его снять.

Я занимаю место за пультом управления. Логика подсказывает, что источник питания будет там, а регулятор поля здесь... Я изучаю шкалы и немного успокаиваюсь после первого осмотра. Через несколько минут я решила, что уловила суть механизма и могу рискнуть. Я рискую и даю кораблю старт.

Маленький кораблик легко поднимается с поверхности луны и с похвальной грациозностью разворачивается к шлюзу. Хорошее решение, думаю я.

«Вам нужна автоматическая тяга?»

Я дергаюсь с непривычки, услышав механический голос компьютера, который сам с тобой заговаривает.

— Нет, только ручную, пожалуйста, — прошу я.

«Мне запросить разрешение на пользование звездной дорогой?»

О, Хаша, ведь он прав!

— А мы должны его получить? — робко осведомляюсь я.

Мы заходим в шлюз, и у меня внутри все переворачивается, когда внутренние и внешние силы притяжения стабилизируются вновь вокруг меня.

«Если вы хотите куда-то направиться», — отвечает мне компьютер, воплощение механической логики.

Я думаю...

— Да, запроси звездную дорогу. В Курат, на Бракси. — Добраться до него отсюда будет довольно легко.

Внимание компьютера переключается с меня на Цитадель, что довольно забавно. Это дает мне время на раздумья. Установка такого курса позволит мне выйти из шлюза, после этого я смогу воспользоваться ручным управлением и отправиться туда, куда захочу.

«Взлет разрешен», — сообщает мне компьютер.

Я направляю корабль вперед и вынырываю из внешнего шлюза. Я свободна, свободна! О, космос никогда не был таким прекрасным!

Я вижу, как основной континент Бракси пролетает под нами. Курат, столица моих мучителей. На миг я пожалела, что при мне нет бомбы, которую можно было бы сбросить

вниз. То, что оно на самом деле упало бы где-то в море Таклит, совсем не утешает.

Я ставлю навигационные приборы в автоматический режим и задаю им задачу идти за Алдоус, мне нужно время подумать и требуется отдых. Силовые ножницы легко разрезают тяжелые браслеты и я отправляю остатки своего рабства в мусорную корзину.

Мне кажется или с дисплеями что-то не так?

Я проверяю курс. Он не соответствует должному.

— Как мне сделать так, чтоб приборы приняли установленный курс? — спрашиваю я.

«Не могу принять ваш курс и установленные координаты», — был ответ компьютера.

— Я поставила управление на ручное.

«Корабль действует автоматически».

Я игнорирую неприятное напряжение и холодок в животе.

— Объясни, — требую я.

«Меня предварительно запрограммировали на вас».

Хаша! Какое-то мгновение я просто сижу с закрытыми глазами и успокаиваюсь.

— Кто тебя запрограммировал? — спрашиваю я, с ужасом ожидая услышать имя своего Хозяина.

«Я не вправе говорить вам это».

— Какая разница, если я узнаю? — в отчаянии вопрошаю я.

«Вы можете покинуть корабль. Вы можете настроить его электрические схемы. Вы можете связаться с официальными лицами Холдинга или попытаться отправить послание своим. Тогда нас могут остановить в полете...»

— Так, я поняла, — разозлилась я. Столько сил потрачено на то, чтоб снова оказаться в рабстве! — Куда ты должен меня доставить?

«В Цитадель».

Я этого не ожидала, мне потребовалась минута, чтобы переварить информацию.

— Почему? — я не ждала, что компьютер ответит, но он меня удивил.

«Чтобы ваша миссия завершилась».

— Какая миссия?

«Разрушение Цитадели... Вы забыли? У меня есть препараты для стимуляции памяти, если...»

— Нет, — я не могу в это поверить! Я отстраненно наблюдаю за тем, как мой корабль выходит на орбиту, которая располагается параллельно орбите Жене, и с ужасом думаю — ни сон ли это? Что получит с этого некий браксан? — Тот, кто тебя программировал, позволит мне разрушить Цитадель? — спрашиваю я неуверенно.

«Зал кайм'эра, — отвечает компьютер. — Не Центральную Компьютерную Систему. Цитадель вращается, и вы ударите, когда перед вами окажется Зал, чтобы компьютеры остались невредимыми. Однако поскольку у вас не могло быть информации о периоде вращения Цитатели, следовательно придут к выводу, что Центральная Система не пострадала только лишь по счастливой случайности».

— А смысл? — спросила я пораженно.

«Таким образом станет ясно, что вы являетесь и всегда являлись опасностью для Холдинга. Поскольку вам позволили остаться на Жене и свободно разгуливать по ней, Холдинг оказался под угрозой уничтожения. Человек, виновный в продолжении вашей жизни, понесет за это ответственность и в результате потеряет значительную часть политического влияния».

— Сечавех, — доходит наконец до меня.

«Кайм'эра рекомендовали избавиться от вас после допроса. Сечавех убедил их не делать этого, чтобы удовлетворять свое женоненавистничество под маской эксперимента. Он говорил, что вы не опасны».

— А когда я ударю по Цитадели... — я расплываюсь в улыбке.

«Встанет вопрос о его способности принимать правильные решения. И вопрос о его приоритетах. Сразу же возникнут последствия: политическая деятельность его будет затруднена и он потеряет поддержку высшего класса. Официальное слушание дела человека, стремление которого удовлетворить личные прихоти поставило под угрозу безопасность Холдинга. Изменение во взглядах на удовольствия, которые он практикует. Позже: изменение культурных ценностей, не очень значительные, но, как считает запрограммировавший меня человек, необходимые».

Золотая Цитадель уже была видна за блестящим краем планеты. Мы приближаемся, мы наращиваем скорость, причем быстро.

— Силовое поле остановит нас, — выскочило у меня. Я волнуюсь.

«Мне дали код приближения для стыковки, используемый Домом Сечавеха. После ваших действий следователи подумают, что вы сами обнаружили этот код».

Хаша, это может сработать!

Спутник поднимается все выше и выше над краем планеты. Теперь, когда мы к нему приближаемся, видно, что он имеет форму яйца, узкий конец которого направлен вниз, а в центре находится кольцо для стыковки. Оно не совсем напоминает Цитадель из моих снов, но в общем похоже.

И на этот раз я добьюсь своего.

Корабль ускоряется, меня вдавливая в сиденье. В корабле, подобном этому, имеются лишь минимальные возможности для компенсации. Тем не менее я принимаю боль и радостно приветствую ее, словно знак моей победы. Нет, я не сделаю того, ради чего прилетела сюда... но я нанесу удар по человеку, которого возненавидела больше, чем кого-либо. Это смерть по-браксински.

— А откуда программировавший тебя человек знал, что я выберу этот корабль?

«Эстетические чувства браксинцев и азеанцев очень сильно отличаются, как военные и гражданские. Едва заметные элементы дизайна корабля гарантировали, что вы выберете именно этот корабль, хотя сознательно вы не поймете причин, которые заставили вас сделать такой выбор».

— Я на самом деле недооценила этого незнакомца, — шепчу я.

Цитадель маячит перед глазами, становится все больше и больше. Теперь я могу видеть крошечные корабли вокруг внешнего кольца. Кровь ударила мне в голову, не могу сказать, от чего — то ли от силы поступательного движения, то ли от моего собственного волнения. Передо мной пролетают образы — обрывки прежней жизни, что скоро закончится. И Затар. Я пытаюсь не думать о нем так, по-браксински, от этого кровь моя бежит по венам быстрее, я пытаюсь ограничить себя враждой... но не могу. Очевидно, я так долго прожила среди браксинцев, что заразилась их жуткой культурой. Тем не менее, я не жалею об этих чувствах, ведь именно они помогли мне восстановить память. Счастливое

совпадение, что я врезалась в этого браксана, что был частью моей прошлой жизни, и он проявил ко мне интерес, который заставил меня задаться вопросом о сложившейся ситуации...

Совпадение?

Быстрее, чем я смогу заметить, золотой спутник заполняет экран, и вращается так, чтобы Зал оказался напротив моего корабля, когда я ударю. Свечение окружает нас и — проход открыт. Компьютер получил доступ к средоточию власти великих браксинцев. Теперь мы прошли сквозь кольцо, и по спицам, которые подсоединяют его непосредственно к Цитадели. На золотой поверхности загораются сигналы тревоги, но слишком поздно! Я резко наклоняюсь вперед, предвкушая победу, — мир передо мной становится золотым...

— Кто тебя запрограммировал? — спрашиваю я. Я знаю, что он ответит.

«Дом Затара».

Столкновение — и темнота.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

«Ничто не раздражает истинного воина так, как политическая необходимость».

Витон

— Директор, пришел квезианский советник.

Торжа отодвинула в сторону звездные графики.

— Пожалуйста, пригласите его.

Она коснулась чувствительной к прикосновению поверхности письменного стола и отменила звездные карты, их цветное изображение тут же ушло из воздуха вокруг нее. Несколько мгновений потребовалось, чтобы убрать и другие вещи, с которыми Торжа работала, и вскоре письменный стол наполовину опустел. К тому времени, как появился квезианец, комната выглядела аккуратной и директор приветствовала его стоя.

— Добро пожаловать, советник, — она изобразила подобие квезианского приветственного жеста и указала на подушки, устилавшие пол в дальнем конце комнаты. Наслед-

ник Палаты Не-людей; назначенный, но еще не вступивший в должность, склонил змееобразное тело в грациозном приветственном поклоне и издал трель, которая являлась приветственным криком у его народа. Он понимал азеанский, что было хорошо: сама Торжа довольно плохо изъяснялась на квезианском. Она учила его с того времени, как его назначили на пост Наследника Палаты Не-людей, но это произошло недавно, и родной язык советника был ужасающе сложным. Поскольку речевой аппарат квезианцев несовместим с человеческим языком, каждый из них будет говорить на своем языке. Дипломаты всегда могли воспользоваться механическими переводчиками и эти предметы не вызывали у них страшного неудовольствия. Хватало и других раздражителей.

— Тебе удобно? — спросила Торжа.

Одна часть ее кабинета представляла собой переговорную и была снабжена всем необходимым, ее поспешно переоборудовали под нужды квезианца. Он развел блестящие крылья в стороны, показывая тем самым, что его все устраивает, выбрал наиболее удобную место и свернулся на подушке — шея его при этом вытянулась настолько, чтобы золотистая голова оказалась на уровне глаз собеседника. Когда советник устроился, Торжа взяла стул и уселась напротив него, затем коснулась ближайшего пульта управления и вокруг них образовались звуконепроницаемые стены силового поля приятного бежевого оттенка.

— Могу ли я предложить тебе тхррр? — спросила Торжа. Квезианец расправил крылья.

— Я буду рад, — с достоинством ответил он.

Директор взяла керамическую миску со стола и поставила перед гостем. Ароматное содержимое, называемое Водой Приветствия, быстро наполнило комнату сонмом изысканных запахов.

Советник вдохнул пары и спросил:

— Могу я разделить эту Воду с тобой?

Торжа поднесла миску к лицу и вдохнула сладкий, пряный аромат. Квезианская традиция утверждала, что именно эта комбинация запахов наполнит того, кто вдохнет их, Духом Разума. Хотя запах не произвел на Торжу такого впечатления, как на советника, обмен любезностями — и чаша-

ми — был важной частью квезианской дипломатии. Торжа отставила миску в сторону — надеясь, что не забыла какой-нибудь деталь квезианского этикета — приняла человеческое подобие Приветственной Позы и спросила советника:

— Чем я могу быть полезна?

— Я могу говорить свободно? — осведомился советник.

— Да, конечно.

— Я обращаюсь к военной власти в твоём лице и непосредственно как к советнику Палаты Людей.

— Последний титул — только почетный, — нахмурилась Торжа. — Если ты хочешь обратиться к Палате Людей, то тебе лучше прямо говорить с его главой.

— Может, время для этого и наступит. Я хочу уточнить — наш разговор ни до кого не дойдет?

— Я собиралась записывать наш разговор, советник, — начала Торжа. — Если ты возражаешь...

— Прости! — прервал ее квезианец. — Я перефразирую: нас сейчас никто не подслушает?

Она покачала головой.

— Конечно нет. Я гарантирую это.

Советник слегка расправил крылья, демонстрируя удовлетворение.

— Старшая советница больна, — сказал он.

— Да, я очень сожалею об этом, — сдержанно ответила Торжа. — Она поправляется?

— Тисан уже немолода, даже полное выздоровление не вернет ей молодость. Она решила уйти в отставку, пока еще есть время, и поставить меня на свое место. Ты понимаешь, что это — конфиденциальная информация.

— Понимаю, — кивнула Торжа.

Она все прекрасно понимает. Когда назначенный Наследник Палаты Не-людей сядет на трон и примет на себя обязанности главы Палаты, последуют серьезные перемены в политике не-людей, а Торжа не собиралась сталкиваться с подобными изменениями как минимум еще несколько лет. Квезианец слыл известным пацифистом, ходили слухи, что его Палата будет проводить такую же политику. Мысль об объединении пятой части правительства против политики Войны уже обеспечила директору кошмары на долгое время. Но Торжа великолепно владела собой.

— Все останется между нами, — спокойно сказала она. — Спасибо, что сообщил мне об этом. Ты приехал сюда именно за этим?

— Сюда меня привело беспокойство, — признался квезианец. — Я беспокоюсь о нас, о тебе, обо мне и людях, которые управляют государством, тревожусь за Империю. Могу я говорить откровенно?

— Я с благодарностью приму откровенность, — кивнула Торжа.

— Нас в Палате Не-людей беспокоит то, что мы считаем новым отношением к браксино-азеанскому конфликту, так называемой Великой Войне. По этому вопросу мы вели продолжительные дебаты и неофициально обращались к нескольким советникам-людям. Беспокойство растет, а старшая советница рекомендует проявлять терпение, но теперь срок ее полномочий подходит к концу и я буду работать вместо нее. Я решил обратиться к тебе лично, в неофициальной обстановке, и поговорить об всем. Это приемлемо? Если хочешь, мы можем подождать, пока дискуссия не станет публичной, и уже тогда следовать положенной процедуре — но я опасюсь, что за это время постарается наше чувство единения. Я хочу, чтобы мы действовали сообща. Ты понимаешь меня?

Торжа, признаться, плохо его понимала. За квезианским языком было трудно уследить, но она записывала все слова, чтобы позднее прослушать еще раз и тогда уже рассмотреть все детали.

— Я рада, что ты приехал, — заверила она советника. — Я предпочту сейчас решить проблемы, не давать им накапливаться и ослаблять Империю. Говори открыто, прошу тебя. Я слушаю.

И она приняла (насколько получилось) квезианскую Позу Слушателя.

— Нас беспокоит следующее, — начал советник. — Мы считаем, что Империю объединили с мирными целями. Разве в Уставе Основания, в Декларации о Целях не говорится об этом прямо? Разве сама структура нашего правительства не основывается на принципе, что мир является идеальным состоянием?

Стандартный пацифистский аргумент. Торжа слышала его и раньше. И ответила на него своеобразно.

— К сожалению, обстоятельства заставляют нас действовать подобным образом.

— Правда? Мы сомневаемся в этом, директор.

Торжа изучала прошлое советника и поэтому такие слова ее не удивили. Квезаи — мирная планета, расположенная в той части Империи, что редко сталкивалась с проблемами. Для Наследника Палаты Не-людей и большинства его коллег Война с Бракси являлась чем-то весьма далеким и не внушала ни страха, ни уважения. Война была делом людей, и затянулась она на неопределенный срок лишь из-за человеческого упрямства.

— Азеа хочет мира, советник, — медленно сказала директор. — Проблема в том, что наш враг не ценит мира и не выполняет своих обещаний. Один за другим мирные договоры нарушаются и каждый раз страдают невинные люди.

— Невинные люди, — подчеркнул квезианец, — Которые выбрали жизнь в тени Войны, и должны быть готовы к последствиям. Мы не селимся на Военной Границе, поэтому нам не требуется ваша защита. Я считаю, что человечество процветает на конфликтах. Пока это касается только вашего вида, меня это не интересует. Но когда это влияет на порядок в нашем правительстве, я должен требовать перемен.

— Внутри Границы находится более тысячи обитаемых планет, — ответила Торжа, стараясь говорить ровным голосом. — Богатых планет, которые только и ждут, чтоб их богатства исследовали и применили. Часть из них на протяжении многих поколений находиться вдалеке от Войны. Люди селятся на них. Они знают о риске, но готовы рискнуть. И они рискуют. *Никто* не хочет войны, советник.

— Правда? — съязвил квезианец. — Тогда почему Бракси получила отказ на последнее предложение о мире?

Как она могла надеяться объяснить психологию браксинцев не-человеку, когда они и азеанцев-то понять не с состоянии?

— Каковы мотивы браксинцев — вот, что необходимо понять, — осторожно подбирая слова, объяснила Торжа. — В том случае решение принимала моя представительница на переговорах. Бракси требуется время на подготовку обороны против нашего наступления на Хретт, и поэтому они предложили нам мир — который, как они полагали, мы должны принять с благодарностью. Если бы мы это сделали, то свели

бы на нет наше преимущество в том районе. А это высокая цена за год или два без Войны. Война будет продолжаться, пока одна сторона не одержит победу, советник... И это неприятная правда. Чтобы добиться истинного мира, мы должны стремиться к победе.

— Мир, достигнутый посредством войны? — уточнил квезианец. — Я не принимаю такой концепции, директор. И ее не принимают многие мои коллеги.

«Мне жаль, — хотела сказать Торжа. — Но так все и обстоит».

— Опыт научил нас, что браксинцы на самом деле не желают мира... — попыталась убедить советника она.

— И значит всегда будет продолжаться война? Ты это хочешь сказать? Я скажу в ответ, что в Великой Войне нельзя победить. Стороны равно сильны, ресурсы практически безграничны. Азеа знает об этом. Когда-нибудь Бракси это также поймет и будет искать способа покончить с этим бессмысленным конфликтом. И тогда вы пойдете им навстречу? Боюсь, что нет. В соответствии с нынешней политикой Звездного Контроля возможность заключения мира будет утрачена в пользу азеанских завоеваний. А ваша главная задача, ваш долг, как говорится в Эдикте 3467 года, — закончить Войну, а не продолжать ее.

— Наш главный долг — это защищать Империю, — отрезала Торжа. — Статья пятая, пункты с первого по двенадцатый. Звездный Контроль определяет Бракси, как главную угрозу нации; по Эдикту мы должны попытаться уничтожить эту угрозу. Ее нельзя нейтрализовать при помощи договора, время научило нас этому. Пока существует Бракси, остается угроза атаки на Империю.

— Нет сомнения, что браксинцы также упрямы, как люди Империи, мы это понимаем. Но ты защищаешь свою позицию тем, что касается внешней политики, но избегаешь вопроса внутреннего равновесия. Если закончить Великую Войну договором, кто будет править в Империи? На протяжении столетий наша старшая советница отказывалась рассматривать этот вопрос. Но теперь я этим занимаюсь. И считаю, что Великая Война служит Азее особо: она гарантирует превосходство людей, и поэтому азеанцев над другими нациями Империи. Подумай о том, что наши нынешние пять ветвей

власти раньше были только тремя: император, Палата Людей и наша Палата. До того, как в 3467 году объявили «временный» военный закон, Звездный Контроль являлся лишь отделением правительства, ничем больше. До него глава вооруженных сил был не больше, чем государственный служащий. И до тех пор, пока Военная Граница не стала вечной проблемой, не встали сложные вопросы благонадежности и периодического репродуктивного насилия, Совет Правосудия не пользовался ни большим уважением, ни большей властью, чем группа социологов. Если Великая Война закончится, разве не будут выполнены цели Эдикта? Звездный Контроль снова станет подчинен императору, а вопросы дипломатии перейдут, как прежде, к Объединенному Совету Наций — где они, по-моему, и должны решаться. Совет Правосудия продолжит править, пока раса снова не станет стабильной, а после этого... кому они нужны? Три ветви власти, директор, — таков был план Основателей. Одна человеческая, одна нечеловеческая и азеанский император. Мы приняли это, когда присоединились к Империи. Мы будем терпеть две дополнительные азеанские ветви власти, пока нам это необходимо. Но теперь мы задумались: если нам представится возможность мира, согласятся ли военные прекратить войну? Власть — как наркотик, директор. Ты можешь меня заверить, что эта ситуация никак не влияет на вашу политику?

— Она никак не влияет на мою политику, — холодно ответила Торжа. — Я должна добиться своей цели. Все, что я делаю, я делаю ради этого.

— Долгосрочный договор с Браксинским Холдингом? — осведомился советник.

«Разрушение Бракси и всего браксинского во Вселенной!» — зло подумала Торжа.

— Закончить Войну, советник, — произнесла вслух. — Любыми средствами.

— Как я понимаю, слова произносить легко, директор. И так было всегда. Теперь не-люди хотят увидеть действия, чтобы подтвердить вашу искренность.

Торжа подавила в себе ярость.

«Я предложила ему говорить открыто, — напомнила себе она. — Мне следовало помнить, что квезианцы не славятся утонченностью манер».

— И что ты предлагаешь? — спросила она.

— Просто демонстрацию ваших намерений. Как пример. Твоя представительница на Границе, которая вела переговоры, предпочитает войну. Ведь это можно изменить? Или кто-то другой займет этот пост? Нужен какой-то жест, понимаешь?

Торжа отлично все понимала. Квезианец вообразил себе некий заговор между нею и Анжой, целью которого является продление Войны с тем, чтобы Торжа оставалась у власти. Не лишено логики, но только если бы директор и командир Звездного Флота были браксинками. И абсолютно невозможно, учитывая, кто они на самом деле.

«Дураки! — думала Торжа. — А вы знаете, как браксинцы относятся к не-людям? Разве вы не понимаете, что случится с вашим бесценным Советом, если Империю завоюют?».

— Моя представительница во время переговоров действует по моему приказу, — сказала Торжа советнику. — И я довольна ее работой. Но я подумаю над твоими словами.

Квезианец пригладил лиловое перо.

— Время слов прошло, — предупредил он Торжу. — Время действовать — если не тебе, то мне. Я говорю это сейчас, с глазу на глаз, чтобы дать тебе время подумать. И предпочту решить эту проблему в личной беседе, между собой, и не допущу раскола нашего правительства.

«Сколько у меня времени?» — подумала Торжа. Она может откладывать коронацию квезианца, требуя пересмотреть его прошлое, но это будет эффективно лишь на какое-то время — и в конце концов только осложнит отношения между ними. Может обработать советников-людей — выяснить, насколько распространилась эта идея, каким влиянием пользуются пацифисты в Палате Людей. Кое-что можно сделать, но на все требуется время. Торжа не отличалась тактом, когда дело касалось внутренней политики, хотя редко использовала свои навыки. Но если радикальный пацифист будет коронован... ей требуется время. «Подрезать ему крылышки, — мрачно подумала она. — чтобы он не помешал моей работе».

— Я благодарна тебе за то, что ты пришел, — поблагодарила Торжа советника и приняла Успокаивающую Позу. — Я тоже предпочту решить этот вопрос частным образом, а не

позволять ему разъединить две ветви власти. Я посмотрю, что можно сделать для демонстрации истинных намерений Звездного Контроля. А пока я благодарна тебе за совет. Пожалуйста передай мои наилучшие пожелания старшей советнице, когда увидишь ее.

Советник расправил крылья — это означало, что он собирается уйти.

— Я благодарен тебе, директор, за то, что ты выслушала меня. Я считаю, что говорю от имени старшей советницы, заявляя, что единство Империи — это наша главная забота.

— И моя забота также, — заверила его Торжа и передала ему миску с тхррр.

И лишь когда советник ушел, она позволила себе выпустить пар. Она была в ярости.

— Проклятье! — директор выбросила вонючую гадость в мусоропровод вместе с миской. Почему следующим старшим советником должен стать пацифист? Почему он должен был прийти к власти именно сейчас, когда они подошли так близко к цели?!

Так близко...

«Мне нужно время, — Торжа села за письменный стол, включила звездную карту, изучила Границу. — Время».

Ей требовалось сделать какой-то жест, который успокоит не-людей, по крайней мере, на время. А потом, судя по тому, как идет Война, все решится само собой. День за днем позиции Империи укрепляются. Затар представляет проблему, но недостаточную, чтобы удержать их от победы в конечном итоге. Анжа еще выиграет войну — если только ей не помешает политическая необходимость.

Политическая необходимость... Торжу связывал миллиард обязательств, и в то время как победа в Войне была ее главной целью, она не являлась насущной проблемой. Ее долгом, как одного из глав правительства, было сохранение единства Империи. И она поклялась в верности императору, а значит теоретически служила его воле. Что скажет на все это Пеш?

«Война идет уже уйму времени, она не закончится прямо завтра. У нас есть долг поддерживать отношения между людьми и не-людьми, поскольку это связи, которые соединят нас, когда с Войной будет покончено. Империя основывалась

для единения, не для разрушения. И это должно служить главным приоритетом».

Черт побери!

Торжа рассмотрела все варианты, доступные ей, большой набор примирительных жестов, которые она может сделать. Все не то!

Мир...

Что случилось с воякой, с той, которой она была когда-то? Когда она пожертвовала простотой своей юности? Торжа никогда не хотела власти, и с радостью отдаст ее, когда придет время. «Но лишь испытав триумф, — пообещала она себе. — Я передам свою власть только среди дымящихся руин Цитадели».

Еще один шаткий мир: уступка на пути к цели? Пусть Совет Наций сам увидит негативные последствия. Торжа будет доводить до сведения общественности все провалы, используя свой статус, чтобы обеспечить негативную рекламу подобных действий. Еще один мир и на этот раз — если действовать осторожно — последний.

«Анжа, прости меня. Я знаю, что будет тяжело. Но в конце это пойдет нам на пользу».

Торжа села писать письмо.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

«Можно убрать нежелательные эмоции из репертуара общества путем осторожного изменения тенденций в культуре. Можно переделать язык таким образом, что у человека не будет средств для выражения запрещенного. Если у концепции нет знакомого ярлыка, то в конце концов человек утратит понимание самой концепции. Однако нельзя полностью убрать эмоции из человеческого характера и ожидать, что человек останется при этом человеком».

Харкур

У нее длинный и тонкий палец, на ногте — идеальный маникюр. Тонкое серебряное кольцо подобрано так, чтобы помещаться на средней фаланге. На нем выгравированы узо-

ры, которые когда-то считались вызовом, что брошен соперником. Соперника больше нет, и кольцо осталось лишь как напоминание. Палец колеблется, затем движется к переключателю, тот срабатывает бесшумно. Свет на корабле выключается и сквозь иллюминаторы ярко светят звезды. Теперь Бисалос остался за спиной, и стремительно уменьшается, когда они все быстрее и быстрее уходят от него. Нет негасимой звезды, что вела бы их к цели, поэтому перспектива кажется мрачной и не приносит успокоения. Но другого выбора нет.

В нише для сна лежит он, дышит с трудом и неровно, но потом, кажется, засыпает. Возможно, в темной тишине непрерывного путешествия она наконец обретет покой...

* * *

«Мой лорд и Хозяин, — пишет Ньен, Хозяйка Дома Затара. — На Бракси пришли грустные новости. Мне хотелось бы притвориться, будто я все понимаю, но могу только надеяться, что ты, услышав детали, увидишь в них смысл.

Здесь начался тсанкар. Симптомы самые худшие: очень высокая температура и застой крови в бронхах, но встречаются и разные менее угрожающие симптомы, которые сами по себе не опасны, но осложняют процесс выздоровления. Но насколько серьезную угрозу может представлять тсанкар? Я сама в свое время переболела чумой; все проходило через несколько дней или, в самом тяжелом случае, через полжизни, и, насколько мне известно, вирус действует недолго, если не осложнен сопутствующими заболеваниями. Так я считала раньше. Но теперь поступают отчеты из Вирусологического Центра Монтесекуи. Специалисты предполагают, что это будет невиданная эпидемия. Как они говорят, вирус тсанкар ни разу на протяжении столетий не подвергался таким серьезным мутациям.

И браксаны погибают от него. Вначале умер Садар, из нашего Дома, а затем кайм'эра Бамир умер, оставив свой Дом в нежданном хаосе. Браксаны запираются, в некоторых случаях вообще бегут с планеты. Кайм'эра встретились в последний раз и разошлись до тех пор, пока беда не уйдет. Я слышала о чуме во многих мирах, Затар, но это? Я вижу страх

на лицах, на которых никогда раньше не видела и следа слабости. Объясни мне, что это, лорд, чтобы я могла лучше тебе служить. Теперь я понимаю, что я совсем из другого мира, и это меня пугает. Что же это такое?!».

* * *

Прошло много дней, перемежающихся коротким беспокойным сном и удачными попытками уйти от браксинских кораблей охраны. «Они не должны узнать, что здесь командует женщина, — думает она. — За такую наглость казнят даже браксанку».

Он ворочается и дергается в агонии. У него лихорадка, вызванная чумой. Она сама через это прошла и может посочувствовать; но знает, что ничего не может сделать для облегчения его страданий, не сможет вывести больного из забытья, что сковало его душу. Когда он просыпается, она откидывает его черные волосы со лба, всегда проявляя осторожность и не чувствуя никакой нежности, и дает ему еще немного лекарства, которое скроет происходящее с ним.

«Почему я это делаю? — спрашивает она себя. — Почему я рискую многим ради этого мужчины?».

И не отвечает. Не смеет ответить.

* * *

«Моя Хозяйка, — пишет Затар Ньен. — Очень хорошо, что ты связалась со мной. В Орнарнском секторе произошло особенно яростное сражение, после которого и наши силы, и силы врага, отправились домой разбитые. Я был уверен, что даже великой лиу Митете потребуется какое-то время на восстановление сил, не говоря уж о том, что сам остался без необходимых для наступления сил, пока не произведены значительные ремонтные работы. И думал оставить вместо себя Селова и на какое-то время вернуться домой. Однако теперь, когда началась чума, это невозможно, и я долго еще не смогу там появиться.

Что я тебе могу сказать относительно тсанкара? Мы живем в страхе перед тсанкаром с самого рождения и помним о нем всю жизнь. Ты знаешь этот вирус: раз в год он может

на короткое время доставить тебе неудовольствие, но в целом простолюдинам его нечего бояться. Однако с нами все обстоит по-другому. Мы наблюдаем за его мутациями каждый год и живем в постоянном страхе, ожидая результатов; мы обращаемся к науке, устанавливаем карантин, делаем все, что угодно, но остаемся беспомощными перед неотвратимой эпидемией. И теперь еще это.

У нас нет иммунитета к тсанкару, Ньен. Мы были наказаны этим, когда избавились от других наших слабостей, и поскольку лишь один особый штамм из тысячи способен нас сломить, потребовалось несколько сотен лет для понимания того, что мы сделали. Но к тому времени стало уже слишком поздно. Это цена, которую мы должны платить за Шлесор, эту прихоть в «евгенике», которая гарантировала нашу силу и красоту, но была направлена не в ту сторону. И если сейчас на Бракси бушует чума, то я домой не вернусь.

Теперь слушай меня внимательно: я предвидел подобное, и если появление вируса случилось так рано, это все равно может пойти мне на пользу. Я оставляю тебя во главе моего Дома, без каких-либо ограничений; моя печать на этом кольце будет служить доказательством тому. Тебе придется действовать и отдавать приказы, без промедления и колебаний, если мы хотим спасти Дом. Чума несет разрушение, и существует так называемая политика чумы, и ты вскоре поймешь, какова она на вкус. Будь готова действовать, не советуясь со мной. Нас разделяет слишком большое расстояние и поэтому могут возникнуть задержки. Помни: я рассчитываю на тебя и поддержку во всем.

Перевези моих чистокровных детей в Дом и наблюдай за ними сама; если ты на самом деле переболела чумой, как ты говоришь, то теперь не представляешь для них опасности. Сажай на карантин любого члена Дома, у которого проявятся даже самые легкие признаки болезни. Пусть общаются только с теми, кто переболел чумой. Никаких исключений!

Вскоре после того, как до тебя дойдет мое послание, и на Бракси, и на Жене будет установлен строгий карантин, как и на любых других планетах, на которых бушует эпидемия. Это приносит хаос в торговлю и мы должны сделать все возможное для компенсации убытков; делай все, что только удастся с нашими торговыми партнерами. Мы должны остаться пла-

тежеспособными во время этого несчастья. Трать столько денег, сколько потребуется на взятки, чтобы иностранные купцы были довольны; только помни, что независимо от того, кто чему и кому угрожает, все Дома на Бракси находятся в одном и том же положении и все одинаково неспособны вывезти грузы из Бисалоанской системы. Ты найдешь список купцов и чиновников в файле «Чума» в моих личных файлах, с пометками о тактике давления, которую следует применять при непредвиденных обстоятельствах. Я составил его как раз на такой случай, поэтому не сомневайся перед тем, как воспользоваться моими предложениями.

Особенно внимательно следи за Домами моих конкурентов — это Дома Йирила, Делака, Лерекса и Салоза. Эти люди являются моими самыми опытными соперниками в политике и финансовых делах и от них можно ожидать вмешательства. Также опасайся Сечавеха. После фиаско с Венари он не представляет большой политической угрозы, но между нами сохраняются враждебные отношения, и я не сомневаюсь, что он организует мне неприятности просто из чистого удовольствия. Это браксанский обычай — во время чумы подкапываться под соперника.

Пошли ко мне Ферана. К сожалению, мы должны установить мир, или Холдинг обрушится на нас с обоих концов, и мы должны заключить мир до того, как азеанцы поймут, почему он нам так нужен. В старые времена вопросов бы не возникло — они так горели желанием заключить мирный договор — но теперь, когда командир звездного флота на переговорах главная, а нам на пятки наступает чума, мы не можем рисковать. Феран их знает; а что еще более важно, он знает Ее. Вместе мы сможем манипулировать врагом и выиграть время. К тому же, лиу Митете и Феран будут вынуждены иметь дело непосредственно друг с другом и у меня есть подозрения относительно этой парочки... Но нет, пока я в этом не уверен, не стану говорить наверняка.

Держись и правь на пользу мне. Я полагаюсь на тебя».

* * *

Он что-то кричит в забытьи, слов не разобрать. Она не спала уже много дней и очень мало ела. Звуки его страданий

пронзают стены самого крепкого сна, призывают кошмары, и те не дают ей покоя. Бывают моменты, когда она сожалеет о предпринятом шаге, и должна снова напоминать себе, что обычные доктора ничего не смогли бы сделать для него. Бывают моменты, когда она боится, и твердит себе, что он должен выжить, должен выжить, должен выжить любой ценой! И она не должна спрашивать, почему.

Но вот звуки обращаются словами, а слова — мучительным криком. Он приподнимает распухшие веки и, кажется, узнает ее.

— Мои дети... — шепчет он.

Она опускает глаза.

— Мертвы, — говорит она.

Их отношения всегда были простыми и честными и теперь она сожалеет о том, что не может соврать.

— Мой Дом... — спрашивает он, его голос звучит совсем слабо.

— Зброшен, разрушен, — эхом отвечает она. — То, что осталось, придется отстраивать заново.

Он болезненно морщится, хотя сильные боли прекратились несколько дней назад.

— Я потерял все, — шепчет он, его голос холоден и безжизнен. — Все! Моих детей, мой Дом, мою власть... Что мне осталось? Все пропало, все...

Она отворачивается. Он может поплакать, потому что умирает ужасной смертью и потерял единственное доказательство своей плодовитости. Но она не может себе этого позволить. Тем не менее, она чувствует, как на глаза наворачиваются слезы, незнакомые браксанским глазам, она борется с ними, чтобы не думать о том, что их вызвало.

«Он потерял все. Все?».

* * *

«Мой лорд и Хозяин, — пишет Ньен. — Мне потребовалось много времени, чтобы связаться с тобой, но я бодрствовала до той минуты, пока не смогла написать тебе, как выполняются твои приказы. Феран уехал и вскоре должен прибыть на военную базу на орбите Аккара — и уехал он очень вовремя, поскольку объявили карантин сразу, как он уехал. Теперь у

меня начнутся сложности с отправкой посланий тебе: я не могу отправлять их, как раньше, а должна передавать текст в соседнюю систему и организовывать отправку уже оттуда. Сколько я могу в таком случае сообщить, не опасаясь любопытных глаз? Или мне следует подождать лучшей возможности? Может, посылать почту контрабандой на охранную станцию за Бисалосом Двенадцать, чтобы отправка шла уже оттуда? Короче, какому способу связи ты доверишь больше и насколько?

Здесь находится Йсила, и вскоре должны подъехать две другие твои дочери, в течение нескольких десятых. Терак болен и очень раздражен по поводу наложенного карантина, но, с другой стороны, не хочет отвечать перед тобой, если не подчинится, поэтому ведет себя прилично.

Кайм'эра Салоз умер от чумы, как и его Хозяйка. Большинство его владений поглощены Делаком и Коровом, но мне удалось получить значительную долю его акций в шахтах Кеста. Я не уверена, но мне кажется, что какую-то часть новых приобретений Дерака можно вырвать у него из рук до того, как он окончательно оформит право собственности на них. Лерекс убежал с Бракси неизвестно куда, как раз перед объявлением карантина, я пытаюсь его найти. Сечавех сидит под наложенным им же самим карантином и очевидно ждет, что ты попытаешься захватить у него что-то, пока он слаб. Дом Сечавеха хорошо охраняется несмотря на мои усилия. Но я продолжаю попытки.

Относительно Йирила... Вот что меня беспокоит очень сильно. Его Хозяйка Д'вра заболела и поправилась — как я понимаю, ее семья сильна в этом плане — и снова стала управлять Домом. Затем заболел сам кайм'эра. Его род, напротив, особенно чувствителен к вирусу. Я полагала (мы все полагали), что Д'вра будет за ним ухаживать, поскольку является одной из немногих чистокровных Хозяек, способных совершить такой подвиг. Вместо этого она бросила и его, и Дом. Мои информаторы сообщают, что более половины людей, населявших владения Йирила, или умирают, или уже мертвы, поскольку большая часть проживавших в его Доме имели значительную часть браксанской крови. Дом разваливается на части, и хотя Д'вра могла бы его спасти, она, очевидно, нарушила карантин и убежала из системы. Я не стану притво-

ряться, что понимаю такое — но ведь я никогда по-настоящему не понимала ваш народ».

* * *

Она проходит сквозь мусор, ее руки дрожат. Им не следовало пытаться остановить ее. Им следовало свалить общение на компьютеры, бесполое машины, что скрывают личности пилотов за механической монотонной речью. Что она могла сделать, кроме как уничтожить помешавших ей?

— Тазхейн, — шепчет она и ее голос дрожит. — Что я наделала? Я убила людей, я убила браксинцев, и все это затем, чтоб привести его к позору...

* * *

«Мой Хозяйка, — пишет Затар. — Ты все прекрасно выполнила, и я доволен тобой.

Мне было жаль услышать такое про Йирила. Меня удивили такие чувства, ведь мы были соперниками, но я его очень глубоко уважал и желал бы ему более легкой смерти. Что касается Д'вры... Насколько мне известно, их с Йирилом объединял только Дом, а я хорошо знал его. Даже их сексуальные пристрастия так сильно различались, что они никогда не делили удовольствие, только в период одного Уединения. Йирил владел большим и могущественным Домом, а Д'вра была гордой и способной женщиной. Но перед лицом чумы этого недостаточно, моя Хозяйка.

Но, если Д'вра на самом деле бросила Дом Йирила и он все-таки выживет, последствия ее поступка могут быть очень серьезными. Мне не нужно рассказывать тебе, как сильно мы зависим от Хозяек нашего Дома, ты знаешь это лучше, чем я. Да, мы не заключаем контрактов, никаких официальных обязательств — но даже при этом Двр'а установила опасный прецедент. Если Йирилу все-таки удастся выжить (а раз у него нет Дома, куда он может вернуться, не уверен, что это его обрадует), ей лучше не появляться на Бракси или любой другой планете в Центральном Регионе, причем очень продолжительное время.

В случае Лерекса я не удивлюсь, если дело уже находится не в нашей компетенции. У него много конкурентов и его

враги — фанатики. Я даже не удивлюсь, если услышу про «неожиданную» кончину Лерекса. Запрещенные приемы могут внезапно стать возможными под прикрытием эпидемии.

Мы пытаемся заключить мир, я веду дневник наших переговоров, чтобы потом изучить все в деталях. Азеанцы что-то подозревают — Она что-то подозревает — но тысячелетия чумы научили нас тщательно хранить свои тайны, поэтому до Нее не дойдет никаких точных сведений. Также нашим преимуществом является преждевременное начало эпидемии на этот раз; через десять лет, когда чума должна была начаться, Азеанка могла бы вообще отказать нам в переговорах.

Феран — бесценен. Он хорошо знает азеанцев и обладает большим терпением, чем я, играя в эти их словесные игры; в дополнение к этому наше знание азеанского языка дает нам преимущество, когда они хотят поспорить между собой.

О, какая пытка видеть Ее снова, находиться так близко и не быть вправе что-либо сделать! Кровь вскипает в моих жилах при виде Нее, и Она это чувствует; но что мы можем поделать, скованные необходимостью? Я страстно желаю бросить проклятый договор в лицо азеанцам, нести смерть, которой так хотим Анжа и я... но чума связывает меня по рукам и я заставляю себя действовать на благо моего народа.

Они с Фераном ненавидят друг друга, Ньен. Я чувствую это, сидя рядом за столом переговоров, их ненависть накаляет воздух осязаемым напряжением и от нее веет холодом, как от могилы, — словно между ними выросла стена из жгучего льда. И также есть что-то еще, чего я не ожидал. С т р а х. Ужас, он прячется глубоко внутри Нее, почти невидимый под внушительным безразличным видом, что Она на себя напускает; и дрожь в душе Ферана, так плохо скрываемая, что я могу чувствовать ее как свою, что подрывает мою уверенность наряду с его собственной. Эти вещи очевидны для меня потому, что я так хорошо знаю Анжу, или потому что близость ее разбудила ту связь, что когда-то установилась между нами, и это позволяет мне делить с ней экстрасенсорное восприятие ситуации? Или это на самом деле так ясно? Могу лишь утверждать, что между Анжой и Фераном есть нечто большее, чем я предполагал. И я должен это понять, если собираюсь использовать их обоих.

Опасайся Сечавеха! Раньше, пока Венари не протаранила Цитадель, мы были просто соперниками, но теперь он ненави-

дит меня. Его Дом является самым опасным, поскольку ему не нужно бороться за власть, а только мстить — и поэтому он чрезвычайно опасен. Посмотри владения Корова на Сузеране. Мне кажется, что у него были проблемы с этим. Проявляй осторожность и пользуйся всеми преимуществами чумы, которыми удастся воспользоваться. Это не только смерть для браксанов, но и призыв к ведению политики, которая может подорвать устои Дома или укрепить их. Я думаю, ты уже начала это понимать.

Если можешь, передавай мне сообщения через военных. Я доверяю им гораздо больше, чем секретарям, которые управляют Бисалоанской охранной станцией. Но в любом случае, поскольку наши сообщения проходят через руки незнакомцев, мы должны проявлять осторожность, говорить уклончиво и избегать деталей. Любого человека можно купить, а во времена чумы все оплачивается быстрее».

* * *

С минуту она сидит неподвижно, собираясь с духом. В двадцатый раз разглаживает перчатки, в девятый проверяет положение ножен. Зеркало отражает созданный ею образ худой и незнакомой женщины, но он призван подавлять любого мужчину, непривычного к великолепию браксаны. Она устала и не уверена в себе. Ее качает, когда она встает на ноги, и она страстно желает расслабиться и отдохнуть. Но до этого еще очень далеко. Она слышит шаги, приближающиеся к шлюзу корабля от станции, с которой она состыковалась, и собирается, придавая своим чертам идеальную надменность. Впервые в ее жизни это неискренне.

Открываются наружные двери, затем и внутренние. И входит он.

— Леди Д'вра?

Он плохо говорит на ее языке; азеанский плохо подходит для этого. Тем не менее умение говорить на браксанском являлось одним из условий сделки. Браксанец не изучает чужой язык, чтобы общаться с теми, кто ниже его достоинства.

Она надменно отступает в сторону. Легким жестом показывает на мужчину, лежащего в нише.

Врач проходит на корабль и приближается к больному.

— Жив? — спрашивает он.

— Если бы он был мертв, то и меня бы здесь не оказалось, — раздраженно бросает Д'вра.

Врача явно удивляет ее ледяная холодность. «Как жаль, — думает она. — Ему следовало знать, что его ждет». Врач склоняется над телом. В это мгновение она его ненавидит, как и всех его соотечественников, причем с такой безумной яростью, что чуть не выхватывает меч из ножен и не прерывает тут же этот глупый фарс. Не смеет. Она заставляет свою руку покорно бездействовать и говорит себе: позже. Сейчас она должна притворяться. Это не дается ей так уж легко и естественно, но придется научиться.

При помощи пульта управления врач подает сигнал, и носилки на колесиках сами вкатываются внутрь небольшого помещения. Она делает шаг вперед, чтобы помочь азеанцу, но ему помощь не требуется, и доктор сам быстро перемещает тело больного из ниши на каталку. Врач поднимает на нее глаза и улыбается. Несомненно, так он пытается ее ободрить.

— Еще не поздно, — говорит врач.

— Повезло, — сухо отвечает она и добавляет про себя: «Вам обоим».

Д'вра идет за больным кайм'эрой на станцию.

* * *

«Мой лорд и Хозяин, — пишет Ньен. — Я пыталась должным образом выполнить твои приказы. Жен ты тянутся бесконечно, и каждый день список жертв становится все длиннее и длиннее. Все три порта на луне закрыты как для прибытия, так и для отлета. Бракси и Алдоус также находятся на карантине.

Ты должен знать о революциях на Эренгарре и Тзири. Я слышала, что Тзири уничтожат в наказание, поскольку она считается менее ценной из этих двух планет. Кайм'эра придерживаются мнения, что демонстрация готовности Бракси разрушить населенную планету почти сразу же после уведомления снимет остальные вопросы мгновенно.

Чего я не понимаю, лорд, так это почему не сформировался иммунитет к т'санкару? Почему за столько лет не возникла более сильная порода людей, способных противостоять болезни?

Пришло известие, что Лерекс впал в отчаяние от чумы на Астаргалле и покончил жизнь самоубийством, бросившись со

взлетной платформы вниз головой. Учитывая то, что ты сообщил мне, и то, что я выяснила, проводя собственное расследование относительно его Дома, меня это не удивляет — и, кажется, это вообще никого не удивляет. Но доказательств для возбуждения уголовного дела нет. И, что самое важное, кто станет утруждать себя этим во время эпидемии?

Мне удалось перехватить кое-какие фонды, уходящие из Дома Сечавеха на определенные черные рынки. Торговцы, очевидно, недовольны, поскольку лишились своего обычного рынка сбыта, и Сечавех пытался дать им взятки, чтоб стали посговорчивее. Вместо этого я приведу их под твоё крыло, когда наступит подходящий момент. В настоящее время Сечавех ничего не знает, а если и проверит, то выяснит, что все сделано Домом Лерекса.

Ленар из твоего Дома смог получить назначение на станцию и действует как наш связной. Как я полагаю, это тебя устраивает?

Также были три попытки лишить тебя монополии на Дарконском шелковом рынке, предпринятые Коровом, Сараном и Мемеком. Все они провалились. Тебе следовало предупредить меня, что это может случиться, мой лорд. Я могла бы строить более масштабные планы».

* * *

Она поднимает голову. Она видит, что вошел врач, и тут же перестает заламывать руки и с ложной невозмутимостью кладет их себе на колени.

— Ты быстро закончил, — говорит она. Это скорее вопрос.

— Процесс осложнен... — мнется доктор.

— Но ты *можешь* добиться успеха, — перебивает она предстоящее объяснение, не желая его выслушивать.

— Да, госпожа, — опешил врач, непривычный к такой резкости. — Думаю, что могу.

— И ты не сделаешь ничего сверх того, о чем мы договорились.

— Конечно, госпожа, если вы так хотите, — в замешательстве проговорил он. — Но после того, как я подготовлю контейнер и тело для обработки, совсем несложно будет добавить немного закодированной информации...

Она встает, дрожа от ярости.

— С его личностью нельзя играть, азеанец! И так мне приходится подвергать его вашему вмешательству! Разве ты не понимаешь, что он скорее убил бы себя, чем добровольно сдался вашей науке на съедение? И я согласна с ним в этом.

— Я не понимаю... — промямлил врач.

— Я не прошу тебя понимать. Мне плевать, понимаешь ты или нет, — она жестом указывает на палату, где тело Йирила в этот момент облучается в лечебных целях. — Если ты притронешься хоть к одному лишнему кодону помимо тех, о которых я договорилась с тобой, ты умрешь. Понятно?

Никогда еще не доводилось ей встречать человека, которого она не смогла бы запугать, и этот не стал исключением. Доктор выведен из равновесия и нервничает из-за ее неистового упорства — и явной искренности ее слов, и потому быстро кивает.

— А когда придет ваша очередь выполнять вашу часть сделки, вы будете такой же услужливой? — его голос звучит неуверенно, но с надеждой.

Она резко кивает, ненавидя его и его науку и все, что заставило ее прибыть сюда. Подвергнуться его испытаниям? Тогда она умрет и Йирила прихватит с собой. И азеанец — дурак, если думает иначе!

Но врач принимает ее заверения. Что ему еще остается!

* * *

«Моя Хозяйка, — пишет Затар. — Мы заключили перемирие на какое-то время. Я думаю, Анжа знает правду. Но кто может сказать, что было у нее на уме, когда она подписывала договор? Если бы Анжа стала давить и дальше, пытаясь разбить нашу нацию, то могла бы стоять мне моего Дома, и это не стало бы легкой смертью. В конце концов наш кайрт мог бы спасти Бракси. Тем не менее одного этого недостаточно. К сожалению, этот мир, который я так хотел заполучить, держит нас с Анжой вдали друг от друга; договор обязывает ее, и пока он действителен, мы не можем встречаться в личной схватке, чего, как я думаю, оба страстно желаем.

Феран бесценен, как я уже говорил, и я пытался убедить его остаться здесь со мной, но он настоял на возвращении в

Бисалос, или, по крайней мере, поближе к той системе. Поскольку он родился не в нашем мире, думаю, Феран недооценивает ужас, который охватил его Дом. Но человек свободен в своем выборе и имеет право действовать по собственному усмотрению. Но было бы жаль потерять его теперь.

Ты спрашиваешь, как так получилось, что мы не вывели более сильную породу людей? Разве можешь ты, которая жила среди нас так долго, хоть на мгновение сомневаться в нашей изобретательности в организации собственного разрушения? В это мгновение все Зарвати, включая меня, сжимаются в дальних углах Холдинга, выжидая, пока не пройдет буря. В конце концов она пройдет и мы вернемся. В то же время те семьи, которые имеют неплохой шанс выжить после контакта с чумой, все еще находятся на Бракси и сражаются, пытаются усилить влияние своих Домов, и в результате сделки подхватывают тсанкар. Многие из них от этого умрут. Так что видишь, Ньен, межзвездные путешествия и природа нашего общества соединяются и пестуют слабость, а не избавляются от нее. И, по правде говоря, разве могло что-то, кроме нашей собственной глупости, сделать нашу расу такой малочисленной, от сотен тысяч браксанов до едва... но нет, я не стану приводить эти цифры.

Я сердечно благодарен тебе за то, что ты сделала! Смею ли я предположить, что находясь в такой трагической ситуации ты, как мне кажется, довольна собой? Я очень мало знал, когда забрал тебя из Сулоса, и даже не мог предположить, что ты вырастешь в такую дельную помощницу. Когда я поставил тебя Хозяйкой, я сделал это по причинам, не имевшим никакого отношения к политике, но твое деловое чутье постоянно росло и я могу только похвалить тебя, потому что отчеты о заключенных тобой сделках впечатляют. Если мужчина не может вернуться домой во время чумы, то все его дела находятся в руках его Хозяйки. Я считаю, что мне очень с тобой повезло. И мы еще победим Бракси».

* * *

Кровь — красные реки мести, свободно текущие по стерильному белому полу, суть жизни, вытекающая из человека; запах и цвет Смерти.

Д'вра отступила от тела. С ее жаора капаят капли крови и падают к ее ногам. Она оценивает свою работу. Если не считать вытекающей из доктора человеческой крови, ее жертва выглядит, как рыба с неудачно вспоротым нутром. Через мгновение она склоняется к его более чистому рукаву и вытирает лезвие меча двумя быстрыми движениями, затем убирает в ножны. Убийство было легким, просто на мгновение Двр'а высвободила смертельную ненависть, что сосредоточилась на азеанце с момента их встречи. Он был экстрасенсом, он видел, что его ждет? Или ему было трудно разделить с ней желание убивать и само действие, когда имелась лишь тонкая ниточка самоконтроля, между тем и другим?

Д'вра с минуту стоит неподвижно, наслаждаясь животным экстазом после убийства. Она также страстно желает мужчину, чтобы претворить это чувство в жизнь; действие кажется неполным, когда нет мужчины, чтобы войти в нее и привести ее к пику наслаждения и удовлетворению. Но обстоятельства складывались так, что она не может удовлетворить эту страсть. В глубине мобильной станции — тишина; слышно лишь дыхание Двр'ы и Йирила и стихающее пульсирование азеанской крови, вытекающей из тела. И тишина Пустоты. Двр'а перешагивает через еще теплое тело и отмечает, что лицо — то, что от него осталось — сохранило удивленное выражение. Хорошо. В конце концов он оказался дураком.

Лихорадочная краснота, вызванная чумой, сходит с лица кайм'эра. На мгновение ее охватывает удивление и, прикладывая палец в перчатке к виску Йирила, Д'вра думает: «Они изменили его. Они изменили его суть. Они сделали его кем-то, кем он не должен был стать». Если истинное Имя отражает душу и душа изменена, нужно ли менять Имя? Она убирает руку. «Тебе было суждено умереть, — говорит она мысленно. — И я изменила тебя. Благодарный, как может быть благодарен человек за свою жизнь, сможешь ли чувствовать ко мне что-либо, кроме ненависти за это?».

Двр'а поднимает Йирила — если это все еще Йирил, в чем она не уверена — и несет его почти без труда, поскольку сила тяжести на станции минимальна. Д'вра аккуратно кладет Йирила в нише своего корабля и складывает его сильные

руки на груди. Дышат ему стало гораздо легче. Она снова слышит голос азеанца у себя в сознании, его последние слова:

— Все сделано. Он будет жить.

И снова ярость накатывает на нее. Неужели азеанцы на самом деле думали, что она отдаст свои браксанские гены их ненавистной науке и пройдет — как там это называется — экстрасенсорное тестирование? Ее злит одно воспоминание об этом. Но обещание ее обеспечило жизнь Йирилу. И если азеанцы так сильно хотели иметь чистокровную браксанку для тестов и экспериментов, то пусть пытаются заполучить ее и дальше. Повторенье — мать ученья, во всяком случае, для воина.

Д'вра набирает топлива для своего корабля из запасов станции и удаляется с места убийства. После минутного размышления она стреляет по кораблю доктора, снова и снова, пока его силовое поле не рухнет и сам корабль не падает наконец в очищающий вакуум. Последний выстрел раскидывает остатки, и больше ничего не остается, кроме крошечных частичек мусора, свидетелей встречи, — и совсем ничего, чтоб рассказать о ней.

И только тогда Д'вра устанавливает обратный курс. Домой? Она горько усмехается. Это уже не годится. Она знает свой народ и знает чуму, и поскольку никогда не сможет рассказать Йирилу, что сделала в дни своего отсутствия, то ничего, кроме самой яростной вражды, ожидать от лорда не приходится. А так и должно быть, но все равно — больно.

Д'вра опускается на пол рядом с Йирилом. Только сейчас, после стольких дней, усталость накатывает на нее и Д'вра уступает ей... И льются слезы, и она их не удерживает больше. Это будет долгий полет домой для Йирила — и еще более долгий для нее.

* * *

«Мой лорд и Хозяин, — пишет Ньен. — Ходят слухи, что самое худшее позади, и по правде говоря, я рада, что эпидемия заканчивается. В целом, твой Дом стал богаче во всем, кроме населяющих его людей, в последнем, боюсь, все Дома серьезно пострадали. Тем не менее, думаю, ты будешь дово-

лен сделанным в твое отсутствие и — что не менее важно — не сделанным.

Ты слышал о трагедии на Клуне? Планета, как ты Наверное помнишь, недавно вступила в Холдинг, это был ее первый контакт за пределами своей звездной системы. К сожалению, тсанкар они выдержать не смогли. Умерло столько людей, что есть серьезные сомнения, сохранится ли местная культура. Но я думаю о браксане и понимаю, что культура не умирает из-за малочисленности народа, только из-за его слабости.

Официальный список умерших браксанов снижает количество чистокровных до примерно девяти тысяч. Я уверена, что, когда ты вернешься, то сможешь получить более детальную статистическую информацию, чем я. Несмотря на то, что я — Хозяйка на Бракси, я все равно простолюдинка, и — давай не забывать об этом — заклеимена как предательница.

Какой-то сплетник и любитель сенсационных слухов на Тей объявил, что истинное количество браксанов гораздо меньше, оно возможно составляет половину оттого, что обнародуется в печати, а тщательно подготовленная пропаганда утаивает от Холдинга информацию, как мало его правителей на самом деле остались в живых. Его казнили, насколько я знаю, и последовал ряд репрессий против его родного города. Боюсь, что я не следила за всем этим подробно. В целом во время эпидемии восстали только три цивилизации и их нейтрализовали. Мне говорят, что для чумы это неплохо, но это смотря по чему судить.

Я боюсь за тебя, и хочу, чтобы ты был здесь, но предпочла бы, чтоб ты лучше уехал навсегда, чем принял смерть, которую я видела. Я рада, кайм'эра, что достаточно стара и не увижу снова этот кошмар. Я рада сослужить тебе хорошую службу и еще больше рада превзойти тех мужчин, что презирали меня с моих первых дней на Жене, но постоянные смерти и почти осязаемое чувство страха измотали меня. Я очень-очень устала и буду рада, когда все это закончится. Пожалуйста, возвращайся домой, как только сможешь».

* * *

Два корабля за силовой паутиной Бисалоса. Один — маленький, транспорт, предназначенный для перелетов на бо-

лее короткие расстояния, но, к сожалению, используемый для более длинных, ошетилившийся оружием, что очевидно не планировалось изначально. Второй — покрупнее и более комфортабельный, такая космическая яхта, какими пользуются браксинцы, способная обеспечить уют во время долгих путешествий меж звезд.

Они встречаются; их шлюзы стыкуются и запаиваются.

Д'вра прикасается к волосам, хотя этого недостаточно, чтобы привести их в порядок, и даже безнадежно, затем покидает свой корабль и заходит в другой.

Он ждет. «Что меня к нему тянет?» — думает она. Он не чистокровный браксан, только немного привлекательный, едва ли страстный на ее вкус. Но вот он идет к ней и обнимает и Двр'а вспоминает. Спокойствие. Напряжение уходит, словно некая экстрасенсорная губка впитала его. После стольких дней наступает расслабление и покой. Она вспоминает.

— Йирил? — Феран говорит тихо и в общем спокоен. В других мужчинах Д'вра этого бы не потерпела.

— Жив. С ним все будет в порядке, — она отступает назад и смотрит на Ферана. Ей не хочется это говорить. Это неважно. — Я убила его.

Феран не спрашивает кого, или как, или почему.

— Я так и думал, — кивает он с пониманием.

— Но ты обещал ему...

Феран улыбается.

— И ты тоже.

Двр'а тоже улыбается, странно, что она помнит, как это делается.

— Ты ведь, в конце концов, браксан.

— Спасибо, — он кивает на транспорт. — Йирил там?

— Да, — отчаяние поднимается на поверхность. «Пока нет, — говорит она себе. — Ни сейчас, ни перед кем-то». — Там есть ниша за рубкой.

— Я доставлю этот корабль на Бракси, — говорит ей Феран. — Карантин снят. Жди меня здесь.

— Я бы снова хотела увидеть Бракси, — вздыхает Двр'а.

Он смотрит на нее, гладит по щеке и впитывает печаль.

— Мне там не будут рады, — наконец говорит она. — Может, это даже небезопасно.

— Думаю, ты не права.

Она раздражена, но только слегка. Все ее негативные эмоции смягчаются в присутствии Ферана.

— Ты не понимаешь наши обычаи и образ жизни.

— Ты не понимаешь, что такое чума, — мягко говорит он. — Эта эпидемия оказалась очень сильной. Говорят, не было ничего подобного с 5287 года, а та эпидемия вошла даже в азеанскую историю.

— Да уж, неудивительно, — с горечью говорит Д'вра. — Они нам ее и занесли.

Феран лишь кивает. Что можно ответить на правду?

— Ты — здоровая женщина, Д'вра, чистокровная браксанка. Они не могут себе позволить выгнать тебя.

— Не надо мне врать, — гневно бросает женщина, но затем смягчается. — Не лги себе, — шепчет она.

Он раз целует ее, огонь смерти пропал и осталось только спокойное удовольствие от человеческого контакта.

— Уединение? — наконец спрашивает она.

— Ты поселишься на Викарре. Тебе это подходит?

— Отлично, — угрюмо кивает Двр'а. — Я не могу обещать, что результат...

— Я понимаю, — прервал ее Феран. — Я только прошу тебя попытаться.

Она смотрит на него и впервые понимает, до какой степени он стал браксаном. Фераном правила мечта, вперед его гнала навязчивая идея мужчины-полукровки, которую может осуществить только настоящая браксанка. Сына равного по статусу его отцу может родить лишь чистокровная браксанка. Так просто. Но многие из таких вот умирают, так и не достигнув цели. Но Феран обменял это на жизнь Йирила, используя последние из своих азеанских контактов, чтобы привезти генетика из какого-то Института эстрасенсов на Военную Границу в обмен на некие услуги. Это справедливо. Д'вра вздыхает, решив, что попробует. Может, это и работает. Вероятно, нет. Но куда еще она может пойти?

— Я вскоре вернусь, — обещает Феран.

* * *

«Моя Хозяйка, — пишет Затар. — Наконец из Монтесекуи поступили хорошие новости: чума, насколько известно брак-

санам, закончилась. Вирус все еще действует на каких-то планетах в отдаленных частях Пустоты, но обычный карантин сдержит его распространение, пока эпидемия не закончится естественным образом.

Представленные тобой цифры вызывают у меня большую тревогу, но я предпочту не передавать свои мысли с письмом. Вскоре мы все сможем обсудить лично.

Я возвращаюсь домой».

* * *

Дом Йирила пуст, это можно почувствовать уже вблизи него, и хотя внешне ничего не изменилось, аура смерти нависла над творением рук древних каменщиков.

Затар останавливается и обращает внимание на детали: ухоженная лужайка, посадочная площадка пуста, ни одного космического корабля, заметно отсутствие людей. Подойдя к двери, кладет руку на пластину с левой стороны от нее.

Дверь открывается. За дверью стоит охранник, хоть и не тот, которого помнил Затар.

— Кайм'эра, — кланяется охранник. — Проходите, пожалуйста!

Кайм'эра поднимает указательный палец и показывает кольцо-послание, надетое поверх перчатки. Жест вопросительный.

— Ваше любопытство будет удовлетворено, — обещает охранник. — Пожалуйста, следуйте за мной!

Затар идет следом за охранником. Его изумило послание на кольце. «Пожалуйста, прибуди в Дом Йирила как можно быстрее». Никаких объяснений, никакой подписи, только адрес и такое простое предложение.

Охранник останавливается на некотором расстоянии от дверей, пропуская лорда вперед. Затару слишком любопытно, чтобы опасаться чего-либо, и он уверенно делает шаг.

Двери перед ним открываются. За ними — тускло освещенная комната и...

— Йирил!

Затар быстро входит в комнату и двери за ним закрываются, скрыв собеседников от внешнего мира и посторонних глаз. Старший кайм'эра похудел и выглядит усталым, под

глазами — темные круги, которые не в силах скрыть даже лучшая косметика. Но... он жив. Затар быстро пересекает комнату и сжимает плечо Йирила. До этой минуты он никогда не выражал своих чувств — возможно, попросту не признавался себе в том, насколько дорог ему Йирил.

— Я рад видеть тебя живым, кайм'эра, — произносит Затар, используя только речевой режим искренности.

— Хотя и удивлен, — подчеркивает Йирил.

— Я слышал, что ты мертв.

— Слухи, — старший мужчина улыбается, но слабо, и как любое его движение, улыбка говорит об ужасной болезни и о том, как она повлияла на его здоровье. — Вина? Перекусить?

— Если ты сам будешь, — отвечает Затар осторожно.

Йирил усмехается.

— В Доме все есть, не беспокойся. — он поворачивается к компьютеру и приказывает принести напитки и закуску. Это самое обычное занятие вдруг оживляет его. — А ты-то как?

— Удовлетворительно, — уклончиво говорит Затар.

Йирил смотрит с любопытством.

— Прибедняешься — насколько я понимаю состояние дел. Ты можешь ею гордиться, этим маленьким «слизнем из канавы» — слова твоего отца, не мои. Как он ее ненавидел! Как он ненавидел *тебя* — конечно, это очень по-браксански. На самом деле ты ничуть не проиграл из-за того, что во время эпидемии твоими делами управляла простолюдинка. И насколько я понимаю, в твоём Доме вовсе не одна простолюдинка. Как все над тобой смеялись раньше! — Йирил изучающе смотрит на более молодого мужчину и взгляд получается до странности отцовским. — Ты всех удивил.

— Но не тебя, — вставляет Затар.

— Нет. Не меня, — и снова слабая улыбка.

Входит слуга, раболепно сутулясь, приносит поднос, на котором — вино и разные деликатесы. Хотя у этого слуги нет грациозности движений, обычной для слуг, его можно похвалить. Когда он уходит, Затар предлагает тост:

— За нашу вражду. Новый персонал?

— Почти все. Кажется, из твоей семьи никто не пострадал?

— Традиционная трусость Зарвати. Чума до меня не добралась. Но ты... Йирил, последнее, что я слышал...

— Я был в коме, — тихо говорит Йирил и ставит кубок на стол. — Очевидно, долгое время. Я помню только обрывочные куски и ни один из них не правдоподобен. Может, то были сны. Большинство слуг, которые ухаживали за мной, мертвы, а те, кто остались, не отвечают на мои вопросы.

— Д'вра? — Затар не мог не спросить.

— Уехала на Викарре, — вздыхает Йирил. — В Уединение с Фераном, согласишься ли. Пока лучше так.

— Пока?

Йирил смотрит на Затара, размышляя о чем-то — возможно, о том, насколько он может доверять ему.

— Пока, — повторяет он. — А насколько все плохо на этот раз? Я пока недавно пришел в себя, чтобы запрашивать настоящие статистические данные.

Затар колеблется.

— Очень плохо, — наконец признает он. Его речевой режим свидетельствует о том, что это и есть крах.

— Говорят, около девяти тысяч.

Затар ставит кубок на стол и делает глубокий вдох.

— Хочешь все сразу? — оглядывается он на Йирила.

— Пожалуйста, — кивает тот.

— Нас осталось... пятьсот сорок один человек.

— Мужчин? — потрясенно спрашивает Йирил.

— Мужчин, женщин, детей и социальных неудачников. Пятьсот сорок один чистокровный браксан. Все. Мы также потеряли значительную часть простолюдинов. И дело обстоит плохо для всех населенных людьми миров, но для нас — ужасающе.

— А что с кайм'эратом?

— Сейчас в нем пятьдесят один человек — прости, пятьдесят два. Нам будет очень сложно набрать нужное количество, с таким числом кандидатов, а еще надо выбрать.

— Значит, тебе нужно действовать быстро.

Затар опешил.

— Кайм'эра?

— Ну, будет Совет неполон — и что? Мы станем делать все, как раньше, еще восемьдесят, девяносто лет. Затем придет еще одна чума, и она-то уж точно положит всему конец. По-настоящему, Затар, потому что в кайм'эрат войдут незре-

лые политики, младенцы просто, будут барахтаться и спотыкаться; они не походят для кайм'эрата и никогда бы не вошли в него, если бы нас нужда не заставила. Они не станут лидерами только потому, что они — единственные, кто остался. Холдинг консолидируется или падет в *этом* поколении, другого выбора нет. И ты будешь на передовой в этих изменениях. — Он хрипло кашляет. — Я не прав? Я неправильно тебя оценил?

— Возможно, — темные глаза Затара на мгновение загораются в ответ.

Старший кайм'эра протягивает руку и сжимает ладонь Затара с поразительной силой.

— Бери правление в свои руки, Затар. Сейчас. Пока кайм'эрат находится в смятении.

— Нет никакого трона, — скучным голосом говорит Затар.

— Должен быть, — отмахивается Йирил. — Я создам его сам, если потребуется — из собственной плоти и костей!

— Кайм'эра никогда этого не позволят.

— Значит, заставь их! — Йирил снова закашливается, изо рта вылетает мокрота. — Неужели это ты говоришь мне, что не можешь?

Затар наблюдает за ним — осторожно, молча.

— Очень хорошо, — кивает Йирил. — Я склоняюсь перед традицией. Если бы вселенной было суждено погибнуть завтра, мы все равно не стали бы доверять друг другу. Возможно, это единственный путь, — он колеблется. — Я отдаюсь тебе во власть, Затар. Это заставит тебя поверить? Если ты точно будешь знать, что я никоим образом не представляю для тебя угрозу?

— Возможно, — отвечает Затар.

Йирил откидывается на спинку стула. На его лице, вытянувшемся от болезни, возникла слабая тень былой живости. Видно, его в равной степени и забавляло, и беспокоило предстоящее признание.

— Я беру назад мою Хозяйку, — говорит он просто, в основном режиме.

— Ты что?.. — Затар подается вперед от изумления.

— Если *она* согласится. Конечно, она слупит, если не согласится, судя по тому, как сейчас обстоят дела.

— Она предала твой Дом!

— Она покинула его — и меня — думая, что все мертвы. Хотя я согласен, что фактически это предательство.

— Но почему?

— Трудно выразить это на нашем языке, не правда ли? — Йирил тихо смеется. — Мы с ней вместе с тех пор, как меня только сделали кайм'эра, более ста лет тому назад. Глупо говорить, что дело гораздо сложнее, чем кажется, но я верю в это. Я знаю Д'вру. Что бы она ни сделала, это не было простым предательством.

— Но факт остается фактом.

— Нет. Остается *имидж*. Это тебя беспокоит. По крайней мере несколько лет Д'вра побудет с Фераном, а я поработаю над тем, чтобы собрать оставшееся от моего Дома. Когда это будет сделано, я приглашу ее вернуться на Бракси. Я использую свое влияние среди высших классов. Что бы ты сейчас ни думал, Затар, другие будут не только думать то же самое, но еще и прибавят множество деталей. И какие у меня шансы добиться от них того, что я хочу?

— Никаких, — тихо говорит Затар.

— Так ты понимаешь? Больше я для тебя не представляю угрозы, — Йирил качает головой и грустно улыбается. — И знаешь ли, я никогда не представлял для тебя угрозы. Я один раз сказал тебе, что меня удовлетворит место второго человека в Холдинге. Ты в это не поверил. Ты и Сечавех, сражающиеся за галактический рекорд, политические параноики.

— Тогда почему? — тихо спрашивает Затар.

— Потому что я управлял Бракси и пытался делать это хорошо. Я увидел в тебе что-то, чего недостает большинству из нас — способность понять, что думает и чего хочет население. Простолюдины. Мы не можем управлять, если наши подданные не позволят собой управлять. Именно в этом был неправ Винир. Он пользовался огромным влиянием в Совете, но за его пределами был никем. Этого хватало раньше. Но сейчас осталось только пять десятков с хвостиком кайм'эра и влияния только среди нас недостаточно. А теперь скажи мне: если тебе завтра потребуется революция, ты можешь ее организовать?

Какое-то время Затар сидит неподвижно, как ледяная глыба, и раздумывает над вопросом.

Постепенно на его лице проявляется легкая улыбка.

— Я не знаю насчет революции, — приборившись, говорит он. — Может, кое-что на Йерренском фронте — планета или две, тут и там — и конечно у меня есть шесть или семь талонов на Военной Границе.

— Это все?

— Не совсем.

— Почему-то я думал, что ты не зря потратил эти годы, участвуя в военных действиях, — одобрительно кивает Йирил. — А гражданское население?

— Возможно. Но гражданская революция не имеет смысла. Ее всегда подавляют военные, разрушают планеты за подстрекательство... Ты сам знаешь.

— Разумно, — Йирил делает паузу. — Ну? Ты можешь это сделать?

— К завтрашнему дню?

— Через жент?

— Три.

Йирил кивает, оценив ответ, он догадывался об этом, но масштабность замысла все равно впечатляет.

— Ты врал нам всем.

— Разве ты ждал иного? — иронично спрашивает Затар.

— Вся эта чушь о революции изнутри!

— Остальные верили. Сечавех верил. Кайм'эра так привязаны к своему маленькому мирку игр во власть и мелкого пощипывания, что забывают: другие превышают нас количественно в миллиарды раз. Нашу власть всегда обеспечивали только сила и преданность военных, и их готовность действовать без колебаний. Кайм'эра никогда даже не думали, что случится, если флот обернется против них.

— А флот обернется?

— В нужный момент.

Затар вдруг замолкает. Йирил внимательно смотрит на него.

— Дело в ней? — спрашивает он. — Именно это тебя сдерживает?

— Чушь! — быстро отвечает Затар. — У меня есть планы...

— А твои планы допускали такой ранний приход чумы? Или такую ужасающую эпидемию? Нет, я думаю, что нет. Какой бы график у тебя ни был приготовлен раньше, его

нужно переделать в пользу немедленных действий. Что касается кайрта, я понимаю, как...

— Дело не в этом, — перебивает Затар.

— Нет? — Йирил изучающе смотрит на Затара, затем мягко спрашивает: — Так в чем, Затар? В женщине? В силе, которую она представляет?

— Это одно и то же, — молодой кайм'эра отворачивается, не уверенный, что контролирует собственные чувства. Почему это приносит ему такую боль? Должно быть, разочарование, досада охотника, увидевшего, как дичь высвободилась из капкана... Но никак не боль, что разрывает его на части. И не печаль. — Я всегда знал, что мне придется оставить флот, когда придет время. Я готов, уверяю тебя.

— Это хорошо, потому что время на самом деле пришло. Не только для тебя одного. Браксанский закон представляет проблему, поскольку запрещает вводить любой закон, касающийся кого-то лично. Тебе пришлось бы обходить его и я не сомневаюсь, что ты и планировал это. Но с помощью другого... ты можешь действовать сейчас и в рамках закона. Разрушение нашей системы будет минимальным, преимущества для тебя очевидны. Я предлагаю свои услуги.

— Ты просишь доверия, — тихо говорит Затар.

— Ты просишь перемен, — откликается Йирил. — Давай начнем с тебя.

Это была веская и обоснованная просьба, но сама идея доверия идет вразрез с суутью браксанской философии.

— Я думал, что ты — великий традиционалист, — вкрадчиво произносит Затар.

— Да. Это сочетается с тем, что я хочу позвать Д'вру назад? Это обеспечивает нашему народу будущее? Ты когда-нибудь верил во всю эту чушь? У нас очень мало времени, чтобы установить власть перед тем, как информация о наших истинных потерях выплывет наружу и тогда, даже если мы удержим контроль над Холдингом, у нас остается столетие, самое большее, чтобы научиться... — Йирил запнулся.

— Переработать основы браксанской культуры, — закончил за него Затар. — И смириться с применением генетики.

— Ты сказал это, не я. По крайней мере, ограниченность и консерватизм мы не можем себе позволить. Я не всегда так

думал, учти. Но теперь думаю так. Но я не готов отстаивать свою позицию.

— Что изменило твою точку зрения?

Йирил задумчиво разливает вино по кубкам, чтобы чем-то занять руки и позволить себе помолчать. От крепкого вина его лицо приобрело подобие обычного оттенка.

— Я взглянул на тебя и увидел, что там, где когда-то был яростный и импульсивный юноша, оказался подходящий правитель для Бракси.

Лорд вручает Затару кубок. Двое мужчин долго, безмолвно смотрят друг на друга, темные глаза следят за собеседником осторожно и с любопытством, каждый пытается прочитать мысли, узнать мотивы другого. Наконец, Затар медленно кивает.

Йирил улыбается и поднимает кубок.

— Значит, за революцию?

— С твоей помощью, — принимая предложение, отвечает Затар. — За революцию!

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

«Тот, кто контролирует армию, контролирует трон».

Харкур

Верховный Светлейший Патриарх планеты Кейегга, находившейся под властью Бракси, покачал головой.

— Да, мы хотим обсудить эти проблемы, — твердо сказал он. — Но с вами — нет.

Смотревший на него браксан пришел в ярость, не столько от упрямства Патриарха, сколько от его очевидной веры в то, что такое поведение является абсолютно допустимым.

— Послушайте, я — представитель кайм'эра, они послали меня, чтобы решить эти проблемы. Я — официальный посол Холдинга.

— Вы — официальный посол кайм'эра, — поправил его Патриарх. — Однако вы не являетесь послом правителя Холдинга.

В отчаянии браксан еще раз повторил:

— Но в Холдинге нет единого правителя.

Патриарх задумчиво сцепил пальцы.

— Вы понимаете, что я хочу сотрудничать с вами в этом вопросе. Кейегга признает абсолютный суверенитет Бракси над своими землями и народом. Но о тарифах, о которых идет речь, я должен говорить с человеком, обладающим реальной властью, или с его представителем.

— Холдингом управляет группа людей, общее мнение которых — закон, — овладев собой, попытался еще раз объяснить посол. — Когда встала проблема Кейегги, кайм'эра обсудили возникшие вопросы и решили отправить посланника, чтобы помочь справиться с трудностями. Этот посланник — я, — он говорил медленно, как обычно делают люди, предполагающие, что если собеседник не понял сразу, то он или дурак, или плохо слышит. — Я представляю правящее большинство и они проголосовали за.

— Голосование — не существо, голосование — не человек. Голосование, уважаемый лорд, — величина относительная, она зависит от удачи и обстоятельств. Вы можете отвечать за мысли кайм'эра, когда они решали это вопрос? Можете ли вы утверждать, что завтра они не переменят решение? И, через день — опять, если им так заблагорассудится? Законы, регулирующие голосование и так очень сложны. Можете вы с уверенностью утверждать, что те, кто поддерживает Кейеггу всегда будут присутствовать на обсуждении нашего вопроса? Не можете. Никто не может гарантировать такое. Само собой разумеется, что мы требуем большей надежности?

— Подчиненные планеты не «требуют» ничего от Холдинга, — раздраженно бросил посол.

— Они требуют, если им присвоен статус адвоката — полностью добровольное подчинение, когда не проявлялось нежелания сотрудничать, при условии мгновенной ассимиляции — я цитирую закон о завоеваниях. Хотите назову параграф?

— В этом нет необходимости, — рявкнул посол. — Я прекрасно понимаю разделение по классам, и знаю, чего вы добиваетесь. Значит, это ваше последнее слово?

Патриарх кивнул с неколебимым спокойствием.

— Передайте кайм'эра, что мы с радостью примем посланника их руководителя и намерены решить вопрос с та-

рифами так, чтобы удовлетворить запросы обеих сторон, отдавая дань уважения Бракси и учитывая статус нашей планеты.

Браксан нахмурился, но кивнул, развернулся и быстро покинул помещение. И только оставшись в одиночестве, Патриарх показался менее внушительным, и возможно, менее уверенным в себе. Он медленно подошел к одной из сторон висящего в воздухе зала для аудиенций в так называемом «парящем» дворце, отданном кейегганским особам королевской крови, и посмотрел вниз на свой мир и свой народ.

— Правильно ли я поступил? — спросил он вслух. Патриарх вспомнил импульсивного молодого браксана, который много лет назад нашел его.

— Бракси придет сюда, — предупредил браксан Патриарха. — И ее мощь повернется против вашей независимости. Ограниченная технология Кейегги не сможет этому противостоять. Если вы будете сопротивляться, то навлечет на себя страшные разрушения и, не исключено, что и порабощение Кейегги. Но если вы решите покориться и сделаете это вполне определенным образом, то можете спасти свой народ от страданий и даже частично сохранить автономию.

Патриарх думал над этим долго и напряженно. Молодой человек показал ему карты и планы сражений и наконец абсолютный правитель гордой планеты согласился, что да, у них очень мало шансов предотвратить захватнические действия Бракси, и цена, если они все-таки попытаются, будет слишком высокой. Наконец Патриарх согласился подчиниться. Молодой лорд — его звали Затар — советовал Патриарху, какие хитрые дипломатические маневры использовать, чтобы не попасть в загребушие лапы жадных кайм'эра и командующих армией, которые предпочли бы завоевать Кейеггу и разграбить, чем допустить мирную ассимиляцию.

Его народ процветал. Все вышло гораздо удачнее, в этом Патриарх не сомневался, чем если бы Бракси сломила их систему в случае отказа подчиниться. Да, Кейегга многим обязана лорду Затару и Патриарх обещал отплатить за услугу, если когда-то у него появится такая возможность. И теперь, очевидно, время пришло. «Сопровствляйся этим кайм'эра, — сказал Затар. — И твердо стой на своем, требуя своих прав! Тебя не покорят. Поверь мне».

Поверить браксану? Патриарх вздохнул. Ну, этот, во всяком случае, выглядит лучше большинства браксанов, поэтому у Кейегги есть шанс. Но в душе Патриарха росли сомнения, он робел, слыша, как шаттл посла взлетает с посадочной площадки перед дворцом.

* * *

— Я хочу нарушить мир.

Молчание.

— Чума ослабила их, Торжа. Если мы предпримем наступление сейчас, когда они меньше всего ожидают, мы можем нанести им значительный урон!

Молчание. Затем Торжа тихо произносит:

— Это приходило мне в голову, Анжа.

* * *

Наконец, офицеры Военной Границы собрались все вместе. Во главе стола сидел Херек, по обеим сторонам от него — его заместители и капитан подразделения истребителей. Каждый командир привел с собой тот же набор подчиненных, и таким образом переговорная комната, несмотря на большой размер, оказалась битком набита людьми.

Херек поднялся со своего места.

— Командиры Великой Войны! — обратился он к офицерам. — Во-первых: разрешите мне поблагодарить вас за то, что пришли. Мое соединение получило задание, которое касается вас всех. Нас просят перебраться в мирную систему и провести акцию против одной из планет Холдинга. Не для того, чтобы подавить зарождающееся восстание, — пояснил он. — Не для того, чтобы отомстить за какое-то зло, совершенное против наших правителей, нашей расы или нашего флота.

Все перечисленное считалось законными основаниями для проведения боевых действий, и Херек не хотел, чтобы собравшиеся поняли его превратно. Они должны знать правду.

— Кейегга под Бракси является авокуром Холдинга; это добровольно вступивший в Холдинг субъект, который следует защищать от военного и политического насилия, — про-

должил Херек. — Во время последней размолвки с теми, кто готов уничтожить их экономику, кейегганцы попросили нас поговорить с браксинским правителем. А если точнее, с главой Холдинга — или его представителем.

После этого заявления последовали смешки, но быстро стихли.

— Но главы у Холдинга нет, — заметил один из командующих.

— Вот именно. Поэтому кейегганцы отказались обсуждать решение вопроса, и нам приказали разобраться с этим делом. Командиры... — он сделал глубокий вдох, собираясь с силами. — Я не намерен начинать действия против Кейегги.

Публика начала роптать — недоверие, тревога, конфронтация. Тем не менее, когда Херек внимательным взглядом обвел людей, уставившихся на него во все глаза, то обнаружил, что некоторые из них спокойны и задумчивы. Их это заявление не удивило, по крайней мере, не больше, чем его самого недавно. Недовольство уже долгое время нарастало среди офицеров Границы. «И как это использовать?» — думал Херек.

— Послушайте меня, друзья, — попытался объяснить он. — Судьба предоставила нам шанс, который, может, никогда больше не представится. Кейегга выступила с требованием в рамках прав адвоката; и Бракси должна или уничтожить планету, или удовлетворить ее требование. Что случится, если мы поступим, как нам приказано? Кейегга падет, другие адвокаты задрожат и жизнь покатится своим обычным чередом. Мы продолжим работать на группу людей, которые не могут объединиться ради единой цели, и, таким образом, пострадает Война. Люди, что отдают нам приказы, сами никогда не появляются здесь — нет, их браксанская кожа слишком бела для того, чтоб ее подпалили — но они загонят нас в угол, или похоронят под нагромождением административной шелухи, пока спорят между собой над тем, кто заслуживает большей прибыли за то, что делаем мы.

Херек наклонился вперед, его глаза горели.

— У нас есть возможность все изменить. Подумайте: что случится, если мы не пойдем против Кейегги, как нам приказано? Сила Холдинга всегда базировалась на его непреклонности, стремлении разрушить все, что стоит у него на

пути. Что случится, если эта сила будет скомпрометирована? Бракси должна или принять требования кейегтианцев, или столкнуться с последствиями! И каковы эти требования? Они хотят, чтобы один человек стоял во главе Холдинга — а этого, не сомневаюсь, все мы желаем в итоге.

Это было для всех больным местом. Нынешняя система, спланированная так, чтобы способствовать конкуренции среди браксанов, сказывалась на военных. И по большей части эти люди были простолюдинами. Их культура никогда не чтит и не преклонялась перед олигархией кочевников, что в древности, во время становления Бракси, предпочитали примитивную сталь открытиям цивилизации. Браксинцы предпочитали иметь во главе абсолютного монарха, который объединит Бракси, а затем покорит Вселенную. Не было ни одного человека в зале, который не мечтал бы о времени, когда Имя предводителя может вдохновлять и оберегать в битве. Херек ясно видел это в глазах присутствующих и знал, что теперь может ими манипулировать.

— Командиры, мы ничем не рискуем! — возгласил он. — Если мы будем действовать сообща, просто откажемся идти в систему Кейегти, нас никто не сможет тронуть! Тот же самый закон, что защищает права адвоката, запрещает нам идти на такую планету, пока не возникло прямой угрозы Холдингу. А такой угрозы нет. Даже кайм'эра должны это понять. Мы будем оправданы.

— Остается только Смерть по Прихоти, — пробормотал кто-то.

— Нет, ее нет, — улыбнулся Херек.

Командир по имени Даров с недоумением посмотрел на него.

— Любой кайм'эра Холдинга имеет право подвергнуть смерти любое лицо, по любой причине, при условии, что это лицо не является представителем браксинского высшего класса. Имеется в виду браксаны, — Даров обвел взглядом собравшихся. — А большинство из нас таковыми не являются.

Поднялся жуткий шум. Херек прикрикнул на офицеров и заставил их замолчать:

— Командиры! Послушайте, что я вам скажу. Процитированный закон больше не действует! Или, правильнее будет сказать, существует, но не касается нас.

Эта поразительная новость заставила их замолчать.

— С каких это пор? — спросил один офицер.

— Что ты имеешь в виду? — уточнил другой.

— А вот что: какое-то время тому назад, совсем недавно, кайм'эра Затар ввел закон, в соответствии с которым командиры на Военной Границе являются неприкосновенными для Смерти по Прихоти. После долгих дебатов кайм'эра приняли этот закон. У меня есть копия... — Херек показал им копию эдикта и передал его по кругу. — Взгляните на него. В Холдинге есть только один человек, который на самом деле знает, что такое война. Он был здесь, среди нас, он рисковал своей головой вместе со всеми нами. Он знает, что нам нужно для победы. С тех пор, как он покинул Границу, он работал, пытаясь освободить нас от политики, что замедляет эффективность нашей работы. Вот это, командиры, является доказательством его работы. А сколько еще он сможет добиться, если система... будет, скажем так, упрощена?

Херек подождал, пока все не ознакомится с эдиктом. Он знал, какое потрясение они испытывают. Он сам его испытывал, когда впервые услышал это. Хотя ни одного командира приграничного флота никогда не казнили без веских оснований, все равно угроза существовала. Законы давали браксинцам ясно понять, что в глазах браксанов они — не больше, чем дерьмо, населяющее тысячу планет. Этот шаг Затара давал военным независимость, большинство из них никогда не знали ее. Это укрепляло их ощущение собственной значимости. И говорило о том, что один человек — один кайм'эра — ценит Войну выше, чем собственное удовольствие и прихоти.

Мудрено тут не удивиться!

— Вы видите, — наконец нарушил молчание Херек. — Судьба подбросила нам идеальное оружие. Путем простого бездействия мы заставим Холдинг действовать, без риска для нас самих. Кайм'эра консолидируют власть в одном человеке и мы узнаем ту войну, на которую вел когда-то войска сам Харкур.

— Они пошлют другие войска, — слышался протест из зала. — С Йерренского фронта, или тех, что охраняют границы с другой стороны владений Холдинга. Любой может справиться с одной планетой.

Херек довольно улыбнулся. Если они спорят о деталях, то главный вопрос уже решен.

— Йерренский флот никуда не сдвинется, — заверил он офицеров. — Флот с другой границы слишком далеко, чтобы сыграть какую-то роль в этом деле. К тому времени, как он доберется до Кейегги, Холдинг уже закачается.

— Ты точно знаешь, что флот не пошевелится? Тот фронт не славится героями, — заметил один из командиров.

— Флот не сдвинется с места, — подтвердил Херек. — Я получил эту информацию из достоверного источника.

Что могли сказать на это командиры? Им предлагали мечту — независимость, уважение. Им предлагали статус, которого не получал ни один простолюдин с тех пор, как власть захватили браксана. Все это — за простое бездействие. Что они могли сказать, кроме одного слова: «да»?

— Это будет Затар? — спросил кто-то. Только Затар был приемлемой кандидатурой, он участвовал в Войне. Рассказы о его подвигах внушили уважение этим людям, даже благоговейный трепет. И именно он давал им свободу. — Никто другой?

— Это будет Затар, — улыбнулся Херек. — Гарантирую.

* * *

— ...но это не наш стиль. Я имею в виду нарушать договор.

— Это не наша традиция — но должно ли это стать непреложным правилом? Торжа, они слабы. Они запутались. Внутри Холдинга возникла какая-то проблема и приграничный флот отказывается подчиняться приказам. Ты сама была командиром флота. Ты все понимаешь! Если система командования не функционирует должным образом...

— Я знаю. Но мы не можем этого сделать, Анжа.

— Это будет совершенно неожиданно.

— Да.

— Это даст нам большое преимущество, Торжа!

— Не сомневаюсь. Но есть вещи, которые мы просто не можем сделать. И это, как ни прискорбно, одна из них.

— Потому что это будет похоже на их обычные уловки?

— Потому что это будет тем, чего мы так старались избежать. Подумай об Основании, Анжа. Подумай, что это

означает. Шанс начать снова — шанс сделать все правильно, установить нашу систему ценностей. Национальная гордость азеанцев — одна из таких ценностей. Мы не можем от нее отказаться просто потому, что «момент удачный».

* * *

Принц оглядывал свои владения. На фоне золотистого неба, в долине внизу выделялся огромный город, раскрашенный оранжевыми полосами заката. С вершины горы принц видел далеко, до Ору-Хани на западе, и вдоль горной цепи на север и на юг. Повсюду в долинах росли тсамаки, вьющиеся по земле, они делали ее сочно-оранжевой и сладкий запах вялящихся плодов поднимался выше белого как молоко замка над плодородными равнинами. Вскоре плоды будут готовы к обработке, их концентрированный сок забродит и его смешают со смолой и наркотическими препаратами. И получится самое крепкое — и эффективное — вино, лучший сорт в Холдинге.

Но хотя принцу следовало бы радоваться, на душе у него было муторно. Этой весной поля атаковал новый паразит, и принц обратился к Бракси за помощью. Случившееся нельзя было назвать неожиданностью. На планету приезжали миллионы людей, причем приезжали и уезжали регулярно, и большая их часть появлялась, чтобы вкусить плодовых богатств, предлагаемых Седанкой-Мураам, и поэтому, наверняка, инопланетные насекомые и бактерии появлялись с туристами.

Но помощь пришла не сразу. Половина урожая была потеряна к тому времени, как приехали специалисты — непротистительная отсрочка, по мнению принца. И только недавно до него дошли слухи о причине, и хотя это были только слухи, они очень сильно его обеспокоили. Неужели частные войны кайм'эра на самом деле настолько ужасны, что они готовы саботировать лучшие тсамаки в Холдинге? Неужели есть человек, который преднамеренно сдерживал ксеноботаников так долго, чтобы любимый сорт вина браксанов исчез навечно? Кайм'эра Джанир вложил деньги в эти поля, а Кисил — в поля принца Отомы. Неужели правда, что разногласия между этими людьми оказались достаточной причиной, чтобы сделать Седанку-Мураам бесплодной?

Праведный гнев нахлынул на принца. В ночи над его головой светила звезда Кейегги, она только что проявилась на небе и принц посмотрел на нее. Эта планета потребовала соблюдения своих прав. И хотя кайм'эра угрожали ей, военные отказались вступать в дело. Неслыханно! Но такие вещи становились возможными... Не исключено, союзу принцев удастся чего-то добиться. И если в Холдинге появится истинный правитель, то наконец будет к кому обращаться за справедливостью, ни какой-нибудь подкаблучник кайм'эра.

«Да, — мрачно подумал принц. — Пришло время Седанке-Мураам сделать так, чтобы нас слышали. Поговорю-ка с остальными».

* * *

— Планеты поднимаются, одна за другой, протестуя против кажущейся анархии. Некоторые из них, несомненно, искренно желают «лучшего для Холдинга». Для остальных это вопрос экономики, политики, традиций... стабильная монархия пойдет на пользу каждой планете и колонии, которая теперь страдает от причуд и прихотей нынешнего режима, и они это знают. И приграничный флот не станет вмешиваться. Кайм'эра заставят действовать, это лишь дело времени. Более эффективное правительство, Торжа, означает более эффективную политику военных действий. Мы должны атаковать — мы должны остановить их...

— Но мы должны делать это в рамках системы, Анжа. Или мы вообще ничего не сможем сделать.

* * *

Ламос, командующий наземными силами, прибыл по указанному адресу. Вскоре после его прибытия дверь снова открылась и силуэт, который он хорошо помнил, появился в проеме.

— Ты хорошо выглядишь, — войдя, сказал ему Затар, используя речевой режим легкого веселья.

Ему и в самом деле стало забавно. Жизнь на Гарране не только заставила Ламоса сбросить лишний вес, но также дала попробовать и новые удовольствия, которые существовали

лишь там, где завоевывали и покоряли новые территории. Ламос стал другим человеком — человеком, которого больше не интересует только удовлетворение запросов плоти. Древняя браксанская кровь, которая текла в его жилах, несмотря на плохое начало наконец нашла удовлетворение в битве. Не в звездной Пустоте, где человек так погружен в управление машинами, что ему на самого себя просто не остается времени, а в реальных сражениях. Сражениях на поверхности планет. Меж кровью и грязью, насилием и грабежами Ламос наконец обрел себя.

— Я говорил, что кое-чем тебе обязан, — сказал он Затару. — Готов расплатиться по счету.

— Расскажи мне про свое влияние среди офицеров твоего флота.

— Все зависит от того, что тебе требуется. Командирам нравится, что среди них есть браксан — при условии, что он не угрожает их ценной неофициальной иерархии, сложившемуся порядку подчинения. Я кое-что сделал, чтобы облегчить им жизнь, и, когда придет время, они отдадут мне должное, не сомневайся. Так чего ты хочешь?

— Ты знаешь о деле Кейегги? — спросил Затар.

— Это означает, что за этим стоишь ты?

Годы могли научить Ламоса выглядеть и действовать, как браксан, но потребуются столетия, чтобы он понял, что есть такт.

— Твой флот призовут следующим, — не среагировал на провокацию Затар. — Дисциплинарная акция против Кейегги, и, может, еще нескольких планет.

— А-а, — произнес Ламос, затем, улыбаясь, спросил: — А какое отношение к этому имеет Курш?

— Курш?

— Нынешняя наша цель. Планета высоких технологий с пятью колониями, решительная и независимая... Ты, наверное, про нее слышал? — Ламос поразился, когда Затар замотал головой, да так резко, что трудно было поверить в его искренность. — Кайм'эра, со всем уважением к тебе, у моего флота есть другие дела, более важные, чем выполнение роли межзвездной полиции на территории, к которой мы даже не приписаны. Мы планировали эту операцию с Куршем много жентов. Не могу представить, чтобы кто-то от нее отказался.

И ради чего? Чтобы шлепнуть по слабеньким ручонкам, тянущимся к Холдингу? Знаешь ли, мы не приграничный флот.

— Ты гарантируешь это? — спокойно спросил Затар.

— Конечно, — глаза Ламоса заблестели. — За определенную цену.

Кайм'эра поднял одну руку и показал кольцо, сидящее на указательном пальце.

— Планета, — Затар снял драгоценность, предлагая ее Ламосу. — Симпатичная планетка, недвижимость как раз рядом с Военной Границей. Ты, вероятно, с ней знаком. Я внес кое-какие улучшения, — добавил Затар.

— Я навсегда покинул эту часть Холдинга, — Ламос взял кольцо. — Но, несомненно, планетка ценна в коммерческом плане. Я прослежу за местонахождением своего флота, — поклонился он Затару.

* * *

(Честь нации — равно гордость нации. Давайте никогда не нападать исподтишка, как делали мучители наших предков, говорить слова, только чтобы потом оправдать их действиями. Давайте встретим наше будущее с национальной гордостью, которая станет священной, поэтому независимо от искушения, независимо от цены мы сами никогда не уподобимся нашим мучителям, и наше общество да не уподобится их обществу!)

* * *

— У нас нет выбора, — официально заявил Йирил. — И что более важно, у нас нет времени. Кайм'эра, мы спорим уже много дней — и с каждым днем Холдинг становится слабее, его власть и его имидж. Есть только один путь, открытый нам, и очень мало вариантов, из которых можно выбирать. Поэтому ради блага Бисалоса я намерен требовать немедленного решения этого вопроса. Если хотите, можете голосовать за разрушение, но вы должны сознавать, что делаете. Кайм'эра, руководствуясь своим правом кайм'эра Бисалоанского Холдинга под Бракси/Алдоусом, я представ-

ляю следующий вопрос на обсуждение: кайм'эрат должен выбрать из своих рядов одного человека, который станет действовать как номинальный правитель Холдинга, и этот человек должен получить реальную власть, чтобы он мог в этой роли действовать по-настоящему эффективно. Учитывая настоятельную необходимость в таком человеке, мы должны сделать это безотлагательно. На эту роль я предлагаю Затара, сына Винира и К'сивы, и признаю, что он — единственный среди нас, кто способен немедленно навести порядок в Холдинге, причем без особого ущерба.

Установилась тишина, Затар поднялся и, как того требовала традиция, покинул Зал. И тут же начались споры, и очень жаркие.

Хотя вопрос, по правде говоря, был надуманным.

* * *

Анжа стояла одна в куполе для наблюдения. Она послала гневный ментальный импульс к звездам. «Я потеряла его!» Она скользнула ментальным щупом по планете и прошла сквозь нее, потом ее ментальный щуп пронесся мимо полудюжины кораблей-разведчиков и вошел в мыслительные потоки какой-то колонии. Ее поиски напоминали желание раненого воина успокоиться, созерцая несчастья других. «Мы были так близки к победе! Мы могли выиграть эту проклятую войну! — и наконец, самая главная боль: — Теперь я никогда до него не доберусь. Его привяжут к Бракси цепями...» Анжа проплыла сквозь множество сознаний, подслушивая мысли одного и затем переходя к другому. Так далеко впечатления были туманными, но само действие успокаивало, словно напоминало ей, что другие тоже страдают, другие тоже знали потери и горечь отчаяния. Инстинктивно Анжа стремилась к более знакомым сознаниям, людям, ментальное состояние которых в тот момент походило на ее собственное. Она вчитывалась в их сознание — и это ее тревожило.

«...потерян для меня навсегда, мой любимый... Как бы мне хотелось вернуть тебя к жизни!»

«...пустота, и боль, и страстное желание... Я все еще хочу, но только тебя...»

«...когда пара расходится, что остается? Ради чего жить?»

Потрясенная Анжа убрала свой ментальный шуп из этой незнакомой области и ограничила свои мысли только собой. Она боялась повторить попытку. Что это значит — мысли, которые притягивали Анжу, не руководствовались амбициями или досадой на проигрыш, а говорили о разрушенной связи с любимым? Она так долго жила со своей навязчивой идеей, что прекратила о ней задумываться. Азеанцы заключают союз на всю жизнь, неужто и с Анжой это произошло? Неужели один-единственный азеанский инстинкт в конце концов все-таки оказался в ней истинным? Проявился нормально, как у обычных азеанцев? Хаша! Если дело обстоит именно так...

— Я подумал, что ты можешь быть здесь, — проговорили за спиной.

Анжа обернулась.

— Тау! Ты меня напугал, — слеза катилась по щеке, женщина быстро вытерла ее. Руки у нее сильно дрожали. — Я пыталась убедить себя, что невозможно иначе. Но я не смогла, — негодование вновь накатило на Анжу. — В любом случае, что они о себе возомнили? Я годами служила им, а они связывают мне руки на пороге триумфа! Они и их проклятая честь... Я могла бы закончить Войну!

— Они — твой народ, — тихо сказал Тау.

— Нет у меня никакого народа, — с горечью ответила Анжа. — Несколько человек здесь и Торжа. Может быть, Торжа. Но Азеа? — вся ее боль хлынула наружу, прошлая жизнь вдруг стала бессмысленной. — Мы могли выиграть, — она грустно засмеялась. — У Затара новый титул — притиера. Знаешь, что это означает? Происходит от слов «прише» — «то, чего ждали» и «тиера» — «тот, кто правит». При чем корень в названии медленно действующего яда и в названии этого титула один и тот же. Очень подходит, не правда ли?

— Все равно еще остались способы сражаться, — сказал доктор.

— Я думала об этом. Я просмотрела все свои альтернативы и каждая из них означает государственную измену. Тау, я предана очень малому количеству людей. Торжа эр Литз — одна из них. Она поверила в меня, когда не верил никто, и рисковала собственной репутацией, чтобы отправить меня на

Границу. Я не могу предать ее, независимо оттого, как сильно мне этого хочется. Да и большая часть экипажа за мной не пойдет. Они верят в меня, но служба Азее важнее. Они готовы нарушать устав и установленные правила, но не станут нарушать все. А одна я это сделать не могу.

— Совсем необязательно одна, — Тау был напряжен, не меньше самой Анжи. — Ты права насчет большинства экипажа, и поэтому — самого корабля. И определенно права насчет Азеи. Мир продлится до тех пор, пока Бракси не консолидирует власть, а затем может оказаться слишком поздно. Война больше не служит твоей цели, — тихо сказал ей Тау. — Возможно, ей послужит другое.

— Я никогда не ожидала услышать от тебя... — пробормотала Анжа.

— Ты забываешь, откуда я пришел! Ты забываешь, что прежде чем оказаться приписанным к тебе, я отказался от жизни. Я согласился служить тебе, потому что верил: ты сломишь Холдинг. Я до сих пор верю в это. Я и еще несколько человек. Твои экстрасенсы преданы не Империи — они преданы только тебе. Выбирай план действий, Анжа, и найдутся те, кто последуют за тобой.

— Это уже обсуждалось? — с вызовом бросила она.

— Не раз.

— Никогда в моем присутствии.

— Цена телепатии. Люди предполагают, что ты и так узнаешь.

Удобная ложь. Правда заключалась в том, что если бы она когда-либо слышала такие вещи, то посчитала бы их государственной изменой. До этой минуты.

Анжа посмотрела на звезды. Есть ли способ? Не добравшись до Затара, это больше не было желанной целью, и если Анжа будет за нее держаться, то она разрушит ее. Каждое намерение командира звездного флота был сосредоточен на Затаре, и теперь Анжа ощущала боль потери. Но Бракси все еще можно разрушить. Не руками Звездного Контроля. Азеа лишилась этого, когда Анжу заставили подписать последний договор. Но, не исключено, что собственными усилиями командира.

— Дай мне время, — пробормотала она. Она воспринимала, как должное, что Бракси падет перед «Завоевателем»;

теперь ей следовало отбросить эту мысль, как и многие другие. Что она может сделать, дабы сломить Холдинг — что может сделать группа людей, дабы самую великую нацию воинов победить?

«Будет достаточно, Затар, если я разрушу эту нацию. У тебя есть твой народ, и живи, чтобы им править. У меня народа нет. И за исключением разрушения Бракси, цели у меня тоже нет. Только ты...»

Она потрясла головой, пытаясь отделаться от этой мысли. Но жажда была столь сильна, что ей долго придется терпеть ее.

«Я сфокусируюсь на Бракси, — пообещала себе Анжа. — Должен быть способ...»

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

«Самый сильный враг человека — это его собственный страх».

Харкур

Феран быстро проходил по эротическим залам. Теперь экспонаты не интересовали его; он видел их раньше, много раз, и снова готов ими наслаждаться. Новые экспонаты привозили каждый день, со всех уголков Холдинга, поэтому даже прогулка по знакомым коридорам открывала неведомые богатства. Но на этот раз... нет, он не позволит ничему себя отвлечь. На эту встречу телепат не смел опаздывать и ему требовалось привести в порядок мысли к тому времени, как он прибудет на место.

На первый взгляд все было в порядке. Затар пригласил его перекусить в ресторане, довольно обычная просьба. Они и раньше встречались при подобных обстоятельствах; в тесно переплетенном обществе Курата общения было не избегать. Один раз Феран даже гордился собой за то, что набрался смелости и принимал кайм'эру у себя в Доме, и искренне получал удовольствие от этого. Но это происходило до чумы — до того, как Затар заставил Ферана выступить против нее и наблюдал за их взаимоотношениями, а его темные глаза выискивали тайны. Все страхи вернулись в тот день, от первого ужасного видения, которое Феран разделил с

девочкой Анжой, до паранойи, когда Феран боролся, пытаясь ассимилироваться в браксинскую культуру.

Он заставлял себя рассуждать логично и проанализировать источник своей нервозности. Зачем Затару этим заниматься? Он теперь стал притиерой — самым притиерой! — и его время очень ценится. Зачем тратить его на встречу с человеком, который ни помочь, ни противостоять правителю не может? И почему именно здесь? Единственной причиной, которую мог придумать Феран, было желание увидеться на нейтральной территории, и поэтому притиера не назначил встречу ни в одном из их Домов. Это, конечно, само по себе беспокоило. И последнее: почему он попросил о встрече в дальнем углу сектора браксаны? Следуя полученным инструкциям, Феран оказался в незнакомом месте. Он посмотрел на указатели, завернул еще раз и... Остановился. Ошеломленный.

«Шемар», — гласила табличка. Ну, конечно. Феран понял, что однажды заходил сюда — когда впервые оказался на Бракси. Это было крыло, посвященное самому запрещенному удовольствию из всех — образу такому угрожающему, табу такому абсолютному, что ему должно отводиться особое место в этой коллекции человеческих прихотей. В стороне, вдали от центра, где мужчина сможет в уединении изучать этих женщин — и свое собственное желание. Консервативные (и невежественные) никогда не признают, что эти женщины, проклинаемые всей браксинской традицией, обладают сексуальным очарованием, против которого не могут устоять некоторые мужчины. Но это так.

У входа появилась новая статуя, простая, вырезанная из обсидиана, которую могли бы создать в другую эпоху, до эры высоких технологий. Простая... но эффектная. Феран шагнул к ней; его притягивала эстетическая сила, статуя очаровала его и он не мог ничего с собой поделать.

Это была она, Анжа лиу Митете, образ ее, переданный в вулканическом стекле такой, какой Феран знал ее в жизни. Тот же самый повелительный наклон головы, рука приподнята, отдавая приказ — так она вероятно держится на борту «Завоевателя»... Статуя была работой гения, который уловил суть женщины, ее силу, словно стекло ожило. Силу компрометировал только золотой браслет, украшавший ее поднятую руку, объявляя о том, что это — рабыня.

— Тебе нравится?

Феран напрягся при звуке этого голоса, но не мог оторвать глаз от статуи. Анжа должна была добровольно подчиниться, символ этот — браслет — не мог значить иного. Тем не менее она все еще продолжает командовать. Какой мужчина может обладать ею, не победив ее дух, кто посмеет обладать ею и потом осмелится дать ей шанс снова заполучить власть?

— Великолепно, — выдохнул Феран.

— Спасибо, — Затар улынулся и подошел к Ферану; Затара определенно забавляла реакция Ферана. — Я заказал ее. Пошли?

Он указал в сторону зала. Феран, немного поколебавшись, вошел. Он рос среди людей, где женщины часто правили мужчинами, и ему было трудно понять навязчивую идею, на которую такие женщины вдохновляли мужчин. Но было также трудно остаться равнодушным перед силой видений этих мастеров. Со всех сторон правили шемар — сражались, падали, соблазняя зрителя против его воли, в образах, которые одновременно и приковывали к себе, и вызывали отвращение. Многие из моделей скульпторов были азеанскими, и это нервировало Ферана: некоторые были даже азеанками, которых он знал лично. Всех каким-то образом покорили, потому что дух шемар в конечном счете должен быть положен на алтарь Бледнолицых, что пожелали их, но никогда, за исключением неживого искусства, не должны удовлетворять такое желание — иначе они себя скомпрометируют.

Феран порадовался, когда они наконец добрались до ресторана. Он сразу же сел. Притиера с гораздо большей грациозностью устроился напротив него. До того, как оба успели произнести хоть слово, появилась официантка, и мужчины занялись выбором блюд. Как только официантка ушла, Затар включил звукоизоляцию.

— Я хочу совместить политику и удовольствие, — сказал он Ферану, — Если не возражаешь.

— Конечно, нет, — ответил Феран, раздумывая, к чему клонит Затар.

— Мое новое положение требует от меня определенных вещей, и также открывает возможности, которые раньше для

меня оставались закрытыми. Мне требуется кое-какая информация, Феран, и я считаю, что она у тебя есть. Я хочу пересмотреть кое-какие аспекты наших традиционных отношений с Азеей. Я надеялся, что ты, с твоим особым прошлым, мне поможешь.

На самом деле Феран боялся таких вопросов, потому что боялся предать самого себя, но ему было не выкрутиться.

— Я — твой слуга, притиера! — ответил он. И это было правдой. — Просто скажи, чем я могу тебе помочь, — Феран заставил себя рассмеяться. — Хотелось бы как-то конструктивно использовать все те напрасно потраченные годы.

Затар с любопытством посмотрел на него, приподняв бровь, но в это мгновение мигнул свет, предупреждая о приближении человека; секунду спустя официантка прошла звукоизоляционный барьер и подала им еду.

Когда она ушла, Затар вновь заговорил.

— Ну тогда, возможно, мы оба выиграем от этого, лорд Феран. Должен сказать: я очень благодарен тебе за то, что ты здесь, — затем он добавил с хитрой улыбкой: — Нам повезло, что Азеа послала тебя к нам.

Феран заставил себя взять кубок с вином и попробовал содержимое перед тем, как ответить.

— Я почему-то сомневаюсь, что все получилось так, как они хотели, — вымолвил он после паузы.

— Я буду говорить прямо. Мне требуется следующее: непредвзятый рассказ об экстрасенсорной деятельности в Империи.

— Что заставляет тебя думать, будто я знаю о таких вещах? — Феран так поразился, что чуть не разлил вино.

— Я всегда подозревал, что тип секретности, который, как мы предполагаем, окружает экстрасенсорный мир, — это наше собственное изобретение, и азеанцы в целом гораздо более знакомы с телепатическими навыками, чем говорят. В конце концов, более тысячи лет тому назад было доказано, что эта сила существует. Разве к этому времени знания не дошли до простых людей?

Феран кивнул медленно и осторожно.

— Они открыто об этом говорят, — сообщил он.

— Так я и думал. Феран, ты знаешь про телепатов. Независимо оттого, как сильно ты был изолирован от простых

людей, ты все равно жил среди врагов значительную часть своей жизни, — Затар вздохнул. — Обстоятельства вскоре заставят меня принимать решения, какие никогда не приходилось рассматривать ни одному браксинскому монарху, и мне для работы требуются факты. Мы больше не можем просто игнорировать экстрасенсорную проблему. Телепатический контакт происходит мгновенно, для него не требуется никаких передаточных станций или искусственных приспособлений для работы... И его эффективность в войне командир звездного флота лиу Митете показала во всей красе. Глупо прятаться за ширмой первобытных предрассудков и игнорировать последствия такого вмешательства — возможно, даже смертельно. Мне нужна твоя помощь.

— Ты думаешь о том, чтобы допустить экстрасенсорную деятельность в Холдинге? — Феран был поставлен в тупик.

— Я думаю использовать ее. В этом разница. Мы не можем сделать то, что сделали наши враги, но можем ли мы и дальше игнорировать такое ослабление нашей политики? — лорд задумчиво потягивал вино. — Чтобы использовать телепатию, нам нужно ее контролировать — а это требует понимания. И вот тут мне понадобится твоя помощь.

Феран не знал, как ответить, и был уверен, что притиера заметил его смущение.

— Что я смогу сделать — сделаю, — выдавил он с усилием. — Но я знаю слишком мало.

— Я хочу услышать все, что ты знаешь, — Затар говорил в торжествующем речевом режиме. Но почему? — Для начала меня интересует ранговая система, придуманная Институтом. В особенности, в чем разница между телепатом и зондом?

У Ферана глаза чуть не выпрыгнули на лоб. Он попытался не выдать своего испуга. «Затар все знает!» — с ужасом подумал он.

— Я... на самом деле я не понимаю, притиера, — держать себя в руках было невыносимо сложно.

— Попытайся, — темные глаза требовали подчиниться. Властный тон — тем более. — Расскажи мне, что ты слышал.

Феран притворно увлекся едой, пытаясь привести мысли в порядок. Сколько может знать не-экстрасенс? Сколько может вспомнить он сам, наполовину браксинец, а наполовину азеанец после стольких лет?

— Мне кажется, что разница в... абстрактном мышлении, — произнес он робко.

Феран замолчал. Затар — тоже безмолвствовал. Чувствуя себя несчастным, Феран продолжил.

— Поскольку люди не развивают никаких экстрасенсорных способностей, пока не прошло много времени после пробуждения других чувств, существует тенденция переводить экстрасенсорность в какой-то другой формат, — это слишком много? Нет, это известно всем. Он вполне может знать такие вещи. — Зонды... — Феран помолчал. — Им это не требуется.

— Абстрактные возможности имеют только экстрасенсы?

— Нет. В некоторой степени зондам они тоже требуются. Зонд — большая редкость, но они все-таки встречаются в обществе. Просто, когда в человеке объединяются две способности... получается зонд.

— А как происходит переход в другой формат?

— Я не уверен, притиера.

— Поделись со мной своими догадками.

— Ну, насколько я это понимаю, если бы я... если человек пошлет мысль другому человеку, последний, ну, скажем, услышит голос, увидит картинку; в целом получит посланное в каком-то знакомом сенсорном формате. Точно также и отправитель использует такие образы, что послать картинку.

— А зондам такое не требуется?

— Я не знаю, притиера. Прости. Мне кажется, что это и есть разница, но я не уверен. Это было слишком давно.

— Несомненно давно, — ответил Затар и в его голосе прозвучало что-то, что совсем не понравилось Ферану. — Больше всего меня беспокоит угроза нарушения ментального личного пространства. Если быть более точным, то психологическая обработка, которую применяет Институт.

— Требуется большое мастерство, чтобы читать мысли человека, которые он не хочет открывать, — это Феран сказал без труда: такой была пропаганда Института. — А телепатия не дает человеку возможности «контролировать» другого. Что касается психологической обработки... — Феран пытался что-то вспомнить, как ему пришлось бы делать, если бы он был не-экстрасенсом в Империи. — Думаю, что это может сделать только зонд.

— Почему? — осведомился Затар.

«А почему ты предполагаешь, что я столько знаю?» — подумал с горечью Феран. Ему хотелось не отвечать, но он не смел и знал, что если будет врать, ссылаясь на незнание, внимательный браксан заметит обман. А это опасно.

— Я так понимаю — и это может быть неправильно, притиера. Я никогда не изучал подобные вещи. Если мысленный образ вводится в твое сознание, то последует определенный результат, но получатся и побочные эффекты. Что этот самый образ значит для тебя? Что он может значить для зонда? Все это добавляется к передаче, тип ментального дополнительного потока, и влияет на психологическую обработку.

— Значит, поскольку зонд способен работать без поддерживающих образов — ну, скажем, чистой мыслью — он может оставаться в безопасности от разума незнакомца и изменить модели его мышления.

«Откуда ты столько знаешь?» — задумался Феран. Но услышав это, он также почувствовал облегчение. Если браксан-традиционалист понимает так много в экстрасенсорном мире, наверное, допустимо, что он и сам может столько о нем знать. Феран несколько успокоился.

— Я так это понимаю, — добавил он.

Какое-то время они ели молча, притиера оставался задумчивым, а Феран не горел желанием заново начинать разговор. После долгого молчания Затар снова заговорил.

— Как мне кажется, ограниченная экстрасенсорная сила сама по себе не является ужасной, — бросил он с невинным видом.

Феран старался не выдать своего напряжения.

— Я понимаю.

— Я рад это слышать, — резко поднял голову Затар.

И снова Феран почувствовал какой-то неприятный подтекст, «второе дно». Мгновение он сожалел о том, что его талант бездействует, и он не в силах понять источник этого подводного течения, затем в ужасе отогнал эту мысль.

— Конечно, истинную телепатию мы никогда терпеть не станем, — продолжал Затар. — А судя по тому, что ты сказал мне о зондах, они — опасные существа, и я в этом вопросе поддерживаю традицию. Но может найтись несколько вещей, с которыми я бы поработал... — он встал. — Ну, спаси-

бо! Ты мне очень помог, Феран! И я это ценю. Ты доставишь мне удовольствие и придешь ко мне в Дом на четвертый день жента? Я пригласил на вечер нескольких гостей и буду рад, если ты к нам присоединишься.

— Как я могу отказать? — с радостью согласился Феран. «Как, в самом деле?». — Это честь для меня.

— Отлично. Ньен сообщит тебе точное время. Я с нетерпением буду ждать, Феран.

«Хотелось бы мне, чтобы и я ждал этого с таким же нетерпением», — мрачно подумал бывший зонд.

* * *

«Он знает».

Эта мысль пришла среди ночи и разбудила Ферана, ужасная уверенность, что тайна, которая обеспечивала ему выживание, больше не является тайной. Как? Почему? И что он может сделать для своего спасения?

* * *

Больше всего Ферана вывело из равновесия случившееся после ужина на четвертый день жента. Хотя Феран чувствовал себя не в своей тарелке среди могущественных кайм'эра, то есть среди остальных гостей, Феран поверил, что приглашение было искренним и никоим образом не связано с подозрениями лорда Затара относительно роли Ферана в Азее. Или, по крайней мере, Феран так думал, пока не начались развлечения.

— Моя позтесса, — просто представил Затар. — Как я понимаю, вы все знакомы с ее работами?

Так и было, хотя Феран и не слышал ее выступлений уже много лет. Ланст'ва была самой обычной женщиной, простолюдинкой, но любовь к искусству делала ее почти красивой во время выступления. Она подождала, пока все утихнет, и начала выступление:

Что это за мысли, которые я смею называть собственными?
Что за уединение, если я защищаю убежище?
Как смею я прикрыть мое намерение в ритуалах молчания
И вдохновить вторжение, которого жду?

Комбинация речевых режимов, какие она использовала, находилась за пределами понимания Ферана, потому что они так быстро менялись и служили больше для украшения, чем для точности. Но что-то в ее речи беспокоило его, что-то, стоявшее за быстрым монотонным течением слов и темным привкусом поэзии. Что-то, что целилось прямо в него, именно в него.

*Это бастион моей души, который я укрепила копьями
Против врага, форма его — огонь.
И я протягиваю вперед руку, бросая вызов,
В то время, как сила врага проникает в самую кровь мою.*

«Мне это не нравится», — подумал Феран.

*Какие мысли мои, а какие — страх другого?
Крепость моей надежды невысока, барьеры покинуты.
Моя рука захвачена ветрами движения,
Незнакомыми моей душе,
Враг пролетает мимо, уходит, остается...*

Феран заставил свое сознание выбраться из капкана слов поэтессы. «Какой-то тайный смысл в них, — сказал он себе. — Когда знаешь все режимы — а я их не знаю — рассказ получается иным. Он должен быть другим!»

Он заставил себя подумать о других вещах. (Если он не станет обращать внимание на поэтессу, ее слова все равно на него действуют или нет?). О таких, например, как статуя Анжи лиу, что помещена в музей. Самая темная тайна его жизни, необходимо ею поделиться с кем-то, но мешает страх, что он сделает это. Чувство вины и страдание.

Что-то заставило Ферана посмотреть на Затара. Притиера наблюдал за ним.

«Зачем ты делаешь это со мной?» — подумал Феран. Мысли его не обладали силой, чтобы преодолеть расстояние между ними. Но когда-то все было иначе. Когда-то Феран с легкостью мог бы получить ответ из сознания притиеры, и сам Затар этого не осознал бы. Теперь же Феран ограничен словами и уязвим.

Он напустил на лицо соответствующее выражение — будто внимательно слушает — и повернулся, чтобы смотреть на поэтессу, но внутри пытался заблокировать ее слова и справиться с ощущением дискомфорта.

А Затар продолжал наблюдать за ним. С беспокойством и тревогой Феран понял это — и с определенностью, словно

смотрел на притиеру, встречал его взгляд, слышал слова, брошенные как вызов.

«Сила возвращается», — подумал Феран и ему стало холодно.

* * *

Кошмарные сны: Анжа лиу Митете кричит в темноте, разрывает его на куски, в то время как его руки, скрепленные тяжелыми наручниками, не могут остановить ее.

Феран проснулся в холодном поту. Лина лежала рядом, тепло устроившись на его плече. Она тоже проснулась.

— Мне только что приснился ужасный сон, — прошептала женщина. У Ферана перехватило дыхание. Он знал, что сейчас скажет Лина. — Меня разорвали на части...

Феран испугался.

* * *

Притиера снова его вызвал.

— Не надо так беспокоиться, — казалось, он издевается. — Ты ведешь себя так, словно думаешь, что я предъявлю тебе обвинение лишь за то, что ты знаешь о вещах, которых сам никогда не испытывал. (Поверхностное впечатление: «Ты никогда этого не испытывал... Не так ли?»)

Феран боролся с восприятием, с силой захлопывал дверь перед неестественными чувствами.

— От самого предмета разговора мне становится неуютно, притиера, — искренне сказал он.

— Ну значит, тебе с этим нужно смириться, — Затар пожал плечами.

«Я смирился! — подумал Феран. — И какое у тебя есть право лезть ко мне в душу, вытягивать это из меня? Выводить меня из равновесия настолько, что я теряю самоконтроль, который был моей единственной броней против браксинского гнева?»

Так, он дрожит. Лучше это прекратить, пока Затар не заметил.

— Что ты хочешь узнать? — с наигранной бодростью спросил Феран.

— Расскажи мне о телепатическом этикете.

— Просто обычай, как я понимаю. Сознание отдает... поверхностные мысли, типа бегущего комментария о вещах, которые волнуют исследуемого непосредственно в данный момент... Их легко ухватить, поскольку они выдаются в эфир. Предполагается, что телепат не станет тянуться ни за чем другим, если только его об этом специально не попросили.

— Так значит все-таки они беспокоятся о вторжении в личное пространство? Ты сказал «тянуться». Что это означает?

— Я не знаю, притиера, — Феран отчаянно врал.

— Ничего? Даже слухи до тебя не дошли?

Затар не примет отказа. Это очень опасная тема. Сколько не-экстрасенс может знать о таких вещах?

— Я могу рассказать тебе только то, что слышал. — Феран заставил себя рассмеяться. Звук показался пустым даже ему самому. — Тебе невдомек, что я могу и не знать подобных вещей?

«Разве?» — пришла мысль, шепот, вошедший в сознание Ферана без его сознательных усилий — он не тянулся за мыслью.

«Нет!».

— Конечно, нет, — тихо сказал притиера. — Но ты мне очень помог, Феран. Даже то небольшое, что ты помнишь, — гораздо больше, чем любой другой доступный источник. Тебе придется сыграть большую роль в любом решении, которое я приму в конце.

— А что это будет, по-твоему мнению?

Затар развеселился.

— Пока я не могу сказать. Еще о многом надо подумать. Но я скажу тебе вот что: я считаю традиционный браксинский страх перед телепатией обоснованным — это сила изменяет сознание человека. Как я сказал, экстрасенсов мы сможем терпеть — но элиту, телепатов и зондов — нет.

Слова отразили суть мыслей Ферана. Если бы Затар был экстрасенсом, то увидел бы это.

— Интересно, — удалось выдать из себя Ферану. — Но какова вероятность того, что экстрасенсорные гены пережили годы уничтожения?

— Ты сам мне говорил, что способности проявляются не сразу. Вполне допустимо, что единственные экстрасенсы,

которых мы убивали, были самыми слабыми и выдали себя? Они оказались неспособны скрыть свой талант.

— Сила может быть видна с рождения, — выпалил Феран.

— Институт так не считает, — парировал Затар.

Феран встретился взглядом с притиерой и заставил себя говорить ровным голосом.

— До меня доходили слухи, — тихо сказал он.

Просто слухи...

* * *

Ад неуправляемой планеты, потоки расплавленной породы прорываются сквозь страдающую землю и вылетают на поверхность, от них идет пар. Кровавый лед растапливается и куски падают в море, наполненное вопящими темными существами; куски оторванной плоти пойманы в засасывающую приливную волну, она бьется о берег, и земля взрывается ураганом...

— Лорд!

Лина трясла его за плечи. Феран схватился за ее руку и весь дрожал. Видение исчезло.

— Что случилось? — спросила она, испуганная тем, как он беспомощен.

Дрожь медленно проходила.

— Кошмар, — грудь Ферана сдавило от ужаса. Тревога вливалась в него через кончики пальцев Лины. Он резко вырвался. — Атака... просто стало страшно... ничего... Со мной все будет в порядке.

— Уверен? — она не хотела лезть к нему в душу, но хотела помочь.

— Уверен, — выдавил он. — Спи. Со мной все будет в порядке. Не беспокойся.

Темнота. Осознание себя рядом с ним — и женщина прижимается к его боку. Пустота и страх — не его собственные.

«Прости! — Прости! — Прости! Оставь меня в покое!».

Видения появились вновь.

* * *

Он идет по улицам Курата: мимо проходит женщина, ее беспокоит какое-то промедление, у другой сильное сексуальное

желание, очень отчетливо, она жаждет внимания. Мужчину раздражает какая-то сделка, другой планирует месть, третий предвкушает ужин. Беременная женщина, но про это она еще не знает. (О, Бисалос! Пожалуйста, не все разом!). Похоть. Голос. Поспешность. Измождение. Предвкушение. Беспокойство.

Дом Затара.

Феран приложил руку к пластине у двери и дверь открылась.

— Лорд Феран, — представился он.

Охранник кивнул.

— Вас ожидают, лорд. В...

— ...кабинете, я знаю. — Обеспокоенный собственной неосторожностью, Феран поспешно добавил: — Он уже сказал мне.

Охранник мысленно пожал плечами.

«Ар, я веду себя, как дилетант! Даже дети могут лучше отделять мысли от физического мира. Слушай голос, не усваивай ничего больше...»

Затар приветствовал его радостно, но не предложил вина. Алкоголь притупляет телепатическую чувствительность, поэтому Феран предпочел бы выпить.

— Рад, что ты смог прийти, лорд Феран, — вежливо сказал притиера.

«Он знает, он знает, он знает...»

— Я рад тебе служить, — поклонился телепат.

«Оставь меня в покое!».

Они сели. Затар пододвинул и включил записывающее устройство.

— Расскажи мне, что ты знаешь о дисциплинах.

«Ничего! Ничего! Что не-экстрасенс знает о таких вещах?».

— Я... на самом деле не знаю ничего, притиера, — ответил вслух Феран.

— Совсем ничего? — «Я тебе не верю». — Даже названия?

— Есть... дисциплина прикосновения, как мне кажется, — «Почему эта? Почему я себя мучаю?» — И... что-то влияющее на воспоминания...

— Дисциплина памяти, — подсказал Затар.

— Если ты знаешь, зачем спрашивать? — Феран был раздавлен, в его голосе появилась страдальческая нотка.

Затар, напротив, оставался спокоен и владел собой, даже улыбался.

— Не надо расстраиваться, Феран. Мне нужны кое-какие вещи, которые глубоко похоронены у тебя в памяти, скрытые годами браксинской жизни. Я пытаюсь подтолкнуть тебя, чтобы ты потянулся к этим вещам. Поскольку ты не экстрасенс, то ты не можешь полностью знать телепатический мир — я понимаю это — но ты мог достаточно слышать тут и там, чтобы помочь, если мне удастся подтолкнуть тебя к нужным воспоминаниям. Не волнуйся, лорд Феран, — в голосе его послышалось веселье. — Я не стану причинять тебе зло за то, что ты вспомнишь.

«Ты бы причинил мне такое зло, если бы все понял!».

— Я... не очень хорошо себя чувствую, притиера, — признался Феран. — Я думаю, что в этом и заключается проблема. Не могли бы мы это продолжить как-нибудь в другой раз?

Темные глаза лорда Затара остановились на нем, заглянули в тайники души. На мгновение, уставившись в глаза хищника, Феран потерялся. Ужас от воспоминания ребенка — Анжи — захлестнул его с головой. «Он смертоносен. Он хочет убить». Затем наваждение прошло и вернулось настоящее.

— Хорошо, — наконец сказал Затар. — Если ты думаешь, что это поможет.

«Ничего не поможет, кроме признания, но... я не смею! Почему ты травишь меня, Затар? Почему бы тебе просто не убить меня и не покончить с этим?».

— Спасибо, — сдавленно проговорил Феран. — Спасибо.

— Завтра?

Бархатные глаза, ненависть, голод...

— Завтра. Отлично.

— Будь осторожен, лорд Феран, — улыбка охотника, сущность охотника. — Надеюсь, ты будешь чувствовать себя лучше.

«Я тоже на это надеюсь» — напоследок подумал Феран.

* * *

Он скулил по ночам и не было никого, кто мог бы слышать. Он не смел спать рядом с женщиной, чтобы не делиться жуткими кошмарами и тем самым не выдать себя.

Анжа лиу манит его, заляпанный кровью ребенок с пустыми глазами и третьим глазом, выжженным у нее во лбу...

— Я ждала, Феран. Давай, присоединяйся ко мне...

«Разбудите меня, разбудите меня!».

Земля содрогается, гром потрясает небо. Куски камней падают вниз вокруг него, градины размером с кулак летят с небесвода и он лишь чудом остается невредим. Он бежит в ужасе и под ногами разверзается пропасть, выпуская горячий пар и серные языки пламени; они душат его, и Феран падает в сердце вулкана, падает и кричит, кричит...

* * *

Утром он шел по улицам, потрясенный, предпочитая поверхностные мысли незнакомцев неприятному зуду дурного предчувствия. Сколько человек из его Дома разделили его сон? Пятеро, может и больше. Все сегодня утром говорили об этом.

Его сила возвращается, но контроль не вернешь теперь, и это — болезненная, неизбежная реальность. Он — беспомощен в тисках силы, как и много лет назад, когда в пубертатный период юношеские сексуальные желания и телепатические способности сражались за его внимание и отголоски их склок разносились по всему Институту и дальше, к тем, кто был способен это уловить. Это были жуткие годы. Феран с трудом пережил их, и каждую ночь плакал в страхе и отчаянии и практиковал дисциплины, пока его сознание не стало бесчувственным, пытаясь выключить вещание во все стороны... Но почему те же дисциплины не срабатывают теперь?

«Прошло слишком много времени, — признал он. — Я давно не практиковался. Волшебства не бывает — навык, однажды освоенный, можно забыть. Я его забыл».

Феран знал решение, но оно пугало его. Придется заново научиться контролю, натренировать до автоматизма то, что он тренировал раньше, но делая скидку на чужеродные модели сознания, и вбивать это себе в голову, пока необходимая защита не станет легко срабатывать от простого запомненного им стимула.

«Но после того, как я начну процесс, я полностью сдамся, — думал Феран. — Вся чувствительность вернется ко мне, вся сила, которую я с таким трудом похоронил. Я снова стану телепатом. И того хуже... Ко мне вернутся воспоминания...»

В дальней части Курата Феран нашел женщину, которая ему понравилась и поверхностные мысли которой направлялись на более интимный контакт, чем позволяли улицы. Он немного успокоился, пригласил ее к себе в Дом, она с радостью приняла предложение. Возбуждение сияло вокруг нее, подобно свету маяка, и на мгновение Феран почти обрадовался пробуждению таланта.

Но когда он коснулся ее, она задрожала, а когда он попытался выпустить свои страхи в тепло ее плоти, она отшатнулась от него в ужасе.

«Дисциплина прикосновения», — умолял он. Едва вспоминаемый образ нахлынул и поглотил его. Феран снова дотронулся до женщины, чувствуя мягкость ее кожи под рукой и тепло руки на своем плече, резонирующее двойное удовольствие...

Она закричала и потеряла сознание. А когда пришла в себя, заплакала. Феран убил ее. Он должен был. С этого времени придется убивать, если он хочет получать удовольствие.

«Бисалос! — думал Феран, дрожа и не в силах что-либо сделать с этим. — Что мне придумать?!».

* * *

Упорно, но со страхом, Феран поднес руку к пластине у двери.

— Добро пожаловать, лорд Феран, — сказал охранник как всегда дружелюбно. — Притиера ждет вас в кабинете.

Феран медленно шел к кабинету. «Я выгляжу, как обреченный человек», — думал он.

Он отдастся на милость Затара. Или скорее признается в своей силе и попросит заключить себя в сумасшедший дом. У браксанов нет эквивалента милости и они с презрением относятся к сочувствию во всех проявлениях, но Затар поймет полезность иметь телепатического союзника и сохранит Ферану жизнь. Возможно. Но если Затар сам раскроет его секрет, то жизни зонд лишится. «Выбор между смертью и разрушением, — мрачно подумал он. — Но все равно это будет мой выбор».

Сердце сильно билось в груди, когда он постучал в дверь, объявляя о своем приходе.

Дверь открыл раб и поклонился, когда вошел Феран, затем удалился. Притиера удобно сидел в кресле и при виде Ферана кивнул.

— Лучше себя чувствуешь? — спросил он как ни в чем не бывало.

Феран сделал глубокий вдох, внутренне содрогаясь. «Подождать, пока не закончится предварительный обмен бессмысленными любезностями? Или сразу же поднять вопрос?». Внезапно он понял, что ему не хватает смелости.

— Садись, Феран. Ты выглядишь плохо, — притиера вновь использовал этот проклятый торжествующий подтекст, от которого слова словно кусаются.

«Он знает, — заверил себя Феран. — Ни один человек не стал бы себя так вести, если бы не знал».

Феран сел и наконец почувствовал себя уютно оттого, что ногам больше не нужно держать тело.

— У меня есть вопрос, притиера, относительно вещей, которые мы обсуждали, — начал он.

— Слушаю тебя, — Затар милостиво кивнул.

— Ты однажды сказал — или намекнул — что среди браксинцев все это время могли жить экстрасенсы, которых не обнаружили потому, что они научились скрывать свой секрет. — «Смелости мне!» — Что бы ты сделал с такими людьми?

— И снова ты меня торопишь, — покачал головой Затар. — Детали этого вопроса очень осложнены, и браксанское общество едва ли готово терпеть таких людей, несмотря на мое желание. Да, хоть я и правитель, мне нужно проявлять осторожность — слишком сильное пренебрежение традициями все еще способно покачнуть мой трон. Но позволь мне сказать тебе вот что: слабая экстрасенсорная способность, как я считаю, может быть направлена — нет, скажу иначе, — должна быть направлена в нужное русло. Если у наших врагов есть эта сила, Феран, то мы не можем себе позволить игнорировать ее. Менее слабых экстрасенсов можно терпеть, если наше общество будет должным образом подготовлено к принятию таковых. Однако я не надеюсь проконтролировать более сильный талант. Все, что я читал, каждое слово, которое ты говорил, убеждают меня в том, что они должны умереть, в соответствии с нашими традициями. Так я думаю сейчас. Я ответил на твой вопрос?

«Слишком ясно?» — подумал Феран.

— Да, — ответил вслух. «Надежды нет». — Спасибо.

— Только телепаты, как ты понимаешь. И зонды. Остальным можно сохранить жизнь, потому что их собственные ограничения делают их уязвимыми и таким образом их можно контролировать.

«Но где таким образом оказываюсь я?».

— Я понимаю, притиера, — еле слышно вымолвил Феран.

— Теперь, вернемся к делу, — Затар сел прямо и в его сознанию появились вопросы, он переставлял их в нужном порядке. — Я хотел бы вернуться к дисциплине прикосновения. Что ты можешь мне рассказать?

Все. Ничего. К своему ужасу, Феран обнаружил, что уже забыл, что именно рассказывал Затару об этой дисциплине. Не хватало еще противоречить своим собственным словам! Ферана потрясло такое полное крушение его планов и он не мог заставить себя говорить, тем более думать.

— Я... не помню, притиера, — открываться Затару нельзя, это он теперь знал точно. Но в душе Ферана царил хаос.

— Ну тогда давай начнем с чем-нибудь более простого, — притиера выглядел обеспокоенным, но его поверхностные мысли говорили о другом: «Ты — мой!». — Ты плохо выглядишь, Феран. Может, тебе чего-нибудь принести?

— Вина, — пробормотал Феран. — Иноземного, пожалуйста, — сейчас он не справится с галлюциногенными препаратами, присутствующими в браксинских сортах.

Затар вызвал слугу и отдал приказ. Через несколько минут принесли вино. Притиера молча разлил вино по кубкам.

— Попробуй, — предложил он.

Феран взял кубок и поднес к губам. Половина сознания умоляла о физическом контроле, деликатности высшего класса, которая скроет сумятицу в его душе. Но другая, отчаявшаяся половина его умоляла залить вином чужие мысли и заблокировать с помощью опьянения телепатический поток, и Феран быстро осушил кубок.

Его сознание притупилось, а то, которое он воспринимал, чувствовалось как в тумане.

— Я готов, — наконец сказал он.

— Ты уверен? — спросил Затар.

Комната плыла перед глазами. Слишком много вина и слишком мало сна. Сколько дней он не мог отдохнуть?

— Притиера, я...

Это не был алкоголь, это было что-то еще — что-то в напитке, определенно. Да. Это сорт, который он никогда не пробовал и эти галлюциногены неприемлемы для его организма? Или... может ли Затар дать ему какие-то препараты?... Зачем?

Феран хотел что-то сказать. Но вместо этого упал. Чернота.

* * *

«Планета — жуткая вещь, масса бурлящей мерзости, скрученной в клубок дикой и нестабильной гравитацией. Она кипит, скользит, погребает жизнь в своих бесконечных глубинах и душит ее под тоннами грязи и пепла. Камни стачиваются и горы дрожат, молния пронзает небеса, грозя уничтожить человека, который посмел замарать планету и угрожать всему пустыми грезами о контролируемой окружающей среде. Планета согласна лелеять тех, кто принимает ее прихоти, но человека она отвергает, человека она хочет стереть с лица земли, направляет громадную силу взбешенной стихии против этой жалкой букашки. Человек обречен и дальше искать свою звезду или погибнуть. Смотри! Расплавленная вулканическая ярость, разрушительная дрожь землетрясения, вызывающее благоговейный трепет движение морей, жуткий холод и зыбкость ледяных полей — и все это не подвластно человеку, все направлено на то, чтоб покарать его надменность и продемонстрировать абсолютное разрушение. Наконец, восстают горы и двигаются, чтобы разрушить тебя, и ветры осыпают зернами болезни израненную кожу и глаза. Земля вскипает под тобой с намерением принести зло, ждет идеального момента, чтобы забрать тебя вниз и отомстить. Не медли ни минуты! Ни одну землю не посещай дважды, чтобы она тебя не узнала слишком хорошо, не узнала твои слабости и не сделалась твоей могилой! Беги, дочь звезд, дитя тьмы и пустырей, пока это жаркое королевство полностью не оттолкнуло тебя и уничтожило твою душу в своем убийственном объятии! Там, во тьме меж звезд есть мир, есть безопасность. Беги туда, дитя, беги!...»

* * *

Он проснулся в незнакомой комнате.

«Хаша!».

Ферану снова снилось все, как в старые времена. Кошмар, поднимающийся из глубины его совести: образы, что он поместил в сознание маленькой девочки, вернулись и преследовали его. Психологическая обработка Анжи лиу.

И самое ужасное знание из всех: «Я разделил это с ней».

Его сердце все еще судорожно билось, потом стало очень медленно восстанавливать обычный ритм. Его лицо покрывал холодный пот, а одежда прилипла к телу.

«Где я?».

Как только он спросил себя, то сразу понял — в Доме Затара.

И Феран все вспомнил.

Щуп мысли обыскал комнату в поисках контакта, ничего не нашел. Один. Тогда пришли рыдания, такие яростные, что Феран испугался столь мощному потоку эмоций.

«Держи это в себе, — просил он сам себя. — Не нужно распространять это на остальных!». Но Феран знал, что утратил контроль, прошлой ночью вообще ничего не контролировал и его сон был открыт всему Дому. Если они это поняли...

«То я обречен».

Он встал. Ноги затекли и едва держали его, одежда прилипла к дрожащим конечностям. «Я выгляжу ужасно», — подумал Феран — чисто браксанский рефлекс. И невесело рассмеялся.

«Какое это имеет значение?» — подумалось ему вдруг.

Внезапное головокружение от бессилия — и Феран чуть не упал. Что делать? Куда он теперь пойдет? Как он станет жить и как скроет свои способности, когда они стали такими сильными?

«Дурак, — горько ответил он сам себе. — Весь Дом уже знает, а следовательно, Затар уж точно в курсе. Но тогда почему он оставил мне жизнь?».

Это был только лишь проблеск надежды, но Феран ухватился за него.

Если он будет контролировать свою силу, Затар стерпит. Если притиера сам станет ее контролировать, то определенно будет ей доверять!

Ноги постепенно перестали дрожать, дыхание успокоилось. Надежда? А смеет ли он надеяться?

Но выбор однозначен: или так, или смерть. «И будьте вы все прокляты! — подумал Феран. — Я хочу жить!».

Наконец он стал частично контролировать свое тело, вытер пот со лба и открыл дверь, что вела к свету.

Слуга поклонился. Он вел себя как ни в чем ни бывало, словно не видел перед собой растрепанного Ферана.

— Лорд?

— Где Затар? — Феран говорил отрывисто, в горле стоял комок.

— В библиотеке, лорд. Хотите, чтобы я отвел вас к нему? «Да».

— Да, — говорить было нелегко. Идти тоже, подумал Феран, последовав за слугой. Его тело готовилось к смерти, собираясь с силами в ожидании конца.

Слуга проскользнул в библиотеку, чтобы объявить притиере о том, что пришел лорд Феран. Мгновение спустя Ферана проводили в комнату.

— Лорд... — он был раздавлен.

— Да? — повернулся к нему притиера.

Феран тонул в море силы своего соперника и не мог понять его намерений.

Затар наблюдал за ним некоторое время, а затем вызвал свою Хозяйку. Вероятно, она была рядом, поскольку появилась через секунду из комнаты за библиотекой.

Притиера указал на Ферана.

— Принеси этому зонду попить.

Стены страха сомкнулись над головой Ферана и он плакал, плакал, душа кричала о неизмеримой муке и ужасе, умоляя, не желая умирать, не зная, как жить...

К его губам поднесли кубок. Феран поднял голову, и видения поплыли у него перед глазами: высокий, опасный мужчина, склонившаяся над Фераном и поддерживающая его женщина. Феран мелкими глотками пил вино. Крепкое. Его глаза прояснились.

— Оставь нас, — приказал Затар.

Хозяйка оставила их вдвоем.

— Притиера, — выдохнул Феран. — Возьми мою силу! Используй ее! Я буду служить тебе во всем! Пожалуйста...

Затар ждал.

Медленно понимая что происходит, Феран поднял на него глаза. Дрожа, вытянул руки перед собой, ладонями вниз. Несмотря на позор, в акте подчинения ему было уютно, словно Феран наконец дал такое всеобъемлющее обязательство, что теперь его судьба полностью вышла из-под его власти. Так и было.

— Жест твой, — наконец сказал притиера. — Возможно и выглядит искренне. А что внутри?

В ужасе Феран отпрянул. Ему никогда не приходило в голову, что его могут отвергнуть.

— Что ты хочешь? Что я должен сделать? — закричал он.

— Доказать, что готов мне служить, — медленно вымолвил Затар. — Рассказать мне то, что я хочу знать.

— Все, что угодно!

— Ты был зондом в Институте.

О, какой позор...

— Да, — тихо сказал Феран.

— Ты занимался психологической обработкой Анжи лиу Митете.

Феран попытался сдержать ответ, но он вырвался, покаясь подавляющей воле другого человека:

— Да.

— И ты сам придумал, что сделать с ней.

Феран кивнул, чувствуя себя несчастным.

— Что это было? Выкладывай все, Феран! — злобно прошипел притиера.

Слова хлынули потоком, вина и память подгоняли его.

— Они хотели знать ее расовое прошлое, — Феран давился словами, но продолжал. — Они были уверены, что изучение его поможет им наконец найти одну из генетических последовательностей, которые им требовались.

— И что ты сделал?

— Я... сделал так, чтобы Анжа непрерывно перемещалась. С планеты на планету. Я отрезал ее от человеческого контакта. Я отрезал способность к дисциплине прикосновения. Я установил долгосрочную доминантную тенденцию.

— Это что такое?

— Цель. Намерение. Оно проникает во все, поэтому ты ей служишь, не осознавая того. Ты жаждешь достичь других целей — но только потому, что, завоевав их, приближаешься к главной.

— То есть навязанная психологической обработкой мотивация?

Феран беспомощно кивнул.

— И что это было в ее случае?

— Продолжать перемещаться, в постоянном беспокойстве, желать... обрести свой народ. Обнаружить неазеанский источник ее генетического прошлого. В поддержку этому я ввел прогрессирующую зеймофобию, страх перед жизнью на любой из планет. Мы не знали, что она окажется во флоте! Мы хотели обеспечить непрерывные перемещения...

Притиера вытянул руку, за шиворот поднял Ферана и поставил его на ноги. Сила его отвращения была столь велика, что Ферана заколотило от боли, он сжался, словно животное перед скорой расправой.

— Ты! — закричал взбешенный притиера. — Ты не заслуживаешь жизни, азеанец! Ты — тьма, которой мы пытаемся избежать! Ты — все, чего мы боялись с начала нашей истории так сильно, что готовы жертвовать нашими собственными детьми, чтоб такие, как ты, никогда не появлялись среди нас, — его лицо потемнело. — А что с твоими детьми, зонд?

«Только не это!» — мысленно взмолился Феран.

— Что тебя интересует, притиера? — промямлил он.

— Ты убил их?

Слезы навернулись на глаза Ферана и он кивнул.

— Двоих.

— Экстрасенсы?

Феран опять кивнул.

— А другие?

«Нет, нет...»

— Остался только один, — выдавил из себя Феран.

— Жив?

— Ребенок Д'вры, — униженно кивнул телепат.

— Жив?!

— Да, — Феран подавился признанием.

— И тоже экстрасенс, как я полагаю. Нет, не отвечай мне — я вижу это по твоему лицу. Значит, это наконец входит в браксанскую кровь, несмотря на все наши усилия. А теперь скажи мне, азеанец: какой милости, по твоему мнению ты заслуживаешь? Какую слабость ты видишь во мне, которая — как ты думаешь — обеспечит тебе жизнь после всего, что ты сделал?

Затар внезапно отпустил Ферана и зонд рухнул на пол, окончательно сломленный. В глазах стояли слезы — страха, стыда. Феран оплакивал смерть своей браксанской личности.

Затар спланировал все это с самого начала. Теперь Феран, вынужденный смотреть правде в глаза, понял все. Вначале был случай с алмонджеддей, за ним последовали намеки, которые Феран теперь припоминал... Сколько ловушек расставлял на него Затар, нагнетая напряжение, пока оно не стало невыносимым, выбирая момент, чтобы нанести сокрушительный удар?

Затар смотрел на него сверху вниз — Феран плакал. Холодным, как сама смерть, голосом притиера спросил:

— Какую цель ты преследовал, когда приехал сюда?

— Меня послали шпионить за вами, — зонд говорил как на автомате, глухим, безжизненным голосом. — Они знали, что я стану для вас бесценным работником и вы включите меня в переговоры на Границе, и я должен был передать ваши планы... — он потряс головой, лицо его исказилось. — Но это не сработало, — прошептал Феран. — Они поставили меня против Нее. Как я мог позволить какой-то контакт? Она убила бы меня...

— Что еще? — нетерпеливо спросил притиера.

Теперь Феран боролся с собой, пытаясь прекратить укорять самого себя, но тщетно — он уже не мог контролировать ужасный всплеск эмоций.

— Я должен был обеспечить им чистокровного браксана, чтоб они смогли получить психогенетические параметры. Это была моя основная цель... — он внезапно замолчал и его глаза округлились в страхе и понимании, когда казавшиеся несвязанными мотивы сами выстроились в единую картину. — Д'вра... — прошептал он в ужасе.

Даже самые сильные браксанские желания не были его собственными; их ввели в него с целью, совершенно опре-

деленной целью, и его естественные желания развивались так, чтобы соответствовать этой модели. Хоть одна мысль была его собственной? Он когда-нибудь сделал хоть что-то, на чем не стояло метки Института?

Феран лишился дара речи. Он был опустошен. Внезапно Феран понял, почему прилагались такие усилия, чтобы телепат никогда не узнал всех деталей своей психологической обработки. Если бы знал, то это убило бы все претензии на добрую волю — а существо без собственной воли — не человек, только орудие, сделанное из плоти и крови, обладающее не большей инициативой, чем компьютер Дома, и гораздо меньшей свободой. Феран в отчаянии опустил голову. Не осталось надежды, даже страха не осталось, только пустота. Он дрожал перед силой человека, который убил все человеческое в нем.

Притиера был доволен.

— Пойми вот что, — сказал Затар равнодушным голосом, в котором не было ни доли сочувствия, но зато он не звучал угрожающе. — Я должен был сломить тебя, другого варианта не было. Ясно, что тебя послали сюда выполнять задание Института, мне требовалось выяснить какое, и был только один способ сделать это. Я много лет знал про тебя, Феран, с тех пор, как нашел твоё имя в файлах Института. Что касается твоих отношений с командиром азеанского флота, на это в самих файлах имелся лишь намек — ли Пазуа проявлял осторожность, чтобы никто не узнал деталей своей психологической обработки — но когда я увидел вас обоих за столом переговоров, то все понял. Ты нужен мне. Я намерен тебя использовать, Феран, а для этого я должен владеть тобой. Если ты покоришься мне, то я тебя использую. Но выбор за тобой — и, должен заметить, это большая свобода, чем Институт когда-то давал тебе, — говорил он тихо и спокойно, но его воля была непрекращаемой. — Решай!

Феран хотел свободы и удовольствий, но теперь знал, что все это для него безнадежно испорчено. Он посмотрел на притиеру и поднял руки — хотя вся его институтская выучка давила с огромной силой, сознание выкрикивало проклятия тому, что он предавал Цель — но Феран протянул руки к Затару жестом, полным смирения. И Феран тихо произнес своё Имя — не то, которое дал ему ли Пазуа, а то, которое

он выбрал для себя много лет спустя, оно и являлось его Истинным Именем. Таким образом звуки Азеи никогда не могут сочетаться. Это было полнейшим подчинением, полнее покориться человек просто не может.

Руки Затара медленно опустились и сильно сжали кисти Ферана, принимая его волю. Феран чувствовал себя так, словно теплое одеяло опустилось на него и боль начала утихать. Чувство вины стало уходить и мука уменьшилась и он наконец смог снова встретиться глазами с Затаром. Ужасный груз упал с его души — тот, что был хуже оков рабства, ведь ненависть к самому себе гораздо безжалостнее, чем любой Хозяин.

— Я решил не ставить на тебя клеймо, — объявил ему Затар. — Отправляйся в свой Дом и работай над тем, как взять свою силу под контроль. Теперь ты свободен от прошлого: я сломал эту связь. И я пошлю тебе женщин, которые не станут болтать, пока ты снова не возьмешь себя в руки.

Феран склонил голову.

— Я — твой, — прошептал он. И затем, из глубин его существа пришло слово, которые он не ожидал от себя, но оно было истинным и Феран позволил себе тихо сказать: — Спасибо.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

«Чтобы получить максимум от будущего, мы вначале должны понять прошлое».

Харкур

Посыльный очень боялся. Он протянул дрожащую руку к пластине.

— Ты уверен, что он не занят? — обернулся он к охраннику.

— Я уверен, что занят, — раздраженно ответил тот. — Но он тебя примет. Иди.

Посыльный прижал руку к пластине — теплой черной поверхности — и попытался взять себя в руки. Великому притиере в это время сообщалось о его прибытии, а также краткие данные о посыльном. Минуту спустя дверь открылась — Затар готов был его принять. Все еще дрожа, посыльный вошел.

— Великий притиера... — начал посыльный.

— Я получил сообщение, — перебил его Затар. Говорил он холодно и, похоже, не был рад такому гостю. Его явно отвлекли от важных дел и Затар был этим раздражен. — Ну? В чем дело?

— Администрация главного раскопа Берроса просит вас присоединиться к ним на месте их работы. Они хотят, чтобы вы... — посыльный забыл вдруг всю тщательно подготовленную речь и пробормотал, запинаясь: — ...кое на что взглянули. Они просили вас приехать немедленно.

— Я не люблю секретов, — ледяным тоном сказал притиера. — И у меня нет на них времени. В чем проблема?

— Прошу вас, Великолепный! Мне не велели рассказывать вам. Только просили вас приехать и...

— Но ты знаешь, что происходит?

Несчастный посыльный кивнул.

— И ты считаешь, что дело стоит того?

— Да, лорд, — прошептал посыльный.

Затар вздохнул, резко кивнул и поднялся. Гость почувствовал облегчение.

— Хорошо, — сказал притиера. — Это недалеко — и директор раскопа прекрасно знает, что меня нельзя беспокоить по пустякам. Полагаю, это достаточно важно и стоит моего внимания — на данный момент. Транспорт ждет?

— На вашей площадке, Великий.

— Я смогу уехать только через некоторое время. Подожди меня там.

Посыльный никогда так не радовался окончанию беседы.

* * *

Беррос являлся подчиненной планетой, а если точнее — то большой луной, ходившей по орбите вокруг газового гиганта, пятого по размеру в Бисалоанской системе. Планета была почти такой же большой, как Бракси, и почти такой же уютной. Этот естественный спутник исследовали в девятом десятилетии до Коронации и он служил оперативной базой для Проекта исследования Небес в пятом десятилетии. На Берросе жил сам Харкур в первые годы своего правления. Именно он ее колонизировал. Он сделал ее красивой. Он

перевел место заседаний браксинского правительства на ее ржаво-красную землю под красным небом, и таким образом решил вопрос, из какой страны будет отдавать приказы первый браксинский монарх. Бракси объединилась и до тех пор, пока Жене не сделали пригодной для обитания, Беррос выполнял роль столицы.

Затем к власти пришли браксаны, варвары, поклонявшиеся солнцу, — они держались за родную землю с горячностью, рвением и даже суеверием. После этого слава Берроса пошла на убыль и, в конце концов, исчезла. Теперь остались только воспоминания, сухие побегι, раскачивающиеся на жарком ветру, формы жизни, которые ушли так далеко от изначальных видов, что об их предках можно было только догадываться. И еще остались руины. Слава первого двора Харкура теперь представляла собой только несколько жалких монументов, песок и железная пыль источили их до неузнаваемости. Беррос никого не волновал, ни сама планета, ни воспоминания, которые она может хранить. Никто не уделял ей внимания на протяжении многих веков, предпочитая славу настоящего пустым обещаниям прошлого.

Никто — до этого времени.

* * *

Директор раскопок был стройным мужчиной, которого Затар сильно недолюбливал. Притиера едва сдерживал терпение, выслушивая его словесный понос. Наконец Затар не выдержал.

— Просто отведи меня туда, — приказал он тоном, не терпящим возражений.

У директора нервно задергалось лицо, что говорило о том, насколько неуютно он себя чувствует. Но сам директор конечно не мог поехать, у него было... да, дело в главном дворце, которым следует немедленно заняться и...

Отметив про себя необходимость пересмотреть контракт директора, Затар разрешил ему не ехать. Посыльному, который сопровождал его на Беррос, велели служить притиере гидом. Посыльный определенно расстроился, но ничего не сказал.

«Что может настолько обеспокоить ученых здесь?» — размышлял Затар. Харкур лишил планету всех богатств, за исклю-

чением нескольких зданий, что держал для своих удовольствий после того, как перебрался на Жене. Его преемники совсем забросили это место. Что могло пережить тысячелетия, что вселяло в людей такой страх?

Они сели в воздушный автомобиль и отправились к месту назначения, в охотничий дворец, который Харкур часто посещал до своей смерти в 57 году. Затара он на самом деле не интересовал, как и окружающие его руины. Он начал раскопки только из политических соображений и беспокоила его лишь политика. Затар стал первым браксанским монархом своей планеты и ему требовалось укрепить свой имидж в этой роли, пока две несовместимые вещи — браксан и самодержец — не станут нераздельными в глазах общественности. Лучше всего было провести параллель между Затаром и самым великим из браксинских самодержцев, несравненным Харкуром. Если притиера хотел добиться этой цели, он должен был проявить интерес и уважение к последним упоминаниям о величии Харкура.

Затар отдал бы свое Имя за женщину, происходящую от Харкура, поскольку браксинское сознание с готовностью примет сексуальный союз такого рода, как связь между двумя правящими семьями. Но такой женщины найти не удалось. Харкур принадлежал к простолюдинам; браксаны считали таких людей низшими (сам успех Харкура смущал их) и маловероятно, что какие-то данные о его потомках сохранились после многих лет правления браксанов. Но ведь именно внимание Затара к заботам простолюдинов дало ему контроль над Холдингом. И потому он обратил внимание на руины Берроса и сам вызвался их восстановить.

Воздушный автомобиль замедлил ход и остановился, зависнув примерно в двух футах над полем, заваленном камнями. Невдалеке находился северный дворец — то есть, все, что от него осталось, а осталось немного. Затар с любопытством посмотрел на посыльного, тот испуганно кивнул, показывая на участок земли впереди. Слишком неровная для посадки.

— Часть охотничьего дворца, — поспешно объяснил он. — Похоронена неповрежденной. Мы подумали, что вам следует на нее взглянуть... в том виде, как она есть.

На миг — повинуясь рефлексу браксана, естественному для него, как дыхание — Затар подумал о возможной ловушке. Но

вокруг простиралось голое поле и нигде не было видно оружия — Затар проверил заранее — и даже людей, за исключением его самого и этого жалкого курьера. Кроме того, Затар ведь подготовился. Он включил личное силовое поле и ступил из воздушного автомобиля на потрескавшуюся, высохшую землю.

— Куда? — спросил властно.

Посыльный показал на проем недалеко от них, темную дыру, которая вела в узкий проход. Когда-то это была часть здания — очевидно нижние этажи, запечатанные обвалившимися верхними залами, — накопившаяся за столетия грязь облепляла обломки.

— Веди меня! — приказал Затар.

Посыльный достал фонарик из кармана и повел его по петляющему, все время заворачивающему проходу. Там установили опоры, чтобы поддержать остатки стен, в глубине здания таких опор потребовалось все меньше и меньше. Наконец они добрались до расчищенной археологами лестницы. Она была слегка припорошена пылью и гравием и являлась прекрасным символом отличной работы мастеров и роскоши, что когда-то царила здесь, а также сохранности, которую обеспечил сухой воздух Берроса.

Лестница вела в комнату с высоким потолком, в которую вошел посыльный.

— Обеденный зал, — пояснил он бляющим голосом.

Что может быть такого в этом неплохо сохранившемся месте, что так испугало ученых?

Затар вошел.

И увидел.

Частью браксанской системы является настороженность. «Ожидай от человека самого худшего, — гласит традиция. — И тогда ты не удивишься. Ожидай худшего от мира, и ты никогда не разочаруешься». Это было частью игры, в которую они играли, утонченным и изысканным упражнением, называемым «имидж», который позволял им идти по жизни, никогда и никому не показывая истинных чувств.

И тут система дала сбой.

Медленно, в полном смятении, Затар Великолепный подошел к картине, что висела в противоположном конце обеденного зала. За сотни лет ее поверхность несколько пострадала, но не настолько, чтобы скрыть изображение.

Пораженный, притиера уставился на нее.

Надпись на золотой раме тоже сохранилась. Он смахнул с нее пыль и прочел то, во что просто не мог поверить.

— Невозможно, — пробормотал Затар.

Он отключил свое силовое поле и дотронулся до холста, кусочек краски прилип к его перчатке. Затар смахнул его. Нет, картину даже нельзя перенести в другое место, пока в нее не ввели поддерживающее поле, а для этого потребуется время.

— Сколько человек в курсе этого? — спросил притиера.

— Директор раскопок, археологи, работающие с этим участком, я... Конечно, все дали клятву хранить тайну, лорд.

«Да, — подумал Затар. — Но проблема в том, что есть только одна небольшая группа в истории человечества, которой удалось сохранить секреты, и это — браксаны».

Он посмотрел на посыльного. Имидж Затара разлетелся вдребезги и притиера знал это. Он почувствовал себя нагим оттого, что был просто человеком, существом, что делается беспомощным от удивления, таким, как все. Да, требовалось что-то такого масштаба, чтобы сломать имидж — но он был сломан и этому есть свидетель.

— Мне придется убить тебя, — сказал Затар, будто бы даже извиняясь.

Посыльный явно был в ужасе, но кивнул и упал на колени перед ним. Он ожидал этого — они все ожидали смерти от кайм'эра. Странно было бы, если бы это открытие вызвало другую реакцию, а притиера не мог позволить жить простолюдину, который видел его настолько ошарашенным, уязвимым, пусть даже на мгновение. Поручение директора обернулось смертным приговором.

Курьер ждал.

— Ты мог убежать, — тихо сказал Затар. — Или возразить.

— Я знаю о традициях, — голос посыльного был едва слышен. — Как я мог открыто не повиноваться главе Холдинга?

В Затаре боролись странные чувства, новые чувства, и он им совсем не обрадовался.

— У тебя есть семья? — с неохотой спросил притиера.

— Три сына, лорд, — промямлил курьер. — Один из них — мой собственный.

— Директор раскопок знает, где они?

Посыльный кивнул, недоумевая.

Затар вытащил меч. Посыльный с отчаяньем смотрел прямо в глаза притиере, он отказывался глядеть на смертоносную сталь.

— Я возьму твою семью в свой Дом, — тихо сказал Затар.

— Спасибо, — выдал из себя удивленный посыльный. — Лорд, могу ли я спросить...

— Что угодно. Сейчас ты — единственный человек в Холдинге, который точно получит ответ.

— Что вы будете делать? — прошептал курьер.

Затар закрыл глаза.

«Ну и вопросик...» — подумал он обреченно.

— Я не знаю, — ответил он медленно.

— Но что-то вы должны сделать?

— Сохраню картину. Сделаю ее общедоступной. Но не сразу — ее нужно в безопасности перевезти отсюда, потом восстановить до изначального состояния... Она принадлежит Холдингу.

— Я не это имел в виду, — подал голос посыльный.

— Я знаю. И не могу тебе ответить, — Затар снова посмотрел на картину и удивленно покачал головой. — Я сам пока не знаю.

Посыльный опустил голову.

И меч, словно вспышка света, прошел сквозь него, мгновенно срезав голову с плеч, как мотылька разрубив на лету. Тело грузно упало в пыль.

Не убирая меч в ножны, Затар вновь повернулся к картине.

— Хаша... — пробормотал он тихо.

И еще очень долго не уходил из дворца.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

«Человек по-настоящему не понимает своей ограниченности, пока не проверит ее на практике».

Харкур

На черном бархате космоса станция напоминала драгоценный камень, ее обращенная к солнцу сторона блестела

зеркальными поверхностями светосборщиков и тысяча тонких как иглы межзвездных кораблей отходили от ее центра, словно лучи света, отражающиеся от поверхности. В темноте вокруг станции мягко мерцало защитное поле и его янтарная теплота добавляла картине блеска.

Тысяча кораблей медленно поворачивались вокруг наблюдательного центра — они были обтекаемой формы, из полированного псевдометалла, без намека на пассивные энергетические поля, вплетенные в их корпус. Они были детьми, ждущими, когда их выпустят на свободу — звездные птицы, рядом со своим серебряным гнездом, страстно желающие улететь на волю. Они сложили крылья вдоль боков, тщательно подогнанные к гладким, стройным телам, которые могли без усилий прорезать атмосферу. Они были наполнены всем необходимым для путешествия — поле корпуса корабля, сильное и устойчивое; гравитационная компенсирующая система, блокировочное устройство и ускоритель; три надежных защитных поля, объединенная отражательная сила которых могла парировать ярость боевого корабля. Они были скоростными, сильными и красивыми, и им требовалась только рука человека, чтобы отправить «звездных птиц» в полет.

На основной станции дежурили бдительные и молчаливые охранники. Только глупец мог нарушить янтарное свечение защитного поля, но глупцов было немало, поэтому охранники и вели наблюдение.

— Приближается корабль с орбиты Луриена, — сообщение произнес спокойным тоном человека, который не ожидает проблем.

Начальник станции быстро взглянул на дисплей сканера, проверяя, все ли в порядке. Луриен являлся густозаселенной планетой и было неудивительно, что межзвездное движение проходило мимо них.

— Слишком близко, — заметил он. — Разрешение у них есть?

— Разрешение Вооруженных сил. Первая форма допуска Звездного Контроля — боевой корабль из Активной Зоны идет на ремонт. Это его шаттл.

Начальник станции кивнул. Луриен являлся столицей технических экспертов Империи, лурienцы могли похвастаться многочисленными контрактами на строительство «звездных

птиц», и время от времени боевые корабли появлялись там для ремонта и усовершенствования. Начальник проверил коды; все казалось в порядке.

— Медленно идет, — заметил он.

— Намеренная минимальная скорость до тех пор, пока не пройдут мимо нашей станции, как они объяснили.

— Хорошо, — начальник станции еще мгновение смотрел на экраны, ожидая неприятностей. Ничего не произошло. — Пусть пройдут.

Он обладал кое-какими экстрасенсорными способностями и, как офицер безопасности, отличался жутким педантизмом. Он остановился на минуту и воспользовался своей особой чувствительностью, обыскивая область, за которую отвечал. Ничто, гласившее о жизни или разуме, не отвечало ему и никаких злых намерений не обнаружилось.

— Все вроде бы в порядке, — сообщил начальник станции остальным. — Но продолжайте стандартное наблюдение.

Небольшой корабль приблизился к ним; начальник станции перепроверил его код идентификации и нашел его соответствующим. С «Завоевателя», да? Прошло много лет с тех пор, как этот корабль прилетал на Луриен. А если подумать, нет ли ремонтной станции поближе к тому сектору?

— В любом случае, следите за ним, — пробормотал начальник. Когда корабль медленно проходил мимо, экраны показали его скорость — постоянная, курс — близко к сектору, но в него не попадает. Пока он не вышел за радиус действия сканеров, начальник станции не мог полностью расслабиться. — Хорошо, — процедил он. — Хотя я бы предпочел, чтобы они не подходили так близко, черт их возьми!

* * *

В черноте космоса парила одинокая фигура. Существо было одето в древний и громоздкий вакуумный костюм. Нельзя было определить строение тела существа или его пол, и поддерживающее поле, вплетенное в костюм, оказалось настолько слабым, что почти не отпечатывалось на экранах станции.

Существо напряглось, когда в ее направлении пришел поисковый ментальный импульс, затем отклонило запрос.

«Там ничего нет», — подумало оно и отправило эту мысль в сознание начальника станции с таким умением, которым владели лишь немногие.

Существо ожидало, дрейфуя в темноте.

Когда запрос прошел мимо нее, оно подтянуло руку в толстой изоляционной перчатке к панели управления, встроенной в костюм на груди. Панель управления и силовое поле добавили недавно, длинные фалы для связи космонавта с кораблем, использовавшиеся во время старых космических путешествий, сняли. Баллоны поставляли воздух строго механическим способом, изоляции хватало для поддержания человеческой жизни на короткий период времени без теплового генератора или влагопоглотителя. Это была искусственная кожа, и в ней человек мог смотреть на звезды, не защищенный сфокусированной энергией передовой науки. Десять тысяч лет ни один человек не решался это проделать; если человек может парить почти голым во тьме только со специальным силовым полем для прикрытия и минимальным генератором для поддержания жизненных функций, зачем тогда погружать свое тело в это чудовищное изобретение ранней технологии? Но было ясно, что по крайней мере у одного человека имелась необходимая причина, поскольку рука нажала на тяжелый переключатель и отключила генераторы костюма.

Воцарилась тишина, не слышно стало ни гула рециркулятора, ни ровной вибрации генератора силового поля. Впервые за тысячу лет человек смотрел на холод космоса, не защищенный ничем, кроме скафандра, и только с большим трудом этот первопроходец сдерживал своей энтузиазм.

«Теперь», — подумала Анжа.

Прикосновение к одной панели на короткое время завело портативные ускорители, и мгновение фигуру дергало по направлению вперед. После этого она плавно поплыла, снова потерянная в безмолвии не-силы. Во всех ее планах было только одно слабое место — станция может поймать минимальный выброс энергии и определить намерение Анжи. Но никакой реакции от охраны «звездных птиц» не последовало, ни зондирующих полей, ни ментальных щупов. Компьютеры относили следы ее передвижения к выбросам шаттла Анжи, который оставил в кильватере слабый след частиц. Той силы,

которую определяли приборы станции, недостаточно для поддержания жизни, угрозы открыть огонь, для работы компьютера или даже фиксирования навигационного зонда; поэтому источник ее безопасен для станции и искусственный интеллект приписывал улавливаемый след близко пролетающему шаттлу.

Человек медленно приблизился к янтарному силовому полю, сверкающему, как стекло, в звездном свете. Темный силуэт быстро нырнул сквозь янтарную стену. Двигалась Анжа медленно; с точки зрения аппаратуры она была безжизненным объектом, потому что жизнь требует большей энергии для существования в Пустоте. Она не направлялась на корабль и не могла представлять угрозу; компьютеры позволили Анже пройти, приписывая случившееся незначительным объектам. Начальник станции ничего не заметил, другие и не заметят никогда.

Все еще удерживаясь от произвольного рассеивания мыслей в эфир, звездная ныряльщица выбрала цель и повернулась, используя крошечный выброс энергии, чтобы приблизиться к ней. Затем проверила: ее не обнаружили. Хорошо. Анжа легко могла окутать станцию атмосферой невнимания, но сомневалась, что может удержать такое количество умов, долго отвлекая их от сигналов тревоги системы защиты. Кроме этого там присутствовал экстрасенс, обученный узнавать те же техники, которые освоила и она, а это и вовсе сводило на нет шансы отвести всем глаза.

Поэтому, приближаясь к выбранному межзвездному кораблю, Анжа лиу Митете стремилась двигаться тише и не думать, и замедлила ход, подойдя вплотную к своей цели.

Анжа дотронулась до серебристого корпуса. Женщина действовала быстро; станция ее пока не заметила, но это не значит, что там нет приборов, которые могут поймать ее сигнал, когда она нарушит поле «звездной птицы». Уверенными движениями она отыскала панель управления и открыла ее; затем — переключатель на случай непредвиденных обстоятельств, так хорошо спрятанный, что его не мог найти никто, не изучавший надежно засекреченные чертежи корабля. Переключатель легко встал в нужное положение. Поле корабля медленно разошлось и мгновение спустя бесшовная серебряная поверхность разделилась, открывая вход.

Проворно, несмотря на неудобный космический костюм, нарушительница быстро зашла внутрь и закрыла дверцу и поле за нею. Автоматически откликнувшись на присутствие Анжи, и корабль, и шлюз тут же наполнились воздухом и внутри зажегся свет. Через несколько минут после того, как она вошла, открылась внутренняя дверь.

Женщина прошла внутрь.

Было несложно найти пульт управления, а также расшифровать значение рычагов; она сама работала консультантом во время разработки проекта. Трех движений оказалось достаточно, чтобы приготовить генераторы к действию, одного — чтобы проверить систему поддержания жизни, и еще одного, последнего, — чтобы выключить гравитационную компенсацию.

Теперь оставалось сделать только одно и после этого она будет свободна. Анжа облокотилась на ближайшую панель и сосредоточилась. Нанесла ментальный удар по станции, сфокусировав его на самом способном к приему человеке. Через мгновение женщина поймала его сознание и знала, где он находится и где он должен находится, по ее мнению. Атака получилась такой внезапной, что к тому времени, как начальник станции убедился в ее существовании, он оказался полностью подавлен силой Анжи. Его так стремительно отбросило к дальней стене затрясло, что сознание отключилось, а рука застряла среди рычагов управления — один из них, кстати, использовался в случае тревоги. Кровь залила лицо человека и он упал. Но тело его все подергивалось, захваченное в тиски чего-то столь мощного, невиданно мощного. Помощники подбежали к нему, проверили место, где начальник стоял до этого, обсудили возможность утечки энергии и в целом попытались анализировать неизвестную силу, что поразила его. Воспользовавшись замешательством, Анжа одновременно толкнула свою «звездную птицу» вперед, а на станции никто и не подумал, что начальника, возможно, бросили на конкретный переключатель специально. К тому времени, как это заметили, было слишком поздно.

— Поле упало! — раздался крик.

Поле восстановили, довольно быстро, но к тому времени уже стала ясна потеря корабля. Одна из серебряных игл исчезла, навсегда потерянная во тьме за Луриеном. «Звезд-

ная птица» бросилась вперед, во тьму, развивая самое быстрое ускорение из возможных. Охрана сообщила о краже, но теперь с этим ничего нельзя было поделать. Эти корабли — самые быстрые в Империи.

В глубинах космоса, наконец-то сбросив кандалы закона и устава, женщина сняла с головы огромный шлем. Густые волосы, цвета крови и фуксина, рассыпались по ее спине, когда она торжествующе рассмеялась. Анжа с привычной легкостью установила курс.

Ей предстояла последняя встреча с «Завоевателем», чтобы забрать тех, кто разделял ее мечту. «Прости, Торжа!». Анжа повернула к боевому кораблю — теперь не принадлежащему ей больше не имеющему для нее значения. «Истинного воина не разоружить».

Последняя остановка и затем — свобода.

* * *

Приближаясь к Дому Затара, Феран попытался справиться с волнением. В результате его рука почти не дрожала, когда он приложил ее к черной пластине у двери, а его шаг, когда он проходил мимо охранника, стоявшего за дверью, и затем через вестибюль, казался почти уверенным. Но это был обман, притворство, и притиера все быстро поймет. Затар обладал почти экстрасенсорными навыками — и, не исключено, сила на самом деле могла развиться в нем, поскольку постоянный экстрасенсорный контакт являлся частью взаимоотношений с Фераном.

Возможно ли это? Может ли зонд служить катализатором для латентного, ранее не обнаруженного таланта? Феран содрогнулся. Мысль о Затаре, имеющем все стороны телепатического мастерства в дополнение к силе его личности, ужасала. Но если у притиеры все-таки существуют нужные генетические предпосылки — во что Феран наполовину поверил, несмотря на доказательства противоположного — чтобы заставить их работать, потребуется больше, чем несколько упражнений с поверхностным разумом. Для этого потребуется... что? Талант зонда, решил он, и зонд, желающий переработать мысль в корне. Если это вообще возможно.

Да никто никогда не станет и пытаться!

Когда Феран приблизился к личным покоям Затара, чувство, которое грызло его с тех пор, как он покинул Дом, усилилось. Что-то было не так в этот раз. Затар не пригласил его сюда для обсуждения экстрасенсорных навыков, их плюсов и минусов. Сегодня его беспокоит что-то еще, что-то... пугающее. Феран чувствовал это на пути сюда, от собственного Дома через полгорода. Насторожившись, он постучал в тяжелую деревянную дверь, объявляя о своем прибытии.

— Заходи, — последовал отклик.

Феран встал на колени перед притиерой, как и надлежало по статусу. В этом он находил странное удовлетворение.

— У меня есть для тебя работа, — Затар говорил холодным тоном и его поверхностные мысли давали ясно понять: «Она тебе не понравится».

— Я — твой слуга, притиера.

— Конечно, — Затар подождал немного и приказал: — Пойдем со мной! Я должен тебе кое-что показать.

Феран встал и последовал за ним в часть Дома, отданную под мастерские. Здесь также находился арсенал и мастерская техников и электронщиков. Еще здесь располагался архив, полный книг, настоящих книг, напечатанных на бумаге, которые ждали реставрации, фрагменты первобытных произведений искусства, которые едва сохранились. Везде трудились рабочие, большинство занимались археологическими находками. Определенно, интерес Затара к Берросу приносил результаты.

— Сюда, — притиера указал на двери, раскрывшиеся при их приближении.

Внутри трое мужчин трудились над каким-то предметом — возможно, картиной? — но естественный блеск поверхности и угол освещения не позволил Ферану разглядеть, что это.

— Свободны, — кивнул Затар рабочим. Они подчинились безмолвно и оставили браксанов наедине.

Затар закрыл и запер двери, затем установил звукоизоляцию.

— Это нашли в обеденном зале охотничьего дворца, который когда-то составлял часть поместья Харкура. Состояние удивительное, учитывая возраст картины; мы можем поблагодарить за это сухой воздух Берроса. Для ее сохранности я приказал сделать молекулярную реставрацию, — он

взглянул на картину, затем на Ферана. От притиеры исходило напряжение, но его голос, как обычно, звучал ровно. — Посмотри на нее, Феран.

Феран медленно приблизился, удивляясь поведению Затар. За все время знакомства Феран никогда не чувствовал в нем такого сильного напряжения, как сейчас. Это было видно даже по его жестам, если умеешь смотреть, что совершенно немыслимо! Феран выбирал место, где освещение позволит ему рассмотреть в деталях блестящую поверхность. Наконец он нашел такое место рядом с картиной и посмотрел на произведение искусства, которое на протяжении столетий оставалось похороненным в пыли.

И задрожал.

— Ты видишь, — сказал притиера.

— Хаша... — Феран протянул палец, чтобы притронуться к древнему холсту в той части, которую закончили реставрировать рабочие. Это правда! А если это правда... — Подделка? — уточнил он с сомнением.

— Я проверял, — сказал Затар. — Возраст подходит. Молекулярный состав материалов, состояние запечатанного помещения, в котором ее нашли, все остальное. То, что находится перед тобой, действительно было создано более десяти тысяч лет назад — хотя картину, конечно, нашли в значительно худшем состоянии, чем ты видишь теперь. — Затар сделал паузу. — Значит, я догадался правильно. Чужак на картине — азеанец.

Ферану потребовалось время, чтобы снова заговорить.

— Много тысячелетий назад, до того, как расу стандартизировали, они выглядели именно так. Конечно, с большими изменениями в пигментации, которая, в частности, и являлась одной из целей стандартизации, — он посмотрел на тепло-коричневую кожу человека на картине, догадался о секретах, которые он скрывал, и содрогнулся. — Его выдает строение лица. Но я не понимаю, как это случилось. Так рано никаких контактов быть не могло. Азеа не предпринимала сверхсветовых полетов до стандартизации; Бракси никогда не заходила дальше Лугаста...

— История в лучшем случае неточная наука. То, что мы знаем из прошлого, явно, не соответствует действительности. Определенно, у обоих наших народов достаточно причин

притворяться, что между ними не существовало никаких мирных контактов.

— А это подтверждается другими источниками?

— Нет. В ранней браксинской истории есть провалы. Это — один из них. Харкур Великий делал заметки обо всех иностранных расах, которые встречал, но многие из этих записей были утеряны, когда к власти пришли браксаны. Утеряны на Берросе, когда правительство перебралось на Бракси. Это еще одна причина исследовать бывшую столицу. — Затар невесело рассмеялся. — Кажется, я нашел больше, чем предполагал.

Феран прочитал надпись на раме и поежился.

— Если надпись точна... — вымолвил он.

— Я уверен в этом, — кивнул притиера.

— ...тогда она... — Феран не смог закончить фразу.

— Да, Анжа лиу Митете — браксинка. Если говорить точнее, то мутация, отвечающая за странный цвет ее волос, проявлялась в нас во времена Харкура, когда Азеа и Бракси были связаны между собой. Этот контакт и оставил след в ее генах.

— Ты ей сказал? — уточнил Феран.

— Нет.

— Но ты...

— Теперь все не так просто, Феран... — Затар колебался, и сумятица у него в голове влияла на сказанное. — Анжа лиу Митете дезертировала.

Феран услышал, но не понял.

— Дезертировала? — переспросил он недоуменно.

— Покинула Империю, — добавил притиера. — Насколько я понимаю, без объяснений. Даже Звездный Контроль, кажется, не ожидал от нее такого. Это, конечно, могло быть притворством, но...

— Невозможно. То есть то, что она дезертировала. Нет. Я не могу в это поверить!

— Верь не верь, а это случилось, — и Затар рассказал Ферану все, что ему доложили шпионы.

«Завоеватель» отправился на ремонт на Лურიен, и вскоре после этого командир звездного флота и пять членов ее экипажа исчезли. Вместе с каким-то новым дипломатическим транспортом, предназначенным для осуществления пе-

ревозок внутри Активной Военной Зоны, — тогда над ним работали военные. Связь очевидна: список обвинений, которые вскоре будут выдвинуты против лиу Митете, начинается с кражи и кончается государственной изменой.

— На нее это непохоже, — пробормотал Феран, в то время как внутренний голос подсказывал ему обратное: «Очень похоже, Феран, очень похоже».

— Враг больше всего опасен, когда непредсказуем, — подвел итог Затар.

— Но Анжа все делала ради войны...

— И политика заставила ее пойти на мир, которого она не хотела. Послушай, Феран, ты ведь все понимаешь! Ты сидел на переговорах рядом со мной — разве ты это не увидел? Если бы Анже позволили действовать так, как она считает нужным, то мы никогда не заключили бы этот мирный договор. И она могла бы принести нам невероятные разрушения во время эпидемии чумы и после нее, если бы они ее не остановили. Как воин может спокойно повиноваться после таких ограничений? Каждый день, пока мы соблюдали наши обязательства по договору, был для нее, вероятно, как заноза в палец. Пока Анжа не сломалась окончательно. И отправилась — куда? Я должен знать это, Феран. Она слишком опасна, когда разгуливает по галактике. Слишком непредсказуема. Я должен найти ее.

Ферана грызло постоянно растущее чувство тревоги, он начинал осознавать намерения Затара.

— Притиера, нет способа... — начал он.

— Ты найдешь ее для меня! — оборвал его Затар.

— Это невозможно! — воскликнул Феран.

— Твой хваленый Институт утверждает, что все возможно. Расстояние — не преграда для телепатии...

— ...но это слишком неясно, сосредоточиться можно лишь на ограниченной области, притиера! Если нужно искать по всей галактике...

— Мы можем сократить поле, Феран, — быстро заговорил Затар. — Значительно сократить. «Звездные птицы» передвигаются быстро, но протяженность полета все равно ограничена. Это сузит границы твоих поисков.

Страх — очень давний страх — объял Ферана.

— Она меня убьет! — в ужасе крикнул он.

— Придется рискнуть. Ты ведь не боишься, Феран. У зондов есть хитрости, которые не могут освоить простые телепаты. Или, по крайней мере, ты так говорил. Неужели ты не можешь воспользоваться своими уловками для самозащиты?

Не исключено... Абстрактное прикосновение, не ассоциирующееся с конкретной личностью, может пройти незамеченным. Если он *сможет* найти Ее.

— Никто никогда не делал ничего подобного... — несмело сказал зонд.

— Значит, ты будешь первым, — Затар начинал злиться, и Феран это чувствовал. — Ты должен ясно понять: или ты принадлежишь мне, или — ты погиб. Ты будешь служить мне — успешно — или я тебя убью.

Бледное лицо Ферана побелело еще больше.

— Притиера...

— Анжа — это угроза, — объяснил Затар. — Я должен ее найти и ты — мое единственное оружие против нее. Выбирай!

Феран чувствовал тяжесть кандалов на своих руках, чудовищный груз несвободы.

— Я попытаюсь, — выдавил он. — Но я не знаю, возможно ли такое...

— Если ты не способен служить мне, результат будет таким же, как если бы ты отказался. Все просто, зонд, — Затар открыл дверь, пресекая любые возражения телепата. Рабочие вновь вошли в мастерскую, покорные и не проявлявшие никакого любопытства. — Отчитаешься утром, — приказал притиера. — О результатах.

* * *

Феран стоял на крыше особняка семьи Зарвати, его мышцы сводило от страха, и он пытался собраться с духом, чтобы начать. Он размышлял о том, какая судьба хуже. Потерпеть поражение и вызвать гнев Затара? Или преуспеть и столкнуться с гневом Анжи? Феран содрогнулся при мысли об этом. Но из них двоих Затар представлял более близкую угрозу, и поэтому Феран устроился у стены обсерватории и позволил своему сознанию свободно бродить, искать живое среди звезд.

...Коснуться насилия и стремлений, ярких граней и светящегося золота богатства... сосредоточиться на некоей культуре, ничего более. Он был непривычен к такому виду работы, поэтому ему было трудно сосредоточиться на требуемой цели. Вон там, сознание или два сознания ярко выделяются на фоне тьмы... (он напрягся)... губернатор, алчный и корыстолюбивый; он болен раком, неизлечимым из-за какого-то жестокого медицинского закона, который он сам и ввел, не ожидая, что закон прищемит и его... Женщина, с такой тягой к звездам, что ее жажда вибрирует в Пустоте, она совсем растрогала телепата... Тысяча других, в равной степени выдающихся умов; в равной степени нормальных, потоки мыслей, сливающихся с Пустотой, поднимались, выходили на поверхность и снова поднимались где-то, когда-то... и ни одна из них не принадлежала Ей, ни по силе, ни по устремлению.

Изможденный Феран отступил. Его руки дрожали, сознание ослабело от непривычного напряжения. Где сейчас Анжа? Что делает? Как вообще начинать такой поиск? Феран может исследовать всю галактику, планету за планетой, и умереть просто от старости, не пройдя и половины пути, — в то время как Анжа, перелетая из порта в порт, может найти убежище на планетах, которые Феран уже обыскал. Ему стоит поискать ненависть, вендетту, насилие, раздражение или что еще? Какая грань ее личности сильнее всего выделится среди множества полужестрасенсорных сознаний, что наполняют мыслями Пустоту?

Он почувствовал чье-то присутствие. Феран прикоснулся к сознанию гостя: это был Затар. Не поворачиваясь, он с горечью произнес:

— Я пока не нашел.

— Так я и понял, — откликнулся Затар.

Притиера остался. Феран вновь попытался отправить свой запрос в Пустоту, но привычка не дала ему это сделать в присутствии другого человека. Он уловил свое отражение в сознании Затара и заметил слезы, блестящие в свете звезд на его щеках — слезы незнакомки, затерянной где-то далеко в Пустоте и потерянной навсегда. Феран ничего не сделал, чтобы утереть слезы или показать, что они — не его: вполне может быть, что и его.

— Я прошелся вдоль одной из приграничных территорий так внимательно, как мог, — промолвил телепат. — Не исклю-

чено, что я пропустил ее. Если нет, то я даже не могу тебе сказать, какие планеты я просмотрел, только — в каком направлении они находятся и их так называемые культурные почерки.

— Твоих способностей, кажется, недостаточно для выполнения задания, — ровным голосом произнес Затар.

Феран молча закусил губу и с минуту молчал перед тем, как ответить:

— Так значит, мне придется улучшить их, не так ли?

Твердый кусок пластика коснулся его плеча. Феран взял его из рук Затара.

— Что это? — спросил зонд.

— Культурные модели главных планет в Холдинге, по секторам. Выдано компьютером. За качество не ручаюсь.

Феран пораженно посмотрел на пластиковую карточку. Там были данные по каждой планете: точное местоположение, положение относительно Бисалоанских небес и количество населенных людьми центров между планетой и Бракси — самые важные территориальные метки для телепатической работы. Отмечались и детали: «Колония на неприятно жаркой планете с низкой силой тяжести, сильным недостатком воды, большой дневной цикл. Местная религия — поклонение солнцу и воде, обычная фиксация на смерти, враждебное отношение к зимнему солнцестоянию...». Это был телепатический эквивалент звездной карты. Удивленный Феран посмотрел на Затара и вдруг почувствовал облегчение.

— Это может помочь... — прошептал он.

Но притиера уже ушел.

Какое-то время Феран изучал карту, знакомясь с ключевыми точками, затем собрался с силами и снова отправил ментальный шуп.

...Лес разумов, ветвями перепутанных в бескрайнем космосе, яркие точки тут и там... он насчитал одну, две, три, направленные сквозь созвездие Ликующего Воина, вон там прочно укрепиться и...

Телепат ухватился за планету Талмир и повернул ее у себя в сознании, погладил поверхность вопросительными импульсами и заметил тут и там ошестинившиеся от непривычного контакта сознания. Природные экстрасенсы, но не развитые, не действующие. Феран снова дотронулся до них только на мгновение, ему стало грустно, что его же сила принесла ему

столько боли. «Почему я не мог быть таким, как они?». Затем Феран прошел сквозь разум планеты в целом и не нашел ничего, что вело бы к желанной цели.

«Я не хочу умирать!» — в панике думал он. Страх его распространился во всех направлениях, пока, несомое течением Вселенной, его отчаянье не коснулось всех планет в Холдинге. Это было опасно. Если Анжа учует Ферана до того, как он найдет ее, она может нанести удар, пока он открыт. Феран отвлекся от поисков и снова сосредоточился на своем положении. Тело его в страхе сжалось на полу обсерватории, прижав руки к животу и судорожно подергиваясь.

«Ты должен прорваться... должен!» — билось в голове Ферана.

Удар, вызванный безысходностью, прорезал Пустоту и разорвал ментальную оболочку какой-то неизвестной планеты. «Я теряю контроль!» — беспомощно подумал Феран. Он представил модели дисциплины разделения, прогнал их сквозь разум один раз, другой, третий, — и они наконец закрепились и закрыли его от мира. «Все дело в проведенных здесь годах, — сказал Феран сам себе. — Подготовка дала сбой». Но он был доволен, что все-таки заработало.

Через какое-то время он опять осторожно выпустил щуп. И тут же убрал его, чтобы подумать.

«Если буду слепо переходить от сектора к сектору — даже если не придется пройти их все, — все равно неэффективно, — признал он. — Должен быть лучший способ. Мне нужно его найти...»

Феран отпустил мысли, чтоб они развивались сами по себе, и ждал, какие выводы сделает подсознание.

«Я — зонд, а не телепат. Тем не менее, я занимаюсь этим так, как сделал бы любой телепат в такой ситуации, и у меня столько же шансов на успех. Должен быть другой подход, что позволит мне применить всю мою силу, даже абстрактные способности, тем особенным образом, который не присущ обычному телепату. Это мой единственный путь».

Это была не более чем догадка, но Институт научил, что подсказки интуиции — ценный познавательный опыт, и Феран верил в это.

«Я думал об Анже в конкретных терминах. Телепат. Ренегат. К'айр'вса. Это те метки, что требуются телепату для

работы и ограничивают силу только могуществом сенсорного опыта. Я знаю ее ментальную подпись. (Ар, как хорошо я ее знаю!) Мне нужно думать о ней в чистом виде».

Телепат задумался о самой природе поиска. Если требуется найти предмет в большом доме, размышлял Феран, то необязательно начинать с тщательного изучения каждой детали архитектуры. Человек быстро осмотрит весь дом и поглядит, не лежит ли искомый предмет на видном месте.

Почему бы не поступить так и со звездами?

В напряжении и страхе Феран приготовился. Отражая наложенные им самим барьеры, он собрал всю свою силу и отделил от нее все связывающие мысли и образы, пока вся его сущность не подчинилась чистой телепатической чувствительности. Затем Феран открыл свое сознание космосу.

Мысли и чувства без имени, знакомые и незнакомые, устойчивые и мимолетные, продолжительные и мгновенные... море мыслей, без стремления им управлять... концентрации здесь и там (не нужно думать «планеты», попросил зонд сам себя), и вон там снова... там такой уклад... а вон та дышит разрушением...

Казалось, он дрейфовал в потоках мыслей целую вечность; он забыл, какое удовольствие доставляет этот процесс. Чтобы сфокусировать внимание на океан разумов во Вселенной, Феран оставил контроль над телом небольшой части мозга, которая могла делать это автоматически, и плыл, свободный от всех материальных забот, в радости чистого чувства. Миры кружились вокруг него, а с ними мысли миллионов существ перемещались по своим орбитам и циклам, от сонно-молчаливых до нервных и настороженных, отражения света и тьмы, и времен года медленно двигались вокруг сознания Ферана, яркие ментальные точки плясали в пустоте перед ним...

«Анжа».

Он осторожно коснулся ее, очень осторожно, лишив свое сознание какой-либо индивидуальности, позволяя только легчайшему шепоту коснуться ее чувствительного разума. Она была слишком занята, чтобы заметить, или, что не исключено (это пришло ему на ум только теперь), она не смогла распознать истинно абстрактный импульс. Феран отступил и мягко исследовал ее окружение. Пять сознаний, четыре из них — экстра-сенсорные, составляют планы на будущее... Было безопаснее

читать их сознания, чем сознание Анжи, Феран так и поступил. Тьма, световые годы, многие годы, время проходит в бездействии... неясность, неизвестность... обнаружат — и хорошо!... честолубие, намерение добиться победы... терпение, превыше всего остального — терпение. И всегда — образ тьмы; это будет важным для Затара, Феран не сомневался. Он дотронулся до ближайших планет и поглотил их культурное наполнение: увеличение роскоши, оргиастические ритуалы в сезон сбора урожая, спокойная, безопасная окружающая среда; колониальные проблемы, мужское население превалирует, добыча полезных ископаемых в более холодных регионах... Феран вытянул все, что мог из планет, мимо которых проходила Анжа, запоминая их культурную ориентацию. Она даст ключ к местонахождению Анжи. Феран сделал над собой усилие — несмотря на растущую усталость надо было продолжать поиски...

...сильная боль в центрах мысли, это слишком, слишком, разум напрягается, тело падает, я тону! Возврат, возврат (дисциплина реинтеграции), возврат...

Он открыл глаза.

Ничего.

Глаза. Зонд прикоснулся к ним. Ощущение. Туман перед взором проясняется... Солнце — жжет, печет... Со слабым стоном Феран отвернулся от света.

— Лорд Феран, — мягко произнесли за спиной.

Он поднял голову и удивился, что притиера способен на такой мягкий тон.

Затар присел на корточки рядом с ним и по обе стороны от Ферана опустили на колени две женщины. Одна из них протянула ему чашу с водой, вид которой вызвал у него жуткую жажду. Феран пролил большую часть воды, пока пил, — контроль над телом был еще далек от совершенства.

— Я добрался до нее, — выдавил он хрипло, во рту совсем пересохло, но телепат ликовал.

Затар ждал, что он скажет дальше.

Феран сообщил все детали дела. Затар ввел все это в компьютер; надо надеяться, что огромный мозг, охраняющий Дом, сможет что-то сделать с этой путаницей и перевести собранную информацию в конкретные данные.

— Я нашел ее... — прошептал Феран. Его глаза были закрыты, солнечный свет проникал даже сквозь плотно при-

крытые веки. «Я дотронулся до нее... Кто мог подумать, что один человек может быть столь силен?».

Женщина омыла его лоб прохладной водой. Прикосновение ее руки принесло зонду неожиданно сильное страдание, даже с его повышенной чувствительностью. Феран потянулся к ее сознанию и понял, что получил солнечный ожог. Его чувства яростно воспротивились, отказываясь от усилий, и его экстрасенсорная и физическая реакция оказалась такой сильной, что Ферана вырвало прямо на пол.

Женская рука нежно гладила его шею, снимая напряжение. У него не было сил двигаться, он лежал там, где упал. Чужие руки вымыли его, затем — пол под ним.

— Ты все сделал хорошо, — послышался голос притиеры, как будто не связанный с его обладателем. — Анжа направляется прочь от Холдинга, к Пустой Зоне, за Йерренской границей. Мы не сможем найти ее в самой туманности, и потребуются годовой перелет, чтобы покрыть это расстояние, но, по крайней мере, у нас есть, с чем работать. Похоже, она убегает от Войны, — заметил Затар.

— Я не верю в это, — прошептал Феран.

— И я тоже. Мы получим лучшие данные о направлении у компьютера, затем я отправлю туда разведчиков. Мы ее найдем.

— Притиера... — Феран закашлялся, потом снова попробовал заговорить. — Если ты скажешь разведчикам, что они ищут... Они сосредоточат на ней свое внимание. Анжа это быстро поймет. Физическое расстояние для нас мало значит; ментальный фокус — это все. Будь осторожен... — Феран хватал ртом воздух, горло саднило и дышать было тяжело. — Мне жаль, что потребовалось столько времени... — какую чушь он несет! — Пропустил утро...

— Пропустил три дня, Феран. Но все в порядке, — сильная рука сжала его плечо. — Результат стоил ожидания.

Феран заснул.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ

«Когда Дом человека кажется наиболее безопасным, тогда он и становится наиболее уязвимым для атаки».

Витон

Подобно тени, Сечавех ступал по плохо освещенному коридору. Стены вокруг него были сделаны из камня, как и лестница, ведущая сюда, как и помещения, двери которых вели из этого коридора. Холодный камень, грубый, серый и влажный из-за подземной влаги. Грибок кучковался на неровных плитах и раёдал раствор между ними; запах гниения густо висел в узких проемах, напоминая о пытках, которые тут происходили, и на мучения, которые еще предстояло перенести узникам.

Сечавех был напряжен, он всегда был напряжен. Но теперь тревога натянулась как струна, душила само его сердце. Ярость кипела в нем, кипела и лилась через край, пульсировала среди древних стен, затопляя коридоры какофонией гнева.

Он проиграл! Нет, он НЕ ПРОИГРАЛ. Это было непременно: Сечавех не может проиграть. Другие с их жалким сочувствием, доверчивые к женщинам и недооценивающие своих врагов, своих собственных коллег... Они могут проиграть и увидеть, как планы их рушатся. Но не он. Жизнь показалась выцветшей и бесполезной лишь на миг... Сечавех подавил свою ярость как мог и пообещал самому себе: «Завтра. Завтра я отомщу!».

Но завтра не будет, и он это знал. Сечавех страстно желал управлять Бракси с того дня, как ступил на эту планету — циничный юноша, со шрамами, не зажившими после его унижения на чужой земле. С тех пор каждое мгновение он проводил или в работе для достижения этой цели, или в мечтах о минуте, когда мечта наконец станет реальностью. Сечавех объединился с Йирилом потому, что тот пользовался уважением среди кайм'эра, и предложил безжалостность и свою молодость в обмен на то, что Йирил согласится поддерживать его и направлять. И именно он успокаивал Сечавеха, он обучал юношу плетению интриг в сердце власти, а позднее он использовал его неистовство и Сечавех ответил ему тем же. Они объединились с Виниром потому, что в то время это казалось разумным политическим шагом. Трое мужчин действовали сообща и могли использовать власть в правительстве, где предполагалось, что ни один человек не станет поддерживать другого. Затем Затар... Сечавех выругался, как только имя это слетело с его губ, выплюнул его, словно ядовитую мерзость. Затар. Он сделал возможным

единоличное правление, а затем воссел на троне, в то время как Сечавех, бессильный из-за маленькой неосторожности, вынужден остаться в стороне и беспомощно наблюдать. Затар! Сечавех планировал сбросить его в подходящий момент, чтобы привести Холдинг в состояние хаоса, а затем восстановить свое положение. Он использовал Затара в молодости и был готов противостоять его растущей силе; он провел годы, планируя этот шаг, мечтал о нем и был готов к нему.

А затем появилась Венари.

И чума.

И бессилие.

Сечавех зарычал и ударил кулаком по пластине у обитой сталью двери, которая сама поднялась вверх, чтобы впустить его внутрь. Дал сигнал, чтобы дверь снова опустилась у него за спиной, и оказался заперт в крошечной каменной камере, где пахло гнилью и смертью — и страхом.

«Затар, я тебя уничтожу!» — свирепо подумал Сечавех.

Он осмотрел камеру, наслаждаясь отвратительной атмосферой. Эта камера была одной из самых маленьких, он специально спроектировал ее, повторив темные помещения иллеанских катакомб. Влажная, вонючая и вдобавок душная, кошмар для страдающего клаустрофобией. Стены давили на жертву, низкий потолок был хитро выложен камнями так, что казалось, будто они плохо укреплены. Может ли потолок упасть и раздавить беспомощного пленника? Тому, кто не знал деталей проекта, на ум приходил только положительный ответ. Стены также создавали ложное впечатление, вверху они словно клонились внутрь, и будто давил вес земли над головой, тысячи тонн породы, что вот-вот обрушатся и погребут под собой все.

Сечавех сломил многих людей в этой камере, и ему не требовалось прилагать особых усилий, чтобы сломить их: самого вида камеры было достаточно, если в нее помещали тех, кто давно привык к широким открытым пространствам и бесконечности Пустоты. Теперь в камере содержалась лишь одна пленница — женщина в начальной стадии лихорадки, прикованная цепью к неровной стене. Сечавех остановился перед ней и дотронулся пальцем в перчатке до ее щеки. Женщина дрожала от страха, ее обнаженное тело покрывали

мелкие бисеринки пота. В тусклом, неровном свете золотистая кожа женщины казалась серой и морщинистой; ее прекрасные белые волосы спутанными грязными прядями свисали на плечи. Комки грязи и пыль в них напоминали прически азеанских дипломатов, которые обычно посыпали волосы золотистым порошком. Заместитель командира, капитан истребителя, ведущая разведчица... Сечавех не помнил ее точный ранг, но это не имело значения. Ее привезли на Бракси, и он сломил женщину, вытягивая секретную информацию из ее извивающегося тела, подобно тому, как выжимал сок из плода сары. Теперь осталась лишь пустая оболочка, чтобы потешиться вдоволь, и Сечавех с наслаждением исследовал ее недостатки.

Женщина посмотрела на него — или сквозь него — глазами, давно потерявшими блеск. Запах страха пронизывал ее дыхание. Одна только близость Сечавеха причиняла ей жуткую боль, и он знал это; пододвинулся ближе, прижимая ее к стене своим телом, и улыбнулся, когда стон, полный страданий, вырвался из ее груди. Женщина страдала клаустрофобией; выяснить это не составило большого труда. Теперь Сечавех владел ключом к ее душе — это было нечто подобное Имени, если бы азеанцам давали Имена. Ее страх вначале проявлялся слабо, как легкий дискомфорт, и она без труда с ним справлялась, избегая ситуаций, что разбудили бы ее дремлющую фобию. Но поступая так, она не знала еще Сечавеха.

Глядя в глаза женщине, он увидел последствия своей работы: тонкую грань между ужасом и безумием, на которой балансировала пленница, страстно желая последнего, но страдающая в руках Сечавеха от первого. Если работать осторожно, она может прожить десятки лет; каких высот может достичь ее фобия, если у Сечавеха будет целая жизнь для работы над нею? Мысль возбудила его и заставила кровь вскипеть в жилах. Когда-то женская плоть могла доставлять ему удовольствие — судороги, агония, когда они кричали, умоляли, умирали. Но теперь удовольствие заключалось в боли, и только в ней. Сечавех испытывал голод к неистовой враждебности, видя в нем особое удовлетворение.

Он дотронулся пальцем до век женщины, отмечая ее рефлекторную реакцию. Разве не удивительно, что тело еще

пытается защититься от увечий, после того, как душа давно потеряла надежду? Сечавех вскоре вырвет ей глаза и сравнит, как разница между темнотой слепоты и темнотой тюрьмы влияет на ее фобию. Будет ли качественное различие? Воображение только что ослепнувшей сделает невидимую тюрьму более давящей — или, наоборот, снизит эффект черноты, в которую никогда не проникнет луч света? Этот вопрос заставил кровь бурлить сильнее, и Сечавеху стало жарко.

Внезапно женщина вскрикнула, и ее глаза округлились от ужаса.

Что касается Затара... Сечавех проклинал это имя, этот Дом, и больше всего — собственную глупость. Но он еще отомстит! Закон там или нет, но он в конце концов победит. Благодаря собственным слабостям Затар лишится силы и погибнет; Сечавех не зря провел жизнь в изучении человеческих страданий и изучал их не только ради преходящих удовольствий. Он знал, как принести боль Затару, если не удастся лишить его власти; он мог заставить сердце Затара кровоточить, пока трон Бракси не потеряет для него смысл — пока он сам не попробует тот вид бессильной ярости, которую вынужден терпеть Сечавех.

Он все спланировал, и вскоре план начнет работать. Ньен станет первым ударом: она получит сильный удар, болезненный, возможно, даже в открытую. В ней нет крови браксанов, и поэтому закон не защищает ее от Смерти по Прихоти. Как характерно для Затара, что он воспринимал ее безопасность как должное все эти годы! Какую печаль узнает великий притиера, который снимал перчатки перед женщиной? Он это заслужил, заверил себя Сечавех.

Женщина на полу резко вскрикнула; ее лицо побелело от страха и она извивалась у стены, отчаянно дергая удерживающие ее цепи. Это будет интересное развитие ситуации! Сечавех схватил женщину за подбородок и заставил ее посмотреть себе в глаза. Кровь капала с ее раскрытого в крике рта, оставляя пятна на его перчатке. Внутренние повреждения? Но на какие конвульсии вдохновляет его присутствие! Возбужденный, с любопытством он смотрел на нее — и вдруг быстро отступил назад, когда причина страданий стала очевидной.

— Нет! — прошипел Сечавех, отступая назад настолько, насколько позволяла крошечная камера.

Черная пена выступила на губах женщины и потекла по подбородку, следуя по кровавой тропе. Все тело ее содрогалось, куски черноты стали появляться тут и там на мокром от пота, худом теле.

Черная Смерть.

Первый шок быстро прошел, и к Сечавеху вернулся разум. Пока он в безопасности, потому что ее тело приковано цепями, но руки и ноги бьются в судорогах, и по мере того, как их съедает изнутри, он может оказаться в опасном положении. Сечавех быстро двинулся к двери и положил руку на управляющую замком пластину.

Ничего не произошло.

Он нажал снова.

Дверь не двигалась.

На лбу выступил пот; Сечавех понял, что руки его дрожат. Снова и снова он пытался заставить управляющий дверью механизм работать. Наконец он подпер плечом дверь и попытался поднять ее — но никакой ручки там не было, не имелось совсем ничего, за что можно было бы ухватиться. Гладкий, тяжелый камень скользил и не поддавался.

Сечавех испугался.

Теперь крики стали оглушительными, и в другом месте, в другое время они пронзали бы его душу удовольствием; теперь же кровь стыла в его жилах, руки похолодели, сердце объял холод. Сечавех отступил от женщины настолько, насколько мог, и вытянул перед собой плащ. Еще одна преграда между ним и страшнейшей пыткой для человека. А плащ вообще-то поможет — достаточно ли его? Кричать о помощи бесполезно; кто услышит его голос на фоне диких воплей? И помогут ли, если услышат? Кто-то запечатал дверь за его спиной; такие вещи не происходят случайно. Кто-то, имеющий доступ к системе безопасности Дома и способный организовать срыв работы компьютера...

— Позовите Силне! — приказал Сечавех.

Кусок живой гнили приземлился прямо у его лица и едва-едва не задел плечо. Сечавеха унижала необходимость звать на помощь женщину, но дело было в том, что Силне была единственной в Доме, кто не мог допустить смерти Сечавеха. Если она лишится его поддержки, то останется бездомной, — женщина, которая так провинилась перед Хозяином, не смо-

жет найти нового патрона среди высшего класса. Она не смела перечить ему... и поэтому он ей доверял.

— Силне!

Линия черноты проложила путь по ноге женщины, она извивалась в судорогах, куски ее плоти бомбардировали Сечавеха со всех сторон. Один из них попал ему на плащ, но мужчина быстро его сбросил.

— Скажите Силне, приведите ее сюда! — кричал он в отчаянии.

Его плащ пожирала Черная Смерть; Сечавех в ужасе смотрел, как тот съедается, словно живой, и содрогнулся от мысли, что то же самое может случиться с ним самим.

— Компьютер! Позови...

Вверх взлетел еще один кусок гниlostной вонючей субстанции, ударился о Сечавеха и быстро пустил корни в шерстяном рукаве его туники. Если бы Сечавех одевался, следуя иностранной моде, то у него было бы мгновение, чтобы сбросить эту дрянь — при помощи меча или даже ножен, любого металлического или синтетического предмета. Увы, ткань, из которой была сшита его одежда, имела животное происхождение и была богата протеинами, а поэтому представляла съедобный материал для жуткой Смерти — как и плоть, что находилась под одеждой. Сечавех застонал, когда яд впился ему в руку, попытался в последний раз закричать, прося о помощи, но лишь завыл. А яд, жадный до чужой боли, поглощал его нервы.

Сечавех машинально поднял вторую руку — попытаться счистить хоть немного яда с пораженной руки, но остановился. Дотронуться до Черной Смерти означает распространить яд дальше. Как тогда ему спастись? Он заставил себя стоять неподвижно, выдерживая пронзавшие тело раскаленные иглы боли, пока черная грязь не стала капать с пораженных пальцев. «Должен быть способ пережить это!» — лихорадочно думал Сечавех. Азеанцы часто заражаются и не умирают от этого. Какой техникой они пользуются?

Когда новый приступ боли взорвался в предплечье, Сечавех вспомнил.

Он сжал зубы и приготовился, собираясь с силами. Теперь есть надежда... и жуткое очарование, в котором он никогда бы себе не признался, любуясь, как он справляется

со смертью, что унесла многих. «Боль и я — старые товарищи...» — подумалось Сечавеху. Он протянул правую руку к жаору, осторожно приложил большой палец к замку. Он был запрограммирован на левую руку, но сработал и в ответ на прикосновение правой — и Сечавех с облегчением вздохнул, когда ножны открылись, хотя слезы затмевали ему взор, пока он доставал клинок из ножен. Ампутация: в этом и заключался секрет. Отрезать конечность, в которой поселился яд, до того, как он успел распространиться. Сечавех рубанул себя по больной руке, прежде чем засомневаться. Это следовало делать быстро. До того, как боль поглотит разум.

Меч — который мог резать настоящий металл и должен был пройти сквозь тело, как масло — отскочил от его руки! Отскочил — и упал на каменный пол, за пределы досягаемости. Сечавех в ужасе уставился на него и закричал — потому что яд вошел в его тело. Бездумный звук, безумный, боль, невыносимая боль... Черная Смерть коснулась его щеки и зацепилась там корнями, поэтому, когда Сечавех стал хватать ртом воздух, она начала его душить. Он упал, но не расшибся и в любом случае это было неважно: его пожирало изнутри, словно яд обладал разумом и намеревался доставить человеку максимум страданий. В этом он преуспел.

И затем — верх издевательства — яд остановился перед сердцем. Кипение плоти прекратилось, чернота посерела. Оголенные нервы пели о пытке, в то время как сердце с трудом продолжало биться, борясь за жизнь, которая уже стала хуже смерти. Но сражение давно было проиграно. Кровь выливалась, словно откачиваемая насосом. К мозгу не поступал кислород, он держался за мысль о боли сколько мог, затем медленно стал отступать во тьму.

Лорд, Старейшина и кайм'эра Сечавех, сын Лурата и М'нисы, умер.

* * *

Силне ждала в библиотеке, используя доступ Сечавеха к Центральному Компьютеру, чтобы поиграть с финансовыми владениями. Вокруг уже собирались коршуны. Хозяйки браксанов подбирали остатки власти Сечавеха, искали кусочек оставшегося, чтобы прибавить к своей собственности. Через цент-

ральную компьютерную систему Силне сражалась с ними, покупая и продавая акции своего бывшего Хозяина с опытом, рожденным многолетней практикой. Пусть Дом Маракса горит желанием получить айяранские шахты, которые теперь лишились Хозяина, — Силне сорвет его планы, как и планы тех Домов, что последуют за ним. Она бросала мелкие кусочки, чтобы усмирить жадных, пока сохраняла при помощи своего опыта большую часть имения, оставшегося без Хозяина.

Силне занималась этим лишь для развлечения. Она ненавидела ожидание. Дом Сечавеха будет отдан чужаку — какому-то лорду из семьи Сутракаренов — и она станет отверженной. Ни одна Хозяйка, потерпевшая крах на службе своему лорду, не сможет остаться на вершине браксанской социальной системы. Очень хорошо, Силне уйдет. Но они ее запомнят. Вспомнят, что империю Сечавеха создала она, и она поддерживала ее. Вспомнят, что сила и власть, с которыми другим так хотелось объединиться, были и ее заслугой, не только Сечавеха. Безжалостная эффективность и способности, которые делали Сечавеха таким опасным врагом, основывались на десятилетиях работы его Хозяйки и зависели от ее преданности.

Силне вызвала т'саракенские контракты Дома и перевела в другой речевой режим важные пункты, в результате чего немедленная передача владения станет почти невозможна. Т'саракенский компьютер нашел новые фразы синонимичными старым и принял их; ни одна небисалоанская система не запрограммирована на использование всех сорока двух речевых режимов браксанского языка, и поэтому можно было украдкой вводить легальные изменения, обходя во всем остальном внимательный анализ системы. Силне откинулась на спинку стула и посмотрела на плоды своих рук. Да, неплохо... это удержит виноградники от заграбуливающих рук кайм'эра Ласира достаточно долго. Достаточно долго до раздела имущества...

Она уставилась на дверь, поскольку та вдруг открылась.

— Лорд Турак! — Силне встала, ловко коснувшись пульта управления и погасив экран. Сын Сечавеха вошел, и дверь за ним заново закрылась. Библиотека, как они оба знали, была звукоизолирована. — Они закончили?

— Мы закончили. — Турак сделал паузу, упиваясь ее замешательством. Как он похож в этом на своего отца! — Кажется, с Хозяином Дома произошел несчастный случай.

— Несчастный случай, — выдохнула Силне. — Значит...

— Останки были изучены, и все факты указывают на один и тот же вывод: Сечавех планировал пронаблюдать, как женщина умирает от Черной Смерти, и для этой цели заразил ее специально отмеренной дозой Яда, Ждущего Своего Часа. Защищенный личным силовым полем, он зашел в камеру, чтобы понаблюдать за неприятной пыткой. К несчастью — для него — приборы не сработали, и Сечавех оказался беззащитен. Яд добрался до него и поразил несколько органов до того, как его действие прекратилось. Так говорят следователи, а кто я такой, чтобы с ними спорить? Сечавех истек кровью.

— Медленно истек... — пробормотала Силне.

— Как похоже на женщину Сечавеха — отметить этот факт! — улыбнулся Турак. — Медленно — да, в сравнении с тем, что случилось бы, если бы яд действовал немного дольше. Я предполагаю, что он страдал. Это тебе нравится?

— Думаю, ты путаешь меня с моим бывшим Хозяином, лорд Турак. — Ее голос был полон презрения.

— Как легко это слово срывается с твоих губ! Бывший Хозяин, в самом деле? А как ты будешь жить без него? Ты его ненавидела, Силне? Может, этого достаточно, чтобы убить? Не беспокойся по этому поводу — теперь, после того, как следствие тебя оправдало! Было трудно подавлять гордость все эти годы, чтобы получить власть, которую ты хотела получить — или ты разделяла его интересы? Кажется, никто точно не знает.

— Не думаю, что это должно быть известно тебе, лорд Турак, — отрезала Силне.

Турак пересек комнату, подошел к Силне и встал за ее спиной, его шепот раздавался над ее левым плечом, пока он рассматривал пустой экран.

— Они даже проверили пояс силового поля — на контакт с ядом — и нашли, что кожаный футляр съеден, как и должно быть. Ты только представь это! Я думаю, что такой человек, как мой отец, проверил бы свое силовое поле перед тем, как подвергать себя таким опасным развлечениям.

— Может, он был слишком погружен в свои мысли, — предположила Силне.

— Может. — Турак положил руки ей на плечи; сильные руки, нетерпеливые и напряженные. — Ножны для жаора,

которые нашли при Сечавехе, сделаны из очень искусно обработанной латуни. Я всегда думал, что мой отец больше любит кожу и шелковые украшения — но, с другой стороны, я могу и ошибаться. Определенно такие вещи пострадали бы от контакта с ядом. — Турак заставил Силне посмотреть на него. — Но это ведь не тот меч, который был при нем в момент смерти, не так ли?

Она вырвалась и отошла достаточно далеко, чтобы он больше не мог ее коснуться. И повернулась с каменным лицом.

— Очевидно, кровь Сечавеха передалась тебе, — оценивающе сказала Силне. — Ты — достойный наследник.

— Его кровь и подготовка — а также твоя. — Турак медленно подходил к ней, разглядывая ее фигуру. — Нежная, невинная Хозяйка. — Силне сморщилась от такого оскорбления. — Я хочу получить меч, который ты у него забрала, — потребовал он.

— Зачем? Чтобы сдать меня кайм'эра? Нет, спасибо, Турак.

Турак подошел к ней вплотную и схватил за плечи. Силне сопротивлялась, но не могла вырваться.

— Меч, Силне! — заорал он. — Это мое право!

Она гневно уставилась на него.

— Это единственное доказательство случившегося. Неужели ты думаешь, что я его сохранила? — Легкая улыбка смягчила его гнев.

— Я тебя знаю. Сохранила.

— Еще не родилось представителя племени браксана, который мог бы устоять перед заслуженным трофеем. Ты так рассуждаешь? И я не лучше остальных?

Турак потряс Хозяйку за плечи, на этот раз сильнее.

— Я дал тебе тот яд. Отдай мне меч!

Силне вырвалась — и рассмеялась с издевкой.

— Как пожелаешь, лорд, — покорно сказала она. — Пойдем со мной.

Он молча последовал за ней в комнату, которая почти во всем напоминала другие — за исключением маленького тайника в одной из стен Силне открыла его одним движением.

— По нашему уговору Сечавех сюда никогда не заходил. Вот. — Она достала жаор. Богатые, покрытые шелком ножны были съедены, корка черного пепла упала с поврежденных краев.

Силне протянула жаор Тураку.

— Тупое лезвие... — Турак коснулся пальцем смертоносного края и откинул его. Глаза лорда гневно горели. — Силовое поле. Ты...

— Я ничего не упустила, лорд Турак. Я не больше, чем ты, горю желанием умереть. Любому следователю сбой в работе покажется разумным, данные Дома подтверждают предполагаемую причину... Я очень, очень осторожна.

— Ты всегда была такой, — подтвердил Турак.

— Спасибо. — Затем Силне осмелилась спросить: — А имущество? Его уже разделили?

— Частично. Главный Дом станет моим. — Он убрал клинок в ножны и отложил меч в сторону. — И персонал — также.

— Значит, я?..

— Выбор за мной.

Турак подождал, пока неприятная мысль дойдет до сознания Силне.

— Что мне делать с женщиной, предавшей своего Хозяина? — спросил он с сарказмом.

— Я служила ему верой и правдой! — рявкнула Силне. — Я всегда была преданна ему — до тех пор, пока он не стал угрожать моему народу. Когда я выяснила, что он строит заговор против притиеры — что я могла поделать?

— Именно то, что ты сделала. С этим я не спорю. Но женщина, которая позволила своему Хозяину умереть... — Турак замолчал, повисла многозначительная пауза. Затем шагнул к Хозяйке и коснулся ее кожи. — Ты воплотила в жизнь мою самую главную мечту. Могу ли я не наградить тебя? Оставайся, если хочешь, и управляй имением. Ты станешь подчиняться моей Хозяйке, но никому более. Власти будет немного меньше, чем до этого — а общество, как я думаю, окажется более приятным, — Турак поцеловал ее с вожделением. — Скажи мне «да».

Она прошептала:

— Да.

Турак обнял ее, и приласкал, и довел до возбуждения, и взял ее; разве он мог поступить иначе? Каждый толчок его страсти отправлял его отца все дальше в могилу, и, обладая Силне, он сделал свой триумф полным. И она — вдохнов-

ленная убийством, желающая нормальных ощущений — она ему подходит, идеальная партнерша на ночь, когда Турак поднялся так высоко. Сила женщин всегда возбуждала его, а насилие будоражило. Как его отец мог не реагировать на Силне? Как он мог быть таким... бесчеловечным?

— Меч, — прошептал Турак поздно ночью.

— Что с ним?

— Острие также затуплено. Почему?

Силне улыбнулась, и он увидел, как в ее глазах загорается огонь.

— Я боялась, что он может убить себя.

— До того, как это закончится...

— Разве ты не догадался?

— Нет. — Он засмеялся. — Мне следовало бы догадаться.

— Мы были похожи, — сказала она тихо.

— Ты и мой отец? Или я и...

— Мы все — Силне выдохнула слова в лицо Тураку и это вновь взволновало его кровь. — Все браксаны. Ты станешь это отрицать?

И он ответил на вопрос со всей страстью.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ

«Ничто, даже удовольствие, не может связать двух людей так крепко, как продолжительная вендетта, поскольку она вынуждает на постоянный анализ силы и слабости другого, и обрекает участников стремиться к общей цели, обуславливает всю остальную деятельность».

Харкур

«О, Самый Великолепный Лорд и Славный Правитель всего, чем правит мощь Бракси, я, Алдар На-Трев, независимый разведчик на службе у Холдинга, прошу тебя принять это сообщение и учесть предупреждение, которое в нем содержится. Я понимаю, что для независимого разведчика традиционно отчитываться лично, но новости таковы, что на счету каждый миг. Беспилотное устройство способно добраться до Бракси гораздо быстрее, чем я, поэтому я посылаю это сооб-

щение впереди своего корабля, в надежде, что оно быстро достигнет цели. Только Ар знает, что может случиться со мной и Холдингом за следующие несколько жентов, но я считаю, что если буду проявлять осторожность, то сообщение все-таки дойдет до вас. Теперь важен каждый день, и в свете долгосрочных планов это кажется иронией судьбы. Итак, слушайте.

Мне принадлежит один из пяти кораблей, что по вашему приказу покинули Холдинг почти три года тому назад, служа вашему Дому. Вы дали нам задание наносить на карту определенные участки за Пустой Зоной и записывать, какую разумную жизнь мы там найдем. (Я напоминаю вам об этом, потому что это было давно, и я знаю, что вас беспокоят гораздо более важные вещи, Великолепный, поэтому — будьте снисходительны!)

Нам потребовалось более двух с половиной лет, чтобы пересечь Пустую Зону. Я не знаю, что мы ожидали найти после того, как через нее переберемся. Но мы были так рады снова увидеть звезды и что-то делать, кроме как спорить между собой, что бросились на первую возможность исследовать окрестности в поисках жизни. И что же мы нашли!

Простите, Великолепный, я понимаю, что все это должно казаться вам беспорядочным потоком мыслей, но я не знаю, с чего начать и у меня немного времени, чтоб привести собственные мысли в порядок. Я не ожидал ничего подобного. Видите ли, здесь на самом деле есть населенная людьми планета, мы нашли ее, и все находится в соответствии с Графиком Прогресса, который разработал Сукар столько тысячелетий тому назад — то есть она только разрабатывает ранние технологии и пока не знает, что делается в галактике. Точнее, не знала. Теперь они знают. Они добрались до своих лун, Великолепный, и достаточно скоро доберутся до звезд, поскольку кто-то помогает им быстро дойти до современного уровня развития. То есть кто-то из Основного Мира показал им технологию, обучил их контролю над силой тяжести и векторному ускорению, и если называть вещи своими именами, то мы нашли, как они со всем этим управляют.

Я проверил График Расширения и понял, что Бракси не грозит добраться до этого региона еще целых два столетия или больше — мне не нужно говорить вам, что за две сотни

лет этот народ достаточно подготовится, чтобы организовать сопротивление. Потому что здесь есть и кое-что еще. Это не какой-то злодей, что хочет обездолить все Основные Миры. Жителям этой планеты рассказали все о Бракси, и они уже строят планы. А через две сотни лет в той части галактики, где никто не будет им мешать развиваться, они быстро достигнут невиданного прогресса.

А теперь — самое худшее. Нисер сказал, что мы должны вернуться с новостями, но я ответил: нет, вначале нам нужно все исследовать и выяснить, откуда дует ветер. Какой толк рассказать вам о проблеме, не зная, единичный это случай или просто часть широкомасштабной кампании? Поэтому мы подсоединились к местным передатчикам — они только начали использовать искусственные спутники, что облегчило нашу задачу — мы сделали грубый перевод и когда поняли, что происходит, просто не могли в это поверить. Вы помните ту азеанскую командиршу, которая убежала на дипломатическом корабле несколько лет назад и никто больше не слышал о ней? Ну так вот — она здесь. И помогает этим людям развиться до стандарта Основного Мира и все время настраивает их против Бракси. Будет жуткая бойня, когда Бракси ударит по этому региону, если дело так и дальше пойдет, и я, признаться, рад, что меня не будет в живых к тому времени.

Разведчики, и я в том числе, посчитали необходимым сообщить вам об этом немедленно, чтобы вы могли распорядиться данными по своему усмотрению. Поэтому я в срочном порядке отправляю это послание (вместе со всеми координатами и т.д.) и все мы возвращаемся домой и надеемся, что хоть один из нас доберется. Я думаю, что они нас заметили. И если слухи соответствуют действительности, то Анжа лиу Митете захватила корабль, в сравнении с которым все мы будем бессильны, пока она снимает с наших кораблей силовые поля, будто кожицу с фрукта. Поэтому позаботьтесь о Бракси, лорд! И сделайте что-нибудь, прошу вас! Ради наших детей хотя бы. Что будет представлять собой Холдинг без завоеваний?»

Лицо Затара побагровело от гнева, но он контролировал свой голос, когда вновь заговорил:

— Значит, вот какую игру она затеяла. Я знал, что просто так она не убежит. Я знал, что Анжа что-то затевает. Но *это!*

И ударил кулаком по столу с такой силой, что все задрожало.

— На, почитай. — Он кивнул в сторону письма и отвернулся от Ньен во гневе. — Как она смеет! Как она смеет играть с самым технологическим балансом галактики, словно это еще одна звездная карта или истребитель, словно это какое-то оружие Войны, которое можно ввести в компьютер вместе со всем остальным...

Оцепенев от того, что прочла, Ньен уронила письмо.

— Конечно, она права, — пробормотал Затар. — И в этом все дело.

— Что ты намерен предпринять? — прошептала Ньен. Он горько рассмеялся.

— Сложный вопрос, Ньен. Бисалос! Я передумал все: что она может сделать, куда может отправиться, каким образом все еще может угрожать мне... но такого я не предполагал. Как я мог? Размах этого предприятия несравним с тем, что мы испытывали на себе раньше! Кто еще мог придумать такой план, тем более привести его в исполнение с такой безжалостной эффективностью?

Затар снова повернулся к Ньен. Кровь отхлынула от его щек, но глаза совсем потемнели от ярости. И... от страха?

— Пустая Зона — это безжизненное царство пыли и газов, которое не побеспокоился пройти ни один корабль до этого момента. Там нет удивительных звезд, ничего, кроме ничтожного хлама, и для сканеров она является статической, неподвижной. Путешествовать там нужно, полагаясь на веру и звездные карты; считывать надежные данные с имеющихся приборов, при условии, что путешествуешь на большой скорости, невозможно. Не вдаваясь в детали, достаточно сказать, что я не могу просто послать флот, чтобы разобраться с этим вопросом. Потребуется подготовка — женты, годы — чтоб организовать материальное обеспечение, какие-то маяки, способные функционировать в таком месте... и мы будем путешествовать вслепую, что в любом случае по-настоящему опасно, и еще более опасно, если Анжа знает о нашем приходе. Это одна проблема. Существует вопрос тактической подготовки. Даже если я немедленно отдам приказ снять

определенные корабли с текущего задания и отправлю за ней, последуют неизбежные задержки: планирование и организация моста через Пустую Зону, стратегические переговоры, дипломатическая подготовка, чтобы удержать новые неохраняемые регионы от восстания, пока флот находится в другом месте. А время! Минимум два года нужно, чтобы туда добраться. Только Ар знает, сколько лет, чтобы завоевать, еще два, чтобы вернуться — и это по меньшей мере! Никакой связи с войсками, пока они там, никакой надежды на подкрепление. Любое письмо, отправленное оттуда на Бракси, потеряет актуальность задолго до того, как прибудет на место. И даже если мы покорим тот жалкий мирок, мы никогда Ее не поймаем.

— Если Анжа поведет их в сражение... — произнесла Ньен тихо.

— Она не поведет их, — прервал ее Затар. — Не в том случае, если она и в самом деле хочет уничтожить Холдинг. Анжа исчезнет, как только все повернется против нее, и у нее в распоряжении будет вся незавоеванная галактика, чтобы спрятаться, пока не найдет какую-нибудь подходящую планету и не начнет все сначала. И как мы сможем остановить Анжу? О, Ар! — Затар с силой ударил себя по руке. Получился жест, злобный до неприличия. — Она натравливает их на нас, хочет, чтоб с нами поступили так, как мы сами поступили с Лугастом — и я этого не позволю!

Спокойным тоном, искусно усмиряя Затара, Ньен спросила:

— Что могу сделать я, лорд?

Он на миг закрыл глаза, позволяя гневу улечься.

— Мы должны действовать, — сквозь зубы процедил Затар. — Мы должны что-то предпринять — как можно скорее. Вызывай командующих флотом — Бенекса, Сирина, Тувира... и Херека. У нас перемирие, спасибо Азее за него; это удачно и пойдет нам на пользу. Мир может продлиться еще несколько жентов, в то время как мы разрабатываем план действий. Что касается Анжи... — Затар улыбнулся сам себе. — Я иногда забываю полный набор моего арсенала. Для войны мы призовем боевые корабли. Что касается воительницы... мы призовем того, кто ее сделал такой. Позови ко мне Ферана!

* * *

Когда Феран ответил на вызов Хозяина, то сразу забеспокоился, найдя Затара отстраненным и сдержанным, а когда зонд попытался прочесть его поверхностное сознание в поисках причины, то обнаружил, что его запрос отклоняют с вызывающим тревогу умением.

Как может человек, никогда не общавшийся с экстрасенсом подолгу, воздвигнуть такой идеальный щит? Достаточно одной силы воли? Феран обучал притиеру основам телепатической дисциплины, но это была просто теория, бессмысленная для нечувствительных к этому людей; он никогда не думал, что Затар ее усвоит.

«Если ты окажешься экстрасенсом в дополнение к тому, чем уже являешься, то никто не сможет противостоять тебе», — подумал Феран.

— Добро пожаловать, — сказал притиера, но в его голосе не было радости, только напряжение, правда, тщательно контролируемое. — У меня есть кое-какие новости, они, как я думаю, тебя заинтересуют.

«Кое-какие новости, которых ты боишься», — добавил Затар мысленно.

— Я к услугам притиеры, — традиционно ответил зонд. «Разумеется».

Темные глаза наблюдали за Фераном, готовые оценить его реакцию на известие.

— Я нашел Анжу лиу Митете, — просто сообщил Затар.

Все закружилось перед глазами Ферана в безумном хаосе — и остановилось, когда ему все же удалось взять себя в руки.

— Где? Что она делает? — воскликнул телепат.

— Планирует разрушить величие Бракси — Затар замолчал на мгновение, затем достал письмо разведчика и прочитал его вслух.

Молчание было ему ответом.

Наконец Феран заговорил прерывистым шепотом.

— Что ты собираешься делать?

— То, что должен. Планета погибнет; другого способа нет. Уже сейчас мой флот готовится к выполнению задания;

мы найдем способ пересечь Пустую Зону, и затем раздавим этот мир и его недавно образовавшиеся колонии. Уверяю тебя, никто из местных жителей не выживет. Это решит вопрос о ближайшей угрозе нашей безопасности. — Затар посмотрел на Ферана так проницательно, что зонд отвел глаза. — Но это не решает настоящей проблемы.

— Анжа лиу, — глухо произнес телепат.

— Пока она вольна носиться по галактике где хочет, Бракси будет в опасности. — Затар увидел, что Феран начинает паниковать, и одобрительно кивнул. Было только одно решение, и маловероятно, что оно понравится зонду. — Что касается Анжи лиу Митете, то портрет все переменял. Ее родословная так же ценна для Бракси, как и моя собственная. Если я убью ее теперь, зная это, то могу свести на нет всю свою работу. Бракси повернется против меня, простые люди еще не преданы мне так, чтобы позволить осквернить их историю; даже у военных могут появиться лишние мысли после того, как я пресеку род, которым они больше всего гордятся. Нет, убить Анжу я не могу — но я должен нейтрализовать ее. Анжа лиу Митете должна перестать угрожать нам, и этим займешься ты.

— Чего ты хочешь от меня? — заикаясь, вымолвил Феран, страшась возможного ответа.

— Я не питаю иллюзий насчет того, что мой флот способен найти Анжу, тем более поймать. Только разум, настроенный на ее собственный, может догадаться о ее намерениях, точно настроиться на нее или призвать через огромные, разделяющие нас расстояния. Только разум, что разделил с Анжей ее прошлое, может нейтрализовать ее мечты о завоеваниях и привести ее назад, на Бракси.

— Она убьет меня, — быстро сказал Феран. Его голос дрожал от страха. — Это ты учел? Ненависть Анжи ко мне сравнима только с ненавистью к тебе. Если ей представится случай, она мгновенно убьет меня, а ты даешь ей идеальную возможность сделать это! Как я могу тебе служить, если умру?

— Ты боишься смерти, — заметил Затар.

— А ты разве нет?

— Не так, как ты. Я больше боюсь поражения. Именно поэтому я должен рискнуть, чтобы свести на нет преимущество Анжи.

Затар какое-то время в задумчивости ходил взад и вперед по комнате, затем снова обратился к Ферану:

— Как она, по твоему мнению,отреагирует, узнав правду о своем наследии?

Ферану было больно отвечать и больно вспоминать.

— Ребенок, которого я... настраивал... не смог бы смириться с подобным. Я знаю это.

— А теперь?

— Кто знает? Нельзя запрограммировать человека, при-тиера. Можно только спланировать тенденции, склонность, и дать ему возможность развиваться самостоятельно. Если ты предсказал все правильно, если планирование было точным, а окружающая среда подходила к твоим намерениям, то ты получаешь примерно то, что хотел.

— А в случае Анжи? — спросил Затар.

— В ее действиях я вижу воплощение того, что мы сделали, — Феран осторожно подбирал выражения. — Я вижу много вариантов выбора, открытых для нее, о которых мы не предполагали. Она гораздо сильнее, чем была, сильнее, чем, как мы думали, она может стать. Не только в плане способностей. В стабильности. Ли Пазуа считал, что Анжа сойдет с ума, — признался Феран. Вспоминание было ему отвратительно. — Это отвечало его целям, поэтому мы строили планы соответствующим образом. По мере взросления Анжи введенная программа должна была дать эффект. Лишенную человеческих контактов, национальной принадлежности, даже условного уюта, Анжу гнал бы дальше отчаянный поиск того, что дало бы ей связь с остальным человечеством. Так мы полагали. Но в действительности все произошло иначе.

— Вы никогда не думали, что Анжа пойдет служить во флот, — догадался Затар.

— Я знал испуганного ребенка, бегущего от внутренней темноты, которой она не может понять — которую я в нее ввел, — сказал Феран с вызовом. — Ли Пазуа представлял женщину, полностью зависимую от него, которую он будет поддерживать в финансовом и других отношениях, пока она ищет по галактике информацию, так сильно ему необходимую — информацию, что теперь контролируешь ты. Ты должен понять: ли Пазуа верил в расовую память. Если где-то

в душе Анжи был спрятан ключ к ее прошлому, то разумно было предположить, что ее эмоциональное напряжение поможет его найти. Отчаяние делает с сознанием странные вещи.

— А ты? — Темные глаза Затара изучали его, ожидая реакции. — Что ты об этом думаешь?

— Я подчинялся приказам, — рявкнул Феран. — Это было запрограммировано в моем сознании. Во что я тогда верил, не имеет отношения к делу. Важно то, что мы провалились. Анжа не стала страдать втихомолку. Она не развалилась на части. Что самое важное, она не вернулась к ли Пазуа за поддержкой. Анжа сотворила собственную судьбу так, как никто не ожидал от нее. Ты спрашиваешь меня, что случится, когда она обнаружит, что ненавистная ей раса является ее народом? Мой ответ таков: раньше она сошла бы с ума от неспособности с этим смириться — или сбежала в Институт, чтобы ли Пазуа получил желанную информацию. Но сейчас Анжа этого не сделает. Институт ей больше не нужен. Никто из нас ей больше не нужен.

— А что ей нужно? — спросил Затар.

Феран колебался. Даже теперь, годы спустя, воспоминание об этом ребенке подавляло его.

— Полностью разобраться с ненавистью к себе, такой сильной, что все зонды в Институте не могли этого изменить. Мне потребовались годы, чтобы ее перенаправить, и ты увидишь результат. Именно это я и имею в виду, когда говорю, что для Анжи нет способа справиться с подобной новостью. Никакого. — Феран содрогнулся. — Я подозреваю, что появится шанс, и неплохой, после демонстрации связи между ней и ее врагами, для того, чтобы идентифицировать ее с ними — и в этом случае все, что мы делали для спасения Анжи от себя самой, пойдет прахом.

— Она умрет? — не отставал от него Затар.

Феран отвернулся. После долгой, мучительной паузы он сказал:

— Это будет самый милосердный конец.

— А если ненависть ее дойдет до предела?

Феран удивленно посмотрел на Затара.

— Ну, для этого потребуется разрушить Бракси — и тебя — и самое себя после того, как Анжа узнает правду.

— А если ее ненависть перенаправить? — спокойно осведомился притиера.

Внезапно Феран все понял — и испугался.

— Невозможно на этом этапе, — запинаясь, проговорил он. — Она раздавит меня, если я попытаюсь, ты это понимаешь? Программировать сознание ребенка — одно дело. Переориентировать сознание функционального телепата — это самоубийство!

— А твое обещание служить мне?

— Притиера, есть вещи, которые произошли между Анжей лиу и мной, которых ты просто не в состоянии понять, вещи, которые делают невозможным для нее любой контакт с зондом.

— Не надо меня недооценивать, — предупредил его Затар. — Я знаю размах твоей работы, все, включая детали, которых ты мне никогда не рассказывал. Да, даже то, что ты сделал с ее сексуальностью. Я не сомневаюсь: Анжа тут же воспользуется случаем — я сам бы это сделал при таких обстоятельствах. Но сейчас, просто ответь на мой вопрос. Что случится, если ее разрушительные тенденции будут направлены в другое русло?

— На кого? — изумился зонд — Я вижу, почему ты этого хочешь, но не вижу, как это можно сделать.

Притиера говорил тихим и ровным голосом, что резко контрастировало с тем напряжением, которое в нем ощущалась.

— А если она поймет, что ты не виновен в содеянном? Если Анжа перенесет твою вину на тех, на ком и лежит ответственность на самом деле — на тех, кто отдавал тебе приказы, обучал тебя технике телепатии, манипулировал твоими эмоциями? А если ее врагом станет Институт?

Ферану потребовалось много времени, чтобы понять, что означает невиновность исполнителя. Это было понятие, чуждое для сознания браксанов, которые наказывали одинаково и того, кто делал, и того, кто планировал.

— Ну, тогда я могу спастись, — тихо произнес он. — Ты этого хочешь? Повернуть Анжу против Института, чтобы она отправилась туда и сражалась с ними — начала все снова, но с другими действующими лицами? Не знаю, смогу ли я это сделать.

— Но если сделаешь, то это освободит в первую очередь тебя самого, — настаивал Затар. — Ты научился жить с воспоминанием о том, что сделал с ней, но не смог с этим смириться.

— Я сделаю все это заново, — с горечью вымолвил Феран. — Заберу у Анжи ее верную победу и дам ей пустую мечту вместо нее.

— Послушай меня. — Притиера шагнул вперед и сильно схватил Ферана за плечи. Эмоции, сильные и необузданные, нахлынули на телепата через контакт. — Я посылаю тебя туда. У меня нет другого способа до нее добраться. Если отбросить все остальное, я должен взять Анжу под контроль — или Бракси обречена. Ты это понимаешь, Феран?

— Она никогда тебе не подчинится. Ваше соперничество...

— Закончилось! Ты этого не понял? Анжа забросила бесконечное сражение ради другого, которое обещало ей победу, и, будь так добр, сформулируй это опять в тех же терминах. Обещай ей месть. Обещай ей, что закончится ненависть, управлявшая ее жизнью. Я разрешаю тебе это.

— Чего ты хочешь? — осторожно спросил Феран.

— Я уничтожу Институт. Я намеревался сделать это на протяжении многих лет, по сугубо тактическим причинам, но я сейчас сделаю это ради Анжи.

— Но как... — Феран был ошарашен.

— Это мой секрет. В этом обвинят Анжу, но мир останется нерушимым, пока я не захочу его нарушить. — Эмоции лились из него потоком — ненависть, целеустремленность, жажда мести. — Я не могу оставить ее там, где Анжа находится сейчас — тогда она разрушит Бракси. Я должен пригласить ее сюда, и Институт послужит такой приманкой. Что касается остального... — Затар отпустил Ферана и внезапно установил щит. — Анжа лиу теперь не просто враг. Знание о ее родословной все меняет.

Феран уловил скрытый смысл его слов и прошептал:

— Ты хочешь ее.

— Как мужчина может ее не хотеть? Она — женщина, каких искали мои предки, когда выбирали себе партнерш для усиления племени. Браксаны сражались за таких, как она, умирали, пытаясь овладеть ими, начинали войны и покоряли

нации — как я могу не желать женщины, воплощающей все, что ценит мой народ?

Ментальная блокировка медленно уходила, затем установилась заново.

— Но это не имеет значения, — холодно заметил Затар. — Я должен овладеть Анжей, и только ты можешь привести ее ко мне. А что случится после того, как она окажется здесь, — моя забота, не твоя.

— Если я смогу остановить ее, — тихо произнес Феран. — Если она выживет — и если я выживу — неужели ты думаешь, что Анжа и вправду придет к тебе? После всего, что случилось?

— Нет, из-за всего, Феран. Она придет. Я не могу сказать, что случится после, но когда я пошлю ей приглашение, запечатанное кровью Института, не сомневаюсь: Анжа лиу его примет. А после...

Затар замолчал, и противоречивые эмоции в его душе стали заметнее.

— Она знает мое Имя, — наконец сказал он. Затем его сознание снова сосредоточилось на мастерской и картине, которая там находилась. Затар позволил Ферану разделить этот образ и все мысли, на которые он вдохновлял. — Как и я — ее Имя, — прошептал притиера.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

«Кроме всего прочего, никогда не недооценивай врага».

Харкур

Он идет на террасу, смотрит на раннюю зарю. Звезда Ллорну светит на небе, но она не видима невооруженным глазом, не в это утро, не с Бракси. Он призывает увеличительное поле и ждет, пока нужные силы не выровняются в ответ на его призыв. Там... да, теперь он может ее видеть.

— Сколько еще? — спрашивает он.

«Двадцать одна десятая», — отвечат Дом.

— Сообщи мне, когда это случится.

«Приказ понятен».

Он раздумывает о том, что сделал и что должно случиться, и какие могут быть последствия. Он позволяет себе свободно фантазировать, зная о предполагаемой опасности иллюзий.

«Почувствуйте мои мысли, — бросает он вызов телепатам. — Попробуйте на вкус мои намерения, узнайте мою цель. И остановите меня — если сможете».

Но расстояние слишком велико, и он знает это; никто не может услышать его, несмотря на мощный фокус-намерение.

«Время», — говорит Дом Затара.

Он улыбается.

* * *

Набу ли Пазуа внезапно проснулся, убежденный, что что-то не так.

Он отсканировал свое непосредственное окружение, используя навыки опытного телепата, в надежде обнаружить источник беспокойства. В его небольшой комнатке, в примыкающих покоях, во всем здании не нашлось ничего, что могло бы нарушить его покой. Возможно, это его собственный поток сознания? Директор припомнил сон, который медленно уходил из его памяти, и не обнаружил в его содержании ничего подозрительного. Нет, что бы там ни встревожило его, оно определенно было вызвано внешним раздражителем. И это что-то было не в порядке.

Ли Пазуа осмотрел ментальный горизонт в поисках источника своего дискомфорта. И нашел его в сознании незнакомца — ментальный шуп, такой слабой концентрации, что он его едва не пропустил. Ли Пазуа дотронулся до шупа со всем своим умением в поисках местонахождения отправителя и его цели. Казалось, это имеет какое-то отношение к Границе. Директор проверил эту возможность и отбросил ее. Значит, кто-то, связанный с Границей.

Анжа? Решила отомстить ему? В теории, конечно, ее психологическая обработка делала такое действие невозможным, но лиу Митете уже нарушила столько правил — почему бы ей не нарушить и это?

Ли Пауза открыл себя для чужеродный поток мыслей — очень слабый, почти неопределимый — и затем наложил на

него ментальную подпись Анжи. К его облегчению, они не совпали.

Феран? Ли Пауза также проверил и эту мысль, хотя сильно сомневался, что зонд способен преодолеть расстояние между Холдингом и Империей без системы передачи, и снова получил отрицательный ответ.

Никого не осталось — по крайней мере, никого из знакомых. С того направления мог бы действовать браксинский телепат. Но только не было никаких браксинских экстрасенсов.

Или уже есть?

Ли Пауза проанализировал то, что знал об устройстве браксинского разума, — а он знал много, поскольку готовил Феряна дель Канара для внедрения туда — и сравнил с чужеродной мыслью. К своему ужасу ли Пауза обнаружил, что образцы очень похожи.

Хорошо, сказал он себе, успокойся и подумай. Браксинский источник (само расстояние делало это невероятным!) сфокусирован на Институте, на Ллорну или на самом ли Пауза. С какой целью? Контакт был слишком слабым, чтобы директор четко его прочитал, но одна вещь представлялась болезненно ясной: враждебность усилила сигнал, делая его достаточно мощным, чтобы пересечь Холдинг, Империю и разбудить директора среди ночи.

Какой-то вид неизбежной и скорой атаки?

Да.

Это могло оказаться чем угодно — при условии, что касалось его личности (или его цели, что было одним и тем же), и при условии, что кульминации браксинского плана следует ожидать в ближайшем будущем. Только такая комбинация способна направить к ли Пауза поверхностные мысли с такой интенсивностью, возможно, даже без желания на то самого отправителя.

Атака! Они в Институте приготовились к обороне, но никогда не думали, что им нужно будет защищаться. Ли Пауза попытался успокоиться и бесстрастно, без лишних эмоций передать предупреждение первому кольцу специальной сети защиты Ллорну.

Вахту несли пять экстрасенсов. Они быстро проснулись от подobia летаргического сна, в котором пребывали, — как

только сигнал разбудил их умы предупреждением. Они предупредят остальных, мгновенно передавая информацию, без ошибок, точно, задействуя различные планы с гораздо большей эффективностью, чем смогла бы сделать любая неэкстрасенсорная технология.

Ли Пазуа волновался.

«Директор? — это был старший по смене, опытный коммуникант. — Всем станциям передан сигнал тревоги».

Это означало, что машины сканируют небеса в поисках активности, телепаты обыскивают границы в поисках угрозы, компьютеры анализируют психополя нынешнего населения Ллорну. Этого будет достаточно? Ли Пазуа хотел бы знать, с каким видом угрозы они столкнулись, это бы значительно сузило поиск. Сколько у них времени?

«Что мы ищем?» — запросила группа передаточной станции.

«Я не знаю! — он сделал паузу, пытаясь подобрать название тому чувству, которое ледяными пальцами схватило его за сердце. Страх? Ужас? — Враждебный импульс, в скором времени ожидается проявление. Поддерживать полную готовность, телепатическую и техническую».

Это мог быть наемный убийца, планирующий смерть для Набу ли Пазуа и добравшийся до его сознания. Или саботажник, готовый разрушить Институт. Даже политический враг, ведущий переговоры о падении Ллорну — любой источник, который совмещал враждебность с данным местом и временем... Слишком много возможностей, слишком мало информации. Ли Пазуа злила его беспомощность. Он потянулся к контакту с экстрасенсами в оборонном центре, теми, кто отвечал за ограниченную военную мощь Ллорну. Коммуникант ждал, чтобы передать его мысль в операционный центр; когда старший экстрасенс объявил о присутствии ли Пазуа, директор подключился к чувствам коммуниканта. Пока система работала хорошо.

Набу мгновение сожалел о своем решении отсечь Звездный Контроль от системы. Сейчас они могли бы воспользоваться помощью службы безопасности. Но это установило бы опасный прецедент, компрометируя автономию Ллорну. А после снятия пелены таинственности Звездный Контроль едва ли позволит директору Института восстановить секретность. Нет, когда директор ни Кахв предложил укрепить

Институт, Набу сделал единственно возможный выбор. Кто мог подумать, что Ллорну атакуют?

«Что происходит?» — послал он ментальный запрос.

«В атмосфере пятнадцать объектов. Тридцать два внутри системы. Мы их сейчас идентифицируем», — пришел ответ.

Он кивнул, но жест не повлиял на тело, которое он сейчас делил с коммуникантом. Обычно компьютеры контролировали все движение около Ллорну, от пассажирского транспорта до управляемых людьми или машинами грузовых судов. На Ллорну было большое население, экстрасенсы и неэкстрасенсы, и она вела активную торговлю. Но компьютеры могли ошибаться или получить ложную информацию; требовалось, чтобы в подобные моменты люди подтверждали идентификацию.

«Дайте мне знать, когда получите информацию», — приказал директор.

Ли Пазуа сфокусировался на охране.

Харрид, талантливый эстрасенс-приемщик, разделил с ним сознание. Не все телепаты, назначенные на эту должность, находились в одном помещении, но ментальная сеть соединила их вместе так крепко, как если бы они были связаны одной веревкой.

«Дири и Калсуа подтвердили сигнал, — сообщил ему Харрид. — Источник, очевидно, браксинский, — эту информацию сопровождало удивление. — Пространственный фокус скорее общий, чем специфический. Дири считает, что главная цель будет концептуальной, а не материальной. Хотя это может включать и физическую атаку».

В животе у ли Пазуа все похолодело, когда он понял, что это означает.

«Институт?»

«Возможно. Временный фокус, кажется, лежит в ближайшем будущем...»

Да, ли Пазуа все это предвидел. Понемногу ситуация прояснялась — пришли обрывки чуждых мыслей, что он раньше не мог идентифицировать. Ожидание — это было все, что он уловил, предвкушение краха всего того, ради чего они работали.

Он вернулся к центру обороны.

«Прогресс?»

Ему дали взглянуть на основной плоский экран, где по небесам проходило шесть объектов. Экран демонстрировал их траектории.

«Эти все еще не идентифицированы», — сообщил коммуникант. В его поверхностном сознании чувствовался легкий страх.

Значит, вот они.

«Выясните, кто это. Наши защитные поля?»

«Уже установлены, директор».

«А их будет достаточно?» — уточнил ли Пазуа.

Ллорну не была предназначена для военных действий. Они никогда не собирались биться. Последний директор Института установил основные защитные поля по совету Звездного Контроля. В свое время Эбре ни Кахв убеждал ли Пазуа, что Ллорну вполне может стать мишенью в Войне. Но Институт был выше таких мелких забот, как война и завоевания; он служил Знаниям, которые принадлежали всему человечеству. Кто покусится на Знание?

«Внимание! В нижний слой атмосферы проникли неизвестные объекты!» — донесся до директора сигнал тревоги.

Именно Анжа лиу вывела их на эту дорогу. Она превратила телепатию в оружие, отвергнув нейтралитет Института. Будь она проклята! Разве до того, как появилась Анжа, Бракси когда-то волновала Ллорну?

«Мы их идентифицировали, — передал один из охранников; мысли его были окрашены предчувствием смерти. — Боевые беспилотные средства нападения с Тирраха. Нам следует...»

«Огонь!» — быстро ответил ли Пазуа.

На Ллорну пришла война.

* * *

Затар освежил в памяти свои планы и остался доволен ими. Создав сложную сеть дезинформации, он проследил, чтобы Ллорну не предупредили заранее о предстоящей атаке. В результате никто, кроме него самого, не знал деталей нападения. Те люди, что были вне закона на Тиррахе, конструировали беспилотные боевые корабли, быстро и без вопросов; навигатор, который программировал их курс, думал,

что программирует транспортные грузовые суда. Разрозненные факты, одобренные стратегической дезинформацией, преподносились тщательно отобранным людям... Без шансов, что кто-то из них сегодня сфокусирует свои мысли на Ллорну и раскроет его. Затар за этим уже проследил.

Что касается его самого, то притиера находится для этого слишком далеко; в этом его заверил Феран. Итак, Затар наслаждался своей гениальностью, его радость передавалась звездам. Он бросил вызов Ллорну. Скоро начнется атака; они ничегоне смогут сделать, чтобы остановить его. С Ллорну наконец будет покончено, и это послужит и чести Бракси, и собственным интересам Затара. Его не достанут здесь и потому, что он не экстрасенс, и потому, что Затар отделен от Института огромным расстоянием и двумя великими нациями, но в особенности благодаря его идеальному планированию. Затар может торжествующе рассмеяться в Пустоту, незамеченный, — в то время, как Институт встречает свою судьбу.

* * *

Бомбы градом падали на поверхность планеты с интервалами, вроде бы выбранными наугад, и жарко вспыхивали желтым огнем. Люди ли Пазуа пытались перехватить их, и порой успешно, но бомб было слишком много, а в их падении не было никакой системы. Показалось, будто они летят с двух беспилотных кораблей, поэтому ли Пазуа сконцентрировал свою огневую мощь на этих объектах; но в то время, когда он это делал, сотни людей умерли, крики страха и боли разнеслись по всему экстрасенсорному пространству.

Столько потерь — и с какой целью? Директор мог понять, зачем нужна атака на столичный комплекс. Именно там хранились файлы Института, и там артобстрел нанес бы самый ощутимый урон. Но пока ни один неприятельский корабль не ударил по нему. Вместо этого они наугад палили по планете, наводя ужас как на экстрасенсов, так и на не-экстрасенсов в равной степени. Почему?

Вспышка в ночи, словно цветок раскрывает лепестки из раскуроченного металла.

— Один сбит, — пробормотал Караллен. Было безопаснее говорить вслух, доверяя ограниченности слов, чем выносить ад эстрасансорной чувствительности. Разум планеты стал морем отчаяния и страха; если открыть себя ему, даже на мгновение, невозможно предсказать, что случится.

Вот оно, то, чего добивались враги такой странной атакой. Заставив страдать достаточное количество экстрасенсов, наполнив потоки их мыслей болью и страхом, враг разобщи́л телепатов — свел на нет единственное и огромное преимущество Ллорну. Теперь экстрасенсы стали не больше, чем обычными людьми; даже меньше — они теперь ограничивались физической связью и не были сильны в ее использовании. Хуже не придумаешь!

Ли Пазуа вышел из тела как раз когда стремительный прилив безумия угрожал поглотить его. Со злостью он вернул свое сознание обратно в тело и выбежал из комнаты по направлению к выходу. Директор быстро пробежал через центральный парк, и дорога привела его к главному зданию Института, где располагался центр обороны. Он старался не смотреть вверх, пока бежал, зная, что от врага его отделяет не больше, чем скорлупка из сбалансированных энергий. Пять залов, две лестницы — до лифта было слишком далеко — ли Пазуа прикидывал путь в уме, пока бежал от одного здания к другому, ругаясь на обстоятельства, что заставили его скакать тут, словно кролика. Когда директор прибежал в центр обороны, ему пришлось с минуту стоять у двери, прислонившись к косяку и переводя дыхание.

Картина была нехорошая. Оставшиеся пять вражеских кораблей обратили свое внимание на главную группу зданий. Казалось, они мастерски уклоняются от огня противника, или, может, люди ли Пазуа просто не обладали достаточным опытом, чтобы попасть по врагу. И снова он пожалел о Звездном Контроле. «Слишком поздно, слишком поздно. Ты сделал свой выбор!» — поправился он тут же.

— Будьте осторожны, — пробормотал директор, объявляя тем самым о своем присутствии. Это было все, что он мог сделать.

Внезапно один из боевых кораблей противника пошел в сторону главного здания. Ли Пазуа едва дышал. Он так плотно сжал кулаки, что циркуляция крови в них чуть не

прекратилась, пока наблюдал за тем, как неопытные воины Института пытались сбить беспилотный корабль. И они попали по нему — но он поглотил энергию, распространил ее по окружающему пространству и бросился на силовой купол здания в отчаянном рывке. Сверкнуло пламя.

На мгновение все экраны побелели — силовые поля Ллорну поглощали силу атаки. Ли Пазуа обнаружил, что молится. «Боже нашего Основания, Отец Перворожденной, не позволяй разрушить нашу работу, прошу тебя...» Он вовремя поднял голову, чтобы увидеть, как на экранах снова появилось ночное небо.

— Силовые поля не разрушены, — объявил Караллен. По комнате разнесся громкий вздох облегчения.

— Проклятье! — взорвалась Сушан; на ней сказывалось волнение от того, что приходилось держать сознание закрытым. — Еще один.

Новый корабль неприятеля приблизился и, как и его предшественник, сконцентрировал всю силу для самоубийственного броска. Экстрасенсы попытались его остановить, но самое большее, что они могли сделать, — это сжечь наружное силовое поле корабля. Затем он атаковал — и экраны вновь вспыхнули белым светом, в то время как силовое поле пыталось их защитить.

На этот раз машинам потребовалось гораздо больше времени, чтобы вернуть изображение.

«Сколько таких ударов мы можем отразить?» — подумал ли Пазуа.

— Выберите одного врага, — давал он указания оборонному персоналу. — Сфокусируйте на нем всю мощь артиллерии, несмотря на то, что делают остальные. Может, эта тактика и работает. Мы не можем их сбить в последнем прыжке.

«Но если два корабля спикируют одновременно...»

Тогда ллорнуанцы умрут, понял ли Пазуа, вместе с их усилиями. Мысль об этом наполнила его яростью, которая в свою очередь усилила чувствительность. Ему требовалось приложить усилия, чтобы перестать слышать крики умирающих.

— Вниз идет номер пятый! — предупредила Сушан.

— Продолжайте!

Необходимо было их уничтожать — или одно то, что неприятелей так много, перевесит. Ли Пазуа задержал дыхание, когда третий автопилот-самоубийца падал вниз, а люди Института опустили наружное силовое поле, чтобы выстрелить по соседнему кораблю врага, — попали, а потом еще, да, у них получалось! — а затем поле снова закрылось, и как раз вовремя.

Номер пятый оказался сильнее других, или защитные поля становились слабее. Потребовались долгие минуты, чтобы экраны очистились, а когда все-таки очистились, то оказались не полностью функциональными.

— Мы сбили один корабль, — объявила Сушан. Ее волосы промокли от пота и прилипли к лицу. — Но остается еще один. Хаша...

— Мы должны... — Ли Пазуа взглянул на показатели генератора. Плохо, очень плохо... Еще один вражеский удар, подобный предыдущим, и они превратятся в звездную пыль. Они должны сбить этот корабль, пока он не атаковал. Но только они прицелились, как враг начал уходить в сторону.

— Что это...

— Не имеет значения, — поспешно сказал ли Пазуа. — Бейте гадов!

Что-то не сработало? Планы изменились? Какой бы ни была причина, но неприятельский корабль ретировался. Потихоньку он начал светиться. И еще через мгновение, что показалось вечностью, вражеский корабль взорвался, разлетевшись на мелкие осколки.

Повисла тишина, и мысленная, и физическая.

— Мы его сбили, — прошептала Сушан.

— Это последний корабль?

— Выясните, — приказал ли Пауза. — Полное сканирование системы.

— Отчеты о повреждениях? — мягко спросил Караллен.

О, Хаша... Мертвые, тяжело раненые...

— Да. Как можно быстрее. Используйте оборудование, — добавил директор. Смысл приказа был ясен: не нужно открывать себя тому, что находится там.

На Ллорну жили сотни эстрасенсов и тысячи людей, не обладающих талантом, но предпочитающих такое общество. Любовники, что вкусили радости телепатического союза и

теперь не смогли бы довольствоваться меньшим; ученые-генетики, обожавшие исследовательские возможности Института; социологи, что старались свести разрозненную культуру Ллорну к четкой статистике. Все они — невинные существа, экстрасенсы или неэкстрасенсы. Ли Пазуа мог понять, почему Бракси ударила по центральным участкам, где хранятся данные Института, но зачем убивать стольких невинных людей?

— Я собираюсь проверить архивы, — пробормотал он.

Достаточно было врачей, которые гораздо лучше справятся с ранеными, чем удалось бы ли Пазуа. Ему же требовалось проверить — сохранились ли их данные, успокоить себя тем, что хотя и потеряны многие жизни, их работа невреждена. Это станет щитом против безумия, когда хаос чужих мыслей начнет ломать и сметать его барьеры, когда вновь появившийся страх охватит его.

«Если бы не предупреждение, мы все могли бы умереть. Спасибо Основанию, что наши враги забыли о нашей силе: мысли наемного убийцы отмечают его цель, как маяк. Мы обязаны нашими жизнями отсутствию ментального контроля у врага».

Архивы были скрыты глубоко под поверхностью планеты, в помещениях, защищенных от вмешательства человека и природы. Они располагались очень глубоко — создатели думали, что тонны земли, окружавшие их, защитят архивы, — но после землетрясения 234 года их перестроили так, чтобы помещения смогли выдержать любое стихийное бедствие. Результатом оказалась странная помесь примитивных туннелей с блестящими современными переходами, естественных пещер, паутины силовых полей, псевдометаллических сейфов, наполненных твердыми дисками, и набора лучшего компьютерного оборудования в Империи. Хотя мириады залов и петляющих туннелей были заключены в идеально круглую сферу, с одной точки было невозможно увидеть, сколько там комнат, или какую форму они имеют, и куда может привести эта петляющая дорога, выложенная камнем, что пересекает огромную пещеру. Единственное настоящее доказательство структуры архивов заключалось в генераторе, расположенном в его центральной точке. Оттуда сотни серебряных нитей выходили к поверхности сферы, несколько силовых полей были такими мощными, что если даже Ллор-

ну разрушат, архивная сфера — и данные Института — выдержат.

Это было сердце Института, результат многолетних усилий. Здесь хранились ценные данные, комплексные генетические диаграммы и связанные с ними психополя, биоистории всех известных экстрасенсов (а также восстановленные истории тех, кто умер до основания Института) и миллиарды сравнительных анализов, с помощью которых проверяли образцы аминокислот и сравнивали их со степенью экстрасенсорного таланта, надеясь обнаружить между ними связь. Здесь имелись помещения, оборудованные для исследования ДНК, комнаты, наполненные образцами нитей, что держались в статическом равновесии. Здесь, думал ли Пазуа, был Институт; все остальное существовало для того лишь, чтобы он мог выстоять.

Он шел по дорожкам, пересекавшим неровные помещения, дотрагивался до спящих машин, словно пытаясь убедить себя, что они на самом деле существуют. Не то чтобы когда-нибудь у него возникали сомнения на этот счет. Никакой вражеский огонь, никакое природное стихийное бедствие, и что самое важное — никакая радиация не сможет добраться до этого места, в котором была надежда Института. Архивы оставались невредимыми.

Директор гордо шествовал по подземным залам, черпая силу в надежде, которую представляло это место. Ли Пазуа остановился только когда обратил внимание на то, что экран одного из компьютеров не пустует, как остальные. Подойдя к нему, Ли Пазуа нахмурился. Что-то не сработало? Ну, такое случается. Или, возможно, кто-то, работавший здесь, забыл очистить экран, когда уходил. Это тоже бывает.

Он прочитал, что было написано на дисплее, и когда понял смысл послания, мир закрутился перед его глазами на бешеной скорости.

«Подтверждена последовательность при срабатывании спускового механизма.

Последовательность детонации: стадия один».

Ли Пазуа ударил по клавише, на которой значилось: «Идентификация программы». Появился номер файла; он мог означать что угодно. Ли Пазуа попытался вызвать программу, но по какой-то причине компьютер не отвечал.

Совершенно отчаявшись, директор запросил его о последовательности при срабатывании спускового механизма.

«Три резких скачка в защитном поле главной базы», — был ответ. Далее компьютер перечислил точные данные: продолжительность между скачками (сколько потребовалось каждому кораблю неприятеля, чтобы спикировать?), сила каждого скачка (это правильно, это правильно...), затем последовал период бездействия.

Именно поэтому последний корабль отошел назад... Хаша, помоги нам всем! То нападение было просто попыткой отвлечь их внимание, в то время как истинная атака была результатом их собственной обороны!

Ли Пазуа попытался позвать на помощь — но боль была столь мощной, что вытолкнула его назад, в собственное тело; дыхание перехватило. Директор не мог вынести страдания Ллорну. И в любом случае, кто его услышит? Они пытались сделать все возможное, чтобы закрыться, запереть в себе чувства, которые даже теперь могли их спасти.

Директор попытался остановить программу.

«Последовательность детонации: стадия два», — ответил компьютер, игнорируя его команды.

С другого конца донесся шум; ли Пазуа огляделся, но не заметил ничего необычного. Кто-то установил неизвестное устройство между рядами компьютеров, или втиснул под дорожку, или, возможно, заложил бомбу в сами файлы, — и он, ли Пазуа, запустил его.

— Пусть Хаша простит меня, — прошептал директор, когда на дисплее в последний раз высветилась надпись.

«Последовательность детонации: стадия три», — предупредил компьютер.

Деление атомного ядра.

* * *

— Все сделано? — спрашивает Затар.

«Вероятность — 97 процентов».

Дом не всегда бывает абсолютно точен, но такой результат впечатляет. Затару придется подождать, пока новости дойдут до Бракси, чтобы быть уверенным, но теперь это не должно занять много времени. Подобное нельзя держать в секрете.

«Хорошо, что я установил эту ловушку когда-то», — говорит сам себе притиера.

Это часть его путешествия на Азею, которой он не делился ни с кем, даже с Ньен. Теперь он рад, очень рад, что рискнул, и рад, что держал это в тайне. Института больше нет, экстрасенсорное общество прекратило свое существование, и в разрушении обвинят Анжу лиу Митете. Затар проследит за этим.

Его месть и ее цель соединились: виртуозная работа Затару явно удалась.

«Я готов, моя подруга в мщении».

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ

«Истинный кайрт — это сложный и опасный спорт, он заставляет твоего врага постоянно повышать свое мастерство. Наибольшего успеха добивается тот, кто может манипулировать этим. Заставить врага превзойти самого себя или направить его энергию по пути, который в конечном счете разрушит его самого, — вот что является самой утонченной и приносящей наибольшее удовлетворение стратегией».

Витон

Губернатор планеты До Кул был тучным мужчиной, с красным лицом и опухшими глазами, и, разумеется, любителем роскоши. Он шествовал по залам в одеждах из прозрачного шелка, подол небрежно подметал пол, а драгоценные камни, густо усыпавшие его, постукивали по кристаллическим плиткам при ходьбе. Все это кричало о богатстве губернатора, его готовности тратить деньги, а также о его тщеславии.

— Я приказал перенести ваши вещи в лучшие покои, — размахивая пухлыми руками, сообщил он Затару. — Думаю, там вам больше понравится.

Притиера слишком задумался, чтобы ответить, да и сомнительно, что губернатор услышал бы.

Флоту пора было уже вернуться. Он запаздывал, если принять во внимание то, что предприятие было таким успешным. Почти четыре года Затару удавалось оттеснять такие

мысли на задний план, повторяя себе вновь и вновь: «Ты ничего не можешь сделать. Ты послал их — они находятся вне зоны досягаемости и не могут с тобой связаться. Ты можешь только ждать». Но теперь, наконец, время прошло. Посыльный может вернуться в любой момент и принести Затару известие об успехе. Или провале. Как ему изображать из себя дипломата, когда все висит на волоске?

— Прекрасный пример докулладского мастерства, — говорил губернатор. — Не сравнимого ни с чем в галактике, — может быть, за исключением лишь вашей планеты.

На мгновение притиера задумался, как такого человека могли назначить на этот пост, и пожалел о временах, когда вызванная ярость служила достаточным основанием для казни таких вот раздражающих типов. Но теперь Затар стал притиерой, и если он хочет удержать трон, требуется играть в определенные игры — во всяком случае, какое-то время.

— Да, вы правы, — ответил он.

Они подошли к двери, выложенной серебром и кристаллами, блестящими в белом силовом поле.

— Смотрите, — сказал губернатор и эффектным жестом рассеял силовое поле; украшения на различной высоте крепились на тонких шелковых нитях, что слегка раскачивались в дверном проеме.

Губернатор повернулся к Затару. Его лицо покраснелось от удовольствия, но что-то в лице притиеры заставило губернатора быстро вернуться с небес на землю.

— С вашего разрешения, притиера, — поклонился он и больше не делал лишних жестов. Губернатор придержал занавесь, ожидая, пока войдет Затар, затем последовал за притиерой в главные гостевые покои Плавающего Дворца До Кула.

— Видите ли, мы использовали алдоусанские гибкие кристаллы, но расположили их в уникальной, свойственной нашему народу, манере. — Светясь от гордости, губернатор указал на роскошество интерьера.

И вестибюль в самом деле был великолепен. Нити тонко натянутых гибких кристаллов тянулись от потолка к полу вдоль стен, они выглядели нежными и легкими. Слабое дуновение заставляло их дрожать, это напоминало рябь, бегу-

шую по воде. Затар, наблюдая за этим с таким видом, который вряд ли мог сойти за одобрение, кивнул и пробормотал пару слов, выражая восхищение. Но его мысли были далеко.

— А четвертая стена? — спросил он, указывая на чистую, без украшений, стену.

— Это экран дисплея, притиера. — Губернатор дотронулся до незаметного рычага и активизировал экран: стену заполнили светящиеся в темноте звезды, с намеком на солнце До Кула у нижнего края. Также восходил Набор, естественный спутник До Кула. Но не это привлекло внимание Затара. Он смотрел на созвездие, которое местные жители называли Танзор, и полосу черноты, которая скрывала звезды за ней, то есть Пелену Танзора. Где-то за ней находился его флот, и его война. И его враг.

— Вам нравится? — осмелился спросить губернатор.

Затар медленно кивнул, восхищаясь видом. Итак: его покои во дворце выходят на Пустую Зону — тем лучше. В любом случае этот регион стал его навязчивой идеей, и притиера вполне может пожить в покоех, где его хорошо видно.

— Отлично, — тихо сказал он. — Годится.

Поспешные движения губернатора сопровождались дрожью кристаллических нитей. Полный мужчина проверял освещение, настраивая регуляторы так, чтобы кристаллы, вставленные в потолок, сверкали всеми цветами радуги.

— Вся мебель может настраиваться на нужную температуру, ощущения... — начал он.

— Я знаю, — Затару очень хотелось поскорей отделаться от этого человека, уже прошедшего долгую экскурсию по дворцу и теперь, казалось, намеревавшегося остаться с гостем. Право предать губернатора Смерти по Прихоти соблазнительно, хотя подобное наказание представлялось Затару слишком экстремальным. — Как я понимаю, экспонаты разгружают. — Затар использоал речевой режим, подразумевавший большое личное беспокойство, и его фраза также означала: служить Музею — это служить мне. — Многие предметы принадлежат моему Дому. Я был бы совершенно спокоен, если бы кто-то, занимающий столь высокое положение, лично проследил за этой операцией.

Губернатору потребовалось мгновение, чтобы понять намек. Он низко поклонился, надувшись от гордости.

— Больше ничего не говорите, Великолепный. — Взмах пухлой руки губернатора взвихрил тонкие нити на стенах. — Я прослежу за этим сам. Если вы меня извините...

— Конечно, — кивнул притиера.

Затару было забавно наблюдать, как хозяин дворца элегантно раскланялся и ушел, произведя целую бурю в кристаллических потоках. Нити раскачивались, как вода в кильватере, еще несколько минут. И только когда движение кристаллов прекратилось, Затар по-настоящему ощутил, что остался один.

Вскоре... вскоре. Может быть. Военные пошлют ему сообщение, как только будут уверены в победе. И они определенно победят, не так ли? Лучший браксинский флот против одной квазипримитивной планеты?

«И против Нее», — подумал притиера, и от этого внутри у него все похолодело и перевернулось. Она может нанести им поражение. Затар в этом не сомневался, хотя вся логика говорила об обратном. Она больше не была просто человеком в его глазах, но каким-то демоническим существом, чем-то средним между женщиной и сущностью Войны, она воплощала собой все случайности, которые он не мог предсказать, все уловки судьбы, что бросают воина на колени. Только Она одна могла превратить его наступление в хаос; в этом Затар не сомневался. И только Феран способен остановить Ее...

Правда, зонд теперь слаб, и даже под жестким контролем Затара вполне может сломаться под грузом такой задачи. Затар не питал иллюзий на этот счет. Он планировал операцию, насколько мог предсказать ход событий, но теперь его сила зависела от работы других. И ожидание убивало его, медленно, но верно.

Притиера отвернулся от вида на звезды и заставил себя обратить внимание на то, что его окружало. Стены повторили его движение — верх эгоизма — с легким позвякиванием, подобно какому-то кристаллическому дождю, и цвета радуги заиграли на тонких гранях, создавая причудливые узоры. Элегантно, да, но не в его вкусе. Затар предпочитал материальный мир, браксанскую вселенную, состоящую из понятных вещей: земли, стали, женщин. Умелых и храбрых женщин, которые в сражении способны стоять плечом к плечу

с мужчинами и купаться в крови врагов племени Бледнолицых, наслаждаясь их падением. Женщины, подобные Ей...

«Прекрати!» — приказал себе Затар.

Ему нужно было как-то отвлечься. Он прошел сквозь большую арку в дальнем конце вестибюля и оказался в помещении, которое назвал бы переговорной залой. Стены были такими же, как и в вестибюле; в центре стоял большой стол и двенадцать стульев вокруг, такой же конструкции — с использованием силовых полей, но здесь имелось отличие. У дальней стены на фоне эфирного кристаллического убранства выделялось большое черное пятно высотой с мужчину-браксана, шириной в размах рук Затара: закрытый кожухом из черного пластика портрет из Берроса, ожидающий публичного представления.

Портрет всегда оставался у него: Затар слишком его ценил, чтобы доверить кому-нибудь, даже сотрудникам Центрального Музея. Затар огладил кожух, негодуя на обстоятельства, которые заставили его привезти портрет сюда. Он бы предпочел оставить его существование в тайне, используя как приманку, и при помощи него завлечь ценную добычу на Бракси... Но каким-то образом слухи просочились с Берроса, и Затару соответствующим образом пришлось подстраивать планы. Вместо того, чтобы распустить слухи и сделать из мухи слона, он решил раскрыть свой секрет в Центральном Музее на Бракси. Публика отреагировала удивлением, которое еще более усилилось, когда ей объяснили, что вторая фигура на портрете — темнокожая женщина с круглыми большими глазами, отличавшаяся ото всех ныне существующих рас, — на самом деле азеанка.

Теперь портрет находился на До Куле, самой ценной планете Йерренской границы, и утром вторично будет представлен публике. И Затар представит его самолично, таким образом его имя будет связано с человеком, который заказал его написать. С Харкуром Великим. Они вместе станут путешествовать по Холдингу, Затар и его сокровище — главный экспонат Музея, «Рождение Бракси». И так они ближе всего подойдут к великой туманности, которая закрывала от него победу. Ближе всего к Ней.

Отметая назойливую мысль, Затар покинул переговорную и вышел в соседнее помещение.

...И вдруг остановился, ошарашенный тем, что увидел.

Помещение за арочным дверным проемом, вероятно, планировалось как спальня, потому что огромный прямоугольник всех цветов радуги нависал над полом на такой высоте, что мог служить матрасом. В каждом углу комнату от пола до потолка располагались цилиндры — они светились тусклым белым светом, который давал дополнительное освещение. Но ни это, ни сплошной настенный гобелен из гибких кристаллов не удивили Затара.

На кровати, окруженной силовым полем, лежал человек.

Затар расстегнул ножны с жаором и приблизился. Матрас окруженный силовым полем мерцал, и, казалось, тело находится в некоем подобии статического равновесия — и его неподвижность не только показывала, что тело мертво, но говорило о том, что человек мертв уже не первый день. Затар наклонился поближе и выругался. Когда он снова схватился за жаор, его рука дрожала, причем так, как никогда раньше.

Это было тело Ферана.

Затар резко развернулся, выхватывая жаор из ножен. Сталь заблестела в тусклом неровном свете, и он поднял меч, защищая лицо от удара. Контакт: сильная рука — способный противник — и намерение, как электрический разряд, проходящее сквозь лезвие, сквозь его руку и потрясшее тело Затара.

Он отступил назад, и ему удалось отклонить лезвие нападавшего в сторону. Клинок просвистел у самого уха и грациозно вернулся на место.

К Ней.

Анжа долго-долго смотрела на него перед тем, как заговорить. Она была тоньше, чем Затар помнил ее — или его страстное желание добавляло ей вес в его представлении, наращивая формы там, где таковых не имелось, заставляя плоть отражать сексуальное богатство ее внутреннего «Я»? Что видела Анжа, когда смотрела на притиеру? Мужчину, что был старше ее, с таким громадным грузом ответственности на плечах, какого еще не выдерживал ни один правитель Бракси. Теперь в волосах появилась седина, несколько тонких прядей, украшающих черные кудри. Это ее удивляло? Какой образ ее собственное воображение выковало за долгие годы разлуки?

Анжа отступила назад, неотрывно глядя на него.

— Чуть медленнее, притиера, — и ты бы умер, — выговорила она.

Затар уловил конфликтующие речевые режимы и скрытый смысл фразы, улыбнулся. Кто еще мог так умело пользоваться его языком?

— Если бы я среагировал чуть медленнее, то я бы заслужил смерть, — ответил он с той же долей презрения.

Притиера убрал меч в ножны, хотя инстинкты подсказывали обратное.

Анжа изменилась, да, но не так, чтобы это имело значение. Ее волосы стали черными, и глаза — под стать волосам, но нельзя было не заметить энергию, излучаемую ее обликом. Возникло ощущение, словно она никогда не покидала Затара — словно прошло только несколько мгновений с тех пор, как Анжа вырвалась из его рук, и кровь окрасила его ладонь.

— Портрет у тебя? — резко спросила она.

— Конечно. — Затар кивком предложил ей следовать за ним, повернулся и повел Анжу в переговорную. Он специально повернулся к ней спиной, это был сознательный риск. Феран дал ему ключ к ее поражению — после многих дней споров, если быть откровенным, — и Затар знал, что не может позволить себе откладывать последний акт.

Он подвел Анжу к портрету и снял футляр. Он даже не смел и думать о такой удаче. Но ее реакция оказалась именно такой, какой он ожидал.

Анжа отшатнулась, словно ее ударили.

— Хаша... — прошептала она.

На мгновение она побледнела, затем снова взяла себя в руки и успокоилась. Затар страстно желал добраться до того, что у нее внутри, как поступила сама Анжа с ним когда-то, узнать ее истинные чувства и разделить с ней ярость.

— Ты веришь этому? — с вызовом спросил притиера.

— Ты веришь, — прошептала она. — Этого достаточно.

Анжа неотрывно смотрела на картину еще какое-то время.

— Хаша! — повторила она. — Браксинка? — Анжа, вероятно, узнала правду недавно, хотя не верила в нее до этой минуты. В смятении она медленно покачала головой. — Ли Пазуа жизнь бы отдал за это, — задумчиво сказала Анжа.

— Он и отдал, — сообщил Затар.

Она посмотрела на него своими черными глазами знакомым взглядом, будто они были все такими же серыми — цвета камня, цвета стали.

— Я видела, как люди убивали, Затар. Много раз видела. Но никогда они не делали этого, чтобы завоевать мою благосклонность. — Она тихо и безжалостно рассмеялась. — Как это по-браксански. И очень действенно. Но, боюсь, бедный Феран не может этого оценить.

— Ты убила его, — сказал Затар, используя вопросительный речевой режим.

Она нахмурилась.

— Это сделал ты. Отправив его сюда. Будучи тем, кто ты есть, и ожидая, что он вернется к тебе. Он выбрал смерть, притиера, а не встречу с тобой.

— Или с тобой.

— Возможно. Но мы помирились, поэтому я не могу полностью взять вину на себя. Он исправил то, что мог, из сделанного с моим сознанием в детстве, и дал мне ключ к тому, как справляться с остальным; это освободило его от довлеющего чувства вины. Поэтому ты можешь взять на себя его самоубийство.

Он исправил то, что мог... Значит, Анжа теперь свободна? Значит, сексуальные ловушки сняты с ее психики, и мужчина может получать удовольствие от нее, не рискуя умереть? Затара охватила ужасная ревность — незнакомое чувство для его браксанской души.

— А ты? Что ты собираешься делать теперь? — спросил Затар.

— Ты разбросал по свету людей вроде меня. Убил моих учителей. Очевидным для меня будет помочь им, — просто ответила Анжа.

— Маловероятно, — рассмеялся он.

— Это мой народ, — рявкнула она.

Затар покачал головой.

— Нет. Твой народ здесь.

— Я имею в виду мир экстрасенсов.

— А я имею в виду Холдинг. — Затар давил на нее, он знал это, но он должен был это делать, чтобы Анжа приняла свою личность. — Ты — браксинка, и знаешь это. Ты всегда

знала это. И эта находка просто подтверждает правду. — Феран дал ему ключевые слова, которые нужно использовать, и Затар их использовал. — Какая жизнь у тебя будет среди азеанцев? Ты так же чужда им, как не-человек, и более опасна. Здесь ты враг, но Бракси ценит своих врагов. Здесь тебя примут. Разве Азеа когда-то предлагала тебе это?

Это был сильный удар. Затар видел, насколько Анжа потрясена.

— Дело не в этом, — отступила она.

— Разве нет? — спросил он тихо.

— Я — телепат, притиера, и лишь это имеет значение. Мы с тобой можем делить наследство, но те люди — такие же, как я. Я понимаю их, я... — Она запнулась в нерешительности. — Я разделяю их боль.

Затар подумал о риске, имеющем мало шансов на успех, и решил все-таки попробовать.

— А твой экипаж?

Она посмотрела на него со жгучей ненавистью. Но мысли, сопровождавшие этот взгляд, имели странный привкус вины.

— Ты убил моих экстрасенсов, когда убил ту планету, Затар. Они не смогли пережить смерть пяти миллиардов человек и сохранить свою личность — она распалась.

— Но тебе это удалось, — добавил Затар.

Анжа не могла произнести это вслух, но он услышал ее мысленный ответ: «Это потому, что я другая».

— Ты абсолютно права, — согласился он вслух.

Анжа остолбенела. Неужели он улавливает мысли, которые она не хочет ему выдавать?

— А сколько человек погибло на Ллорну! — с горечью воскликнула она. — Не только те, по которым ты ударил из космоса, но и другие, что разделили их боль. Что касается тех, что остались, смерть будет для них милостью. Они невиновны, большинство совершенно наивны в том, что касается войны и политики. Они жили зависимой жизнью под крылом у директора Института и были этим вполне довольны. Ты убил их защитника. Ты угрожал им смертью. Ты довел многих из них до настоящего безумия, а остальные разбежались в дальние уголки Империи, и даже за ее пределы... Экстрасенсы не объединятся, а не-экстрасенсы не возьмут их

к себе. Они боятся, Затар. Безумия. Убийства. Вот что ты с ними сделал, — заключила она и голос ее был полон ненависти. — Они — мой народ. И им нужна моя сила.

— А они ее примут?

— Почему бы и нет?

— Ты их атаковала, — напомнил он ей. — Атака на Ллорну была твоим делом.

— Они не верят в это!

— Правда? Я думаю, поверят после того, как получат «доказательства», которые я оставил в Империи.

Анжа напряглась.

— Они не поверят — те, кто знал меня, — неуверенно проговорила она.

— А сколько тебя знали? — спросил Затар. — Сколько были близки тебе? Кто мог прикоснуться к твоему сознанию не отступить перед всепоглощающей яростью? Ты вполне способна сделать то, что сделал я, и они это знают. Если бы разрушение Ллорну служило твоим целям, то ты сделала бы это много лет назад, ни секунды не раздумывая. Истинного воина не согнуть гибелью товарищей, Анжа.

— Ты слишком хорошо меня знаешь, — пробормотала Анжа потрясенно.

— Ты — браксинка, — твердо сказал притиера. — А я знаю свой народ.

Она закрыла глаза и ничего не ответила.

— Останься, — вымолвил Затар.

— Вначале я тебя убью, — процедила Анжа сквозь зубы.

Теперь: рискнуть всем, чтобы покорить ее, используя ключ, который дал ему Феран — сыграть против ее психологической обработки. Затар достал меч, взглянул на лезвие, затем отбросил в сторону. Меч пролетел через комнату и упал, ударившись о стену.

— Ну так сделай это! — крикнул Затар.

Темные глаза Анжи сощурились и интенсивность ее ненависти и презрения пронзила его поверхностное сознание; он испытал облегчение, почувствовав их, потому что это значило для него безопасность.

— Убила бы, если б могла! — прошипела Анжа. — Но если ты умрешь, то падет Холдинг — а я не могу стать причиной этому.

— Почему нет?

— Не надо играть со мной, Затар! Ты прекрасно знаешь, будь ты проклят... — Анжа запнулась. — Может, и не знаешь. Может, Феран никогда не объяснял тебе этого. Может он сам никогда не понимал, что сделал. — В ее голосе звучали отращение и боль. — Я была запрограммирована на поиск ключа к своему наследию, — она показала на картину. — На это. Но это — не все. Нет, ли Пауза такого унижения показалось недостаточно. Поиск наследия — только подчиненная, вспомогательная программа. Найдя расу, из которой я происхожу, я должна принять ее, как свою собственную — именно то, что ты пытаешься заставить меня сделать. Это означает принять тебя, как моего правителя — незавидная перспектива, по меньшей мере. Та, которой я могу и буду противостоять. Но убить тебя, полностью сбросив с себя ярмо психологической обработки, я не могу. Цена слишком высока.

В поверхностном сознании Затара появилось ощущение триумфа.

— Ну тогда оставайся, и выполняй то, на что ты запрограммирована, — сказал он спокойно.

— Мне здесь нет места! — крикнула Анжа в сердцах.

— Твоя родословная не меньше значишь на Бракси, чем моя. И даже больше. Ты будешь принята здесь с радостью.

— Бракси разрушит меня — или наоборот. А что касается нас...

Анжа закрыла глаза, и Затару показалось, что она дрожит.

— Я — азеанка в достаточной мере, Затар, чтобы это стало важным для меня. Тау проверил коды, и они все на месте. Любой интимный контакт привяжет меня к тебе так сильно, что ты и представить не можешь. Я не могу с этим смириться. Уже...

Анжа запнулась и Затар подумал, что она вот-вот расплчется.

— Есть альтернатива. — Она явно колебалась. — Я не была уверена, стоит ли это предлагать, но, кажется, она подходит нам обоим.

У притиеры появились подозрения, и он дал ей это почувствовать.

— Что ты предлагаешь? — спросил Затар вслух.

— Ты готов рискнуть реальным контактом с твоим народом? Я могу дать тебе понять твоих людей так, как никогда никто не понимал. Я сомневаюсь, посмеешь ли ты этим воспользоваться.

— Я не боюсь твоей силы.

— Лишь потому, что ты ее не понимаешь.

Затар подумал о своих уроках с Фераном.

— Это ничто, — сказала она ему. — Детские упражнения в лучшем случае. Он показал тебе дисциплины, разделил какую-то чувствительность... Спроси, почему он не вернулся, Затар. Спроси, почему он боялся снова с тобой встретиться!

— Скажи мне, — бросил он вызов.

— Вначале пойми, что у Ферана была теория. Он верил, что окружающая среда, а не генетика, обеспечивает спусковой механизм для телепатического пробуждения. Он считал, что Ллорну отличала высокая степень экстрасенсорного развития не из-за программ, регулирующих рождение, а потому, что дети каждый день подвергались экстрасенсорной активности, до тех пор, пока в период физической или эмоциональной встряски — например, полового созревания — их унаследованные ментальные щиты не разрушались. Конечно, потенциал должен был присутствовать, но потенциал — обычное дело. Ты лучше всех должен это знать, — многозначительно сказала Анжа.

У Затара внезапно возникло ощущение, будто он находится на краю пропасти и вот-вот упадет.

— Что ты имеешь в виду? — пробормотал он.

— После всех контактов с Фераном... разве ты не заметил перемены в себе? Я чувствую перемену в тебе, даже не прилагая к этому усилий. Хотя, если бы ты меня не предупредил об этом, то я приписала бы это своему воображению.

Затар понял, к чему ведет Анжа, почувствовал укус страха — и возбуждения — в душе.

— Браксинских экстрасенсов не существует, — тихо сказал он.

— Потому что вы всегда их убивали. Но только тех, кого удавалось найти. А что случилось с теми, кто научился перенаправлять свою силу в то русло, которое вы называете имиджем, а мы — харизмой? Разве они не процветали? Раз-

ве они не давали потомство? В твоей культуре, которая одобряет доминирование остальных, разве они не поднялись на вершину социальной иерархии... точно так же, как сделал ты?

Затар понял, что боится. Это чувство ему не нравилось, но казалось, он не может справиться с ним. И, что хуже всего, Анжа понимает все это и наслаждается его страхом.

«Я могу дать тебе бессмертие, Затар, гарантировать силу твоей династии. Дать тебе такое понимание, что ты сможешь свести на нет все экстрасенсорное преимущество Азен. Я могу дать тебе ключ к обнаружению той силы, которая все еще осталась у твоего народа — и одновременно показать тебе такую боль, что ты пожалеешь об этой встрече и будешь жалеть до конца жизни. Я могу сделать тебя всесильным правителем, Затар, — непревзойденным правителем! — и заставлю страдать так, что наконец моя жажда мщенья будет удовлетворена».

Каким огнем сверкали ее глаза! Ненависть на его сознание действовала, как приятная ласка, прикосновение давней любовницы.

— Феран показал мне как, — заявила Анжа. — Я не зонд, поэтому не могу сделать все чисто, любой контакт между нами будет окрашен моим опытом. Но Феран установил определенные модели у меня в сознании и показал, как с ними работать. Чтобы дать тебе силу, притиера Затар. Чтобы еще раз восстановить равновесие между Империей и Холдингом. Чтобы выполнить условия моей психологической обработки — и освободиться. — И тогда она прошептала его Имя, звук, преисполненный боли и страстного желания. — Выбор за тобой, — прошептала Анжа.

Затар прошел по серебристому ковру и встал рядом с ней перед древней картиной, что рассказывала об их родстве.

— Этот портрет был написан очень давно, — сказал он еле слышно.

Анжа предложила ему руку; вместо этого Затар обхватил ее за плечи и прижал к себе так, как обнимает возлюбленный, желая, и ненавидя, и любя.

— Мой враг, — прошептал Затар, когда резкая, горькая, щемящая тоска объяла его. — Сделай самое худшее.

В глазах — слезы? Может, показалось... ему... ей.

— Я сделаю, — прошептала она.

* * *

Воспоминания:

Наслаждение свободой, мыслями о захвате и покорении; свобода в Пустоте, с несколькими избранными товарищами и мечтой, главной мечтой для собственной поддержки.

Попробуй, какова на вкус эта планета, погладь ее поверхность: Цейлу, так она зовется, и на ней живет пять миллиардов человек, все они преданны тебе. Наблюдай за ними, направляй их, наслаждайся их жизнью, потому что они — орудия твоей мести, и поэтому ценнее, чем любое сокровище.

Разве когда-то существовала более красивая планета? Да, улицы, переполненные людьми, над которыми висит смог; океаны загрязняют мусор, выбрасываемый этими неосторожными, глупыми людьми. Но чистое небо и плодородная земля никогда тебе не нравились; вот это — истинная красота, цвета прогресса. Сам воздух провонял запахом человеческого насилия? Вскоре он будет пахнуть победой, а это — самый сладкий запах из всех. Ночное небо светится нездоровым светом, когда взлетевшие в воздух осколки и радиоактивные отходы отражают иллюминацию городов? Через две сотни лет это будет главное место сражения, и оно очистится кровью врага. Потерпи, подожди, потому что эта месть — твоя; ты посеяла зерна смерти на Цейле, и Бракси пожнет плоды твоих дел.

Теперь — Пустота: обыщи ее, направь свои чувства в ее глубину и наслаждайся, потому что это — твой любовник, твой союзник, дающий тебе время и охраняющий твой секрет. Пелена Танцора станет причиной гибели Бракси, поскольку Танцор — это Смерть, и ее музыку пишешь ты. Проникни во тьму своими особыми чувствами и наслаждайся ее пустотой...

...которая нарушена, как ты внезапно понимаешь; пока ты наслаждалась в экстазе предвкушения, враг пробрался в твою крепость. Очень хорошо, это и раньше бывало; один раз появлялись разведчики, целых пять, и ты догнала их и разобралась с ними так, как они заслуживали, даже до того, как беглецы покинули систему. Так будет и с этими. Уточни количество и определи их силу...

Внезапно ты пугаешься. Неужели их и вправду так много? Неужели Бракси бросит все военные действия ради одного этого усилия, согласится на мир на других фронтах, чтобы отправить своих воинов на разгром армии Анжи?

Ты подсчитываешь боевые корабли. Их оказывается больше, чем ты когда-либо видела в одном месте. Ты прикасаешься к сознанию людей на кораблях противника, и чувствуешь безжалостность, которая затмевает все ранее слышанное тобою о враге. Ты можешь надеяться сражаться с ними, этой сотней боевых кораблей с единственной «звездной птицей» и группой экстрасенсов?

Ты должна отступить, и ты отступаешь в тень планеты. Тут тебя не заметят, когда твоя «звездная птица» будет тихо стоять в сильных метановых ветрах. Здесь тебя не смогут убить, но ты бессильна — и обречена на ожидание здесь, пока они посыпают твои поля солью. Другого пути нет.

Сотня боевых кораблей стабилизирует положение на скорости ниже световой; две тысячи истребителей бросаются вперед с их палуб, встают на позиции вокруг обреченной планеты. Десять тысяч лет назад лугастинские ученые искали понимание Жизни, и хотя не смогли найти способов начать ее, их эксперименты оказались плодотворными в одном отношении: они разработали процесс, который осушал и разрушал жизнь. Они называли его полем отрицания, а браксинцы — жератом. Превращенный в оружие, жерат могут использовать только браксинцы — это слишком жестокое оружие, чтобы другие нации даже думали о нем, но идеальное для нужд Холдинга. И они теперь планируют использовать именно его — то оружие, которое сметет все живое с планеты-высочки.

Истребители медленно занимают свои позиции. Компьютеры определили их положение — во всех точках, окружающих планету, напряженность жерата должна быть одной и той же. И только тогда ужасающее поле отрицания сделает свою работу.

Что касается Цейлу, то она ничего не знает. Планета не видит врага, потому что на планете нет для этого оборудования. Люди не наблюдают в ужасе, как две тысячи истребителей занимают позиции вокруг планеты, не кричат в страхе, когда линии поддержки поля расставляются меж ко-

раблей. Цейлу не знает страха, пока небо не прошивает сеть горящих голубых молний, — но тогда становится уже слишком поздно. Работа началась; жерат установлен. Теперь остается только ждать, и Цейлу больше не будет представлять собой угрозу.

В ужасе Анжа касается мысленных потоков Цейлу — и оказывается в плену у разума планеты, и вынуждена разделить с ней смерть. Пять миллиардов человек; они не умирают медленно, не умирают легко. Мысленные потоки полнятся отчаянными планами, гаснущей надеждой, криками тех, кто готов бороться с самой Смертью, если бы она только показалась наяву. Дети умирают, и матери плачут, и отцам больше не о чем беспокоиться. Жерат безжалостен, и работает болезненно медленно. Требуется шесть дней, чтобы задушить Цейлу, чтобы на поверхности не осталось никакой жизни. Шесть дней, на протяжении которых умирают люди, ужасаясь; шесть дней, на протяжении которых Анжа разделяет их смерть.

Они обвиняют Анжу. Ненависть поднимается потоками, взрываются волны обвинений, которые заставляют ее сознание кружиться, искать убежища от этой страшной бойни — но ей не уйти, потому что смерть повсюду. Она переполнила ее корабль, ее тело, ее душу; от ярости мертвецов не убежать. Почти шесть дней они держат Анжу в плену, мучают ее своими страданиями; когда же наконец уходят, наступает безмолвие, настолько абсолютное, что Анже трудно прийти в себя и понять, где она находится, и вернуться в мир живых.

Она борется, чтобы прийти в сознание. Ее кожа потрескалась, во рту пересохло. Тело чуть не умерло от недостатка влаги. Анжа еле-еле добирается до выхода, помогая себе руками, и с трудом открывает кран. Вода бьет ей в лицо и на руки, и Анже удается проглотить немного жидкости. Ей больно пить, но она уже чувствует, как к ней возвращается жизнь. Теперь нужно найти свой экипаж...

Она их находит, но слишком поздно. Какое-то время Анжа стоит там, ошоломленная, и слезы навернулись бы ей на глаза, если бы в теле еще оставалась жидкость. Она прислоняется к стене кабины, дрожа. Наконец отчаяние скрывает с головой.

Сиара ти мертв; Анжа видит следы обезвоживания, и вероятно, его убило именно это. К Зэфуру смерть была менее милостивой. Пойманный в сеть обвинений, он стал не более,

чем орудием ненависти Цейлу, и повернулся против самого себя. Анжа смотрит на его тело с пустыми глазницами — глаза он вырвал в приступе безумия — и содрогается. Он уничтожил сам себя. Если остальные были бы слабее, то поступили бы так же. Предсмертные судороги Цейлу оказались такими сильными; даже теперь они дают о себе знать.

Обыскав «звездную птицу», Анжа находит двух других экстрасенсов. Оба мертвы. Кажется, одна убила другого, а затем совершила самоубийство, как сделал Зэфир — без сомнения, в ответ на непрекращающуюся ярость Цейлу. А Тау? Внезапно Анжа поняла, что он находился на поверхности планеты и делился своими медицинскими навыками с цейлуанцами, надеясь завоевать их доверие. Они разорвали его на части в иступлении или он прожил достаточно долго, чтобы отдать душу жерату? Потеря такой преданности приносит большее страдание, чем все вместе взятое.

«Я убила вас», — думает Анжа, и мысль кажется ей болезненно знакомой.

Цейлу: Анжа должна увидеть ее, должна смириться с тем, что произошло там. Это повлечет за собой огромный риск: женщина слишком сильно пострадала, чтобы пробовать какую-то экстрасенсорную активность, она должна бросить вызов Пустоте, не повидав своих врагов вначале. Возможно, ее гонит вперед желание умереть — в космос, который недавно принадлежал Бракси. Но система пуста. Только Анжа осталась жива, чтобы увидеть разрушение, и в своей «звездной птице» она по спирали спускается на поверхность планеты. Неужто одиночество намного ужаснее, чем то, с которым всегда жила Анжа?

Цейлу мертва. Даже больше: это воплощение самой идеи смерти. Везде лежат тела, неуспокоенные, — люди, животные. Трупы разбросаны по безжизненной траве, под безжизненными деревьями, которые пали под огнем жерата, там, где стояли, когда последние силы их покинули. Нет гниения, нет разложения, даже микробы, и те — мертвы.

И Тау... Его тела не найти, оно затерялось где-то среди этих пяти миллиардов трупов. Это вдруг кажется Анжа самым жестоким ударом из всех.

Она преклоняет колена на песчаном тротуаре, раздавленная своей печалью. Смерть пяти миллиардов человек на самом деле не может ее тронуть; смерть одного человека,

который рисковал своей жизнью из преданности ей и потерял ее, внезапно подавляет.

«Я провалилась, я не оправдала твоих надежд, — думает Анжа. — Я позволила тебе умереть».

Она опускает голову и плачет, и долго, очень долго, во вселенной не существует ничего, кроме печали.

«Анжа...».

Она резко дергается и поднимает голову. Разум, что разговаривает с ней, знаком, но она слишком потрясена, чтобы идентифицировать его. Кто-то еще выжил?

Анжа поворачивается и видит его.

«Феран».

Внезапно вся ненависть, которую она испытывала к себе, получает внешнее воплощение; Анжа бросается на Ферана со всей страстью, и только когда боль бросает ее наземь, она принимает правду. Цейлу стоила ей слишком многого; у нее нет сил убить Ферана.

«Как ты попал сюда? Чего ты хочешь?.. Ты пришел позлорадствовать, браксинец?» — спрашивает Анжа мысленно.

Он подходит к ней и протягивает к ней руки. Анжа резко отшатывается от него и теряет равновесие. Земля такая твердая, и от удара ее чувства словно разбегаются во все стороны, Анжа может только лежать и тупо ощущать, как первые щупики его мыслей начинают нашептывать тайны в ее голове.

«Видишь, это твое наследие... Не нужно этого стыдиться, это историческая родословная. Посмотри на правду, посмотри, как это повлияет на твое будущее. Что касается Цейлу, то она мертва, ее нельзя спасти, и ты должна оставить это позади. Пусть все остается как есть, Анжа».

«Я не браксинка, я не браксинка, я не браксинка!» — упрямо твердит она.

Феран вводит зондирующие мысли глубоко в сознание Анжи; по ощущениям они напоминают капли расплавленной стали, и Анжа пытается выбросить их вон, чтобы нанести удар по человеку, который смеет пользоваться ее слабостью.

«Расслабься, Анжа. Я пришел сюда не для того, чтобы приносить тебе боль — Ар знает, я никогда не смогу сделать это снова. Но есть способ тебе помочь. Расслабься, мой командир, позволь мне коснуться тебя в последний раз, и я обещаю, что положу этому конец».

Анжа не хочет, чтобы он проник так глубоко в ее сознание, но она слишком слаба, чтобы остановить Ферана; слезы отчаяния брызжут из глаз, когда она прижимает его руку ко лбу и собирает волю для контакта.

«Ключ — это личность; освой это — и станешь контролировать остальное. Ты можешь стать свободной, Анжа. Я исправлю то, что смогу, из твоей психологической обработки. С тем, что останется, уже не так сложно разобраться. Я нашел способ».

— Психологическую обработку нельзя аннулировать, — выдыхает Анжа.

Феран отвечает ей с грустью.

«Это — пропаганда Института. Я могу отменить мою начальную работу; для этого потребуются остатки моих сил, но это можно сделать. Что касается остального, то ты должна с этим разобраться сама. На протяжении всей жизни укреплялись модели, которые я установил в твоем сознании. И ты должна разобраться с этим прямо — другими словами, выполнить условия твоего программирования, и затем ты от него избавишься».

— Подчиниться Бракси? — вскричала Анжа. — Родить ребенка этой расы, чтобы его изучал ли Пазуа? Я отказываюсь!

Феран не удивился, услышав, что она знает природу своей психологической обработки; ничто из того, что она делает, не может его удивить теперь.

«Ли Пазуа мертв, Затар убил его от твоего имени. Института больше нет, а экстрасенсы разбросаны по всему космосу. Любая часть твоей психологической обработки, которая зависела от Института, теперь потеряла силу. Тебе не нужно бояться внезапного всплеска материнского чувства, — заверил ее Феран. — Пока нет Института, эта часть твоей психологической обработки останется бездействующей...»

Феран колеблется, и Анжа чувствует, сколько это будет ему стоить.

— У меня есть план, — говорит он ей вслух. — Послушай.

Шепот мыслей у нее в сознании, влияющих на тайные тропинки ее существа; Анжа чувствует, как осуществляется работа, и боится ее, но нет ничего, что она может сделать, чтобы или помочь ему, или помешать. На какое-то время Анжа снова становится ребенком, и пустота ее молодости

возвращается к ней. Затем к ней приходит голос Ферана, мягко вводя правду ей в сознание. Настоящую правду.

«Мы не властелины сознания, хотя сами убеждены, что так и есть. Чувствительность — это слабость, а не сила, и я уверен, что природа питает к ней отвращение. Подумай о хищнике, выжидающем жертву. Какая ему польза от того, что он экстрасенс, если сила его голода действует как предупреждение на выбранную им жертву? Как животному удастся спрятаться, когда сам его страх является маяком, который ведет к нему? Только появление развитого интеллекта позволяет нам одобрять такую слабость, и даже так нам нужны все средства, которые мы можем собрать, чтобы превратить ее из помехи в ценное качество. Дисциплины. Тщательно контролируемое общество. Контроль, Анжа, — вот ключ, контроль, которого недостает примитивному разуму. По этой причине примитивное общество боится экстрасенсов, точно так же, как и преклоняется перед ними. Оно объявляет экстрасенса провидцем, оно превозносит его — но одновременно связывает ритуалами, которые отделяют экстрасенса от других людей, и, как правило, следит, чтобы он умер, не оставив потомства. Браксанов следует поздравить, потому что они — единственный народ, достаточно честный, чтобы убивать своих экстрасенсов сразу. Они боятся телепатии со всей силой первобытного инстинкта и не станут терпеть телепата в своих рядах. И это слабость, которой ты воспользуешься, чтобы заполнить свою свободу. Послушай: я скажу тебе, что делать...»

* * *

— Приди ко мне, мой враг, мой ненавистный, — приди ко мне и раздели богатство моей силы, чего ты так страстно желал, так, как никогда не желал ни одну женщину. Позволь мне открыть твоё сознание для прикосновения космоса, песни мыслей и целей, что наполняет Пустоту жизнью. Иди прямо в средоточие моего существа, туда, где лежит сила, где постигаются мысли других людей. Приди и попробуй на вкус силу, Затар, ту, о которой мечтают другие и которой боятся; приди и сделай ее своей, если посмеешь, и она действительно станет твоей.

Смотри: жизнь на Бракси корчится, извивается, ее сознание связано путами и пытается освободиться. Боль пульсирует в ней постоянно, заставляя разум планеты дрожать. Вот острое копьё — отчаянье женщины; вот зазубренное лезвие — мучительная беспомощность мужчины. Дотронься до своей планеты — и она пронзит тебя сотней колючих мыслей, полных страдания, и пустых грез, и надежды, которая рождается только для того, чтобы умереть. Это твоя родина, Главная Планета, земля, которую выбрал бог-предатель; это Бракси, на которую предъявили претензии браксаны; это мир, где на троне восседает Затар.

Что ты можешь для него сделать, ненавистный мой? Что ты можешь сделать за одну жизнь для того, что пребудет вечно? Ощути мысли браксинских женщин, полные отчаяния, черную зависть их. Ощути мелочность мужчин Бракси, ужасную изоляцию, в которой живут здесь люди. Создавай свою династию, если хочешь... Но знай, что Основание прогнило. Потоки мыслей Бракси разносят зловоние безысходности, и потребуется больше, чем усилия одного человека, чтобы это исправить. Это реальность, Затар, в сравнении с которой твой трон — лишь немногим больше, чем иллюзия. Ты этого хочешь? Это тебя удовлетворит?

Ты послужил для меня катализатором в самом расцвете моей жизни. Ты и твои бархатные глаза, ты, красивый настолько, что и представить себе нельзя, воин в полном смысле этого слова. Ты заставил меня перемениться и сделал уязвимой и бессильной перед обстоятельствами. Ты открыл во мне силу. Теперь я завершу цикл и применю свою суть к твоим зачаточным навыкам.

По твоей воле, притиера. Ты сам сделал выбор. Помни об этом.

* * *

Аромат желания. Прикосновение консуммации.

* * *

Огонь. Он падает в огонь, он прижат к ее сердцу. Всюду бушует гроза — ее суть, чудесные чувства ее, однажды уже

виденные им, и он вновь упивается ими. Они не отличаются от прежних, но стали сильнее. Отточенная кайртом, ее ненависть — красивая вещь; он дотрагивается до нее своей собственной убийственной страстью и позволяет их мыслям перемешаться, погружаясь все глубже и глубже в огонь ее души. Есть боль, но эта боль только приветствуется; он знает, что это — цена их союза, поэтому принимает ее как необходимость. И остается нагим, его латентный навык очищен от всех запретов и сдерживающих факторов, пока богатство и хаос космической мысли не заполняют самые дальние уголки его души, и требует своей ужасной платы.

Затар прижимается к Анже, его единственному якорю во вселенной, сошедшей с ума. Эта чувствительность... Анжа узнала ее, когда боль после гибели родителей открыла ее сознание для чужих мыслей; Затар дал ей этот ужас, и теперь Анжа отвечает услугой за услугу. Это поток, который захватывает начинающего телепата, хаос такой ужасный, что разум лучше подавит врожденный талант, чем испытает его хоть на миг. Это рождение Истинного разума, души телепата; это его вселенная, и он сражается за то, чтобы постигнуть ее.

Порядок накладывается на анархию: Затар фокусируется на осознании самого себя, отделяет его от первоначального хаоса, который окружает его, и строит стены, которые отделят их друг от друга. «Как это похоже на богов», — думает Затар. Море успокаивается, огонь умирает. Мысли вселенной — песня, не больше, тихий отлив и прикосновение существа, что гладит его разум удивлением. Это и значит быть экстрасенсом, это и значит жить.

«Почему мы это отрицали? Почему мы этого боялись?» — недоумевает Затар.

Шепот мысли, передаваемый ему нежным бризом разума Пустоты.

«Ты увидишь», — обещает она.

* * *

Темнота расступается, мерцает серебристый океан. Затар поднял голову и услышал позвякивание кристаллических gobelенов в ответ на движение в комнате. Ему потребовалось мгновение, чтобы вспомнить, где он находится. Он стал

искать глазами Анжу, но она ушла. Затар отсканировал прилегающую местность в поисках ее ментальной подписи, но не получил никакого ответа. Значит, прошло какое-то время после того, как успокоительная тьма забрала его.

— Лорд Затар?

Он попытался сесть прямо, но сил не осталось. От входа в помещение приближались шаги, эхом отдавались в позвякивающих кристаллах. Голос женщины. Л'реш?! Что она здесь делает?

— Лорд?

Л'реш прошла сквозь дверной проем, увидела Затара и быстро приблизилась.

— Что случилось? — обеспокоенно спросила она. — С тобой все в порядке?

Ее беспокойство за него было очень интенсивным; Затар применил одну из многих дисциплин, которым его научил Феран, и ему удалось снизить ощущение.

Благодарю за эту силу! Иметь этот особый талант подобный целой вселенной, уметь улавливать мотивы, что побуждали людей говорить, узнавать о планах врагов, пока они еще не осуществились...

Анжа дала ему универсальное оружие, и Затар, как правитель, намеревался его использовать. И если она думала, что это принесет ему страдания... значит, она не знает его так хорошо, как он думал.

Затар снова попытался встать, и ему удалось приподняться на локте. Л'реш протянула руки, чтобы помочь ему, и прикоснулась к его плечу...

...огонь чувств обжег его через контакт, губительные эмоции в болезненном многообразии и количестве.

Затар изумленно отшатнулся от Л'реш.

— В чем дело? — В ее голосе послышался испуг, в поверхностном сознании — также. — Что случилось?

«Не знаю».

— Ни в чем, — ответил Затар вслух. — Со мной все будет в порядке.

«Правда?»

Затар с трудом поднялся на ноги, а когда поднимался, что-то упало с его груди на пол, но ему потребовалось огромное усилие, чтобы просто стоять, поэтому он не стал пока обра-

щать на это внимание. Затар покачулся, и Л'реш бросилась ему на помощь, и прижалась к его боку...

...и в ней была женственность, но не такая, как в Анже: не то, чем можно наслаждаться, а нечто омерзительное, нечистое, окрашенное черными и ужасными эмоциями, которые могли запятнать его душу. Слабость, там присутствовала ужасная слабость; ее сознание не могло правильно сфокусироваться на своем «я», больше беспокоилось о его благополучии, чем о своем собственном. Безумие! И что это за уродство, эта липкая темнота, что заставляла Л'реш снова и снова рисковать собственной жизнью, рожая ему детей? Не удовольствие, нет, но что-то более темное, что-то, пахнущее рабством, зависимостью и разрушением. Это и называется «любовь»? Затар содрогнулся, обнаружив это в родном человеке, — и по-настоящему испугался.

— Лорд, что... — начала Л'реш.

— Как ты сюда попала? — перебил ее Затар. И отодвинулся от нее. Пусть лучше говорит, чтобы дать ему время привести мысли в порядок.

— Ты попросил меня приехать. Ты послал за мной — вот, видишь? — она достала из-за пояса пластиковую карточку и положила на стол. Черная пластинка на зеркальной поверхности — раковая опухоль, как и ее чувства. — Ты пригласил меня присоединиться к тебе, разве ты не помнишь? Что случилось, Затар? Я хочу помочь.

«Что случилось? Я начинаю догадываться об этом».

Затар протянул ей руку, внутренне сжимаясь в предчувствии контакта. Дисциплина разделения, дисциплина интеграции, дисциплина прикосновения: он прогнал порядки через сознание, когда Л'реш протянула к нему руку, и держал этот барьер в сознании.

... И мир взорвался эмоциями, слишком чуждыми, чтобы их понять. Затар отшатнулся от Л'реш. Его рука дрожала, его сознание — хаос, сумятица, преисполненная страхом, когда месть Анжи в полном объеме стала ясна притиере.

«...Любой контакт между нами будет окрашен моим опытом». Анжа!

— Со мной все будет в порядке. — Это была ложь. Он знал свою судьбу, понимал ужасную изоляцию, которая ожидала его. — Просто дай мне минутку.

Затар окружал себя женщинами, готовыми рабски подчиняться ему; не было среди них ни одной, до кого он теперь мог бы дотронуться. Прикосновение влекло за собой экстра-сенсорный контакт. Они казались представительницами другой расы, даже другого вида, наполненные беспокойными эмоциями, у которых нет эквивалента в его собственной личности. И он не мог позволить таким чувствам пустить корни в своей душе.

Затар принимал как должное, что пережитое с Анжей типично для телепатического союза; теперь он признал, впервые за всю жизнь, насколько ошибся.

Теперь Затар знал, что Анжа уникальна, что он может всю жизнь искать другую душу, так хорошо подходящую его собственной. Если вообще есть другая — в чем он сомневался.

А до тех пор он будет один. И более одинок, чем любой другой мужчина, более одинок, чем все женщины мира, за исключением одной.

— Мне нужно на свежий воздух, — прошептал Затар.

Снаружи, на открытой местности, окружающей дворец, он, наверное, сможет смириться с этим; в замкнутом пространстве, в любом помещении, переплетение эмоций слишком давило на него.

Как это повлияет на Бракси — невольный экстрасенс в роли правителя? Что будет означать для нации избалованных сластолюбцев отказ их правителя от половых контактов? А что случится с его Домом, основу коего составляет сексуальная близость?

«Ньен...» — подумал Затар, но Ньен была для него потеряна. Они все для него потеряны отныне.

«Это твой выбор, притиера».

— Затар? — спросили за спиной.

Он заставил себя вернуться в настоящее. Л'реш излучала страх и сочувствие, и зеркало ее эмоций отразило странность в его поведении.

Притиера успокоился. Притворился, что взял себя в руки. Посмотрел на пол, на небольшой черный предмет, и поднял его. Его рука, как он с удовлетворением отметил, перестала дрожать.

— Что это? — спросила Л'реш.

Затар внимательно осмотрел покрытый коркой предмет. Это была перчатка, разорванная на тыльной стороне и загрубевшая от крови, его крови, давно высохшей. Он понимающе кивнул.

— Ничего, — помедлив, сказал притиера. И бросил перчатку. — Ничего, что имело бы значение.

«Ты уничтожила меня, враг мой».

— Пойдем, — мягко вымолвил Затар. Уходя, он наступил на перчатку и затоптал ее в пыль.

Покидая дворец, Затар проявлял осторожность, чтобы не касаться Л'реш.

ЭПИЛОГ

«И затем — как утверждают браксаны — Тазхейн пошел против своего Создателя, и началась война. Боги превратили людей в воинов, они стали пешками, и брат восстал против брата. И кровь залила планету. Таким образом, новая эра ознаменовалась предательством богов, и человек узнал богатое разнообразие конфликтов. И когда Тазхейн стал главным в Пустоте, то увидел, что случилось с людьми, и убрал карающую длань, простертую над их головами.

— Это хорошо, — сказал он. — А поскольку вы на самом деле научились жить, я не стану отбирать у вас жизнь. Но если вам нужны указания, посмотрите в Пустоту — она ответит вам столь же охотно, что и я, и беспокоиться о вас будет так же, как я сам».

Витон

(Нижеследующий документ был уничтожен во время приземления Дайл, в году 1-м).

Я опишу все в хронологической последовательности, Бейл, брат мой, и не исключено, что рассказанное мной когда-нибудь поможет нашему народу. Что касается остального, то это только для тебя, брат. Ты сам все поймешь.

Нет необходимости описывать тебе, как гражданские власти вытянули меня из церкви в середине службы. Я всегда

считала важным посещение церкви, и в тот момент мы исполняли литанию о благословенном воздержании, которое я принимала всегда как должное в той же мере, что и все. Мы не были первыми, кто чтит половое воздержание, хотя, думаю, мы были первыми, вере которых поспособствовали другие. Но эти вещи я понимаю теперь, после встречи с Харкуром; тогда я принимала все без сомнения, как и большинство из нас. Что может быть страшнее такого бескровного геноцида?

Ты сам находился в церкви, когда они силой оторвали меня от молитв и потащили из нашего прибежища. Вы все боялись за меня, но кто осмелился бы возразить? Разве мы не были рабами по сути, хотя некоторые из нас пока так не назывались? Для мристи жизнь френеллов ничего не значила. Один раз, под большим секретом, еще в детстве, моя подруга шепотом поведала мне, что вначале на Зеймуре жила только одна раса. Я тогда не поверила. Стоит лишь взглянуть на отличия — их бледную кожу и резкие черты лица; нашу темно-коричневую кожу и неправильные черты — и на все несоответствия в наших культурах. Но теперь я в это верю. Я видела зарождение классовой системы, подогнанной под одну расу, и теперь могу представить планету, где одна раса — или племя — получает такую власть, что начинает выделяться среди остальных. Но я никогда не видела среди звезд и людей, которые правят там, таких целенаправленных действий, желания стереть и уничтожить определенную расу.

Тогда, в церкви, я пришла в ужас. Я не участвовала в восстании, как ты. Как я теперь понимаю, я была морально устойчивой.

Знаешь, я ведь чуть не прокляла тебя, когда ты привел к нам в дом беременную Элис, чтобы она могла выносить ребенка. Мне на протяжении месяцев снились кошмары, я искренне верила, что Элис будет проклята за то, что поддалась инстинкту, и сама я тоже буду проклята за то, что скрываю ее от наказания. Нет, я никогда не сомневалась, что мристи могут наслаждаться подобными вещами, в то время как обвиняют в этом нас. Но они были другие.

Интересно, сколько поколений им потребовалось, чтобы построить систему, направленную на уничтожение таких, как

мы? Что мы такого сделали, чтобы заслужить подобную враждебность? Ведь еще совсем недавно мы были просто низшей кастой, церковь подчинялась нам, а также доктрина, обеспечивающая продолжение рода. Неважно.

Они бросили меня в закрытую машину и отвезли в дисциплинарный центр, и два раза по пути чуть не провалились под землю. Мой ужас нисколько не уменьшился из-за землетрясения, и когда меня вытаскивали из машины, потрянуло еще разок. Ты можешь мне возразить, что в Городе в среднем случается три толчка за день, но это был божественный знак, я в этом не сомневаюсь.

Я размышляла, знают ли они про заговор. Определенно, от меня они не узнали ничего, я ведь услышала о нем только потому, что была твоей сестрой, а ты участвовал в заговоре... Я никогда не видела людей такими испуганными, когда последовал очередной толчок. Все выглядело так, словно они точно знали число — сколько раз потряхнет перед разрушением Зеймура, и подсчитывали, сколько им осталось жить.

Меня отвели в кабинет руководителя подразделения, отвечающего за дисциплинарные акции, в отдел, занимающийся френеллами.

Я была в ужасе, и большую часть пути им пришлось тащить меня на себе, настолько мои ноги ослабели от страха. Сколько наших людей заходили в эти помещения, чтобы никогда больше не выйти из них? В отдалении послышался грохот и мои похитители приготовились к еще одному толчку, но его не последовало.

Руководитель оказался крупным мужчиной, даже толстым, к тому же от него отвратительно пахло. Мристи говорили, что это оттого, что ему приходится тесно общаться с френеллами. Хотя мы думаем иначе. Он одновременно был и офицером мристи, и верховным жрецом, я задрожала перед ним и простерлась ниц.

— Так, что у нас здесь? — спросил начальник. Голос его звучал мерзко, и все в нем вызывало омерзение. Если он на самом деле был представителем бога, то мне жаль, что я его воспринимала с таким отвращением — но все же я видела его только так и не могла изменить своего отношения.

— Дерьмо из френеллов, — сказал один из моих похитителей. В комнату набились охранники. — Ее имя включено в

список в связи с заговором, касающимся ребенка номер сорок три.

Это был ребенок Элис, как я поняла, и у меня сердце ушло в пятки. Но почему они схватили меня, а не тебя?

Руководитель приподнял бровь.

— Да? — спросил он. — Ну, с этим покончено, и нет смысла вести допрос.

Мерзость, мерзость, мерзость. Он источал жуткую мерзость.

— В таком случае, каково наказание, господин?

Руководитель направился к шкафу и достал пюпитр в виде дощечки с зажимом, сделанный из чеканного золота, на зажиме сверкали большие изумруды. Он взял в рот кончик ручки, украшенной гранатом, покашливая и что-то невнятно бормоча.

— Хорошо, — промямлил он, не вынимая ручки из рта. — Для этой экспедиции нам нужен кто-то из френеллов. Ее отправка решит вопрос с проклятием и послужит хорошим примером для остальных. Доведите это до сведения общест-венности!

Мой похититель улыбнулся от удовольствия, которое вызвала у него эта мысль.

— Вот бумаги. — Руководитель вручил ему папку. — Пусть ее продезинфицируют и ознакомят с теорией в Космическом Центре. Я уверен: наши астронавты обо всем остальном позаботятся сами.

— Стерилизовать? — уточнил охранник.

Руководитель гаденько рассмеялся.

— Нет. Она не посмеет забеременеть.

Мучители мои хихикали, когда тянули меня из комнаты. Я чувствовала, что вот-вот потеряю сознание, не понимая, какая участь мне уготована, но ухватив смысл сказанного. Мне предстояло отбывать наказание на «Исследователе», экспериментальном межзвездном корабле, который вот-вот должен был стартовать с космодрома в Арингвиле. Какая ирония, думала я: ты, брат мой, с твоей навязчивой идеей межзвездных полетов, остаешься на земле, а я окажусь на самом передовом межзвездном корабле. Но при мысли об этом сердце у меня упало. Ведь мне предстояло терпеть изнасилования в неизведанной тьме неисследованного космоса и через это быть проклятой вовеки.

Всю ночь у себя в камере я монотонно напевала литанию о благословенном воздержании, но она только навевала на меня еще большую тоску.

Утром меня доставили в Космический Центр в Арингвиле, где я встретилась с четырьмя астронавтами. Меня раздели, и мне пришлось стоять без движения, пока мужчины мристи подвергали меня осмотру. Позор этого казался невыносимым; мне стыдно даже вспоминать, как до меня дотрагивались, эти прикосновения были такими противными, что я не знаю, как не сошла с ума. Боже, прости меня, но я не могла это остановить...

Меня одобрили и сделали частью сработанной наудачу и необдуманной программы подготовки по выживанию на долгие месяцы — или годы? Часто, подвергаясь тестам или упреждаясь, я чувствовала, как один из этих мужчин похотливо смотрит на меня через специальные панели для наблюдения, что окружали выделенное мне помещение. Эти панели позволяли видеть меня, но я не могла увидеть наблюдателей. Я не могла спать. Когда же я наконец задремывала, ад голосами демонов, пересыпанных гаденькими смешками, сообщал мне, что скоро, очень скоро я на целую вечность окажусь среди радиоактивных языков пламени. Через полмесяца я превратилась в развалину как физически, так и морально.

Астронавты прикрепили меня ремнями в небольшом отсеке рядом с грузовым, и мы стартовали. Никто не подготовил меня к боли, к той агонии, от которой внутри все переворачивалось, из-за этой особой тяги, которая теоретически позволит нам перебраться от звезды к звезде менее, чем за одно поколение. Я услышала, как один из мужчин кричит, но рядом с ним находились друзья, чтобы его успокоить. А мне бежать было некуда, и некому было меня успокаивать. Я даже ни разу не видела астронавтов до третьего дня пути, когда мы закончили первую серию ускорений, и один из них высвободился из механической системы поддержания жизни, чтобы воспользоваться удобствами — мной. Я сопротивлялась, но впустую. Он находился в обществе друзей, мог пользоваться средствами, снижающими боль, а у меня был только мой страх, и я еще не полностью восстановилась после старта. Тем не менее я сражалась, сражалась не только против насилия, но и за спасение души. Я проиграла. Я предпочла бы умереть

прямо тогда и умерла бы, если бы могла убить себя, но астронавты снова привязали меня ремнями и подключили провода и шланги, и холодные и эффективные машины поддерживали во мне жизнь, несмотря на мои молитвы. Если ад есть, то я его видела. Он наполнял мои сны и часы, когда я бодрствовала, поскольку мужчины не только использовали меня, но и наслаждались моей болью и позором, ведь других источников развлечения у них на маленьком корабле не было.

Но достаточно об этом, брат мой. Ты и так все понял.

Мы провели так больше месяца и пять раз пережили боль, позволявшую нам завоевывать космическое пространство, о котором человек когда-то лишь мечтал. Это было долгое путешествие, долгое и утомительное. Мужчины сильно напились и пребывали в забытии, когда произошел сбой. Очевидно, навигационные приборы вышли из строя или сработали как-то не так, и поскольку астронавты находились в ступоре, то заметили ошибку, когда было слишком поздно. Мы вернулись в обычный, безопасный космос, и через несколько минут я услышала крики ужаса и поняла, что астронавты бессильны что-либо сделать. Я попыталась освободиться, но ремни держали меня крепко, именно этому я обязана жизнью. Мы подошли слишком близко к какой-то планете, сила притяжения тянула наш корабль к поверхности, и когда мы прошли в атмосферу, астронавты все еще отчаянно боролись с инерцией, пытаясь спастись. Но тщетно. А я... я выжила только потому, что отсек, в котором меня держали, забитый инструментами, более ценными для мристи, чем мужчины их собственной расы, отсоединился от обреченного корабля и совершил жесткую, но гораздо более успешную, чем корабль, посадку.

Мы врезались в планету. Я не знаю, упала я на сушу или в воду. Боль пронзила все тело, я услышала звук взрыва, и огонь обжег мои легкие изнутри. Наконец пришла смерть и обняла меня, и я с радостью приветствовала тьму, которая закрыла ноющие от дыма глаза. Последним возникло ощущение, будто меня кто-то поднял, но я приняла это за грезу, вызванную умиранием, и была счастлива погрузиться в черноту, сулившую мне свободу.

Я проснулась в панике, пытаясь высвободиться неизвестно из чего. Ласковые руки уложили меня вновь, и какие-то

голоса, говорящие на странном напевном языке, звучали очень близко. Я открыла глаза, и туманным взором окинула мужчин и женщин, которые выглядели как мы, но не совсем так. Вначале я подумала, что оказалась дома. Где же еще можно встретить человека? А затем, наблюдая за незнакомцами, я отметила разницу — и поняла.

Они выходили меня, Бейл, брат мой, с нежностью и добротой. Хотя я все больше и больше отмечала, насколько они другие: по произносимым звукам, по внешнему виду и поведению. Меня все больше поражала их в общем-то человеческая форма.

Они носили скользкую синтетическую одежду, которая практически ничего не скрывала, женщины красили волосы в ярко-голубые, зеленые и пурпурные тона под цвет одежды. Госпиталь, где меня лечили, был оформлен в тех же цветах, а ухаживавшие за мной мужчины носили тяжелые украшения тех же оттенков. Они пытались научить меня своему языку, а я честно пыталась его выучить. Через несколько недель я уже могла изъясняться на основные темы — они держали меня в госпитале даже после того, как я поправилась, изучая мой организм, — но я совершенно не понимала логики этого языка, наполненного звездной символикой. Самих жителей этой планеты я даже не пыталась понять. После долгих обсуждений между собой они решили попробовать еще один язык, более подходящий под мысленные образцы зеймурцев и мою родную фонетику. Этот язык назывался браксинским, и я нашла его гораздо более легким, хотя объективно он гораздо сложнее.

Планета, в которую мы врезались, называлась Лугаст, и ее обитатели хорошо ко мне относились. Это был древний народ, который уже давно путешествовал в космосе, поскольку они находились рядом с таким большим скоплением планет, что даже их самые ранние корабли могли исследовать звездные окрестности и возвращаться домой менее чем за одно поколение. Лугаст был столичной планетой мультизвездного Союза Планет. Я немного узнала об их культуре, и мне понравилось то, что я узнала. Они хотели объединить заселенную людьми галактику, потом идти дальше, к более чужеродным формам, и установить с ними культурный обмен.

Теперь я попытаюсь объяснить услышанное от лугастинцев, но на самом деле я не понимаю всего, поэтому тебе

придется меня простить, если я нечетко формулирую свои мысли. Они сказали мне, что жизнь — это скорее правило, чем исключение, и большинство солнечных систем с подходящей окружающей средой порождают какой-нибудь вид жизни. Они объяснили мне то, что у них называется параллельной эволюцией и говорит о том, что подобная окружающая среда имеет тенденцию давать рост подобным этапам эволюции, и в конце концов подобным формам жизни. «Это и объясняет наше сходство?» — спросила я, все еще скептически относясь к их теории. Нет, сказали они, люди отличны друг от друга. Люди — и еще пять других форм жизни — были обнаружены во многих системах, где сами собой не развивались, и, что еще более таинственно, в мертвом виде на тех планетах, где человек не смог бы выжить. Лугастинцы считали эти находки доказательством того, что кто-то пытался проверить возможность адаптации людей — и других видов — в тех местах. Первые исследователи, которые это обнаружили, списывали случившееся на богов (у лугастинцев их более одного), но современные умы склоняются к тому, что какая-то древняя нация, путешествовавшая среди звезд, экспериментировала с адаптацией и выносливостью определенных видов. Как мне сказали, есть даже группа ученых, которые считают, что великие Экспериментаторы сами были людьми и разбросали представителей своего вида среди звезд, чтобы посмотреть, насколько человеческая природа биологически определима и насколько поменяется природа людей в ответ на чуждые условия окружающей среды. Лугастинцы называют это Посевом, а получившееся в результате человеческие типы — Разбросанными Расами, и подтверждают свои теории научными выводами. (На многих из этих планет, например, нет эволюционной ветви, которая могла породить человека; и даже там, где есть похожий тип развития, истинный человек часто появляется так внезапно, что часть истории теряется, связь между похожими, но отличными формами не прослеживается. Определенные мифы — общие для человечества, начиная от самых первобытных племен — тех, окружающая среда которых держала их в изоляции, и тех, что медленно прогрессировали, и самых прогрессивных межзвездных наций; например, мифы о Великом Потопе и легенды о меняющих форму существах, которые принимают человечес-

кий облик, чтобы пить силу истинных людей). Список чудес бесконечен, Бейл, брат мой, но если я попытаюсь все это описать, то никогда не доберусь до конца, а я не знаю, сколько времени у меня еще осталось. Поэтому прости меня, пожалуйста, если я, начиная с этого места, буду кое-что пропускать в спешке — мне еще столько нужно тебе рассказать!

Эти лугастинцы были мирным народом, полностью посвящали себя новому объединению человечества и успешному взаимодействию с не-людьми, которые также нередки в галактике. У них было мало недругов и только один настоящий враг. Это планета Бракси, недавно объявившая о себе надменная планетка, которая внезапно вошла в галактическое общество, причем с явными захватническими целями. Хотя Бракси считалась почти первобытной по межзвездным меркам, она фактически, как и Зеймур, была достаточно далеко от лугастинского пространства, и Бракси удалось дать отпор Лугасту, превзойти его и в силе, и в дипломатии. Бракси освоила часть космического пространства, на которое никто не претендовал раньше, и при помощи вооруженных сил установила там свою власть.

Когда я поправилась и немного привыкла к своему новому окружению, а также освоила разговорный язык, лугастинцы показали мне звездные карты. Мне понадобилось много времени, чтобы найти наше солнце на этих трехмерных изображениях, поскольку я привыкла к двумерным, тут же требовалось осматривать участок за участком под всеми углами, пока не стали появляться знакомые созвездия. Наконец я нашла Зеймур — и какую боль я испытала, когда поняла правду! Я не посмела открыть ее моим спасителям. Мы находимся ужасающе близко к Лугасту, и если бы этих людей не привлекли скопления звезд в другом направлении, то они бы нас уже давно завоевали.

И прекрасно, скажешь ты? Нужно радостно их приветствовать? Мы — рабы, брат мой, и должны помнить, что правители обычно принимают сторону правителей, и приход лугастинцев на Зеймур, несмотря на все их добрые намерения, дал бы такую силу мристи, что нам не пришлось бы и мечтать о том, чтобы вырваться из-под их гнета. Поэтому я ничего не сказала. Я просматривала карты день за днем и заявила, что не вижу никаких знакомых звезд, и небеса мне совсем не

ясны. Наконец лугастинцы смирились с этим и оставили меня в покое.

Я была удовлетворена — теперь я увидела впереди какую-то надежду на то, чтобы остаться в этой чарующей цивилизации. Но до того, как мои мечты стали реальностью, обстоятельства изменились, и Лугаст оказался потерян для меня навсегда.

Все случилось мгновенно. Я гуляла перед госпиталем, и ничто не вызывало у меня подозрений. Я не могла даже предположить, что здесь меня поджидает опасность. Меня внезапно схватили и потянули под прикрытие кустов, зажав рот сильно пахнущей тряпкой. Я даже не сопротивлялась — так была ошарашена. Склонившееся надо мной лицо ужасало: бесцветная кожа, заостренные черты и безжалостные черные глаза, волосы того же цвета. Это было мое последнее впечатление, затем я погрузилась во тьму. Проснувшись связанной, на борту какого-то маленького транспортного средства, которое я быстро идентифицировала как межзвездный корабль. Дисплеи вокруг меня демонстрировали чужие небеса. Неподдалеку сидело трое мужчин: тот, который меня схватил, с чисто выбритым лицом и очень суровым видом, и еще двое, черты лиц которых казались мягче, — у того, кто управлял кораблем, была борода. Один из них заметил, как я шевельнулась, и локтем толкнул своего черноволосого товарища.

— Трофей просыпается, Сокуз, — подбодрил он товарища.

— А лугастинский патруль? — спросил тот.

— Мы от них ушли, — заверил его товарищ.

Мой похититель подошел ко мне и быстро рязвязал путы.

— Не дергайся, и все будет хорошо, — сказал он. — Ты говоришь по-браксински?

Я кивнула, все ещё не в состоянии произнести ни слова от удивления и страха.

— Так они и сказали. Не нужно сопротивляться, мы вышли из лугастинского космического пространства, и твое сопротивление ни к чему не приведет. Просто расслабься, наслаждайся прогулкой, и все будет отлично.

Я снова кивнула. Меня охватила дрожь. Вот они, браксинцы — определенно безнравственные, понимающие войну только ради войны и не признающие правил существования человеческого общества, которое я начала уважать и любить. Но мой страх не удержал меня от того, чтобы поесть, потому

что я проголодалась, и позднее, усталая и ослабленная, я погрузилась в сон.

Похитители не отвечали ни на какие вопросы, но во всем остальном вели себя приемлемо и даже по-доброму. Мы много разговаривали; бесконечное молчание космоса нагоняло на них такую же скуку, как и на меня. Они были очень сильно ориентированы на секс, как я узнала из их языка. Мужчины задавали мне много вопросов относительно традиций на моей родной планете, на которые я отвечала, как могла. В отличие от лугастинцев они или предполагали, что я просто неспособна найти на карте свою планету, или их не интересовало, где она находится. Но никаких звездных карт мне не давали.

Их предводитель приказал меня похитить. Он услышал обо мне, решил посмотреть на меня собственными глазами и просто приказал меня схватить, прямо из-под наблюдения лугастинцев. На его планете живет двадцать три нации, они приблизительно разделяются по племенному прошлому. Там также много холодных степей, все еще не освоенных цивилизацией. Двое астронавтов, более мягкие по характеру люди в компании похитителей, происходили из племен хиринари и дамбарре, и их нации поклялись в верности человеку по имени Харкур Великий, который объединил очень неоднородную планету вокруг себя. Сокуз, черноволосый мужчина с глазами, сулящими гибель, относился к племени браксана. Некоторые из его расы служат этому харизматическому лидеру, но по большей части они ведут кочевую жизнь в Кровавых Степях, на огромной части суши, которая успешно охраняется от посягательств цивилизации на протяжении многих лет. Это жестокие, агрессивные и безжалостные люди, и по этой причине Харкур ценит их и отправляет для выполнения подобных заданий. Только браксан, заверил меня Сокуз, смог бы украсть меня прямо из-под носа моего конвоя, преодолев пол-территории враждебного Союза. Я слушала, наблюдала и не видела причины сомневаться в его словах.

Но о своем правителе они мне ничего не рассказывали. Я сама с ним встречусь, тогда все и узнаю. Сокуз даже рассмеялся, когда я спросила о нем, что нисколько не уменьшило моего страха.

И я боялась. И еще больше испугалась, когда случайно подслушала разговор, не предназначенный для моих ушей.

— ...прекрасно подойдет для развлечения, как ты думаешь?

— Думаю, кайм'эра будет очень ею доволен.

Прекрасно подойдет для развлечения... Значит, вот какая судьба мне уготована? Быть спасенной из одной тюрьмы и сразу попасть в другую? Я задрожала, но виду не подавала, что знаю все. Они ведь ничего мне не скажут, и лучше держать свои страхи при себе. Время покажет.

Как я могу тебе описать, Бейл, брат мой, чудесный дворец среди звезд? Мы не отправились на Бракси, а полетели на Беррос, небольшую планету, спасенную от запустения желанием Харкура там поселиться. Как правитель звезд, он считал, что для своего дома он должен избрать целую планету, и хотя планировалось приспособить под него их собственную луну, это пока оставалось в проекте, для осуществления которого потребуется много лет. До этого момента сойдет и крошечный Беррос.

Дворец и планета были единым целым, и у меня нет слов, чтобы описать их великолепие. Со всей галактики, со всех уголков Бракси и его владений свозились богатства для Харкура, воина и государственного деятеля, который объединил разрозненные войной народы и дал им Вселенную. Но это были не яркие и безвкусные богатства мриси, от которых болели глаза, и только чувство жадности довольствовалось кричащей роскошью; это были вещи, подобранные со вкусом, цвета которых радовали глаз. Везде горели ароматические палочки, комнату за комнатой во владениях кайм'эра наполняли тонкие ароматы; толстые мягкие шерстяные ковры и шкуры экзотических животных делали шаги неслышными, до них было приятно дотрагиваться. Богатство галактики было в искусстве, и Харкур собрал его вместе, сделав планету памятником славе человеческих достижений.

Меня наконец представили человеку, имя которого внушало мне такой страх. Он ждал в дальнем конце зала, в котором проводились церемонии, одетый не как государственный деятель, а как воин. Харкур стоял перед тронем, а не восседал на нем, рядом с ним возвышался другой браксан. Широкоплечий мужчина с загорелой обветрившейся кожей — Харкур выглядел как варвар. Единственный знак царской власти — узкий золотой обруч, толщиной даже уже пальца —

тянулся через его лоб и прижимал волосы к голове. Да, волосы! Их цвет был даже не браксинским, а сочным кроваво-красным, или цвета вина, и они блестели, словно металлические, при тусклом освещении.

Мужчина рядом с ним казался выше на голову, его белая кожа выглядела почти болезненной на фоне румяного лица его господина. Это был человек с эффектными, яркими чертами лица, хотя я не могу назвать его привлекательным. Но рельефное лицо его тут же обращало на себя внимание, а его манера держаться говорила о привычке распоряжаться. На мгновение я задумалась, какое бы место этот человек занял среди мристи, потому что он им определенно понравился бы. Он был одет в черные шелковые одежды, явно дорогие, но неброские, медальон, свидетельствующий о ранге, блестел золотом у него на груди.

Как мне и велели, я приблизилась к правителю и встала перед ними на колени. Харкур подошел ко мне, царственность сквозила в каждом его жесте, помощник следовал за ним. Присутствие кайм'эра придавало такую уверенность, что на мгновение я забыла о своей судьбе. Советника я боялась, у меня все похолодело в животе, и я так напряглась, что с трудом отвечала, когда требовалось.

Харкур взял меня за подбородок мозолистой рукой и нежно поднял мое лицо вверх. Никогда раньше мужчина не касался меня так нежно. Они всегда вели себя грубо, теперь же мне было приятно.

— Ты — Дайл с Зеймура? — спросил он.

Я опустила глаза. У него был грубый голос, но сильный и приятный. Я никогда не слышала голоса, подобного этому.

— Да, великий кайм'эра, — ответила я.

Он кивнул и встретился взглядом с Сокузом.

— Я очень доволен. Потери есть?

— Только у них, Великий.

Правитель Бракси улыбнулся, затем снова посмотрел на меня.

— Ты долго находилась в Пустоте, — произнес он. — Как я предполагаю, тебе нужно немного отдохнуть при нормальной силе тяжести и поесть настоящей еды. Мои слуги проводят тебя в покои и обеспечат всем, что требуется. Я буду рад видеть тебя рядом сегодня за ужином.

Я удивилась. Разве у меня есть выбор?

— Как пожелаете, — удалось вымолвить мне. Зачем делать вид, что я свободна, когда мы оба знаем правду?

Правитель указал на браксана рядом с собой.

— Это Витон, мой личный помощник и советник. Он предложил помочь тебе, пока ты обустраиваешься. Если тебе понадобится что-то еще, или если то, что мы тебе предоставим, не подходит для твоей расы, ты можешь обратиться к нему.

Я знала, что для этого у меня никогда не хватит смелости, но кивнула.

Витон шагнул вперед и подал мне руку. Я пыталась не задрожать, как осенний лист, когда коснулась его. Он мог высмеять меня.

Когда Витон повел меня прочь, Сокуз шагнул вперед, и я услышала, как Харкур его хвалит:

— ...я доволен настолько, что не могу выразить тебе свою благодарность. А теперь давай, расскажи мне все, что тебе известно...

Витон повел меня к выходу за тронем. Мы прошли по многим коридорам, отделанным богато и со вкусом, пока не добрались до апартаментов, которые состояли из пяти комнат. Там ждали женщины и, не говоря ни слова, Витон передал меня им. Уходя, он поклонился, но на лице его играла улыбка, которая меня беспокоила, поэтому я быстро отвернулась.

Одна из женщин, с волосами цвета солнца (нашего солнца) провела меня в спальню, где были выложены наряды всех видов, от прозрачных облегающих до богатых, отороченных мехом королевских мантий. Я выбрала одно платье, и остальное тут же унесли. Я вымылась — как это было великолепно, как кстати! — и заснула прямо как в пушистом раю. Когда пришло время просыпаться, женщины меня разбудили и настояли на том, чтобы облачить меня в платье. Платье было очень мягким, с бархатной подкладкой, поэтому там, где оно касалось моего тела, я испытывала лишь удовольствие. На мой взгляд оно выглядело самым скромным, хотя сама бы я выбрала что-то более скромное. Женщины зачесали мои волосы назад и связали на затылке, завили концы, чтобы они падали мне на шею и плечи, и добавили какие-то позвякивающие украшения, что касались кожи при ходьбе. Все достав-

ляло приятные ощущения и посему казалось чуждым! Наши люди так редко касаются друг друга, а для браксинцев это так естественно, что я за время утреннего туалета узнала больше человеческих прикосновений, чем за всю жизнь.

Появился Витон, желая устроить мне экскурсию по дворцу. Как я могла отказаться, несмотря на ужас, что он вызывал у меня? В Витоне было что-то звериное, нечеловеческое, даже хищное, стремление к насилию, жажда удовольствий. Алчный огонь горел в его черных глазах всегда, когда бы я ни взглянула в них, и горел он так сильно, что вызывал у меня дрожь. И я поняла, что он, а не Харкур, является воплощением зла и насилия, которое представляли мне как браксинскую натуру.

Мы проходили библиотеки, террасы, комнаты, наполненные предметами искусства и музыкой, залы, в которых витали странные запахи и которые примитивно освещались факелами — потому что Харкур любил варварский символизм и находил такие вещи забавными. Затем Витон показал мне сады. О, какая красота!

В центре этого уединенного уголка стоял фонтан, его струя источала аромат, и влага его чувствовалась даже у стен, окружающих сад. Вокруг выложенных мрамором дорожек росли цветы, золотые чаши предлагали лед и вино, всегда готовое для неожиданного гостя. На скамейках лежали вышитые бархатные подушки, сами скамейки наполовину были скрыты ветвями кустарников. Иногда подушку украшал роскошный мех. Всюду были приятные вещи и дурманящие запахи... Я не могу все это описать, Бейл, брат мой, но это было поразительно, несравненно, и я долго смотрела на эту красоту перед тем, как позволила Витону себя увести.

Я ужинала с Харкуром, Витоном и другими уважаемыми советниками и их избранными женщинами. Мы сидели на подушках и попивали вино с добавленными в него дурманящими веществами. Женщины танцевали для нас, воздух наполняли сладкие ароматы, от которых слегка кружилась голова. Мне было трудно все это выдержать. И я боялась его, я боялась того, что он со мной сделает, и стала стыдиться. Потому что он ничего не сделал! После того, как часы удовольствия прошли, Харкур отправил меня назад в мои покои, сказав, что чувствует: это и есть мое истинное желание. И

впервые я на самом деле поняла, что вольна отказать ему — и это по-настоящему испугало меня.

Я проводила дни, гуляя по удивительным садам, всегда открытым для меня. Я даже иногда думала, что если Харкур собирается позволить мне жить таким образом, то я в ответ захочу услужить ему. Теперь я думаю, что тогда и осмелилась ближе всего подойти к желанию отдаться этому великому духом правителю.

А желание, хотя оно и было во мне подавлено прошлой жизнью, начинало просыпаться вновь в этом поразительном месте. Я надеюсь, что ты поймешь и не сочтешь меня порочной! В конце концов, я была уже проклята навеки просто потому, что меня изнасиловали. Мягкость, брызги фонтана, великолепие и нежность моего окружения делали со мной то, чего не могут сделать никакие слова. Неприкосновенность моего тела нарушали только прислужницы, вновь и вновь, пока я не привыкла к этому; везде были нежность и удовольствие, вещи, которых можно касаться, и чувствовать, и наслаждаться. Разве удивительно то, что я изменилась в таком месте?

Я приятно провела месяц во дворце (семнадцать дней по браксинскому календарю, поскольку у Берроса нет луны). Вначале я боялась, но даже страх не мог уменьшить мое наслаждение. Я растворилась в этом чуде, оно манило меня, обещая забвение и сладость. Меня ждали теплые ванны, мраморные залы, служанки из многих Разбросанных Рас, и всем этим я упивалась — хотя предпочитала уходить, когда женщины собирались вместе, чтобы посудачить, посмеяться и просто поговорить о вкусах Хозяина Дома. Здесь имелись бассейны для купания, и я часто ими пользовалась. Вино и музыка были повсюду, и к тому времени, как Харкур снова возжелал моего общества, я уже стала другой, непохожей на прежнюю себя.

Я встала на колени, когда меня привели в обеденный зал, взяла его руку и поцеловала кольцо, свидетельствующее о его ранге. Первый раз я коснулась мужчины по собственной воле. Харкур поднял меня на ноги и снова стал потчевать богатствами Бракси: предлагал мне вино в инкрустированных драгоценными камнями кубках, приглашал музыкантов, танцоров и шутов, чтобы развлечь меня. К концу вечера у

меня уже кружилась голова, и я слегка опьянела. Я извинилась и склонилась перед правителем.

Я не добралась до своих покоев. Я проходила мимо сада, увидела звездный свет, падающий сквозь застекленную крышу, и вошла. Прошла под струей фонтана и позволила брызгам ласкать кожу, они были приятно холодны после выпитого вина. А затем я бросилась на грудь подушек, и она опустились подо мной. И когда я погружалась в сон, то осознавала, как мои руки медленно гладят бархат и мех, словно живут своей жизнью.

Я проснулась чуть позже, потерянная, но счастливая. Звездный свет исчез, но кто-то зажег свечи, и свет отразился от летящей воды в центре сада. Когда я медленно осознала, где нахожусь, то поняла, что Харкур находится там же, сидит рядом и наблюдает за мной. Его ярко-красные волосы падали ему на плечи, тяжелые украшения блестели на талии, широкие металлические браслеты украшали голые предплечья.

И не проклинай меня, брат мой, пока ты не был сам одурманен удовольствием и не видел рядом с собой, в непосредственной близости красивого человека противоположного пола. Мои руки сами опустились к нему на плечи, погладили его кожу, украшения, блестящие волосы. Меня переполняло желание потрогать Харкура; я только недавно научилась осязать, и теперь наслаждалась мягкостью кожи и жесткостью металла под моей ладонью. Я хотела его — не ради ненавистного секса — я хотела просто касаться его, чувствовать его тайну, добавить это ощущение к другим. Я не нашла связи между проклинаемой нами похотью и тем, что чувствовала. Харкур заранее спланировал этот момент, и сделал это хорошо, потому что даже после моей психологической обработки я не могла отрицать чувственности сложившейся ситуации. Все, что мне внушалось ранее, умерло где-то на задворках моей души, когда я медленно потянула его на себя и впервые в жизни вкусила невероятную сладость губ мужчины. О, кай-м'эра, как женщина может устоять перед таким удовольствием — и как можно принимать это за грех, мой господин, как?

Я описываю это словами, брат мой, но не могу передать свои чувства по-настоящему. Я также не могу помочь тебе

обосновать, объяснить или понять то, что я сделала, грех, в который впала, поскольку не было греха нигде, кроме как в глазах и словах наших угнетателей.

О Бейл, пойми этот новый мир и помоги нашим людям убежать от душащего их наследия! Когда-то я выступала против тебя и столь искренне верила в то, чему меня учили — или, возможно, была так сильно запугана — что сдала бы беременную женщину мристи за совершенное преступление — то есть за то, что она любила. Теперь я тоже полюбила, и если это преступление, то в мире нет слаще него. И я также... но об этом позднее, я доберусь до этого со временем...

Что я могу сказать о своем положении во дворце на Берросе? Удовольствие чуждо нам. Ты можешь понять, что меня осыпали богатством просто потому, что я приносила радость правителю Бракси? Другие женщины были умнее и образованнее меня — ты можешь поверить, что ко мне так относились просто потому, что я ничего не просила, ничего не могла получить от благосклонности правителя, никогда не пыталась его использовать и даже не знала, как это делается? Харкур по-своему любил меня. Я дарила ему удовольствие, отдавалась ему, развлекала и забавляла его и не могла причинить боль... Для браксинца этого достаточно.

Однако меня тронуло то, что Харкур заказал наш общий портрет, потому что он смущался безобидной мутации, которая вызвала у него такой странный цвет волос, и не позволял себя рисовать, он даже хмурился, если внешность его просто описывали. Картину повесили в одном из охотничьих дворцов, в обеденном зале, поскольку Харкуру было приятно на нее смотреть, когда он ездил туда отдыхать.

У него во дворце я прожила много жентов. Он иногда рассказывал мне о своей работе и о своих мечтах, о политике, которой я не понимала. Харкур говорил, что хочет передать Витону правление, а когда я побледнела, объяснил:

— У меня нет выбора. Мои дети, мои советники, выдающиеся деятели государства — все говорят об объединении Бракси, о заключении договоров, рождении международных организаций, объединении племен. Есть только один способ это сделать — кровью! Дать им войну — и они будут вместе сражаться, обещать им власть — и они объединятся, чтобы

захватить ее. Витон не согласится на меньшее, чем власть над галактикой, и возьмет столько, сколько сможет взять при жизни, и племена последуют за ним, чтобы разделить эту славу. Только так, Дайл... Но как бы мне хотелось, чтобы нашелся лучший выход!

Харкур рассказал мне, что браксаны очень подозрительно относятся даже к своим соплеменникам, и браксанский кай-м'эра никогда не сможет править всеми.

— Вся структура нашего правительства должна будет измениться, если они попытаются удержать власть, — пояснил он.

И не сказал того, что знали мы оба: после того, как браксаны получают трон, потребуется пролить столько же крови, чтобы сбросить их оттуда. Одного за другим, Харкур притаскивал браксанов к себе во дворец и заставлял учиться играм и цивилизованным путям, надеясь, что к моменту его смерти они смогут занять место правителя и удержать браксинский союз — возможно, против воли, это не имело значения. Планета должна была действовать как единая нация, чтоб процветать. Это все, что волновало правителя.

Харкур подолгу совещался в своих личных покоях с Витон, сравнивая их философию, в поисках общих основ для объединения Бракси. О, боюсь, что это — только мечта, да и то в лучшем случае. Хотя они оба были преданы этой мечте! Даже при дворе Харкура враждебность между представителями различных племен проявлялась открыто и яростно; мог ли он когда-либо создать из этого целостную Бракси, которая переживет его?

По религиозным вопросам они не соглашались друг с другом. Харкур видел в религии какую-то ценность, Витон считал ее лишь костылем для слабых духом. Это казалось мне странным, поскольку Витон признавал небольшой пантеон божеств, в то время как сам Харкур оставался атеистом. Активный бог, как объяснял браксан, калечит человека, ограничивая его потенциал. Какой разумный человек может принять, что существо с неограниченными возможностями свяжет себя заботой о людях навечно? Браксаны считают, что боги покинули человека, и не ждут, что они вернуться. Но об одном мужчины мыслили сообща, и я тоже согласна с ними: правильно контролируемая религия — единственное, наиболее сильное оружие манипуляции в их арсенале против других людей. Если

оглянуться назад, на Зеймур и мое прошлое, я видела это и содрогаюсь при мысли о других целях использования, на которые может быть обращена такая вера.

По ночам я часто просыпалась, дрожа, но кошмар к моменту пробуждения уже рассеивался. Когда я спала с Харкуром, он держал меня в объятиях. Он никогда не спрашивал меня о природе моих кошмаров и не размышлял вслух об их причине, даже когда я просыпалась с криком и со слезами. Сама я никогда не могла вспомнить содержания снов, их значение для меня и почему они так пугали. Но я могла догадываться.

И я ошибалась.

Однажды, через много месяцев после моего прибытия на Беррос, Харкур попросил меня последовать за ним в ту часть дворца, которую раньше от меня скрывали. Недоумевая и сгорая от любопытства, я подчинилась.

Он отвел меня в закрытый док, хотя я этого не поняла, пока мы не прошли сквозь последнюю закрытую на кодовый замок дверь. Там находился — о, в моих глазах появляются слезы, когда я это вспоминаю! — межзвездный корабль, да, но не просто корабль — а тот, который напомнил мне давно погибший «Исследователь». Это определенно был браксинский корабль, нельзя ни с чем другим спутать такой генератор силы тяжести, хотя оборудование, которое принесло мне такое страдание на взлете, в этой модели отсутствовало, но намерение Харкура все равно сразу стало ясно... Я заплакала. Плакала долго, трясясь от страха, пока слезы не кончились сами собой.

— Откуда ты узнал? — прошептала я.

Харкур погладил меня по голове и ответил мягко:

— Ты говоришь во сне, малышка. А теперь расскажи мне все. — Он слегка оттолкнул меня от себя, чтобы посмотреть в глаза. — Ты в самом деле считаешь, что у них есть шанс? Я не позволю тебе возвращаться туда просто чтобы совершить великое самопожертвование.

Я подумала и ответила, как считала нужным.

— Шансы очень малы, — признала я. — Но мой брат говорил, что надежда есть, и я в это верю.

— И ты хочешь вернуться?

Я опустила глаза.

— Я должна вернуться. То, что они планируют, даже если добьются успеха, будет означать великие страдания... Им нужна надежда — знать, что есть здесь. Вселенная полна жизни. Если им только удастся добраться до другой планеты! Им нужно знать: есть за что бороться. Мне нужно сказать им это.

Харкур кивнул и я подумала, что ему очень грустно.

— Давай я покажу тебе, как он устроен, — предложил он тихо.

Он долго обучал меня, как управлять межзвездным кораблем, возможно, потому, что боялся моего невежества, а возможно и... но нет, это личное, и я оставляю это при себе. Достаточно сказать, что однажды ночью Харкур обнял меня и признался, что знает, к чему я могу вернуться, и что меня вполне могут возненавидеть за это, и он хочет, чтобы я всегда помнила: когда-то, здесь, на Берросе, один мужчина называл меня митете. Харкур прошептал это слово, ласковое слово из его родного языка, такого богатого, что оно говорило о нежности, как слова из другого языка не смогли бы. Я снова прижалась к нему, в последний раз. Утром я покинула и его, и Бракси.

Я обогнула империю («ту, которой управляет Бисалос», как ее называл Харкур) и прошла сквозь меньшую часть космического пространства Лугаста. Я молилась, чтобы они не обнаружили меня, но, как сказал Харкур, космос настолько обширен, что шансы заметить единичный корабль, если его прибытия не ждут, астрономически малы. Так и было, потому что они меня не заметили, и я прошла насквозь владения этой доброжелательной нации и повернула... к дому.

К дому?

По направлению к солнцу двигались астероиды. Их не было там, когда я улетаю, по крайней мере, в таком количестве. Некоторые из них мерцали тусклой голубизной, которую я могла видеть под определенным углом. Большая группа их путешествовала вместе, и сколько тел, сколько частиц человеческой славы осталось среди них? Это, Господи, остатки Зеймура, и Ты можешь не судить его, потому что Зеймур сам себя наказал.

Четвертая планета: я иду вокруг нее по кругу, на некотором расстоянии. Луны нет, атмосферный слой тонкий, ничего,

что радует глаз человека, кроме того, что планета находилась близко к месту трагедии. На краю одного континента мне показалось, что я вижу свет, возможно, поисковые лучи космического корабля.

Бейл, у меня не хватает смелости! Я сижу здесь, на орбите, и хочу верить, всем сердцем, что в последнее мгновение вы восстали и захватили корабли, и ты находишься там, внизу, ждешь — но я знаю, что шансы на это малы. Мысль о встрече с мристи я просто не в состоянии вынести сейчас. Я беременна, брат мой, и я ждала так долго, как могла. Припасов хватит еще на многие женты, но ребенок не станет ждать. Уже начались схватки... О, мне следовало быть осторожной, но что я знаю о таких вещах, кроме обработанных мристи легенд, да и какое дело правителям до женских проблем? Харкур с радостью принял бы нашего ребенка при дворе, и я научилась бы о нем заботиться. Но сейчас?

Я ждала столько, сколько могла. Я последую за светом, и буду надеяться, что он означает присутствие людей, и буду молиться, чтобы там оказался мой народ. Если же нет... это было долгое путешествие, брат мой, но теперь я дома. В этом что-то есть, не так ли?

* * *

Заметки в журнале Бейла ви Дакроса, год 1-й

Третий зеймурский месяц после Исхода,
третий день.

Дайл мертва.

Мы сделали для нее все, что могли, но все равно потерпели поражение. Кажется, прошло много лет после того, как мы вытащили ее из обломков корабля в горах. Я думаю о том, знала ли она, как родился ее ребенок, недоношенный, зато быстро адаптировавшийся к местному воздуху. Атмосфера оказалась неподходящей, слишком разреженной для Дайл, или, возможно, ветры смерти пронесли над нею, пока она ждала, когда мы найдем ее. В любом случае, ее больше нет, она потеряна для нас навсегда.

Сегодня мы потеряли еще пятерых, и в целом нас стало в половину меньше. Зима стремительно подступает, и мы стараемся вовремя построить убежища. Мы действовали сооб-

ща во время нашего путешествия с Зеймура; и даже когда наше количество уменьшилось вдвое, мы не можем надеяться пережить долгую зиму на этой планете, сидя в кораблях, которые доставили нас сюда.

Иногда я впадаю в отчаяние. Тогда я напоминаю себе о наших изначальных целях — и если только двое из нас доживут до весны, этого будет достаточно.

Мы не спасли «Лиу». Корабль уже загорелся, когда мы вытаскивали из него Дайл. У нас едва хватило времени самим укрыться перед тем, как он взорвался. Ребенок, слава Богу, выжил. Но мы не смогли спасти ее мать.

Мы назвали ребенка Хаша, что означает Перворожденная. Она — символ надежды для нас в этом голом месте, первая новая жизнь в мире смерти. Тем не менее, есть некоторые, кто хотел бы ее убить. Она, кажется, частично мристи, и единственное объяснение случившегося вроде бы это подтверждает. Мристи бы точно убили девочку по этой причине. Но разве не потому, что с нами также поступали так же, мы бежали из своего мира?

Наконец начинает формироваться община. Разумеется, люди собираются вокруг кораблей, которые принесли нас сюда, и поселения организуются соответственно. Мы взяли вторыми именами номера кораблей, мрачное напоминание для будущих поколений о том, что человек может сделать от нужды — и на что человеческая глупость может вынудить. Я сомневаюсь, чтобы этого было достаточно.

Сегодня мы взломали печать на самой дальней лаборатории Азеи. Наши будущие ученые начали изучать этот новый резерв, и они очень надеются, что мы вскоре найдем документы и оборудование для этой самой важной науки — генетики. Мы должны раскрыть суть механизма человеческой наследственности до того, как эта планета уничтожит нас всех. К несчастью — да уж! — наша надежда зависит от предусмотрительности наших угнетателей. Было ли у них время упаковать информацию, которая нам нужна? Мы можем только молить Бога...

Мристи. Как призраки, они маячат вокруг нас, отделенные только обещанием мира, так отличающегося от их мира, что им здесь не найдется места, — потому что мы покорим эту планету и построим новую жизнь, установим стандарты, ко-

ими сможем гордиться. Мы никогда не будем поступать так, как делали наши мучители, произносить слова, противоречащие делу. Мы встретим будущее с честью и достоинством, и они станут священными, чтобы независимо от искушения, независимо от цены, никогда и ни в чем не напоминать наших мучителей. О мрости наконец забудут, и народ Перво-рожденной выживет.

Дайл, я клянусь тебе: твоего ребенка мы будем лелеять и помнить — первого человека, рожденного на этой враждебной земле. Мы покорим Азею и сделаем ее нашей — и все ради Хаши, сестра, и тебя. Не сомневайся, так и будет!

ГЛОССАРИЙ

Авра-Ним — бог созидания и солнечного света в большинстве браксинских пантеонов, верховное божество, почитаемое до возвышения браксанов. Некоторые историки считают, что изначально он также являлся доминирующей фигурой и в мифологии браксанов, и указывают на используемую в Холдинге терминологию, связанную с солнцем, как доказательство этой точки зрения. Другие выдвигают теорию, что признание Авра-Нима верховным божеством было только политическим шагом, принятым, чтобы облегчить поглощение великим племенем браксана других, не столь достойных племен.

Авра-Ним пал, человеческие создания уже давно находятся под властью его брата. Авра-Нима не почитают уже много столетий.

Ада — традиционное оружие, используемое в *хьярке* (см. ниже) на планете Дари. Ада состоит из древка с обоюдоострыми лезвиями на обоих концах. Хотя форма лезвий может отличаться, от каждой истинной ады требуется, чтобы одно лезвие предназначалось для колющих ударов, а второе было кривым и предназначалось для рубящих ударов.

В последнее время некоторые участники поединков решили восстановить древний стиль хью, в котором к лезвию-штыку прикрепляются зубчики, напоминающие человеческие зубы. Если ее правильно использовать, то хью-адой можно за несколько секунд освежать противника; однако существует опасность, что ада застрянет в кости и ее будет невозможно вытащить. Хью — уникальная борьба сама по себе. Возникло несколько ассоциаций болельщиков этого вида спорта.

Азеанская Звездная Империя — см. Звездная Империя.

Алдоус — планета рядом с Бракси, расположенная ближе к солнцу в этой системе. Пригодным для жилья Алдоус делают плотные атмосферные слои, которые блокируют часть солнечной радиации. Атмосфера, совместимая с человеческим организмом, окружает оба географических полюса. Считается, что человеческое племя было посеяно на планете во время первой волны трансплантации (см. Разбросанные Расы). Таким образом Алдоус стал домом для цивилизации, продвинутой в технологии, но тем не менее полностью привязанной к планете. Ученые считают, что это результат культурной эволюции в окружающей среде, в которой не видно ни звезд, ни луны, ни открытого космоса, что заставляет человеческое воображение фокусироваться на локальных элементах. Ученые, изучающие Разбросанные Расы, рассматривают Алдоус как один из наиболее четких примеров целевого эксперимента и подтверждают это тем, что целью *Посева* (см. ниже) было изучение воздействия окружающей среды планеты на социальную эволюцию.

Бракси вступила в контакт с обитателями-людьми на Алдоусе в третьем веке до правления Харкура и быстро установила над ними власть. Включение названия меньшей планеты в полное название Холдинга скорее показывает ее символическое значение как спутника Бисалоса, а не как-то политическое или военное.

Ар — теперь считается богиней Воплощенного Хаоса. Некоторые ученые придерживаются мнения, что Ар когда-то являлась активным членом пантеона браксанов и божеством, отвечающим за годовой цикл смерти и возрождения, наблюдаемый в природе. Историки прослеживают изменения ее восприятия к периоду, следующему за правлением Витона Безжалостного, как результат преднамеренной политизации мифологии браксанов преемниками Витона.

Браксаны утверждают, что в любой ситуации, где женщина командует мужчинами, проявляется дух Ар. Это оправдание исключения женщин из всех слоев браксинского правительства, а также самого сурового из Социальных Кодексов, регулирующего поведение женщин. Как и большинство Социальных Кодексов, это ограничение мало волнует самих браксанов, которые признают, что восхищаются сильными женщинами. Браксаны давно

разработали традиции и язык, позволяющие их женщинам пользоваться значительной властью, хотя и не напрямую.

Бисалос — желтая звезда, солнце планет Бракси и Алдоус. Бисалос являлся главным объектом поклонения многих ранних браксинских культур, и разнообразные связанные с солнцем божества населяли пантеоны большинства ранних племен. Теологи отмечают, что это типично для планет, находящихся во внешней части *галаджы* (см. ниже), где даже малое изменение в солнечной радиации может иметь катастрофические последствия в экосистеме.

Бити — сущность или дух воина. Рассматривается как стержень личности браксанов. Бити обладают и мужчины, и женщины, и акты насилия, которые считались неприемлемыми для женщин в других племенах, принимаются среди Бледнолицых как естественное выражение их яростного внутреннего духа.

Раньше браксаны верили, что сильный бити может передаваться по наследству, по этой причине воинам-победителям разрешалось вступать в связь по желанию со способными к деторождению членами племени. Такой сексуальный опыт, как считалось, усилит женщину и ее ребенка и даже передаст яростный дух воина ребенку от другого мужчины. Эта традиция была позднее возведена в закон как Кодекс Сексуального Доступа, хотя критики отмечают, что в настоящей форме она имеет мало отношения к изначальной форме и цели традиции.

Бледнолицые — простонародный термин для обозначения браксанов, связанный с отличительным цветом кожи племени. Хотя известны и другие Разбросанные Расы с нехваткой меланина, из-за черных волос и глаз браксанов их цвет кожи по контрасту кажется уникально бесцветным, а привычка последовавших за Шлесором поколений накладывать белую косметическую краску на кожу, делает термин отражающим не только внешний вид представителей племени, но также и традицию.

Браксаны — изначальное кочевое племя, населявшее Кровавые Степи в северной части планеты Бракси. Браксаны славилась нежеланием признавать современную культуру и идти на социальные компромиссы и верили, что такие вещи ослабляют священный для них дух воина (бити). Все попытки завоевать, поглотить или даже вести переговоры с этим яростным варвар-

ским племенем были бесполезны, и в пятом веке Д.К. Совет Восточных Племен официально (с неохотой) отдал им Кровавые Степи в вечное пользование, признав, что единственный способ установить «цивилизацию» на территории племени браксана столь кровав, что цена потерь превзойдет ценность земли, контролируемой браксанами.

Первым истинный потенциал духа браксанов понял Харкур Великий и пригласил представителей племени служить при своем дворе. Самым известным из них стал Витон Безжалостный, который сменил Харкура в 86 году П.К. Хотя Харкур никогда прямо не предлагал трон браксанам, но историки считают, что он увидел в так называемых Бледнолицых возможное орудие для объединения остальных племен, и его дискуссии с Витоном заложили основу последующего доминирования браксанов во всех делах Бракси.

Браксанский диалект — поскольку ранняя культура браксанов полагалась скорее на устную, чем на письменную традицию, очень мало известно о происхождении так называемого браксанского диалекта. Большинство лингвистов согласны с тем, что сорок семь речевых режимов происходят из языка, распространенного когда-то в Кровавых Степях. Он прекратил свое существование как отдельный язык ко времени правления Харкура Великого.

Лингвисты считают, что по сложности форм и коммуникативному потенциалу браксанский диалект превосходит все другие человеческие языки. Гатен, сын Вралоса, характеризует его как «единственный человеческий язык, который по-настоящему не может освоить ни один чужестранец». Сорок семь речевых режимов позволяют точно передавать социальный и эмоциональный контекст, вторичные и даже третичные смыслы могут быть включены во многие простые фразы. Говорят, что мастер по владению браксанским языком может одновременно вести несколько бесед, а настоящее мастерство так высоко ценится, что браксанские поэты считаются самыми именитыми среди творческих людей. В то время, как небраксаны почти не используют более редкие формы, большинство знакомо с главными контекстуальными режимами, и способность бегло использовать их в речи рассматривается как признак ума и социальной утонченности среди представителей высшего класса.

Браксанский диалект содержит режим, который является полностью нейтральным, принятый по всему Холдингу как «обще-

браксинский» язык. Общение в этом, как говорят, основном режиме приемлемо во всех ситуациях, хотя браксаны из высшего общества могут с презрением смотреть на тех, кто плохо образован, и пальцем не пошевелият, чтобы разнообразить их язык.

Браксанская ярость — состояние, в котором браксаны отбрасывают все социальные запреты, чтобы дать выход гневу, обычно путем насилия. Этот опыт считается очищающим для бити, он сродни неистовству в битве ранних браксанских воинов и рассматривается браксанами как ценное эмоциональное проявление. Другие браксинцы не оценивают ее таким образом, и страх перед яростью браксанов заставлял многих политических противников уступить им.

В потере имущества и жизни во время такого проявления ярости браксаны винят тех, кто вызвал ее, и обычно бывает так, что человек, оказавший сопротивление пришедшему в ярость браксану, отвечает и за последующие убийства Бледнолицего, совершенные в этом состоянии.

Витон Безжалостный — браксанский приближенный Харкура Великого и первый браксанский кайм'эра из Бисалоанского Холдинга.

О ранних годах жизни Витона известно мало, если не считать того, что он вырос на племенных землях браксанов, изолированно от великой браксинской культуры и технологии. В молодости он сделал несколько вылазок на «цивилизованную» территорию, и хотя немало романтических рассказов было написано о его приключениях там, единственные действия, которые могут быть ему приписаны с уверенностью, — это кража реликвий племени залдови в 4 году Д.К. и убийство принца племени брентаси во 2 году П.К. Витон привлек внимание агентов Харкура в 5 году П.К., и его пригласили в новую столицу для встречи с Харкуром. Его яростный браксанский дух произвел впечатление на монарха, и Витон служил Харкуру компаньоном и советником на всем протяжении его царствования. Обсуждение ими политической и социальной философии было записано, и с тех пор цитаты вдохновляли воинов и политиков (см. «Диалоги»).

Витон воссел на трон после смерти Харкура в 86 году П.К. Вера Харкура в то, что на планете в конечном счете установится правление браксанов, получила подтверждение. Известно пятнадцать попыток убить Витона на протяжении его жизни. Он

оставался кайм'эрой почти пятьдесят лет, несмотря на сильную оппозицию. На протяжении этого времени он так укрепил положение браксанов как силы за браксинским тронем, что никто не мог уже надеяться их сместить.

Всесторонний мир — мирный договор, требующий обоюдного согласия о ненападении вдоль всех общих границ. Широко известное презрение Холдинга к таким договорам и привычка их нарушать привели к тому, что большинство наций, за исключением Азеи, рассматривают такие договоры с Бракси как впустую потраченные усилия.

Хотя Устав Основания Азеи требует, чтобы Звездная Империя устанавливала и поддерживала мир где только возможно, дипломаты давно поняли, что всесторонний договор с Бракси обеспечивает только лишь перерыв в долгой войне и ничего больше. Хотя Азеа настаивает на том, чтобы сохранять оптимизм, и все еще верит в возможность постоянного мира, известно, что в Звездном Контроле имеется отдел, единственная цель которого — предвидеть всевозможные «места сбоя» подобного договора. В результате практика Бракси, ищущей непредвиденных (а иногда и неоправданных) оснований для войны, дала повод к сатирическим комментариям по обе стороны Военной Границы.

В среднем продолжительность всестороннего мира в Великой Войне составляет десять стандартных лет.

Вспомогательное имя — второе имя, которое берут азеанцы, унаследованное по отцовской или материнской линии в соответствии с полом ребенка. Изначально это номера зеймурских кораблей, использованных во время Исхода, они также применялись вскоре после Основания для увековечивания планетарной миграции. Сегодня используются в комбинации с избранным именем как форма вежливого обращения, в качестве азеанского эквивалента «мистера» или «мисс». Вспомогательное имя «лиу» дается первенцам, потомкам Хаши.

Галандж — регион, окружающий звезду, в котором идущие по орбите планеты могут иметь температурный режим и химический состав, необходимые для поддержания человеческой жизни. Галандж обычно включает одну планету, хотя известно несколько систем, в которых особые факторы окружающей сре-

ды позволили двум планетам входить в него. Самой известной является Бисалоанская система, где Алдоус занимает внешний край необычно обширного галаджа благодаря атмосферным факторам. Хотя существует несколько известных примеров такого двойного галаджа в исследованном людьми космосе, Бисалоанская система остается единственным местом, где обе планеты колонизировали люди (см. Разбросанные Расы). Этот факт, а также быстрый выход Бракси в межзвездное пространство привели к мысли, что истинные корни человеческого вида могут находиться в Бисалоанской системе.

Год Исхода — текущая азеанская календарная система начинается отсчет лет с основания Азеи.

График Прогресса — в 117 году П.К. Сукар с Бракси выдвинул теорию, что скорость технологического развития людей на планете непосредственно связана с адаптационной травмой, которую они перенесли во время трансплантации (см. Посев). Его аргумент заключался в том, что человеческие популяции, которые были посеяны во враждебных или неустойчивых мирах, должны терять ценную энергию, приспосабливаясь к новому окружению, и начало технологического развития отсрочивается. Основываясь на этом, Сукар заявил, что Исходный Мир человека лучше всего узнать по раннему выходу на межзвездную арену, так как только его обитатели были избавлены от любой адаптационной отсрочки.

Ученые признают очевидный политический уклон работы Сукара (в его время единственными известными кандидатами на Исходный Мир были Лугаст и Бракси), но дальнейшее изучение подтвердило его базовую теорию, что существует связь между условиями окружающей среды определенного Посева и скоростью технологического развития, которое за ним последовало. Более поздние теоретики расширили работу Сукара: составили график, по которому можно оценить время, что требуется трансплантируемой популяции для достижения технологии, необходимой для межзвездных полетов, и статистические средства предсказания, показывающие, сколько технологически развитых миров поднимется за данное время и в данном месте. Более позднее изучение обеспечило основу для печально известного Графика Покорения, предсказавшего, что военные операции станут со временем более трудными, так как планеты-мишени все с боль-

шей и большей вероятностью разработают собственное развитое вооружение.

График Расширения — ходят слухи, что печально известный план галактического покорения Бракси предложен самим Харкуром. Если это и так, то в окончательном варианте он появился только несколько столетий спустя, когда Холдинг был организован и уверенно функционировал, а Лугастинский Союз Планет уже был поглощен молодой и агрессивной Звездной Империей.

Основанный на Графике Прогресса Сукара, График Расширения базировался на всеобъемлющем изучении населенных людьми планет, и пытался предсказать подъем новых межзвездных сил как в регионах, нанесенных людьми на карту, так и в неисследованных. График представлял собой план военного расширения, учитывающий необходимость разрушить такие силы в зародыше, а также способы манипулировать приливами человеческого прогресса, чтобы ослабить и в конце концов уничтожить главного соперника Бракси — Азею.

Хотя Азеа знала о существовании Графика, у нее не было доступа к документу до 2234 года после Исхода, когда экземпляр попал к императорским властям. Историки описывают это как «звонок будильника» для Империи, которая, очевидно не предполагала такого размаха браксинских амбиций. Только позднее критики из не-людей предположат, что именно ответ Империи на График обеспечил доминирование азеанской расы над другими народами внутри Империи, и, возможно, содержание документа следует рассматривать соответствующим образом.

«Диалоги» — серия бесед, которые имели место между Харкуром Великим и Витоном Безжалостным между 17 и 49 годами П.К., записанных обеими сторонами для личных ссылок и подготовленных к публикации только через сотни лет. «Диалоги» касаются огромного количества тем, как социальных, так и политических, и больше всего известны благодаря изобретению правил, по которым племя браксаны в дальнейшем установят и будут поддерживать свою власть.

Особый интерес для историков представляет факт неидентичности записей, хотя теоретически они представляют собой одни и те же беседы. Написаны тома о значении этих несоответствий, из которых, возможно, самым интересным является труд Сатара

«Между строк: повестка дня и намерение в древнем несоответствии».

Дикий поиск — агрессивная традиция спаривания на раннем этапе развития племени браксана, обычная для периода изоляции, когда мужчина или женщина детородного возраста оставляли племенные земли и искали партнера среди других народов. В то время, как экзогамия была обычной среди браксинских племен, чтобы поддержать генетическое здоровье малых популяций, браксана использовали практику насильственного захвата партнера и не признавали никаких юридических или культурных ограничений относительно того, на кого претендуют. Поэтому они совсем не пользовались популярностью у ближайших соседей.

Предполагается, что от этой практики отказались в третьем веке Д.К., когда развивающиеся технологии окружающих наций заставили браксанов действовать с большей оглядкой, но некоторые историки считают, что с этого времени традиция эта просто использовалась более осторожно. Известно, что браксанские женщины настаивали на спаривании с инородцами даже во времена правления Харкура Великого. Шлесор положил конец таким практикам.

Дисциплины — ментальные ритуалы, разработанные Институтом Усовершенствования Экстрасенсорной Эволюции и используемые для контроля за экстрасенсорными способностями. Большинство дисциплин разработаны для защиты целостности сознания экстрасенса, когда он имеет дело с потенциально дестабилизирующими влияниями. Некоторые — добровольные, требующие от экстрасенса активизации ментального спускового крючка, чтобы завести их, в то время как другие введены в сознание экстрасенса как последняя защитная мера, чтобы включаться автоматически, когда возникает угроза личности и/или разумности.

Именно развитие таких дисциплин позволило Институту основать жизнеспособную общину экстрасенсов и обуздать их необычные способности, проштамповать и измерить экстрасенсорную силу. Полный набор дисциплин никогда не обсуждается за пределами Института, и ходят слухи, что разработано несколько дисциплин, позволяющих фокусировать агрессивные энергии против определенной цели. Институт отрицает подобные утвер-

ждения и настаивает на том, что дисциплины существуют только для защиты разума экстрасенса от случайностей неконтролируемой чувствительности, но пока отказывается представить всеобъемлющий список дисциплин для рассмотрения любой сторонней организацией.

Д.К. — эпоха до коронации Харкура.

Жаор — традиционное оружие браксанов, его носят только в высшем свете как символ общественного положения, оно используется во время поединков. Лезвие жаора трехгранное в поперечном сечении на первых двух третях клинка, последняя треть обоюдоострая. Существует много образцов гарды и поперечины у рукоятки, наиболее часто встречающиеся — это разнообразные ажурные украшения, модные во времена Витона Безжалостного. Ранние жаоры очень богато украшались, более поздние модели делались, чтобы соответствовать образу браксаны, но оставшиеся с прошлых лет реликвии все еще используют члены древнейших семей во время официальных мероприятий. Они странно не соответствуют суровой, бесцветной одежде, в которую теперь одеваются браксаны.

Закон 1916 года запретил ношение любых клинков браксинцам «менее значительной крови» и сделал ношение жаора одним из самых видимых и узнаваемых признаков браксаны. Хотя браксанкам детородного возраста и запрещается участвовать в дуэлях, им разрешается носить жаор — как напоминание о древних временах, когда они воевали рядом со своими мужчинами, и их почитали за ярость так же, как за плодовитость.

Жене — единственная луна Бракси, которая ходит по орбите вокруг материнской планеты и делает полный оборот за семнадцать с небольшим браксинских дней, одной стороной всегда смотрит на планету. Жене исследовали во втором столетии Д.К., и вскоре после этого там была основана правительственная база для научных экспериментов и галактических наблюдений. С прогрессом гравитационной науки стало возможным колонизировать спутник в большем объеме, и в 474 году П.К. племя браксана заявило претензии на Жене как на место отдыха для своей расы. Теперь на Жене могут появляться только представители высшего общества и их Домов. Жене светит в ночном небе Бракси как видимое напоминание о сепаратистской политике Бледнолицых.

Жент — лунный месяц на Бракси, составляет семнадцать с небольшим дней.

Жерат — исходя из технологии силовых полей, поле Кудоми было обнаружено лугастинцами и использовалось для разрушения видов, химия организма которых основана на углероде. В то время как лугастинское правительство не собиралось применять в войне полную разрушительную мощь поля, основанная на открытии наука обещала преимущества человеческой медицине, и таким образом эксперименты продолжались под строгим контролем правительства на протяжении нескольких веков.

Предательство лугастинского агента и переход его в Холдинг в 1172 П.К. позволили технологии Кудоми попасть в руки браксинцев, где она с тех пор развилась в самое ужасное оружие массового поражения из существующих ныне. Так называемое «поле Жерат» правильнее назвать «процессом Жерат», поскольку оно включает быструю последовательность атак, разработанных для разрушения коммуникаций, идущих от поверхности в космос, выведения из строя планетарных защитных систем, и наконец уничтожения всей жизни на выбранной планете.

Несмотря на определенную разрушительную силу, Жерат редко используется. Некоторые историки утверждают, что даже браксинская жестокость имеет свои границы, но большинство думает, что тут сыграл роль практицизм браксанов. Бракси предпочитает, чтобы секретное оружие оставалось секретным, и поэтому не рискует часто демонстрировать его. Угроза применения Жерата держала в страхе колонии на протяжении тысячелетий, и как реальная угроза планетарного разрушения, и как символ желания Холдинга разрушить всех и вся, кто встанет на их пути.

Пока считается, что у Лугаста все еще имеются данные о технологии Кудоми, большинство предполагает, что Азеа их также заполучила, но этические принципы этих наций не позволяют ее использовать или распространять дальше, поэтому Жерат остается оружием, ассоциируемым с Бракси, и используется многими критиками как главный пример бесчеловечности Холдинга.

Звездная Империя — официально основана в 1187 году после Исхода (дата поглощения Лугастинского Союза Планет), одновременно агрессивная и исследовательская, сегодня включает наибольшую объединенную территорию в известном человеку космосе.

Хотя Азеа всегда номинально управляла Звездной Империей — император или императрица должны относиться этой расе — фактическое управление планетами в равной степени разделено между Палатой Людей и Палатой Не-Людей. Лугастинская фракция была особенно сильна в человеческой политике в ранние годы и высказывались предположения, что Лугаст придет к доминированию к Звездной Империи, если и не официально, то фактически.

В 2234 году после Исхода, когда обнаружили График Расширения Бракси, основной интерес Империи перешел на военные вопросы, и генетическое преимущество Азеи в этой области дало ей также дополнительные плюсы в политических кругах. К 2479 году стало ясно, что Холдинг не собирается прекращать военные действия до полного уничтожения Звездной Империи, поэтому было введено дополнительное подразделение в правительстве специально для того, чтобы следить за целеустремленным и цепким врагом. В 2581 году Звездный Контроль получил мандат на почти самостоятельное управление военными делами Империи, и начался так называемый «азеанский период». Несмотря на периодические протесты не-людей — этот шаг нарушил равновесие в Империи в пользу людей — Звездный Контроль остается равным партнером в правительстве Империи, и ему отводится предпочтение в любой ситуации или регионе, где Бракси представляет реальную угрозу.

Генетическая сила и обусловленная ею преданность азеанского народа уже давно признаны как дающие этой расе естественное преимущество в военных вопросах, по этой причине так называемый Приграничный Флот традиционно состоит из азеанцев. В более поздние годы стало традицией отправлять на службу в Великий Войне с Бракси только азеанцев, и в 3571 году Совет Правосудия принял решение по вопросам расового наследия и преданности этого народа. В то время как Совет технически является равным партнером в правительстве Империи, он ограничивается кругом вопросов, касающихся только азеанского народа, и с неохотой признается за номинальную пятую власть в захваченной людьми Империи. Критики быстро заметили, что если война с Бракси закончится, необходимость в Звездном Контроле и Совете Правосудия перестанет заботить Империю, и равновесие в правительстве может вернуться к первоначальному.

Звездный — первое слово, используемое в Звездной Империи в выражениях для обозначения любых видов, организаций

или событий, связанных с межзвездной культурой, в противоположность определенной планетарной базе.

Звездный Контроль — ветвь азеанского правительства, которая отвечает за все военные вопросы. Звездный Контроль управляет браксино-азеанским конфликтом — как в мирное время, так и во время ведения боевых действий. Поскольку это одна из ветвей власти в Империи, директор Звездного Контроля отвечает только перед самым императором, а в вопросах, относящихся к Великой Войне, ему традиционно предоставляется полная независимость.

В то время как служба в Звездном Контроле технически не ограничивается азеанцами, на практике редко удастся найти людей другой расы на каком-либо важном посту в организации. Азеанцы указывают на уникальную стабильность своей расы как оправдание этому — но критики утверждают, что установление еще одной представленной азеанцами власти имеет политические последствия, выходящие за рамки военных вопросов. Не-люди, как правило, не служат в Звездном Контроле. Они считают навязчивую идею, связанную с Бракси, сугубо человеческим делом; известно, что представители не-людей называли конфликт с Бракси «не наша война».

Зеймофобия — синдром, уникальный для звездных культур. Зеймофобия включает несколько нарушений, связанных со страхом быть привязанным к планете. Впервые была отмечена среди межзвездных разведчиков во время долгих полетов. Это тип первый, который чаще всего проявляется у людей как страх перед неспособностью покинуть планету по желанию; в самых сложных случаях вызывает сильнейшее беспокойство о разрушении или поломке любого транспортного средства или системы. Тип второй означает страх перед природными экосистемами, а также перекидывается на любую окружающую среду, которая не контролируется человеческими технологиями. Хотя симптомы обоих типов поддаются лечению, лежащие в их основе причины так и остаются непонятыми, и страдающим от зеймофобии предлагается вести образ жизни, независимый от заселения планет.

Давно отмечено, что зеймофобия свойственна только людям, и несколько ученых-нелюдей высказывало предположение, что это естественный результат того, что человеческое население слишком широко распространилось по звездам и в одном месте

находится мало представителей одного вида. Другие теоретики считают, что это исчезающая память о травме со времени Посева, и если бы у других Разбросанных Видов было достаточно развитое сознание, то подобные симптомы наблюдались бы и среди прочих популяций.

Зеймур — изначально третья планета в азеанской звездной системе. Считается, что Зеймур является источником 87 % материала в астероидном поясе Дейлиш. В то время как азеанская традиция винит в разрушении планеты ее население, ученые теперь считают, что в произошедшем виновно прохождение по системе инородного тела. Она погибла или от прямого столкновения, или от взаимодействия инородного тела с местными гравитационными факторами.

Зеймур рассматривается как возможный Исходный Мир человечества из-за передового положения Азеи в Графике Прогресса. Учитывая текущее состояние археологических данных Зеймура, маловероятно, что будет найдено достаточное количество доказательств для подтверждения или, наоборот, опровержения этой теории.

Зонд — подкатегория функциональной телепатии. Многие неправильно полагают, что статус зонда — более высокий уровень экстрасенсорного функционирования. Фактически определение «зонд» — это просто обозначение имеющей место функциональной телепатии со специфическими видами познавательной способности, которые присутствуют у населения в целом и не отражаются ни на силе, ни на надежности телепатических возможностей.

Поскольку у зондов есть развитые способности к абстрактной визуализации, они способны отправлять и принимать мысли в «чистом» виде, без необходимости вербальной или метафорической рамки. Эта способность делает их особенно подходящими для анализа эманаций глубоких участков мозга, а также коммуникации с видами не-людей. Ходят слухи, что Институт использует зондов для своих программ психологической обработки, когда контролирующие модели вплетаются в ткань сознания экстрасенса, вместе с краткосрочными и долгосрочными спусковыми механизмами. Именно из-за репутации — способности к такой работе — население особенно не доверяет зондам, и хотя телепатов и экстрасенсов часто нанимают для выполнения

определенных заданий агентства со стороны, на зондов обычно смотрят подозрительно и не желают видеть за пределами Института.

Как и другие высшие ранги Института, статус зонда дается только тем, чьи работы соответствует строгим критериям надежности. Существует также несколько более низких градаций, которые включают тот же набор познавательных способностей, но уступают в силе и надежности.

Уединение — практика, благодаря которой чистокровным браксанам гарантируется отцовство их отпрыска. Женщину изолируют от всех остальных источников человеческой спермы, пока оплодотворение не подтверждено. Практика Уединения была неизвестна племени браксана на раннем этапе развития и стала использоваться только после Шлесора, когда вопросы наследственности и племенной фертильности заняли центральное место. Хотя современная технология способна подтвердить отцовство, такая практика считается неприемлемой для браксан, которые постоянно демонстрируют нежелание подвергать какую-либо часть репродуктивного процесса научному «вмешательству».

Истинное Имя — первое даваемое представителю племени браксана имя, которое сохраняется в тайне на протяжении жизни. Традиция восходит к первобытному поверью, что произнести имя человека означает приобрести власть над его душой, и поэтому среди врагов безопаснее использовать вымышленное имя. Хотя браксаны больше не верят в шаманов, которые могут использовать Имя против них, они сохраняют этот обычай как племенную традицию и рассматривают истинное Имя как подтверждение принадлежности к племени браксана.

Некоторые историки рассматривают традиции Называния у браксанов как доказательство того, что племя когда-то практиковало более активную связь с духами. Ученые указывают на сложное официальное объявление «публичного имени» ребенка как на попытку убедить демонов, призраков и других сверхъестественных существ, что ложное имя — это истинное Имя. Врагам-людям подобное представление не требуется, говорят историки, потому что они уже знают о традиции и знают, что публичное имя — вымышленное. Такие теории не нравятся современным браксанам, и большая часть научных работ по этому предмету вынужденно публиковались за пределами Холдинга.

Силой, присущей истинному Имени, редко делятся с кем-то еще, а когда Имя все-таки называют, это служит мощным связующим звеном между двумя личностями. В эпосе Сузата «Сказания о войне», написанном в шестом веке Д.К., говорится о таком обмене истинными Именами, имевшим место между воинами, которые вместе смотрели в лицо смерти, или когда один спас другому жизнь. В безопасности современного браксанского общества такие ситуации возникают редко, но истинное Имя проявляет себя в отношениях между полами, и обмен Именами между мужчиной и женщиной считается почти священным ритуалом.

Исход — эмиграция с Зеймура на Азею. По оценкам ученых, почти миллион человек совершил путешествие, которое заняло половину стандартного года.

Исходный Мир — планета, на которой человеческая жизнь развилась независимо, а не была занесена на нее во времена Посева. Хотя ни один мир не был достоверно определен как Исходный, некоторые из них рассматриваются как возможные благодаря своим археологическим данным и/или месту, занимаемому в Графике Прогресса.

Кайм'эра — изначально титул правителя Бракси, в более поздние периоды — титул браксана в правящей олигархии планеты. Происходит от слов «кайм'рас» (правление, лидерство) и «тиера» (качества, отличительные черты отдельного человека).

Кайрт — ритуальная вендетта браксаны. Название происходит от слов «кко» (личный или частный) и «сайрт» (война) и обозначает личную вендетту, преобладающую над всем остальным в жизни обеих сторон.

Браксана глубоко уважают и чтут искусство ведения войны и смотрят на истинный кайрт как на военную кампанию в миниатюре. Точно так же, как войска должны готовить себя к встрече с врагом, кайрт-вса, или «уважаемый партнер в частной войне», должен полностью сосредоточиться на приобретении навыков и знаний, необходимых для поражения противника. Чем больше человек посвящает себя борьбе, тем более достоин он будет победы в конце концов. Поскольку предполагается, что оппонент делает то же самое, кайрт в такой же мере является

совершенствованием двух противоборствующих сторон, как и вопросом, кто в чем победил.

Кайрт активно фигурировал в фольклоре ранних браксанов и литературе более поздних поколений. Хотя прошло много веков с тех пор, как объявлялся истинный кайрт, образ человека, которого побуждает к самосовершенствованию всепоглощающая страсть к победе над врагом, остается популярным на Бракси. Сдерживаемая страсть несовершенного кайрта вдохновила на создание многих произведений искусства, часто с мощным сексуальным подтекстом. Поэт Белтас написал в 1243 году П.К., что «когда жажда схватки соединяется с сексуальным желанием, то становится высшим выражением человеческой страсти».

Кинжал Мира — инструмент, разработанный людьми для быстрой ампутации конечностей. Кинжал Мира носят все азеанские офицеры, а также другие лица, занимающие высокое положение в Звездной Империи, которым угрожает смерть. Лезвие представляет собой микросиловое поле, которое срабатывает, если разрезать кинжалом ткань, и позволяет быстро отсечь любую конечность, зараженную Черной Смертью.

Название кинжала происходит от правил, регламентирующих его использование. Оружие никогда не используется для каких-то иных целей за исключением той, для которой предназначено. Эти ограничения позволяют военным брать Кинжалы Мира на дипломатические совещания, где запрещено другое, обычное оружие. Таким образом было пресечено несколько покушений, и хотя некоторые виды не-людей недовольны, что их азеанские коллеги вооружены, когда другие оставляют свое оружие при входе, они понимают необходимость употребления таких кинжалов и поэтому официально не возражают против традиции.

Кольца — записывающее устройство, обычное среди браксанов, которое иногда носят как драгоценность на руке. Когда их надевают поверх перчаток, кольца обычно не украшают, и они становятся притягательными лишь благодаря тексту, который на них записан. Когда их носят под перчатками, такие кольца считаются исключительно важными в «тайном» одеянии. Тонкие кольца с эротической поэзией, записанной на них, считаются самыми интимными подарками, которые могут дарить друг другу представители разных полов.

Коммуникант — вторая высшая категория экстрасенсорного функционирования, человек, способный принимать мысли не-экстрасенсов и в ответ передавать им свои с почти идеальным пониманием и надежностью. Как и в случае с рангом телепата, есть различные градации, которые отражают различные степени силы и контроля. Истинный коммуникант способен соединить вместе несколько разумов, а также подключать силу коллег для увеличения собственного радиуса действия и чувствительности.

Коммуниканты редко бывают способны на сложные связи с не-людьми, хотя одаренные абстрактной визуализацией имеют естественное преимущество в этой области.

Кровопускатели — гладиаторы, занимающиеся кровавым спортом хьярке на Дари. Они получили свою кличку не из-за кровожадности самого поединка, а благодаря традиции пить кровь противника после ритуального убийства. Эта традиция несет в себе духовный элемент и восходит к военным жертвоприношениям эры Дуары, когда победители приносили в жертву и съедали самых смелых воинов побежденной нации.

Ллорну — основная планета Института Усовершенствования Экстрасенсорной Эволюции. Название иногда используется для краткого обозначения самого Института.

Лугаст — многие считают его Исходным Миром человечества. Лугаст — первый из контролируемых людьми миров, осуществивший межзвездный полет. Лугаст располагается в сердце созвездия Белратис, поблизости от других населенных людьми миров, что позволило ему быстро основать то, что станет первой из межзвездных наций, то есть Союз Планет. Расширению Лугаста никто не бросал вызова до возвышения Бракси. Хотя война между двумя нациями никогда официально не объявлялась, серия набегов и приграничных вылазок, инициированных Холдингом, заставили Союз остановить экспансию в том направлении. Возвышение Азен вскоре после этого события заставило Лугаст взглянуть на возможность ведения войны на два фронта: одну — против врага, который отвергал все дипломатические попытки установить мир, и другую — против энергичной молодой империи, которая располагалась в радиусе атаки по самому надежному внутреннему пространству лугастинских владений.

В 1031 году после Исхода Лугаст подписал договор с Азеей, который обеспечил совместные военные действия вдоль границ с другими мирами. К 1187 году стало ясно, что таких мер недостаточно для сдерживания Бракси, и две нации объединились под знаменем Звездной Империи, чтобы консолидировать усилия.

Лугаст остается важной политической фигурой в Звездной Империи и часто контролирует Палату Людей — если даже его представитель и не стоит во главе Палаты, то пользуется большим влиянием.

Люди — разумные существа, считающиеся потомками людей из Исходного Мира, которые не более чем на восемнадцать процентов отличаются от среднего генетического образца и способны скрещиваться с другими людьми для производства жизнеспособного потомства. Термин также используется в просторечном варианте, обозначая тех, кто относится к «человеческому обществу», хотя в таком варианте отвергается некоторыми расами, которые считают необходимой четкую характеристику вида.

Поскольку правительства как Звездной Империи, так и Холдинга разделяют виды людей и не-людей для бюрократических целей, вопрос человеческого статуса является предметом бесконечных дебатов. Требование доказать происхождение из Исходного Мира официально отменили в 897 году после Года Исхода, когда было продемонстрировано, как несколько человеческих миров преднамеренно фальсифицировало свои археологические данные, чтобы дистанцировать себя от существующей политической структуры мира людей.

Моногамия — искусственный человеческий инстинкт. Моногамия была введена в азеанский генный банк в третьем веке после Основания. Базируясь на прецеденте различных видов, которые находят партнеров на всю жизнь, моногамия имела целью обеспечить стабильные и длительные гетеросексуальные отношения между взрослым населением Азеи. Поскольку было невозможно гарантировать, что все подобные пары будет идеально совместимыми, в последующие столетия ученые приложили много усилий, точно настраивая половые инстинкты азеанцев таким образом, чтобы эти инстинкты скорее поддерживали, а не догматизировали моногамию. Критики заявляют, что результатом стало неестественное торможение человеческого сексуального опыта, но азеанцы удовлетворены, что уникальная

стабильность такого разделения на пары обеспечивает атмосферу доверия, которая более чем компенсирует отсутствие внешней стимуляции.

Наследование — обряд перехода юноши в разряд мужчин у племени браксана, после которого молодой человек может владеть собственностью и основать Дом на свое имя. Требования для наследования, устанавливаемые отцом юноши, изначально включали такие специфические воинские подвиги, как захват или убийство врага, кража ценных артефактов у соседних племен или похищение важных лиц (предпочтительно хорошо охраняемых) у других народов.

Обряд все еще требуется проводить, поскольку по браксанскому праву мужчины не могут владеть собственностью на свое имя, пока не доказали своим отцам, что являются достойными. Ныне проверка чаще бывает политической, а не воинской, и может включать манипуляции со счетами Дома или оказание политического давления для достижения какой-то хитрой и часто секретной цели, о которой знают только отец и сын. Когда требуются публичные воинские подвиги, молодые люди могут выбрать службу во флоте Холдинга, где ранг позволяет им занимать командное положение.

Женщины племени браксана в племенной период могли выбрать простое испытание, хотя от них этого не требовалось, а триумфальное возвращение женщины-воина с пленными или трофеями служило поводом для праздника. Поскольку владение женщин собственностью всегда являлось более сложным вопросом, чем в случае мужчин (см. *Символический доминант*), оно никогда не было прямо связано с испытанием, но женщины, которые таким образом показали свои умения и храбрость на поле брани, гарантированно получали самых желанных мужчин и поддержку племени, что распространялась и на их потомков.

Обоснованные причины — причины, которые принимаются как оправдание для женщины в случае отказа мужчине в половом акте. Большинство их происходит из племенной практики браксаны и фокусируется на репродуктивном цикле женщины: менструация, беременность, а также время до первой менструации и после климакса считаются обоснованными причинами для отказа. Также учитывается состояние здоровья — специально подготовлен список болезней. Кроме того, может подойти любая

обязанность, связанная с работой, если связь с мужчиной вызовет потерю необходимого для выполнения обязанностей времени.

Категория обоснованных причин, не происходящая из племенной практики, — это Владение. По браксинскому праву любая женщина, которая отдала свою сексуальную независимость одному мужчине, ничем не обязана другим. Это фактически находится в противоречии с лежащей в основе племенной традицией, когда для воинов считалось желательным дать потомство всем женщинам племени, таким образом усиливая *бити* как самой женщины, так и детей, которых она родит от других партнеров в будущем. Считается, что изначальной целью «положения о Владении» являлась стимуляция установления долгосрочного партнерства между мужчинами и женщинами. Если так, то принятие подобных законов в то время, когда межполовые отношения оставались хаотичными, не принесло желаемых результатов. Большинство браксинских мужчин и женщин ведут изолированную жизнь, и партнерства, которые считаются Владением среди низших классов, возникают только на время. Расширенные Дома представителей высшего света могут легко претендовать на Владение теми, кто к ним относится, вопрос не является таким значительным, и женщины, приходящие служить великому Дому, иногда торгуются, чтобы включить Владение в контракт.

Основание — заселение Азеи человеческими особями с Зеймура. Современные историки считают смертность первого поколения очень высокой, достигавшей девяноста двух процентов, что потребовало искусственных манипуляций с оставшимся генным банком для получения жизнеспособного населения.

Отсутствующие Боги — представители племени браксана верят, что какие бы боги ни отвечали за создание Вселенной, больше они ею не интересуются и не участвуют активно в поддержании в ней жизни. Браксаны считают это безусловным прогрессом и отмечают, что маловероятно разделение приоритетов человечества сущностями, живущими вечной жизнью и обладающими почти безграничной властью. Также маловероятно, что эти сущности будут особо заботиться о благополучии единичной формы жизни. По словам одного теолога, «нет ничего более опасного, чем утомленный и унылый бог». Сага о создании браксаны, записанная Давросом в третьем веке, служит

прекрасной иллюстрацией этого принципа — с ужасающими образами Тазхейна и Авра-Нима, которые гнали армии людей на кровопролитие просто ради собственного развлечения.

Браксаны с презрением смотрят на любую культуру, которая поддерживает веру в действующие и благосклонные к людям божества, из-за эмоциональной зависимости и философской недальновидности, а фраза: «Пусть его благословит действующее божество!» считается в лексиконе браксанов самым презрительным оскорблением.

Первый класс — самый престижный из шести официальных кругов, на которые подразделяется браксинское общество. Первый класс включает всех чистокровных браксанов и браксанов-полукровок, а также детей браксанов-полукровок, которые служат в Домах браксанов. Последние определяются только по материнской линии (хотя было предпринято несколько политических попыток ввести основанный на ДНК стандарт, который позволил бы включить и наследование по отцовской линии).

П. К. — После Коронации Харкура. Харкурианский календарь был принят через семьдесят шесть лет после смерти Харкура, чтобы почтить человека, который объединил Бракси и обеспечил планете межзвездную значимость. Историки отмечают, что именно правительство браксанов решило ввести новый календарь, и решило сделать это для утихомиривания неравных племенных фракций в эпоху, когда собственная власть браксанов еще была неустойчивой.

Посев — просторечное название этапа межзвездного прошлого, во время которого человеческий материал, а также несколько других видов были перевезены на большое количество планет и оставлены там обосновываться без последующей помощи и вмешательства. По оценкам ученых Посев происходил на протяжении пятидесяти тысяч лет, хотя ученые признают, что цифра выведена посредством изучения ближайшего космического пространства, а будущие исследования могут значительно ее увеличить. Точная цель Посева неизвестна, также нет четких свидетельств того, какой именно вид его предпринял.

Ученые Лугаста вначале предположили возможность такого события в очень ранний период — 178 год периода Союза, когда исследования впервые показали, что люди с разных планет, вхо-

дящих в Союз, достаточно похожи по структуре ДНК, чтобы производить на свет фертильных потомков. Эти результаты противоречили изучению других видов, когда ученые показали, что даже если параллельная эволюция производила виды, неразличимые внешне и/или по поведенческим инстинктам, все еще отмечалось достаточно сильное различие в ДНК, не позволяющее им скрещиваться.

Известно пять видов, которые были трансплантированы в такой манере, хотя ученые признают, что могут оставаться еще многие неоткрытые виды. Также известно, что только люди смогли освоить технологию, необходимую для межзвездных полетов (см. График Прогресса; Разбросанные Расы; Разбросанные Виды). Многие ученые-люди рассматривают это превосходство человеческой трансплантации как доказательство того, что предпринявшие Посев сами были людьми, и предполагают, что они хотели изучить последствия влияния разнообразной окружающей среды на эволюцию собственного вида. Если это так, то Исходный Мир человечества все еще не познан до конца, и самая древняя человеческая цивилизация в известном космическом пространстве является не более чем первым этапом огромного эксперимента, конец которого еще предстоит осознать (см. График Прогресса).

Предатель — см. *Тазхейн*.

Публичное имя — у браксанов — имя, под которым обычно известен человек, выбирается родителем того же пола. Традиционно называние ребенка публичным именем сопровождается большим торжеством и/или политическим неофициальным заявлением (о возможных источниках возникновения этой традиции см. Истинное Имя).

Пустота — браксинский термин для «открытого космоса», если быть более точными — космос между звездными системами. Пустота означает не отсутствие материи или энергии, а отсутствие сознания. Термин восходит к вере многих племен в то, что Вселенная изначально являлась огромным хранилищем сознания. Каждый бог, рожденный во время Создания, получал жизнь из этого хранилища, пока наконец не осталась лишь ничего не чувствующая тьма.

Периодически в Холдинге появляются культы, основанные на заявлениях о пребывании в контакте с каким-то оставшимся

фрагментом изначального Сознания. Хотя браксаны ненавидят действия против любого такого движения, опасаясь создать мучеников, известно, что они очень внимательно следят за подобными группами и будут действовать, если возникает необходимость предотвращения, чтобы такие религиозные культы завоевали прочное место в браксинском обществе.

Разбросанные Виды — виды, которые были пересажены в чуждые миры во время Посева, где выжили и обосновались как конкурирующий с аборигенами вид. Из пяти известных Посеянных Видов только человек развил межзвездную технологию. В отличие от него, трансплантированный вид китов развил сложные цивилизации, лишённые технологий, на нескольких дюжинах планет, также известны два базирующихся на суше подвида. Другие трансплантированные виды ничем себя не проявили, если не считать самого факта выживания. Ученые выдвинули теорию, что изначально они могли быть выбраны как потенциально разумные, но оказались недостаточно гибкими для адаптации после травмы, чтобы превзойти местных соперников.

Возможно, во время Посева пересадили более, чем пять видов, но оставшиеся не были идентифицированы. Популяции, которые не смогли обосноваться, не оставили после себя вообще никаких доказательств или слишком малое их количество и были быстро включены в местные археологические данные.

Разбросанные Расы — человеческие популяции, которые, как считается, происходят из единого генетического источника, разбросанные по известному космическому пространству в прошлом, во время так называемого Посева. Человек пока является самым преспевающим видом из них, и считается, что он выжил на семидесяти восьми процентах заселённых планет.

Речевые Режимы — см. *Браксанский диалект*.

Символический доминант — среди браксанов — мужчина, который служит личным помощником владелицы Дома и представляет Дом в ситуациях, когда женщина не может этого сделать. Поскольку браксинское право не позволяет женщине прямо отдавать приказ мужчинам, символическое мужское доминирование требуется в любой ситуации, где следует командовать мужчинами или где должны проводиться переговоры.

Смерть по Прихоти — право кайм'эра убивать любого простолюдина в любое время без необходимости объявлять причину. Определение «простолюдин» несколько туманно, и произошло несколько неприятных политических инцидентов из-за использования Смерти по Прихоти, чтоб убрать слуг соперника или связанных из низших классов. Хотя нет законов, запрещающих политическое применение Смерти по Прихоти, в целом признается, что это может побудить всех родственников по крови на смертельную вражду. По этой причине большинство кайм'эра ограничивают свои убийства лишь теми простолюдинами, которые оскорбляют их лично.

Совет Правосудия — создан в 3571 году после Исхода, чтобы следить за вопросами расового определения и преданности среди азеанцев. Основание Совета последовало за почти сотней лет жестоких споров по поводу того, стоит ли азеанцам иметь еще одну ветвь власти, которая подчинялась бы только им; он был создан только после предательства Зана эр Тилосы, которое стоило Империи нескольких заселенных планет и более миллиона жизней.

Поддерживавшие его создание говорили, что поскольку искусственное генетическое проектирование азеанского характера является оправданием превосходства расы в военных вопросах, желательно иметь группу офицеров, специалистов не только в поведении этой расы, но и в ее генетических основах. Совет состоит из дюжины членов, из которых обычно треть — ученые-генетики. У него есть полномочия объявить вне закона любые генетические изменения, которые влияют на стабильность азеанского народа в целом, и принимать решения по редким случаям появления детей смешанной крови.

Социальные Кодексы — традиции, происходящие от племенных традиций браксанов, некоторые из которых с тех пор стали браксинскими законами. Социальные Кодексы изначально являлись воинской этикой, предназначенной для содействия в укреплении личной силы, а также избавлении от слабости как отдельного человека, так и племени в целом.

Социальные Кодексы браксанов более всего известны тем, что женщинам в браксинском обществе отводится подчиненная роль. В них также регулируется сексуальная доступность женщин во многих ситуациях (см. *Обоснованная причина*). Любопытно, что эта печально известная традиция изначально не являлась специфической для женского пола. Среди древних брак-

санов не считалось странным для женщины взять в руки оружие, а те, что сражались рядом с мужчинами, имели равное право на «кханит сар», или военные трофеи. Возвращаясь домой после сражений, как мужчины, так и женщины имели право на тех партнеров из своего племени, которых выбирали сами, поскольку нужды воина считались более важными, чем любое другое социальное ограничение или договор. Это не только гарантировало свободный поток сексуальной энергии — что браксаны считали необходимым для здоровья *бити*, — но давало воинам возможность распространить свое семя, таким образом гарантируя силу и безжалостность народа в целом.

Многие историки считают, что браксана ввели эту практику для всего браксинского общества и сделали законом на всей территории как «взятку» мужчинам Холдинга, чтобы получить их поддержку. Другие указывают, что отношения среди браксанских мужчин и женщин были уникальными, и закон стал тягостным и деспотическим только после его перенесения из нужной культурной среды. Браксанский философ Дурат много писал о традиции в 897 году П.К., высмеивая тот факт, что закон, которому следовало побуждать мужчин и женщин к созданию стабильных семей, вместо этого стал оправданием изоляционизма.

Стандарт — система, связанная с планетой Зеймур. Единицы измерения времени, такие, как стандартный год, приняты Звездной Империей в 837 году после Исхода для обеспечения календарной системы, которая не станет отдавать предпочтения никакой отдельной планете. Хотя культуры не-людей внутри Империи периодически протестуют против «человеческого обоснования» системы, система стандартов измерения времени функционирует по всей Империи как нейтральное обоснование связи между видами.

Тазхейн — «бог-предатель» в браксинском пантеоне. Тазхейн фигурировал в разных племенах под различными именами, обычно как менее важный бог или демон. Уничтожение им Создателя служило удобным объяснением, почему доброжелательные и благосклонные боги не занимаются людскими делами. Историки отмечают, что многое в «почитании» Тазхейна не имело целью привлечь благосклонность и внимание предательского божества, скорее — отпугнуть, чтоб держалось подальше.

Точно неизвестно, когда браксана впервые заявили о происхождении, отдельном ото всех остальных браксинцев, и назвали

Тазхейна своим создателем, но миф агрессивно внедрялся Витонном Безжалостным как часть более важного политического плана отделения браксанов от других племен. Под влиянием браксанов Тазхейн в конце концов стал доминировать в меньших пантеонах других племен, а Создателю осталась в человеческой истории роль бога, имевшего благие цели, но в целом потерпевшего фиаско.

Транскультуралист (азеанское понятие) — переводчик, который специализируется в выражении основных философских концепций одной культуры на языке другой. Такой передачи иногда требуют концепции, которые не имеют прямого перевода, что осложняется тонкими оттенками значения в языке и традиции, которого простые переводческие программы обеспечить не могут.

Лучшими транскультуралистами являются те, кто воспитывался в обеих культурах, и такие люди очень нужны по всей Империи как для дипломатических, так и для торговых переговоров. Редкие специалисты работают с культурами, которые обычно не пересекаются, чьи философии основываются на несовместимых ценностях и — наиболее редко — на переговорах людей с не-людьми. У экстрасенсов есть естественное преимущество в транскультуралистике, но лишь во время «живых» форумов, когда лично присутствуют представители обеих культур.

Т'санкар — вирус, появившийся на Бракси, распространившийся по межзвездной общине на все известные планеты, заселенные людьми. Хотя т'санкар обычно не дает серьезных последствий, вирус может мутировать, что время от времени приводит к мощным и калечащим штаммам. Попытки взять вирус под контроль и обеспечить превентивное лечение оказались успешными у человеческого населения в целом, а слабые мутации т'санкара были помечены Вирусологическим Центром Монтесекви как класс IV, они редко приводят к летальному исходу.

Главные мутации т'санкара являются причиной для серьезного беспокойства, и Центр Монтесекви внимательно следит за потенциально угрожающими штаммами. Эти мутации появляются примерно один раз в столетие и славятся тем, что приносят наибольший урон браксанам, многие из которых изолируют себя и своих близких во время эпидемии. Нарушение нормальных политических процессов во время так называемой Чумы обеспечивает редкую возможность для азеанской военной агрессии. Говорят, что вирусологи внутри Звездной Империи очень внимательно следят

за т'санкаром, точно так же, как их коллеги в Холдинге, надеясь предвидеть следующий период браксинской уязвимости.

Условный Мир — временное прекращение огня между Азе-ей и Бракси с четко определенными космическими и временными границами. Условный мир чаще всего устанавливается для эвакуации колоний, которые лежат на пути растущей Войны, или для спасения ценных ресурсов, на которые вот-вот сможет претендовать противник. Поскольку на условный мир должны согласиться обе стороны, он чаще всего заключается, когда на линии огня оказывается новая территория, и у обеих сторон находятся люди и мощности, которые они хотят сохранить.

Тот факт, что в основе условного мира лежит *условие* — конкретный набор целей, от которых выиграют обе стороны, — делает его одним из нескольких форм мирного договора, который скорее всего будет чтить Бракси. Поэтому в некоторых регионах он стал предпочитаемой формой переговоров и привел к тому, что хулители и критики (по большей части не-люди) с презрением комментируют практику «покупки мира».

Функциональный телепат — самый высший из пятнадцати рангов, разработанных Институтом Усовершенствования Экстрасенсорной Эволюции. Статус функционального телепата присуждается только тем, кто способен по желанию отправлять и принимать мысли, причем с постоянной точностью. От функционального телепата требуется освоение всех дисциплин, а также умение способствовать ментальной коммуникации неэкстрасенсов. Следует отметить, что многие экстрасенсы могут достигнуть связи на телепатическом уровне, не выполняя всех требований, идеально или постоянно, и Институт также признает три менее важных ранга телепатии.

Институт заявляет, что основная цель его работы — выделить генетические коды, необходимые для того, чтобы функциональная телепатия стала доступной всем людям. Однако серия исследований, проведенных в 87 году, предполагает, что несколько вовлеченных в работу факторов связаны не с экстрасенсорным кодированием, а с личностными чертами, которые являются частью Комплекса Селинга. Их нельзя изменить, не подвергая риску гораздо большие части ментальной обработки информации. Бывший директор Калду эр Ташенин говорил, что так называемая условная телепатия, может быть, все еще возможна для осталь-

ных людей, но менее оптимистичные ученые утверждают, что статус коммуниканта — лучшее, что может быть предложено человеческой расе в целом.

Хаша — первый человек, девочка, родившаяся на азеанской земле. Происхождение ее окутано тайной. Ранние документы намекают на то, что ее мать не была среди людей во время Основания, но не дают объяснений по поводу ее более позднего появления. Пока историки ищут какие-то намеки на безымянный корабль, участвовавший в Исходе, теологи предпочитают ту точку зрения, что обширные жизненные силы умирающей планеты, сфокусированные отчаянными надеждами выживших, породили настоящее чудо, и ребенок обязан жизнью в той же мере планете Азеа, как и предкам-людям.

Каким бы ни было ее происхождение, рождение Хаши рассматривалось в то время как знак божественного одобрения Исхода и Основания, как необходимый символ надежды для людей, собирающихся колонизировать биологически враждебную планету. Появились мифы, окружавшие ее рождение, которые дают Хаше почти божественный статус, и ссылки на «Первенца» появляются в азеанской литературе как обращения к сверхъестественной покровительнице, во многом напоминая обращения к менее важным богам и пророкам у других народов.

К имени первенца добавили приставку «лиу», и эта традиция сохраняется, чтобы увековечить память о первом ребенке на Азее. Считается, что «лиу» означает «рождение» на том языке, на котором говорили Основатели.

Харкур Великий — легендарный единовластный правитель Бракси. Харкуру Великому ставится в заслугу объединение ста семнадцати Главных Племен под одним международным правительством и создание Холдинга как главной межзвездной силы.

Харкур был из племени хиринари. Он дополнил свое официальное образование путешествиями в дальние уголки Бракси, включая племенные территории, обычно недоступные для чужих. Хотя записи о его путешествиях неполно отражают все увиденное им, современные ученые считают, что он мог посещать Кровавые Степи, и некоторые верят, что он стал свидетелем обычаев племени браксана, что они обычно скрывают от глаз чужестранцев.

Мечтой Харкура была Бракси, по-настоящему объединенная для достижения единой цели, отличная от конгломерации вою-

ющих племен. На трон Харкур Великий взошел в возрасте сорока лет. Через несколько жентов после коронации он начал то, что станет делом его жизни, — направил агрессию браксинцев против звезд. Серия быстрых разрушительных набегов на лугастинские владения обеспечила ему поддержку браксинских средств массовой информации, а прибыли от корпоративных усилий в межзвездной войне вскоре привлекли на его сторону даже самые воинственные племена.

Манипуляции браксанами являются или величайшим достижением Харкура, или величайшим преступлением, в зависимости от точки зрения. Несомненно, он расчистил дорогу для доминирования браксанов в Холдинге, поскольку верил, что это — единственный способ держать Бракси в единстве. Пошло ли это объединение в конечном итоге на пользу Бракси или цена правления браксанов была неоправданно высокой — вопрос, горячо обсуждаемый в научных журналах за пределами Холдинга.

Холдинг — полное и правильное название территории, на которой правит Бракси, звучит следующим образом: Бисалоанский Холдинг под Бракси/Алдоусом. Некоторые историки считают, что название это — пережиток поклонения солнцу ранних племен и прослеживают название Бисалос от Бинесаала, бога солнца, известного в северном полушарии.

Говорят, что назвав межзвездную империю в честь солнца, которое делят две планеты, — и, возможно, от бога, которому поклоняются многие — Харкур Великий надеялся подчеркнуть единство Холдинга, а не способствовать соперничеству между различными племенами и фракциями, включенными в Холдинг.

Хьярке — вид гладиаторского искусства, возникшего на Дари. Хьярке включает смертельный поединок между двумя участниками, которые используют оружие с двумя лезвиями, специально придуманное для ритуальных поединков (см. Ада). В хьярке присутствует активный духовный элемент — победитель пьет кровь поверженного противника, чтоб поглотить его жизненную силу. Этот духовный подтекст является основанием для исключения представителей других Разбросанных Рас из числа участников, поскольку иноземцы считаются недостойными поглощать дарианскую суть.

Хьярке — глобальный спорт на Дари, с миллиардами болельщиков. Хотя обычно такое количество болельщиков дает право

включения в Панзвездные Игры, Совет Человеческих Видов Спорта повторно исключил его из гладиаторской программы, указывая, что элемент гарантированной гибели противоречит философии Игр. Этот шаг рассматривается как расистский многими ассоциациями болельщиков Дари и используется как платформа для антизеанских кампаний в многочисленных политических контекстах. Предложение Совета включить хьярке в программу Игр, если участники примут Крауланский Гладиаторский Стандарт — дать победителю выбор сохранить жизнь особенно достойному противнику — было встречено с презрением как в профессиональных кругах, так и среди болельщиков, а фраза «умный, как Спортивный Совет» вошла в дарианский язык, обозначая того, кто настойчиво делает предложения, обреченные на провал.

Центральная Компьютерная Система (ЦКС) — система хранения и обработки централизованных данных Холдинга, одна из самых сложных систем такого типа из когда-либо созданных. ЦКС функционирует как центр анализа и синтеза всей информации в Холдинге, как статической, так и динамической, и включает вспомогательные системы индексирования, точно настроенные на нужды разнообразных видов. Каждому гражданину Холдинга гарантируется свободный доступ к системе, и говорят, что некоторые нации надели на себя ярмо Холдинга только для того, чтобы стать ее частью. Нельзя не согласиться с тем, что эффективность ЦКС стала главным фактором в способности планеты Бракси быстро впитывать чужие культуры и эффективно ими управлять. Ходят слухи, что поддерживающие мощности системы так хорошо спланированы, что если элементы, обеспечивающие поиск данных ЦКС, будут повреждены, пройдет всего несколько часов до того, как девяносто пять процентов системы опять заработает, а полное восстановление произойдет вскоре после этого. Специалисты по коммуникациям Звездной Империи отмечают, что это вполне может быть только пропагандой, и поломка такой системы даже на день обеспечит доступ к ценной информации для политических противников и планет, с которыми Холдинг воюет.

Цитадель кайм'эра — сделанный людьми спутник, движущийся по орбите вокруг Бракси, на котором находится большой зал собраний кайм'эрата и главные банки данных Центральной Компьютерной Системы.

Черная Смерть — буквально переводится с браксинского как «выжидательная смерть» или «ненасытная смерть». Черная Смерть — один из самых смертоносных и устрашающих организмов в мирах людей. Происходит от формы жизни, изначально обнаруженной на Эккосе IV. У яда есть инертная фаза, во время которой он попадает в тело жертвы и пускает корни во внутренних тканях, и активная фаза, во время которой Черная Смерть потребляет энергию жертвы, причем развивается невероятно быстро.

В своей естественной форме Черная Смерть виновна в истреблении нескольких человеческих колоний. Ее родной мир был подвергнут биологической чистке жератом в 1972 году П.К., чтобы она не попала в другие части Холдинга. Некоторые мутации смертоносных организмов специально выращивались под контролем ученых, и в своем воспроизведении зависят от человеческой науки. Способные к размножению образцы тщательно охраняются.

Чаще всего встречающаяся мутация становится активной через десять-сорок дней после того, как попадает в тело жертвы. Реже встречается так называемая «рассчитанная доза», которая специально выращивается, чтобы подходить организму отдельной жертвы, позволяя контролировать график активации. Никакого противоядия к Черной Смерти не известно, и в ста процентах случаев она является фатальной для органических носителей. Единственная надежда для жертвы — удалить пораженную конечность до того, как активированная Смерть распространится (см. *Кинжал Мира*). Всем, кроме браксанов, держать у себя яд запрещается, это считается тяжким преступлением, за которое полагается смертная казнь, и исследовательские мощности, адаптирующие мутации для военных целей, находятся под строгим правительственным контролем. Тем не менее ходят слухи, что на черном рынке временами торгуют Черной Смертью, и также время от времени появляются сплетни об использовании ослабленных штаммов Черной Смерти не только браксанами.

Чума — см. *Т'санкар*.

Шемар — буквально: слуга Ар. Слово используется для обозначения любой женщины, которая привлекает внимание Ар, манипулируя действиями мужчин. Традиция утверждает, что когда это происходит, Хаос начинает стирать рациональные основы Вселенной.

Шемар — отвергаемая народной культурой женщина, главное табу в браксинском обществе еще задолго до того, как это было возведено в закон. Результат табу наиболее очевиден в языке. От женщин требуется общаться таким образом, чтобы не отдавать мужчинам даже малейшего приказа, и в результате появилось то, что называется «женским диалектом». (Это отмечается как явление, свойственное низшим классам, поскольку речевые режимы высших классов предлагают средства для окрашивания любого заявления смягчающими обертонами, которые означают «Я только лишь предлагаю»). В то время как низшие классы питают отвращение к шемар во всех проявлениях, среди высших классов известно об их извращенной сексуальной привлекательности. Браксана заявляют, что это остаточные явления их воинской традиции, которая награждала женщин за превосходство над мужчинами других племен в войне, но психологи за пределами Холдинга предполагают, что истинная причина связана с абсолютной властью Бледнолицых и извращенной привлекательностью «запретных» удовольствий.

Шлесор — селекционная программа браксанов, которая, как считают, проводилась на протяжении нескольких столетий. Шлесор являлся только одной гранью усилий браксаны отделить себя от других племен в соответствии с советом Харкура Великого:

«Если браксана или какое-либо другое племя попытается править Бракси на протяжении длительного периода времени, то им придется дистанцироваться от всех других браксинцев. Им придется создать образ, отличный и чуждый для остальной браксинской культуры, чтобы ни одна другая группа не могла на него претендовать, и сделать это так, чтобы сам образ стал синонимом власти. Тогда и только тогда ни один человек не осмелится оспаривать у них власть».

Точные детали Шлесора неизвестны, за исключением того, что браксана посчитали ниже своего достоинства использование генетической технологии, предпочитая вместо нее более примитивную практику убийства новорожденных, чтобы отсечь нежелательные признаки из своего генного банка. Уже к третьему веку П.К. были отмечены изменения во внешности и поведении племени, и труды Джаноса в седьмом веке дают четкие ссылки на необычную силу, выносливость и красоту, которые в то время стали характерными для браксанов. Генетики отмечают, что пле-

мя было чрезвычайно хорошо подготовлено для осуществления подобной практики. Их традиции размножения уже позволяли отдавать предпочтение семени сильных воинов, а те, кого ограничивали в правах произведения на свет потомства, все еще могли гордиться передачей бити следующему поколению. Однако чтобы взять за основу примитивные методы, браксанам пришлось заплатить свою цену, и к шестому веку возникли сплетни, что повторное близкородственное скрещивание ослабило племя, хотя это и незаметно. К девятому веку было отмечено, что популяция браксанов уменьшается количественно, и считается, что от Шлесора официально отказались к началу нового тысячелетия. Повторные попытки генетиков добиться содействия браксанов в анализе таких изменений закончились тем, что у племени сформировалось негативное отношение к генетике, и враждебность эта остается сильной по сей день.

Экстрасенс — на языке Института — любое разумное существо, способное принимать мысли или чувства другого либо передавать собственные другому субъекту без использования каких-либо приборов. Экстрасенсорная способность варьируется от простой эмпатии (наиболее часто встречающейся) до полного набора навыков, освоенных функциональным телепатом.

В то время как общая чувствительность не является чем-либо необычным среди людей, большинство находит, что эту силу нельзя ни предсказать, ни контролировать. Институт посвятил столетия усовершенствованию техники, которая могла бы подвести под сознательный контроль экстрасенсорную чувствительность. Среди их собственных рангов титул «экстрасенс» дается только тем, кто достиг измеряемого контроля над собственной силой.

Большинство экстрасенсов попадают в четыре главные категории. Экстрасенсы-эмпаты принимают сильные эмоции других. Экстрасенсы-рецепторы могут принимать и интерпретировать более сложные мысленные образы. Экстрасенсы-собеседники могут передавать собственные мысли и/или эмоции другим. Экстрасенсы-связные способны инициировать двухсторонний обмен, хотя без точности и контроля, требуемых для настоящего коммуниканта.

Ходят слухи, что есть и другие категории, обладающие более агрессивными способностями, но пока Институт отрицает все подобные утверждения.

Издательская группа АСТ

Издательская группа АСТ, включающая в себя около **50 издательств** и редакционно-издательских объединений, предлагает вашему вниманию **более 20 000 названий книг** самых разных видов и жанров.

Мы выпускаем классические произведения
и книги современных авторов.

В наших каталогах — интеллектуальная проза,
детективы, фантастика, любовные романы,
книги для детей и подростков, учебники, справочники,
энциклопедии, альбомы по искусству,
научно-познавательные и прикладные издания,
а также широкий выбор канцтоваров.

В числе наших авторов мировые знаменитости:

Сидни Шелдон, Стивен Кинг, Даниэла Стил, Джудит Макнот, Бертрис Смолл, Джоанна Линдсей, Сандра Браун, создатели российских бестселлеров Борис Акунин, братья Вайнеры, Андрей Воронин, Полина Дашкова, Сергей Лукьяненко, братья Стругацкие, Фридрих Незнанский, Виктор Суворов, Виктория Токарева, Эдуард Тополь, Владимир Шитов, Марина Юденич, Виктория Платова, Чингиз Абдуллаев; видные ученые деятели академик Мирзакарим Норбеков, психолог Александр Свияш, авторы книг из серии «Откровения ангелов-хранителей» Любовь Панова и Ренат Гарифзянов, а также любимые детские писатели Самуил Маршак, Сергей Михалков, Григорий Остер, Владимир Сутеев, Корней Чуковский.

Издательская группа АСТ

129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж

Справки по телефону:

(095) 215-01-01, факс 215-51-10

E-mail: astpub@aha.ru **http://**www.ast.ru

**Книги издательской группы АСТ вы сможете заказать
и получить по почте в любом уголке России. Пишите:**

107140, Москва, а/я 140

Звоните: (095) 744-29-17

ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

Книги издательской группы АСТ вы можете заказать и получить по почте в любом уголке России. Пишите:

107140, Москва, а/я 140

Звоните: (095) 744-29-17

ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

Вы также сможете приобрести книги группы АСТ по низким издательским ценам в наших фирменных магазинах:

Москва

- м. «Алексеевская», Звездный б-р, д. 21, стр. 1, тел. 232-19-05
- м. «Алтуфьево», Алтуфьевское шоссе, д. 86, к. 1
- м. «Варшавская», Чонгарский б-р, д. 18а, тел. 119-90-89
- м. «Крылатское», Осенний б-р, д. 18, к. 1
- м. «Кузьминки», Волгоградский пр., д. 132, тел. 172-18-97
- м. «Павелецкая», ул. Татарская, д. 14, тел. 959-20-95
- м. «Перово», ул. 2-я Владимирская, д. 52, тел. 306-18-91, 306-18-97
- м. «Пушкинская», «Маяковская», ул. Каретный ряд, д. 5/10, тел. 209-66-01, 299-65-84
- м. «Сокол», Ленинградский пр., д. 76, к. 1, Торговый комплекс «Метромаркет», 3-й этаж, тел. 781-40-76
- м. «Сокольники», ул. Стромынка, д. 14/1, тел. 268-14-55
- м. «Таганская», «Марксистская», Б. Факельный пер., д. 3, стр. 2, тел. 911-21-07
- м. «Царицыно», ул. Луганская, д. 7, к. 1, тел. 322-28-22
- Торговый комплекс «ХЛ», Дмитровское шоссе, д. 89, тел. 783-97-08
- Торговый комплекс «Крокус-Сити», 65—66-й км МКАД, тел. 942-94-25

Регионы

- г. Архангельск, 103-й квартал, ул. Садовая, д. 18, тел. (8182) 65-44-26
- г. Белгород, пр. Б. Хмельницкого, д. 132а, тел. (0722) 31-48-39
- г. Калининград, пл. Калинина, д. 17-21, тел. (0112) 44-10-95
- г. Краснодар, ул. Красная, д. 29, тел. (8612) 62-55-48
- г. Курск, ул. Ленина, д. 11, тел. (0712) 22-39-70
- г. Н. Новгород, пл. Горького, д. 1/16, тел. (8312) 33-79-80
- г. Новороссийск, сквер имени Чайковского, тел. (8612) 68-81-27
- г. Оренбург, ул. Туркестанская, д. 23, тел. (3532) 41-18-05
- г. Ростов-на-Дону, пр. Космонавтов, д. 15, тел. (88632) 35-99-00
- г. Рыбинск, ул. Ломоносова, д. 1 / Волжская наб., д. 107, тел. (0855) 52-47-26
- г. Рязань, ул. Почтовая, д. 62, тел. (0912) 20-55-81
- г. Самара, пр. Кирова, д. 301, тел. (8462) 56-49-92
- г. Смоленск, ул. Гагарина, д. 4, тел. (0812) 65-53-58
- г. Тула, пр. Ленина, д. 18, тел. (0872) 36-29-22
- г. Череповец, Советский пр., д. 88а, тел. (8202) 53-61-22

Издательская группа АСТ

**129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж
Справки по телефону: (095) 215-01-01, факс 215-51-10**

E-mail: astpub@aha.ru <http://www.ast.ru>

Исключительные права на публикацию книги
на русском языке принадлежат издательству АСТ.
Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Литературно-художественное издание

Фридман Селия С.
Рожденные в завоеваниях

Фантастический роман

Ответственные за выпуск *И. Петрушкин, А. Тишинин*

Ведущий редактор *В. Гончаров*

Редактор *М. Ковалева*

Художественный редактор *О. Адаскина*

Компьютерный дизайн: *А. Сергеев*

Компьютерная верстка: *А. Яблонская*

Корректоры *Е. Ливач, Э. Косова, Э. Байгильдеева*

Общероссийский классификатор продукции

ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Санитарно-эпидемиологическое заключение

№ 77.99.02.953.Д.000577.02.04 от 03.02.2004 г.

ООО «Издательство АСТ»

667000, Республика Тыва, г. Кызыл, ул. Кочетова, д. 28

Наши электронные адреса:

WWW.AST.RU E-mail: astpub@aha.ru

ОАО «ЛЮКС»

396200, Воронежская обл., п.г.т. Анна, ул. К. Маркса, д. 9

Отпечатано с готовых диапозитивов в типографии

ФГУП «Издательство «Самарский Дом печати».

443080, г. Самара, пр. К. Маркса, 201.

Качество печати соответствует качеству предоставленных диапозитивов.

Отдаленное будущее.

Галактика, расколотая противостоянием двух могущественных межпланетных держав, равных по силам — и бесконечно разных во всем остальном.

Республика Бракси ЖИВЕТ ВОЙНОЙ — и войну почитает единственно достойным решением любого конфликта.

Научно-олигархическая империя Азеа, искушенная в дипломатических интригах, предпочитает бить в спину — и всеми силами уходит от открытого конфликта...

Война кажется НЕИЗБЕЖНОЙ... но КТО остановит ее?!

«Рожденные в завоеваниях» — одна из масштабнейших «звездных саг» НАШЕГО ВРЕМЕНИ.

СЕЛИЯ С.
ФРИДМАН

РОЖДЕННЫЕ В ЗАВОЕВАНИЯХ

ISBN 5-17-028501-9

9 785170 285013